

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ II

Министерство на просветата и науката на Украйна

Харковски национален университет „В. Н. Каразин“

Център по българистика и балканистични изследвания
„Марин Дринов“

Българска академия на науките

Институт по история на БАН

Институт по балканистика на БАН

Комисия на историците Украйна — България

Община Панагюрище

ДРИНОВСКИ СБОРНИК

ТОМ II

Академично издателство „Проф. Марин Дринов“

Харков — София

2007

Міністерство освіти і науки України

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Центр болгаристики та балканських досліджень
ім. Марина Дринова

Болгарська академія наук

Інститут історії БАН

Інститут балканістики БАН

Комісія істориків Україна — Болгарія

Община Панагюрище

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК

ТОМ II

Академічне видавництво ім. проф. Марина Дринова

Харків — Софія

2007

Рекомендовано Науковою радою Центру болгаристики та балканських досліджень ім. М. Дринова (протокол № 3 від 21 квітня 2006 р.)

Редакційна рада

М. Г. Станчев (Україна) – голова, П. Бахмайер (Австрія), А. Гарабедян (Болгарія), Г. Гергінеков (Болгарія), Л. В. Горіна (Росія), І. Ілчев (Болгарія), К. Косєв (Болгарія), Г. Г. Літаврін (Росія), Г. Марков (Болгарія), Р. Мішев (Болгарія), Ю. М. Могарічев (Україна), В. Ю. Салєнков (Україна), П. С. Сохань (Україна), Н. Н. Червенков (Молдова), Г. Й. Чернявський (США)

Редакційна колегія

Страшнюк, С. Ю., доц., к.і.н. (головний редактор, Харків); *Сорочан, С. Б.*, проф., д.і.н. (заст. головного редактора, Харків); *Литовченко, С. Д.*, доц., к.і.н. (відпов. секретар, Харків); *Бурбіга, В. А.*, доц., к.і.н. (Харків); *Віднянський, С. В.*, проф., д.і.н. (Київ); *Гришина, Р. П.*, проф., д.і.н. (Москва); *Дросєва, Е.*, доц., д-р. (Софія); *Кадєєв, В. І.*, проф., д.і.н. (Харків); *Козлітін, В. Д.*, проф., д.і.н. (Харків); *Кравченко, В. В.*, проф., д.і.н. (Харків); *Кранівін, О. В.*, проф., д.і.н. (Донецьк); *Кудєлко, С. М.*, проф., к.і.н. (Харків); *Мартєм'янов, О. П.*, доц., к.і.н. (Харків); *Мільчев, В. І.*, доц., к.і.н. (Запоріжжя); *Міхєєв, В. К.*, проф. д.і.н. (Харків); *Петков, П. Ст.*, доц., д-р. (Велико Тирново), *Посохов, С. І.*, проф., д.і.н. (Харків); *Потрашников, С. В.*, доц., д.і.н. (Харків); *Прігарін, О. А.*, доц., к.і.н. (Одеса); *Радкова, Р.*, проф., д.і.н. (Софія), *Тортіка, О. О.*, доц., д.і.н. (Харків); *Чижов, О. П.*, доц., к.і.н. (Харків); *Чорний, В. П.*, доц., к.і.н. (Львів), *Яровий, В. І.*, проф., д.і.н. (Київ)

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, м. Свободи, 6, Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, Центр болгаристики та балканських досліджень імені М. Дринова
Тел. / факс: (057)-707-50-27; E-mail: drinov@univer.kharkov.ua

Друкується за фінансової підтримки Асоціації болгар України, Харківського міського товариства болгарської культури імені Марина Дринова, Болгарської академії наук та міськ иради (м.Панагюрище), (Болгарія).

ISBN 978-954-322-224-7

ПРИВЕТСТВЕНО СЛОВО НА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ НА БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ

академик *Иван Юхновски*

Уважаеми господин Ректор,
Уважаеми дами и господа!

Мисля че днес, 28 февруари, в деня на 100-годишнината от смъртта на патрона на Българската академия на науките и дългогодишен професор в Харковския университет Марин Дринов откриването на Центъра по българистика и балканистични изследвания в Харковския университет и началото на четвъртите международни Дриновски четения са важни събития в развитието на двустранните българо-украински научни връзки. Предишната и сегашната дейност на Харковския университет, вече в рамките на новооткрития научен център в сферата на българистиката и балканистиката, е достойно продължение на дриновските традиции тук. Оглавявано от М. Дринов, Харковското историко-филоложко дружество по право може да се счита за предшественик на новия българистичен център.

Без да преувеличавам, искам да подчертая, че, когато навсякаде откриват бизнес центрове, откриване на един научен център в Харков говори за сериозните намерения на украинските българисти да развият своите изследвания в национален и международен мащаб. Откриването и функционирането на Харковския център по българистика и балканистични изследвания е закономерен процес, когато още в края на 80-те и началото на 90-те години на ХХ в. в различни републики на бившия Съветски съюз започнаха да се формират центрове по българистика в Москва, Санкт Петербург, Киев, Одеса, Львов, Минск и Кишинев, обединени по-късно тук в Харков в Междурепубликанска асоциация на учени-българисти, но по известни причини се разпадна с изключение на научното дружество на учените-българисти в Молдова. Затова ние високо оценяваме възсъздаването на подобна научна структура, както на територията на Украйна, така и на територията на ОНД. Доколкото разбирам, основните цели и задачи на центъра са – разработка и реализация на съвместни научно-издателски проекти, координиране на научните изследвания, подготовка на студенти и докторанти както в самия Харков, така и в цяла Украйна. Още повече, че за това си има определени предпоставки – както сформиралите се вече в Харковския университет научни школи по прабългаристика, византология и съвременна българска история, така и формиране на млади групи учени-българисти в Киев, Харков, Одеса и Запорожие. Не мога да не подчертая, че както функционирането на Молдовското дружество на учени-българисти, така и дейността на новооткрития Тараклийски университет в Молдова, където учат предимно етнически българи, на катедри по славянска филология, където активно се изучава български език, история и литература, българските национално-културни дружества в Молдова, Украйна и Русия ще позволи на центъра да започне един интересен научен проект по подготовка на „Енциклопедия за българите в страните на ОНД“. Подобен проект вече е внесен от проф. М. Станчев в редколегията на „Българска енциклопедия“.

Българската академия на науките най-активно ще сътрудничи с новосъздадения център. Издадената през 2005 г. съвместно с БАН и Харковския университет книга за основателя на Харковския университет Василий Каразин е

потвърждение на това сътрудничество. Присъствието на конференцията на директора на Института по балканистика на БАН проф. А. Гарабедян, на представителите на Института на история на БАН, на Софийския и на Великотърновския университет говори, че българската страна ще направи всичко възможно това сътрудничество да има конкретни резултати. Г-н Гарабедян вече обсъжда един от проектите в рамките на съвместните изследвания на Института и Центъра по българистика и балканистични изследвания. Сигурен съм, че на базата на този Център може да се възстанови и дейността на Съвместната Българо-украинска комисия на историците, да се определят общи научни проекти, представляващи взаимен научен интерес. Новосъздаденият „Дриновски сборник“ по право може да стане една съвместна научна трибуна за тази комисия, където ще се публикуват резултатите от съвместните изследвания по история, етнография, езикознание и фолклористика, нови неизвестни досега документи.

Преките връзки на центъра с българските академични и вузовски организации ще помогнат и на млади украински българисти да следват във висшите учебни заведения, да специализират в нашите академични институции, да подготвят и защитават дисертации в България, а на българските студенти и докторанти – в Украйна. Сигурен съм, че Центърът, „Дриновските четения“, „Дриновският сборник“ ще се превърнат в място на съвместни срещи, обмяна на знания и опит, които не само ще продължат прекъснатите традиции, но и ще съдействат за нов подем в развитието на българистиката в Украйна и на украинистиката в България.

На успешен и добър път!

A handwritten signature in black ink, appearing to read "A. Garabedian". The signature is written in a cursive style with a large, stylized initial letter.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА IV ДРИНОВСКИХ ЧТЕНИЯХ 28 ФЕВРАЛЯ 2006 ГОДА

И. Харалампиев

Уважаемый господин Ректор, дорогие коллеги!

Позвольте мне обратиться к Вам по поводу открытия очередных Дриновских чтений и приподнести Вам самые сердечные приветы от имени руководства Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия. Я и мои двое коллег проехали этот долгий путь не только чтобы посетить Харьковский национальный университет, с которым нас связывают давние договорные отношения и которые мы недавно продлили, но и чтобы отдать вместе с Вами должное большому человеку, который крепко связывает болгар и украинцев – профессору Марину Стоянову Дринову. Сегодня мы отмечаем 100 лет со дня смерти Марина Дринова, а его дело все еще изучается, анализируется и дискутируется. Эта круглая годовщина хороший повод вспомнить самое важное из жизни и полезные для Болгарии дела этого духовного просветителя.

Родившись в болгарском городе-символе Панагюриште, Дринов становится выразителем как бурных процессов образовательной и церковно-культурной эмансипации Болгарии во время эпохи Возрождения, так и ее борьбы за независимую государственность. Окончив Киевскую семинарию, Марин Дринов не связывает свою судьбу с Болгарской православной церковью, хотя она тогда серьезно нуждалась в духовных руководителях. Напротив – у него сильнее оказывается стремление к знаниям, научно-исследовательской деятельности. В те годы такая позиция, вероятно, выглядела как побег от реальных проблем, но теперь ясно, что болгарская государственность и наука выиграли исключительным упорством и сильным желанием Марина Дринова развить и углубить научное познание о болгарской исторической судьбе.

Широкие научные интересы Дринова известны каждому его исследователю. Просмотр университетских учебных программ по болгарской истории показывает, что немалая часть дриновских исследований не только не забыты, но и составляют основу продолжающихся дискуссий по основным вопросам болгарского средневековья, Возрождения и даже Нового времени. Его огромный архив продолжает быть первоклассным источником для каждого, кто хочет дотронуться до болгарской истории и науки на границе XIX и XX веков. Профессор Дринов, само собой разумеется, достойный представитель своего времени, которое требует ясных гражданских позиций. После вспышки русско-турецкой войны 1877 года люди с его образованием, опытом и патриотизмом становятся особенно необходимыми для восстановления болгарской государственности. В это время Марин Дринов является советником руководителя гражданской канцелярии князя Владимира Черкасского и управляющим Отделом народного просвещения и духовных дел имперского комиссара князя Дондукова-Корсакова. На практике он первый болгарский министр во времена русской администрации, причем один из тех, кто, занявшись этой задачей временно, вырабатывает долгосрочную перспективу развития молодого княжества. Созданная Дриновым система начального, сред-

него и основного образования, заимствованная с небольшими изменениями из самых лучших образцов русской и немецкой традиции, и сегодня продолжает быть в основе структуры болгарской школы. Равный доступ и общественное и государственное обеспечение образовательного процесса являются принципами, которые не менялись уже 130 лет, и той гарантией, которая нужна каждой системе для нормального функционирования.

Профессор Марин Дринов связывает свою судьбу и с другим важным фактом из истории болгарской государственности, каким является создание Тырновской конституции. В этом исключительном для молодого болгарского государства деле участвует ряд русских и болгарских юристов и политиков, но Дринов – его основной двигатель, руководитель и даже филологический редактор. У профессора Марина Дринова были интеллектуальные возможности, высокое образование, опыт и исторический шанс заложить в основу болгарской демократии свободу слова, гражданских объединений и парламентаризма. Эти принципы, в сущности, лежат в основе каждой современной демократии и являются надеждой в годы диктатуры.

Имя Марина Дринова и среди основателей Народной библиотеки, Болгарской академии наук, Исторического общества и других болгарских общественных организаций.

Уважаемый господин Ректор, дорогие коллеги!

Позвольте мне еще раз, как ректору Великотырновского университета имени Святых Кирилла и Мефодия, поздравить Вас от имени академической общественности университета старопрестольного Тырновграда и выразить свою уверенность, что наши академические и человеческие взаимоотношения будут лучше и сердечнее, так как то, что нас объединяет, больше, чем то, что нас разъединяет. Поклон перед памятью и делом профессора Марина Дринова – одного из связывающих звеньев между Харьковским и Великотырновским университетами, между народами Украины и Болгарии!

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИИ БОЛГАРИСТИКИ КАК НАУКИ

М. Станчев

Современная болгаристика все больше внимания обращает на свою собственную историю, как на научную отрасль знаний. Исследование вопросов развития различных аспектов истории болгаристики в постановочном плане затрагивается в работах Е. Георгиева, А. Доронченкова, А. Калайкова, Д. Маркова, А. Мьльникова, Б. Пейчева, Э. Дросневой, Г. Чернявского, П. Соханя, К. Шаровой, в которых предпринята попытка осмыслить болгаристику в качестве целостного системного явления, проследить пути ее становления и развития¹. Сегодня мы стоим перед необходимостью обобщения огромного научного наследия историков-болгаристов и с этим связана задача создания целостной истории как отечественной, так и мировой болгаристики.

Актуальным вопросом современной болгаристики является вопрос о самом понятии «болгаристика» и предмете ее исследования. В работах вышеуказанных авторов болгаристика рассматривается как комплекс наук, непосредственно связанных со славистикой и балканистикой в целом, поскольку изучает болгар в системе языков, культур и истории не только славянских, но и других балканских народов, что придает ей региональный аспект. Но эта черта присуща не только болгаристике. Практически любой страноведческий комплекс диктует необходимость его рассмотрения во взаимосвязях с соседними славянскими и неславянскими народами, что предопределяет желательность сотрудничества со специалистами смежных областей.

Многие авторы сходятся во мнении, что болгаристика включает в себя болгарскую историю и географию, этнографию, фольклористику, языковедение, историю политического, социального-экономического и культурного развития. Объектом болгаристики как науки является изучение материальной и духовной культуры болгарского народа, истории Болгарии в полном хронологическом объеме с древнейших времен и до наших дней².

История болгаристики, как научная отрасль, изучает объективные условия, оказывающие определенное воздействие на становление и развитие самой науки в различных странах, организацию подготовки кадров и исследовательской работы, выявление, публикацию исторических источников по истории Болгарии, анализ важнейших результатов научных исследований на всех этапах ее развития. Развитие болгаристики, как и любой другой науки, шло не прямолинейно. Это сложный и противоречивый процесс, полный подъемов и падений, возвращений на новом уровне к давно забытым взглядам, борьбы различных взглядов, гипотез и теорий. Ее развитие определялось и продолжает определяться не только логикой движения научных идей, но, прежде всего, самой жизнью ее требований и условиями, распространением господствующих политических, философских и идеологических идей, социально-психологическим климатом эпохи.

Процесс научного познания динамичен. Прошлое научной мысли, по мнению академика В. И. Вернадского, «рисуеться каждый раз в совершенно иной и новой перспективе. Каждое поколение ученых открывает в этом прошлом новые черты... Случайное и неважное в глазах ученого одного десятилетия получает в глазах другого нередко крупное и глубокое значение»³.

Не новым, но важным вопросом является типологизация исследовательских подходов при написании истории болгаристики, предложенных украинским историком и философом К. Петряевым и болгарским историографом Г. Бояджиевым⁴. Одним из таких важнейших подходов является хронологический, (или более известный как исторический), позволяющий ученому проследить закономерности развития истории болгаристики в международном масштабе, выявить качественные изменения в содержании и направлении ее развития в разных странах при переходе от одного этапа к другому с учетом культурных и политических изменений. В приложении к истории болгаристики подобный подход означает последовательное раскрытие во времени возникновения и развития болгаристики с момента ее зарождения до наших дней, исследование всех ее этапов.

Второй подход или тип исследований можно определить как проблемный – освещение той или иной проблемы в непосредственной привязке с хронологическим подходом и известный как проблемно-хронологический. Проблемно-хронологический подход находит свое отражение там, где исследуется сама история науки в национальном и международном аспектах или анализируются труды по болгаристике по какой-нибудь большой исторической, языковой или другой проблеме. При этом внутри каждой проблемы сами труды группируются и анализируются в зависимости от времени их написания, т.е. хронологически. Попытки применить этот метод в историографических исследованиях стали применяться на первых конгрессах по болгаристике, особенно при оценке научного наследия ученых-болгаристов всего мира при исследованиях средневековой истории Болгарии, эпохи Возрождения и др.

Названия многих историографических исследовательских проектов в области болгаристики свидетельствуют, что они были осуществлены в соответствии с вышеназванным методом. К таковым можно отнести такие темы как «Проблемы этногенеза болгар в исследованиях украинских, русских и болгарских исследователей», «Фракийские исследования в Болгарии», «Проблемы болгарского национально-освободительного движения в балканской политике России в советской историографии» и др.⁵

Третий тип исследований можно охарактеризовать как биографический, при котором основное внимание уделяется исследованию научного вклада отдельных ученых-болгаристов в развитие болгаристики, месту и роли их взглядов. В основе подобных исследований лежит целостная характеристика научной и общественной жизни того или иного ученого, внесшего весомый вклад в развитие науки во взаимосвязи с политико-культурным фоном эпохи, в которой творил ученый. Характерными в этом отношении являются исследования, посвященные Паисию Хилендарскому, Марину Дринову, Константину Иречку, Василу Златарскому, Николаю Державину, Михаилу Попруженко и многим другим.

Следует отметить, что жанр биографистики, к сожалению, еще не получил достаточного развития в историографической литературе. Только в последние годы ему стали уделять более пристальное внимание. При этом серьезного внимания заслуживают исследования по истории болгаристики, которые в форме монографических исследований в комплексе рассматривают жизнь и научную деятельность того или иного болгариста.

Понятно, что успешное применение вышеуказанных методов в исследовании истории болгаристики, особенно проблемно-хронологического, возможно лишь при определении научной периодизации и ее критериев. Периодизация истории болгаристики, как и истории славистики в целом, является по замечанию проф. А. Мьельникова не просто схемой, а лишь внешним выражением глубинных процессов формирования и развития болгаристики как науки способом познания внутренних закономерностей эволюции этой дисциплины⁶. При определении периодизации истории болгаристики следует иметь в виду, что болгаристика, как научные знания, формировалась в разных странах, да и в рамках одной страны, неравномерно. Первоначально болгаристика, охватывающая преимущественно языкознание, сложилась к концу XVIII – начале XIX столетий в Чехии, России и Германии, а затем начала распространяться и в других странах. По-разному рассматривались и задачи болгаристики в разных странах, что тоже следует учитывать при разработке ее периодизации.

Определение критериев периодизации истории болгаристики необходимо для обеспечения научности и исторической объективности, хотя это довольно сложная задача. Еще проф. И. Ягич в своем знаменательном труде «История славянской филологии»⁷ предпринял попытку дать общую периодизацию славистики как науки, в которой удачно сочетался исторический подход с тематическим и биографическим. И хотя этот подход был подвергнут критике Н. М. Покровским, думается, что именно И. Ягич правильно подсказал путь, по которому должен идти историк науки, в частности, историк болгаристики.

В рассматриваемом нами контексте весьма примечательным является замечание академика Б. М. Кедрова, затрагивающее принципиальные вопросы эволюции научной мысли. Автор выделяет три стадии ее развития: эмпирическую или собирательную, когда исследователь выясняет как протекал исторический процесс; затем теоретическую или объяснительную, когда ученый стремится выяснить, почему данный процесс протекает именно так, а не иначе и, наконец, прогностическую, когда исследователь пытается заглянуть в будущее и раскрыть перспективы изучаемого предмета. В самой науке эти три стадии в виде различных ее функций совмещаются и взаимно дополняют друг друга⁸.

Исходным критерием выработки периодизации в истории болгаристики должны быть общие и частные закономерности развития болгаристики на путях ее генезиса и формирования как науки. При этом должны учитываться не только логика развития самой болгаристики, как научной отрасли, но и те социально-политические факторы, которые стимулировали или препятствовали ее развитию.

Зарождение первых элементов болгаристики, по мнению болгарских авторов, начинается еще с создания книжных центров в Плиске, Преславе и Охриде, а позже и в Тырново. Фактически после Преславского народного собора в 893 году, когда в Плиске во главе с епископом Наумом и в Охриде – во главе с Константином (Преславским) были заложены основы двух главных школ староболгарской литературы. Наряду с ним, большую просветительскую работу в этих центрах вели и другие представители болгарской культуры и просвещения – Иоанн Экзарх и Черноризец Храбр.

С именем царя Симеона (893-927 гг.) связан расцвет староболгарской литературы. После того, как в стране утвердились, в качестве государственных, богослужение на славянском языке и славянская письменность, в Болгарии

были созданы яркие болгарские литературные произведения: «Проглас Евангелию», «Азбучная молитва» Константина Преславского, «Сказание о буквах» Черноризца Храбра, «Шестоднев» Иоанна Экзарха⁹. Несомненно, что появление этих произведений оказалось возможным потому, что представители замечательной плеяды первых болгарских книжников опирались на достижения кирилло-мефодиевских традиций, стояли на уровне образования того времени и пользовались поддержкой главы государства. Содержание деятельности Кирилла и Мефодия еще в IX веке, появление отдельных летописаний у болгар говорит об устойчивом интересе к истории и культуре болгарского народа, хотя сведения эти носили еще разрозненный характер и в сознании их авторов не осмыслились как нечто целостное. Но именно с деятельностью этих книжных центров можно связывать начало болгарской науки и культуры, оценивать роль и вклад Болгарии в славянскую и мировую цивилизацию.

Возрастание политической и культурной роли болгарского народа в жизни Балканского полуострова и Европы в целом, привели в XVIII веке к заметному усилению интереса ученых к его истории. Хотя, по верному, с моей точки зрения, замечанию болгарского историка Елки Дросневой, еще в допетровской России, в Хронографе 1512 года, при освещении внешнеполитической и церковной истории Первого и Второго болгарского царств дается характеристика болгар как народа, родственного русскому – по своему происхождению, верованию и пользованию единым алфавитом¹⁰.

Научный интерес к проблематике болгарского языка, культуры и истории отразился в лингвистических изысканиях великого ученого энциклопедиста Г. Лейбница, а также в лекциях профессора истории Хельмштедского университета Симона Фредерика Хана в 1718 году по истории южнославянских народов¹¹. Особый вклад в развитие болгаристики как науки имела русская наука. В XVIII веке В. Татищев, М. Ломоносов, И. Болтин, М. Щербатов, а также немецкие ученые, работавшие в России – Г. Миллер, А. Шлецер и И. Штриттер выдвинули ряд существенных идей о происхождении болгар, зародив критический подход к источникам по болгарской истории.

Превращение болгаристики в науку происходило на протяжении ряда десятилетий XIX столетия, когда формировалась источниковая база, в должной мере отрабатывалась методика, устанавливались тесные связи с учеными-болгаристами различных стран. Эти сдвиги во многом обусловили блистательные успехи болгаристики во второй половине XIX – начале XX веков. Важным событием в истории болгаристики явилось и основание кафедр славяноведения в университетах России, а также Австрии, Германии и Франции. Повышения внимания к болгарским сюжетам было обусловлено как общим научно-культурным подъемом европейских стран, так и процессами зарождения болгарского национального Возрождения.

Как научная дисциплина болгаристика развивается особенно плодотворно в конце XIX – начале XX веков, когда в трудах известных европейских ученых-языковедов, литературоведов и историков исследовался, анализировался и доказывался вклад Болгарии и болгарской науки в историю, науку и культуру славянских народов балканских стран, в европейскую и мировую культуру. С этим периодом в истории болгаристики связаны имена таких выдающихся ученых как Ю. Венелин, И. Ягич, К. Иречек, М. Дринов, В. Априлов, З. Неедлы, П. Прейс, Н. Державин и многие другие.

Следующий этап в истории болгаристики условно можно назвать «межвоенным» – со времен Первой мировой войны и до окончания Второй мировой войны. Это, пожалуй, один из самых сложных и драматических перио-

дов в истории болгаристики и славистики в целом, особенно в зародившемся новом государственно-административном образовании – СССР. После октябрьского переворота 1917 года широкая пролетарская (и особенно непролетарская) общественность, новое большевистское руководство и подпевавшие им ученые сомневались в необходимости развивать в новом социалистическом государстве науку вообще, славяноведение в целом и болгаристику, в частности. Чрезвычайная, не только для науки, ситуация тех лет, заставила эмигрировать практически весь цвет русской болгаристики и славистики (М. Попруженко, П. Кондаков, М. Ростовцев, В. Францев, А. Флоровский и др.). Предпринятая академиком Н. С. Державиным попытка создания Института славяноведения в СССР не имела особого научного успеха. Вскоре последовала волна репрессий и даже вульгаризаторские, догматические, основанные на марксистской идеологии «научные» исследования, в основном, призывавшие к единению славян против фашистской угрозы были прекращены.

Лишь в послевоенный период, после того, как Европа залечила раны после войны, болгаристика вступила в новый этап своего развития: углублялось ее содержание в различных странах, появлялись новые направления исследований, связанных с появлением нового «народно-демократического» болгарского государства. Особенно активно стала развиваться болгаристика в Советском Союзе после создания в 1947 году Института славяноведения и балканистики: формировались новые научные школы и направления, развивалось международное сотрудничество между учеными СССР и НРБ. Если лингвистическая и культурологическая проблематика в советских исследованиях оставалась на более или менее научных позициях, то появившаяся общеисторическая проблематика стала доминирующей. Появляющиеся исторические труды должны были доказывать несомненные преимущества народно-демократической системы, ведущую роль Советского Союза в освобождении Болгарии, в формировании новых органов власти, «новых подходов» в исследованиях в научных учреждениях. Различные области болгаристики стали ареной идеологических споров, в ходе которых «марксистское направление» исследований как в СССР так и во всех странах народной демократии, в том числе и в Болгарии, доказывало, что оно было единственно объективным и научным. Дело дошло даже до того, что советские ученые стали учить болгарских как им писать свою собственную историю.

Период «марксистского» направления в развитии болгаристики не только в СССР и в НРБ, но и во всех странах социалистического блока продолжался вплоть до конца 80-х годов, когда начался распад этого блока, когда начали происходить существенные изменения в подходах и методологии исследований внутри самих стран и, прежде всего, в самой Болгарии.

Современный этап в развитии болгаристики как науки можно условно назвать этапом современного переосмысления всего предыдущего в истории. По-новому (к сожалению, не всегда научно) начали осмысливаться многие научные концепции тех лет, предприняты попытки реально отразить суть исторических событий недавнего прошлого, особенно военного периода и периода трансформации зарождавшихся народно-демократических устоев в тоталитарные государства. Особенно актуальными становятся исследования, посвященные переходному периоду, европейской ориентации бывших советских сателлитов, пересмотру концепций этногенеза болгар и нового осмысления появления первой государственности у болгар. К сожалению, многие контакты между болгаристами нарушились, ослаб интерес у молодых исследова-

двователей к изучению истории Болгарии. Многие маститые историки-болгаристы эмигрировали из бывшего уже СССР и обосновались в различных странах. Но, к счастью, не все утратили интерес к болгаристике.

История болгаристики доказывает, что ученые не просто развивают предшествующие исследования, включая новые документы и доказательства, но и изучают такие стороны исторического развития Болгарии и ее культуры, которые не изучались предшественниками. В результате этого, не просто раздвигаются рамки старых представлений о прошлом Болгарии, но и науки ее изучающей. Но эти представления нередко преобразуются, приобретают новые черты или вовсе изменяются. Историк болгаристики, таким образом, выступает не только в роли пассивного регистратора научных исследований, но и в роли исследователя, анализирующего достигнутое и формулирующего вопросы, подлежащие выяснению.

Весьма сложным с теоретической точки зрения является вопрос о методах описания научных исследований в сфере болгаристики. Одним из таких методов является «прагматический метод», как бы, наблюдающий за развитием научных знаний об истории болгарского государства, его народа и культуры. Этот метод сам по себе является подготовкой к выяснению законов преобразования болгаристики как науки. Это, с позволения сказать, научное изложение фактов или явлений в их внешнем виде, известным как «внешняя история науки». По нашему мнению, прежде чем выявить закономерности развития болгаристики как науки, необходимо иметь точное описание ее развития, полную картину исторического процесса болгаристических знаний, приведших ее к современному ее состоянию. Но, при этом, нельзя упускать общие явления, свойственные всякому изменению научной мысли: повторяемость гипотез и обобщений, условий развития самой науки, регрессивные течения, взаимодействие с другими науками и сферами общественной жизни.

Второй метод так называемого аналитического (или научного) описания, при котором ставится задача выяснить «структуру» болгаристики как науки (внутренняя история науки), т.е. раскрытие совершенно новых сторон ее развития, как с точки зрения проблематики, так и с точки зрения новых исследовательских подходов. Все они являются закономерным развитием научной мысли, при воспроизведении которой, иногда столетия спустя, повторяются (в новых условиях) те же самые черты. Многие научные обобщения в области болгаристики, войдя в научный обиход, иногда, через некоторое время, заменились идеологическими положениями. Особенно это касается послевоенной истории болгаристики, когда многие «основополагающие» политические документы КПСС и БКП претендовали на роль высшего научного закона, становясь «методологической основой» многих исследований. И, все-таки, даже в эпоху политического и научного догматизма, научная мысль в сфере болгаристики не замирала, отражая интересы той эпохи, в которой она развивалась. По мысли того же Вернадского, «научное мировоззрение, как и все в жизни человеческих обществ, приспосабливается к формам жизни, господствующим в данном обществе»¹².

Изучение научного мировоззрения в целом и, в частности, как и изменения самой исторической эпохи, в которой развивалась наука и составляет одну из важнейших задач, которую необходимо решать при исследовании истории болгаристики. Решение этой важной задачи нам видится в следующих направлениях:

Во-первых, в сравнительном изучении научных мировоззрений ученых-болгаристов различных эпох. Для анализа этого изменения необходимо проследить зарождение и развитие болгаристики в полном ее историческом объеме,

целью понимания ее нынешнего состояния и прогнозирования перспектив ее развития. При этом следует иметь в виду, что мировоззрение ученых предыдущих столетий в корне может отличаться от мировоззрения современных ученых, однако, можно проследить то общее, что было в течение этих веков и осталось неизменным в научном мировоззрении этих ученых. Это общее и неизменное есть научный метод поиска, научное и объективное отношение к исследуемому предмету.

Во-вторых, в изучении внутренней научной структуры болгаристики различных эпох. Определенную закономерность развития болгаристики как науки мы сможем понять только тогда, когда примем во внимание не одну, господствующую в ту или иную эпоху, научную мысль, но лишь тогда, когда история науки охватит в своем исследовании все имеющиеся (в том числе и регрессивные) течения научной мысли.

В-третьих, в изучении взаимодействия болгаристики с различными формами общественного сознания (философией, религией, искусством и культурой), а также с материальной практикой и социальными условиями каждой эпохи. Историю болгаристики необходимо рассматривать как неотъемлемую часть социальной истории.

Важное значение в изучении истории болгаристики имеет анализ научно-организационных основ, в рамках которых функционировала и развивалась болгаристика. Это созданные и просуществовавшие в свое время Румянцевская комиссия и Институт славяноведения в 20-х и 30-х годах прошлого столетия, ныне существующий Институт славяноведения Российской академии наук, соответствующие кафедры по изучению истории славянских стран в ведущих университетах Украины, России, Белоруссии и Молдовы. Начиная с 90-х годов XX века, в различных странах СНГ стали формироваться центры болгаристики – Москва, Санкт-Петербург, Киев, Харьков, Львов, Кишинев.

Как результат, в 1993 году в Харькове была создана межреспубликанская ассоциация ученых-болгаристов, имевшая целью объединить усилия болгаристов на территории бывшего СССР. В рамках Ассоциации стали проводиться научные Дриновские чтения, ставшие вскоре международными, на которых обсуждались проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии, истории болгаристики. Усилиями ученых был подготовлен и вскоре увидел свет первый том научных трудов «Болгарский ежегодник», куда вошли статьи, публикации новых материалов, рецензии, научная информация, подготовленные учеными-болгаристами Украины, России, Молдовы, Белоруссии и Болгарии.

Продолжением данных традиций стало образование и открытие научного Центра болгаристики и балканских исследований в Харьковском университете в феврале 2006 г. и выход нового научного органа – «Дриновский сборник», в котором будут публиковаться исследования ученых-болгаристов многих стран и совместные проекты созданной совместной комиссии историков Украины и Болгарии.

Проведение научных форумов болгаристов, деятельность Ассоциации и открытие вновь созданного Центра болгаристики, позволяет определить основные направления научных исследований в странах СНГ. Это: проблема этногенеза болгарского народа в свете новых концепций, болгарского Возрождения и освобождения Болгарии от османского ига, история русско-болгарских и украинско-болгарских отношений, развитие рыночных отношений в стране, переоценка анализа эпохи капитализма, оценка роли и места Болгарии в годы Второй ми-

новой войны и советско-болгарских отношений в этот период, трансформация народно-демократического строя страны в тоталитарный режим, истории и культуры болгарской диаспоры в странах СНГ, история болгаристики как науки.

Я назвал лишь основные фундаментальные проблемы исследований в болгаристике, которые, разумеется, в свою очередь, распадаются на более мелкие темы. Нельзя не отметить, что стали появляться и новые направления, связанные с исследованием теоретических проблем болгаристики, ее истории, источниковедческие и историографические аспекты.

Анализируя современный этап развития болгаристики в странах СНГ, следует подчеркнуть, что после распада СССР и разрыва связей между учеными различных стран, в том числе и с болгарскими коллегами, (особенно после ликвидации Центра болгаристики при Болгарской академии наук), масштабы и уровень исследований значительно снизились. Сегодня особенно актуальной остается проблема возрождения болгаристики в Украине и других странах СНГ, объединения усилий ученых в исследовании важных и сложных научных проектов, возрождение интердисциплинарного подхода в болгаристике.

Нам представляется, что подобный подход является наиболее перспективным в изучении сложных исторических явлений. Интердисциплинарный подход требует и нового организационного подхода к исследовательской практике. Видимо, следует подумать и об изменении самой структуры болгаристических центров, где бы объединялись ученые разных специальностей по какой-либо крупной научной проблеме. Такие научные проблемы, как этногенез болгарского и других балканских народов, формирование наций и национальных культур, межэтнические контакты, этнические модели на Балканах, проблемы переходного периода и интеграционных процессов в различных странах балканского региона и, в первую очередь, в Болгарии, нуждаются во всестороннем интердисциплинарном подходе.

Говоря о развитии болгаристики в бывшей Российской империи и Советском союзе, невозможно абстрагироваться от такого элемента ее развития, как сотрудничество российских, а затем и советских ученых с болгарскими коллегами. Это сотрудничество имело нарастающий характер, подготовило почву для создания совместных исследований коллег обеих стран. Создание в рамках двух академий СССР и НРБ совместной комиссии историков придало двустороннему научному сотрудничеству планомерный характер и способствовало выходу в свет весьма солидных документальных трудов.

Болгаристика как в самой Болгарии, так и в странах СНГ переживает сложные времена, прежде всего, в силу разорванности контактов, отсутствия системности в исследованиях совместного характера, экономической и политической хаос в наших странах, отсутствие должной научной информации и, разумеется, слабое финансирование научных исследований существенно сказалось на их уровне, разнообразии тематики и масштабности научных проектов. Надеюсь, что новый центр болгаристики и балканских исследований в определенной мере восполнит этот пробел, но без государственной поддержки подобных исследований эти пожелания останутся потомкам. Но, даже несмотря на сложности, болгаристы различных стран продолжают свои исследования, вносят свой, пусть и небольшой, вклад в развитие этой научной отрасли.

Основной вопрос, который сегодня стоит перед историками науки – это вопрос о том, как оценить развитие болгаристики в целом. Речь идет не только об оценке состояния изучения отдельных научных проблем, что само по себе очень важно, но и о том, что ощущается явное отставание в создании обобщающих, фундаментальных трудов по истории болгаристики.

- ¹ Георгиев Е. Основи на славистиката и българистиката. – С., 1979; Българистика и българисти. – С., 1981; Мьльников А. С. Българистика в системе славистических дисциплин. – История и съвременното състояние на българистиката. Първи международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. Доклади. – Т. – С., 1982. – С. 46–54; Калайков И., Пейчев Б. Философско-методологически проблеми на българистиката. – Там же. – С. 55–65; Чернявский Г. И. Становление болгаристики в СССР (1917-1945 гг.). – Там же. – С. 293–313; Шарова К. Историческата българистика днес. – Там же. – С. 7–45; Марков Д. Ф. Българистика как комплекс научных дисциплин. – Советская болгаристика. Итоги и перспективы. – М., 1983. – С. 5–7; Радев С. Българистика, българознание, наука за България. – С. – 1989; Доронченков А. И. Българистика в системе гуманитарных наук. – Болгарский ежегодник. – Т. 1. – Харьков, – 1994. – С. 5–13; Станчев М. Г. Некоторые теоретико-методологические аспекты истории болгаристики. – III Дриновские чтения. Проблемы источниковедения, историографии, истории и культуры Болгарии, истории болгаристики. Международная научная конференция. 25–27 октября 1994 г. – Тезисы докладов. – Харьков. – 1994. – С. 3–4.
- ² Българистика. – Енциклопедия «България». – С. – 1978. – Т. – С. 429–430.
- ³ Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. – М. – 1988. – С. 180.
- ⁴ Петряев К. Д. Вопросы методологии исторической науки. – К. – 1971; Бояджиев Г. Актуални теоретико-методологически въпроси на историографията. – Философска мисъл. – Кн. 8. – 1986. – С. 5.
- ⁵ Советская болгаристика. Итоги и перспективы. – М. – 1983; Проблемы на българската историография след Втората световна война. – С. – 1973.
- ⁶ Мьльников А. С. Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы. – Методологические проблемы истории славистики. – М. – 1978. – С. 42.
- ⁷ Ягич И. В. История славянской филологии. – Спб. – 1910.
- ⁸ Кедров Б. М. История науки и принципы исследования. – М. – 1971.
- ⁹ Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. – М. – 1987.
- ¹⁰ Подробнее об этом см.: Дроснева Е. Становление русской болгаристики (до середины XIX века). – Автореферат кандидатской диссертации. – СПб. – 1978; Ее же. Знания о болгарском прошлом в допетровской России. Материалы 4-й конференции болгарских аспирантов, обучающихся в СССР. – М. – 1979.
- ¹¹ Мьльников А. С. Българистика в системе славистических дисциплин. – История и съвременното състояние на българистиката. – Т. 1. – С. – 1982.
- ¹² Вернадский В. И. Указ.соч. – С. 74.

ИНСТИТУТ ПО БАЛКАНИСТИКА ПРИ БАН И БАЛКАНИСТИКАТА КАТО НАУКА

А. Гарабедян

Балканистиката бе институционализирана като самостоятелен дял на науката през 1966 г. на Първия международен конгрес по балканистика. Днес тя вече е престижна и актуална дисциплина. Стотици изследователи от цял свят – историци, международници, политолози, социолози, икономисти, лингвисти, културоведи, литературоведи, изкуствоведи и представители на други научни направления – разработват проблемите на политическото, икономическото, социалното, идейното и културното развитие на балканските страни, на етническите, националните и международните отношения на Балканите, на културния принос на балканските народи в изграждането на европейската идентичност, на мястото на балканските държави в обединяваща се Европа и на ролята им като мост между Изтока и Запада.

Балканистичните изследвания предполагат многостранна подготовка на научния състав, прилагане на най-модерните търсения на хуманитаристиката, познаване на западни и регионални езици и на новите информационни технологии, с цел да се постигне надеждност на балканистичните анализи в областта на историята, икономиката, политологията, културната история, литературата и езиковедството. Европеистиката в този смисъл представлява съществен ракурс от работата на балканистите, в изграждането и утвърждаването на представата за разширена Европа.

Институтът по Балканистика към БАН е създаден през 1964 г. В настоящия момент той се състои от следните 5 секции: „Балканските народи през Средновековието“, „Балканите XV–XIX век“, „Балканите 1878–1945 година“, „Балканите след Втората световна война“ и „Културна история на балканските народи“. В него работят общо 55 души, между които 1 академик, 5 доктори на науките, 35 доктори, 5 старши научни сътрудници I степен, 14 старши научни сътрудници II степен, 18 научни сътрудници и 5 специалисти-проучватели.

Днес балканистиката в нашия институт е научна област с ясно очертан комплексен характер. Протичащите в Югоизточна Европа исторически процеси са тясно вплетени в политическото, икономическото и културното пространство в Европа и в света. Това, което е ставало и става на този неспокоен полуостров, е рефлектирало и рефлектира върху европейската сигурност и глобалните исторически процеси. Научноизследователската работа в Института, отнасяща се до историята, икономиката, политиката и културата, е в хронологическия диапазон, както вече уточних, от Средновековието до наши дни. Тя засяга както проблеми, свързани с отделните балкански страни, така и сложното преплитане на интереси и въздействия в региона. В проблематиката на учените от Института влизат и взаимодействията на балканските явления с други процеси в европейски и глобален мащаб.

Институтът по балканистика е възприел полидисциплинарния подход, който съответства на комплексния характер на балканистиката. Научната проблематика на Института не е самоцелна, а е насочена към изясняване, аргументация и защита на редица национални приоритети в регионален и европейски план. Концептуалните акценти са върху европейско-балканските синтези, върху органичното сепление между национално-специфичното и общоевропейското в историческия развой. В своите изследвания учените разкриват динамичните промени, които се осъществяват на Балканите, в Европа и в света, тяхната взаимообвързаност, специфика и значение. Стараят се да определят мястото на българските исторически, икономически, политически и етнокултурни процеси в по-широкия балкански и европейски контекст. Едно от новите и значими направления в балканистичните проучвания е проблемът за „другостта“ и съседа. Чрез анализа на отношението към „съседа“, към европейската „другост“ се чертаят различни ракурси в историческата съдба на балканските народи.

Дейността на учените в Института се изразява главно в следните направления: научноизследователска работа, резултатите от която се публикуват в страната и в чужбина; организиране и участие в научни и обществено значими прояви; ръководство на дипломанти и докторанти; преподавателска, експертна и рецензентска работа.

Изследователската дейност се развива в няколко основни направления: издирване, публикуване и анализ на документални материали; социално-икономическо и политическо развитие; международни отношения и етнонационални проблеми и конфликти; възникнали в края на „студената война“ и в последвалата трансформация драматични и дългосрочни проблеми в контекста на приобщаването на балканските страни към европейските структури; културна история на балканските народи; балканска етнолингвистика, диалектология и лингвистична география.

В рамките на тези направления се изследват широк кръг проблеми, засягащи всички страни на етническите отношения в Ранното средновековие; държавнообразователния процес на Балканите; взаимодействията и взаимовлиянията между Византия и балканските народи при изграждането на големия Източноправославен византийско-славянски църковен и културен ареал; обществената и религиозната мисъл във Византия и България; типологическите особености на политическия сепаратизъм и държавните институции; кръстосаните походи и въпросите за отношенията между Рим и Константинопол; всекидневния живот; културната антропология; историческата география и картография.

Що се отнася до периода на османското господство се изследват ислямизацията и настъпилите демографски промени, националноосвободителните движения, мястото на Балканите в международните отношения, появата и развитието на Източния въпрос, процесите на децентрализация, поземлените отношения, генезисът на капитализма, правните и икономическите институции на балканските народи. Издирват, публикуват и анализират се документи и материали от различен характер и произход за историята на балканските народи в определени тематични и хронологични граници.

Учените, занимаващи се с края на XIX и XX в., изследват социалните и националноосвободителните движения, политическото и икономическото развитие на балканските държави, отношенията между тях и връзките им с Централна и Западна Европа, етнорелигиозните и малцинствените проблеми и конфликти, мястото на балканските държави в общата система на междуна-

родните отношения в Европа и света и ролята на Великите сили. Правят се сравнителни исторически и типологически изследвания на партийно-политическите системи и държавно-политическото развитие. Появиха се и изследвания върху промените от края на 80-те години на XX в. и такива, свързани с правата на човека и на малцинствата.

Известно е, че въпросите на културната история са едни от най-слабо запътените в националните историографии на балканските страни. В Института наред с разработките на редица важни въпроси от културната история на отделните народи се правят и сравнителни проучвания, изясняващи съществуващите взаимоотношения и взаимодействия между тях. Част от изследователските задачи са свързани със своеобразието на постиженията на мултикултуралните общества в Югоизточна Европа и начинът, по който те са се идентифицирали в хода на собствената си история. Анализират се отличителните черти на културната традиция на Балканите, вътрешните пластове на духовната култура и нейната специфика, произтичаща от местоположението на региона като мост между Европа и Азия.

Важно изследователско направление е и разкриването на интелектуалната и социалната роля на балканските творци, които са под непосредственото въздействие на съществуващите мултиетнически формации, които се явяват хранилище на разнообразни култури и религии, на противоречиви влияния и цивилизационни модели.

За обхвата на научната дейност на Института най-красноречиво говорят неговите издания, които утвърждават мястото му както сред българската колегия, така и в международен план. В тях са публикувани няколко хиляди студии, статии и съобщения. Сред тях са такива утвърдени у нас и в чужбина издания като „Etudes Balkaniques“ – периодичен орган на Института по балканистика, който излиза редовно вече 40 години, тематичната поредица „Studia Balcanica“ на български и чужди езици, от които са излезли 24 тома, поредиците „Балкани“ и „Балканите след Втората световна война“, над 150 монографии, както и отделни тематични сборници. Статии от наши сътрудници се публикуват и в други реномирани международни и национални списания и сборници. За популяризирането на научните ни достижения, от известно време поддържа и „Интернет – база данни по балкански изследвания“. Ако към всичко това прибавим и международната библиография по балканистика със стотина хиляди заглавия, обединени в текущи, периодични и тематични библиографии, се получава един внушителен брой изследвания и трудове, заели трайно място в световната специализирана литература.

Важен аспект в живота на Института по балканистика е неговата международна дейност, в която съществено място заемат Националният комитет по балканистика (НКБ) и Двустранните исторически комисии. В НКБ, който е звено от Асоциацията за проучване на Югоизточна Европа (AIESEE), участват видни представители на българската балканистика. Комитетът участва в разработването на научните приоритети на Асоциацията и съдейства при подготовката на периодичните конгреси, деветият от които се състоя през 2004 г. в Тирана. Особено плодотворна е работата и на Българо-румънската, и на Българо-полската комисия по история, които разработват теми, представляващи интерес и за двете страни.

Институтът по балканистика сътрудничи и с аналогични институти и звена от балканските страни и редица европейски държави. По наша инициатива се проведеха редица международни конференции у нас и в чужбина с най-разнообразна тематика. Понастоящем разработваме съвместни проекти с инсти-

тути от Румънската, Полската, Чешката, Руската и Сръбската академия на науките, с „Университета на Артоа“ в Арас – Франция, с Института за балкански изследвания в Солун, с „Университета Нюкасъл“ в Англия, с Турското историческо дружество и др.

Със своята специфична научна проблематика учените от Института по балканистика са търсени партньори и експерти по широк кръг от проблеми на балканската история, политика, икономика, култура, литература и езикознание. Компетентността на научния състав подпомага редица държавни институции и национални програми и допринася за авторитетното представяне на българската балканистична школа.

ХАРЬКОВ В 70-Е ГГ. XIX – НАЧАЛЕ XX СТ. (СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ТВОРЧЕСТВА МАРИНА ДРИНОВА*)

С. И. Посохов, С. М. Куделко

200 лет тому назад, когда в Харькове был основан университет, город имел весьма непрезентабельный вид. Основатель университета – В.Н. Каразин (о болгарских корнях рода которого сегодня много пишут в Болгарии и в Украине) отмечал: „Маловажный Харьков... не мог похвастаться ничем, кроме центрального своего положения в южных губерниях“. Впрочем, сам Василий Назарович мечтал: „Город моей отчизны, любезный Харьков! Как желал бы я, чтобы ты послужил примером для пышного Лондона и цивилизованного Парижа“¹. Прошли десятилетия – и Харьков из незаметного, ничем не примечательного губернского города превратился в один из первых городов Российской империи. И, если путешественники начала XIX в. обращали внимание на плохое благоустройство, то визитеры конца XIX – начала XX ст. отмечали вполне европейский его облик, а оформление витрин магазинов, например, в центральной части города не отличалось от парижских образцов. Марин Дринов увидел Харьков в 1873 г., когда город находился в начале своего феноменального промышленного и культурного подъема последней трети XIX – начала XX ст.

Что это был за год в истории – 1873? Это был год, когда императоры Германии, Австро-Венгрии и России заключили союз, в США был введен золотой стандарт и отменялась серебряная валюта, завершился вывод германских оккупационных войск из Франции; на родине М. Дринова, в Болгарии, был казнен В. Левский, а в Китае на учебу в Европу подготовили первую группу молодых людей.

В середине 70-х годов XIX ст. в Харькове имелись газовое освещение и железная дорога, приступили к строительству городского водопровода, активно обсуждалась проблема создания предшественника трамвая – конки (вступила в строй в 1882 г.). В 1893 г. в городе появляется кинематограф. Первые документальные и художественные фильмы в Украине снимали фотограф А. К. Федецкий и актер А. М. Алексеенко. По инициативе общественности в 1886 г. была открыта публичная библиотека – одна из первых подобного рода в Украине, тогда же был основан городской художественно-промышленный музей. Среди событий культурной жизни – открытие в 1903 г. первого в Украине и третьего в империи Народного дома. Это было заведение, предназначенное для проведения досуга простого народа. В городе в конце XIX – начале XX ст. стали возводиться памятники. Один из первых – памятник Т. Г. Шевченко, установленный в усадьбе известной просветительницы Х. Д. Алчевской в 1899 г., а в 1904 г. город украсил памятник А. С. Пушкину.

* В основе статьи – доклад авторов на украинско-болгарской научной конференции в Харькове „История и культура Болгарии в личностях и образах“.

Существенные изменения происходили в сфере образования и культуры². В том же, 1873 г., в Харькове была основана крупная типография Зильберберга, ветеринарная школа была преобразована в институт. Быстро росла численность населения: от 70 с небольшим тысяч в середине 1870-х гг. до 210 тысяч жителей к концу жизни ученого. В 1876 г. в Харькове открылось первое почтовое отделение, вскоре в почтовых отделениях установили телеграфы. Почтовые и телеграфные заведения слились в единые – почтово-телеграфные конторы. В 1882 г. вступила в действие телефонная станция. Одно за другим строились крупные промышленные предприятия: сельскохозяйственных машин (1882 г.), механический завод (1891 г.), паровозостроительный (1897 г.), канатный (1895 г.), кондитерская фабрика (1896 г.) и др. Крупные предприятия возникали и вокруг Харькова (сахарные заводы, Будянский фарфорофаянсовый завод Т-ва Кузнецовых, вступивший в действие в 1885 г. и т.д.). Зарубежные наблюдатели отмечали интенсивность городской жизни. Английская путешественница Аннетт Микин отмечает, например, такую особенность городского движения: „Первоклассные дрожки – это большой комфортабельный экипаж, который везут чудесные кони по удивительно низким тарифам. Дамы среднего достатка ездили за покупками в запряженных одной или двумя лошадьми экипажах, а могли и сами с удовольствием править лошадьми, не ощущая себя экстравагантными“³.

Из года в год нарастала интенсивность научной, художественной и литературной жизни столицы Слобожанщины⁴. Среди тех, кто приезжал в Харьков, и с кем вполне мог встречаться (и нет сомнения в том, что со многими из них М. Дринов встречался хотя бы как зритель, слушатель, посетитель) были Петр Чайковский и Сергей Рахманинов, Мария Ермолова и Федор Шаляпин, Иван Крамской и Антон Рубинштейн, Элеонора Дузе и Маттеа Баттистини, Ада Адини и Сара Бернар, Антон Чехов и Александр Островский, Константин Айвазовский и Вера Комиссаржевская, Полина Стрепетова и Мария Савина, Константин Станиславский и Михаил Врубель и многие, многие другие. В город на гастроли приезжали лучшие европейские труппы из Франции, Италии, Австро-Венгрии, Германии и других стран. Активной была выставочная жизнь, а XII Археологический съезд в Харькове, состоявшийся в 1902 г. (в котором деятельное участие принимал и Марин Дринов), стал крупнейшим научным форумом в Украине за весь предшествующий период.

Со временем в Харькове открылись иностранные представительства и консульства. Здесь бывали не только российские императоры, но и владетельные особы других стран (прежде всего, восточных): бухарский эмир, хивинский хан, в 1900 году город торжественно встретил иранского шаха Музаффера Эддина (из династии Каджаров).

Экономический подъем Харькова был связан, в том числе, и со значительным удалением города от Москвы – центра всероссийского рынка. Москва не только аккумулировала капиталы огромной территории, но и становилась своеобразной Меккой для предприимчивых людей, в том числе деятелей науки, культуры и образования. В программной пьесе А. П. Чехова „Три сестры“ (кстати, саму пьесу харьковчане видели на сцене еще при жизни Дринова), сестры стремятся вырваться из удушливой атмосферы провинциального городка. Они мечтают о Москве и, действительно, если мы рассмотрим вопрос о миграциях хотя бы только ученых-славистов на примере Харьковского университета, то легко установим, что, составив себе имя в науке, они устремлялись в Петербург или в Москву. Это было типичным, характерным явлением. Основоположник славистики как науки первый в истории доктор славя-

но-русской словесности И. И. Срезневский (выпускник и профессор Харьковского университета) переехал в Петербург. Такой же или схожий путь был у будущих академиков Н. А. Лавровского, М. И. Сухомлинова и многих других. Например, в том же 1873 г. из Москвы в Харьков переехал выпускник Московского университета, будущий член-корреспондент Петербургской АН математик К. А. Андреев (1848-1921 гг.). В Харькове он стал председателем математического общества, редактором его трудов, но в 1898 г. ученый вернулся в Московский университет.

Иной путь был у Марина Дринова: из Москвы он переехал и навсегда остался в Харькове. Для ученого такого уровня это относительно редкое явление. Постараемся его понять. В свое время мы предложили периодизацию всей 200-летней истории Харьковского университета, которую можно разделить на шесть этапов. Творчество М. Дринова приходится на второй этап этой периодизации: середина XIX – 1919 г. – расцвет университета и превращение его в один из ведущих центров науки и образования в Российской империи; университет находился на уровне европейских стандартов, хотя региональное значение его, по сравнению с предыдущим этапом, несколько сократилось из-за открытия новых учебных заведений.

Таким образом, М. Дринов застал Харьковский университет в цветущем состоянии. За несколько месяцев до его приезда стали выходить „Записки императорского Харьковского университета“, которые сменили печатавшиеся ранее в университетской типографии акты речи профессоров. В 1873 г. при университете было основано общество физико-химических наук и медицинское общество, в 1876 г. к ним (и образованному еще в 1869 г. обществу естествоиспытателей) добавились историко-филологическое общество, в 1879 г. было создано математическое, а в 1901 г. – юридическое общество. Эти общества оживили научную жизнь Харькова и сыграли крупную роль в развитии исследований.

В этот период в университете творили видные ученые, которые составляют гордость не только украинской и российской науки, но и мировой. Языковед А. А. Потехня – основоположник славянской диалектологии, основатель психологического направления в языкознании и литературоведении, создатель синтаксиса восточнославянских языков; его ученик Д. Н. Овсяннико-Куликовский – лингвист, исследователь психологии художественного творчества; корифей украинской науки – Н. Ф. Сумцов – историк, фольклорист, этнограф, литературовед; историки Д. И. Багалеи, В. П. Бузескул; историк искусств Е. К. Редин; историк церкви А. С. Лебедев. А рядом с ними – Н. Я. Аристов, А. С. Вязигин, А. П. Зернин, В. С. Иконников, А. И. Кирпичников, В. К. Надлер, М. Н. Петров, М. Г. Халанский, Р. И. Шерцль и другие. Созвездие имен! Каждое из которых достойно диссертационного или монографического исследования*. Но здесь перечислены только гуманитарии. В университете трудились не менее яркие представители точных и естественных наук: математики А. М. Ляпунов, К. А. Андреев, В. Г. Имшенецкий, Д. А. Граве, физики В. И. Лапшин и Н. Д. Пильчиков, астрономы И. И. Федоренко и Г. В. Левицкий, химики Н. Н. Бекетов и А. П. Эльтеков, представители других отраслей знаний. Очевидно, в Харьковском университете сложилось плодотворное сотрудничество и благоприятная психологическая атмосфера для научного общения и взаимообогащения.

* О некоторых из них такие работы уже созданы (Н.Я. Аристов, Е.К. Редин, В. С. Иконников, о ряде других – создаются).

Именно в этот период, не без участия М. Дринова, почетными членами университета были избраны такие крупные представители гуманитарного знания как В. Ягич и Ф. И. Буслев, Н. П. Кондаков и Ф. Е. Корш, А. Н. Веселовский и виконт Э.-М. де Воюэ, другие, не менее известные ученые.

В период, когда в Харьковском университете преподавал М. Дринов, в нем обучались такие выдающиеся личности как литературовед А.И. Белецкий, математик В. А. Стеклов, философ А. А. Богданов (Малиновский), историк Д. И. Яворницкий, медик В. П. Воробьев, экономист М. И. Туган-Барановский и многие другие.

Харьков и Харьковский университет в конце XIX – начале XX ст. находились на уровне своего времени. Здесь были созданы условия, позволившие реализовать смелые проекты, сделаны выдающиеся открытия, в т.ч. созданы мирового уровня славистические исследования. В этом, седьмом тогда по численности населения, славянском городе мира (в наше время среди таких городов Харьков находится на шестом месте) возникла школа славяноведения, общепризнанным лидером которой стал член всех славянских академий, существовавших в рассматриваемый период, Марин Дринов.

Если попытаться коротко сформулировать, что же это за условия, которые дали возможность реализоваться блистательным талантам М. Дринова и его коллег, то это, во-первых, глубокие научные традиции, которые тянутся не только от основания Харьковского университета, но и к Харьковскому колледжиуму, которому недавно исполнилось 280 лет. А, во-вторых, – наличие зрелого научного сообщества, которое характеризовалось высоко сенсифицированным передовыми идеями научным пространством. Если в начале XIX ст. Василий Каразин творил почти в одиночку, то близкий к нему по болгарскому своему происхождению Марин Дринов был частью развитого, европейского уровня, научного сообщества.

Марин Дринов не только сохранял и развивал традиции Харьковского университета, он был одним из тех, кто своей деятельностью способствовал его дальнейшему расцвету. Почетный член Харьковского университета, знаменитый химик Д. И. Менделеев отметил: „Вся гордость ученого в учениках, в росте посеянных им семян“. Преемниками М. Дринова в университете были Д. К. Зеленин и А. Мазон, Г. А. Ильинский и О. Л. Погодин, и другие замечательные слависты, а заложенные им традиции болгаристики и сегодня успешно развиваются в стенах нашего университета.

¹ См. Каразин В. Н. Сочинения, письма и бумаги... . X., 1910. – 926 с.

² Багалея Д.И., Миллер Д. П. История города Харькова за 250 лет его существования. Т. II. XIX – нач. XX века. – X., 2004. – С. 573–651.

³ Мікін Аннет. Харків // Наукові записки кафедри українознавства Харківського університету. Вип. 1. – X., 1994. – С. 43.

⁴ История города Харькова XX столетия. – X., 2004. – С. 41–86.

НАРОДНОПОЕТИЧНА ТВОРЧІСТЬ БОЛГАР У НАУКОВІЙ ДІЯЛЬНОСТІ ХАРКІВСЬКИХ УЧЕНИХ XIX – ПОЧАТКУ XX СТОЛІТТЯ

І. П. Горбань

Доба іноземного поневолення Болгарії спричинила занепад болгарської культури, колись відомої і впливової серед європейських держав. Чи не єдиним виявом духовного життя народу у цей період була його поетична творчість, яка, розвиваючись в умовах жорстокого національного і соціального гноблення, увібрала в себе ідеї, що освітлювали поневоленому народові шлях у важкій непримиренній боротьбі.

У XIX ст. внаслідок посилення національно-визвольного руху Болгарія стала центром уваги європейської громадськості. Гаряче підтримували болгар у їх боротьбі за звільнення від османського іга, за право будувати політичне, економічне і культурне життя нарівні з іншими народами українські вчені. Підтвердження закономірності і справедливості таких прагнень вони знаходили у болгарській народній поезії.

Визначне місце, зокрема, болгарська проблематика зайняла в працях університетської громадськості Харкова. Не випадково Юрій Венелін, повертаючись у 1830 р. з Болгарії, вважав за необхідне відвідати цей навчальний заклад¹. Тут не лише викладачі, а й студенти-філологи та історики цікавилися проблемами болгарської народнопоетичної творчості. Тому не дивно, що чимало вихованців університету стали відомими болгаристами і зробили значний внесок у розвиток болгарської фольклористики. Серед них В. Григорович, О. Потєбня, М. Дринов, М. Халанський, М. Сумцов та багато ін.

Засновником наукової болгаристики в університеті став Ізмаїл Срезневський, який очолив кафедру славістики у 1842 року. У своїх лекціях він систематично подавав студентам відомості з історії, етнографії, мови і фольклору слов'ян, зокрема й болгар. Його лекції, насичені чималим ілюстративним матеріалом, користувалися незмінним успіхом у слухачів. Поетичну творчість слов'ян І. Срезневський виділяв в окремий курс, вважаючи її найголовнішим джерелом ознайомлення з народом та його мовою. При цьому він давав характеристику і маловідомому ще тоді болгарському фольклору².

Прагнучи ознайомити наукову громадськість слов'янських країн з першими досягненнями болгарської літератури й фольклористики, вчений опублікував у 1846 р. «Очерк книгопечатания в Болгарии»³. Цей нарис став не тільки першою бібліографією болгарських творів, а й першою спробою їх критичної оцінки. «Наступний хронологічний огляд болгарських книг, незважаючи на те що потребує ще доповнень, – зазначає автор, – може так само бути свідченням, [...] що болгари з кожним роком стають усе діяльнішими. Тим більше необхідним вважав я цей огляд, що порядного списку Болгарських книг до цього часу ще не було, й існування багатьох з них не припуска-

дольсь»⁴. Підтримуючи намагання болгарського народу позбутися іноземного гніту і відродити свою давню культуру, вчений заявляє, що цінність праць болгарських патріотів полягає насамперед у тому, що це вияв протесту проти духовного приниження народу.

У цьому огляді І. Срезневський детально зупиняється і на фольклорних виданнях. Він скрупульозно відзначає кожну публікацію народної пісні, навіть коли це не окремий збірник, а лише додаток. Так, схвально відгукуючись на видання творів Ю. Венеліна у болгарському перекладі, вчений зауважує, що додаток до книжки містить кілька оригінальних болгарських пісень. А розглядаючи поему Н. Герова «Стоян і Рада», зазначає, що поет використав при її написанні фольклорні мотиви. У зв'язку з цим він радить болгарським письменникам вчитися на кращих зразках народної поезії та рекомендує для вироблення добрих естетичних смаків «збирати в народі пам'ятки народної словесності» й друкувати їх якнайбільше. І. Срезневський планував з часом продовжити роботу з упорядкування болгарської бібліографії, про що пише наприкінці свого нарису: «На цьому поки припиняю мій огляд – з надією, що через кілька років можна буде його доповнити не одним цікавим фактом»⁶.

Помітне місце в історії Харківського університету займає ім'я професора Олександра Потебні, «як ім'я глибоко оригінального мислителя, людини високих моральних переконань, принципового і переконаного прибічника вільного розвитку особи і народності»⁷. Важко назвати хоч одну з його праць, присвячених різним галузям філології, де б не досліджувалися зразки народної поезії слов'ян. У численних працях ученого міститься також майстерний аналіз багатого матеріалу зі сфери мови, фольклору та етнографії болгарського народу.

Серед своїх сучасників О. Потебня вважався серйозним болгарознавцем. Тому саме до нього звернулася Комісія Імператорського російського географічного й археологічного товариства з проханням висловити свої міркування щодо програми наукової експедиції до Болгарії. Вже перша праця вченого «О некоторых символах в славянской народной поэзии», привернула увагу як вагоме дослідження слов'янського, зокрема болгарського фольклору⁹. З проблемою символіки народних пісень О. Потебня пов'язує питання про походження та функції постійних епітетів. Великий інтерес, приміром, становлять його нотатки про епітети в поезії південних слов'ян. Будучи противником теорії аристократичного походження південнослов'янського епосу, О. Потебня досліджує основні різновиди паралелізмів, порівнює їх з іншими прийомами народнопісенної образності та аналізує поетику зачинів, що дає йому змогу обґрунтувати думку про народне походження південнослов'янських юнацьких пісень.

Він також розглянув найпоширеніші пісенні розміри народної поезії. Їхню різноманітність у сербському, болгарському, російському та українському фольклорі вчений пояснює рухомістю наголосів у цих мовах. Грунтуючись на широкому порівняльному матеріалі, О. Потебня у багатьох працях підкреслює й глибоку схожість народнопоетичної творчості слов'ян. Але він відмовляється бачити в цьому результат запозичення і пояснює її спільністю походження та загальними закономірностями мислення у подібних обставинах¹⁰.

Як бачимо, у О. Потебні немає спеціальних студій, присвячених народній словесності болгар, але в багатьох працях він детально вивчає проблеми поетичної творчості південних слов'ян, залучаючи до дослідження болгарський

матеріал*. Так, у фундаментальній праці «Объяснения малорусских и сродных народных песен»¹², яка стала однією з перших спроб порівняльного дослідження української й слов'янської народної поезії в Україні, він використовує зразки болгарського фольклору зі збірників С. Верковича, Л. Каравелова, братів Міладинович, В. Чолакова, П. Безсонова та ін. На матеріалі порівняльної характеристики українських колядок, історичних пісень і дум, а також обрядових та епічних пісень слов'ян учений демонструє їх пісенну близькість. В основу порівняльних студій він кладе первісний, найдавніший тип уснопоетичної творчості народу, яким, на його думку, є обрядова пісня, і до аналізу залучає епічні твори – думи, билини, юнацькі пісні, рідше балади. Як зазначає І. Франко, О. Потебня першим «приложив до колядок, а обік них і до деяких дум метод, наразі найвірніший, конечний: подрібного досліду над кождою поодинокю піснею з усіма її варіантами»¹³.

Питань болгарського епосу О. Потебня торкається у другому томі своєї праці, розглядаючи думу про Олексія Поповича. Опираючись на порівняльну характеристику цієї думи інших вчених, він вважає за доцільне навести ще кілька паралелей до її мотивів, щоб визначити місце цієї думи серед епічних пісень слов'ян. У результаті О. Потебня доходить висновку, що схожість, яка нібито є між цією козацькою думою і великоруськими билинами про Альошу Поповича, не дає підстав стверджувати, ніби «Альоша Попович доживає свій вік в образі Олексія Поповича» (як твердили М. Дашкевич та О. Веселовський). Близькою до української думи за основними мотивами – буря на морі, сповідь грішника, гріх неповаги до матері, поздоровлення слухачів та ін., – О. Потебня вважає болгарську пісню про Станковича Дуку, взяту зі збірника братів Міладинович. До речі, цю пісню він наводить у своєму перекладі.

При зіставленні уснопоетичної творчості українського та південно-слов'янських народів О. Потебня відзначає подібність не тільки у розробці близьких чи спільних мотивів, а й у використанні схожих художніх засобів і в першу чергу 10-складового вірша. На завершення, не роблячи остаточних висновків щодо причин спорідненості українських дум та болгарських юнацьких пісень, учений зазначає, що вони могли мати спільні джерела.

Виявляючи глибокий інтерес до південнослов'янського фольклору, О. Потебня підтримував постійний зв'язок з болгарськими вченими. Його дослідження отримали в Болгарії високу оцінку і дали поштовх до вивчення народної пісні в теоретичному аспекті, а основні положення його праць дістали подальший розвиток у працях багатьох болгарських фольклористів, зокрема у студія академіка М. Арнаудова, який спеціально підкреслював свою солідарність з ідеями українського вченого.

Розвиткові болгаристичних інтересів О. Потебні сприяла дружба з професором Харківського університету Марином Дриновим, який протягом багатьох років очолював там кафедру славістики. Болгарин за походженням, він понад тридцять років жив і працював в Україні, тому однаково належить як болгарській, так і українській науці.

* Характеристика болгаристичних інтересів О. Потебні, крім аналізу його друкованих праць, підтверджена також архівними матеріалами. Сучасна дослідниця Н. Шумада, зокрема, розшукала в Харківській філії Центрального державного історичного архіву України листування вченого з М. Дриновим; свідоцтво, видане радою Імператорського російського географічного й археологічного товариства, про присудження йому Костянтинівської медалі та цінного подарунка за слов'янознавчі фольклорно-етнографічні дослідження і, зокрема, за складання програми наукової експедиції до Болгарії та інші документи¹¹.

Великого значення вчений надавав підготовці майбутніх славістів і виростив не одне покоління молодих фольклористів. Його вихованцями, зокрема, були М. Халанський, М. Сумцов та Д. Матов¹⁴. Крім цього, М. Дринов підтримував дружні стосунки з багатьма відомими славістами і, як зауважила Н. Шумада, «був живим центром, навколо якого єдналися славісти, насамперед болгарські й українські. Він познайомив видатних болгарських вчених: К. Шапкарева, Н. Бончева, І. Д. Шишманова, Д. Д. Агуру, Л. Г. Мілетича, В. Н. Златарського та інших з багатьма вченими Харкова, Києва, Одеси, Ніжина й інших культурних осередків України»¹⁵.

Внесок видатного славіста у розвиток фольклористики належно оцінили його сучасники. Так, М. Сумцов на святкуванні 30-річного ювілею діяльності М. Дринова в Харківському університеті зазначив, що він «працював для слов'янської історико-літературної спільності, для національно-політичного відродження Болгарії і науково-культурного освідомлення України»¹⁶. Після смерті вченого в Харківському університеті було встановлено щорічну премію ім. М. Дринова, яку присуджували по черзі студентам Софійського і Харківського університетів. Для здобуття премії була запропонована тема «Про національні побутові елементи болгарських народних пісень». Праці харківських студентів показали, що вивчення народнопоетичної творчості болгарського народу займає визначне місце в одному з найбільших вищих учбових закладів України¹⁷.

Захоплення М. Дринова народною поезією болгар мало великий вплив на багатьох його колег та студентів. Одним із них є відомий український філолог Микола Сумцов, який у багатьох працях, зокрема, у студіях «Народные песни об отравлении змеиным ядом», «Легенда о грешной матери», «Песни и сказки о живом мертвеце», «Дума об Алексее Поповиче» та інших, звертається до болгарського фольклору¹⁸. Він подає науковий огляд варіантів окремих пісенних мотивів, робить спробу їх систематизувати, висловлює свої міркування щодо їхнього походження і шляхів поширення, вивчає спільні та специфічні елементи у народній поезії обох народів.

У дослідженнях М. Сумцова, приміром у великій праці «Культурные переживания», що частинами публікувалася в «Киевской старине», аналіз народнопоетичної творчості подається в органічному зв'язку з обрядами, звичаями та обстановкою, в яких вони побутували¹⁹. Матеріал для своїх студій учений бере зі збірників В. Чолакова, братів Миладинових, С. Верковича, Л. Каравелова, а також з праці О. Потєбні та М. Дринова.

М. Сумцов не тільки сам цікавився болгарським фольклором, а й уважно слідкував за працями інших учених, які виявляли інтерес до його дослідження. Він пише низку розвідок, у яких характеризує досягнення українських славістів, присвячених проблемам болгарської народнопоетичної творчості²⁰.

Серед українських фольклористів М. Сумцов одним із перших зробив спробу дати узагальнюючий огляд праць про народну творчість у роботі «Современная малорусская этнография», де, зокрема, аналізує розвідку П. Житецького «Мысли о народных малорусских думах». Високо оцінивши її загалом, учений водночас вказує (як недолік), що дослідник не розглядає спорідненості українських дум з творами інших слов'янських народів, зокрема болгар. Велике наукове значення, на його думку, мало б також порівняння епітетів українських дум з епітетами в болгарській і сербській народній поезії, що допомогло б визначити «наскільки вони національні і наскільки загальновідомі»²¹.

М. Сумцов уважно стежив за розвитком фольклористики в Болгарії, вивчав нові матеріали та цікавився культурним і науковим життям цієї країни. На сторінках українських періодичних видань з'являються статті та спеціальні розвідки вченого про болгарську археологію, етнографію та поетичну творчість²². Він, зокрема, пише, що «успіхи болгарської науки великі і вони викликають вже необхідність в таких бібліографічних оглядах, які б знайомили російських та західних учених з ходом робіт і з новими мирними та іншими завоюваннями болгар у галузі вивчення старовини»²³.

Праці українського дослідника, багаті на фактичний і бібліографічний матеріал, були добре відомі в Болгарії. Вже у перших числах періодичного видання «Български преглед» з'явилися рецензії на його розвідки «Муж на свадьбе своей жены», «Песни и сказки о живом мертвце» та «Дума об Алексее Поповиче», а робота «Современная малорусская этнография» була детально проаналізована у десятій книзі часопису «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина» (далі – СБНУ)²⁴. Наукові положення, які висловив український славіст у цих та інших працях, були розвинуті у дослідженнях болгарських науковців, зокрема, у студії А. Стоїлова «Сестра отровница»²⁵.

Болгарські фольклористи високо цінували наукову компетентність вченого, тому часто зверталися до нього з проханням прорецензувати їхні твори та надіслати для публікації у періодичних виданнях свої праці, що стосуються болгарської словесності²⁶. Свідченням тісних наукових контактів, які він підтримував з болгарськими колегами, є листи від І. Шишманова, В. Златарського та А. Стоїлова, що зберігаються у фонді особистого архіву М. Сумцова²⁷. Великий інтерес становить і його листування з випускником Харківського університету Д. Матовим*, де йдеться про взаємний обмін працями й періодичними виданнями та обговорюються різноманітні наукові проблеми**.

Розвиткові болгаристики в Харківському університеті сприяла діяльність Історико-філологічного товариства, члени якого займалися вивченням культури, побуту та народної творчості слов'ян. З цією метою вони здійснювали поїздки в Болгарію для вивчення пам'яток архітектури і мистецтва, влаштовували вечори болгарської поезії, читали доповіді про історичні пісні болгарського народу та публікували статті в місцевій пресі. Товариство підтримувало широкі контакти з іноземними вченими і видавало свій збірник***.

У розвідках українських вчених кінця XIX ст. болгарська проблематика виникає найчастіше у зв'язку з розробкою загальних і спеціальних питань народнопоетичної творчості слов'ян; водночас з'являються дослідження, присвячені власне болгарському фольклору. Надзвичайно важливе місце серед них займають праці випускника, а згодом професора Харківського університету Михайла Халанського, який упродовж багатьох років досліджував слов'янський епос. Він написав чимало розвідок на цю тему, найвагомішою серед яких є монографія «Южно-славянские сказання о Кралевиче Марке в связи с произведениями русскаго былевого эпоса»²⁹.

* Димитр Матов належить до вчених, які заклали науковий фундамент болгарської фольклористики. Захопленню цією наукою сприяло його тривале перебування в Україні, де він отримав освіту. Значну роль у становленні наукових інтересів Д. Матова відіграли його вчителі: М. Дринов, О. Потєбня та М. Сумцов.

** Листи Д. Матова до М. Сумцова зберігаються в Харківській філії Центрального історичного архіву і вперше були опубліковані Н. Шумадою у 1970 році²⁸.

***3 12 томів «Сборника Харьковского Историко-Филологического Общества» 11 редагував М. Сумцов, який після М. Дринова зайняв посаду голови Товариства.

Починаючи роботу над цим дослідженням, учений ставить перед собою завдання зібрати і систематизувати розпорошені у різних збірниках південнослов'янські перекази про Королевича Марка, вияснити їхню причетність до історії південних слов'ян та зв'язок з творами давньослов'янської літератури й епосами сусідніх народів³⁰. До М. Халанського майже ніхто серйозно не займався цією проблемою. Тому академік В. Ягич, до якого звернувся молодий дослідник, наголошує: «...з питання, яке Вас цікавить, у південних слов'ян не зроблено практично нічого, за винятком сирого матеріалу, опублікованого будь-де і будь-як. Тому Вам потрібно буде зробити практично все»³¹.

Перед тим, як взятися до виконання цього завдання, вчений видає низку інших, більших і менших студій з окремих проблем південнослов'янського епосу. Деякі цікаві питання, які він потім включає до свого дослідження, М. Халанський розглядає у статтях «Заметки по славянской народной поэзии (II. Кого нужно разуметь под именем «черных арапов» в сербской народной поэзии? III. О «бугариштицах»)», «О сербских народных песнях Косовского цикла», «О некоторых географических названиях в русском и южнославянском героическомэпосе», «Южнославянские песни о смерти Марка Кралевича» та ін.³²

У процесі роботи над монографією вчений зібрав та систематизував майже всі опубліковані на той час фольклорні матеріали, що стосуються південнослов'янського і, зокрема, болгарського епосу. Він використав все, що знайшов у фундаментальній бібліотеці Харківського університету та приватній бібліотеці професора М. Дринова. Крім того, відвідав Белград і Загреб, де розшукав невеликі, але науково цінні збірники пісень.

Зібраний матеріал М. Халанський групує в хронологічному порядку історичного та епічного життя Королевича Марка, створюючи його своєрідну біографію. Водночас він розглядає і прозові твори про цього улюбленого героя південних слов'ян. Майже в кожному розділі своєї праці автор наводить багато болгарських епічних пісень та переказів. Він використовує публікації з «Периодическо списание», СБНУ, збірників В. Качановського, К. Шапкарева, П. Ілієва та ін. Аналіз зібраного матеріалу дає йому змогу зробити позитивні для болгарського юнацького епосу висновки. Це, зокрема, стосується питання про батьківщину пісень про Королевича Марка та більшу старовинність їхніх болгарських варіантів.

Монументальна праця вченого відразу зацікавила науковців. Одним із перших на неї відгукнувся М. Сумцов, який вказав на вагомість дослідження, новизну висновків та багатство фактичного матеріалу. У рецензії він зазначає: «В даний час багато вчених користуються ним як дуже солідним дослідженням і в майбутньому, мабуть, надовго і для багатьох ця праця служитиме важливим посібником»³³. І справді, з моменту свого виходу в світ і досі робота М. Халанського, незважаючи на деякі недоліки, не втратила свого значення*. А сам учений займає чільне місце серед дослідників південнослов'янського, зокрема болгарського, юнацького епосу як автор єдиної опублікованої на сьогодні цілісної праці з найбільшого розділу цих пісень, а саме – пісень про Королевича Марка.

* Працю М. Халанського досі використовують і обговорюють багато вчених, свідченням чого є низка рецензій та критичних заміток, в яких наголошується на її позитивних і негативних аспектах. Найчастіше у сучасній фольклористиці критикується метод нагромадження численних порівнянь без досягнення конкретних висновків та теза про аристократичне походження героїчного епосу.

Отож, як бачимо, народнопоетична творчість болгар займала значне місце в науковій діяльності харківських учених XIX – початку XX ст., які чимало зробили для становлення і розвитку болгарської фольклористики та популяризації її досягнень. Своїми працями вони не тільки посилювали інтерес громадськості до народної словесності та етнографії Болгарії, а й сприяли розширенню тематики їхнього вивчення.

¹ Попов Г. Болгаристика в Харьковском университете (1805 – 1981) // История и съвременно състояние на българистиката: Първи международен конгрес по българистика. София, 23 май – 3 юни 1981. Доклади: В 2 ч. – София: Изд-во на БАН, 1982. – Ч. 2. – С. 37.

² Срезневский В. И. Краткий очерк жизни и деятельности И. Срезневского // Памяти Измаила Ивановича Срезневского. – Петроград: Тип. Императорской АН, 1916. – С. 28.

³ Срезневский И. Очерк книгопечатания в Болгарии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1846. – Ч. LI, отд. V. – С. 1–28.

⁴ Срезневский И. Очерк книгопечатания в Болгарии. – С. 5.

⁵ Заради возрождение новой болгарской словесности или науки. Сочинение, или книжка Руского Историописателя Венелина. Превел Губернский секретарь К. Кифалов Тетевенець. С пригласением няколко песней и Истории заради Полу-Славяне, или Румуне (Молдо-Власи), и някоих достопамятств и мудрых изречений. – Букурешт: Напечатана от Юсифа Копайнига, 1842.

⁶ Срезневский И. Очерк книгопечатания в Болгарии. – С. 26.

⁷ Сумцов Н. Ф. Вступление А. Потební на ученое поприще и участие в этом деле М. С. Дринова // Почеть. Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. Марину Степановичу Дринову его учениками и почитателями. – Харьков: Электр. Типо-Литогр. С. А. Штерковича, 1908. – С. 129.

⁸ Шумада Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки (період Болгарського відродження). – К.: Вид-во АН УРСР, 1963. – С. 120

⁹ Потební А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. – Харьков: Унив. тип., 1860.

¹⁰ Потební А. О Доле и сродных с нею существах. – М.: Тип. Грачева и Комп., 1862;

Потební А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. – М.: Тип. Грачева, 1867.

¹¹ Шумада Н. С. Становление украинско-болгарских фольклористических контактов / Единение народов – единение культур. – К.: Наук. думка, 1987. – С. 19.

¹² Потební А. А. Объяснение малорусских и сродных народных песен: В 2 т. – Варшава: Тип. М. Земкевича и В. Ноаковского, 1883. – Т. I; 1887. – Т. II.

¹³ Франко І. Розбір думи про бурю на Чорному морі // Франко І. Зібрання творів: У 50 т. – К.: Наук. думка, 1981. – Т. 29. – С. 196.

¹⁴ Шумада Н. С. Фольклористична діяльність М. С. Дринова // Народна творчість та етнографія. – 1964. – № 1. – С. 51.

¹⁵ Шумада Н. С. Українсько-болгарські фольклористичні зв'язки (період Болгарського відродження). – С. 133.

¹⁶ Сумцов Н. Ф. Вступление проф. М. С. Дринова в Императорский Харьковский Университет // Почеть. Сборник статей по славяноведению, посвященных проф. Марину Степановичу Дринову его учениками и почитателями. – Харьков: Электр. Типо-Литогр. С. А. Штерковича, 1908. – С. 27.

¹⁷ Шумада Н. Фольклористична діяльність М. С. Дринова. – С. 55–56.

¹⁸ Сумцов Н. Ф. Легенда о грешной матери // Киевская Старина. – 1893. – Т. 41. – Кн. 5. – С. 195 – 208; Сумцов Н. Ф. Народные песни об отравлении змеиным ядом. – К.: Тип. Г. Т. Новицкого, 1893; Сумцов Н. Ф. Песни и сказки о живом мертвец. – К.: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894; Сумцов Н. Ф. О славянских народных воззрениях на новорожденного ребёнка // Журнал Министерства народного просвещения. – 1880. – Ч. ССХІІ. – № 1. – С. 68–94.

¹⁹ Сумцов Н. Культурные переживания // Киевская старина. – 1889. – Т. XXIV. – С. 65–89, 403–423, 665–684; Т. XXV. – С. 124–140, 485–506; Т. XXVI. – С. 28–46, 402–427, 631–652; Т. XXVII. – С. 18–51, 281–327, 582–603.

²⁰ Сумцов Н. Ф. Исследования М. П. Драгоманова по фольклору в болгарском «Сборнике за народни умотворения» // Записки Императорского Харьковского университета. – 1898. – Кн. 4. С. 1–11; Халанский М. Е. Южно-славянские сказания о Кралевице Марке: Рец. Сумцова Н. Ф. – Харьков: Тип. М. Зильберберга, 1895.

- ²¹ Сумцов Н. Ф. Современная малорусская этнография: В 2 ч. – К.: Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1897. – Ч. II. – С. 4.
- ²² Новицкого Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, издава Министерството на народното просвещение. – Кн. IX. – София, 1893: Рец. Сумцова Н. Ф. // Этнографическое обозрение. – 1893. – Кн. XIX, № 4. – С. 201–202; Сумцов Н. Ф. Современная болгарская археология. – Харьков: Печатное дело, 1914.
- ²³ Сумцов Н. Ф. Современная болгарская археология. – С. 8.
- ²⁴ Сумцов Н. Ф. Современная малорусская этнография. Часть I-ая (с портретом А. А. Потебни). Издание редакции журнала «Киевская старина». Киев 1893. ПН-168 in 8°: Рец. Матова Д. // СБНУ. – 1894. – Кн. X. – С. 68–69.
- ²⁵ Стоилов А. Сестра отровнаца // Христоматия по българска фолклористика. – София: Университетско изд-во „Св. Климент Охридски“, 1991. – С. 14–121.
- ²⁶ Шумада Н. С. Сторінка українсько-болгарського фольклористичного спілкування (Листи Д. Матова до М. Сумцова) // Слов'янське літературознавство і фольклористика. – 1970. – Вип. 6. – С. 95–96.
- ²⁷ Микола Федорович Сумцов (1854–1922). Опис документальних матеріалів особистого фонду № 794. – 1876–1921 р р. – К.: Наук. думка, 1965. – С. 39, 68.
- ²⁸ Шумада Н. С. Сторінка українсько-болгарського фольклористичного спілкування (Листи Д. Матова до М. Сумцова). – С. 94–98.
- ²⁹ Халанский М. Южно-славянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа: В 2 т. – Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1893. – Т. 1. – С. 1–180; 1894. – Т. 2. – С. 182–471.
- ³⁰ Халанский М. Южно-славянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. – С. 2.
- ³¹ Халанский М. Южно-славянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. – С. 3.
- ³² Халанский М. Заметки по славянской народной поэзии (II. Кого нужно разуметь под именем «черных арапов» в сербской народной поэзии; III. О «бугариштицах») // Русский филологический вестник. – 1882. – Т. VII. – С. 113–134; Халанский М. К вопросу о заимствованиях в южно-славянском народном эпосе // Русский филологический вестник. – 1884. – Т. XI. – С. 99–115, 233–245; Халанский М. О некоторых географических названиях в русском и южно-славянском героическом эпосе // Русский филологический вестник. – 1901. – Т. XLV. – С. 318–338; Халанский М. О сербских народных песнях Косовского цикла // Русский филологический вестник. – 1882. – Т. VII. – С. 244–267; Т. VIII. – С. 9–29, 291–310; Халанский М. Южнославянские песни о смерти Марка Кралевича // Статьи по славяноведению / Под ред. Ламанского В. И. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1904. – С. 113–148.
- ³³ Халанский М. Е. Южно-славянские сказания о Кралевиче Марке: Рец. Сумцова Н. С. – С. 11.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. И. СИДЕЛЬНИКОВА И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Н. И. Самойленко

Болгарское национальное возрождение как исторический период в жизни болгарской нации занимало центральное место в научном творчестве С. И. Сидельникова (1916–1978). Весь комплекс проблем, связанных с исследованием освободительного движения болгарского народа против османского ига, всегда привлекал внимание отечественных историков. В Украине сложились несколько научных центров болгаристики (Киев, Харьков, Львов, Одесса), представители которых анализировали двусторонние связи и контакты в различных областях культуры, позицию общественности относительно событий на Балканах, влияние российской социальной мысли на становление лидеров болгарского освободительного движения¹. Именно с этой точки зрения в 50–70-е гг. XX в. подавляющее большинство отечественных историков рассматривали особенности национально-освободительной борьбы болгарского народа XIX в.

Работы С. И. Сидельникова стоят несколько в стороне этой традиции: в них исследовались эндогенные факторы национального Возрождения. Несмотря на то, что его научное творчество было объектом историографических исследований², интерес оно представляет и сегодня. Международный комитет славистов подчеркнул актуальность изучения национального Возрождения славянских народов, предложив к обсуждению отдельные его аспекты XIV съезду славистов в Охриде, 2008 г³.

В условиях фундаментализации отечественного сознания, которая охватила сегодня почти весь цивилизованный мир и ведёт к усилению консервативно-охранительных начал исторического прогресса, можно наблюдать наряду с другими активизацию общественных движений этнического либо этноконфессионального содержания. Как показывает опыт развития Юго-Восточной Европы последних пятнадцати лет, подъём этнического самосознания, совпадающий по времени с кризисными явлениями в политической, экономической, социальной областях, может привести к трагическому распаду межэтнических государственных образований. Учитывая реалии глобализованного мира, обращение к опыту этнической общности в догосударственный период поможет дать адекватный ответ на вопрос о грани, которая отделяет национальное движение во всех его проявлениях от терроризма как способа давления на общество либо сепаратизма.

Изучение этнических движений на разных этапах их исторического развития, в том числе национальном, позволяет проследить их закономерности с целью прогнозирования их перспектив. В этой связи важно понять, что в творческом наследии историков не утратило своей актуальности, что заслуживает развития, а от чего следует отказаться. Без учета исторических аспектов формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе в современных условиях невозможна разработка взвешенной региональной политики.

Обращение к творческому наследию С. И. Сидельникова, несомненно, содействует формированию у исследователя в условиях общества переходного типа способности и готовности к преодолению барьеров вчерашних стереотипов национальных движений. Эти барьеры – примитивные представления о соотношении социальных, политических и этнических компонентов, абсолютизация роли революционного течения, схематичное толкование позиций сословий традиционного общества в отношении поработителей, ограниченное понимание идеологического и этического обоснования своих целей различными носителями процесса национального возрождения.

С. И. Сидельников с конца 1930-х гг. в течение всей жизни занимался изучением истории Болгарии. Итоги его работы нашли отражение в кандидатской («Воссоединение княжества Болгария и Восточной Румелии (1878–1885 гг.)», 1946 г.) и докторской («Создание и деятельность первого Болгарского революционного центрального комитета (1868–1873)», 1963 г.) диссертациях, трёх весомых монографиях⁴, около тридцати научных статьях, многочисленных историографических обзорах и рецензиях, справочнике, учебном пособии⁵. Семь работ были опубликованы в Болгарии, где научные поиски исследователя находили живой и заинтересованный отклик.

Профессиональные интересы учёного были яркими и разнообразными. В изучении С. И. Сидельниковым болгарского национального Возрождения как исторического этапа в развитии болгарской нации можно выделить следующие направления: 1. соотношение различных политических сил на отдельных его этапах, их содержание, 2. место интеллигенции в антиосманской борьбе накануне освобождения, 3. противостояние течений как фактор развития; 4. структура, сословный и социальный состав революционных организаций; 5. идеология политического радикализма в освободительном движении.

Научным работам С. И. Сидельникова всегда были свойственны тщательный анализ широкого круга исторических источников как архивных, что впервые вводились в научный оборот, так уже и опубликованных. Его выводы опирались на достоверные факты. Широкая источниковая база, её постоянное обновление за счёт поиска делали возможным исследовать проблемы, которые почти не изучались предшественниками. В частности, перу С. И. Сидельникова принадлежало первое в отечественной науке монографическое исследование (1959 г.) о жизни и деятельности Г. С. Раковского, личность которого привлекала историка в течение многих лет⁷. Его деятельность анализировалась на фоне глубокой характеристики всей эпохи болгарского Возрождения, болгарского общества, основных течений в освободительном движении. Учёный считал Г. С. Раковского не только практиком, но и теоретиком антиосманской борьбы, который стоял у истоков революционного направления в освободительном движении. Несмотря на это, по наблюдениям С. И. Сидельникова, болгарский революционер принадлежал скорее к смешанному типу политических лидеров, нежели к радикальному. Историк убедительно доказал, что именно с Г. С. Раковским связано возникновение идеи достижения независимости через вооруженное восстание и разработка четнической тактики. Идеалы Г. С. Раковского заложили основы того направления в национальном движении, которое стало решающим в деле завоевания независимости⁸.

Учёный также обращался к деятельности другого лидера освободительной борьбы Васи́ла Левского⁹. Признавая, что как деятель общенационального масштаба в освободительном движении он сформировался под влиянием многочисленных факторов, исследователь в качестве решающего считает

революционное направление, связанное с именем Г. С. Раковского. С. И. Сидельников обращает внимание на то, что благодаря В. Левскому и его кругу накануне завершающего этапа борьбы за национальное государство происходит становление таких характерных черт освободительного движения как массовость, организованность, наличие социальных идеалов (в частности, утопических) политической программы (республиканизм, впервые выдвинутый в Болгарии как политический принцип Болгарским революционным центральным комитетом). Видя в Левском лучшие качества народного трибуна, историк особое внимание уделял социальному идеалу и способам его достижения в представлении лидеров Болгарского революционного центрального комитета¹⁰.

Здесь учёному в определённой степени удалось преодолеть ограниченное понимание идеологии как выражения классовых интересов, что было широко распространено в отечественном общественном сознании. Подчёркивая, что для Левского не было ничего святого народа, исследователь находил в его взглядах обоснование способов социальной, политической, идейной активности болгарского народа, которые позволяют ему реализовывать исторический опыт, накопленный в сопротивлении османскому игу, умения, знания, способности и волю в борьбе за освобождение. Обращаясь к эпистолярному наследию апостола¹¹ свободы С. И. Сидельников не только акцентирует внимание на классовом – что было обязательной нормой при изучении идеологии массовых движений в отечественной историографии рассматриваемого периода, – но и на общечеловеческом содержании его взглядов: принципе равноправия в отношениях между народными патриотами. В стане оппонентов В. Левского исследователь не находит лидеров, которые по степени влияния на массы, авторитету, вкладу в дело освобождения можно было сопоставить с этой личностью. Творческое наследие харьковского историка свидетельствует, что хотя в советский период не было создано специальных трудов о роли интеллигенции в подготовке Апрельского восстания, он достаточно близко подошел к ответу на вопрос о её месте в канун заключительного этапа национального движения за освобождение Болгарии от османского ига¹².

Изучая борьбу болгарского народа за создание собственного государства, С. И. Сидельников опирался на классовый подход к анализу общественных процессов, что соответствовало господствовавшим многие годы в отечественной историографии марксистским концептуальным нормам и не могло не ограничивать творческий поиск. Как и другие советские историки, он долгое время связывал достижение независимости с деятельностью исключительно тех сил в освободительном движении, которые возглавляли лидеры, оцениваемые как революционеры-демократы (В. Левский, Хр. Ботев и их круг). Однако логика изучения исторического процесса привела ученого к выводу, что носителями исторической памяти выступили в той или иной степени все социальные слои болгарского общества, а, значит, освобождение следует связывать с деятельностью всей нации, в том числе и её социальной элиты, в целом.

Опираясь на изучение социального состава, идейной направленности, тактических установок, степени массовости борьбы против угнетения, С. И. Сидельников выделил различные её этапы. Специальных работ, посвященных этой проблеме, он не оставил, однако в общем виде периодизация совпадала с болгарской. Высший этап национального движения развернулся, когда его возглавил Болгарский революционный центральный комитет (БРЦК). Учёный пересмотрел традиционную точку зрения на сроки создания

комитета. Исследователь сосредоточил внимание на проблеме, которая в советский период считалась историками в числе важнейших – противостояние конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. между революционерами-демократами и буржуазными радикалами¹³. Закономерным было, что в монографиях (1962 г. и 1970 г.), статьях и рецензиях С. И. Сидельников отслеживал развитие борьбы по вопросам будущего политического устройства страны, роли вооруженного восстания и революционной организации в освобождении болгарского народа.

Заслуживает внимания оригинальная методика исторического исследования, связанная с тщательным применением количественных методов анализа общественных явлений. Статистические подсчеты постоянно углублялись и планомерно уточнялись, что позволило дать вполне определённый ответ на вопрос о социальном составе руководства БРЦК¹⁴.

Работы С. И. Сидельникова – существенный вклад в исследование проблем болгарского национального Возрождения. Их отличал не только высокий уровень академизма, но и новаторство. Концептуально они соответствовали традиционному для всей советской историографии классовому подходу и анализу общественных процессов, что, в частности, объективно предопределило исследование болгарского национального движения с позиций борьбы, не оставив места для поиска элементов и признаков конвенционализма в нём. Однако творческая мысль историка способна была преодолевать ограниченные стереотипы национального движения, о чём свидетельствует и расширение тематики научной работы, и критическое отношение к собственным заключениям и наблюдениям.

Интерес к творческому наследию С. И. Сидельникова не замыкается рамками болгаристики. Его исследования по времени совпали с расцветом социальной истории в мировой исторической науке¹⁵ и соответствовали наиболее конструктивным и плодотворным её традициям – обращение к понятию «общество», критическое использование источников, междисциплинарный подход, количественные, статистические методы, которые не исчерпали себя и по сей день. К концу XX в., когда идеи К. Маркса в развитии исторической науки несколько утратили своё значение и стала очевидной необходимость выработки новых подходов к освещению исторического процесса, историческая наука превратилась в объект критики со стороны постмодернизма¹⁶. Работы о болгарском национальном Возрождении, подобные исследованиям С. И. Сидельникова, могут служить убедительным доказательством правомерности бытия исторической науки как науки эмпирической и отражать постмодернистские атаки.

¹ Бачински А. Д. Нови данни за пребиваването на Любен Каравелов в Русия през 1869 г. // Исторически преглед. – 1961. – № 5. – С. 79–85; Горский В. С. Связи украинской революционной демократии с прогрессивной мыслью Болгарии во второй половине XIX ст.: Автореф. диссертации канд. философ. наук. – К., 1965; Дихан М. Д. З історії розвитку російсько-болгарських культурних зв'язків в другій половині XIX ст. // Праці Одес. ун-ту. – 1958. – Т. 148. – Вип. 1. – С. 147–161; Жебокрицький В. А. Роль Росії у визволенні Болгарії від турецького гніту. – К., 1958; Подлесный Н. П. Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и общественное мнение России. Автореферат диссертации канд. ист. наук. – Харьков, 1963; Сохань П. С., Жук В. Н. Национально-освободителната борба на българския народ през 70-те години на XIX век и украинската общественост // В чест на акад. Хр.-А. Христов. Изследвания. – София, 1976. – С. 193–207; Чорний В. П. Героическая эпопея болгарского народа (Апрельское восстание 1876 г.). – Львов, 1976.

Чернявський Г. И. И Исследования С. И. Сидельникова по проблеме национально-освободительного движения болгарского народа // Советское славяноведение. – 1980. – № 2. – С. 84–92; Чернявський Г. И., Чувпило А. А. Разробтка проблем национально-освободительного движения болгарского народа в трудах С. И. Сидельникова // Вопросы новой и новейшей истории. – Вып. 25. – С. 125–129; Чернявський Г. Й., Чорний В. П. Розробка проблем болгарського національно-визвольного руху в працях С. І. Сидельникова // Проблеми слов'язнавства. – Вып. 20 – 1979. – С. 96–102; Пугач Е. П. Развитие советской болгаристики в Харькове // Харьков и Болгария. Материалы научной конференции. – М., 1991. – С. 15–22; Сапронова Н. Т. К. Г. Поглубко и С. И. Сидельникова о роли интеллигенции в подготовке Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии // Проблемы источниковедения, историографии и культуры Болгарии, истории болгаристики: III Дриневские чтения. – Харьков, 1994. – С. 111–113 и др.

³ Протокол заседания Президиума международного комитета славистов // Славяноведение. – 2005. – № 5. – С. 57.

⁴ Сидельников С. И. Болгарський революціонер Георгій Раковський. – Харків, 1959; его же. Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. – Харьков, 1962; его же. Болгарский революционный центральный комитет (1869 – 1872). – Харьков, 1970.

⁵ Чернявський Г. И. и др. Историки-слависты СССР. Библиографический справочник. – Харьков, 1969; Сидельников С. И. та ін. Історія південних і західних слов'ян: Підручник для студ. іст. фак-в ун-тів. – К., 1966; Сидельников С. И. и др. История южных и западных славян (Курс лекций). – М., 1979.

⁶ Сидельников С. И. Руско-българските революционни връзки от средата на 70-те години на XIX в., изследвани от съветската и българската историческа наука // България. Възраждане и Русия. – София, 1981. – С. 525–548; его же. О численном и социальном составе Первого Болгарского революционного центрального комитета в 1869–1873 гг.: Опыт социол. исследования // В памет на академик Михаил Димитров. Изследвания върху българското Възраждане. – София, 1974. – С. 287–309; его же. Съветската и българската историография за руско-българските революционни връзки през 60-те и 70-те години на XIX в. // Проблеми на българската историография след Втората световна война. Материали от науч. конфер. по случай 70-годишнината от основанията на Българското историческо дружество. 20 и 21 мая 1972 г. – София, 1973. – С. 371 – 381; его же. Ценен извор за изучаване на идеологията на Любен Каравелов // Исторически преглед. – 1959. – № 6. – С. 89–96.

⁷ Сидельников С. И. Начало революционной деятельности Г. С. Раковского // Научн. зап. Харьковского пед. ин-та – 1957. – Т. 18. – С. 7–13; его же. К вопросу об оценке идеологии Г. С. Раковского // Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР. – 1961. – Вып. 32. – С. 45–50; его же. Новые работы о Г. С. Раковском // Советское славяноведение. – 1973. – № 3. – С. 109–113.

⁸ Сидельников С. И. Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872). – С. 173.

⁹ Сидельников С. И. Начало революционной деятельности Васила Левского // Учен. зап. Харьковского гос. ун-та. – 1959. – Т. 10. – Труды истор. фак. – Т. 7. – С. 107–121; его же. Роль двох поїздов В. Левського в Болгарію (груд. 1968. – серп. 1869 р р.) у створенні першого Болгарського революційного комітету // Питання нової та новітньої історії. – 1965. – Вып. 1. – С. 97–109; Сидельников С. И. Взглядя Васила Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии в 60-х – начало 70-х гг. XIX в. // Научн. докл. высш. школы. Историч. науки. – 1960. – № 1. – С. 118–127 и др.

¹⁰ Сидельников С. И. Болгарский центральный революционный комитет. – С. 112–138.

¹¹ Там же. – С. 120.

¹² Сапронова Н. Т. Указ. соч. – С. 112.

¹³ Сидельников С. И. Соціально-економічне становище і розстановка класових сил у національно-визвольному русі Болгарії в середині 70-х р р. XIX ст. // Питання нової та новітньої історії. – 1975. – Вып. 20. – С. 48–61.

¹⁴ Сидельников С. И. О численном и социальном составе Первого Болгарского Революционного Центрального Комитета 1869–1873 // Советское славяноведение: Материалы IV конф. историков-славистов. – Минск, 1969. – С. 303–319; его же. К вопросу о революционных комитетах и группах в период деятельности Болгарского революционного центрального комитета (1869 – 1875 г г.) // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига 1878 – 1978. – М., 1978. – С. 124 – 142 .

¹⁵ Кока Ю. (ФРГ) Современные тенденции и актуальные проблемы исторической науки в мире // Новая и новейшая история. – 2003. – № 5. – С. 17.

¹⁶ Висьліч Г. (Варшава) Школа „Анналів“ та постмодернізм // Ейдос. Альманах теорії та історії науки. 2005. – Вып. 1 С. 167.

ЛЕКСИКА СТАРОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В РАБОТАХ В. П. БЕСЕДИНОЙ-НЕВЗОРОВОЙ

Г. Н. Карнаушенко

Вера Павловна Беседина-Невзорова (1894–1971), известный языковед-славист, русист, украинист, профессор Харьковского университета (1967–1971), член Украинского комитета славистов (с 1958 г.)¹, в своем научном творчестве уделила значительное внимание старославянскому языку. В данном случае мы используем термин, традиционно принятый в отечественной науке. Под старославянским языком В. П. Беседина-Невзорова понимает язык древнейших памятников славянской письменности, созданной во второй половине IX века Константином (Кириллом) и его братом Мефодием. Ученый отмечает, что этот язык «нередко называют древнеболгарским, древнецерковнославянским, или просто церковнославянским языком». На объяснении термина «древнеболгарский» В. П. Беседина-Невзорова останавливается особенно (это слово – единственное из всех вариантов – в тексте выделено). Отмечается, что «название древнеболгарский указывает на народную основу» данного языка, «так как язык древнейших славянских памятников возник на основе болгаро-македонских говоров IX–XI столетий»². Исследователь подчеркивает, что «большинство старших памятников по своему происхождению связано с территорией и говорами Болгарии»³. Таким образом, мы видим, что термин «древнеболгарский язык» В. П. Беседина-Невзорова рассматривает как параллельно существующий, имеющий право на существование. Ученый принимает данный термин без критики, напротив, обосновывает его ссылкой на связь с народно-диалектной основой. Плюралистичность и толерантность позиции харьковского ученого становятся особенно отчетливыми при сопоставлении с категоричной оценкой, которую встречаем в широко известном вузовском учебнике Г. А. Хабургаева: «Термин «древнеболгарский» следует признать неудовлетворительным, так как он искажает лингвистическую сущность языка древнейших славянских переводов»⁴. Во втором, «переработанном и дополненном», издании той же книги термин «древнеболгарский язык» не упоминается и, соответственно, не комментируется вовсе⁵. В то же время невозможно не считаться с тем, что в восточнославянском языкознании существует практика использования данного термина для обозначения языка кирилло-мефодиевских переводов. Термин «древнеболгарский язык» используют высококвалифицированные, общепризнанные специалисты по старославянскому языку, например, Р. М. Цейтлин⁶.

В. П. Беседина-Невзорова обращает внимание на традицию называния языка древнейших славянских памятников «славянским, или словенским», а также на «употребление некоторыми славянскими народами» данного языка «в качестве общелитературного». Указанные моменты, по мнению харьковского ученого, дают основание считать наиболее удачным наименование «старославянский язык»⁷. Тем самым исследователь фактически присоединяется к

мнению В. В. Виноградова, П. С. Кузнецова, Н. И. Толстого, В. Ф. Мареша и др. о наддиалектном, в определенной мере искусственном, характере рассматриваемого языка⁸.

Среди славистических работ В. П. Бесединой-Невзоровой можно выделить труды, посвященные собственно исследованию памятников старославянской письменности. Это такие работы, как:

- Средства межфразовой связи в языке памятников старославянской письменности (в кн.: Вопросы литературоведения и языкознания. Научная конференция преподавателей филологического факультета ХГУ. Тезисы и авторефераты докладов. – Вып. 2. – Харьков, 1955. – С. 75–76),

- Сочетания глаголов *имамь* и *хоицъ* с инфинитивом в языке Остромирова евангелия (Учен. зап. Харьковск. ун-та. – Т. 99: Тр. филол. фак-та, 1958. – Т. 6. – С. 25–42);

- Порядок слів у означальних конструкціях старослов'янської мови (в кн.: О. О. Потєбня і деякі питання сучасної славістики. – Харків, 1960. – С. 52–55).

Перу В.П. Бесединой-Невзоровой, как отмечает С. Ю. Страшнюк, принадлежит также студия „Язык Троянской притчи – среднеболгарского литературного памятника“ и ряд других статей⁹.

Особую ценность представляет фундаментальное исследование (объемом в 360 страниц), построенное в виде учебного пособия для студентов филологических факультетов университетов Украины, – книга «Старославянский язык». Эта работа, изданная в Харькове в 1962 г., была защищена в качестве докторской диссертации, и в 1966 г. за этот труд В. П. Бесединой-Невзоровой была присуждена степень доктора филологических наук. Можно согласиться с утверждением С. Ю. Страшнюка о том, что названное учебное пособие является крупнейшим достижением языковедов-болгаристов Харьковского университета за послевоенный период¹⁰. Коллеги-филологи отмечают, что курс старославянского языка, разработанный В. П. Бесединой-Невзоровой, – один из наиболее совершенных среди учебных пособий для высшей школы¹¹.

Характеризуя работы В. П. Бесединой-Невзоровой, посвященные старославянскому языку, следует в первую очередь обратить внимание на те источники, которые явились базой исследования. Продолжая славные традиции изучения древних памятников славянской письменности, сложившиеся в Харьковском университете, В. П. Беседина-Невзорова обращается к классическим, полным изданиям древних текстов. Так, исследование особенностей языка Остромирова евангелия и сопоставление с греческим текстом произошло харьковским ученым по изданию А. Х. Востокова (Остромирово евангелие 1056 – 57 года с приложением греческого текста евангелия и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. – СПб., 1843).¹² Язык Остромирова евангелия сопоставлялся В. П. Бесединой-Невзоровой с иными текстами того же содержания, для чего были использованы: «Зографское евангелие, в издании В. Ягича (Берлин, 1889), Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд И. В. Ягича, СПб, 1883, Саввина книга. Труд В. Щепкина, СПб, 1903»¹³.

Как известно, в науке существуют различные точки зрения на то, следует ли относить Остромирово евангелие к кругу собственно старославянских памятников. Для В. П. Бесединой-Невзоровой в данном случае важны время и условия возникновения протографа: «Остромирово евангелие по своему содержанию и языку относится к кругу памятников, первоисточник которых восходит к начальному периоду создания старославянской письменности»¹⁴. Сопоставление с бесспорными старославянскими памятниками позволяет

ученому утверждать следующее: «В своей основе текст Остромирова евангелия почти полностью совпадает с тем, который сохранен в таких памятниках, как Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Саввина книга». В. П. Беседина-Невзорова признает принадлежность Остромирова евангелия к памятникам восточнославянской редакции (прежде всего на основе фонетического состава). Однако исследователь обращает внимание на то, что по синтаксическим особенностям «перевод, принятый в Остромировом евангелии, в отдельных случаях значительно ближе к греческому тексту, чем в иных старославянских памятниках»¹⁵. Следует отметить, что позднейшие изыскания позволяют подтвердить некоторые наблюдения и выводы В. П. Бесединой-Невзоровой. Так, высказано мнение, что «Остромирово евангелие и Саввина книга имели некогда общий протограф (возможно, глаголический)», причем из первоначальной «кирилло-мефодиевской» традиции они выделились достаточно рано: как считает С. Ю. Темчин, это, скорее всего, произошло «после возникновения воскресных апракосных чтений циклов пятидесятницы и «нового лета», но до становления славянского краткопракосного Евангелия»¹⁶.

Основное внимание в статьях В. П. Беседина-Невзорова уделяет **синтаксису** старославянского языка, считая его, в отличие от фонетики и частично морфологии, наименее изученным. Специальных работ, посвященных старославянской **лексике**, в известной нам части наследия В. П. Бесединой-Невзоровой не обнаружено. Однако представляется бесспорным, что лексика старославянского языка В. П. Беседину-Невзорову также интересовала, входила в поле ее исследовательского зрения. Более того, предварительный опыт изучения лексики позволяет харьковскому ученому проводить параллели с синтаксисом. По мнению В. П. Бесединой-Невзоровой, «наличие в некоторых случаях в языке старославянских памятников явных синтаксических калек греческого происхождения не может ставить под сомнение оригинальность старославянского синтаксиса в целом, так же как наличие **греческих заимствованных слов** не ставит под сомнение **славянский характер лексики** старославянских памятников»¹⁷ (подчеркнуто нами. – Г. К.).

В содержании учебного пособия «Старославянский язык» В. П. Бесединой-Невзоровой еще не найдем отдельной главки «Лексика и словообразование» (такой раздел в вузовском учебнике по старославянскому языку появляется только в 1986 г., во втором (переработанном и дополненном) издании учебника Г. А. Хабургаева). Напомним, что книга В. П. Бесединой-Невзоровой вышла в 1962 г., а основные исследования по лексике старославянского языка – в 1966 г. (Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. – М., 1966) и в 1977 (Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X – XI вв. – М., 1977). Именно эти книги рекомендует Г. А. Хабургаев в конце раздела «Лексика и словообразование»¹⁸. При этом в главке «Из истории разработки старославянского языка» Г. А. Хабургаев в 1986 г., т.е. через 24 года после издания книги В. П. Бесединой-Невзоровой, пишет: «Наименее разработанным разделом палеославистики до сих пор остается лексика первых славянских переводов. Обусловлено это отнюдь не отсутствием интереса к лексикологическим исследованиям, а объективными трудностями, поскольку лексика, представляющая «незамкнутую» систему, <...> варьируется от памятника к памятнику, а потому словарный состав сохранившихся рукописей, хотя он и привлекает к себе внимание уже первых исследователей старославянского языка, не отражает непосредственно лексического состава текстов, созданных первыми переводчиками»¹⁹.

Данное положение ученым связывает со своим категоричным утверждением, приведенным в разделе «Лексика и словообразование»: «Старославянская лексика кирилло-мефодиевского периода не может быть восстановлена в своем конкретном первоначальном составе <...>»²⁰ (выделено Г. А. Хабургаевым. – Г. К.). Пройдет еще 18 лет, и станет очевидной относительность подобного мнения: на основе успешно завершено в 1997г. в Праге издания фундаментального «Словаря старославянского языка» (в 52 выпусках) у ученых появилась возможность поставить вопрос о создании «Кирилло-мефодиевского словаря» (Lexicon Cyrillomethodianum). Автор проекта, московский ученый К. А. Максимович, подчеркивает специализированный характер планируемого словаря. «Данный «Лексикон», – отмечает исследователь, – ни в какой мере не станет повторением пражского «Словника», поскольку его главная задача не столько описание дошедшей до нас книжной лексики раннего периода, сколько реконструкция кирилло-мефодиевского пласта в лексической массе ранних славянских памятников<...>»²¹. «Эта задача, – продолжает далее К.А. Максимович, – не была ни поставлена, ни выполнена в пражском словаре и представляет собой, таким образом, важнейший desideratum палеославистики»²².

В какой же мере и каким образом представлена лексика в учебном пособии «Старославянский язык» В. П. Бесединой-Невзоровой в 1962 г., до выхода в свет «Старославянского словаря», до создания обобщающих работ по лексике старославянского языка?

В первую очередь следует отметить, что книга наполнена, как справедливо отмечено в аннотации, «**богатым иллюстративным материалом**», который «рассчитан на усвоение студентами не только грамматического строя, но и **лексического состава** старославянского языка, а также на приобретение ими навыков этимологического разбора»²³ (выделено нами. – Г. К.). Можно утверждать, что отмеченной особенностью рассматриваемое учебное пособие существенно отличается практически от всех известных учебников по старославянскому языку, созданных в Советском Союзе и на постсоветском пространстве.

Лексика в учебном пособии распределена по морфологическим группам: частям речи, древним основам. В пределах этих групп выделяются семантические группы и словообразовательные типы. Подробное, в ряде случаев исчерпывающее, описание словообразовательных особенностей является одной из самых ценных черт книги В. П. Бесединой-Невзоровой.

Попробуем рассмотреть, как представлена одна из групп: существительные с основой на *jo среднего рода. Выявлены «семантические группы и словообразовательные типы» данных существительных (§ 99).

«К именам существительным с основой на *jo среднего рода относилось **небольшое** число слов, образованных от основ, не осложненных продуктивными аффиксами. Большинство основ на *jo среднего рода принадлежало к суффиксальным и суффиксально-префиксальным словообразовательным типам. Довольно большим числом были представлены сложные слова»²⁴ (выделено нами. – Г. К.).

И затем выделяются три группы: имена существительные с личным значением, имена существительные с конкретным значением и имена существительные с абстрактным значением. Внутри этих групп возможны подразделения по словообразовательному или семантическому признаку: «Имена существительные с личным значением были представлены единичными примерами. К ним относились существительные:

а) с основами, не осложненными продуктивными аффиксами:

всѣте – «вече» с личным собирательным значением;

б) с основами, образованными суффиксами:

-ьце: *Чѣдьце* – «дитя» с ласкательным значением;

-и5: *шѣтиди5*, *коумири5*, *подрожѣи5* – «супруги»²⁵.

Если в группе не «единичные примеры», то приводится большое количество слов, с пояснениями, иногда – с иллюстрациями. Так, в составе группы «Имена существительные с конкретным значением» (тот же тип на **jo* среднего рода) приведено 56 слов, распределенных по семантическим группам («названия частей тела» (*лице*, *плеште*), «пространственные понятия» (*море*, *поле*), «названия конкретных предметов» (*ложе*, =*же* „цепь“) и по «морфемным группам», часто с комментариями, напр.: «беспрефиксные и префиксальные образования с суффиксами: *-ьце*, образующим названия предметов: *аице* – «яйцо»; *сльньце*, *срьдьце*; – *ьце*, образующим уменьшительные названия: *древьце*; *ишце*, образующим слова с пространственным значением: *вълагаишце*, *жилишце*, *исходишце* (*исходишце* *n=тиш* – „выход“, „проход“), *ныришце* – „развалины“, *очьришце* – „скиния“, *попъришце*, *пристанишце*, *с=дишце*, *съкровишце* – „место, где что-то скрывалось“, *съньмишце*, *съборишце*, *седалишце*, *таишце*, *тръжишце* – „место, где торгуют“, *хранилишце*, ср. *овоитъное хранилишце* (Син. пс.), *гробишце* – „место гроба“, *гноишце*, ср. *и отъ гноишца възносѣ оубога* (Мар. 147, 7), *вретишце* – „мешок, траурное одеяние“; *-иє*, образующим названия растений с собирательным значением: *врѣбиє*, *зелиє* (*зелиє злака*), *корениє*, *лозиє*, *раждиє*, *рождиє* – „ветви, розга“, *рѣпиє*, *стеблиє*, *тръниє*; *-виє*: *листвиє*; *-ниє*: *смоковиниє*; названия предметов: *въскрилиє* (*въскрилиє ризѣ*), *копиє*, *остриє* (*меча*), *ор=жиє*»²⁶ и др.

Очень объемной является группа имен существительных с абстрактным значением (описана на пяти страницах). Соответствующая группа (имена существительные с основой на **jo* среднего рода) в учебнике Г. А. Хабургаева представлена лишь 5-ю словами: «*пол5*, *мор5*, *плеште*, *листви5*, *знамени5*», после чего следует «и т.д.». Очевидно, студент, впервые соприкасающийся со старославянскими текстами, не способен раскрыть, что стоит за «и т.д.». Учащийся должен иметь возможность ознакомиться с более полными списками старославянской лексики определенной морфологической, словообразовательной и семантической группы. Таковую возможность в полной мере предоставляет учебное пособие В. П. Бесединой-Невзоровой. Следовательно, книга В. П. Бесединой-Невзоровой является незаменимым справочником по старославянской лексике.

Как известно, язык переводов Кирилла и Мефодия оказал огромное влияние на формирование первого письменно-литературного языка славян, а посредством последнего – на формирование отдельных славянских литературных языков, в частности (и особенно), русского литературного языка (ср. высказывания Н. С. Трубецкого о русском литературном языке как о русифицированном церковнославянском). Как отмечает Р. М. Цейтлин, «поучительно рассмотрение типов взаимодействия языка кирилло-мефодиевских переводов и первых древнерусских рукописей на материалах лексики, особенностей стилистики, взаимоотношений старославянизмов по происхождению (генетических) со славянизмами стилистическими, возникшими в самом русском языке в процессе его исторического развития». Особое значение, по мнению ученого, имеет «лексика Ветхого и Нового заветов в славянских переводах, болгарских и русских, в истории этих языков»²⁷. Материалы, приведенные в книге В. П. Бесединой-Невзоровой, позволяют студентам (и всем заинтересо-

нным читателям) самостоятельно произвести подобное сопоставление лексики. В результате такого сопоставления связь русского литературного языка со старославянским и церковнославянским становится особенно очевидной.

Большие массивы слов, нередко с тонкими комментариями, позволяют погрузиться в материю языка и приблизиться к пониманию языковой картины мира средневекового человека, человека верующего, славянина. Таким образом, мы видим, что книга В. П. Бесединой-Невзоровой является удивительно современной, созвучной новейшей научной парадигме. Ср.: «сложные основы: *благочѣсти5, вельлени5, жестосрѣди5, лицемери5, малодуише, милосрѣди5, нищелюби5, страньнолюби5, сѣребролюби5*»²⁸. Нет необходимости говорить о том, что само чтение таких слов позволяет задуматься о концептах культуры, ее ценностных императивах, не актуализированных в сознании советских людей в 1962 г.

Таким образом, мы видим, что лексика в работах В. П. Бесединой-Невзоровой, прежде всего – в книге «Старославянский язык» – представлена обильно, продуманно, структурированно. Семантизация лексем зачастую превращается под пером В. П. Бесединой-Невзоровой в целый семасиологический экскурс-этиюд (ср. анализ слов *цесарьство, житие*).

«-*ствие*. Этим суффиксом нередко были образованы основы на *о* от имен существительных среднего рода на -*ство*: *величѣствие* при *величѣство, лихоимѣствие* при *лихоимѣство, множьѣствие* при *множьѣство, неверѣствие* при *неверѣство, цесарѣствие* при *цесарѣство*. При обозначении конкретного понятия с пространственным значением обычно употреблялось слово с суффиксом -*ство*: *цесарѣство*. Ср. *въстанеть 2зыкѣ..... на 2зыкѣ и цесарѣство на цесарѣство* (Мар. Лук. XXI, 10). Слово *цесарѣствие* употреблялось в этом значении лишь в сочетании «*цесарѣствие божие*». Вне этого сочетания оно обозначало мощь, власть. Ср. *4ко твое есть цесарѣствие. и сила. и слава* (Мар. Марк. VI, 13). В остальных случаях разница между параллельными основами заключалась в особо подчеркнутой окраске торжественности, свойственной образованиям на -*ствие*, отличающей их от однокоренных слов на -*ство*»²⁹. Как видим, в данном фрагменте дается характеристика не только словообразовательных особенностей, но и семантико-стилистических, а также сочетаемостных: обращается специальное внимание на выражение «*цесарѣствие божие*».

В некоторых случаях оговаривается многозначность слова, что подтверждается диагностирующими контекстами:

«Слово *житие* употреблялось в двух значениях: 1. в абстрактном – «образ жизни»: *аште оубо въ неправеднѣмъ житии (в жизни) не бысте верьни въ истиннѣмъ. кто вам вер= иметь* (Мар. Лук. XVI, II); 2. в значении, близком к конкретному – «имущество», «средства к жизни». Ср. *въси бо отъ избытѣка своего въврѣж= а си от лишение своего въсе елико имаше въврѣже. въсе житие свое (= ...все свое имущество)* (Мар., Марк., XII, 44)³⁰.

Можно утверждать, что не только обилие лексики, но и цитаты из древнейших памятников славянской письменности, христианских по содержанию, были и остаются чрезвычайно ценными не только в научном, методическом, но и общекультурном, воспитательном плане.

За такими пояснениями прочитывается образ автора, родившегося в 1894 г., в другой стране, с другими ценностями. В результате исследования лексики старославянского языка Т. И. Вендина, автор книги «Средневековый человек в зеркале старославянского языка» (М., 2002), приходит к выводу: «язык культуры Средневековья, ее ценностные императивы оказались во многом

озвучны русской культуре, являясь нашим своеобразным «молчаливым наследием», т. е. средневековый человек живет не только в «ближнем» времени, но и в «дальнем»»³¹.

Позволим себе задаться вопросом: не вызвано ли потрясающее обилие старославянской лексики в книге В. П. Бесединой-Невзоровой скрытым стремлением сохранить и передать то «молчаливое наследие», которое стоит за старославянским языком, языком великой культуры?

Можно утверждать, что работы В. П. Бесединой-Невзоровой по старославянскому языку, и особенно ее учебное пособие «Старославянский язык», остаются чрезвычайно актуальными как для науки, так и для преподавания в высшей школе. На наш взгляд, они нуждаются в переиздании с добавлением указателя слов и, возможно, с современным научным комментарием.

Лексика, представленная и проанализированная в названном учебном пособии, может быть плодотворно сопоставлена как с материалами нового «Старославянского словаря»³², так и с данными русского, украинского и болгарского языков различных периодов их развития. Таким образом, можно увидеть динамику слова в контексте элитарной культуры и эксплицировать специфику языка как средства трансляции этой культуры. Выявление же соотношения такой лексики с лексикой народной культуры³³ позволит отчетливее увидеть структуру славянских этнических культур и взаимосвязи между ними.

¹ Булахов М. Г. Беседина-Невзорова Вера Павловна // Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. – Т. II (А–К). – Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1977. – С. 23–25; Широкоград Е. Ф. Вера Павловна Беседина-Невзорова // Русская филология: Украинский вестник: Республиканский научно-методический журнал. – Харьков, 1994. – № 4. – С. 64.

² Беседина-Невзорова В. П. Старославянский язык: Учебное пособие для студентов филологических факультетов университетов УССР. – Харьков, 1962. – С. 3.

³ Там же.

⁴ Хабургаев Г. А. Старославянский язык: Учеб. пособие для студентов пед. ин-та по специальности № 2101 «Русский язык и литература». – М.: Просвещение, 1974. – С. 6–7.

⁵ Хабургаев Г. А. Старославянский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Русский язык и литература». – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Просвещение, 1986. – 288 с.

⁶ См., напр.: Цейтлин Р. М. Роль древнеболгарского языка в начальный период принятия христианства на Руси // Болгаристика в системе общественных наук: Опыт, уроки, перспективы: Тезисы докладов и сообщений Второй всесоюзной конференции по болгаристике (II Дриновских чтений). Харьков, 5–7 февраля 1991г. – Харьков, 1991. – С. 43.

⁷ Беседина-Невзорова В. П. Указ. соч. – С. 3.

⁸ См. Виноградов В. В., Кузнецов П. С. Языковое родство славянских наций // Славяне. – 1951. – № 2; Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // Вопросы языкознания. – 1961. – № 1. – С. 52–66. Его же. Роль кирило-мефодіівської традиції в історії східно- і південнослов'янської писемності // Питання походження і розвитку слов'янської писемності. – Київ, 1963. – С. 30–42.

⁹ Славяноведение в Харьковском университете // Славяне, 1946. – № 8–9. – С. 47; см.: Страшнюк С. Ю. Марин Дринов и формирование Харьковской школы исторической болгаристики // Марин Дринов: Материали от българо-съветската научна конференция «150 години от рождението на М. Дринов» и «110 години народна библиотека Кирил и Методий». София, ноември, 1988 г. – София, 1989. – С. 91.

¹⁰ Страшнюк С. Ю. Указ. соч. – С. 90.

¹¹ В. П. Беседина-Невзорова (Некролог) // Вечірній Харків. – 1971. – № 56 (667), 9 березня.

¹² Беседина-Невзорова В. П. Сочетания глаголов *имаь* и *хо]* с инфинитивом в языке Остромирова евангелия // Уч. записки / Харк. ун-т. – Т. 99: Труды филол. Фак-та – Т. 6. – 1958. – С. 42.

- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. – С.26.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Темчин С. Ю. О возможных генетических связях между Остромировым евангелием и Саввиной книгой // Болгаристика в системе общественных наук: Опыт, уроки, перспективы. – Харьков, 1991. – С. 43–44.
- ¹⁷ Беседина-Невзорова В. П. Сочетания глаголов... – С. 25–26.
- ¹⁸ Хабургаев Г. А. Старославянский язык. – М.: Просвещение, 1986. – С. 129.
- ¹⁹ Там же. – С. 285.
- ²⁰ Там же. – С. 109.
- ²¹ Максимович К. А. Lexicon Cyrillomethodianum: к обоснованию проекта // Славянское языкознание: Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. – М.: Институт русского языка РАН, 2003. – С. 186.
- ²² Там же.
- ²³ Беседина-Невзорова В. П. Старославянский язык. – Харьков, 1962. – С. 2.
- ²⁴ Там же. – С. 127.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же. – С. 127–128.
- ²⁷ Цейтлин Р. М. Указ. соч. – С. 43.
- ²⁸ Беседина-Невзорова В. П. Указ. соч. – С. 129.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – С. 325.
- ³² Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М.: Русский язык, 1994. – 842 с.
- ³³ См.: Толстая С. М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000.

ПАВЛО СОХАНЬ І РОЗВИТОК УКРАЇНСЬКОЇ ІСТОРИЧНОЇ БОЛГАРИСТИКИ (до 80-річчя з дня народження вченого)

С. В. Віднянський, В. В. Павленко

2006 рік ювілейний не лише для відомих вчених: болгарського – Маріна Дрінова і українського – Степана Івановича Сідельникова (на честь яких присвячуються традиційні Дріновські читання), а й для одного із засновників історичної болгаристики в Україні, доктора історичних наук, професора, члена-кореспондента Національної академії наук України Павла Степановича Соханя. Він добре знаний в Україні й за її межами як фахівець з всесвітньої історії, зокрема відносин України з державами Центральної та Південно-Східної Європи, а також організатор великомасштабної археографічної діяльності в Україні. В широкому спектрі його наукових інтересів важливе місце займають проблеми болгаристики.

Малою батьківщиною для Павла Степановича Соханя стало село Нові-ванівка Білопольського району Сумської області, де він народився 18 листопада 1926 р. Життєвий шлях вченого тісно пов'язаний з історією його вітчизни. Доля так розпорядилася, що йому, батькові та сестрі Зої вдалося вижити в страшний для України голодомор 1932–1933 років, проте втрати, зокрема для їхньої сім'ї, були величезні: із життя пішли мати та двоє малолітніх братів і сестра.

У важкий як для України, так і для його сім'ї час, коли потрібно було вестися вперту боротьбі за виживання, думки про навчання не полишають підлітка. Для нього першою освітньою сходинкою, що вирішила його подальшу професійну орієнтацію, став Білопольський педагогічний технікум.

Роки Другої світової війни для П. С. Соханя, як і для всього українського народу, були і серйозним випробуванням, і школою мужності та загартування. 16-річний юнак, дописавши собі три місяців до 17-річчя, отримав очікуваний шанс взяти безпосередню участь у захисті своєї батьківщини від німецько-фашистської навали. Війна підходила до своєї завершальної переможної стадії, коли вже було непотрібно кидати молодь, яка мала певну професійну освіту, у м'ясорубку війни. Незважаючи на рапорти молодого освітянина направити його на фронт, П. С. Соханя відрядили до Луганської полкової школи молодих командирів стрілецької дивізії. Невдовзі здійснилося його бажання зробити власний внесок у хід бойових дій. Разом із своєю частиною у складі 3-ої гвардійської Сталінградської механізованої дивізії він потрапляє на 1-й Далекосхідний фронт. Манжурія стала для нього тим полем бою, на якому він зробив свій власний внесок у розгром японської армії. За бойові заслуги молодий боєць був нагороджений орденом Вітчизняної війни та тринадцятьма медалями.

Водночас армія не лише загартувати силу і волю молодого воїна, але й дала йому путівку в оволодінні освітянською професією. Навики її продовжували торуватися ще в армійських лавах, де, незважаючи на молодість, Пав-

до Сохань служив старшиною роти, завідував бібліотекою, був ватажком молоді гвардійського танкового полку. В армії він отримав можливість екстерном скласти іспити за середню школу та заочно закінчити три курси історичного факультету Владивостоцького педагогічного інституту.

Завершував навчання П. С. Сохань вже в Україні, куди повернувся після демобілізації у 1951 р. з лав радянської армії. Він з відзнакою закінчив заочне навчання в Харківському педагогічному інституті ім. Григорія Сковороди і водночас працював спочатку лаборантом, а згодом викладачем та завідувачим навчальною частиною цього вузу. В харківських вузах, зокрема у Харківському авіаційному інституті, збагачується педагогічний і науковий досвід майбутнього відомого вченого.

Вже наприкінці 50-х років з'являються перші публікації молодого вченого. Наукові дослідження, в тому числі брошура, рецензії, інформації П. С. Соханя побачили світ на сторінках місцевої преси та авторитетних всесоюзних видань „Вопросы истории“ і „История СССР“. Причому одна з них була опублікована у співавторстві з дружиною Лідією Василівною Сохань – за фахом філософом і соціологом, в майбутньому теж членом-кореспондентом Національної академії наук України. Серед цих публікацій вже була й перша праця по болгаристиці, а саме – ґрунтовна рецензія на щойно видані вибрані твори Георгія Димитрова. Поява цієї рецензії була цілком закономірною, оскільки особистість Георгія Димитрова та його праці зацікавили П. С. Соханя ще в період проходження військової служби.

Відтак бажання присвятити себе повністю науковій діяльності спонукало П. С. Соханя вступити в 1961 р. до аспірантури Інституту історії Академії наук України, з якою була пов'язана вся подальша доля вченого. Вже наступного року в академічному видавництві „Наукова думка“ публікується його перше монографічне дослідження, присвячене висвітленню життя і діяльності Георгія Димитрова¹. Сама ж книга П. С. Соханя не залишилася не поміченою науковою громадськістю. На неї протягом декількох років з'являються позитивні рецензії у періодичній пресі та спеціалізованих історичних виданнях України, Радянського Союзу, Болгарії та Югославії.

На дану тему у 1963 р. він достроково захищає кандидатську дисертацію, проте й надалі продовжує її розробляти, залучаючи раніше не відомі матеріали радянських і болгарських архівів. В результаті у вітчизняних та болгарських виданнях, зокрема й академічних, ним публікується низка нових статей про маловідомі сторінки життя й революційної діяльності Георгія Димитрова. Ця плідна пошукова наукова робота дає можливість вченому доповнити новими матеріалами раніше опубліковану монографію про Георгія Димитрова й вдруге видати її у тому ж видавництві 1969 р.². У 1972 р. ця книга була перевидана в Монголії³.

Однак вчений розширює коло своїх наукових інтересів. В 60-90-х роках ХХ ст. увага науковця зосереджується головню на дослідженні історичних і сучасних взаємин України і Болгарії. Наукові відрядження до Болгарії, що розпочалися у 1958 р. і надалі продовжувалися майже через кожні 2-3 роки, дозволили йому в своїй подальшій науковій роботі широко залучати болгарські джерела, зокрема матеріали болгарських державних і поточних архівів. Так само глибоко ним вивчаються й вітчизняні архівні джерела.

Аналізуючи науковий доробок П. С. Соханя в галузі болгаристики, варто виділити ряд напрямків його наукових інтересів у цій галузі. Йому належить пріоритет у науковій розробці українсько-болгарських взаємин. Він вперше започатковує комплексне розкриття всього спектру українсько-бол-

арських стосунків, починаючи з Першого Болгарського царства і Київської Русі й закінчуючи сучасністю. На цю тематику з певним проміжком часу виходить у світ дві його монографії: у 1966 р. „Вогонь вічної дружби“⁴, а через десять років „Нариси історії українсько-болгарських зв'язків“⁵. Причому остання була перевидана в Болгарії в 1979 р.⁶. Згадані праці також отримали позитивні рецензії вітчизняних і болгарських науковців й зараз широко використовуються фахівцями, які цікавляться даною проблемою. Зокрема, заслуговує на увагу висновок П. С. Соханя про певний вплив на творчий процес створення слов'янської абетки болгарськими просвітителами Кирилом і Мефодієм перебування Кирила в Криму, зокрема в Херсонесі близько 860 р., коли ймовірно відбулося й прийняття християнства окремими частинами населення Київської Русі, що сприяло поглибленню політичних й культурних зв'язків між нею і Болгарією.

Дослідження історичних коренів українсько-болгарської дружби продовжувало залишатися в полі зору вченого. Проте серед масиву цих публікацій найбільший їх відсоток присвячувався розкриттю внеску українців у визволення Болгарії від османського поневолення, а також висвітленню політичних й культурних російсько-українсько-болгарських зв'язків наприкінці ХІХ – на початку ХХ ст. Наприклад, досліджуючи питання про навчання болгарської молоді у навчальних закладах України після визволення Болгарії від п'ятивікового турецького панування і утворення незалежної болгарської держави, П. С. Сохань предметно розкрив внесок випускників українських вузів у розвиток болгарської науки і культури, поглиблення болгарсько-українських культурних взаємин. Зокрема, він виявив серед них такі відомі особистості, як: вчений-мовознавець, професор і перший ректор Софійського університету А. Теодоров-Балан; математик Васил Кирилов Василев, який закінчив Новоросійський університет і став одним із засновників фізико-математичного товариства в Софії; історик Агура Димитр Димитров – професор і ректор Софійського університету, голова Болгарського історичного товариства у 1901–1911 рр.; лікар Берон Богомол Василев; ботанік Стефан Георгієв; юрист Греков Димитр Панайотов; економіст Стефан Караджов, який став крупним державним діячем Болгарії і написав 1896 р. влогу про Київський промисловий банк; юрист, громадський діяч Моллов Володимир Димитров; талановиті оперні співаки – Стоян Михайлов і І. Н. Вулпе – один із засновників Народної опери в Софії; відома письменниця і громадська діячка Анна Карима; громадський діяч М. Г. Греков та інші. Слід зауважити, що відомого українсько-го історика-болгариста цікавила й особистість Маріна Дрінова, зокрема його внесок у розвиток українсько-болгарських наукових зв'язків. Ця наукова розвідка була опублікована в Софії у збірнику, присвяченому 150-річчю з дня народження вченого.

П. С. Сохань одним із перших виокремив у окрему проблему дослідження одного із аспектів зв'язків трудящих України і Болгарії: участі болгар в боротьбі за владу Рад в Україні. Статті, брошури, розділи в колективних монографіях, присвячених революційній діяльності в Україні зарубіжних інтернаціоналістів у період Жовтневої революції та громадянської війни, такий неповний перелік авторства вченого в розкритті даної теми⁷.

П. С. Сохань і відомий болгарський вчений Веселін Хаджініколов стали ініціаторами, відповідальними редакторами і одними із авторів спільного українсько-болгарського проекту, який став своєрідним підсумком у висвітленні історичних і сучасних українсько-болгарських взаємин. Це була книга „Дорогами дружби“, видана в Україні в 1989 р. і у Болгарії в наступному році⁸.

Грунтовне вивчення внеску Української РСР у політичне, економічне, науково-технічне й культурне співробітництво СРСР і НРБ із залученням широкого масиву архівних джерел, в тому числі й із поточних радянських і болгарських архівів міністерств і відомств, дали змогу П. С. Соханю в 1969 р. опублікувати монографію, яка привернула до себе увагу дослідників та широкої громадськості⁹. Відгуки на неї з'явилися не лише в столичних виданнях України й Росії, а й інших союзних республік, а також Болгарії. Ця книга й зараз представляє інтерес для дослідників, оскільки використаний в ній багатий фактичний матеріал міністерств і відомств або втрачений в зв'язку із реконструкцією цих організацій, або зараз знаходиться за кордоном. Ця проблема стала базовою для його докторської дисертації, яку він захищає 1974 р. У 1981 р. Павло Степанович Сохань отримує звання професора.

Водночас П. С. Сохань продовжує досліджувати тему, яка започаткувала його інтерес до проблем болгаристики. Він акцентує свою увагу на дослідженні зв'язків Георгія Димитрова з трудящими України, публікує на цю тему статті, а у підсумку готує монографію „Георгій Димитров і Україна“. У 1982 р. вона була видана в Україні, а через чотири роки в Болгарії і отримала схвальні відгуки в українських і болгарських спеціалізованих періодичних виданнях¹⁰. Водночас з-під пера вченого також виходить ряд статей про зв'язки з трудящими України соратника Георгія Димитрова – Василя Коларова.

Болгарська тематика займає одне із центральних місць в розділах, підготовлених П. С. Соханем для колективних монографій відділу Інституту історії України, який досліджує проблеми всесвітньої історії та відносин України із зарубіжними країнами. Першою такою працею стала книга „Українська РСР і зарубіжні соціалістичні країни“¹¹. В ній вчений у співавторстві з С. М. Пархомчуком висвітлив співробітництво України із східноєвропейськими державами, в тому числі з Болгарією, в галузі освіти й науки, спорту й міжнародного туризму, а також по лінії громадських організацій.

У наступній колективній монографії „На магістралях дружби і братерства“ він є автором (разом з С. М. Пархомчуком) розділів про науково-технічне співробітництво України із соціалістичними країнами¹². Причому ця праця була гідно оцінена науковою громадськістю. Її автори – І. М. Мельникова, І. М. Кулинич, П. С. Сохань отримали єдину на той час премію АН УРСР для праць з історії – імені Д. З. Мануїльського. Пізніше тематика міжнародного співробітництва в галузі науки і техніки вилася в ряд статей та в окрему монографію (написану у співавторстві з В. М. Даниленком), де значне місце відводиться українсько-болгарському науково-технічному співробітництву¹³.

Болгарська тематика звучить і в розділах інших колективних монографій, написаних вченим і присвячених розкриттю співробітництва колишніх соціалістичних країн¹⁴.

Не менш важливим напрямком у науковому доробку Павла Степановича став аналіз внутрішніх процесів, що відбувалися в післявоєнній Болгарії. Він здійснювався головню в двох площинах: аналіз внутрішніх процесів, що відбувалися в країні, та висвітлення її зовнішнього становища. Крім цілого ряду брошур, статей у тематичних збірниках і періодичних виданнях, ним було опубліковано в Болгарії 1983 р. у співавторстві з відомим харківським істориком Г. Й. Чернявським книгу про стан болгарської історичної науки¹⁵. А в наступному році вийшла з друку нова його монографія „Народна Республіка Болгарія в співдружності країн соціалізму“, яка була високо оцінена болгарськими науковцями¹⁶. Діяльність болгарської громадської організації

„Всенародний рух за болгаро-радянську дружбу“ проаналізована П. С. Соханем у розділі (співавтор М. В. Знаменська) колективної монографії співробітників Інституту історії України „Діяльність товариств дружби з СРСР у країнах соціалістичної співдружності“¹⁷.

Досліджувані П. С. Соханем проблеми виносяться на розгляд вчених – учасників вітчизняних і міжнародних наукових конгресів, конференцій, симпозіумів. Він активний учасник й організатор міжнародних з’їздів славистів, конгресів балканістів, болгаристів, конференцій з україністики та інших наукових міжнародних форумів. Його доповіді присвячуються висвітленню традицій духовного взаємозбагачення слов’янських народів та їхнього значення для сучасності, проблем історії слов’янства у творчій спадщині М. С. Грушевського, проблем вивчення та використання писемних джерел з історії міжслов’янських зв’язків України, внеску М. П. Драгоманова в слов’янське національне відродження й визвольний рух на Балканах, аналізу стану й перспектив української болгаристики тощо. На XII Міжнародному з’їзді славистів у 1998 р. в Кракові, наприклад, значний інтерес й жваву дискусію викликала наукова доповідь П. С. Соханя „Проблеми з історії слов’янства у творчій спадщині М. С. Грушевського“¹⁸, а на черговому XIII з’їзді в Любляні у 2003 р. – його доповідь „Проблеми вивчення та використання писемних джерел з історії міжслов’янських зв’язків України“¹⁹.

Не останнє місце в наукових розробках вченого займають проблеми історіографії, зокрема аналіз розвитку болгаристики й балканістики в Україні, публікація проблем, пов’язаних з історією Болгарії і українсько-болгарськими стосунками, в цілому ряді енциклопедичних виданнях, в тому числі в багатотомних „Українській радянській енциклопедії“, „Енциклопедії історії України“. На сторінках насамперед „Українського історичного журналу“, а також видань „Советское славяноведение“, „Вопросы истории“ публікуються рецензії науковця на щойно видані книги радянських і болгарських вчених, зокрема на монографії Л. Б. Валева, Р. П. Гришиної, А. К. Мартиненка, Д. Б. Мельцера, Г. Й. Чернявського, Ангела Векова, Міто Ісусова, Драгоя Коджейкова, Добріна Мічева, Неді Недева, Панайота Панайотова, Веселіна Хаджініколова та інших.

Значним є внесок П. С. Соханя і в поширення історичних знань в Україні. Він є головним редактором видань і автором передмов до них Інституту української археографії та джерелознавства НАН України, членом редколегій багатьох періодичних історичних видань. Зокрема, у 1991 р. він був засновником і першим відповідальним редактором міжвідомчого збірника наукових праць „Міжнародні зв’язки України: наукові пошуки і знахідки“, на сторінках якого чільне місце займає проблематика історії Болгарії та українсько-болгарських взаємин²⁰.

Копітка робота була проведена П. С. Соханем по збору і публікації радянських документів щодо історії Болгарії і радянсько-болгарських відносин. Одним із її підсумків стала публікація історичних бібліографій: „Радянська і міжнародна періодика про Болгарію. Q1. 1917-1X. 1944 pp.“ та „Радянська преса про Болгарію. Q1. 1917-1X. 1944 pp.“²¹ Вони були видані в співавторстві з Г. Й. Чернявським у 1970 р. у Софії Народною бібліотекою ім. Кирила і Мефодія й отримали схвальні рецензії болгарських спеціалістів.

П. С. Сохань успішно поєднував плідну науково-дослідницьку роботу з масштабною науково-організаційною діяльністю. Ще з 1974 р. він займав посаду заступника директора Інституту історії України (на якій працював сімнадцять років), завідував відділом міжнародних зв’язків України цього

ституту, а також очолював Археографічну комісію АН України. Остання стало базою для створення в 1991 р. Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського НАН України, засновником і директором якого є Павло Степанович Сохань.

Виконуючи величезну роботу по відродженню археографічної справи в Україні, П. С. Сохань не випускає з поля зору й проблеми болгаристики. Зокрема, при підготовці до видання творчої спадщини М. П. Драгоманова велика увага приділяється болгарському періоду видатного вченого. Планується й публікація збірників документів, що торкаються життя й діяльності Івана Шишманова (зокрема, в Україні), а також представників української еміграції в Болгарії.

П. С. Сохань гідно представляє інтереси українських вчених у світовому співтоваристві. З 1968 р. і до 1991 р. він член Комісії істориків СРСР – Болгарії, після розпаду СРСР – Комісії істориків України – Болгарії. Водночас на нього покладаються обов'язки заступника голови Українського комітету Міжнародної асоціації по вивченню і поширенню слов'янських культур при ЮНЕСКО, а також заступника голови Українського комітету славістів.

П. С. Сохань здійснює широку діяльність по зміцненню українсько-болгарської дружби. Понад 20 років він працював заступником Голови правління Українського відділення радянсько-болгарської дружби, а у 1991 р. обирається Президентом Товариства „Україна – Болгарія“.

Наукові заслуги й активна громадсько-політична діяльність вченого були відзначені Почесною грамотою Президії Верховної Ради УРСР (1976), Державною премією УРСР у галузі науки і техніки (1980), болгарськими нагородами – орденом Кирила і Мефодія 1 ступеня та п'ятьма медалями. У 1985 р. за визначні наукові досягнення Загальні збори Академії наук обирають Павла Степановича членом-кореспондентом АН УРСР. У наступному році він стає почесним членом Болгарського філологічного товариства, у 1995 р. – дійсним членом Наукового товариства ім. Шевченка у Львові, а через два роки – заслуженим діячем науки і техніки України.

Значний внесок зробив П. С. Сохань у підготовку наукових кадрів, в тому числі й болгаристів. Під його керівництвом захистили кандидатські й докторські дисертації з історії близько 50 науковців. Не менша заслуга Павла Степановича в тому, що він дав півтку в наукове й літературне життя й двом своїм синам – Володимирі (фізик-теоретик) й Ігорю (фізик і літератор), які поєднали натхнення фізиків і ліриків. Природа не відпочила й на внуках Павла Степановича і Лідії Василівни. Старша внучка студентка Даринка є справжнім поліглотом, а школярі Оленка й Костя вже є авторами казок і оповідань для дітей.

Автори цих рядків мали щастя працювати під керівництвом Павла Степановича, разом з ним готувати наукові праці. Відтак вони відчували на собі його наукову опіку, всебічну допомогу чи то в добірці документальних джерел, чи в сприянні з цією ж метою у виїзді в наукові зарубіжні відрядження, чи в процесі написання робіт, чи їх редагування, чи їхньої публікації. І цю наукову опіку отримали не лише вони, а й інші майбутні вчені, чийм науковим керівником був Павло Степанович. Тож щиро його вітаємо, бажаємо йому міцного здоров'я, пропонуємо не лічити роки, тому що головне не вони, а оптимізм, цілеспрямованість, ентузіазм, наснага і водночас доброта, щирість, щедрість, які завжди були і є супутниками шановного ювіляра.

- 1 Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. – К.: Изд-во АН УССР, 1962. – 216 с.
- 2 Пламенный революционер. Жизнь и революционная деятельность Георгия Димитрова. – 2-е, испр. и доп. изд. – К.: Наукова думка, 1969. – 254 с.
- 3 Цогм хувьегалч (Полум'яний революционер: Біографічний нарис про Георгія Димитрова). – Улан-Батор, 1972. – 252 с.
- 4 Вогонь вічної дружби. – К.: Політвидав України, 1966. – 116 с.
- 5 Очерки истории украинско-болгарских связей. – К.: Наукова думка, 1976. – 292 с.
- 6 Очерки по истории на украинско-болгарските връзки. – София: Наука и изкуство, 1979. – 266 с.
- 7 Болгарські інтернаціоналісти у боротьбі за владу Рад / П. Панайотов, П. С. Сохань // Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні. 1917–1920. – К.: Наукова думка, 1967. – С. 179–200; Інтернаціоналісти на Україні / П. М. Калениченко, І. М. Кулинич, П. С. Сохань // Інтернаціоналісти. Трудящиеся зарубіжних стран – учасники боротьби за владу Советов на Юге и Востоке Республики. М.: Наука, 1971. – С. 9 – 66; Їм славу дала Україна / В. М. Даниленко, І. М. Кулинич, В. Ю. Мельниченко, П. С. Сохань. – К.: Політвидав України, 1989. – 180 с.
- 8 Дорогами дружби. К.: Політвидав України, 1989. – 314 с.; П'ятица на дружбата. – София: Партиздат, 1990. – 472 с.
- 9 Социалистический интернационализм в действии. Украинская ССР в советско-болгарском экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве (1945 – 1965 г.г.). – К.: Наукова думка, 1969. – 328 с.
- 10 Георгій Димитров і Україна. – К.: Політвидав України, 1982. – 108 с.; Георги Димитров и Украина. – София: Партиздат, 1986. – 163.
- 11 Украинская ССР и зарубежные социалистические страны. – К.: Наукова думка, 1965. – 412 с.
- 12 Науково-технічне співробітництво соціалістичних країн в умовах сучасної науково-технічної революції / С. М. Пархомчук, П. С. Сохань // На магістралях дружби і братерства: Участь Української РСР у співробітництві Радянського Союзу з європейськими соціалістичними країнами. – К.: Наукова думка, 1974. – С. 219–230.
- 13 Украинская ССР в научно-техническом сотрудничестве стран социализма. 1945–1970 / В. М. Даниленко, П. С. Сохань. – К.: Наукова думка, 1988. – 248 с.
- 14 Укрепление братской дружбы и сотрудничества стран социалистического содружества. / И. Н. Мельникова, И. М. Кулинич, И. С. Хмель, П. С. Сохань – К.: Наукова думка, 1981. – С.171–259.
- 15 Формираніето марксистко-ленинската концепция за историята на България. 1918–1944 / Г. И. Чернявский, П. С. Сохань. – София: Наука и изкуство, 1983. – 207 с.
- 16 Народная Республика Болгария в содружестве стран социализма, – К.: Наукова думка, 1984. – 288 с.
- 17 Всенародное движение за болгаро-советскую дружбу / М. В. Знаменская, П. С. Сохань // Деятельность обществ дружбы с СССР в странах социалистического содружества. – К.: Наукова думка, 1987. С. 15–45.
- 18 XII Міжнародний з'їзд славістів. Історія, джерелознавство, культурологія та етнологія слов'янських народів. Доповіді. – К., 1998. – С. 5–21.
- 19 XIII Міжнародний з'їзд славістів, Любляна, Словенія, 15–21 серпня 2003 р. Джерелознавство, історія та культурологія слов'янських народів: Доповіді. – К.: Інститут історії України НАН України, 2003. – С. 4–18.
- 20 Див.: Докашенко Г. П. Міжнародні зв'язки України в доробку сучасних вітчизняних істориків // Український історичний журнал. – 2005. – № 5. – С. 166–173.
- 21 Советская и международная периодика о Болгарии (Q1. 1917 – 1X. 1944): Историческая библиография. / Г. И. Чернявский, П. С. Сохань. – София: Народная библиотека «Кирилл и Мефодий», 1970. – 178 с.; Советская печать о Болгарии (Q1. 1917 – 1X. 1944): Историческая библиография / Г. И. Чернявский, П. С. Сохань. – София: Народная библиотека «Кирилл и Мефодий», 1970. – 386 с.

ОДЕССКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИСТОВ: 1995 – 2005 ГГ.

А. И. Ганчев, А. А. Пригарин

В силу ряда исторических обстоятельств еще в XIX веке в Одессе сформировался один из сильнейших центров изучения болгар, их прошлого, языка и культуры. На эту тему написано немало работ, раскрывающих феноменальную роль интеллигенции этого города в историографии и, шире – становлении и развитии национального Возрождения болгарского народа¹.

Важными предпосылками формирования нового этапа развития болгаристики в Одессе стало создание Кафедры археологии и этнологии Украины при Историческом факультете (1993), а также создание и деятельность болгарского отделения при Филологическом факультете (1995) Одесского национального университета им. И. И. Мечникова. Эти подразделения становятся центрами болгаристических исследований на Юге Украины, представители которых объединились в рамках Одесского научного общества болгаристов (далее – ОНОБ). В результате этой автобиблиографии хотелось бы прояснить такие вопросы: каким образом организована исследовательская деятельность; какие приоритетные направления разрабатываются; какова связь этих тем и результатов с общим историографическим процессом в болгаристике.

Решая ряд практических задач образовательной направленности, одесские учёные столкнулись с неразработанностью ряда вопросов в истории и языковедении. Рост национального самосознания, включение в программы средних и высших учебных заведений болгарского языка, истории, народоведения, формирование различных направлений культурно-просветительской работы – вот далеко неполный перечень причин все возрастающей потребности в квалифицированных специалистах и создания принципиально новых механизмов развития научно-просветительских организаций.

Исходя из этого, в феврале 1995 года проходит учредительное собрание, на котором создается Одесское научное общество болгаристов. Эта общественная организация направлена «на объединение усилий представителей разных научных дисциплин, их координацию в изучении и популяризации знаний о славном историческом прошлом, выразительной и самобытной культуре, а также современном положении всего болгарского народа и особо – его украинской диаспоре» (Устав общества). Избирается правление общества с двумя сопредседателями – профессором, д. и. н. В. Н. Станко и доцентом, к. ф. н. В. А. Колесник².

ОНОБ объединило сотрудников и студентов Филологического и Исторического факультетов Одесского государственного (с 2000 г. – национального) университета им. И. И. Мечникова. Кроме того, интерес к работе ОНОБ проявляют представители других культурных и академических организаций как Украины, так и за ее пределами.

Осознавая уникальный потенциал, который предоставляют болгарские поселения Южной Украины, в 1995 г. начинаются совместные экспедиционные исследования историков, этнологов и лингвистов. К ним кроме местных специалистов привлекались коллеги из Болгарии (профессор И. Георгиева, доценты К. Стоилов, Е. Анастасова, Т. Бонева и др.). Главной формой работы стал сбор качественно новой эмпирической базы данных по культурно-бытовым традициям и диалектологическим особенностям болгар Украины на уровне отдельных микрорегионов.

Полевая работа проводится на основе тематической программы³ методами непосредственного наблюдения и интервьюирования. На протяжении десяти лет собраны коллекции памятников культуры, текстов и аудиозаписей глубинных и тематических опросов по 25 болгарским поселениям Украины. Большинство из них позволяют охарактеризовать выразительность отдельных культурно-бытовых комплексов, а также их развитие в XX веке. Особо стоит отметить корпус фотоматериалов как непосредственно отснятого участниками экспедиционных работ, так и выявленного в семейных альбомах. Кроме того, научную ценность представляют электронные копии похозяйственных книг сельсоветов в качестве современных массовых источников. Все материалы сохраняются в лаборатории археологии и этнологии Степной Украины ОНУ им. И. И. Мечникова.

Географически представлены результаты поездок в поселения Одесской и Николаевской областей, АР Крым. Представители ОНОБ принимают активное участие в полевых исследованиях в Болгарии⁴.

Еще одной продуктивной формой работы стал археографический поиск. В результате выявляются оригинальные документы в местных (Одесском и Николаевском областных, Измаильском) и зарубежных (Кишинев, Москва, Санкт-Петербург, София) архивах. Наибольший интерес среди них представляет корпус массовых источников (ревизские переписи, метрические книги и т. д.), которые позволяют проводить реконструкции историко-антропологического направления: генеалогия населения, эволюция общины, типология семей, демографические процессы и т. п.

Эти результаты вводятся в научный оборот в качестве докладов на форумах различного масштаба и дисциплинарности, публикациями в отечественных и зарубежных периодических изданиях. Со временем ОНОБ принимает участие в организации и проведении ряда конференций, среди которых международные: «Україна і Болгарія: віхи історичної дружби» (1998 г.)⁵ и IX-я конференция «Болгары в Северном Причерноморье» (2005 г.)⁶. С 2003 года начинается издание печатного органа ОНОБ – ежегодника «Одесская болгаристика»⁷ с постоянными рубриками: история, этнография, диалектология и литературоведение.

В 1999 году ОНОБ входит в Ассоциацию болгар Украины, сопредседатели входят в ее Президиум. Несмотря на общественный характер деятельности ОНОБ, семерым активным участникам удалось за это время защитить кандидатские диссертации, что свидетельствует об определенном признании в научно-исследовательском сообществе.

Следует также отметить, что вполне академические результаты работы членов ОНОБ нередко имеют и практический выход. Так, например, оказана методическая помощь в создании «Музея болгарской народной культуры «Камчикска къща»» в с. Заря Саратовского района Одесской области. В отличие от аналогичных музеев, этот центр просветительской работы изначально вписан в современную этнотуристическую индустрию региона. Экспонаты,

собранные в ходе наших экспедиционных исследований, были представлены на выставке «Мозаика православного Буджака» (2004 г., Одесский археологический музей НАН Украины). Нередко представители ОНОБ выступают на телевидении, радио, в печати, в связи с проведением общественных и культурных мероприятий.

Важным итогом деятельности ОНОБ становится участие в качестве консультативного совета в написании и издании программной книги президента Ассоциации болгар Украины А. И. Киссе «Возрождение болгар Украины»⁸.

Такова вкратце инфраструктура ОНОБ в ее динамике. То есть, общество представляет собой вполне традиционный субъект научно-исследовательской и культурно-просветительской жизни. Достаточно четко осознается исследовательское поле, наличествуют формы работы, апробированы механизмы репрезентации своей деятельности.

Обзор тематической деятельности ОНОБ свидетельствует об определенной переориентации одесских ученых. Наибольшее развитие получили этнологические и диалектологические разработки. Традиционные исторические сюжеты включались в проблематику этнических процессов.

Так, например, история переселения болгар на территорию современной Украины и Молдовы более двух веков назад таит в себе много интересных, все еще не решенных и нераскрытых вопросов, несмотря на то, что исследователями уже было сделано немало. Изучение архивных документов и анализ опубликованных материалов дают нам возможности говорить о новых датах и обстоятельствах основания ряда болгарских сел⁹.

Репрезентуя археографическое направление деятельности ОНОБ, стоит отметить желание проследить прошлое болгарских сел на уровне истории отдельных поселений и их групп¹⁰. Именно такой подход оказался продуктивным для реконструкций конкретных миграций из ряда регионов Балкан на территорию Северного Причерноморья, так и внутри этого сложного этнокультурного района.

Обращение к источникам с позиции этнологии позволяет рассмотреть проблемы, связанные с адаптацией болгар переселенцев к новым условиям Бессарабии, то есть процесс приспособления к новой государственно-административной, географической, хозяйственно-экономической и этнической среде¹¹. Анализ и характеристика социально-экономического состояния переселенцев дает возможность рассматривать его в качестве базовой основы адаптивного процесса. Характеристика природно-географического и этнического окружения позволяет реконструировать ситуацию, в которой оказались переселенцы.

Существенную роль в жизни болгар сыграли законодательные акты Российской империи и Румынии. Устав о колониях иностранцев в Империи создает и регулирует условия хозяйственного развития болгарского населения в Бессарабии. Особенно интересна констатация того, что Устав содержит элементы болгарской культуры и болгарских традиций самоуправления, но при этом приспособлен к интересам России в освоении Южных территорий¹². Вследствие первоначальной адаптации к новым условиям Южной Бессарабии болгарская диаспора приобретает определенные, характерные для нее этнические черты. Переселение болгар и миграционные процессы в первой половине XIX в. послужили причиной смешения локальных вариантов болгарской культуры, что впоследствии приводит к относительному нивелированию диалектных различий в селениях и аккумулярованному варианту этнических традиций.

В результате сложились уникальные этнографические и лингвистические комплексы на уровне отдельных поселений. В их основе находятся, как консервация традиции метрополий, так и процессы модернизации XIX–XX вв. Подобный синтез архаических и инновационных элементов создает сложную субэтническую структуру болгарской культуры Украины. Ее выявлением и изучением обоснована необходимость комплексных исследований микрорегионов¹³. Одновременно, оригинальный эмпирический материал по культурно-бытовым процессам в болгарской среде привлекался к решению ряда общих проблем славяноведения. Такая стратегия позволяла параллельно выстраивать идиографические методы сбора полевого материала, вписывая их результаты в современные концепции исследования культур.

Так, например, накопление данных по локальным вариантам народной архитектуры болгар Южной Украины позволило предложить новую типологическую схему эволюционного развития и выразительности жилища болгар¹⁴. Обращение к строительной обрядности детализирует научные представления о жилище как семиотической модели, а также ее специфичности на отдельных уровнях: этнических, региональных и т. д.¹⁵ Продуктивным оказалось также изучение феномена устойчивости балканских архетипов в данной группе обрядов¹⁶.

Аналогично обстоят дела с исследованием народного костюма болгар, его эволюции и знаковых свойств¹⁷.

Обращение к конкретным вариантам обрядов и обычаев семейного цикла бессарабских болгар (родины, свадьба, похороны) позволило создать ряд качественных описаний-реконструкций. Кроме того, впервые в науке был очерчен круг вопросов о связи данной обрядности с представлениями о мироустройстве и их преломлении в ритуальную практику¹⁸.

На основе компаративных исследований народной медицины болгар и соседнего населения, были рассмотрены обрядовые аспекты знахарства и практики заговоров¹⁹. Показаны знаковые функции болгарских представлений «здоровье – болезнь», а также процессов восстановления нарушенного баланса в этнокультурном измерении.

Отдельное внимание было уделено проблемам соционормативной культуры болгар. Социализация молодежи, создание молодой семьи и межпоколенные отношения, взаимоотношения в семье и в обществе, правила и нормы обычного права – все это очерчивает круг социальной жизни болгарского села. Естественно, с момента переселения под влиянием целого ряда факторов социальные отношения в болгарском обществе трансформировались, адаптируясь к новым условиям новых эпох.

Исследование этнодемографических аспектов развития болгарской семьи на протяжении XIX–XX веков демонстрирует динамику развития ее структуры, репродуктивного поведения и ее место в этническом окружении общности. На территории Бессарабии семья у болгар под воздействием внешних факторов достигает максимального размера и принимает формы семейной организации, оптимальные для ее функционирования. Развитие семьи непосредственно связано с государственно-административными, законодательными и экономическими изменениями, имевшими место в XIX–XX веке.

Современное исследование семьи, его развитие, механизмы адаптации, сохранение традиций и появление инновационных элементов, невозможно без анализа ее структуры²⁰. Это позволяет нам выявить целый ряд направлений ее эволюции и трансформации. Во второй половине XX века отмечается стабильное изменение соотношения простых и сложных форм семейной ор-

ганизации в пользу первых; преобладают трехпоколенные формы с тенденцией к уменьшению числа поколений; постепенное падение рождаемости, увеличение среднего возраста населения и значительные миграции в города служат основой для появления состояния демографического кризиса в болгарском обществе; увеличивается число экзогамных, биэтнических и полиэтнических семей; большая часть браков носит патрилокальный характер, реже встречаются матрилокальные формы, увеличивается число дислокальных брачных союзов; намечается тенденция к демократизации внутрисемейных отношений и переход от авторитарных форм к эгалитарным²¹.

Новыми и неординарными являются исследования развития болгарской семьи и общества в период социализма. Изучение функционирования и трансформации механизмов трансмиссии в этот период представляет особый интерес, так как советское общество представляло собой неординарную систему с сильной идеологией, общедоступным образованием, централизованным авторитарным аппаратом, контролирующим все стороны социальной жизни населения. Процесс интенсивной интеграции болгарского населения Южной Бессарабии в социалистическое общество является ярким примером проникновения и контроля со стороны советской системы. Нарушение межпоколенной трансмиссии приводит к разрыву передачи социального опыта от поколения к поколению и, в свою очередь, к потере целого ряда элементов культуры, обычаев и традиций²².

Падение „железного занавеса“ и начало Перестройки в СССР в 1985 году становится началом больших перемен в жизни болгар Украины. В 1991 году первая группа бессарабских детей едет на учебу в Болгарию. С тех пор ежегодно комиссия Министерства образования, науки и технологий Республики Болгария принимает около 120 студентов из болгарских сел Бессарабии для обучения в высших учебных заведениях страны. Возникает проблема: „Как учеба в Болгарии воздействует на формирование и трансформацию идентичности обучающейся молодежи из Бессарабии?“.

Результаты проведенных исследований дают возможность: а) судить о первоначальном состоянии языковой, культурной и этнической идентичности бессарабской молодежи в условиях современного влияния украинского языка и украинской культуры; б) определить факторы, поставленные в основу противопоставления «мы – они», причем не только с представителями других, проживающих по соседству этнических групп, но и с болгарями собственно Болгарии; в) проследить процесс трансформации этнического самосознания разных уровней, за время обучения в Болгарии, факторы, воздействующие на него и факторы, сдерживающие изменения²³.

Процесс воспитания нового поколения, приобщения его к окружающему миру, передача всех сложившихся веками знаний и представлений является одной из первостепенных задач традиционного общества. Социализация, как неотъемлемая часть соционормативной культуры выступает средством подготовки и смены одного поколения другим. Это процесс, в результате которого осуществляется передача накопленного социального опыта и усвоение его, а также применение на практике индивидом. Изучение процесса социализации в болгарском обществе дает основание утверждать, что в традиционном обществе она основана прежде всего на трудовом процессе, а в современном обществе ее основой является образование²⁴.

Вступление в брак и создание семьи в традиционном понимании болгарского народа является одной из основных целей жизни человека, к которой он стремится независимо от окружающей его экономической, политической,

социальной и культурной ситуации. Выбор брачного партнера являются заключительной фазой в социализации как супруга. Одним из направлений исследований является развитие традиций в добрачном общении молодежи, внутрисемейных отношениях и роли женщины в болгарской семье. В первой половине XX века основу традиционных внутрисемейных отношений занимают патриархальные устои, а добрачное общение молодежи регулируется представлениями о морали, присущими данному типу культуры. Во второй половине XX века основной тенденцией в развитии взаимоотношений внутри семьи является демократизация и переход от авторитарной формы отношений к эгалитарной. Изменения в бытовой характеристике семьи, также как и в социально-экономической, приводят к более широкому приобщению женщин к общественной, трудовой и культурной жизни. Либерализация и раскрепощение добрачного поведения молодежи, приводит к коренным изменениям в представлениях жителей села, связанных с должным брачным поведением и самим браком²⁵.

Развитие социальных, общественных и политических отношений во многом определяют трансформацию структуры болгарского села Южной Бессарабии и взаимоотношений в нем на протяжении XIX – начала XXI в. Важной частью его жизни являются социальные взаимоотношения в нем. Жизнь села, как и отдельно взятой семьи, регулируется нормами обычного права. Традиционные органы сельского самоуправления контролируют целый комплекс отношений в болгарском селе, связанных с земельными, юридическими и отчасти судебно-исполнительными вопросами²⁶. Отдельное внимание уделено специфическим формам организации общественной жизни и воспроизводства традиций²⁷.

Значительную роль в жизни болгарской общины играет церковь и ее служители. До середины XX в. церковь занимала существенные позиции в структуре села. Как и в типичном доиндустриальном обществе она имела существенное влияние практически на все стороны жизни аграриев-производителей. Церковнослужители вмешивались в общественную, социально-экономическую и образовательную деятельность болгарского населения. Переход к индустриальному обществу, интеграция в советскую систему, воздействие законодательства и политики Советского Союза сводит на четыре десятилетия роль церкви к нулю. Ее реабилитация в «демократический» период лишь частично вернула занимаемые ранее позиции. Мобильность и динамика современного общества, несмотря на подъем религиозности населения, не позволяет церкви установить широкое влияние на систему жизнедеятельности²⁸.

Наиболее эффективным в лингвистическом плане оказались диалектологическое направление. Изучение говоров болгар Украины было продолжено на уровне отдельных анклавов проживания. Комплексные исследования (параллельные с историческими и этнологическими) проведены в Криничном (Чешма-Варуите), Червоноармейском (Кубее), Городнем (Чийшии) Болградского; Заре Саратовского; Евгеновке Тарутинского районов Одесской области и Терновке Николаевской области. По большей части из них изданы монографии в серии «Болгарские говоры в Украине»²⁹, подготовлены и защищены кандидатские диссертации (С. Д. Топалова и С. И. Георгиева³⁰).

Определенным итогом таких работ следует считать монографический труд В. А. Колесник. Он посвящен процессам и результатам дебалканизации для болгарских диалектов Украины³¹. На конкретном эмпирическом материале рассматриваются теоретические проблемы трансформаций в говорах переселенческих типов.

Еще одной результативной темой филологических исследований стали работы литературоведческого и историко-литературного характера. Они представлены, прежде всего, творчеством Е. Налбантовой³². Продолжая свои исследования в Одессе, она за три года сумела собрать новые данные о роли Одессы и Бессарабии в развитии общеполитической поэзии и прозы.

Таким образом, на протяжении 10 лет Одесским научным сообществом болгаристов внесен значительный вклад в развитие исторических, этнологических, лингвистических исследований, теоретико-методологических разработок и образовательного процесса. Научный потенциал и накопленный опыт дают возможность прогнозировать дальнейшую плодотворную работу членов ОНОБ и их роль в выполнении поставленной в Уставе общества задачи.

¹ Общие тенденции в развитии болгаристики см.: Червенков Н. Н. Изучение истории болгар Молдовы и Украины // Страницы истории и этнографии болгар Украины и Молдовы. – Кишинев: Штиница, 1995. – С. 5–32.

² Одесское научно-исследовательское общество болгаристов // Всеукраинской болгарской ассоциации – 10 лет. – Одесса: Маяк, 2003. – С. 61, 199–200.

³ Пригарин А. А., Агафонова Т. А., Пригарина Т. В., Петрова Н. А. Быт и культура населения Степной Украины: программа для сбора полевого этнографического материала. – Вып. 1. – Одесса, 1996; Пригарин О. А., Агафонова Т. А., Ганчев О. И., Захарченко Г. М., Петрова Н. О., Тхоржевська Т. В., Серебрянникова Н. И., Ніколіна І. М. Побут та культура населення Степової України: програма для збору польового етнографічного матеріалу. – Одеса, 2000.

⁴ Особо хотелось бы отметить международные экспедиции-конференции, организованные в 2000–2002 гг. обществом «ДИОС» и д-ром Тошо Спиридоновым.

⁵ Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іґа). – Одеса: Друк, 1999.

⁶ Болгарите в Северното Причерноморие. – Т. IX. – Одесса: Друк, 2006.

⁷ Одеска българистика. – 2003 – № 1; Одеска българистика. – 2004. – № 2; Одеска българистика. – 2005–2006. – № 3–4 (далее – ОБ).

⁸ Киссе А. И. Возрождение болгар Украины: очерки. – Одесса: Optimum, 2006.

⁹ Ганчев А. И. Болгарская семья в Южной Бессарабии в первой половине XIX века: заселение и этнодемографическое развитие // Археология и этнология Восточной Европы. – Т. 3. – Одесса, 2002 – С. 334.

¹⁰ Носкова И. А. Крымские болгары в XIX – начале XX в.: история и культура. – Симферополь, 2002; Самаритяки Е. С., Уварова Е. А., Пригарин А. А., Станко В. Н. Терновка: документы и материалы по истории (1792–1822). – Т. 1. – Одесса, 2004.

¹¹ Ганчев А. И. Адаптация болгар-переселенцев к новым условиям Южной Бессарабии в первой половине XIX века: законодательно-административная основа // Археология и этнология Восточной Европы. – Т. 4. – Донецк, 2004. – С. 74–76; Ганчев А. И. Първоначална адаптация на българите към новите условия на Южна Бесарабия през първата половина на XIX век // Границата. - София, 2001; Ганчев А. И. Българите в Терновка през първата половина на XIX в.: първоначална адаптация към новите природо-географски условия // ОБ. – 2004. – № 2. – С. 33–35.

¹² Ганчев А. И. Процесс адаптации болгар-переселенцев к новым условиям Южной Бессарабии на протяжении первой половины XIX века // ОБ. – 2004. – № 3–4. – С. 13–24.

¹³ Такие работы находили свое отображение в монографиях по отдельным поселкам: Пригарин А. А., Тхоржевская Т. В., Агафонова Т. А., Ганчев А. И. Кубей и кубейци: бит и культура на българите и гагаузите в с. Червоноармейское, Болградски район, Одеска област / Отг. ред. З. Т. Барболова. – Одеса: Маяк, 2002; Агафонова Т. А., Пригарин А. А., Ганчев А. И., Шевченко В. Н., Захарченко Г. Н., Николова Л. Д. Очерки этнографии болгарского населения Евгеновки Тарутинского района Одесской области // ОБ. – 2003. – № 1. – С. 6–70 и др.

¹⁴ Пригарин О. А. Сільське житло та садиба болгар Південної Бессарабії в XIX – на початку XX ст. // Історичне краєзнавство Одещини. – Вип. 5. – Одеса, 1994. – С. 42–46; Пригарин

- А. Этническая карта изразительности на българское жилище в Бессарабия през XIX–XX в. // Българите в Северното Причерноморье: исследования и материалы. – Т. 6. – Велико Търново, 1997. – С. 379–393; Пригарин О. А. Етнічна виразність житла слов'янського населення Південно-Західної України (XIX–XX ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Одеса: Друк, 1998; Пригарин А. А. Народная архитектура Терновки: локальная болгарская традиция в исторической и этнокультурной перспективе // ОБ. – 2005–2006. – № 3–4. – С. 53–63.
- ¹⁵ Пригарин О. А. Етнічна виразність будівельної обрядовості болгар Півдня Бессарабії // Етнографія Півдня України. – Вип. 1. – Одеса: Гермес, 1996. – С. 53–63; Пригарин А. А. Строительная обрядность на българите в Южна Бессарабия // Българите в Северното Причерноморье: исследования и материалы. – Т. 5. – Велико Търново, 1996. – С. 369–374; Пригарин О. А. Ритуальне освоєння нового житла у традиційній обрядовості болгар Бессарабії (перша половина XX ст.) // Записки історичного факультету ОДУ. – Вип. 4. – Одеса, 1997. – С. 42–52.
- ¹⁶ Пригарин А. А. О фракийских элементах в этнической культуре болгар Бессарабии: на материалах жилища XIX–XX вв. // *Relatile moldo-bulgare in epoca medie si moderna*. – Chisinau, 1998. – P. 219–226; Пригарин А. А. Категория «время» в строительной обрядности болгар Бессарабии // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби (матеріали міжнародної конференції, присвяченої 120-річчю визволення Болгарії від османського іга). – Одеса: Друк, 1999. – С. 272–279.
- ¹⁷ Агафонова Т. А. Традиційний одяг українців і болгар Південно-Західної України (XIX – перша половина XX ст.): Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Одеса: Друк, 1998; Агафонова Т. А. Було в свадебных обрядах болгар Южной Бессарабии (XIX – начало XX века) // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. – Одесса, 1997. – С. 316–320 и др.
- ¹⁸ Захарченко Г. М., Пригарин О. А. Статевікові відмінності в традиційній поховально-поминальній обрядовості болгар (на матеріалах південно-західних районів Одещини) // Записки історичного факультету. – Вип. 8. – Одеса, 1999. – С. 85–93; Захарченко Г. М. Уявлення «народження – доля» в традиційній культурі болгар (на матеріалах експедиційних досліджень на Одещині) // Народознавчі зошити. – 2001. – Ч. 3 (39). – С. 595–598; Захарченко Г. М. «Обряди першого разу» в системі ритуальних переходу (на матеріалах сімейної обрядовості болгар Південної Бессарабії) // Буковинський історико-етнографічний вісник. – Чернівці, 2001. – Вип. 3. – С. 28–30; Захарченко Г. М. Традиційна поховальна обрядовість слов'янського населення Південно-Західної України середини XIX–XX ст.: ритуальна структура та її статево віковий аспект: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2004; Захарченко Г. Н. Представления о душе и смерти у бессарабских болгар // ОБ. – 2004. – № 2. – С. 50–53; Стоянова Г. Н. Демони судьбы в представлениях бессарабских болгар // ОБ. – 2005–2006. – № 3–4. – С. 64–65.
- ¹⁹ Серебрянникова Н. И. Традиційні уявлення про уроки слов'янського населення Південно-Західної України // Народознавчі зошити. – 2001. – № 3 (39). – С. 508–511; Серебрянникова Н. И. Матеріали по народній медицині українців і болгар Юго-Западной Украины // Національні та етносоціальні процеси в Україні. – Чернівці, 1997. – С. 162–164; Серебрянникова Н. И. Обрядові аспекти народної лікувальної практики слов'янського населення Південно-Західної України: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2004; Серебрянникова Н. И. Сергей Цветко и его вклад в изучение народной медицины Юга Украины // ОБ. – 2004. – № 2. – С. 36–38; Серебрянникова Н. И. Представления о болезнях среди болгарского населения Юго-Западной Украины // ОБ. – 2005–2006. – № 3–4. – С. 70–75.
- ²⁰ Ганчев А. И. Трансформация структуры болгарской семьи в Южной Бессарабии в XIX – начале XX века. // *Ethnoses and cultures on the Balkans*. – Vol. 2. – Sofia, 2000 – С. 83–90; Ганчев А. И. Болгарская семья в Южной Бессарабии в первой половине XIX века: заселение и этнодемографическое развитие // Археология и этнология Восточной Европы. – Т. 3. – Одесса, 2002. – С. 333–335; Ганчев А. И. Българското семейство в Южна Бессарабия през XIX век. Заселване и етнодемографско развитие // Българите в Северното Причерноморье. – Т. VIII. – Велико Търново, 2003.
- ²¹ Ганчев А. И. Българското семейство в Южна Бессарабия през втората половина на XX век (по материали от Болградски район): Диссертация (Рукопись).
- ²² Ганчев А. И. Трансмиссия социального опыта в период социализма: на материалах болгарских сел Южной Бессарабии // Р. Ф. Кайндль і українська історична наука. Матеріали Міжнародного наукового семінару „Кайндлівські читання“. – Чернівці, 2004. – Ч. 2. – С. 40–45.
- ²³ Ganchev A. Bessarabian Bulgarians: studying in Bulgaria, searching for an identity // *The anthropology of East Europe Review: Central Europe, Eastern Europe and Eurasia*. – Vol. 24. – University of Massachusetts, Amherst, 2006. – С. 38–43; Ганчев А. И. Бессарабские болгары обучающиеся в Болгарии. В поисках идентичности // Българите в Северното Причерноморье. Т. IX. – Одеса, 2006.

²⁴ Ганчев А. И. Традиционные этапы социализации: на материалах болгарских сел Южной Бессарабии // Этничность в истории и культуре: Матеріали III Міжнародної етнологічної конференції. – Одеса, 1998 – С. 321–326; Ганчев А. И. Болгарского семейство в Южна Бесарабия през втората половина на XX век (по материали от Болградски район): Диссертация (Рукопись).

²⁵ Ганчев А. И. Особенности брачных отношений у болгар Южной Бессарабии: на материалах села Евгеновка Тарутинского района Одесской области // Българите в Северното Причерноморие. – Т. VII. – Велико Търново, 2000. – С. 449–459; Ганчев А. И. Внутрисемейные отношения и роль женщины в болгарской семье Южной Бессарабии второй половины XX века // Буковинський історико-етнографічний вісник. – Вип. 3. – Чернівці, 2001. – С. 21–23; Ганчев А. И. Трансформация внутрисемейных отношений в болгарской семье юго-западных районов Одещины второй половины XX века // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе: Материалы Международной научной конференции. – Ч. 2. – Гродно, 2001. – С. 148–151.

²⁶ Ганчев А. И. Материалы к характеристике обычного права болгар Южной Бессарабии первой половины XX века // Етнографічні дослідження населення України: Матеріали Першої Всеукраїнської етнологічної конференції студентів та молодих вчених. – Одеса, 1996. – С. 19–21; Ганчев А. И. Традиції у сільському самоврядуванні болгар Бесарабії першої половини XX століття // Матеріали IV Міжнародної археологічної конференції студентів і молодих вчених. – К., 1996. – С. 51–52; Ганчев А. И. Обычное право в этнической культуре болгар Южной Бессарабии первой половины XX века // Археология и этнология в Восточной Европе: материалы и исследования. – Одесса, 1997. – С. 321–326; Ганчев А. И. Традиции взаимопомощи в болгарских селах Южной Бессарабии (первая половина XX века) // Етнічна історія народів Європи. – Т. 2. – Київ, 1999. – С. 37–42.

²⁷ Пригарин А. А. Традиционная общественно-территориальная структура болгарских сел Бессарабии // Записки історичного факультету ОДУ. – Вип. 10. – Одеса, 2000. – С. 108–118; Пригарин А. А. Традиционная общественно-территориальная структура болгарских сел в Бессарабии // Българите в Северното Причерноморие: изследвания и материали. – Т. 7. – Велико Търново, 2000. – С. 441–448.

²⁸ Ганчев А. И. Місце церкви в суспільній структурі болгарського села Південної Бесарабії: історія і сучасність // Історія релігій в Україні. Науковий щорічник. – Кн. 1. – Львів, 2004. – С. 166 – 170.

²⁹ Барболова З., Колесник В. Говорът на българите в с. Кирнички, Бессарабия. – Одеса, 1998; Барболова З. Особености на българския говор в с. Червоноармейское (Кубей), Болгарски район, Одеса област в Украйна. – Одеса, 1999; Колесник В. Евгеновка (Арса): Ономастика. Говор. Словарь. – Одесса, 2001.

³⁰ Георгиева С. И. Болгарська переселенська говірка мішаного типу: стан і етапи формування. – К., 2006.

³¹ Колесник В. О. Дебалканізація болгарських переселенських говірок в Україні. Граматична система. – Одеса, 2003.

³² Налбантова Е. Одеса в българската история и литература в XIX век. – Одеса, 2006; Съвременна българска поезия от Бесарабия и Таврия. Антология. Критически прочити / Съставител Е. Налбантова. – Одеса, 2006.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1804 – 1917 ГГ.)

С. И. Лиман, С. Б. Сорочан

Научная разработка проблем византийской истории началась в Российской империи с рубежа XVIII–XIX вв. В отечественной византистике этого времени и нескольких последующих десятилетий нашли своё отражение многие вопросы общественно-политического развития самой России. Среди них – жизненно актуальные на тот период попытки оправдать концепцию «просвещённого абсолютизма» и доктрину «самодержавие – православие – народность», выяснить суть славянофильских и западнических воззрений о признании или признании общности исторического развития восточнохристианских и западнохристианских государств, показать имманентные причины кризиса крепостничества, наконец, «глубже разобраться в тенденциях и традициях России, её исторических связях и положении в мировой истории»¹.

Указанные тенденции общероссийской византистики были в полной мере характерны и для её развития в отдельных регионах империи. Одним из крупных научных центров со сравнительно богатыми и, главное, самостоятельными византиноведческими традициями был Харьковский университет. Между тем вплоть до настоящего времени в отечественной историографии отсутствует специальная работа, посвящённая проблеме зарождения здесь византистики. Исключением служат тезисы доклада С. Б. Сорочана и Ю. Ф. Фёдорова „Византистика в Харьковском университете (40-е гг. XIX в. – 1917 г.)“², в которых однако не рассматриваются византиноведческие работы начального периода³. В фундаментальной историографической монографии Г. Л. Курбатова упоминается лишь фамилия А. П. Зернина с перечнем его трудов⁴. Краткое упоминание А. А. Чекаловой в работе «Константинополь в VI в. Восстание Ника»⁴ о вкладе В. К. Надлера в изучение данной проблемы нуждается в дополнительных и более глубоких разъяснениях. Узкие рамки юбилейной статьи А. И. Митряева, Ю. А. Голубкина, С. И. Лимана «Медиевистика в Харьковском университете» не позволили более полно охарактеризовать научное наследие харьковских византиноведов⁵. И только творчество М. С. Дринова, в работах которого затрагивались проблемы болгаро-византийских отношений, стало предметом самого пристального внимания в отечественной историографии, впрочем, без должной оценки именно византиноведческой стороны студий⁶. Часть научного наследия харьковских византиноведов рассматривалась иногда и при характеристике отдельных узких проблем, то есть делалось это крайне поверхностно, косвенно. Таким образом, предлагаемая статья призвана заполнить существующий пробел в историографии Византии и показать историю зарождения харьковской византистики от открытия в 1804 г. Харьковского университета до 1917 г.

Знаменательно, что первые работы, в той или иной мере посвящённые византийской истории, были созданы в Харьковском университете уже в первые годы его существования. Авторами их являлись представители самых разных наук – истории, философии, права. Наиболее ранней по времени создания следует считать работу профессора юриспруденции И. Ф. Тимковского (1772/73–1853) «Сравнение Юстиниановых законов с российскими» (1808 г.), которая, к сожалению, не сохранилась. Биограф И. Ф. Тимковского, Н. В. Шугуров, перечисляя его научные труды, написал по этому поводу следующее: «Кроме того, в бумагах Тимковского есть указание на написанное им в это же время (1808 г. – С. Л., С. С.) на латинском языке сочинение «Сравнение Юстиниановых законов с российскими», за которое Геттингенское учёное общество в 1809 г. избрало Тимковского в свои члены; когда и где было издано это сочинение – нам не известно»⁷. Подобная оценка работы харьковского учёного вполне позволяет говорить о её высоком научном уровне. Главные её выводы, скорее всего, легли в основу сохранившейся речи И. Ф. Тимковского «О применении знаний к состоянию и цели государства» (1808). «Если бы европейцы, – отмечал в ней харьковский учёный, – не ввели у себя римского права, Юстинианом уложенного, что были бы по сие время собственные их уставы, судопроизводство и зависящие от них дела правления?»⁸. Прибавим к этому, что рассмотренная И. Ф. Тимковским тема влияния византийского законодательства на отечественное и западноевропейское право во многом предопределила одно из направлений научных разработок отечественных византиноведов.

Уже в актовой речи харьковского адъюнкта философии И. М. Ланга «Об изучении юридических и политических наук» (1810 г.) отмечалось огромное влияние во всемирной истории римско-византийского права. И. М. Ланг особо подчеркнул роль византийского императора Юстиниана I в кодификации этого права, у истоков которого, по его верному мнению, стояли римские юристы. «Всяк исполняется благоговения к сей законодательной мудрости, – указывал учёный. – Трон Римского владычества был ниспровержен, но победители подвергли себя законам побеждённых»⁹. С И. М. Лангом будут солидарны и адъюнкты Харьковского университета 1820–30-х гг. К. Михайловский и Г. Гордеенков. В «Речи о начале и происхождении Российского законодательства» (1823) К. Михайловский отмечал, что расселение славян на Балканах с эпохи Юстиниана способствовало заимствованию ими римско-византийского права¹⁰. Г. Гордеенков в речи «О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи» (1835) в числе величайших законодателей всемирной истории называл Юстиниана, а в числе величайших правовых памятников – «превосходный», «славный Юстинианов Свод (Corpus juris)»¹¹. Впоследствии тема влияния византийского (римско-византийского) права на страны и народы Европы станет одной из ключевых в отечественной византистике, хотя в силу специфики трудного предмета до сих пор остается делом избранных специалистов¹².

Другим направлением, которое со временем также делается традиционным, было изучение культурного влияния Византии на соседние государства. На эту тему в Харьковском университете успели высказаться уже современники И. Ф. Тимковского и И. М. Ланга, уроженец Германии, Х. В. Роммель (1871–1859) и французский эмигрант А. А. Дегуров (А. Дю Гур) (1765/66–1849). В актовой речи «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения» (1811) Х. В. Роммель высоко оценил ту значительную роль, которую сыграли в истории европейского, прежде всего итальянского, Ре-

нессанса подданные погибающей Романи. «Убегающие и изгнанные греки, искусные во всех изящных науках» способствовали, по выражению Х. В. Роммеля, тому, что «греческие и римские умооткрытия чрез долгое время в целой Европе...были восстановлены, открыли прекрасный путь всем изящным наукам, и отверзли славнейшие и прозрачнейшие источники, из коих не токмо писания мужей мудрых и деяния героев, но и всё, что древность редко-го и, так сказать, божественных внушений исполненного ни заключает, почерпать и заимствовать можем»¹³. С такой оценкой византийского влияния на европейское Возрождение был солидарен и А. А. Дегуров. Об этом влиянии он высказался в актовой речи «О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями света» (1812). Последний период существования Византии и разрушения её турками-османами, «коим ни наука управлять, ни вкус к просвещению были не известны», привели, по словам учёного, к массовому исходу из неё «отличных в каждом роде художников», которые «приходят в Италию искать той тишины и спокойствия, кои необходимо нужны для занятий разумом»¹⁴.

Таким образом, изначально можно заметить выделение тех основных направлений византиноведческих исследований, которые, будучи заявленными, получают дальнейшее развитие. Однако в этих и в ряде последующих работ харьковских учёных византийская тематика не являлась пока преобладающей. Об истории Византии упоминалось лишь вскользь и, главным образом, в связи с правовыми и культурологическими вопросами. Социально-экономическая тематика здесь, впрочем, как и в невинантиноведческих студиях, находилась в лучшем случае на задворках. Существенное воздействие на создание отечественных концепций византийской истории стало оказывать и все более осваиваемое многотомное сочинение авторитетного английского исследователя Э. Гиббона «История упадка и гибели Римской империи» (1788). Его попытка представить историю Византии как период тысячелетнего разложения и регресса получила распространение в курсах лекций и учебной литературе университетов Украины. В этой связи становится понятно, почему в курсе лекций по истории средних веков известного и весьма талантливого харьковского историка М. М. Лунина (1806–1844), дошедших до нас в рукописи, полностью отсутствуют темы по истории Византии. Поразительно, но даже о величайших византийских завоеваниях М. М. Лунин говорит лишь в контексте тех войн, которые вела в VI в. новосозданные Вandalское и Ostготское царствования, то есть германцы, а не ромеи. Назвав автократорство Юстиниана I «знаменитым»¹⁵, учёный в то же время считал показательным самостоятельность полководца Велисария, который отказался подписать договор, предложенный императором остготам, и добился в 539 г. сдачи Равенны¹⁶. Что же касается захвата византийцами Италии, то, по однозначному мнению М. М. Лунина, «...новая провинция не могла процветать под тяжестью Восточного деспотизма; притом безвременное вмешательство Юстиниана в церковные дела увеличило народное недовольство»¹⁷. Очевидно, что признать правление Юстиниана “золотым веком”, как это будут делать впоследствии известные византинисты¹⁸, харьковский профессор не желал.

Научная деятельность М. М. Лунина завершилась за десятилетие до того, как в европейской и отечественной науке стало известно фундаментальное исследование английского медиевиста Д. Финлея «История Византийской и Греческой империй с 716 по 1453 г.» (1854). Д.Финлею суждено было стать, по сути, первым византинистом европейского масштаба, который аргументировано опроверг концепцию историков Просвещения, в том числе Э. Гиббона, о

исчисляемым падке Византии. Но и помимо влияния Д. Финлея и до, и после него, в отечественной византистике с каждым новым десятилетием всё более приобретало остроту стремление одних учёных – доказать, а других – как можно убедительнее опровергнуть утверждения Э. Гиббона.

Со времени выхода в 1808 г. сочинения И. Ф. Тимковского о законах Юстиниана прошло несколько десятилетий, прежде чем византийская тематика вновь стала предметом значимых специальных, в том числе диссертационных, фундаментальных исследований. Эти исследования можно распределить на две большие группы: 1) работы по истории византийско-славянских отношений; 2) работы, посвящённые внутривосточной и церковной истории Византии.

Большой вклад в исследования по истории византийско-славянских отношений внесла магистерская диссертация харьковского филолога Н. А. Лавровского (1825–1899) «О византийском элементе в языке договоров русских с греками» (1853). Указанная диссертация имела важное значение для воссоздания главным образом культурных отношений Византии с Древней Русью. По словам самого Н. А. Лавровского, анализ договоров помогает «воскрешать седую старину и раскрывать те законы, по которым развивалась жизнь русского народа»¹⁹. Прибавим от себя, что в отечественной историографии это была одна из первых специальных работ о византийско-русских отношениях.

Лейтмотивом исследования харьковского учёного стало его утверждение о ромейском происхождении договоров, о бесспорной принадлежности их «к числу переводных памятников»²⁰. Для доказательства влияния византийских подлинников на форму и структуру этих договоров Н. А. Лавровский предпринял глубокий текстологический сравнительный анализ, показав прекрасное знание древнерусского и среднегреческого языков. В структурном плане его магистерская диссертация состояла из четырёх частей, в каждой из которых учёный рассматривал внешнюю форму договоров, построение переводов, синтаксис языка договоров, а также сопоставлял отдельные слова и выражения, встречающиеся в тексте, с византийской лексикой. При этом наибольшую ценность для историков может представлять первая глава диссертации.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов, рассмотренных Н. А. Лавровским и не разрешённым до конца по сей день, был вопрос о характере соглашения, заключённого Олегом под стенами Константинополя в 907 г. Харьковский учёный нисколько не сомневался в том, что это – договор, причём договор «отдельный, самостоятельный, скреплённый с обеих сторон клятвою и окончательно решавший вопрос о взаимных торговых сношениях». Но интересовал Н. А. Лавровского в связи с этим совсем другой загадочный вопрос: почему договор 907 г., внесённый в летопись Нестора «без соблюдения надлежащей формы, ...не вошёл в формальный договор 911 г. и почти буквально повторён в договоре 945 года?»²¹. Для автора в данном случае всё представлялось предельно ясно: так как при заключении соглашения 907 г. русские преследовали, прежде всего, «...выгоды торговли и не предвидели неизбежных столкновений, требующих точнейшего определения прав и обязанностей, то о последних вовсе и не упомянуто. Когда же опыт убедил в их необходимости, то Олег отправил в Константинополь особых послов, которые и определили отношения этого рода». Этим, по его мнению, главным образом и объяснялось отсутствие статей 907 г. в заключительном договоре 911 г. Больше затруднений вызывал у автора ответ на вопрос почему Олегов договор 907 г. почти без изменений вошёл в договор 945 г.? «Не позволяя себе относительно его бездоказательных предположений, – отвечал учёный, – скажем здесь толь-

ко, что ... договор 907 года был вполне самостоятельным, договор 911 года столько же самостоятельный, но по содержанию более частный, договор же 945 года вполне самостоятельный и при том заключающий в себе общие и частные определения прав и обязанностей, с некоторыми опущениями сравнительно с Олеговым, опущениями, которые, вероятно, касались статей более не действовавших при перемене обстоятельств.»²²

Весьма расплывчатые формулировки Н. А. Лавровского при характеристике столь важного вопроса можно объяснить лишь тем, что как филолог он спешил приступить к рассмотрению «внешней формы договоров», а честь заниматься более доказательной источниковедческой базой относительно всего вышеизложенного он негласно оставлял историкам. На это своеобразное завышение откликнулось с течением времени довольно большое количество наследников, численности которых Н. А. Лавровский явно не мог предвидеть. Отметим, к примеру, что дискуссии относительно договора 907 г. длятся до настоящего времени²³. На дискуссионность и противоречивость данной проблемы указывает, в частности, известный современный византист Г. Г. Литаврин в своей монографии «Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.)»²⁴. И хотя сам он скорее склоняется здесь к точке зрения Я. Малингуди, считавшей договор 907 г. предварительным соглашением договора 911 г., тем не менее, в другой его книге «Византия и славяне» обнаруживается стремление автора дистанцироваться от высказывания однозначного мнения на этот счёт: «Независимо от решения вопроса о том, был ли в какой-то форме заключён договор между Русью и Византией так же в 907 г., или не был заключён, ясно, что мирные торговые связи «из варяг в греки» установились за много десятилетий до 911 г.»²⁵. Действительно, есть основания вести их отсчет по меньшей мере с начала 60-х гг. IX века²⁶.

Н. А. Лавровский, как мы помним, колебаний в данном вопросе не обнаруживал, хотя доказательной базой по этой части свою диссертацию не обременял. Доказательства становились всё более убедительными по мере того, как харьковский исследователь углублялся в суть вопроса о византийском влиянии на тексты договоров. Русы, по его мнению, в начале X в. находились ещё «в первой поре развития общественной жизни», а потому «могли выражать свои мысли только так, как им внушал простой здравый смысл, сама природа, не подчиняя их искусственным формам, о которых не имели никакого понятия, и которая появляется в эпоху полного развития гражданственности»²⁷. «Если же русские, – продолжал далее учёный, – сами не могли сообщить внешней форме своим договорам, то они могли получить её только от греков». На основании приведённых им примеров из сборника грамот византийских императоров, собранных Константином Багрянородным, отрывков из хроники Иоанна Малалы, сочинений Феофилакта Симокатты, Георгия Кедрина, Н. А. Лавровский убедительно доказал, что «...внешняя форма, в какую облакали греки различные акты, имевшие официальное значение, сходна с формой договоров»²⁸.

Вторая и последующие части диссертации учёного были посвящены главным образом тонким филологическим аспектам проблемы, которые мы, разумеется, опускаем. Наибольший интерес для нас здесь представляет материал выводного характера. Так, византийское влияние на построение периодов, по мнению Н. А. Лавровского, «преимущественно отразилось на их синтаксисе». «Что же касается до размещения составных частей отдельных предложений, – продолжал далее учёный, – то и оно в наших договорах совершенно в византийском характере»²⁹. В дальнейшем им была установлена зависи-

мость синтаксиса языка договоров от среднегреческого языка и доказано в ходе анализа сходство отдельных слов и выражений. Полученные результаты позволили Н. А. Лавровскому ещё раз подтвердить свою мысль об определяющем византийском влиянии на язык договоров, вышедших, следовательно, из секрета имперского ведомства логофета дрома. При этом учёный отметил в заключении, что это влияние на текст договоров «наиболее отразилось в их вступлениях и заключениях и наименее в самих статьях»³⁰. Такое мнение разделяют и современные византинисты, углублявшиеся в препарирование филологии источников³¹.

Вклад Н. А. Лавровского в выяснение отношения текстов договоров русских к не дошедшим до нас греческим текстам, а также в их реконструкцию получил высокую оценку и признание его современников. Во многом учёному удалось создать фундамент для последующих научных изысканий по этой теме в отечественной науке, в том числе в украинских землях³².

Византийско-славянские, главным образом, византийско-болгарские отношения рассматривал в своём творчестве другой профессор кафедры славяноведения, М. С. Дринов (1838–1906). Он был автором ряда работ, созданных им в харьковский период деятельности³³, а основные положения его концепции о влиянии Византии на соседние славянские государства были в более развёрнутом и аргументированном виде изложены в основном его труде – докторской диссертации „Южные славяне и Византия в X в.“ (1876). Основным источником для написания этой работы послужили три десятка писем Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907, 912–925), в которых, по выражению М. С. Дринова, «...заключается богатый материал, бросающий довольно яркий свет на тогдашние отношения Болгарии к Византии, а также и к другим её соседям»³⁴. И хотя следует признать вполне справедливым утверждение учёного о том, что подавляющее большинство этих писем осталось без внимания его предшественников, всё же правомерен вопрос: можно ли считать достаточной источниковую базу докторской диссертации по истории византийско-славянских отношений всего X в., если основой её служат письма, относящиеся к его первой четверти?

Несмотря на то, что работа была посвящена проблемам внешней политики на Балканах в X в., М. С. Дринов начинает своё исследование с крещения Болгарии в 863 г. Это событие, приведшее, по его словам, к установлению крепкого мира с Византией, позволило последней изменить в свою пользу соотношение сил и в других частях Европы. Так, среди успехов умного и деятельного византийского императора Василия Македонянина М. С. Дринов выделял победу над Каролингами, захват их владений в Далмации и Италии, успехи в борьбе с арабами и т. д.³⁵ При этом М. С. Дринов не дал в своей докторской диссертации ясного ответа на очевидный вопрос: насколько напряжёнными были усилия Византии, выигравшей церковную борьбу за Болгарию у римского папы, если присоединение болгар к греко-православной церкви принесло столь очевидные выгоды Константинополю? Подобное уточнение было бы тем ценней, что оно наверняка внесло бы коррективы в последующие рассуждения учёного. Иначе как понять, что выгодный Византии «крепкий» мир с Болгарией, «был нарушен, как только императора Василия сменил непохожий на него Лев Философ», который «легко подчинялся влиянию людей»³⁶. Виновицей нарушения дружественных отношений двух держав в правление Льва Философа и болгарского царя Симеона М. С. Дринов признавал исключительно Византию, а именно: приближённых императора, спровоцировавших своими торговыми злоупотреблениями очередную войну. Козни „торговых людей“ из Эллады, Ставра-

ции и Косьмы, судя по молвдулам, коммерциариев Фессалоники конца IX – начала X в., их интриги с всеильным тестем василевса, Заутзем, как показывают современные исследования, действительно сыграли с развязанной «экономической войны» 894 г. главную роль, а «болгарская обида» могла происходить из нарушений основных принципов митатной формы торговли³⁷. Безусловно, это даёт представление о поводе к очередному витку византийско-болгарского противостояния, но не вполне объясняет, почему на протяжении практически всего своего правления Симеон проводил антивизантийскую внешнюю политику. Между тем, по собственному признанию М. С. Дринова, «главное внимание его (Симеона – С. Л., С. С.) было сосредоточено на пересадке плодов византийской образованности в Болгарию»³⁸.

Антивизантизм самого М. С. Дринова в данном случае вполне очевиден. Эта черта его творчества отмечалась его исследователями неоднократно. Однако, перенося свой болгарский патриотизм в область научных исследований, М. С. Дринову иногда удавалось возвыситься над национальными чувствами. Так, например, он упрекал Симеона за грубый ответ византийскому патриарху Николаю, пытавшемуся предотвратить новую войну, и признаётся, что Симеон всячески стремился овладеть византийским престолом. Однако противоположных высказываний у М. С. Дринова куда больше. Образы византийских императоров под его пером зачастую выглядят откровенно карикатурно, пресловутое византийское коварство возводится им в абсолют. Между тем успехи Болгарии в войнах против Византии существенно повлияли, по мнению автора, и на смену власти в Константинополе после Ахелойской и Катасиртской битв, и на сближение Византии с папством (так называемое «единение» 923 г.)³⁹, что едва ли можно отнести к выгоде болгарской стороны. В даровании Византией Петру Симеоновичу титула царя Болгарии М. С. Дринов также усматривал неблагоприятный замысел императорского двора во время очередного и очевидного сближения двух стран: «Под шумок торжественных заявлений своей дружбы к правительству Петра, Византия, пользуясь тем, что эти заявления открывали ей все государственные тайны этого правительства, деятельно работала над разложением могущества Болгарского царства, надеясь таким образом возратить себе со временем сделанные этому царству уступки»⁴⁰.

В этом разложении могущества Первого Болгарского царства, – заметим, царства, попортившего немало крови ромеям, – многие историки и до, и после М. С. Дринова винили богомильскую ересь, корни которой крылись в разгромленном Василием Македонянином павликианстве. Сам М. С. Дринов верно и убедительно показал социальную сущность богомильства, признавая, что «еретики встречали большое сочувствие в среде народа»⁴¹. Вместе с тем, продолжая оставаться по сути заложником своего болгарского патриотизма, учёный указывал на то, что эта ересь «...явилась противодействием сильно утвердившемуся византизму с его роскошным клиром, с его придворными кознями, с его государственным всемогуществом и общественным порядком»⁴². Начало усиленной пересадки этих византийских порядков в Болгарию историк усматривает уже во времена Борисова крещения и царствования Симеона. «Но окончательно дело это было завершено, в особенности по отношению к придворным порядкам, в царствование Петра введением греческой принцессы во дворец»⁴³. Таким образом, следуя логике М. С. Дринова и его антивизантийской концепции, задуманное Византией «разложение» Болгарии стало приносить свои плоды задолго до того, как византийские армии после нескольких десятилетий напряженных войн в 1019 г. поставили точку в истории Первого Болгарского царства.

Следующий период византийско-болгарских отношений – византийское владычество в Болгарии и восстановление её независимости – был фрагментарно рассмотрен М. С. Дриновым в рецензии на докторскую диссертацию Ф. И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства». Лейтмотивом данного критического разбора стало утверждение харьковского учёного о том, что «народ болгарский трудно мирился с византийским игом и сильно домогался своего освобождения»⁴⁴. По этой причине категорическое возражение рецензента вызвало высказывание Ф. И. Успенского о том, что «имя Болгарии и болгар было изъято из употребления не только византийских, но и западноевропейских писателей и путешественников XII в.»⁴⁵. Возражение рецензента в данном случае следует признать вполне справедливым, а упомянутые им византийские авторы – Анна Комнина, Иоанн Киннам, Никита Хониат (Акоминат) усилили бы эти возражения болгарскими этнонимами и топонимами в содержании своих работ.

Проблема этно-демографических изменений в завоёванной Болгарии стали вторым узлом противоречий рецензента и автора. Не возражая в целом против высказываний о том, что под властью Византии состав населения Болгарии значительно изменился, М. С. Дринов в то же время считал основным миграционным потоком печенежско-половецкий, шедший с севера и северо-востока, а не греческо-еврейско-турецкий, шедший с юга⁴⁶. В данной рецензии антивизантизм и болгарский патриотизм М. С. Дринова значительно менее противоречат его научной объективности, чем на страницах его докторской диссертации. Он, в частности, не только придавал большое значение в поднятом против византийского владычества восстании половецкому и валашскому элементу, но и указывал на важность «для болгарских дел возмущения византийского полководца Алексея Враны, отправленного с военными силами империи против восставших болгар»⁴⁷. Мятеж же в Константинополе, гибель Враны и расстройство в империи произошли, по мнению Г. Г. Литаврина, около 1186 г.⁴⁸ Тем самым, рецензент признавал закономерность утраты Византией, положение которой резко ухудшилось уже после смерти василевса Мануила I Комнина (1143–1180), ранее завоёванной страны.

Государственная власть, её формы, её церковная политика в Византии, а также состояние самой византийской Церкви, иначе говоря, внутренняя история Византийской империи, составляла вторую значительную группу исследований рассматриваемого периода.

Заметной фигурой в византистике своего времени был профессор Харьковского университета А. П. Зернин (1821–1866). Воспитанник Петербургского главного педагогического института, он защитил в Петербургском университете магистерскую диссертацию «Об отношении константинопольского патриарха к русской иерархии», что и предопределило его последующие научные интересы. Уже вполне сформировавшимся византистом он прибыл в Харьковский университет, где проработал с 1847 по 1863 г. Отметим также, что в течение трёх лет (1859–1862 гг.) А. П. Зернин был деканом Историко-филологического факультета. Он оказался первым учёным в украинских землях Российской империи, который ввёл в учебный процесс специальные курсы, посвящённые отдельным вопросам ромейской истории. Со всех точек зрения его можно считать зачинателем украинской ветви византистики. Отдельные новаторские подходы А. П. Зернин обнаруживал и в своих научных трудах, каждый из которых базировался на всесторонней комплексной и критической разработке привлечённых им исторических источников. По сути дела им был заложен новый подход, наметивший исток будущих успехов отечественного византиноведения, ставших особенно явственными с последней трети XIX в.

За время работы в Харьковском университете учёный подготовил три больших научных очерка: «Император Василий I Македонянин» (1854), «Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного» (1858), «Очерк жизни Константинопольского патриарха Фотия» (1858). Преждевременная смерть в 45-летнем возрасте, ставшая следствием сильного переутомления и почти трёхлетней душевной болезни, не позволила талантливому ученому осуществить все свои научные замыслы, которые несомненно вывели бы его в лидеры тогдашней украинской византистики.

Общее, что объединяло все основные работы А. П. Зернина – точка зрения о решающем и многообразном влиянии Византии на историческую судьбу Древней Руси. Вторым преобладающим моментом следует считать преимущественно биографический характер его исследований. Последнее обстоятельство, пожалуй, в наибольшей степени было характерно для его работы о родоначальнике Македонской царственной династии, процарствовавшей свыше полутора столетий.

Учёный весьма высоко оценил в своём очерке деятельность Василия, который являлся, по его мнению, «замечательнейшим из византийских императоров после Юстиниана I». Подчёркивая роль василевса как законодателя, исследователь утверждал, что в этом смысле он может быть поставлен рядом с его знаменитым предшественником⁴⁹. Новейшая передатировка А. Шминком Прохирона 907 – 908 гг. не меняют этого верного заключения, поскольку кодификация и переработка юстинианова права в Эпанагое (Исагоге) и 60 книгах Василек так или иначе была начата до Льва VI Мудрого⁵⁰.

А. П. Зернину принадлежит несомненная заслуга в том, что героем своего сочинения он избрал императора, деятельность которого была мало изучена в европейской исторической науке. Несмотря на внимание к этой незаурядной личности со стороны византистов, показательное, что до сих пор поле наблюдений о ней в виде основных, обобщающих работ не назовешь бескрайним⁵¹. Уже одно это обстоятельство выгодно оттеняет приоритет харьковского историка, выступившего, по меньшей мере, на полвека раньше остальных. Много сделал учёный и для введения в научный оборот новых источников, в частности, упущенного из виду его предшественниками «Поучения Василия I к сыну Льву Философу». Однако при всей занимательности авторского изложения, научная работа А. П. Зернина напоминает временами художественное произведение, автор которого явно не жалеет эпитетов и красок для апологии своего персонажа. Деяния Василия, человека из народа, до его восхождения на престол напоминают подвиги Геракла. При этом гипертрофированный научный интерес А. П. Зернина к Византии зачастую превращал эту привязанность в плохо скрываемую антипатию по отношению к её соседям болгарам. Но в высшей степени надуманной представляется нам кульминация очерка, где повествуется о победе Василия в нелёгкой борьбе при дворе. Так, признавая, что эта борьба велась всяческими средствами, оставлявшими гораздо больше шансов на успех человеческим порокам, нежели их добродетелям, А. П. Зернин, тем не менее, указывал: «Главная причина его (Василия. – С. Л., С. С.) торжества над противниками заключалась в нравственном его превосходстве над ними»⁵². Едва ли комплот даровитого, но полуграмотного царского конюха, разыгравший кровавую интригу против императора-пьяницы, да и сам изворотливый претендент на трон мог справедливо претендовать на столь высокую оценку.

Помимо описания жизни и деятельности Василия I А. П. Зернин представил во второй части очерка разбор сочинения императора – его «Поучений» к сыну, в котором наиболее отчетливо отстаивались принципы визан-

тийской автократии, того самого самодержавия, наследственные основы которого пытался заложить василевс. Высокий профессионализм источниковеда, продемонстрированный здесь А. П. Зерниным, в ещё большей степени проявился в его очерке о царственном внуке Василия, императоре Константине Багрянородном.

Как и в первом сочинении, учёный проделал большую источниковедческую работу. При этом биография Константина, собственно говоря, таковой здесь не является: она органичнее и удачнее, чем в предыдущем случае, вписана в историю Византийской империи. Стал объективнее и сдержаннее подход автора к деятельности своего очередного героя. Сам василевс получил в работе А. П. Зернина неоднозначную оценку. «Константин Багрянородный, писал учёный, – принадлежит к числу замечательнейших в длинном ряду византийских императоров. При всей ничтожности его в государственном отношении, он должен быть отнесён к разряду исторических личностей, которые вполне выражают собой эпоху, к которой принадлежали»⁵³. Эта оценка далека от характеристики Константина как «безвольного книжника», какой его еще недавно наделяли историки⁵⁴, но едва ли целиком объективна, поскольку правление этого императора (борьба с династами, внешнеполитическая дипломатия) указывают на его сознательные государственные усилия в обустройстве ромейского мира после прихода к власти в январе 945 г. и вплоть до смерти в 959 г.

Очень много места на страницах очерка автор уделил личности предшественника Константина Багрянородного, его регенту, тестю и соправителю Роману I Лакапину. Их борьба друг с другом при очевидных симпатиях А. П. Зернина к герою своего очерка и неприязни к противнику такового, стала одной из главных сюжетных линий исследования, но, если не брать во внимание эмоциональную сторону подачи материала, фактическая сторона была передана достаточно глубоко и верно.

Анализируя сочинения Константина, автор наиболее подробно разобрал его труд «Об управлении империей». Это тем более примечательно, что на фоне других сочинений учёного василевса, именно данный трактат был известен хуже, а его боннское издание Иммануила Беккера появилось лишь в 1840 г., то есть на тот момент являлось новинкой, еще недостаточно введенной в научный оборот⁵⁵. Подобное предпочтение исследователь объяснял тем, что на основании именно этого труда «...мы можем судить, как понимал своё государственное значение Константин, и какие уроки преподавал он своему сыну и преемнику»⁵⁶. Упрек в излишнем увлечении цитатами, который может высказать любой исследователь творчества А. П. Зернина, будет справедлив лишь отчасти: таковы были особенности исследовательского приёма учёного, и он обнаруживал их в каждом из своих очерков. Впрочем, такое пространное цитирование имело свое преимущество в том, что позволяло читателю лучше познакомиться с текстом источника и самому извлечь из него то, что прошло мимо внимания автора очерка. В любом случае, столь подробный источниковедческий разбор должен был основательно подкрепить общие выводы работы о Константине Багрянородном: «Он был ревностным хранителем преданий, которыми поддерживалось существование империи, выразив собой всю холодную формальность, которой характеризуется византизм вообще, и, не сумев внести в вялое и отжившее уже свой век византийское общество ни одного жизненного и плодотворного принципа. Другого значения он не имел, да и не мог иметь по недостатку в нём одушевляющей силы»⁵⁷.

Между тем Г. Г. Литаврин в предисловии к отечественному изданию Константина Багрянородного «Об управлении империей» оценивал его деятельность иначе. Авторитетный византист не только считал, что Константин «...в сущности, продолжил и внутренний, и внешнеполитический курс Романа I», которого А. П. Зернин всячески противопоставлял Константину, но и указывал на колоссальную организаторскую деятельность последнего⁵⁸. Такой взгляд на императора представляется более оправданным, учитывая не столько его ученые познания, порой преувеличиваемые византистами, сколько недюжинные личные политические, дипломатические способности, сравнительно стабильное положение империи к середине X в., укрепление централизованных форм управления государством, внешнеполитические успехи правительств, развитие культуры. Впрочем, предвзятая точка зрения в отношении Константина VII – правителя, у истоков которой стоял А. П. Зернин, имеет большую историографию, свидетельствующую о том, что харьковский византист не был одинок в своих попытках субъективного того толкования византийской истории и ее источников⁵⁹.

Серию изданий А. П. Зернина о византийской истории продолжил его биографический очерк патриарха Фотия. От характеристики государственных деятелей Византии и их трудов учёный перешёл, таким образом, к изучению византийской Церкви, в данном случае – одного из наиболее интересных и важных её периодов. А отсутствие к тому времени в историографии специальных работ, посвящённых патриарху Фотию, делало его труд ещё более актуальным. По меньшей мере еще несколько десятилетий он будет оставаться пионером и в данном, намеченном им направлении исследований⁶⁰.

Антизападные и антикатолические высказывания А. П. Зернина явно отражали настроения российского общества, только что пережившего неудачную Крымскую войну. Впрочем, стремление противопоставить православную Византийскую империю католическому Западу не являлось доминирующей целью рассматриваемой работы. Первая и главная задача А. П. Зернина заключалась в том, чтобы разобрать ценнейший исторический материал, а именно – обильное эпистолярное наследие патриарха Фотия. В этом смысле данная монография учёного более других напоминает глубокую источниковедческую штудию. Страницы работы А. П. Зернина буквально пестрят цитатами из различных документов; некоторые письма приводятся целиком и вместе с пространными комментариями занимают по несколько страниц. Публикация подобных письменных памятников представляет огромный интерес уже не столько для изучения жизни и деятельности высокоучёного патриарха, сколько для воссоздания объективной картины политической борьбы в империи, взаимоотношений между римско-католической и греко-православной церквями во второй половине IX столетия. Именно в силу глубокого, пространного изложения источников эта работа не теряет ценность для современных источниковедов.

Много места в очерке уделено и личным столкновениям Фотия с папой Николаем I. «Вооружаясь против папы, – подчёркивал историк, – Фотий не имел в виду действовать от своего лица». Все усилия патриарха были обусловлены, по мнению А. П. Зернина, необходимостью защитить Восточную церковь и личной враждебности к Риму у него не было⁶¹. Это во многом совпадает с точкой зрения такого признанного авторитета по вопросу о Фотиевой схизме как Ф. Дворник, который, впрочем, едва ли был знаком с трудом А. П. Зернина⁶².

Подводя итог многообразной деятельности духовного главы Константинополя, учёный отмечал: «Противодействуя непомерным притязаниям пап, цариградские патриархи постоянно смотрели на Фотия, как на образец поборника и защитника древних уставов церкви. Неудивительно после этого, что латинские писатели и по настоящее время смотрят на него, как на виновника разделения церквей. Он действительно был виновником разделения в том смысле, что поставил непреодолимую преграду стремлениям Рима к главенству над восточной церковью. Видя невозможность осуществления своих планов, папы отделились, завещав своим преемникам и своей церкви вечную и непримиримую ненависть к Фотию»⁶³. Таким образом, реабилитируя Фотия, А. П. Зернин разделение Церквей поставил ему в заслугу, а папству – в вину.

Истории ранней Византии касался в своём многогранном творчестве другой профессор Кафедры всеобщей истории, В. К. Надлер (1840–1894), оригинальный исследователь с многообразными интересами, редкостный эрудит, прекрасный лектор, одинаково уверенно чувствовавший себя и в общении с ромейскими материалами VI в. и в истории России начала XIX в. Единственной, но достаточно объёмной работой учёного по этой теме стал очерк «Юстиниан и партии цирка в Византии» (1876 г.), надолго ставший хрестоматийным по этой проблематике. Очерк появился уже после того, как европейская византистика обогатилась первой специальной работой по данной теме, написанной швейцарским учёным В. А. Шмидтом⁶⁴. По этой причине В. К. Надлер не мог игнорировать её основные выводы. В то же время, работа харьковского учёного вряд ли может считаться настолько компилятивной, насколько считала её таковой А. А. Чекалова, отмечавшая, однако, что В. К. Надлер глубже своего предшественника разобрался в причинах восстания Ника⁶⁵. Дискуссия о влиянии на В. К. Надлера крупнейших работ по западноевропейской медиевистике без сомнения выиграла бы, если бы перед фамилией В. А. Шмидта была поставлена фамилия уже упоминавшегося выше Д. Финлея. Вполне очевидно, что это его концепция, отвергавшая утверждения историков Просвещения и Э. Гиббона о тысячелетнем упадке Византии, задавала тон всему очерку В. К. Надлера. Влияние Д. Финлея объясняет многие утверждения и выводы харьковского историка, которые, без сомнения, могут считаться вполне прогрессивными в тогдашней византистике.

«Одним из замечательнейших феноменов всемирной истории» называет В. К. Надлер Византийскую империю уже на первой странице своего труда и берётся оспаривать распространённую на Западе концепцию о византизме, как «китаизме на европейской почве», «тысячелетней агонии разлагающегося общества», деспотизме в самой уродливой его форме и т. д.⁶⁶ Автор считал весьма ограниченными попытки большинства представителей западной науки объяснить долгую историю Византии как «разлагающегося трупа», «причинами чисто внешнего свойства»: выгодами географического положения, отличными укреплениями самого Константинополя, мирным характером ближайших соседей Византии – славян⁶⁷. Причину живучести Византии, – то главное, на что советуют обратить внимание современные византисты⁶⁸, – он прозорливо предлагал искать не во внешних, а во внутренних факторах. И вряд ли верноподданическими настроениями консерватора и монархиста В. К. Надлера можно объяснить его последующую глубоко научную аргументацию. Внутренние причины живучести Ромейской империи виделась ему и в государственной политике постоянного обновления «дряхлающих сил свежими варварскими элементами», в результате чего в Византии ничего не значи-

лю происхождение, зато «личное достоинство значило всё»; и в долго державшейся избирательности императорской власти, что должно было ограничивать деспотизм и произвол; и в развитом, превосходно работающем бюрократическом аппарате, который учёный признавал главным субъектом власти⁶⁹. К этому можно было бы добавить сильную государственную власть, публичное право, не слитое с частным, личным, как на варварском Западе, разветвленную государственную налоговую систему, живительные механизмы рынка, сохранение государственных монополий, особую роль монашества, препятствовавшую превращению империи в теократическую монархию, особенности восточного христианства и связанного с ним ромейского мировоззрения и многое другое. Об этом пишут ныне⁷⁰, но первым всегда трудней, а потому их вклад бесценен.

Важнейшими институтами, ограничивающими императорский произвол, В. К. Надлер считал церковь, армию и партии цирка. Он оспаривал распространённую в западном византиноведении точку зрения о декоративном характере и ничтожном влиянии цирковых партий. В современной британской византинистике, например, эти идеи до сих пор разделяет А. Камерон, который считает цирковые димы не партиями, а лишь своеобразными клубами спортивных фанатов, таким образом, отказывая им в какой бы то ни было заметной роли в социально-политической жизни империи⁷¹. В. К. Надлер, напротив, заявлял, что они являлись «громкими учреждениями, в которых принимали непосредственное участие десятки тысяч лиц». Доказательная база В. К. Надлера в данном случае строилась на анализе главным образом политических и конфессиональных воззрений членов ипподромных партий; учитывался территориальный принцип формирования, но не учитывался или учитывался в незначительной степени их социальный состав, – то, на что гораздо позже, во второй трети XX в., обратят внимание признанные «классики проблемы», Г. Манойлович, А. П. Дьяконов, Ж. Жарри⁷². Общая концепция В. К. Надлера об активном характере институтов, ограничивающих императорскую власть, в том числе факций цирка и димов, вполне логично предполагала такой исследовательский приём, как описание испытания этих институтов на прочность. Для этого автору и понадобилось показать общий характер правления Юстиниана и Феодоры, правления, вызвавшего крупнейшее восстановление цирковых группировок и народных масс – «Ника!»

Это правление В. К. Надлер рисовал достаточно чёрными красками. Сотканному из противоречий, подверженному внешнему влиянию, ограниченному дарованиями, но не амбициями Юстиниану учёный противопоставлял властность, стойкость, жадность и глубокий ум его жены Феодоры. Именно её влиянием, а также влиянием другого творца его правительственной системы – квестора Трибониана, автор объяснял принятие Юстинианом самых непопулярных решений⁷³. Тайным противникам царственной четы, оставившим заметки, написанные, по выражению Шарля Диля, «не чернилами, а желчью», исследователь явно доверял больше, чем апологетам. Впрочем, подобные высказывания В. К. Надлера на характер правления Юстиниана I не были оригинальны даже в отечественной византинистике, и высказывались уже его предшественниками, в том числе в украинских землях Российской империи⁷⁴. Современным же исследователям в Юстиниане видится несколько иной политический типаж первого лица империи, гораздо более своевольный и более талантливый, но в отношении Феодоры и ее многостороннего государственного влияния, претензий на собственную политику, даже внешнюю дипломатию сомнений практически нет⁷⁵.

Рассматривая причины восстания „Ника“, В. К. Надлер сумел преодолеть ограниченность своих предшественников и ряда потомков, выдвигавших на первый план династические, конфессиональные требования или личные обиды прасинов на несправедливое отношение к ним императора⁷⁶, либо вовсе не посчитавших возможным подробно остановиться на характеристике этих причин⁷⁷. В. К. Надлер не только выделял финансовую политику Юстиниана как важнейшую причину восстания⁷⁸, чем предвосхитил трактовки Ф. И. Успенского и Э. Штейна⁷⁹, но и демонстрировал в данном случае широкий комплексный подход, свойственный и концепции А. А. Чекаловой. Выдвинутые ею причины: экономические, социальные, политические, религиозные⁸⁰, фигурировали и в очерке В. К. Надлера. Несколько иной была лишь последовательность изложения этих причин, но не их важности; такой подход вполне отражал влияние новой позитивистской методологии на отечественную византистику, вступающую в период своего расцвета.

После публикации указанной работы В. К. Надлера в Харьковском университете в течение трёх десятилетий не создавалось работ, непосредственно посвящённых истории Византии. Отдельные византиноведческие проблемы, разумеется, рассматривались в курсах лекций, причём не только в курсах по истории средних веков. Например в своей «Церковной истории» (1902) А. С. Лебедев (1833–1910) стремился выяснить причины разделения западной и восточной (византийской) церкви, показать их внутренние отличия друг от друга. Если западная, по мнению учёного, представляла собой в иерархическом плане монархию, то восточная изображалась им как «федерация поместных церквей». Другим существенным отличием А. С. Лебедев считал их отношение к светской власти. Если на Западе первосвященники в течение веков диктовали законным монархам свою волю, то на Востоке «государи постоянно вмешивались в дела церкви, при этом иногда с нарушением церковных интересов»⁸¹. Однако было бы напрасным занятием искать в лекциях А. С. Лебедева откровенную антизападную официозность. Не говоря уже о том, что отдельные части его работы почти дословно воспроизводят сочинение Д. Робертсона «История христианской церкви от апостольского века до наших дней», А. С. Лебедев с поразительной объективностью повествует об иноверцах. Даже споры Фотия с римскими папами он считал «личными взаимно-анафемствованиями патриархов, не простиравшиеся на самые церкви, которые в течение 150 лет после Фотия всё ещё хранили между собой единение, хотя и при натянутых отношениях»⁸². Что же касается последствий захвата турками Константинополя, то А. С. Лебедев указывал на то, что «Константинопольскому патриарху Магомет II предоставил такие права, каких он не имел даже и при византийских императорах»⁸³. Более того, учёный даже критиковал отдельные элементы иерархической структуры византийской церкви, например, утверждал, что восточное монашество «не представляло идеального совершенства»⁸⁴. А при характеристике византийско-болгарских церковных отношений А. С. Лебедев, в духе своего коллеги и близкого друга М. С. Дринова, называл эти отношения «греческим гнётом».

Заметно больше византинофильства присутствовало в работах последнего по времени византиниста дореволюционного Харьковского университета Е. А. Черноусова. Его работы не носили фундаментального характера, не были объединены единой тематикой, однако автор преследовал в них одну и ту же цель – преодолеть прогиббоновское предубеждённое отношение к истории Византии, проповедуемое, например, М. С. Дриновым. Это стремление проявилось уже в пробной лекции «Основные черты государственного и об-

«...естественного строя Византии» (1909). Для опровержения тезиса об анахронизме общественного устройства империи учёный указал на то, что правительство, введя раздачу земель с обязательством нести военную службу, создало институт, близкий к бенефициальной системе Запада⁸⁵. По мнению автора, достаточно чётко были налажены и законодательство, и финансовая система, существовал класс зажиточных землевладельцев, свободных крестьян, а также цветущие города, являвшиеся центрами ремесла и торговли. «Умственная и духовная жизнь Византии, насколько она выразилась в произведениях церковной и светской литературы, так же мало говорит за то, что родина этой литературы была царством мрака и застоя», – подчёркивал автор⁸⁶. Однако раскрытые Е. А. Черноусовым причины падения Византии носили слишком общий характер, поскольку сводились лишь к признанию военного давления извне, к гипертрофии центральной власти и «ненормальному взаимоотношению сил внутри»⁸⁷.

Основные идеи, высказанные Е. А. Черноусовым в его пробной лекции, нашли своё подтверждение в ряде научных публикаций. Так, в статье «Страницы из культурной истории Византии XI в.» (1913) учёный считал, что одним из возражений тезису Э. Гиббона об истории Византии, как об истории упадка и разрушения, является состояние самой византийской культуры. Вопреки мнению Э. Гиббона, Е. А. Черноусов доказывал, например, что правительство Константина Мономаха «решило восстановить начавшее приходить в упадок преподавание наук»⁸⁸ и черпал свои доказательства в открытом им источнике – новелле, изданной в связи с учреждением в Константинополе юридического лица.

Проблема взаимоотношений Византии и Руси была затронута Е. А. Черноусовым в его очерке «К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское» (1916), который тематически продолжил исследования Н. А. Лавровского и А. П. Зернина. Отразившееся влияние Византии на русское право Е. А. Черноусов исследовал на примере «Русской правды». На основе тщательно проведённого текстологического анализа автор пришёл к заключению, что «расходясь по принципам, а также в большинстве случаев и по способам взыскания с византийским правом», русское право «заимствует у него свою внешнюю форму»⁸⁹.

О высоком уровне византийской историографии даже в эпоху падения империи Е. А. Черноусов писал в статье «Дука, один из историков конца Византии» (1913). Его творчество харьковский учёный считал несправедливо обойдёнными вниманием европейских исследователей, хотя в нём встречались ценные сведения о дипломатической деятельности Византии и военной организации османов⁹⁰.

Наконец, тезис о высоком уровне развития Ромейской империи был подтверждён Е. А. Черноусовым на основе анализа византийских социально-экономических отношений в статье «Римские и византийские цехи». Статья была написана в связи с публикацией книги А. Штэкли «Позднеримские и византийские цехи». Активность государства в социально-экономической области, по справедливому мнению Е. А. Черноусова, выражалась в том, что оно стремилось регулировать ремесло и торговлю. Для подтверждения своего тезиса учёный детально проанализировал «Книгу Эпарха». Её значение Е. А. Черноусов усматривал в том, что она являлась сборником правительственных распоряжений, которые должны были регулировать торговлю, промышленность, ремёсла, точно определять отношение цехов и их членов как к государству с его монополиями, так и к населению Константинополя и к посещавшим его иностранцам⁹¹. Эта точка зрения впоследствии будет подтверждена в работах М. Я. Сюзюмова⁹².

Подводя итог изучения харьковскими учёными в 1804–1917 гг. истории Византии, следует признать, что Харьковский университет с полным правом может считаться одним из центров дореволюционной отечественной византистики. При всей кажущейся с современной точки зрения простоте, даже примитивности постановок некоторых византиноведческих проблем, они были верны и, что важно подчеркнуть, отличались от прочно укоренившихся со времен Монтеスキе и Чаадаева преимущественно негативных оценок всего византийского как растленного и упадочного. Исследования, в той или иной степени посвящённые истории Византии, создавались здесь в течение практически всего рассматриваемого периода и отличались разнонаправленностью, которую на первый взгляд легко спутать со случайностью тематики. Культурная и профессиональная близость, поиск исторических аналогий и путей развития Российской империи были определяющими факторами, влиявшими на научные интересы учёных. Противоположные друг другу западные концепции Э. Гиббона и Д. Финлея оказывали определённое влияние на их творчество. Хронологически исследования харьковских византиноведов рассматривали главным образом историю ранней Византии. В проблемном плане выделяются две большие группы исследований: работы по истории византийско-славянских отношений и проблеме культурного влияния Византии на Русь; работы, посвящённые внутривосточной и церковной истории Византии. Последние особенно наглядно подтверждают неслучайность таких интересов, мастерское, подчас новаторское владение материалом, высокую филологическую подготовку. В рассматриваемый период наибольший вклад в изучение истории Византии внесли А. П. Зернин (деятельность императоров Василия Македонянина, Константина Багрянородного и патриарха Фотия), Н. А. Лавровский (характеристика русско-византийских договоров IX–X вв.), М. С. Дринов (византийско-болгарские отношения в X в.), В. К. Надлер (деятельность общественных партий ипподрома в VI в. и их роль в политической жизни страны), Е. А. Черноусов (культурная жизнь Византии и деятельность византийских цехов). Эти достижения заложили прочный фундамент последующим византиноведческим исследованиям в Харьковском университете.

¹ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). – Л., 1975. – С. 72–73.

² Сорочан С. Б., Фёдоров Ю. Ф. Византистика в Харьковском университете (40-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Материалы и тезисы научной конференции, посвящённой 30-летию кафедры историографии, источниковедения и археологии ХГУ (II Астаховские чтения). – Х., 1994.

³ Курбатов Г. Л. История Византии... – С. 78.

⁴ Чекалова А. А. Константинополь в VI в. Восстание Ника. – СПб., 1997. – С. 8.

⁵ Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И. Медиевистика в Харьковском университете // ВХУ. – 1991. – Вып. 24. – С. 77–79.

⁶ Митряев А. И., Сурков О. М. До питання про оцінку Марина Дринова як історика-славіста // ВХУ. – 1978. – Вип. 12. – С. 67–73; Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М., 1979. – С. 146–147; Горина Л. В. Марин Дринов – историк и общественный деятель. – М., 1986; Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. – М., 1988. – С. 222–223.

⁷ Шугуров Н. В. Илья Фёдорович Тимковский, педагог нашего времени // Киевская старина. – 1891. – № 9. – С. 406.

⁸ Тимковский И. О применении знаний к состоянию и цели государства // РПТСХУ 17 января 1808 г. – Х., 1808. – С. 23.

- Ланг И. М. Об изучении юридических и политических наук // РПТСХУ 30 августа 1810 г. – X., 1810. – С. 98–99.
- ¹⁰ Михайловский К. Речь о начале и происхождении Российского законодательства // РПТСХУ 30 августа 1823 г. – X., 1823. – С. 18, 23, 25.
- ¹¹ Гордеенков Г. О законодательном достоинстве Свода Законов Российской империи // РПТСХУ 30 августа 1835 г. – X., 1835. – С. 2, 6, 19.
- ¹² Харитонов Е. История частного права Европы: Східна традиція. – Одеса, 2000. – С. 176–227.
- ¹³ Роммель Х. В. О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения // РПТСХУ 30 августа 1811 г. – X., 1811. – С. 49.
- ¹⁴ Дегуров А. А. О возрождении наук и перевес, который они дали Европе перед прочими частями света // РПТСХУ 17 января 1812 г. – X., 1812. – С. 43.
- ¹⁵ Лунин М. М. Лекции по истории средних веков. – ОР ЦНБ ХНУ. – Ед. хр. 505/с. – Тетрадь 12. – Л. 12.
- ¹⁶ Там же. – Тетрадь 25. – Л. 9.
- ¹⁷ Там же. – Тетрадь 26. – Л. 2; Ср.: Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. – London, 1814. – Vol. 5; Удальцова З. В. Прагматическая санкция Юстиниана об устройстве Италии // СА. – 1957. – Т. 28. – С. 318–326; Удальцова З. В. Политика византийского правительства в завоёванной Италии и результаты византийского завоевания // Вестник МГУ. Историко-филологическая серия. – 1958. – № 3. – С. 23–27; Удальцова З. В. Италия и Византия в VI в. – М., 1959. – С. 439–494.
- ¹⁸ Grabar A. L'âge d'or de Justinien. – Paris, 1966.
- ¹⁹ Лавровский Н. А. О византийском элементе в языке договоров русских с греками. – СПб, 1853. – С. 1.
- ²⁰ Там же. – С. 4.
- ²¹ Там же. – С. 5–6.
- ²² Там же. – С. 7.
- ²³ Левченко М. В. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. // ВВ. – 1951. – Т. 4. – С. 105–126; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. – М., 1956. – С. 91–176; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси IX – первой половины X в. – М., 1980; Хачатуров Р. Л. Мирные договоры Руси с Византией. – М., 1988; Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge des 10. Jads. aus diplomatischer Sicht. – Thessaloniki, 1994.
- ²⁴ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария и Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб, 2000. – С. 65.
- ²⁵ Литаврин Г. Г. Византия и славяне. – СПб., 1999. – С. 426.
- ²⁶ Сорочан С. Б. Византия IV – IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – X., 2001. – С. 247–250.
- ²⁷ Лавровский Н. А. О византийском элементе... С. 8.
- ²⁸ Там же. – С. 12.
- ²⁹ Там же. – С. 15, 29.
- ³⁰ Там же. – С. 155.
- ³¹ Malingoudi I. Die russisch-byzantinischen Verträge... – Thessaloniki, 1994.
- ³² Сокальский В. В. О договорах русских с греками // УИ. – 1870. – № 4.
- ³³ Дринов М. Началото на Самуилова държава // ПСБКД. – 1874. – Кн. 9– 0; 1876. – Кн. 11–12; Дринов М. Три грамоти, дадени от императора Василия на българский «Охридски архиепископ Иоан около 1020 лето» // ПСБКД. – 1873. – Кн. 7–8.
- ³⁴ Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X в. – М., 1876. – С. 1.
- ³⁵ Там же. – С. 3.
- ³⁶ Там же. – С. 4, 6.
- ³⁷ Oikonomides N. Le commercion d'Abydos, Thessalonique et le commerce bulgare au IXe siècle // Hommes et richesses dans l'Empire byzantin. – Paris, 1991. – Т. 2: VIIIe–XVe siècle / Ed. V. Kravari, J. Lefort, S. Morrison. – P. 247; Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Нижнем Подунавье в VII–X вв. // Болгарский ежегодник. – X.; София, 1996. – Т. 2. – С. 68–70; Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – X., 2001. – С. 309–310.
- ³⁸ Дринов М. С. Южные славяне и Византия... С. 9 – 10.
- ³⁹ Там же. – С. 18 – 19; 27–29.
- ⁴⁰ Там же. – С. 70.
- ⁴¹ Там же. – С. 74.
- ⁴² Там же. – С. 78.
- ⁴³ Там же. – С. 84.
- ⁴⁴ Дринов М. С. [Рецензия] // Записки Академии наук. – 1881. – Т. 39. – № 8. – С. 88. – Рец. на кн.: Успенский Ф. И. Образование Второго Болгарского царства. – Одесса, 1879.

- ⁴⁵ Там же. – С. 90.
- ⁴⁶ Там же. – С. 92.
- ⁴⁷ Там же. – С. 98.
- ⁴⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI – XII вв. – М., 1960. – С. 437 – 439.
- ⁴⁹ Зернин А. П. Император Василий I Македонянин. – Б.м., 1854. – С. 37.
- ⁵⁰ Zachariä von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. – Lipsiae, 1893. – S. 22; Герцберг Г. Ф. История Византии. – М., 1897. – С. 10; Сокальский В. В. О договорах русских с греками // УИ. – 1870. – № 4. – С. 17–55; Wenger L. Die Quellen des römischen Rechts. – Wien, 1953. – S. 701–702; Сюзюмов М. Я. Василики как источник для внутренней истории Византии // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 67–75; Каждан А. П. Василики как исторический источник // ВВ. – 1958. – Т. 14. – С. 56–66; Lopez R. S. The Role of Trade in the Economic Readjustment of Byzantium in the Seventh Century // ДОП. – 1959. – № 13. – P. 78; Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der byzantiner. – München, 1978. – Bd. 2. – S. 445; Schminck A. Studien zu mittelbyzantinischen Rechtsbüchern. – Frankfurt a. M., 1986. – S. 100–103; Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. – М., 1989. – С. 54, 120, 260.
- ⁵¹ Васильев А. Происхождение императора Василия Македонянина // ВВ. – 1906. – Т. 12; Vogt A. Basile I-er empereur de Byzance. – Paris, 1908; Adontz N. L'âge et l'origine de l'empereur Basile I // Byzantion. – 1933. – Т. 8; 1934. – Т. 9; Moravcsik G. Sagen und Legenden über Kaiser Basileios I // ДОП. – 1961. – № 15.
- ⁵² Зернин А. П. Император Василий I Македонянин... – С. 50.
- ⁵³ Зернин А. П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного. – Харьков, 1858. – С. 8.
- ⁵⁴ История Византии: В 3 т. – М., 1967. – Т. 2. – С. 207.
- ⁵⁵ Constantinus Porphyrogenitus. De Thematibus et De administrando imperio accedit Hieroclis / Rec. I. Bekkerus. – Bonnae, 1840.
- ⁵⁶ Зернин А. П. Жизнь и литературные труды императора Константина Багрянородного... – С. 83.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1989. – С. 20, 23.
- ⁵⁹ Toynbee A. Constantine Porphyrogenitus and His World. – London, 1973. – P. 1 – 14; Gregory T. E. The Political Program of Constantine Porphyrogenitus // Actes du XV-e Congrès International des Etudes Byzantines. – 1980. – Vol. 4.
- ⁶⁰ Иеромонах Герасим (Яред). Отзвывы о св. Фотии, патриархе Константинопольском, его современников в связи с историей политических партий Византийской империи. – СПб., 1874; Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. – М., 1900. – С. 51–64; Лебедев А. П. История Константинопольских соборов IX века. – СПб., 2001. – С. 57–188; Bury J. V. A History of the Eastern Roman Empire, from the Fall of Irene to the Accession of Basil I (AD 802–867). – London, 1912. – С. P. 180–210; Россейкин Ф. М. Первое правление Фотия, патриарха Константинопольского. – Сергиев Посад, 1915.
- ⁶¹ Зернин А. П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия. – М., 1858. – С. 57.
- ⁶² Dvornik F. The Photian Schism: History and Legend. – Cambridge, 1948.
- ⁶³ Зернин А. П. Очерк жизни константинопольского патриарха Фотия... – С. 85.
- ⁶⁴ Schmidt W. A. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian. – Zürich, 1854.
- ⁶⁵ Чекалова А. А. Константинополь в VI в. Восстание Ника. – СПб., 1997. – С. 8.
- ⁶⁶ Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии. – Харьков, 1876. – С. 1.
- ⁶⁷ Там же. – С. 4.
- ⁶⁸ Сорочан С. Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. – 2-е изд., испр. и доп. – Харьков, 2001. – С. 333–346.
- ⁶⁹ Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии... С. 10–13.
- ⁷⁰ Хвостова К. В. Особенности византийской цивилизации. – М., 2005.
- ⁷¹ Cameron Al. Circus Factions. Blues and Greens at Rome at Byzantium. – Oxford, 1976. P. 1 – 2; Cameron Al. Circus Factions and Religious Parties: A Rejoinder // Byzantion. – 1980. – Т. 50. – P. 336 – 337.
- ⁷² Manojlović G. Le peuple du Constantinople de 400 a 800 après J. C. // Byzantion. – 1936. – Т. 11. – P. 617 – 716; Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (ta mere) в V – VII вв. // Византийский сборник. – М.; Л., 1945. – С. 144 – 217; Jarry J. Heresies et factions dans l'empire Byzantin du IVe au VIIe siècles. – Le Caire, 1968.
- ⁷³ Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии... С. 39, 43, 46 – 48.
- ⁷⁴ Орбинский Р. В. Византийские женщины // Южный сборник, издаваемый Н. Максимовым. – 1859. – № 3. – С. 175 – 176.
- ⁷⁵ Grabar A. L'âge d'or de Justinien. – Paris, 1966; Browning R. Justinian and Theodora. – London, 1975.

- ⁷⁶ Schmidt W. A. Der Aufstand in Konstantinopel unter Kaiser Justinian...S. 24–26; Diehl Ch. Theodora imperatrice de Byzance. – Paris, 1904. – P. 465–473.
- ⁷⁷ Bury J. B. The Nika Riot // Journal of Hellenic Studies. – 1897. – Vol. 17.
- ⁷⁸ Надлер В. К. Юстиниан и партии цирка в Византии... – С. 50–51.
- ⁷⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. – СПб., 1912. – Т. 1. – С. 499–500;
- Schein E. Histoire du Bas-Empire. – Paris, Bruxelles, Amsterdam, 1949. – Vol. 2. – P. 441–449.
- ⁸⁰ Чекалова А. А. Константинополь в VI в. Восстание Ника... С. 282.
- ⁸¹ Лебедев А. С. Церковная история. – Харьков, 1902. – Ч. 3. – С. 228.
- ⁸² Там же. – Ч. 2. – С. 31.
- ⁸³ Там же. – Ч. 3. – С. 293.
- ⁸⁴ Там же. – С. 231.
- ⁸⁵ Черноусов Е. А. Основные черты государственного и общественного строя Византии. Пробная лекция, читанная 6 ноября 1909 г. – Харьков, 1912. – С. 4.
- ⁸⁶ Там же. – С. 7.
- ⁸⁷ Там же. – С. 10.
- ⁸⁸ Черноусов Е. А. Страницы из культурной истории Византии XI в. – Харьков, 1913. – С. 4.
- ⁸⁹ Черноусов Е. А. К вопросу о влиянии византийского права на древнейшее русское. – Юрьев, 1916. – С. – 19.
- ⁹⁰ Черноусов Е. А. Дука, один из историков конца Византии. – Харьков, 1913. – С. 25.
- ⁹¹ Черноусов Е. А. Римские и византийские цехи. – Б.м., б.г. – С. 4–6.
- ⁹² Сюзюмов М. Я. Византийская книга Эпарха. – М., 1962.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРАГЕДИИ ΧΡΙΣΤΟΣ ΠΑΣΧΩΝ («СТРАЖДУЩИЙ ХРИСТОС»): ДРАМАТУРГИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ ГРИГОРИЯ НАЗИАНЗИНА

П. Е. Михалицын

Трагедия «Χριστός πάσχω»¹ (в латинском варианте – «*Christus patiens*», а в русском переводе – «Страждущий Христос») являет собой образец ранневизантийского литературного творчества эпохи перехода от стереотипов античного, языческого мышления к принципиально новому, по своей сути, мышлению христианскому. Этот период истории Византии является одним из наиболее интересных и исторически значимых, так как именно в это время мы сталкиваемся с фактом возникновения уже, собственно, христианской литературы, которая сыграла огромную роль в истории не только византийской, но и всемирной культуры. Поэтому изучение литературных памятников указанного периода (одним из которых и является трагедия «Страждущий Христос») может дать «ключ» к лучшему уяснению некоторых причин возникновения феномена, имя которому – Византия. В данной статье будет предпринята попытка выявить культурно-исторические предпосылки возникновения трагедии «Страждущий Христос» с анализом того влияния, которое они оказали на формирование этого феномена ранневизантийской драматургии.

После завершения эпохи гонения на христианство и окончательного изменения курса корабля римской государственности, противостояние уже умиравшей, но все еще реально существующей языческой партии и христианства перешло из чисто политической сферы в сферу культурно-идеологическую. Теперь язычество, лишённое политической поддержки, пыталось доказать всю серьёзность своих мировоззренческих установок и противопоставить христианству всю мощь своего научно-культурного потенциала². Вот в таких непростых условиях «тесной конкуренции» и возникает совершенно особый жанр уже христианской литературы – евангельская парафраза.

Как отмечает С. С. Аверинцев, по буквальному значению термин «парафраза» означает «пересказывание», то есть иносказательное высказывание того-же по-иному, «переложение», как бы перекладывание смысла из одних слов – в другие³.

Вот какую меткую характеристику этому «господствующему над ранневизантийской литературой фундаментальному поэтическому принципу» даёт все тот же С. С. Аверинцев: «Среди обширной литературы «парафраз» и «метафраз» в эпоху перехода от античности к средневековью особую роль играли эксперименты, основанные на применении к библейскому материалу античных форм, – пересказывание Ветхого и Нового Заветов языком и размером Гомера на Востоке, языком и размером Вергилия на Западе. Форма выбиралась, таким образом, не по соответствию теме, а по противоположности к ней,

«наперерез» ей; из-за этого как тема, так и форма выступали в несобственном, самоотчужденном, превращенном и «превратном» виде. Пределом такого подхода были так называемые центоны на библейские темы – мозаики из стихов или полустихий языческих поэтов, принужденных описывать как раз то, чего *не могли бы* описать языческие поэты...»⁴. М. Л. Гаспаров и Е. Г. Рузина в своей статье отмечают, что «слово «центон» буквально значит «лоскутная ткань», «сшитое из разных кусков одеяло», «покрывало», «плащ», «матрас» и т. п. В литературе оно приобрело значение: «стихотворение, составленное из стихов или частей стихов уже существующих произведений одного или разных авторов». В традиционной теории литературы центон рассматривается «исключительно как поэтическая забава или курьез»⁵. В новоевропейской литературе центоны практически не встречаются, а редкие их представители носят шуточный характер. Это объясняется отсутствием в этих произведениях примеров проявления индивидуальных чувств поэта и особым упором их авторов на передачу чужих слов и выражений, что совершенно неприемлемо в поэзии нового времени⁶. В ранневизантийское время техника центонов была наиболее распространена. Из греко-язычных примеров этого периода известен маленький центон о спуске Геракла в подземное царство, написанный Иринеєм Лионским, и разбираемый нами «Страждущий Христос»⁷.

Гораздо большего распространения достигла эта техника на латинском западе. Из латинских центонов этого времени наиболее известны «Медея» Госидия Геты (III в.), «Брачный центон» Авсония (IV век), «Вергилианский центон по Ветхому и Новому Завету» поэтессы Фальтониі Пробы (нач. V века), а также двенадцать центонов из «Латинской антологии»⁸. Характеризуя особенности такого подхода к классическим текстам М. Л. Гаспаров и Е. Г. Рузина отмечают: «... в центоне установка на узнавание конкретных реминисцированных стихов задана читателю с самого начала. Поэтому каждый стих и полустихие здесь рассчитаны на двойное восприятие: в контексте исходном и в контексте новом, центонном. То сближаясь, то расходясь, эти два контекста создают такое поле эстетического напряжения, в котором все время находится читатель центона. Если бы не это ощущение второго плана, многие центоны оказались бы (показались бы) громоздкими и неуклюжими»⁹. Таким образом, и парафраза в целом, и центоны в частности, были призваны, уже по литературным особенностям своего построения, «вести читателя в сферу определенных настроений, ассоциаций и литературных аллюзий»¹⁰.

Но зачем необходим был такой откат на языческие литературные бастионы и зачем необходимо было будоражить сознание читателя воскрешением языческих литературных образов? Для ответа на этот вопрос необходимо попытаться представить себе образ мышления «среднестатистического» византийца конца IV – начала V века¹¹.

С нашей точки зрения он представлял собой некий «сплав» языческо-культурного элемента с всепоглощающей и все более преобладающей христианской составляющей¹². В этих условиях оба «культурных кода» могли вполне уместиться в одно мировоззрение интеллектуального и «умеренно религиозного» христианина¹³. Но такое состояние не могло быть статичным на протяжении всей жизни человека – что-то должно было взять перевес, что-то должно было выйти на первый и определяющий план. Вот здесь и находится главный нерв всей этой интеллектуальной схватки между язычеством и христианством. Что завладеет мыслями и чувствами, то и будет составлять жизнь души. Каждая из сторон – и язычество, и христианство – пытались на культурном носителе привнести свое собственное мировоззрение. Но язычество,

по сравнению с христианством, находилось в более выгодном положении, так как вся тысячелетняя культура великой Аттики – это культура, основанная на языческом мировоззрении. Поэтому христианство и попыталось внести культурное наследие язычества в свою собственную систему координат, применив его, таким образом, к своим стратегическим задачам¹⁴. И этот ход оказался наиболее удачным.

Конечно, на устойчивые, в мировоззренческом плане, личности это противостояние не могло оказать никакого воздействия. Ни интеллектуальная элита язычества не изменила бы своим религиозным установкам, ни, тем более, духовные лидеры христианства не поколебались бы в своей вере, да и сама неотмирность христианства «создавала для христиан такой внутренний иммунитет по отношению к окружающему миру», который сохранил бы их от всякого инородного влияния¹⁵. Но речь шла о тех колеблющихся умах, которых как в ту эпоху, так и в последующие, было немало. Именно за них и боролась между собой языческая и христианская интеллектуальная элита.

Задача христианских поэтов состояла не просто в механическом использовании цитат из античных авторов, не в простом подражании формам греческой драматургии (это как раз свидетельствовало бы о творческой капитуляции перед последними), а в попытке показать, что творчество классических поэтов и литераторов послужило предуготовлением к литературе собственно христианской, наполненной более глубоким мировоззренческим содержанием. Процесс решения этой задачи начался еще задолго до появления «Страждущего Христа» – во II в. до Р. Х. В иудейской среде, а именно в Александрии, некий Иезекииль сочиняет трагедию «Исход», которая в подражание древнегреческим трагедиям парафразирует известную книгу Библии¹⁶. С. С. Аверинцев отмечает, что хотя литературное качество этого произведения было еще весьма невысоко, но именно эта трагедия поставила ту задачу, «решать которую должна была европейская культура всем своим существованием»¹⁷. Этим и занялся интеллектуальный авангард христианства в IV веке.

Помимо разбираемой нами трагедии в IV в. Аполлинарий Лаодикийский, как сообщает в своей церковной истории Созомен, «по образу Гомеровых поэм переложил в героические стихи еврейское бытописание и, доведя его до царя Саула, разделил все творение на двадцать четыре части, из которых каждую обозначил одной из букв греческого алфавита ... Писал он так же, применительно к творениям Менандра, и комедии, подражал Еврипиду в трагедиях и Пиндару в роде лирическом»¹⁸. Позднее, в середине V в., императрица Евдокия, организатор и идейный вдохновитель философского кружка, занимавшегося изучением и переосмыслением литературно-философского наследия античности, напишет свои «Омирокентоны»¹⁹.

Приблизительно в это же время создается огромная и по объему и по своему богословскому значению парафраза Евангелия от Иоанна «Деяния Иисуса», принадлежащая первоклассному поэту Нонну Панополитанскому²⁰. Необходимо отметить, что история парафразы не ограничивается периодом IV – V веков. Уже после окончательного идеологического поражения язычества при императоре Юстиниане (VI в.) появляются произведения подобного жанра, авторы которых ставили перед собой, правда, уже другие задачи. Так, в 807 г. Стефан Савваит (Мансур или Певец) из Лавры преподобного Саввы Освященного пишет трагедию «Θάνατος του Χριστού», а в X в. Иоанн Геометр создает парафраз на «Песнь Песней»²¹. Впоследствии уже многие церковные гимнографы будут, хотя и в других литературных формах, продолжать развивать идеи, заложенные в упоминаемых парафразах²².

Попытаемся на примере трагедии «Страждущий Христос», приписываемой Григорию Назианзину (Богослову)²³, рассмотреть, как в ней литературный материал языческой драматургии послужил конкретным христианским целям. Для этого сначала попытаемся в общих чертах разобраться с тем материалом, который автор использует для построения центона. Исследователям удалось установить, что автор трагедии «Страждущий Христос» заимствовал драматический материал из семи трагедий Еврипида («Гекубы», «Медеи», «Ореста», «Ипполита», «Троянок», «Реса» и «Вахханок»), из двух трагедий Эсхила — «Агамемнона», «Прометей» и из «Александрь» Ликофрона²⁴. Таким образом, драматургия Еврипида явилась основным материалом построения драмы.

Но почему Еврипид²⁵? Объясняется ли этот факт лишь субъективными симпатиями автора к классическому трагику или популярность произведений великого саламинца была настолько высока, что не использовать его в технике центона было бы просто-напросто признаком невежества и литературной близорукости²⁶? Возможно, все эти причины, так или иначе, повлияли на выбор Григория Назианзина, как автора трагедии «Страждущий Христос», но только лишь этим исчерпывается проблема еврипидова приоритета в его произведении? По нашему мнению, есть еще по крайней мере одна причина, которая вполне возможно стала во многом и определяющей. Но прежде чем ее обозначить присмотримся повнимательнее к творчеству самого великого трагика, особенно к тем философско-психологическим проблемам, которые поднимаются в его произведениях.

Трагик Еврипид (480–406 гг. до Р. Х.) был младшим современником Эсхила и Софокла — его великих предшественников на драматургическом поприще. Он явился третьим после Феспида и Эсхила великим реформатором трагедии²⁷. Главным из его новшеств явилось изображение душевной борьбы героев. Хотя сам Еврипид стойко придерживался национального учения о богах, он в отличие от Эсхила и Софокла пытается отойти от объективного объяснения трагической коллизии лишь высшей волей богов, он пытается вскрыть всю субъективность психологического конфликта²⁸. Герои трагедий Еврипида становятся более человечными и менее героичными, в привычном для мифологического сознания смысле. Они менее оторваны от психологических реалий действительности. В этом и проявляется философское переосмысление языческой мифологии у Еврипида. Поэтому Еврипида называли философом сцены и исследователи его творчества даже проводили определенные параллели между ним и Достоевским²⁹. Таким образом, Еврипид поставил серьезную философско-психологическую проблему: как свобода человеческой личности уживается с божественными предначертаниями.

Но, выдвинув эту проблему, великий трагик так и не смог ее разрешить. Он сам столкнулся с коллизией веры в судьбу и свободой человеческой личности. Поэтому Еврипид путем различных сценических нововведений пытался как-то сгладить остроту этой проблемы. Так, он ввел пролог непосредственно перед началом действия, в котором какому-нибудь божееству или заслуживающему доверия персонажу «приходилось зачастую как бы гарантировать публике ход трагедии и рассеивать все сомнения в реальности мифа»³⁰. То же самое, по сути, происходило и в конце драмы, когда Еврипид, «чтобы поставить для публики судьбу своих героев вне возможных сомнений»³¹, пользуется сценическим приемом «*deus ex machina*» (бог из машины) или использует в качестве эпилога появление какого-нибудь бога, который и разрешает поставленные проблемы³². Особый психологизм действия и коренное переосмысление мифа в творчестве Еврипида явились категориями уже другой эпохи, и, может быть, поэтому непонятое современникам наследие великого трагика только в последующую эллинистическую

эпоху стало особо почитаемо у греков³³. И именно драматургическое новаторство Еврипида, достигнув своего предела в сценическом элементе, ведет к созданию образов типа драмы для чтения и дает толчок к уничтожению идеи судьбы («и установлению идеи богопознания, не имеющей ничего общего с мифологическим»)³⁴. Вот эти тенденции, заложенные в драматургии Еврипида, очень хорошо почувствовал автор «Страждущего Христа», поэтому именно трагедии Еврипида стали литературным базисом его произведения, и в этом основная причина приоритета этих трагедий перед произведениями Эсхила и Софокла.

Что же дала техника постоянного цитирования классических образцов Григорию Назианзину? Действительно ли смешение лексики языческой драмы с лексикой библейского повествования могло гарантировать лишь комический эффект, попади такое произведение в руки образованного читателя³⁵? Думается, что подобные предположения могут иметь место лишь тогда, когда поэтическое наследие Григория Назианзина рассматривается без должного учета тех богословских задач, которые и обусловили его появление. Влагая в уста Богородицы речи еврипидовской Медеи и Гекубы, ликофроновской Кассандры и других персонажей, автор хотел показать как «разрешается «противоречие» между традиционностью формы и новизной содержания», как фатальность маски античного театра преодолевается христианским богословием³⁶. Здесь происходит таинственная метаморфоза, приводящая к христианизации Еврипида и всего наследия древней Эллады. Читателю представляется возможность увидеть, что бы сделали Медея и Гекуба будь они христианками. В «Страждущем Христе», как и в «Деяниях Иисуса», со всей очевидностью показано, как «эллинская «форма» становится мистически бесплотной, а евангельское «содержание» мистически материальным»³⁷. В этой трагедии, как и в эпиграммах Григория Назианзина, «нормы классической литературы усиливаются, трансформируются, обретают «второй смысл» в свете новых богословских установок»³⁸.

Таким образом, христианская драма «Страждущий Христос» показывает, как неразрешимые противоречия Еврипида могут с легкостью найти свое разрешение, попади они на христианскую почву³⁹. И Богоматеринство Девы Марии, и сама Личность Богочеловека Христа вносят принципиально новое в понимание человеческой личности, смысла ее существования и места в промыслительных действиях Творца. Бог сам становится действующим персонажем этой драмы. Он страдает по человечеству, но и воскресает по Божеству, упраздняя языческий конфликт разобщенности между Богом и человеком. В этом собственно и состоит инновация Григория Назианзина как драматурга. Ему удалось приживить классическую драматургическую форму на новой, христианской почве и показать еще вчерашним язычникам, а ныне новым христианам, как творчество не только Еврипида, Софокла и Эсхила, а и представителей всех культурных направлений классической Греции становятся в ряд тех предуготовлений, которые приводят к Христу – Спасителю мира, в византийском мировоззрении⁴⁰.

¹ Это название дал трагедии ее первый издатель, Антоний Бладус. – См.: Bladus A. Του αγίου Γρηγορίου Ναζιανζηνου τραγωδία Χριστός πάσχω. Sancti Gregori Nazianzeni...tragoedia Christus Patiens / Impressum per A. Bladus. – Rome, 1542.

² О культурно-идеологическом противостоянии язычества и христианства смотри статью: Уколова В. И. Особенности культурной жизни Запада (IV – первая половина VII в.) // Культура Византии: IV – перв. пол. VII в. – М., 1989. – С. 78–97.

³ Аверинцев С. С. Поэзия Саломея Панополитанского как заключительная фраза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 225.

⁴ Там же. – С. 225.

⁵ Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Вергилий и вергилианские центоны (Поэтика формул и поэтика реминисценций) // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 197.

⁶ Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Цит. соч. – С. 197. Дополняя это высказывание, выделим еще и историческую причину угасания жанра центонной поэзии в последующие времена. После VI в. язычество окончательно уходит с культурно-политической арены Византии, давая возможность для бурного развития уже собственно христианской литературы, без преобладания полемической направленности. Но в IV–V вв., то есть в период особого расцвета жанра центонов, культурно-политическая ситуация была совсем иной. Именно острая полемика между христианством и язычеством – одна из главных причин возникновения центонной поэзии.

⁷ Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Цит. соч. – С. 198.

⁸ Там же. – С. 198–199. Конечно, этот список не является исчерпывающим, здесь приводятся имена лишь наиболее значимых представителей центонного жанра, к которым хотелось бы еще добавить имя испанского пресвитера Ювенка. Он еще ранее Ф. Пробы (а именно в 332 г.), как сообщает об этом Иероним Стридонский в «Chronicon» и «De viris illustribus», «переложил, почти буквально, четыре Евангелия в шестистопные стихи, составил из них четыре книги и написал тем же метром некоторые, относящиеся к чинопоследованию таинств, стихотворения». – См.: Творения блаженного Иеронима Стридонского: В 8 частях. – К., 1910. – Ч. 5. – С. 303, 364.

⁹ Там же. – С. 209–210.

¹⁰ Григорий (В. М. Лурье), иером. Время поэтов или PRAEPARATIONES AREOPAGITICAE: К уяснению происхождения стихотворной парафразы Евангелия от Иоанна // Нонн из Хмиды: Scrinium Philocalicum. – Tom. I (aev. V). – М., 2002. – С. 301.

¹¹ Под «среднестатистическим» византийцем мы понимаем, прежде всего, человека, получившего школьное образование того времени.

¹² Подобный социальнокультурный феномен существовал в середине I в. по Р.Х. в Александрии (См.: Хосроев А. Л. Александрийское христианство. – М., 1991. – С. 57–59). Совпадение указанных явлений в разное время и в разных географических регионах, вполне возможно и говорит о существовании устойчивой психологической модели христианизации эллинистического культурного наследия, которой осознанно или не осознанно пользовались люди того времени.

¹³ Григорий (В. М. Лурье), иером. Цит. соч. – С. 305.

¹⁴ Именно с этим процессом связывает Владыка Иларион (Алфеев) идею создания таких произведений, как трагедия «Страждущий Христос». – См.: Иларион (Алфеев), игумен. Тема сошествия Христа во ад у восточных отцов Церкви IV–VIII веков и в западной богословской традиции // Церковь и время. – 2000. – № 4 (13). – С. 240.

¹⁵ Григорий (В. М. Лурье), иером. Цит. соч. – С. 258.

¹⁶ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М., 1996. – С. 55–56.

¹⁷ Там же. – С. 58.

¹⁸ Созомен Эрмий (Саламинский). Церковная история. – СПб., 1851. – С. 356.

¹⁹ Григорий (В. М. Лурье), иером. Цит. соч. – С. 302.

²⁰ Харизматин С. Н., Поспелов Д. А. «Эпическое Евангелие»: от Иоанна к Нонну // Нонн из Хмиды: Scrinium Philocalicum. – Tom. I (aev. V). – М., 2002. – С. 257.

²¹ Beck Hans-Georg. Kirche und theologische literature im Byzantinischen reich. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1959. – P. 507–508; Чичуров И. С. Литература VIII–X вв. // Культура Византии: Вторая половина VII–XII в. – М., 1989. – С. 150.

²² К последним можно отнести прп. Романа Сладкопевца (V в.), прп. Иоанна Дамаскина (VIII в.), Симеона Метафраста (X в.) и др.

²³ Вопрос атрибуции этого произведения остается дискуссионным и на сегодняшний день. Помимо Григория Назианзина трагедию приписывали Аполлинарию Лаодикийскому (IV в.), Григорию Антиохийскому (VI в.), Иоанну Цецу (XII в.), Феодору Продрому (XII в.), Константину Манасси (XII в.) и, даже, Григорию Нисскому (IV в.). – См.: Trisoglio F. Il Christus patiens. Rassegna delle attribuzioni // Rivista di Studi Classici. – 1974. – № 22. – P. 351–423. Большинство же современных учёных относят время написания трагедии «Страждущий Христос» к XI–XII вв. и приписывают ее создание перу неизвестного автора, однако идея авторства Григория Назианзина присутствует в поздних работах таких авторитетных специалистов как А. Тюилье и Ф. Триполио. См.: Tuilier A. Gregoire de Naziance et le Christus patiens. A propos d'un ouvrage recent // Revue des Etudes grecques. – 1997. – № 110 (2). – P. 632–647; Trisoglio F. San Gregorio di Nazianzo e il Christus patiens. Il problema dell'autenticita gregoriana del drama. – Florence, 1996.

²⁴ Фрейберг Л. А. Драматическое сочинение, по Еврипиду излагающее нас ради совершившееся воплощение и спасительное страдание Господа нашего Иисуса Христа (Христос-Страстотерпец) / Пер. С. С. Аверинцева // Памятники византийской литературы IX–XIV веков / Отв. ред. Л. А. Фрейберг. – М., 1969. – С. 221. Андре Тюилье в «Index Locorum Auctorum Antiquorum» указывает помимо приведенных трагедий Еврипида еще на реминисценции из «Альцесты», «Андромахи», «Елень», «Ифигении в Тавриде», «Ифигении в Авлиде», «Простительниц», а также из «Илиады» Гомера. – См.: Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragédie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – Paris, 1969. – P. 343–355.

²⁵ Исследователи М. Л. Гаспаров и Е. Г. Рузина видели в таком выборе причину чисто внешнею и тривиально простую – «составлять центыны из Гомера было (или было бы) слишком легко – так много в нем готовых формул, пригодных и обильно используемых для любых тем. Это лишало составителей удовольствия «борьбы с материалом», а читателей-слушателей – удовольствия вспоминать «точный адрес» каждого фрагмента». – См.: Гаспаров М. Л., Рузина Е. Г. Цит. соч. – С. 198.

²⁶ Влияние Гомера и Еврипида в интересующую нас эпоху было настолько велико, что образованные люди в своей разговорной речи употребляли цитаты из этих классиков наравне с фразеологизмами того времени. – См.: Григорий (В. М. Лурье), иером. Цит. соч. – С. 301.

²⁷ Анпеткова-Шарова Г. Г., Чекалова Е. И. Античная литература. – Л., 1980. – С. 102.
²⁸ Эйкен Г. История и система средневекового мировоззрения / Пер. с нем. В. Н. Линд. – СПб., 1907. – С. 26–27.

²⁹ Анненский И. Эврипид, поэт и мыслитель // Вакханки. Трагедия Еврипида. Пер. И. Анненского. – СПб., 1894. – С. LXII; XXXVII.

³⁰ Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. Предисловие к Рихарду Вагнеру / Пер. Г. А. Рачинского: В 2-х томах. – М., 1996. – Т. 1. – С. 105.

³¹ Там же. – С. 105.

³² Тронский И. М. История античной литературы. – Л., 1996. – С. 153.

³³ Там же. – С. 138.

³⁴ Анпеткова-Шарова Г. Г. Г. Орткемпер о сценической технике Еврипида // LINGUISTIKA ET PHILOLOGIA. Сборник статей к 75-летию профессора Юрия Владимировича Откупщикова. – СПб., 1999. – С. 203; Эйкен Г. История и система средневекового мировоззрения / Пер. с нем. В. Н. Линд. – СПб., 1907. – С. 30.

³⁵ Фрейберг Л. А. Цит. соч. – С. 221.

³⁶ Журенко Н. Б. Архаичская образованность и новозаветная образованность в эпиграммах Григория Назианзина // Античная поэтика. Ритор. теория и лит. практика. – М., 1991. – С. 219.

³⁷ Аверинцев С. С. Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фраза эволюции античного эпоса // Памятники книжного эпоса. – М., 1978. – С. 226.

³⁸ Журенко Н. Б. Цит. соч. – С. 219.

³⁹ Gregoire de Nazianze. La passion du Christ. Tragédie, introduction, texte critique, traduction notes et index de Andre Tuilier // Sources Chretiennes. – Paris, 1969. – P. 70–71, 73.

⁴⁰ Об идее использования мифологических сцен древнегреческой поэзии в качестве евангельских предуготовлений см. в работе: Григорий (В. М. Лурье), иером. Цит. соч. – С. 303. Поиск параллелей между философией древней Греции и Св. Писанием евреев был характерен и для историка IV в. Евсевия Кесарийского в его полемическом произведении «Евангельское Приготовление», где он выдвигал мысль о «краже» древнегреческими философами богословских идей из Библии. – См. об этом: Ястребов А. О. XI книга «Евангельского Приготовления» Евсевия Кесарийского // Церковь и время. – 2002. – № 3 (20). – С. 105–192.

ЖИТИЕ ИОАННА ГОТСКОГО

(к вопросу о времени создания и этапах формирования источника)¹

Ю. М. Мозаричев, А. К. Шапошников

Житие Иоанна Готского, несомненно, самый яркий и часто цитируемый источник по истории раннесредневекового Крыма. Однако его первоначальной версии не сохранилась. Наиболее полная из дошедших до нас редакций – это сокращенный вариант Жития, состоящий из десяти небольших отрывков (глав)².

Она сохранилась в нескольких рукописях: Ватиканская № 1667 (Cod. Vaticanus 1667) X в., Ватиканская № 655 (Cod. Vaticanus 655) – поздняя ущербная копия XVI в. с g1667 и рукопись Афонского монастыря Филофея № 8 (mss 8 du monastère athonite Philothéou) XI в. Различия этих рукописей незначительны и объясняются ошибками переписчиков.

26 июня Житие Иоанна Готского по Ватиканским рукописям было издано в «Деяниях Святых»³. Рукопись Афонского монастыря Филофея, в которой Житие Иоанна Готского приурочено к 22 июня, издана Эрхардом.⁴

На русский язык источник впервые был переведен В. Г. Васильевским в 1878 г.⁵, а затем А. Никитским⁶. Недавно он вновь был с обстоятельными комментариями издан С. Б. Сорочаном⁷. Приведем текст источника⁸:

Οὗτος ὁ ὄσιος πατήρ ἡμῶν Ἰωάννης, ἐπίσκοπος ἦν Γοθίας ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, ὁρμώμενος ἐκ τῆς περατικῆς τῶν Ταυροσκυθῶν γῆς, τῆς ὑπὸ τὴν χώραν τῶν Γόθων τελοῦσης ἐμπορίου λεγομένου Παρθενιτῶν, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς υἱὸς γεγονώς. Οὗτινος Λέοντος ὁ πατήρ ἐκ τοῦ λεγομένου Βονος τοῦ κατὰ τὸ Πολεμόνιον τοῦ Πόντου κειμένου ὑπῆρ χε, καὶ ἐν τῷ θέματι τῶν Ἀρμενιακῶν Κανδοφόρος γενόμενος. Οὗτος ὁ ὄσιος Ἰωάννης καθαγιασθεὶς (ἐκ βρέφους) ὡς ὁ Ἱερεμίας καὶ Σαμουὴλ ὀλικῶς ἀφιερῶθη τῷ θεῷ Φωτεινῆς γὰρ, τῆς μητρὸς τοῦ ὀσίου, εὐξαμένης τῷ θεῷ δοθῆναι αὐτῇ καρπὸν, εἰς τὸ προσάξει αὐτὸν λειτουργὸν, Κυρίῳ (Κυρίου), ὅπως συνέλαβεν αὐτόν. Τεχθεὶς δὲ καὶ αὐξηθεὶς, τὸν ἀσκητικὸν ἐκ σπαργάνων ἐπεσπάσατο βίον, ἔργῳ καὶ λόγῳ πᾶσαν ἀρετὴν κατορθώσας.

Ἐπὶ δὲ Κωνσταντίνου τοῦ βασιλέως, ὁ τηρικαῦτα Γοθίας ἐπίσκοπος, μετὰ πεμπτος πρὸς τὴν τότε συναθροισθεῖσαν κατὰ τῶν ἱερῶν εἰκόνων σύνοδον, προκληθεὶς καὶ καθυπογράψας, Ἡρακλείας τῆς Θράκης μητροπολίτης ὑπὸ τοῦ βασιλέως κατέστη.

“Ὅθεν οἱ τῆς Γοθίας ὀρθόδοξοι, μὴ κοινοῦντες τῇ κενотоμία (καινοτομία) τῆς ἀθέσμου συνόδου· ἀλλὰ μὲν καὶ ποιμένος ἄνευ ὑπάρχοντες, τοῦτο ὑπὸν ὄσιον Ἰωάννην εἰς ποιμένα προεβάλλοντο. “Ὅς δὲ πρῶτον μὲν ἐπὶ τὴν ἁγίαν πόλιν ἀπελθὼν, καὶ τρίτον ἐκεῖ διανύσας χρόνον, καὶ πάντα τόπον ἁγίου καὶ θεοστιβῆ κατασπασάμενος, ὑπέστρεψεν· εἶθ’ οὕτως ἐπὶ Ἰβηρίαν οἰκίσας τῆς Γοθίας πρὸς τὸν καθολικὸν θρόνον· ἐξέπαμψαν (ἐξέπεμψαν)· κἀκεῖ χει

ροτονηθεις ἐπίσκοπος, τὰ δόγματα τῆς καθολικῆς Ἐκκλησίας καὶ τὴν ὀρθὴν πίστιν ἄτρωτον διεφύλαξε. Γράφει οὖν διὰ Λογγίνου τοῦ διακόνου αὐτοῦ τῷ πατριάρχῃ Ἱεροσολύμων ποιῆσαι σύνοδον, καὶ ἀποσταλῆναι ὄρον πίστεως πρὸς αὐτόν. "Ὁ δὴ καὶ ἐποίησεν· ἐκ γὰρ παλαιᾶς καὶ νέας Διαθήκης, καὶ πάντων τῶν ἐκρίτων Πατέρων ἀναδεξάμενοι χρήσεις, περὶ τε τῶν ἱερῶν εἰκόνων, καὶ τιμίων λειψάνων, καὶ τῶν πρεσβειῶν τῶν Ἀγίων, ἐξέπεμψαν (ἐξέπεμψεν) τῷ εἰρημένῳ ὀσιῷ.

Μετὰ δὲ τὴν τελευταίην Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τῶν βασιλέων, Εἰρήνης καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτῆς βασιλευσάντων, ἀπέστειλε τὸν αὐτόν τόμον Παῦλου, τῷ ἀγιωτάτῳ τῷ τηρικαῦτα πατριάρχῃ· καὶ λαβὼν λόγον παρὰ Εἰρήνης τῆς Ἀλγούστης, εἰσῆλθεν εἰς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν· καὶ παρῆρσία λαλήσας πᾶσι περὶ τῆς ἀποδοχῆς τῶν ἱερῶν εἰκόνων ἐν τῇ ἁγία καθολικῇ Ἐκκλησίᾳ, αὖθις ὑπέστρεψε. Μέλλων δὲ τελευτᾶν Παῦλος, ὁ ἀγιώτατος πατριάρχης, τὸν σκοπὸν ἔχων τοῦ ὄσιου, κατήλθεν ἐκ τοῦ πατριαρχείου, γέγονε μοναχὸς εἰς τὴν μονὴν τῆς ἁγίας Θεοτόκου τῶν Φλόρου, καὶ καθώρκισεν τὴν Ἀλγούστην ἀποποιῆσαι τὸ σφάλμα.

Ταράσιος δὲ ὁ πρωτοασκηρῆτης, εὐλαβὴς ὢν καὶ ἐνάρετος, προβληθεὶς μετὰ τὴν κοίμησιν τοῦ μακαρίου Παύλου τοῦ πατριάρχου, ὃς καὶ ὑπ αὐτοῦ ἐμαρτυρήθη, γενέσθαι πατριάρχης, οὐκ εἶλατο (εἶλετο) δὲ βαρῆναι, ἕως ἂν ὑπέσχετο οἱ βασιλεῖς ποιῆσαι τὴν εἰρημένην σύνοδον. Καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ τῶν τεσσάρων θρόνων ἀνδρῶν εὐλαβῶν καὶ ἱερῶν γραμμάτων ἐκ προσώπου τῶν πατριαρχῶν συναθροισθέντων δὲ καὶ τῶν ἀπανταχοῦ ἐπισκόπων (ἤδη χειροτονηθέντος τοῦ μακαρίου Ταρασίου) πρῶτον μὲν ἐκαθέσθησαν ἐν τοῖς ἁγίοις Ἀποστόλοις καὶ κηρυττόντων αὐτῶν τὰ δόγματα τῆς ὀρθοδοξίας, ἐπελθοῦσα ἡ τῶν Σχολαρίων πληθὺς, μετὰ μαχαιρῶν καὶ ξύλων, διέλυσαν ταύτην, ὑβρίσαντες καὶ τὴν βασιλείαν· καὶ ἐξορίζονται σὺν γυναικῶν καὶ τέκνων περὶ τῆς πόλεως ἕξ χιλιάδας, σὺν αὐτοῖς δὲ καὶ τινες τῶν αἰρετικῶν ἐπισκόπων. Καὶ τῷ ἐπερχομένῳ χρόνῳ οἱ αὐτοὶ ἐπίσκοποι καὶ οἱ ἀποστολικοῦ θρόνου τόπον ἐπέχοντες, συνελθόντες ἐν Νικαίᾳ, ἐξέθεντο τὸ τῆς ὀρθοδοξίας ὄρον.

Ὁ δὲ ὄσιος οὗτος ἐπίσκοπος Ἰωάννης μετὰ ταῦτα μετὰ (ὑπὸ) τοῦ ἰδίου λαοῦ, τοῖς ἄρχουσι τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη, διὰ τὸ συσταθῆναι αὐτῷ τῷ κυρῷ Γοθθίας καὶ τοῖς ἄρχουσι αὐτοῦ, καὶ παντὶ τῷ λαῷ, πρὸς τὸ μὴ κατακυριοῦσαι τῆς χώρας αὐτῶν τοὺς εἰρημένους Χαζάρους. Ἀποστείλας γὰρ ὁ χαγάνος, παρέλαβε τὸ κάστρον αὐτῶν τὸ λεγόμενον Δόρος, θέμενος ἐν αὐτῷ φύλακας ταξάτους οὐς καὶ ἐξεδίωξεν ὁ εἰρημένος ὄσιος ἐπίσκοπος μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτοῦ καὶ τὰς χλησοῦρας (κλεισοῦρας), ἐκράτησεν. "Ὅθεν εἰδόντες τὸν ἀρχιερέα ὑπὸ ἐνὸς χωρίῳ παραδοθέντα προσέφυγον τῷ χαγάνῳ, καὶ τῷ μὲν κυρῷ Γοθθίας ἐφέισατο, δεκαεπτὰ δὲ δούλους ὁ χαγάνος ἐκούρασεν ἀναιτίους. Ὁ δὲ ὄσιος παραφυλαχθεὶς ἠδυνήθη διαδρας ἀντιπερᾶσαι εἰς Ἀμαστριν, τὴν φιλόχριστον πόλιν· κάκει ἐπὶ τετραετῇ χρόνον περιηγόμενος, ἀκούσας τὴν τελευταίην τοῦ χαγάνου, ἔφη: Κάγῳ, ἀδελφοί, μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικαίως εἶσθαι μετὰ τοῦ δῶκτου μου ἔμπροσθεν τοῦ κριτοῦ καὶ Θεοῦ.

Καὶ οὕτως τῇ τεσσαρακοστῇ ἡμέρᾳ διδάσκων τὸν Θεοῦ λόγον, καὶ τὰ πρὸς σωτηρίαν παραινῶν πᾶσιν, εἰς χεῖρας Θεοῦ τὸ πνεῦμα παρέθετο· καὶ αὐτίκα τὸ πλοῖον αὐτοῦ κατάλαβον (κατέλαβεν), κατὰ τὴν αὐτοῦ πρόρρησιν, ἐμβαλλόμενοι αὐτὸν εἰς γλωσσόκομον, Γεωργίου τοῦ ἀγιωτάτου ἐπισκόπου Ἀμαστρίδος καὶ πάσης τῆς πόλεως αὐτοῦ μετὰ θυμιμάτων καὶ κηρῶν προπεμφυμένων αὐτὸν ἕως τοῦ πλοίου, καὶ οὕτως ἀντεπέρασεν εἰς τὸ μοναστήριον αὐτοῦ, τὸ ἐπονομαζόμενον τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, εἰς Παρθενίτας, καὶ κατετέθη ἐκεῖσε. "Ὅπερ καὶ θαῦμα γέγονεν ἐν τῇ ταχύτητι τοῦ περάματος αὐτοῦ. Τῇ γὰρ εἰκάδι ἔκτη τοῦ Ἰουνίου μηνος κοιμηθέντος αὐτοῦ, καὶ τῇ εἰκά

οι ἐβδόμη ἀπάραντος τῆς εἰκάδι ἐννάτη, εἰς τὴν παννυχίδα ἔφθασε τῶν ἁγίων Ἀποστόλων ἐν τῷ μοναστηρίῳ, ὅπερ μοναστήριον πᾶσιν εὐκοσμίας κτίσεως τε καὶ ἱερῶν σκευῶν, καὶ βιβλίων παντοίων κατακοσμήσας ὁ ὄσιος, ὅσίων μοναχῶν πληθὺν ἐγκατέστησεν.

Οὗτος ὁ ὄσιος ἀνὴρ πολλοῖς χαρίσμασι διὰ πίστεως καὶ πράξεως κοσμηθεὶς (κοσμηθεὶς), τὰ πόρρω καὶ τὰ μέλλοντα θεόθεν ἀποκαλύπτετο καὶ ἐλάλει.

Λογγῖνος γάρ, ὁ μαθητῆς αὐτοῦ, ὑποστρέφων ἐκ τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ, καὶ ὑπὸ τῶν Σαρακηνῶν κρατηθεὶς καὶ σταυρῷ ὕψωθεις, τοῦ ὁσίου τὴν εὐχὴν ἐπικαλεσάμενός, ἐφάνη αὐτῷ ὀφθαλμοφανῶς ὁ πατήρ, καὶ αὐτίκα ὁ πρωτονοτάριός τοῦ Ἀμνρέου, πεντακόσιος δους μιλιάρισια, τοῦτον κατήγαγε καὶ ἀπέλυσε.

Καὶ αὖθις ὑπὸ ἐτέρων κρατηθεὶς, τῷ ὁσίῳ ἐντυγχάνων καὶ δεόμενος τοῦ ῥυθῆναι, ἄφνω τῶν σιδήρων ἐκ τῶν ποδῶν αὐτοῦ ἐκπεσόντων, διεσώθη.

Καὶ τῶν μαθητῶν αὐτοῦ τῶν ὄντων ἐν τῇ φυλακῇ, ἐν ἧ (ῆ) παρεφυλάττετο ὑπὸ τῶν Χαζάρων, φυγόντος αὐτοῦ εἰς Ῥωμανίαν, κρατηθέντων καὶ τῶν χαγάνων παραστάντων, καὶ κουρασθῆναι ὑπ' αὐτοῦ ὀρισθέντων, τῇ τοῦ ὁσίου εὐχῇ ἀπελύθησαν ὑγιεῖς· φήσαντος τοῦ χαγάνου, ὅτι οὗτοι παιῖσμα οὐκ ἔχουσιν. Ὅθεν τῇ αὐτῇ ὥρᾳ ὅτε παρέστησαν τῷ χαγάνῳ, ὁ ὄσιος ἐν Ἀμάστριδι, τὸν κανόνα τελέσας τοῦ ὄρθρου, καὶ ἔξω τῆς ἐκκλησίας ἐκτείνας τὰς χεῖρας ἦν εὐχόμενος ἕως ὥρας τρίτης· ὥστε ἐπὶ πῆχυν ἕνα ὀραθῆναι αὐτὸν κρεμασθέντα· καὶ ἐρωτηθεὶς παρὰ τοῦ γνησίου (πλησίου) αὐτοῦ, τίνας χάριν ἐξέτεινε τὴν εὐχὴν, ἔφη, ὅτι τῇ ὥρᾳ ἐκείνῃ, τέκνον, οἱ ἀδελφοὶ ἡμῶν τῷ χαγάνῳ παρέστησαν, καὶ ὁ ἀγαθὸς καὶ ἐλεήμων Θεὸς ἐρρύσατο αὐτοὺς ἐκ θανάτου.

Μοναχὸς τις, Βασίλειος τοῦνομα, μαθητῆς τοῦ ὁσίου, ἔασαι (ἐάσαι) αὐτὸν καὶ ἀναχωρῆσαι πολεμηθεὶς, καὶ μὴ τολμῶν ἀναθέσθαι τὸν λογισμὸν αὐτοῦ καὶ ἀπολυθῆναι, τοῦτον διέλεγξεν ὁ ἅγιος τρόπῳ τοιῷδε. Ἐν Κουρασαίτις τῷ ἐμπορίῳ ἀναπαυόμενός εἰς ἐκκλησίαν ἦν ὁ ὄσιος, ἐν ἧ ἕνδον ὑπῆρχον μνήματα πλεῖστα· ὁ δὲ ταῖς νυξὶν ἀνιστάμενός καὶ εὐχόμενός, τούτοις ὥσπερ ζῶσιν διελέγετο, καὶ τις τῶν μαθητῶν τοῦ ὁσίου ἀκήκοε τῶν νεκρῶν, φωνῇ ἀποκριαμένων, καὶ συλλαλούντων τῷ δικαίῳ. Πάλιν τε ἐν ἑτέρα νυκτὶ εὐχόμενός ὁ ὄσιος, ἔφη πρὸς τοὺς κειμένους νεκρούς· Ἔως πότε, ἀδελφοί, κατάκεισθε καὶ οὐ λαλεῖτε· ἰδοὺ Βασίλειός ὁ μαθητῆς μου νεκρὸς ἐστί καὶ λαλεῖ. Καὶ τοῦτο γρηγορῶν ὁ Βασίλειός ἀκούσας, ἔγνω, ὅτι τὰ βεβουλευμένα αὐτῷ ἀπεκαλύφθη τῷ θεοφόρῳ πατρί· καὶ πεσὼν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ, τὰ ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτοῦ πάντα διήγγειλε, καὶ τούτων τὴν συγχώρησιν ἤτησεν.

Ἐν δὲ τῇ φυλακῇ τῶν Φούλων τοῦ ὁσίου καθεζομένου, ὁ κύριος τῶν αὐτῶν Φούλων ἐλθὼν, ἐρρίψεν εἰς τοὺς πόδας αὐτοῦ τὸ παιδίον αὐτοῦ τετραυματισμένον ἀπὸ κεφαλῆς ἕως ποδῶν, ὥστε μὴ ὀρᾶσθαι αὐτῷ εἰκόνα περικεῖσθαι ἀνθρώπου· τοῦτο σφραγίσας, καὶ βαπτίσας, καὶ ἀγκάλαις δεξάμενος, αὐτίκα ἐκαθαρίσθη (ἐκαθερίσθη).

Ἐτερός τις, ἀδίκως ἐπιμεμφόμενος τῷ ὁσίῳ, ὡς αἰτίῳ γενομένῳ τοῦ παραδωθῆναι (παραδοθῆναι) τῷ Χαγάνῳ τὸ κάστρον τῆς Γοθθίας, καὶ τῶν ἀδίκως ἀποθανόντων, ἄρας τὸν πόδα αὐτοῦ πρὸς τὸ ἐπικαθῆσαι τῷ ἵππῳ διαμεμφόμενος, πρηγῆς πεσὼν ἐξέφυξε.

Δύο τίνες (τινές) διαμαχόμενοι πρὸς ἀλλήλους περὶ οἴνου, ὄντος ἐν πίθῳ, καὶ μὴ εἰρηνεύσαντες μεσιτεύσαντος τοῦ ὁσίου, ἀπελθόντες εὔρον τὸν φιλονεικούμενον (φειλονεικούμενον) οἶνον ἐν τῷ πίθῳ, παγέντα· καὶ τοῦτον ὥσπερ τυρὸν κατακόψαντες, ἔξω ἔβαλον.

Καὶ ἕτερα δὲ θαύματα πλεῖστα ἐποίησεν ὁ ὄσιος, ἅτινα οἱ τῆς χώρας ἐκείνης πᾶσιν ἀναφανδὸν (ἀναθανδὸν) διηγούμενοι, εἰς κατάνυξιν καὶ πρὸς Θεὸν ἐπιστρέφειν τοὺς ἐνωτιζομένους ἀνάγουσιν.

Διὸ, πάτερ ἄγιε καὶ θεόπνευστε, καὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως διαπρῶσι κήρυξ, καὶ φύλαξ τῶν θείων καὶ ἱερῶν δογμάτων, μέμνησο καὶ ἡμῶν, τῶν ἀναξίων καὶ ἁμαρτωλῶν· εἰ καὶ τῷ ζήλῳ τῷ θείῳ καὶ διαπύρῳ τῆς σῆς εὐσεβείας πολὺ ἀπελήφθημεν· ἀλλ' οὖν τῇ πρεσβείᾳ σοῦ στήριξον ἡμᾶς, ὅπως ῥυσθίημεν τῆς ἐπιβλαβοῦς κοινωρίας τῶν ἀγιακαυστῶν (ἀγιοκαυστῶν) καὶ ἀκαθάρτων αἰρετικῶν, καὶ τύχοιμεν σὺν σοὶ τῆς αἰωνίου ζωῆς· ὅτι εὐλόγηται (εὐλόγητε) καὶ δεδόξασται τὸ πανάγιον ὄνομα τοῦ Πατρὸς, καὶ τοῦ Ἰοῦ (Ἰησοῦ), καὶ τοῦ ἁγίου Πνεύματος, νῦν, καὶ ἀεὶ, καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων.' Ἀμήν (' Ἀμήν).

Сей преподобный отец наш Иоанн был епископом Готфши при царях Константине и Льве⁹, происходя из земли Тавроскифов, что за морем (Понтом), которая подчинена стране Готфов, из торжища, называемого (торжищем) Парфенитов, урожденный сын Льва и Фотины. А отец этого самого Льва происходил из так называемого Вона, который расположен возле Полемония Понтийского, и в военном округе Армениаков был кандофором. Этот преподобный Иоанн, посвященный с детства подобно Иеремии и Самуилу, всецело был предан Богу. Ибо Фотина, мать преподобного, зачала его только после того, как в молитве к Богу ради дарования ей плода (дала обет) привести его на служение Господу. Родившись же и возросши, он придерживался подвижнического образа жизни почти с пеленок, подвизаясь словом и делом во всяческой добродетели.

При царе же Константине тогдашний епископ Готфши¹⁰, призванный к созванному тогда собору против святых икон и спрошенный о его мнении и подписавший (соборные постановления), был поставлен царем в митрополиты Ираклии Фракийской.

Поэтому православные (люди) Готфши, чтобы не приобщаться к нововведениям беззаконного собора, но, обретаясь без пастыря, предложили этого самого преподобного Иоанна (для выбора) на должность пастыря. Он же, во-первых (прежде этого), отправившись в Святой град (и) обойдя всякое святое место и все стези Божьи, вернулся обратно по окончании там третьего года. Тогда только жители Готфши послали его в Иверию, к кафолическому престолу. И там, рукоположенный во епископы, он сохранил невредимыми догматы всеобщей церкви и правую веру. По этому поводу он писал через Лонгина, дьякона своего, патриарху Иерусалимскому, чтобы созвать собор и послать ему определение веры. Тот так и сделал: он послал упомянутому преподобному показательные свидетельства о святых иконах, честных мощах и посредничестве святых, подобранных из Ветхого и Нового Заветов и из всех избранных трудов отцов церкви.

После кончины царей Константина и Льва, когда царствовали Ирина и ее сын, он (Иоанн) послал этот самый сборник Павлу, тогдашнему святейшему патриарху, и, получив разрешение от августы Ирины, прибыл в царствующий град, и вполне откровенно побеседовав со всеми о почитании святых икон в святой всеобщей церкви, снова возвратился к себе домой.

Предчувствуя свою кончину, Павел, святейший патриарх, имея целью то же, что и преподобный (Иоанн), сошел с патриаршего престола, сделался монахом в монастыре Святой Богородицы Флора и клятвенно обязал августу отметить заблуждение.

Тарасий же, протоаскирит, будучи добродетельным и благоговейным, выбранный по кончине блаженного патриарха Павла и им самим одобренный, не пожелал принять на себя бремя и стать патриархом до тех пор, пока цари не пообещали ему созвать собор, о котором (прежде) говорили. И когда (прибыли) священные грамоты от четырех престолов, богобоязненные мужи и священные

грамоты от лица патриархов (и когда получены были грамоты от четырех престолов, и прибыли богобоязненные мужи от лица патриархов), тогда сошлись ото всюду епископы. А блаженный Тарасий уже был рукоположен. В первый раз заседали в храме Святых Апостолов. И когда они возглашали догматы православия, толпа схолариев, войдя с кинжалами и дубинками, распустила этот собор, оскорбив этим царское величие. Поэтому (были) изгнаны они вместе с женами и детьми, около шести тысяч, а с ними и некоторые из еретиков-епископов. В ближайшее же время те (остальные) епископы и представители апостолического престола, сойдясь в Никее, изложили (и утвердили) определение православия.

А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом¹¹ был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владельцем Готфши, его архонтами (старшинами)¹² и всем народом участвовал в восстании. Чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам. Ибо каган, отправив войско, захватил их крепость по имени Дорос, расположив в ней гарнизон, который изгнал (затем) упомянутый преподобный епископ со своим народом и силой овладел клисурами. Затем, видя, что архиерей выдан одним местечком (селением), они (его народ, старшины и владелец) перебежали к кагану, который пощадил владельца Готфши, семнадцать же рабов каган казнил¹³ невиновными. Преподобный же, заключенный под стражу, сбежав, сумел переправиться в Амастриду — христолюбивый город. И обретаясь там, на четвертом году, услышав о кончине кагана, рек: „И я, братие, через сорок дней отхожу судиться с моим преследователем пред ликом Судии и Бога!“.

И действительно, на сороковой день, уча слову Божию и внушая всем (служащее) к спасению (души), он предал дух свой в руки Бога, и тут же случился (в гавани) корабль его по его предсказанию. Положив его в гроб, Георгий, святейший епископ Амастриды, и весь его город сопровождали его (Иоанна) до судна со свечами и фициамом¹⁴. И так он был переправлен в свой монастырь, названный в честь Святых Апостолов, в Парфенитах, и там был погребен. Произошло и некое чудо (в особенной) скорости его переправы. Ибо упокоился он двадцать шестого (числа) июня месяца, и отплыв двадцать седьмого, двадцать девятого поспел к всенощной в монастырь Святых Апостолов. Этот монастырь преподобный снабдил всякого рода благоустроенными зданиями, священной утварью и разнообразными книгами и населил его множеством преподобных монахов.

Чудеса. Сей преподобный муж, украшенный за веру и дела многими благами, вещая, приоткрывал отдаленное и будущее (по вдохновению) от Бога. Ибо Лонгин, ученик его, возвращаясь из Святого града Иерусалима, схваченный и распятый на кресте (вознесенный на крест) сарацинами, призвал (на помощь) молитву преподобного. Святой отец явился ему зрительно, и сразу же протонотарий эмира, дав пятьсот миллиарисиев, низвел его (с креста) и отпустил. Затем (Лонгин), схваченный снова другими, обратившись к святому и попросив об избавлении, (достиг того), что железа (оковы) пали с ног его, и через это он спасся.

И когда его ученики были в заточении, в котором и он был охраняем хазарами, после того, как он (сам) бежал в Романию, были схвачены и предстали перед каганом; подлежали казни по его (кагана) суждению, но по молитве преподобного были отпущены на свободу целыми и невредимыми. Так как каган сказал, что они не имеют вины. Тем временем, в этот самый час, когда они стояли перед каганом, преподобный в Амастриде, закончив утренний канон и вне церкви воздев руки, был в молитве до третьего часа. Таким образом, что казалось, будто он на один локоть висит (над землей). И когда его спросил один из находящихся поблизости, чего ради он так затягивает молитву, он ответил, что в тот самый час, дитя (мое), наши братья стояли перед каганом, но благой и милостивый Бог исторг их от смерти.

Некий монах, по имени Василий, ученик преподобного, охвачен был желанием покинуть (святого) и удалился. Но он не осмеливался объявить свое намерение, чтобы быть отпущенным. В торжище Курасаитах преподобный почивал в церкви, внутри которой было много надгробий. И, вставая по ночам и молясь, он разговаривал с ними (мертвыми) как с живыми. Так что один из учеников преподобного слышал, как мертвые отвечали голосом и беседовали с праведником. Затем, помолясь следующей ночью, преподобный сказал лежащим мертвецам: „До каких пор, братья, будете лежать и не говорить? Вот, Василий, ученик мой, мертв, а говорит!“ Тогда бодрствующий Василий, услышав это, понял, что его намерение открыто богоносному отцу, и, пав к его ногам, поведал обо всем, что было у него на сердце, и испросил этим прощение.

Когда преподобный сидел в темнице Фулл, владетель этих самых Фулл, придя, бросил к его ногам свое дитя, покрытое от головы до ног ранами, так что казалось, не было на нем человеческого облика. Когда же (Иоанн), осенив его крестным знамением и окрестив, принял в свои объятия, то дитя тотчас очистилось от ран.

Некто другой, несправедливо порицавший преподобного, как если бы тот являлся причиной того, что крепость Готфии была передана кагану, и некоторые погибли несправедливо, среди упреков занес свою ногу (в стремя), чтобы сесть верхом на коня, (внезапно) упал ничком и испустил дух.

Два каких-то (человека), враждовавших друг с другом из-за вина, бывшего в пифосе, и не примирившихся даже при посредничестве святого, обнаружили оспариваемое вино застывшим в пифосе; вернувшись домой, и, разрубив его подобно сыру, вывалили (из пифоса).

И многие другие чудеса содеял преподобный. И жители той страны, повествуя о них всем во всеуслышание, приводят внимающих к сокрушению сердца (раскаянию) и обращению к Богу. Посему, отче святыи и боговдохновенный, прославленный глашатай православной веры и страж божественных и священных догматов, помяни и нас, недостойных и грешников! И хоть мы далеко отстали от твоего благочестия в божественной и пламенной ревности (ревнии), но ты подкрепи нас своим заступничеством, чтобы избавились мы от вредного общения с разрушителями святыни и нечистыми еретиками¹⁵ и сподобились с тобою вечной жизни! Ибо благословенно и прославляется всесвятое имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков, аминь!

Древнейшие синаксарные версии Жития относятся к X–XI вв.¹⁶. В них четко прослеживаются две традиции.

Одна из них зафиксирована в так называемом Синаксаре Константинопольской церкви (о другой традиции см. ниже). Текст был опубликован П. Делейко синаксарной рукописью de Sigmond (условное обозначение S) и Парижскому кодексу 1587 г. (условное обозначение D), которые во многом сходны (за 26 июня, № 2). Оба этих синаксарных сокращения, несомненно, сделаны на основе вышеупомянутой, дошедшей до нас редакции Жития¹⁷.

Μηνὶ τῷ αὐτῷ κζ

Τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἐπίσκοπου γενομένου (om.D) Γοθίας. Οὗτος ἦν ἐπὶ Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου, ὀρμώμενος ἐκ τῆς τῶν Ταυροσκυθῶν χώρας, τῆς ὑπὸ τὴν ἐξουσίαν τῶν (om.D) Γόθων τελοῦσης, Λέοντος καὶ Φωτεινῆς (Φωτινῆς D) υἱὸς γεγυώς. Ἁγιασθεῖς δὲ ἐκ βρέφους ὡς Ἱερεμίας καὶ (ὡς add.D) Σαμουὴλ ὁ μέγας κατ' ἐπαγγελίαν γεννηθεῖς, εὐθὺς τῷ Θεῷ ἀνετέθη.

Ἐπεὶ δὲ εἰς μέτρον καὶ τῆς πνευματικῆς καὶ (τῆς add.D) σωματικῆς ἔφθασεν ἡλικίας καὶ ἔδει αὐτὸν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης θρόνον ἀνελθεῖν, ὑπὸ τοῦ οἰκείου λαοῦ πρὸς τὸν καθολικὸν τῆς Ἰβηρίας (Ἰμηνρίας S) ἐπέμφθη, κάκειθεν τὴν χειροτονίαν ἐδέξατο· ἐπεκράτει γὰρ ἐν τοῖς ῥωμαϊκοῖς μέρεσι ἡ τῶν εἰκονομάχων αἵρεσις.

Μετὰ δὲ τὴν τελευταίην Κωνσταντίνου καὶ Λέοντος, παραγένετο πρὸς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν· καὶ πολλὰ περὶ τῆς ὀρθοδόξου πίστεως πρὸς τὴν βασιλίссαν Εἰρήνην διελέχθη (διελέγχθη S), καὶ (bis.scriptum.in.D) πάλιν εἰς τὴν ἰδίαν χώραν ὑπέστρεψε. Καὶ πολλοὺς (πολλὰς θλίψεις καὶ D) κινδύνους ὑποστάς διὰ τὸ ἐκδοθῆναι ὑπὸ τοῦ ἰδίου λαοῦ τοῖς τῶν Χαζάρων ἄρχουσιν, ἐν Ἀμάστριδι τῇ κατὰ τὸν Πόντον φυγὰς (φυγῆ D) παραγενόμενος τὸν βίον μετήλλαξε καὶ πρὸς Κύριον ἐξεδήμησεν (καὶ add.D) Ἀπηνέχθη δὲ (om.D) τὸ τίμιον αὐτοῦ λείψανον ἐν πλοίῳ τεθὲν ἐν τῇ αὐτοῦ μονῇ (μονῇ αὐτοῦ D) τῶν ἁγίων Ἀποστόλων καὶ ἐν αὐτῇ κατετέθη.

Месяца того же (июня), 26 (числа).

В этот самый день — поминание преподобного отца нашего Иоанна, бывшего епископом Готфии. Он был (жил) при Константине и Льве Исавре, происходя из страны Тавроскиффов подчинявшейся власти (державе) Готфов, приходясь сыном Льву и Фотине. Он был посвящен еще с детства, подобно Иеремии и Самуилу Великому, рожденному по молитве, (поэтому после рождения) тотчас был посвящен Богу. Когда же он достиг в меру духовного и телесного взрослого состояния, решили возвести его на архиерейский престол. Своим собственным народом он был отправлен к католическому престолу Иверии и там был рукоположен. Ибо ересь иконоборцев господствовала в римских областях. После же кончины Константина и Льва он прибыл в Царственный град и много беседовал с царицей Ириной о православной вере и вернулся обратно в собственную страну. И там он подвергся многим опасностям (и мучениям) из-за того, что был предан собственным народом начальникам хазар. Сбежав и оказавшись в Амастриде, что в Понте, окончил жизнь и к Господу переселился. Почитаемые останки (его) были перевезены на корабле и помещены в его монастырь Святых Апостолов, и в нем установлены.

В историографии известен широкий круг работ, в которых анализировались различные аспекты рассматриваемого агиографического источника¹⁸.

Различными авторами отмечалось, что, несмотря на достоверность многих исторических свидетельств, содержащихся в Житии, ряд его моментов все же вызывают недоумение. Показательно в этой связи, противоречащее всем церковным канонам, описание избрания Иоанна епископом.

Согласно «Жития Стефана Нового», Константин V сам ставил епископов¹⁹. Интересные данные содержатся в Житии Георгия Амастридского, основателя самостоятельной Амастридской епархии, близкого Житию Иоанна Готского хронологически²⁰. Согласно тексту источника, когда умер старейший епископ Амастриды (вероятно около 790 г.), представители этого города предлагают Георгию стать их духовным главой. После согласия последнего он вместе с представителями Амастриды отправляется в Константинополь к патриарху Тарасию, чтобы быть рукоположенным. Патриарх его поддержал. Но у императора был свой ставленник, поэтому было устроено соревнование, где победил Георгий. После чего „он получил затем помазание иерейства и отправился на родину“. Амастридская кафедра

подчинялась Гангрскому митрополиту. У Георгия с последним отношением явно не сложились. Он уговаривает константинопольские власти создать самостоятельную Амастридскую епархию. Случилось это между 802 и 807 гг.²¹

Что касается постиконоборческого времени, то здесь существовала сложная система выборов архиереев. Всякое избрание епископа в новый город, связанное с учреждением епархии, подлежало предварительному решению собора или синода константинопольской церкви. Избрание митрополитов и архиепископов совершалось по инициативе патриарха епископами соседних митрополий или митрополитами ближайших областей. Собор избирал трех претендентов, из которых одного утверждал патриарх. Избрание епископов и митрополитов для не византийских епархий совершалось собором или синодом и утверждалось патриархом. Процедура проходила по следующему правилу. Избрание производилось собранием архиереев той или иной епархии или митрополии, но числом не менее трех. На соборе должны были присутствовать епископы той епархии или митрополии, для которой совершалось избрание. Собор созывался по инициативе митрополита. Решение собора утверждал митрополит – отбирал одного из трех выбранных претендентов. При этом церковные правила запрещали светской власти принимать участие в выборах²².

В отношении Иоанна, если верить Житию, не было соблюдено ни одно из перечисленных условий²³.

Спорным выглядит определение Иоанна Житием как епископа самостоятельной Готской епархии, ведь первые сведения о ней относятся к более позднему времени²⁴. Скорее всего, агиограф, работавший над своим сочинением не ранее начала IX в., когда готская епархия уже существовала²⁵, перенес современную ему ситуацию на эпоху Константина V.

Вопросы вызывает постулируемая источником цель поездки святого в Константинополь, ибо реально он не был настолько известен и влиятелен в столице, чтобы изменить церковную жизнь империи²⁶.

Почему Иоанн бежал в Амастриду, а не в Константинополь, где, если верить Житию, его знали и почитали²⁷. Амастрида, являвшаяся центром реэкспортной и ярмарочной торговли²⁸, возвышается в конце VIII в., а ее значение «современники видели в ... торговле с Северным Причерноморьем»²⁹. Поэтому, можно предполагать, что между амастридскими и крымскими церковными иерархами были налажены тесные контакты и вполне возможно, они были лично знакомы.

Как представляется, для понимания данного источника необходимо установить несколько моментов: где, когда, кем и в каких исторических условиях было составлено Житие; является оно хронологически и стилистически цельным или содержит несколько пластов; если таковые присутствуют, то какие сюжеты были в первоначальном варианте, а какие были вставлены более поздними редакторами?

Как убедительно показал В. Г. Васильевский, автор дошедшей до нас редакции не был жителем Крыма. Для него полуостров – «та сторона Понта», «Заморье», а местное население – «жители той страны».

Нет никаких оснований возражать Х. Лопареву³⁰, И. Шевченко³¹ и недавно присоединившемуся к ним С. Б. Сорочану³², что агиограф был связан, а, скорее всего, проживал в Амастриде. Несомненно, он прекрасно осведомлен о перипетиях процесса восстановления иконопочитания, биографиях упомянутых в источнике императоров, патриархов Павла и Тарасия. Также

составитель Жития в курсе основных этапов жизни Иоанна, особенно последних его лет, подробно описывает смерть святого и его похоронную процессию. Знание же автором крымских реалий вызывает неоднозначное впечатление.

Здесь можно выделить три уровня. Частью сведения о Крымском полуострове, содержащиеся в источнике, очень приблизительны (первый уровень). Это в первую очередь касается административной номенклатуры полуострова (другое дело эпизод об антихазарском восстании, но об этом отдельно) и его истории – «земля Тавроскифов, подчиненная готам» (гл.1), безымянная «крепость Готии» (гл.9) (хотя ранее ее название упоминается).

В дошедших до нас сочинениях византийских авторов Юго-Западная и Южная Таврика воспринимались как территория в той или иной степени принадлежавшая империи, а название данной местности и ее жителей воспроизводится в трех вариантах. 1. Согласно официальной византийской административной терминологии – архонства или Климаты. 2. Церковной – Готия, от названной так одноименной епархии³³, очевидно, по имени самого многочисленного местного народа, следуя еще традиции Прокопия, заложенной в трактате «О постройках»³⁴. 3. Местностью, прилегающей к Херсону - «крепости соседних племен».

Например, Феофан Исповедник в «Хронографии» эту область и ее жителей называет (в истории с Юстинианом II) «Херсониты, босфоряне и остальные климаты», «жители в тех крепостях» «жители крепостей», «херсониты и жители других крепостей», (в сюжете с заговором брата Льва IV, Никифора) – «Херсон и Климаты»³⁵. По «Бревиарию» патриарха Никифора – это «Дорос, лежащий в готской земле», «Херсон, Босфор и другие архонства», «другие города»³⁶. Из сохранившихся о Житии Еврепия и Феодора мы узнаем, что они, сосланные в Херсон при императоре Ираклии, «были часто разлучаемы насильно и отправлены в укрепления соседних племен»³⁷. В Житии Феодора Студита упоминается «топарх Готии», в его письме, датированном 808 г., – «Готия и ее климаты»; в Житии патриарха Никифора (845 г.) фигурирует правитель «Таврических климатов»³⁸. То есть, представления автора Жития об исторической географии Крыма не более чем приблизительные знания образованного человека, знакомого с византийскими историческими и географическими произведениями, знающего, что когда-то там жили тавры и скифы (тавроскифы)³⁹, а затем эту землю захватили готы. Так, например, у Прокопия Кесарийского, в восьмой книге «Войны с готами» (V раздел), можно прочесть: «За ними (гуннами – авт.) всю страну занимают скифы и тавры, часть которой еще и ныне называется Таврикой»⁴⁰.

Диссонансом выглядит эпизод об антихазарском выступлении (второй уровень). Здесь информация о местных названиях, истории восстания и количестве пострадавших от хазарских репрессий настолько конкретная и точная, что не вызывает никаких сомнений, что ей мог владеть только житель полуострова, прекрасно осведомленный о местной географической номенклатуре и если не лично принимавший участие в событиях, то однозначно общавшийся с их участниками.

Третий уровень – упоминание тюрьмы в Фуллах, церкви в Курасаитах, монастыря св. Апостолов в Партенитах. С одной стороны, мы видим конкретные географические названия, а, с другой, отсутствие подробностей. Например, в описании монастыря св. Апостолов нет никакой особой точности, и слова «снабдил всяким благолепием зданий и святых сосудов и различных книг ...» и т. д. можно применить к любой обители. Чудесное исцеление сына правителя Фулл – традиционный сюжет для агиографических сочинений. В сообщении о церкви в Курасаитах ничего не говорится о ее названии.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности предполагать, что большая часть Жития, несомненно, принадлежит автору сохранившийся редакции, хорошо знакомому с политической и церковной историей империи второй половины VIII в., но при этом имеющего смутные представления об истории и географической номенклатуре Крыма. И если выделенный нами третий уровень еще можно трактовать как переработанную информацию, полученную от людей, близко знавших Иоанна (что, правда, маловероятно), или из других источников, то сюжет о восстании, скорее всего, не есть плод творческих усилий данного агиографа.

Откуда он мог появиться? Конечно, можно предположить, что составитель Жития заимствовал его из какой-то крымской исторической хроники (хотя о наличии таковой ничего не известно) или у непосредственного участника событий. Последнее теоретически возможно. Даже если данный вариант текста появился не ранее 40-х гг. IX в. (напомним, события относятся к 80-м гг. VIII в.), то 20-летнему свидетелю восстания на момент составления Жития было 75–80 лет.

Но, учитывая, что уровень «крымской» информации рассматриваемого эпизода резко отличается и не обработан в стиле остальной части произведения можно предполагать, что он происходит (полностью заимствован) из более древнего варианта Жития (а то, что опубликованный В. Г. Васильевским список не является первоначальным, говорили все исследователи текста).

Данный вывод находит подтверждение и дополнительные аргументы, если мы проанализируем другую синаксарную версию источника. Она представлена, по крайней мере, тремя рукописными вариантами: синаксарями из Труа (Trecenci 1204), Парижа (Coislin 223) и Оксфорда (рукопись № 2). Лучшее всего сохранился текст из так называемого греческого синаксаря Оксфордской церкви Христа (в дальнейшем СОЦХ).

Данный синаксарь был описан еще в 1867 г. Г. Китчином⁴¹, затем в 1902 г. П. Делейе⁴². 23 текста из него опубликованы Ф. Алкеном⁴³. Последний отмечал, что данный текст древнее и зачастую более достоверный чем в других рукописях.

Г. Китчин и П. Делейе датировали синаксарь XIII в. М. Лефор не колеблясь, относил его к XII в.⁴⁴. Ф. Алкен датировал текст согласно палеографическим критериям второй половины XII в. По его мнению, это самый старый из синаксарей класса М*, которые дошли до нас. Он отличается чистотой текста, а посему лучше всего доносит содержание и структурный принцип прототипа. К каждой дате календаря Md сохранил, где и положено, героический стих, который должен характеризовать первый праздник каждого дня.

Ниже публикуем сводный текст синаксарного сокращения по трем рукописям, изданный А. Алкеном на основе Md и сопоставленный с двумя другими упоминавшимися текстами (Mt=Trecenci 1204, Mc=Coislin 223)⁴⁵.

31 mai (fol. 105-105^v):

τῇ αὐτῇ ἡμέρᾳ μνήμη τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἰωάννου ἐπισκόπου Γοθθίας.
'Εν ταῖς ἡμέραις τοῦ μεγάλου βασιλέως Κωνσταντίνου, ὁ ἐν ἀγίοις (ὅσιος Mc.) πατὴρ ἡμῶν Ἰωάννης ἤκμαζεν (ἤκμασεν Mc., Mt.) ἐν τῇ χώρᾳ τῶν Γόθων, υἱὸς εὐχῆς γεγυῶς ὡσπερ πάλαι Σαμουήλ· καὶ τῇ ἀσκήσει ἐξ ἀπαλῶν οὐχῶν παιδευθεὶς γέγονε Χριστοῦ (τοῦ θείου πνεύματος Mc.) καταγώγιον.

Κατελθὼν δὲ εἰς τὰ Ἱεροσόλυμα καὶ ἐν τρισὶ χρόνοις πάντα τοὺς σε βασιμῶς τόπους περιπολεύσας ὑπέστρεψεν οἴκαδε.

Προβληθεὶς δὲ ὁ (om.Mc.) ἐκέισε ἐπίσκοπος (ἐπίσκοπος ἐκέισε προβληθεὶς Mt.) ἐν Ἡρακλείᾳ τῆς Θράκης ὑπὸ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου, ἐκρατήθη οὗτος πολλῇ παρακλήσει τῶν ἐκεῖσε φιλοχρίστων· καὶ ἀπαγαγόντες εἰς Ἰβηρίαν (Βέρροϊαν Mc.,Mt.), σφραγίσαντες ἐπίσκοπον ἦλθον ἐν τῇ πατρίδι.

Ἐπαναστάσεως δὲ γενομένης ἐν τῇ χώρᾳ αὐτοῦ παρὰ τῶν Χαγάνων (legendum Χαζάρων vel χαγάνου) καὶ πολλοὺς τῶ ξίφει ἀναιτίους καὶ οὐ διὰ Χριστὸν διχάσαντες (καὶ πολλῶν τῶ ξίφει ἀναντίων καὶ οὐ διὰ Χριστὸν ἀναίρεθέντων Mc.), ἔφυγε διυνηθεὶς· καὶ περάσας εἰς Ἀμαστριν τετραετῇ χρόνῳ πεποίηκεν.

Ἀκούσας δὲ τὴν τελευταίην τοῦ χαγάνου φησὶ πρὸς τοὺς σὺν αὐτῷ· Καγὼ μετὰ τεσσαράκοντα ἡμέρας ἀπέρχομαι δικάσασθαι μετ' αὐτοῦ ἔμπροσθεν τοῦ Χριστοῦ. Ὁ καὶ γέγωνε· μετὰ (γὰρ add.Mc,Mt) τεσσαράκοντα ἡμέρας διδάσκοντος αὐτοῦ (διδάσκων Mc) τὸν λαὸν τὰ πρὸς σωτηρίαν ψυχῆς, παρέθετο τῷ Κυρίῳ τὸ πνεῦμα· καὶ αὐτίκα τὸ πλοῖον αὐτοῦ κατέλαβεν ἐκεῖσε, προεμνηκότος καὶ τοῦτο τοῦ ἀγίου.

Τότε Γεώργιος ὁ ἀγιώτατος ἐπίσκοπος Ἀμαστριδος ἐνθεὶς αὐτὸν (αὐτῷ Md.) (αὐτὸν ἐν Mt.) γλωσσοκόμῳ μετὰ κηρῶν καὶ θυμιαμάτων, προαγούσης καὶ πάσης τῆς πόλεως, κατήγαγεν εἰς τὸ πλοῖον· καὶ διαπεράσαντες αὐτὸν εἰς τὸ μοναστήριον αὐτοῦ τὸν παρθενῶνα, κατέθεντο αὐτὸν ἐν ὅσια θήκῃ.

Καὶ πολλὰ μὲν θαύματα γέγονασι μετὰ τὴν τελευταίην αὐτοῦ καὶ ἕως τοῦ νῦν γίνονται καὶ ἄδονται παρὰ τῶν ἐγγχωρίων· ἀλλὰ καὶ ζῶν οὐκ ὀλίγα πεποίηκεν· ἐγγράφως γὰρ εὔρομεν δέκα μόνᾳ (om.Mc.), ἅτινα διὰ τὸν ὄγκον ἔασαντες τέλος τῶ λόγῳ δεδώκαμεν.

(31 мая)

В этот день — поминание преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готфши. В дни царя Константина Старшего (Взрослого) был в полном цвете преподобный отец наш Иоанн (между святыми) в стране готфов. Сын, рожденный по молитве, как в древности Самуил, и воспитанный в подвижничестве от нежного возраста, превратился в пристанище Христа. Придя же в Иерусалим и обойдя все почитаемые места в три года, вернулся домой. Когда же тамошний епископ был переведен Константином Старшим во фракийскую Ираклию, он (Иоанн) возглавил кафедру по многочисленным просьбам тамошних христоролюбцев, для чего они отослали его в Иверию, (откуда) он вернулся на родину после утверждения его епископом. Когда же случилось в его стране восстание против хаганов, и многие невиновные и не из-за Христа были преданы мечу (и многие невинные были преданы мечу и не из-за Христа враждовавшие друг с другом), ему удалось бежать, и, переправившись в Амастриду, (где) он и провел четыре года. Услышав же о кончине кагана, он рек бывшим с ним: „И я через сорок дней отойду судиться с ним пред лицом Христа“. Так и случилось — через сорок дней, когда он поучал народ о спасении души, отлетел дух его к Господу. И вскорости прибыл его корабль туда (и это было предсказано святым). Тогда Георгий, святейший епископ Амастриды, вложив его в гроб, с восковыми свечами и фимиамом, в сопровождении всего города отнес его на корабль. И, переправив его в его собственный монастырь Парфенона, положили его в священную раку. И многие чудеса случились после его кончины, случаются они и поныне и восхваляются живущими там. Но и живым он совершил их немало. Одних только записанных мы обнаруживаем десять (отдельных чудес), оставляя которые из-за их объема, мы кладем конец повествованию.

Как видим, в значительной степени рассматриваемое повествование сходно с упоминавшимися выше редакциями. Это касается истории рождения Иоанна (проводится аналогия с теми, кто, согласно Библии, благодаря молитве был выпрошен у бога и освящен еще в утробе. Правда, в СОЦХ только с Самуилом [1 Цар., 1], а в других вариантах и с Иеремией [Иерем., 1, 5]), его рукоположения в Грузии, путешествия в Иерусалим (хотя здесь есть один существенный нюанс, о котором ниже), участия в антихазарском выступлении, бегстве в Амастриду, кончине в этом городе через сорок дней после смерти кагана, присутствие Георгия Амастридского на погребальной процессии, перевозе останков святого в монастырь св. Апостолов в Партенитах.

Однако здесь присутствуют и особенности, которые позволяют предположить, что данный синаксарь несет в себе следы более раннего извода Жития (скорее всего прототипа), а именно:

1. В СОЦХ день памяти Иоанна Готского помещен под 31 мая, тогда как в других версиях – 22 (26) июня.

2. СОЦХ сообщает о десяти чудесах. В наиболее полном из сохранившихся вариантов источника повествуется лишь о семи. Учитывая, что синаксари составлялись на основе пространных редакций, и то, что в СОЦХ указана точная цифра чудес с пояснением, что это «только записанные», можно с достаточной уверенностью предполагать: автор текста в СОЦХ был знаком с редакцией Жития Иоанна Готского, в которой эти десять чудес были описаны.

3. В СОЦХ практически не раскрывается иконопочитательская деятельность Иоанна. разве что завуалированный намек содержится в строчках: «возглавил кафедру по многочисленным просьбам тамошних христолюбцев». Более того, в тексте отсутствует всякое упоминание об иконоборческих спорах, даже в пассаже о переводе предшественника Иоанна в Гераклею. И это при том, что другие редакции однозначно дают понять, что готский епископ был канонизирован по двум причинам – иконопочитательским взглядам и борьбой против хазар.

4. В СОЦХ отсутствует одна из самых главных сюжетных линий Жития – приезд Иоанна в Константинополь и его общение с Ириной. Этого автор синаксаря, если бы составлял его на основе известной нам редакции, просто не мог не упомянуть. Отметим, ничто не дает оснований полагать, что посещение епископом столицы и его общение с императрицей всего лишь фантазии агиографа или вставка переписчиков. Слишком точно, подробно и достоверно описаны детали сего периода в жизни Иоанна.

5. Константин V в СОЦХ назван Константином Старшим (Взрослым), что представляется важным. В других вариантах источника император назван или просто Константином или Константином Исавром.

СОЦХ скорее всего, был составлен человеком, имевшим смутные представления об исторической географии и истории Крыма. В пользу этого говорит определение монастыря в Партенитах как «монастырь Парфенона» (составитель, конечно же, слышал о Парфеноне в Афинах, но понятия не имел о местности с похожим названием в Крыму) и не ясно обозначенные причины антихазарского выступления, которые наверняка были определены в архетипе, но неудачно сформулированы в СОЦХ.

Учитывая изложенное, можно говорить, что в византийской агиографии сосуществовали две независимые традиции изложения Жития Иоанна Готского, причем приуроченные к разным датам. Одна из них, поминавшая Иоанна Готского 26 или 22 июня известна больше. Этот извод представлен текстом Жития с 7-ю Чудесами св. Иоанна и синаксарным вариантом в Си-

накаре Константинопольской церкви (см. выше). Вторая традиция, определявшая день памяти готского епископа 31 мая и известна нам только по СОЦХ, восходящего к недошедшему до нас варианту Жития с 10-ю чудесами.

Атрибуция в СОЦХ императора как Константина Старшего (τοῦ μεγάλου), по сравнению со своим внуком Константином VI (младшим), несомненно, указывает, что первоначальный вариант Жития восходит или ко времени жизни Константина VI или ко времени правления его ближайших преемников. То есть к периоду, когда еще отчетливо сохранялась память о Константине VI как о младшем по отношению к Копрониму, и было актуально разделять двух императоров с одним именем. Все это, вместе с умышленным отсутствием упоминания имени Ирины (а другое объяснение сложно представить) позволяет относительно точно установить время составления прототипа. Причем, в данном случае ошибка более поздних компиляторов в атрибуции правителя исключается. В Житии Феодора Студита (Vita B) (ум. в 826 г.), составленном в 868-878 гг.⁴⁶ и, как считается, наиболее близким к прототипу, в главе 16, повествующей о репрессиях Константина VI по отношению к Феодору и его последователям (796), император назван «младшим Константином»⁴⁷.

В истории Византии есть два хронологических отрезка наиболее соответствующих перечисленным выше условиям.

Первый – декабрь 790 – август 797 г., когда Константин VI отстранил свою мать от власти и единолично правил вплоть до того, как был свергнут провозглашенной императрицей Ириной. Однако этот период нам представляется маловероятным. Во-первых, Ирина осталась при дворце и продолжала пользоваться определенным влиянием⁴⁸. Более того, вскоре Константин приказал «вновь провозглашать рядом со своим имя своей матери»⁴⁹. Это в итоге позволило ей впоследствии вернуться к власти. Во-вторых, Константинопольским патриархом продолжал оставаться Тарасий, поставленный благодаря усилиям Ирины и попавший в опалу только после второго ее воцарения⁵⁰. Однако и о нем, в отличие от других версий, также нет никаких упоминаний. В-третьих, Иоанн Готский умер не ранее 791–792 гг., когда епископом Амастриды был Георгий, рукоположенный не ранее конца 790 г.⁵¹ Вряд ли Иоанн мог быть канонизирован так быстро после смерти (а житие, как известно, составляется в период, близкий к канонизации). В четвертых, учитывая несколько пренебрежительное отношение агиографа к Константину VI, подразумеваемому как Константин Младший, можно с определенной долей вероятности предполагать, что ко времени написания источника тот уже не был императором.

Поэтому мы полагаем, что древнейшая версия Жития Иоанна Готского была составлена в период правления Никифора I Геника (802–811), а, скорее всего, уже в период патриаршества Никифора I (806–815), то есть в 806–811 гг.

С момента низложения Константина VI прошло не более 13 лет и, естественно, память об этом правителе была еще свежа. Напомним, 31 октября 802 г. в результате дворцового переворота Ирина была смещена, и императором провозглашен Никифор. Бывшая императрица была отправлена в ссылку сначала на остров Принкипо, а затем на Лесбос⁵². Естественно, всякие положительные упоминания об Ирине при императоре Никифоре не особо приветствовались. Не был расположен к опальной императрице и новый патриарх Никифор I, который, будучи сторонником Константина VI, после возвращения к власти Ирины в 797 г., был вынужден покинуть должность императорского секретаря и основать монастырь в пустынном месте недалеко от Босфора. И только после низложения императрицы он вернулся ко двору, а пос-

ле смерти Тарасия (784–806) стал патриархом⁵³. В это время практически прекратились иконоборческие споры, перестали преследовать павликиан и иных еретиков. Идеологические диспуты, в основном, велись между официальной церковью и частью монашества во главе с Феодором Студитом. Студит обвинял патриарха в мягкотелости по отношению к светской власти. В итоге Феодор был объявлен возмутителем церкви и осужден на соборе 809 г.⁵⁴ Таким образом, можно сделать вывод, что, скорее всего, древнейшая редакция Жития Иоанна Готского появилась в начале IX в.; вероятно, в 806–811 гг., и отражала сложившуюся тогда политическую и религиозную ситуацию.

Все указывает на то, что основной заслугой Иоанна тогда считалось не его иконопочитательское рвение, о чем источник молчит, а участие в антихазарском движении.

Еще в начале VIII в., несмотря на появление хазар, Боспор, Херсон и Готия оставались частью империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары здесь не претендовали на политическое господство. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими⁵⁵. В церковном плане Херсон и Готия входили в одну церковно-административную единицу. По крайней мере под деяниями Пято-Шестого Трульского собора (692) стоит подпись Георгия, епископа Херсона и Доранта (Дороса, центра Готии, расположенного на плато современной горы Мангуп)⁵⁶.

Однако к 80-м гг. VIII в. ситуация здесь меняется. Во главе Готии появляется Господин (Кир), которому подчинялись архонты. По мнению Н. А. Алексеенко, Господин Готии – „кир“, скорее всего по должности являлся наместником пограничной византийской области с особым статусом управления. Подобная должность появилась в конце VIII в. и в Херсоне⁵⁷. Вероятно, эти преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской угрозы, которая стала очевидной.

В итоге, в ответ на хазарскую экспансию, в период между концом 784 и 786 гг.⁵⁸ вспыхнуло выступление местного населения, уже известное нам как восстание Иоанна Готского.

Вероятно, восстание не было масштабным. И после его подавления хазарам на некоторое время удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике⁵⁹. Сложно определить, какие территории в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосыгаем, их гарнизон появился на Мангупе. Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом, в частности, Эски-Кермен и Каламита? С одной стороны, там могли также разместиться хазарские гарнизоны; с другой – после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев; с третьей, есть вероятность сохранения этих территорий за византийскими (херсонскими) властями. Н. И. Репников, Е. В. Веймарн, и И. А. Баранов⁶⁰ предполагали захват Эски-Кермена хазарами и разрушение ими оборонительной системы городища. Однако, как показал А. И. Айбабин, для таких выводов нет никаких оснований⁶¹. Если верно предположение А. Г. Герцена о тождестве пункта Кут из так называемой Пространной редакции Еврейско-хазарской переписки с Эски-Керменом⁶², то, возможно, некоторое время городище было подчинено хазарам.

В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и церковной структуры. Собственно византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия⁶³. Надо думать, Доросом хазары владели относительно не долго. Интересно в ракурсе рассматриваемой проблемы упоминание правителя Готии в связи с известным событием из жизни императора Константина VI, который в 795 г. заточил свою жену Марию в монастырь и женился на некоей кувикларии Феодоте. Согласно Житию Феодора Студита, „это зло сделалось известным не только в столице, но и в отдаленнейших странах. Так король Лонгобардский, король Готский и наместник Боспорский, основываясь на этом нарушении устава, предались прелюбодейным связям»⁶⁴. Этот факт отражен и в письме Феодора Студита, датированном 808 г. Его же зафиксировало и Житие патриарха Никифора⁶⁵. В различных вариантах источников готский правитель назван «королем» («топархом»), «игемоном», «властителем»⁶⁶, что позволяет понимать эту должность и как владетеля небольшой периферийной имперской области или византийского чиновника, обладавшего определенной автономией по отношению к центру, и как правителя государства, некогда входившего в состав империи⁶⁷.

Если в данном случае «короля» Готии воспринимать как правителя одной из имперских окраин, можно думать что к этому времени хазарский гарнизон покинул Мангуп. То есть господство хазар там продолжалось 10–15 лет. Правда, с другой стороны, если предположить, что статус «короля» Готии был аналогичным статусу короля Лонгобардии, а источники ставят их в один ряд, то можно утверждать, что Готия в это время была фактически независима от Византии (известно, что византийское господство с середины VIII в. в Северной и Средней Италии практически перестало осуществляться. Местные лидеры стали фактически независимыми от империи)⁶⁸.

Естественно, только что созданной (вероятно, 90-е гг. VIII в. – нач. IX в.) епархии нужны были и свои святые покровители, а Иоанн как нельзя лучше соответствовал велениям времени. Сторонник иконопочитания, которое уже официально господствовало в империи⁶⁹, непримиримый борец с врагами, уровень контроля которых за Готией все менее ощущался, идеологический основатель новой церковно-административной единицы – факторы, позволявшие местным церковным и, вероятно, светским властям «раскручивать» фигуру Иоанна⁷⁰. Очевидно, сначала как месточтимого, а затем и общевизантийского святого.

Подводя итог, можно предположить, что прототип Жития Иоанна Готского, скорее всего, был составлен в период между 806–811 гг. человеком, хорошо знавшим ситуацию в Крыму и прекрасно осведомленном о перипетиях биографии Иоанна Готского. В связи с этим позволим высказать осторожное предположение, а не являлся ли его автором ученик святого – Лонгин (или текст писался со слов Лонгина)? В сохранившихся списках Лонгин – единственный из окружения Иоанна, который упоминается неоднократно и исключительно с положительной стороны. Сначала именно он выступает как доверенное лицо, доставившее послание Иоанна Иерусалимскому патриарху. Затем сие имя фигурирует в двух из семи дошедших до нас чудес. Естественно, учитывая ситуацию, описанную в чудесах, данная информация могла быть получена только от самого Лонгина. Все вышеизложенное позволяет исключить элемент случайности и констатировать особую роль Лонгина при подготовке первоначальной версии агиографического сочинения.

Судя по всему, через некоторое время данное агиографическое произведение было переработано в Амастриде в новой, уже известной нам редакции. В ней Иоанн – в первую очередь идейный и последовательный иконопочитатель, а сам текст пропитан ненавистью к иконоборцам.

Что побудило подготовить новый вариант Жития и когда это произошло?

Как уже упоминалось, В. Г. Васильевский датировал составление источника временем второго периода иконоборчества, то есть между 815 и 843 гг. С этим согласились все последующие исследователи. Однако, на наш взгляд, в тексте присутствуют несколько моментов, позволяющих несколько скорректировать дату.

Первый – это резкая антииконоборческая направленность Жития. Естественно, в таком виде до 843 г. оно не могло быть принято официальной церковью и, соответственно, предназначаться для канонизации Иоанна или быть включено в официальные списки. Проанализировав агиографию иконоборческого периода, И. Шевченко пришел к следующим выводам: подавляющее большинство собственно «иконопочитательских» житий были составлены уже после 843 г. Те же, которые можно датировать в промежутке между 726 и 843 гг., были созданы или в период 787–815 гг. (то есть когда у власти находились иконопочитатели), или происходят из-за пределов Византии, или иконопочитательскую позицию выражали в замаскированной форме, иногда вообще не упоминали об иконоборческих спорах⁷¹.

С этим сложно не согласиться. Например, антииконоборческое Житие Стефана Нового было написано между 807 и 809 гг., то есть в период восстановления иконопочитания⁷². Житие Георгия Амастридского (о котором упоминается в Житии Иоанна Готского), составленное до 842 г., вообще не упоминает иконоборческих споров, хотя сам Георгий, скорее всего, был иконопочитателем⁷³. Ряд произведений, первоначально иконоборческих или нейтральных, после 843 г. были переработаны в духе новых политических реалий. Показательно в этом плане житие другого «крымского» святого, Стефана Сурожского⁷⁴.

Второй аспект. Агиограф просит избавления от общения с иконоборцами, а не избавления от их господства (*koionias* – товарищества, сообщества, соучастия, связи⁷⁵). Аналогия, которая может быть прослежена с произведением Епифания „О житии, деяниях и кончине святого и всепохвального первозванного апостола Андрея“, составленного в период правления Льва Армянина⁷⁶, здесь вряд ли уместна. Имеется в виду фраза „бегая общения с иконоборцами, мы прошли страны и города до Воспора и при этом с великою любовью распрашивали о местных святых“⁷⁷. С. Б. Сорочан переводит данные слова, как «бежал общин иконоборцев»⁷⁸. Здесь все же смысл несколько иной. Автор не скрывается, наоборот, резко выступает против икономахов, причем нет и намек на какую-то боязнь преследований. Тем более что у Епифания иконоборцы названы *seikonomachon*, а не «*ton agiokauston*» и «*sakatharton airetikon*», как в Житии Иоанна Готского.

У нас нет оснований утверждать, что опубликованный В. Г. Васильевским список мог быть скорректирован через много лет после восстановления иконопочитания. Фраза «но твоим заступлением подкрепи нас, чтобы мы избавились от губительного сообщества свято-сжигателей и нечистых еретиков»⁷⁹ («подкрепи нас своим заступничеством, дабы избавиться от вредного общения с разрушителями святых и нечистыми еретиками»⁸⁰; «подкрепи нас своим заступничеством, чтобы избавились мы от вредного общения с разрушителями святых и нечистыми еретиками» (перевод А. К. Шапошникова), несомненно указывает на период, когда с иконоборчеством еще не было окончательно покончено.

Учитывая вышесказанное, можно предполагать: данная редакция Жития появилась в период, когда господство иконоборцев практически не ощущалось. Например, во время правления Михаила II Травла (820–829 гг.), который под воздействием восстания Фомы Славянина (820–825 гг.) «стремился не разжигать религиозные споры и предоставлял каждому относиться к иконам так, как кто хочет», а дискуссии об иконах были вообще запрещены⁸¹. Или в хронологический промежуток между смертью Феофила (20 января 842 г.) и официальным восстановлением иконопочитания (11 марта 843 г.).

Однако, принимая во внимание вышесказанное, то, что, несмотря на полную победу над иконоборцами, полемика против них еще долго не прекращалась⁸², и, желая устранить выявленные несоответствия, мы пришли к выводу: новая редакция Жития Иоанна Готского появилась, скорее всего, в период патриаршества Мефодия I (843–847).

Как известно, этот патриарх вел непримиримую борьбу с остатками иконоборчества. Он провел, по выражению Д. Е. Афиногенова, «великую чистку» среди клира, в результате которой, по некоторым данным, пострадали до двадцати тыс. служителей церкви иконоборческого периода: началось «слепое и методичное низложение епископов, священников и даже диаконов»⁸³. Естественно, это вызвало неоднозначную реакцию; еще жив был в памяти прецедент, когда решением II Никейского собора все покаявшиеся священники-иконоборцы сохранили свой сан. Большинство деятелей церкви поддержали политику патриарха, но было определенное противодействие и непонимание. Мефодий был вынужден периодически публично и в различных произведениях, в том числе и письмах, защищать свою позицию⁸⁴.

Если рассматривать Житие Иоанна Готского в таком разрезе, то становится понятным, почему агиограф, построив свое произведение в агрессивном антииконопочитательском стиле (не боясь репрессий и того, что произведение не будет принято официальной церковью), просит избавить его от общения с иконоборцами. Здесь прослеживается явный намек на поддержку политики патриарха, действительно направленной на искоренение иконоборчества.

Возможно, стоит отметить еще один аспект. Новая редакция (как нам представляется) источника была создана в Амастриде. Автором Жития местного святого – Георгия Амастридского (составленного до 842 г. и молчавшего об иконоборческих спорах) – был Игнатий Диакон. Он до 843 г. являлся митрополитом Никейским, а после восстановления иконопочитания был отправлен в монастырь (позднее покаяться и признав, что был «развращен общением с иконоборцами», Игнатий напишет еще ряд агиографических сочинений, в том числе Жития патриархов Тарасия и Никифора)⁸⁵. Вероятно поэтому, амастридский агиограф, в силу новых веяний и опасений за судьбу своего святого (в его житии не было реверансов победившей идеологической доктрине, а автор подвергся опале), работая над Житием Иоанна, показал особую роль Георгия в покровительстве «выдающемуся иконопочитателю». По крайней мере составитель труда об Иоанне Готском, несомненно, старался особо отметить деятельность Георгия Амастридского.

Возникает вопрос: для чего понадобилось перерабатывать Житие Иоанна, придавая его личности общевизантийское значение? Очевидно, в первую очередь, здесь присутствует политический аспект.

В середине IX в. византийское правительство создает в Крыму новую территориально-административную единицу – фему. По мнению ряда исследователей, фема Климатов (таково ее первоначальное название) была создана летом 841 г. в ответ на появление в припонтийских степях венгров⁸⁶, которые в

середины 830-х гг. полностью перекрыли хазарам доступ к Крыму с севера⁸⁷, и более не могли удерживать подвластные им территории. Создание фемы однозначно свидетельствует не только о переходе Готии к началу 840-х гг. под полный контроль Византии, но и юридическом оформлении ее вхождения в границы империи. Однако ситуация в Крыму продолжала оставаться напряженной.

По мнению К. Цукермана, уже в 50-х гг. IX в. территория, принадлежавшая империи, ограничилась только Херсоном и его ближайшей округой. В результате фема Климатов была переименована в фему Херсон⁸⁸. Правда, переименование фемы может означать не столько потерю имперского контроля над Климатами или ослабление там власти, сколько коррекцию византийской политики на полуострове. Вероятно, поняв нерациональность выбора в качестве политического центра создаваемой фемы горного Юго-Западного Крыма, вернулись к привычному и более удачному херсонскому варианту. Соответственно, по имени нового центра, меняется и название фемы.

Надо думать, возвращению Готии в состав империи необходимо было придать и идеологическое обоснование. Вероятно, здесь могли присутствовать и определенные прохазарские настроения (по крайней мере Иоанн был выдан хазарам именно местным населением); хазарские военные отряды фиксируются в округе Херсона еще в начале 60-х гг. IX в. (Житие Константина Философа)⁸⁹. Поэтому фигура Иоанна Готского снова оказалась востребованной.

Скорее всего, к моменту создания фемы он уже был по крайней мере месточтимым святым, пострадавшим именно от хазар. Житие готского епископа обосновывало законность византийских притязаний на Готию, борьба за которую имела более чем пятидесятилетнюю историю (имеется в виду период с момента восстания до образования фемы), и своего мученика, возможно, «идеологического создателя» местной епархии, который, к тому же, принадлежал к иконопочитательской партии, что на тот момент было немаловажным.

Таким образом, мы пришли к выводу, что несохранившийся прототип Жития Иоанна Готского был создан, скорее всего, в Крыму (или выходцем с полуострова) в 806–811 гг. Он не был написан в откровенном антииконоборческом духе и показывал готского епископа, в первую очередь, как мученика, пострадавшего от завоевателей. В 843–847 гг. текст Жития был переработан в Амастриде и обрел выраженную иконопочитательскую направленность. Хотя пространной последней редакции также не сохранилось, ее сокращенный вариант дошел до нас в различных списках. Параллельно, возможно, существовал и первоначальный вариант, на основании которого и был составлен СОЦХ.

Анализ синаксарных сокращений и Жития позволяет поставить вопрос об устранении еще ряда спорных моментов. Например, в тексте, опубликованном Васильевским, последовательность событий, связанных с назначением Иоанна епископом, выглядит следующим образом: сначала жители Готии избирают Иоанна епископом, затем он на три года отправляется в Иерусалим, и только после этого едет в Иверию. В СОЦХ события тракуются по иному. Иоанн сначала посещает Иерусалим, затем его предлагают в епископы, после чего он направляется в Иверию. Последнее выглядит более правдоподобным. Вряд ли в то время в Крыму было много священников, совершивших паломничество по святым местам. Соответственно Иоанн, скорее всего глава церковного диоцеза Доранта⁹⁰, существование коего можно предположить исходя из подписей под протоколами Трульского собора (см. выше), после перевода главы епархии в Гераклею был одним из наиболее реальных претендентов на освободившуюся вакансию и, судя по всему, имел определенную поддержку у паствы. Однако по каким-то причинам, вполне

возможно из-за иконопочитательских взглядов, которыми Иоанн проникся в Иерусалиме, Херсонскую епархию возглавил Сисиний. Его присутствие зафиксировано в протоколах VII Вселенского собора⁹¹. Тогда Иоанн и попытался, играя на существовавших тогда в империи политических и идеологических разногласиях, стать епископом самостоятельной Готской епархии⁹².

СОЦХ сообщает, что разногласия среди местного населения носили отнюдь не религиозный характер. Учитывая, что синаксарь Константинопольской церкви подчеркивает, что Иоанн бежал в Амастриду «преследуемый собственным народом»⁹³, и зафиксированные в чудесах обвинения в адрес епископа в предательстве, можно говорить о преимущественно антихазарском характере выступления. Причем авторитет Иоанна среди паствы был отнюдь не безграничный.

Остается открытым вопрос и о месте погребения останков епископа. Долгое время им считалась базилика, обнаруженная в 1869 г. в южной части Партенитской долины у северного подножия г. Аю-Даг. Основание для таких заключений давала найденная при раскопках надпись, сообщавшая о возобновлении в 1427 г. готским митрополитом Дамианом храма Апостолов Петра и Павла, воздвигнутого «архиепископом города Феодоро и всей Готии Иоанном Исповедником»⁹⁴. Раннюю дату памятника объясняли и его архитектурными особенностями⁹⁵. Изначально храм представлял трехнефную базилику с нартексом и галереей. Первоначальное здание погибло в пожаре и было восстановлено в 1427 г. К северо-западной стене галереи примыкала четырехугольная гробница, с мозаичным полом, облицованная плитами белого мрамора. Как предполагалось, это и было место последнего упокоения святого⁹⁶. Однако новейшие исследования показали: строения на этом месте были возведены только в конце IX–X в.⁹⁷ Объяснение сему факту может быть следующее: то ли в XV в. местные жители имели уже смутные представления о месте захоронения Иоанна и за основанный им монастырь приняли развалины другого христианского комплекса; то ли о последней пристани святого забыли практически сразу после его смерти. После же канонизации его мощи были обреты подобно останкам папы Климента Римского⁹⁸. Более правдоподобным выглядит первый вариант, однако отсутствие в списке чудес, посмертных чудес Иоанна, не исключает и второй. В любом случае, Партенитская базилика не может считаться монастырем святых Апостолов, основанного Иоанном⁹⁹.

Заметим, что указанное в четырех последних абзацах выходит за рамки настоящего исследования и требует отдельного, более подробного рассмотрения.

¹ В основу настоящей работы положена наша статья «Житие Иоанна Готского: два этапа формирования источника», опубликованная в Хазарском Альманахе № 4. – Харьков, 2006. Однако при издании были искажены фрагменты с греческим текстом. Поэтому мы решили повторить публикацию, внося в нее изменения и дополнения.

² Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение) // ВВ. – СПб., 1913. – Т. XVIII. – Вып. 1–4 (1911). – С. 15; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period // Iconoclasm. – Birmingham, 1975. – P. 115; Xuxley G. On the Vita of John Gotthia // Greek, Roman and Byzantine studies. – Durham, 1978. – V. 19. – № 2. – P. 161.

³ Papebrochio D. De sancto Joanne, Episcopo Gotthiae. Vita e codice Vaticano nunc primum Latine versa. // Acta Sanctorum. – Iunii. – T. V, Antverpiae MDCCIX (1709). – P. 190–194; Acta sanctorum... Bollandi, mensis Junii. – T. V. sub die 26. volum. V. ed. Veneziana, 1744. P. 151 sq; Acta sanctorum, collecta... a sociis Bollandansis. Iunii, VII, 3. ed. Parisiis 1867. – P. 162–172; Halkin F. Analecta Bollandiana. – T. LXVI. – Bruxelles, 1948. – P. 82, ann. 1.

⁴ Ehrhard H. *Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche*. Leipzig, 1937. – Т. I. – P. 647.

⁵ Васильевский В. Г. *Житие Иоанна Готского // Журнал Министерства народного просвещения*. – 1878. – Январь. – Ч. 195. – Отд. 11; переиздано: Труды. – Спб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2.

⁶ Никитский А. *Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии // Записки Одесского общества истории древностей*. – 1885. – Т. 13.

⁷ Сорочан С. Б. *Византийский Херсон. Очерки истории и культуры*. – Харьков, 2005. – Ч. 2. – С. 1345–1370.

⁸ Мы, естественно, понимаем, что он хорошо знаком не только специалистам по данной проблеме, но и широкому кругу любителей истории Крыма. Однако нам представляется это необходимым для аргументации дальнейших выводов. Перевод выполнен А. К. Шапошниковым. Подробные примечания и толкования текста из-за ограниченности объема не входят в задачу настоящей работы и будут сделаны в специальной публикации.

⁹ Несомненно это Константин V Копроним (741–775) и Лев IV Хазарин (775–780).

¹⁰ В тексте источника говорится о предшественнике Иоанна как о Готском епископе. Один из авторов настоящей работы, совместно с А. Г. Герценем, попытался доказать, что до конца VIII в. самостоятельной Готской епархии еще не существовало, а в данном случае, речь, вероятно, шла о главе Херсонской епархии, куда входила Готия. – См. Герцен А. Г., Могаичев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // *Античная древность и средние века*. – Екатеринбург, 1999. – Вып. 30. – С. 106–115. Данная точка зрения в историографии уже получила полную или частичную поддержку (См. подр.: Науменко В. Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Нике и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. // *Sacrum et profanum*. – Севастополь, 2005. – Вып. 1. – С. 129.

¹¹ Правильно будет именно «своим собственным народом» — здесь явная порча текста переписчиком перед тем, как повторен дважды, вместо правильного ἑαυτοῦ. Это же отмечает и французская исследовательница М.-Ф. Озепи (Auzepy M.-F. *Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ*. – Симферополь, 2000. – Вып. VII. – P. 328).

¹² В недавно вышедшей статье А. Ю. Виноградов и А. В. Комар (Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII– начала IX в. В контексте новых данных эпиграфики // *Сугдейский сборник*. – К. – Судак, 2005. – (Вып. 11) переводят данный отрывок так: «А этот преподобный епископ Иоанн ... заключил союз с господином Готии и тремя его архонтами и всем народом...» (С. 48). Однако здесь отчетливо читается выражение τοῖς ἀρχουσὶ τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη = traditus est praefectis Chazarorum, которое нет никаких причин исправлять на τρισὶν ἀρχουσὶ τῶν Χαζάρων ἐξεδόθη.

¹³ А. Ю. Виноградов и А. В. Комар предлагают следующий вариант перевода данного места: «Поэтом, увидев, что архирей предан одним местечком, они (т. е. готы) прибежали к хагану, и правителя Готии тот пощадил, а 17 невинных человек хаган забрал в рабы». В оригинале фраза выглядит так – δεκαεπτὰ τοῖς δούλους ὁ Χαγάνος ἐκούρασεν ἀναίτιους. = servos vero septemdecim premit innoxios. ἐκούρασεν (рукопись ἐκύρασεν) – форма аориста (= прошедшего времени совершенного вида = perfectum historicum) сред. - греч. глагола κουράζω ‘изнурять, утомлять’, ср. производные κουρασις, -εως ‘изнурение’, коураσμένος ‘изнуренный’. Латинский глагол, которым перевели в Акта Санкторум (Антверпен 1709) Perimo, premiti, preemptum, perege ‘изнурять, истощать, доводить до смерти, уничтожать, лишать жизни’ – очень точный, буквальный перевод. А. Ю. Виноградов и А. В. Комар эту форму глагола ошибочно отождествили с существительным ж. р. κουρά ‘стрижка, острижение (волос)’, соотносительным с глаголом κείρω ‘стричь (волосы)’, перен. ‘вырубать (лес)’, ‘истреблять (живность)’, формы аориста которого: ἔκευρα, эпич. ἔκευρα – очень далеки от той, что в тексте (подправлять нет возможности!). В этом, как и предыдущем «исправлениях» текста Жития, вероятно, прослеживается отсутствие филологической дисциплины у переводчиков.

¹⁴ В Амастриде покойного провожали как святого и мученика (Сорочан С. Б. *Византийский Херсон. Очерки истории и культуры*. – Ч. 2. – С. 1362. – Прим. 593).

¹⁵ Данный пассаж позволил В. Г. Васильевскому определить время составления Жития вторым периодом иконоборчества (Васильевский В. Г. *Житие Иоанна Готского*. – С. 426–427), с чем согласились и все последующие авторы (Васильев А. А. *Готы в Крыму // Известия государственной академии истории материальной культуры*. – М.-Л., 1927. – Вып. 5. – С. 201; Артамонов М. И. *История хазар*. – Спб, 2001. – С. 350; Ševčenko I. *Hagiography of the iconoclast period...* – P. 115; Huxley G. *On the Vita of John Gothia*. – P. 161; Auzepy M.-F. *Gothie et Crimée de 750 à 830 dans les sources ecclésiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ*. – Симферополь, 2000. – Вып. VII. – P. 324).

¹⁶ Huxley G. *On the Vita of John Gothia*. – P. 161.

¹⁷ Delehaye L. Propylaicum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. – Brussel, 1902. – Col. 771–774.

¹⁸ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского; Брун Ф. К. Черноморье. – Одесса, 1880. – Ч. II. – С. 51–52; Браун Ф. А. О крымских готах. – СПб., 1890. – С. 11–13; Кеплен П. И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб., 1837. – С. 65–67; Кулаковский Ю. А. К истории Готской епархии в Крыму в VIII в. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1898. – № 2; Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – Киев, 2002. – С. 147–149; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI–X веках. Памятники Христианского Херсонеса. – М., 1908. – Вып. 3. – С. 36; Васильев А. А. Готы в Крыму. – С. 201–210; Бабенчиков В. П. Из истории Крымской Готии // Известия Института истории материальной культуры. – М.-Л., 1935. – Вып. 117; Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. – МИА. – 1959. – № 63. – С. 41–43; Якобсон А. Л. Средневековый Крым. – М. – Л., 1964. – С. 31–32; Якобсон А. Л. Крым в средние века. – М., 1973. – С. 33; Артамонов М. И. История хазар. – С. – 349–358; Баранов И. А. О восстании Иоанна Готского // Феодалная Таврика. – Киев, – 1974; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period... – P. 115; Xuxley G. On the Vita of John Gotthia; Auzepy M. – F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. – P. 324; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1991. – Вып. 2; Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.; Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х. – Ф. Байера // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 2002. – Вып. IX; Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск, 2003. – Вып. XIII. – С. 266–273; Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. – Симферополь, 2005. – С. 30–32; Могаричев Ю. М., Шапошников А. К. К вопросу о времени создания «Жития Иоанна Готского» // Sacrum et profanum. – Севастополь, 2005. – Вып. 1; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – Симферополь, 1999. – С. 208–210; Байер Х. – Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. – Екатеринбург, 2001. – С. 47–54; Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – К. – Харьков – М., 2004; Сорочан С. Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск, 2004. – № 14; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – Ч. 1. – С. 504–537; Ч. 2. – С. 1345–1370; Науменко В. Е. Таврика у контексті византийсько-хазарських відносин: політико-адміністративний аспект: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – К., 2004. – С. 12; К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе в Нике и церковно-политической ситуации в Крымской Готии в конце VIII – начале IX в. и др.

¹⁹ Васильевский В. Г. Житие Стефана Нового // Труды. – СПб., 1912. – Т. 2. – Вып. 2. – С. 406.

²⁰ Васильевский В. Г. Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. – СПб., 1893. – Вып. 2; Васильевский В. Г. Введение в Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. – СПб., 1893. – Вып. 2; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period. – P. 121–125.

²¹ Васильевский В. Г. Введение в Житие св. Георгия Амастридского. – С. 27–35.

²² Соколов И. Избрание архиереев в Византии IX–XV в. // ВВ. – 1917. – Т. 22. – Вып. 3–4. – С. 244–252.

²³ Могаричев Ю. М. Крымская агиография как отражение изменений в политической и церковной структуре Таврики иконоборческого периода (к постановке проблемы). – С. 266–271; см. также: Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 350–351. – Прим. 523; Науменко В. Е. К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе ... – С. 135–136.

²⁴ Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.

²⁵ В. Е. Науменко вообще относит создание отдельной готской епархии «ближе к концу IX в.» (К вопросу о готском епископе... – С. 136). Данная гипотеза, как нам представляется, имеет право на существование. Однако это противоречит Житию Иоанна, составленному не позднее середины IX в., где о Готской епархии говорится как о реалии.

²⁶ Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 112–113.

²⁷ О политической составляющей этого вопроса см. Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 114–115.

- Сороочан С. Б. «Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. – Симферополь, 2003. – Вып. III. – С. 115–116.
- ²⁹ Сюзюмов М. Я. Византийский город: середина VII – середина IX в. // Византийские этюды. – Екатеринбург, 2002. – С. 117.
- ³⁰ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). – С. 15.
- ³¹ Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period. – P. 115.
- ³² Сороочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1346.
- ³³ Готия – название более распространенное в церковной литературной традиции; Климаты же – термин, используемый в официальных источниках VIII–IX вв. Впервые эту мысль высказал В. Юргевич. (Две печати, найденные в византийском Херсонесе в 1884 г. // ЗООИД. – 1886. – Т. XIV. – С. 5–10; См. также: Якобсон. Средневековый Херсонес. – МИА. 1950. – № 17. – С. 18) и позднее развил В. Е. Науменко (К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. – Симферополь, 1998. – Вып. 6. – С. 693–696).
- ³⁴ Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. – 1939. – № 4. – С. 349–350.
- ³⁵ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. – М., 1980. – С. 62–65, 69.
- ³⁶ Там же. – С. 163–165.
- ³⁷ Васильев А. А. Готы в Крыму. – С. 188.
- ³⁸ Там же. – 217–218; Байер Х. – Ф. Указ. соч. – С. 70–72.
- ³⁹ Тавроскифы или скифотавры – термин, который появился во II в. н.э. и иногда применялся для обозначения населения позднескифского царства. Он продолжал использоваться и в средние века как для обозначения населения Крыма, так и иных народов. – См: Храпунов И. Н. Древняя история Крыма. – Симферополь, 2005. – С. 263; Сороочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1346. – Прим. 505.
- ⁴⁰ Прокопий Кесарийский. Война с Готами. – М., 1996. – С. 24.
- ⁴¹ Kitchin G. W. Catalogus codicum mss. qui in bibliotheca Aedis Christi apud Oxonienses adservantur, 1867. – P. 1–7: ms. n° 2.
- ⁴² Delehaye H. Propylaeum ad Acta sanctorum. Novembris. Synaxarium eccl. Constantinopolitanae e Codice Sirmondiano. – Col. XLI–XLII. Под обозначением Md.
- ⁴³ Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford // Analecta Bollandiana. – Bruxelles, 1948. – Т. 66. – P. 59–83.
- ⁴⁴ Lefort M. Album palaeographicum codicum graecorum. – Louvain, 1932.
- ⁴⁵ Halkin F. Le Synaxaire grec de Crist Church a Oxford. – P. 80–81.
- ⁴⁶ Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (начало) // ВВ. – СПб., 1911. – Т. XVII. – Вып. 1–4 (1910). – С. 166; Рудаков А. П. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. – СПб., 1997. – С. 246; Ševčenko I. Hagiography of the iconoclast period. – P. 116.
- ⁴⁷ Творения святого отца нашего преподобного Феодора Студита, переведенные с греческого языка. – СПб., 1867. – Ч. 1. – С. 23; Сороочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1378.
- ⁴⁸ Сюзюмов М. Я. Первый период иконоборчества // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 62–63.
- ⁴⁹ Успенский Ф. И. История Византийской империи. – М., 1996. – Т. 1. – С. 655.
- ⁵⁰ Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). – М., 1997. – С. 14, 36.
- ⁵¹ Васильевский 1893б, Васильевский В. Г. Введение в Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. – СПб, 1893. – Вып. 2. – С. LXIII; Лопарев Х. Византийские Жития святых VIII–IX вв. (продолжение). – С. 19.
- ⁵² Дашков С. Б. Императоры Византии. – М., 1996. – С. 140–141.
- ⁵³ Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847) ... – С. 40.
- ⁵⁴ Сюзюмов М. Я. Первый период иконоборчества. – С. 66–67; Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). – С. 42–54.
- ⁵⁵ Сазанов А. В., Могаичев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск, 2003. – № 12; Сазанов А. В., Могаичев Ю. М. Крым и Хазарский каганат в первой половине – середине VIII в. // Россия. – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004; Могаичев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. – Симферополь, 2005. – С. 28; Крым в «византийский» период // Сборник Русского исторического общества. – М., 2006. – № 10 (158). – С. 41–44.
- ⁵⁶ См., напр.: Герцен А. Г. Дорос – Феодоро (Мангуп): от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Античная древность и средние века. – Екатеринбург, 2003. – Вып. 34; Васильев А. А. Готы в Крыму... – С. 189.

⁵⁷ Алексеевко Н. А. Новые находки печатей представителей городского управления Херсона // МАИЭТ. – Симферополь, 1996. – Вып. 5; Алексеевко Н. А. Имперская администрация на византийско-хазарском пограничье в Таврике: печати киров Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. – Керчь, 2004; Отличную от Н. А. Алексеевко точку зрения об интерпретации киров Херсона высказал С. Б. Сорочан («Carceris habitatores»? Положение Херсона во второй половине IX в. // Боспорские исследования. – Симферополь, 2003. – Вып. III. – С. 306; Еще раз об кирях византийского Херсона // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2006).

⁵⁸ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 115. Недавно С. Б. Сорочан предложил считать датой восстания период между неудавшимся собором 786 г. и Никейским собором 787 г. (Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике // Хазарский альманах. – К. Харьков – М., 2004. – С. 79; Сорочан С. Б. Рождение фемы. Херсон и Таврика в системе византийских военно-административных преобразований VIII–IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск, 2004. – № 14. – С. 344). Однако если следовать тексту источника, то повествование об этих соборах ограничивается одним логически связанным пассажем, поэтому текст не дает никаких оснований «впихивать» восстание между этими событиями. Исследователь, несомненно, прав, указывая, что сообщения о конфликте в Готии в Житии следуют за отрывком о восстановлении иконопочитания. Однако, учитывая, что полного варианта Жития мы не знаем, а в различных списках события освещаются не всегда в одной последовательности, мы считаем, что пересматривать наши выводы пока преждевременно.

⁵⁹ Если окажется верным чтение и датировка недавно опубликованной А. Ю. Виноградовым и А. В. Комаром ранее неизвестной строительной надписи из Юго-Западного Крыма (Институт тудуна и хазары ... С. – 42–47), то это будет являться подтверждением наших выводов.

⁶⁰ Репников Н. И. Эски-Кермен в свете археологических разведок 1928–1929 гг. // Известия Государственной академии истории материальной культуры. – Л., 1932. – Т. XII. – С. 140; Веймарн Е. В. Оборонительные сооружения Эски-кермена // История и археология средневекового Крыма. – М., 1958. – С. 25–26; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. – К., 1990. – С. 151–152.

⁶¹ Айбабин А. И. Основные этапы истории городища Эски-Кермен // МАИЭТ. – Симферополь, 1991. – Вып. 2. – С. 47; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. – С. 210.

⁶² Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. – Симферополь, 1993. – С. 61–62.

⁶³ Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 115.

⁶⁴ Васильев А. А. Готы в Крыму. – С. 217–218.

⁶⁵ Там же. – С. 218.

⁶⁶ Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск, 2002. – Вып. XII. – С. 547; Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1374–1375.

⁶⁷ Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. – С. 548.

⁶⁸ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. – СПб., 2001. – С. 341.

⁶⁹ При этом мы не склонны преувеличивать роль Иоанна в восстановлении иконопочитания, как об этом сообщает Житие. Отмеченная источником инициатива готского епископа в созыве антииконоборческого собора в Иерусалиме, иконопочитательская агитация в Константинополе – не более чем литературный прием агиографа (скорее всего не составителя первоначальной редакции, а редактора из Амастриды – см. далее), «обосновывавшего» причины канонизации Иоанна Готского.

⁷⁰ Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. О возникновении Готской епархии в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1991. – Вып. 2. – С. 121; Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. – С. 114–115.

⁷¹ Ševženko I. Hagiography of the iconoclast period.

⁷² Auzepy M. – F. Gothie et Crimee de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques. – P. 324.

⁷³ Ševženko I. Hagiography of the iconoclast period. – P. 121–123.

⁷⁴ Иванов С. А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары. Второй Международный коллоквиум. – М., 2000; Древнеармянское Житие Стефана Сурожского и хазары // Хазары, евреи и славяне. – Иерусалим – М., 2005. – Т. 16.

⁷⁵ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1370.

- ⁷⁶ Виноградов А. Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблема источниковедения // Древнейшее государство Восточной Европы 1996–1997. – М., 1999. – С. 358.
- ⁷⁷ Васильевский В. Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян // Труды. – СПб., 1909. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 266.
- ⁷⁸ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. – 1370. – Прим. 644.
- ⁷⁹ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. – С. 400.
- ⁸⁰ Никитский А. Указ. соч. – С. 33.
- ⁸¹ Сюзюмов М. Я. Второй период иконоборчества // История Византии. – М., 1967. – Т. 2. – С. 73.
- ⁸² Там же. – С. 78–79.
- ⁸³ Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). – С. 99.
- ⁸⁴ Афиногенов Д. Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). – С. 85–115; Афиногенов Д. Е. Патриаршество св. Мефодия I (843–847): борьба за преемственность в Византийской церкви // Византийский временник. – 1997. – № 57 (82); Лебедев А. П. Очерки внутренней истории Византийско-восточной церкви. – СПб., 1998. – С. 71–74.
- ⁸⁵ Ševženko I. Hagiography of the iconoclast period. – P. 122.
- ⁸⁶ Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. – Симферополь, 1997. – Вып. 1. – С. 320; Дагрон Ж. Двуликий Крым // МАИЭТ. – Симферополь, 2000. – Вып. VII. – С. 297–298; Айбабин А. И. Этническая история. – 1999. – С. 215–216.
- ⁸⁷ Справедливости ради отметим, что не все исследователи считают „венгерскую угрозу“ причиной создания фемы.
- ⁸⁸ Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – Симферополь, 1998. – Т. 6. – С. 678.
- ⁸⁹ Сказания о начале славянской письменности. – М., 1981. – С. 78; Подр. см.: Могаричев Ю. М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2002. – № 4 (152); Могаричев Ю. М. О степени достоверности одного сюжета Жития Константина Философа // Археология. – 2004. – № 3.
- ⁹⁰ С. Б. Сорочан предполагает, что он был одним из местных хорепископов (Сорочан С. Б. «Дело» епископа Иоанна Готского в связи с историей византино-хазарских отношений в Таврике. – С. 78. В. Е. Науменко считает, что христиане Готии подчинялись непосредственно местному пресвитеру, хотя и не исключает существование здесь хорепископии (К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе... – С. 135). К сожалению, вопрос о времени функционирования института хорепископов еще недостаточно разработан в византиноведении. А. П. Лебедев считал, что он прекратил свое существование после IV в. (Духовенство древней вселенской церкви от времен апостольских до X века. – СПб., 1997. – С. 15), В. Е. Науменко отмечает, что «хорепископии как особые церковно-административные единицы сохраняются в восточно-христианской церкви, по крайней мере до второй половины XII в (Указ. соч., – С. 135). По крайней мере, надо думать, в составе Херсонской епархии должна была существовать какая-то особая церковноадминистративная единица, обслуживавшая нужды христиан Готии. Однако, в любом случае, в рассматриваемый период это была не самостоятельная автокефальная епархия.
- ⁹¹ Деяния Вселенских соборов. – Казань, 1873. – Т. 7. – С. 65, 369, 385.
- ⁹² Более подробно см. Герцен А. Г.; Могаричев Ю. М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в.
- ⁹³ Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского. – С. 420.
- ⁹⁴ Латышев В. В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. – СПб., 1896. – С. 77–79; Репников Н. И. Парthenитская базилика // Известия Императорской археологической комиссии. – СПб., 1909. – Вып. 32.
- ⁹⁵ Завадская И. А. К вопросу о раннем периоде Парthenитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре. – Севастополь, 2004.
- ⁹⁶ Лысенко А. В., Тесленко И. Б. Античные и средневековые памятники горы Аю-Даг // Алушта и Алуштинский регион с древних времен до наших дней. – К., 2002. – С. 84–85.
- ⁹⁷ Адаксина С. Б. Монастырский комплекс X–XVI веков на горе Аю-Даг. – СПб., 2002. – С. 28; Адаксина С. Б. Еще раз о христианизации Крыма // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – Ч. 2. – С. 169–171.
- ⁹⁸ См. Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Ч. 2. – С. 1408–1446; Уханова Е. В. Обретение мощей св. Климента, папы Римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // Византийский временник. – 2000. – Т. 59.

⁹⁹ В. Юргевич (Свинцовые печати, принадлежащие музею общества // ЗООИД. – 1889. – Т. 14. – С. 46), В. Лоран (Le Corpus des sceaux de l'empire byzantin. – P. 1963. – V. 1. – P. 669) и В. Е. Науменко (К вопросу о готском епископе на VII Вселенском соборе ... – С. 133) на основании двух моливдовулов, очевидно X–XI вв., принадлежавших «Иоанну, архиепископу Готии», сделали вывод о невозможности соотнесения Иоанна Готского с Иоанном Исповедником партенитской надписи. В связи с этим позволим заметить следующее. 1. Имя Иоанн настолько распространено в христианской традиции, что присутствие среди готских иерархов нескольких лиц с таким именем вполне естественно. Особенно, учитывая, что в агиографической традиции Готская епархия во многом связывалась именно с Иоанном Готским. 2. Место погребения Иоанна Готского отождествляется именно с Партенитом и именно с монастырем св. Апостолов. 3. Иного готского (крымского) святого с именем Иоанн в агиографической традиции не сохранилось. 4. Иоанн Готский действительно был исповедником. «Исповедник – название тех лиц, которые во время гонений на христиан, открыто объявив себя христианами и претерпев мучения, остались в живых» (Христианство. Энциклопедический словарь. – М., 1993. – Т. 1. – С. 653). Таким образом, митрополит Дамиан возобновлял храм, связанный, как ему представлялось, именно с Иоанном Готским. А обозначение готского иерарха «архиепископом Феодоро» вместо «епископа Дороса» вполне объясняется влиянием реалий 1427 г. и стремлением быть понятным современникам.

О ХАРАКТЕРЕ БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИХ ВОЙН

В. В. Пенской

29 июля 1014 г. в Петричском ущелье, что у горы Беласица в Родопах, встретились в решающем сражении две армии – болгарская, которой руководил царь Самуил, по словам византийского писателя и стратега Кекавмена, «опытнейший в стратегии»¹, и византийская, под предводительством императора Василия II. Болгары занимали сильную и к тому же укрепленную засеками позицию, взять которую лобовым ударом было крайне сложно, если вообще возможно. После серии безуспешных атак Василий по совету стратега Никифора Ксифия отправил в обход болгарских позиций отряд воинов, одновременно продолжая атаки с фронта. Обойденные с тыла и оказавшиеся между двух огней, болгарские воины растерялись и бросились в бегство, избиваемые византийцами. В плен попало от 14 до 15 тыс. воинов Самуила, которых ожидала страшная участь – по приказу императора почти все они были ослеплены. На каждую сотню слепцов он повелел оставить одного пленника, который лишился бы только одного глаза – как поводыря, после чего несчастные были отправлены домой как символ великой победы византийцев, своего рода «трофей», воздвигавшийся в древности победителем на месте своей победы. Безжалостная расправа, учиненная над пленниками, принесла императору прозвище «Болгарубийца» и решила исход продолжавшейся почти 40 лет войны Болгарии и Империи. Спустя два года сопротивление болгар было сломлено, и Первое Болгарское царство прекратило свое существование как независимое государство.

Чрезвычайная жестокость, проявленная Василием по отношению к пленникам, имеет немного аналогов в византийской истории. В поисках подобных примеров на ум сразу приходит похожий случай 1043 г., когда после поражения под стенами Константинополя выброшенные на берег бурей 6000 русских воинов во главе с воеводой Вышатай попытались пробиться на родину, но были разбиты. 800 из них попали в плен и большинство также было подвергнуто ослеплению². Подобное отношение к пленникам более подобало варварам, чем просвещенным византийцам. Ведь еще Дионисий Галикарнасский отмечал, что «эллинство» и «варварство» – это скорее состояние души, нежели фактор, определяемый происхождением или проживанием: «**Эллины отличаются от варваров** не по имени и не из-за языка, но умом и выбором в пользу достойного образа жизни, а **более всего тем, что не совершают в отношении друг друга беззаконий, противоречащих человеческой природе** (выделено нами – П. В.). Поэтому, у кого в характере преобладали эти качества, тех, я полагаю, следует называть эллинами, а у кого противоположные – варварами. Также их благоразумные и человеколюбивые мысли и поступки я считаю эллинскими, а жестокие и дикие, в особенности если они затрагивают родственников и друзей, – варварскими».³ Но ведь поступок Василия, казалось бы, иначе, как жестоким и диким, назвать нельзя, тем более что и применено

злепление было не к варварам, но к христианам, таким же православным, как и сами византийцы, людям одной и той же веры и близких по духу и культуре, возносящих хвалу одному и тому же Богу, который к тому сотворил их по своему подобию, как и самих ромеев. Изувечив пленных, император поступил также и против заповедей Христовых, который в своей Нагорной проповеди призывал к милосердию даже к врагам и подчеркивал: «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какой мерой мерите, такую и вам будут мерить... Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки...».⁴

В чем же причина того, что византийский император, который по своему положению должен был быть образцовым христианином, поступил в точности до наоборот заповедям Христовым? Почему войны между византийцами и болгарам, народами уже давно единоверными и в известной степени единокровными (в жилах и греков, и болгар текла немалая доля славянской крови) имели столь ожесточенный характер даже для того времени? Очевидно, для того, чтобы разобраться в причинах той беспощадности и немилосердности, с которой Василий расправился с пленными, необходимо совершить экскурс в историю проблемы войны и мира, как она воспринималась византийцами.

Хорошо известно, что первохристиане отрицательно относились к пролитию крови и к войне в целом. Они полагали, что служение Христу превышает любого мирского служения, в том числе и военного. Военная служба как сопряженная с убийством, пролитием крови, была несовместима с христианским вероучением. Как отмечал французский историк Ж. Флори, «... в первые века христианства война считалась абсолютным злом. На насилии христианин должен был отвечать ненасилием по примеру Христа...».⁵ Воздавая Богу Богово, а кесарю кесарево, первые христиане категорически отказывались служить в войске, полагая себя «воинами христовыми».

Так, Тертуллиан доказывал, что военная служба императору несовместима со служением Богу. В своем сочинении «Об идолопоклонстве» Тертуллиан спрашивал: «... Может ли христианин поступать на военную службу и допустимо ли даже простого воина, которому не обязательно совершать жертвоприношения и произносить приговоры, принимать в христианскую веру?..». И тут же отвечал на этот вопрос: «... Не согласуется Божья присяга с человеческой, знак Христа – со знаком дьявола, воинство света – с войском тьмы. Нельзя, имея одну душу, обязываться двоим – Богу и цезарю. Если есть желание пошутить, то можно сказать, что и Моисей носил жезл, а Аарон – застёжку, что Иоанн был препоясан, а Иисус Навин водил войско в бой, и вообще весь народ Божий сражался на войне. Вопрос состоит в том, как человек этот будет сражаться, то есть я хотел сказать, каким образом будет он нести службу во время мира, без меча, который отобрал у него Господь? Ибо хоть к Иоанну и приходили солдаты, и приняли они некую форму благочестия, а центурион так даже уверовал, но всю последующую воинскую службу Господь упразднил, разоружив Петра. Нам не разрешено никакое состояние, служба в котором будет направлена на непозволительное для нас дело».⁶

О том, что христианин не может быть воином, говорит и 16-й канон «Апостольского предания», приписываемый Ипполиту Римскому: «Оглашаемый или христианин, желающие стать воинами, да будут отвержены, потому что они презрели Бога». Примером такого отношения к службе со стороны первых христиан может считаться житие святого Мартина в изложении

Империция Севера Мартин отказался обнажить свое оружие против варваров, заявив, что «До сих пор я служил тебе (императору – П. В.), теперь же хочу стать воином Божиим. Дар твой пусть возьмет идущий в битву, я же воин Христов: мне сражаться не должно»⁷.

Однако на протяжении IV в., по мере того, как христианство из гонимой религии превратилось в единственный официальный культ Империи, отношение христианских писателей и богословов к войне постепенно изменилось. Военная служба и пролитие крови по-прежнему считались злом, но уже меньшим злом, чем ранее. Кому-то нужно было защищать христианскую Империю от набегов варваров, тем более что в христианской литературе им придавались демонические черты⁸. Поэтому однозначное отвержение военной службы сменяется сперва на терпимое, а затем и вовсе оправдывается как вполне законное и в известной степени богоугодное дело при соблюдении некоторых правил. Узаконение военной службы для христиан прослеживается как в имперском, так и в церковном законодательстве. В частности, в 416 г. император Феодосий II издал декрет, согласно которому в армии могли служить только лишь христиане, а язычники должны были покинуть ее ряды (! – П. В.). Еще раньше св. Афанасий Великий, архиепископ Александрийский, указывал, что «...не позволительно убивати, но убивати врагов на поле брани и законно, и похвалы достойно. Тако великих почестей сподобляются доблестные на брани, и воздвигаются им столпы, возвещающие превосходные их деяния...»⁹. В том же духе писал и Аврелий Августин, отмечавший, что, хотя Господь и заповедал «Не убий», тем не менее «... тот же самый божественный авторитет допускает и некоторые исключения из запрета убивать человека. Но это относится к тем случаям, когда повелевает убивать сам Бог, или через закон, или же особым относительно того или иного лица распоряжением. В этом случае не тот убивает, кто обязан служить повелевшему, как и меч служит орудием тому, кто им пользуется. И поэтому заповеди «не убивай» отнюдь не преступают те, которые ведут войны по велению Божию или, будучи в силу Его законов, т. е. в силу самого разумного и справедливого распоряжения, представителями общественной власти, наказывают злодеев смертью (выделено нами – П. В.)...»¹⁰. Более того, Августин выдвигает идею войны справедливой, возникающей как ответ на допущенную несправедливость, как «...необходимость охраны собственного благосостояния и свободы»¹¹.

Мнение Августина поддержал на Востоке Исидор Пелусиотский. В своих посланиях он неоднократно подчеркивал, что долг воина заключается не в том, чтобы блистать оружием или скрываться от службы, подкупив военачальников, а, напротив, сражаться с варварами – врагами римлян, а, значит, христиан. Обращаясь к некоему воину Туве, Исидор писал: «...Если нравится тебе воинственный вид и желаешь себе победных провозглашений и памятников, то иди в стан сражающихся с варварами»¹². И хотя, следуя прежней традиции, Исидор в письме грамматику Офелию делал характерную оговорку («...Если убийство в другом случае непозволительно, но война не есть дело ненавистное, то почему, спрашивал ты, Моисей возвратившихся с войны отсылал за стан, чтобы они очистились? Посему отвечаю: хотя умерщвление неприятелей на войнах кажется делом законным и победителям воздвигаются памятники, возвещающие их заслуги, однако же, если рассмотреть тесное сродство между всеми людьми, то и оно не невинно. Потому Моисей предписал и тому, кто убил человека на войне, очищения и кропления»¹³), он также четко различал войны справедливые и междуусобные. К первым он относил войны с варварами, нарушающими мир и спокойствие в пределах Империи¹⁴.

Таким образом, уже в V в. отношение к войне изменилось самым радикальным образом. Прежнее ее отрицание как противного Божественным заповедям дела сменилось, по меньшей мере, на признание ее как меньшего зла, которое нужно терпеть во избежание еще большего зла. Более того, войны были разделены на справедливые, оборонительные против варваров, и междуусобные, внутренние или же те, которые ведутся ради корысти и славы. Первые признавались законными и в определенной степени богоугодными. Дело облегчалось еще и тем, что прежде единая христианская община окончательно разделилась на мирян и клириков. Для последних участие в боевых действиях и пролитие крови стало «табу», и это требование стало законом после того, как участие клириков в войне было запрещено каноническим правом. Еще в «Правилах святых апостолов» было указано, что «епископ, или пресвитер, или диакон, в воинском деле упражняющийся и хотящий удержати оное, то есть, римское начальство и священническую должность: да будет извержен из священнаго чина...»¹⁵. Это предписание было подтверждено в 7-м правиле IV Вселенского собора (451)¹⁶. Даже простое пребывание клирика в военном лагере считалось нежелательным, о чем говорило 7-е и 8-е правила Сардикийского собора (342–343)¹⁷. Тем самым клирики были отделены от мирян, которым проливать кровь на войне дозволялось.

Таким образом, запрет на пролитие крови был обойден, и война стала вполне легитимным делом при условии, что она ведется за правое дело. Вопрос теперь упирался в то, что именно считать правым делом. На первых порах, когда Империи противостоял мир варваров – полуживотных-полулюдей, демонов в человеческом обличье, проблема разрешалась достаточно легко. «Мы», христиане, и «Они», варвары-язычники, противостояли друг другу, и всякая война против последних могла полагаться вполне оправданной. Сами победы имперских войск над нестройными толпами варваров могли считаться признаком того, что сам Господь на стороне Империи¹⁸. Не слишком изменилась ситуация и тогда, когда часть варваров крестилась. Да, они стали христианами, но приняли арианский символ веры, и к более чем прохладным отношениям между варварами и подданными Империи как разными народами присоединились еще и религиозные противоречия. Однако в начале XI в. болгары уже давно были христианами, и христианами православными, вполне ортодоксальными, и так как «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос...»¹⁹, то как смогла считаться война против такого же православного народа справедливой и законной, богоугодной?

Ответ нужно, очевидно, искать в другой плоскости. Для начала отметим, что для мировоззрения византийского общества был характерен чрезвычайный традиционализм и консерватизм. Как отмечал российский византист А. П. Каждан, для византийцев «...мир не просто тварь, но и раскрытие Божества, мир – божествен... Мир соответствует мудрости бога, всякое осуждение порядков мироздания – богохульство. Поскольку мир божествен, мысль о преобразовании его кажется христианину противоестественной. Христианская космология как бы становится оправданием византийского хозяйственного и политического традиционализма: все должно оставаться таким, каким вышло из рук творца, завтрашний день должен лишь повторять, лишь воспроизводить сегодняшний (выделено нами – П. В.)...». Таким образом, традиция в византийской ментальности носила ярко выраженный сакральный характер, «...традиция понималась здесь как бо-

гооткровенная, как восходящая к высшему знанию»²⁰. Потому-то она и должна была оставаться неизменной, даже несмотря на все перемены, происходящие вокруг византийского мира. В конце концов все мирское было переходящим, тогда Царство Божие – вечным.

Итак, в основе византийского государства лежало точное следование традиции, понимавшейся как приобщение к высшему знанию, Истине. Основы этой традиции были сформированы на закате существования Римской империи, в эпоху домината. Воспринимая свое государство как продолжение Римской империи, византийцы автоматически помещали его в центр Вселенной, обитаемого мира, т.е. населенного христианами²¹. Такое восприятие Византии было вполне естественным, если учесть то обстоятельство, что византийцы полагали свое государство как универсальное, мироустроительное. «Византиноцентризм» стал одним из краеугольных камней византийской религиозно-политической доктрины, и чувство «срединности» своего государства не покидало ромеев до самого конца существования своего государства²². Ни одно другое государство, с точки зрения византийцев, не могло претендовать на равный статус с Империей. Она могла быть только одна, и только одна. Все прочие государства, в отличие от Византии, носили эфемерный, временный, нелегитимный характер, особенно те, что образовались в пределах прежнего *Rex Romana*. Именно поэтому, к примеру, Иоанн Киннам, византийский историк XII в., категорически отказывал германским королям в признании за ними императорского титула, а Никифор Григора выводил основы государственности всевозможных варваров из их прежней подчиненности «ветхому» Риму²³. И не важно, что это было далеко не так, важно, что сами византийцы были в этом убеждены и постоянно подчеркивали это в отношениях с другими государствами и народами²⁴.

Византиноцентризм был неразрывно связан, точнее, был прямым следствием, воспринятой византийцами разработанной в эллинистическом мире и усовершенствованной христианскими писателями идеи «божественного царства». В византийской идеологии не только сохранилось, но и получило дальнейшее развитие античное понимание Империи как единственного «мира», обжитой вселенной (οἰκουμένη), населенной людьми, за пределами которой есть лишь мир «потусторонний», населенный «не-людьми»²⁵. Поэтому вполне естественным было восприятие византийскими книжниками и философами империи как не обычного государства, а *Imperium Romanum Christianum*, империи христианской, богохранимой, исполнительницы божественных предначертаний и «Града земного» – земного подобия «Града небесного»²⁶.

Эта идея, трансформировавшаяся в эпоху поздней Римской империи в концепцию «богоизбранного государства», определяла отношение византийцев и к самой Империи, и к окрестным народам. Отсчитывая свою историю от равноапостольного императора Константина²⁷, «...византийцы верили, что политическое устройство мира являлось частью всеобщего божественного замысла и было тесно связано с историей спасения человечества». «Подобно тому, – писал британский византолог Д. Оболенский, – как единая структура Римской империи провиденциально подготавливала путь для победоносного наступления христианской веры, избранный народ ромеев в свою очередь тоже был предназначен императором Константином на служение Христу, чтобы... нести всем народам земли учение Евангелия»²⁸.

Отнюдь не случайно Феодор Студит писал в 821 г. императору Михаилу: «По справедливости, в настоящее время из уст всех гонимых с особенной силой должна возноситься хвала, во-первых, Царю всех Христу, а затем и

Вашей **Богоизбранной** державе (выделено нами – П. В.), благодаря которой мы, связанные, получили разрешение, содержимые под стражей – отпущение, угнетенные – утешение, израненные – исцеление, осужденные – свободу, изгнанные – возвращение»²⁹. Георгий же Акрополит прямо называет подданных РOMEЙСКОЙ державы «христоименитым народом»³⁰. Поэтому вполне естественным выглядит именование Константинополя как новым Иерусалимом, а Византии – новым Израилем, землей богоизбранного народа.

В этом убеждении, что именно византийцы были избраны Господом и должны были стоять во главе всех остальных народов, шествующих по пути к спасению, не было ничего необычного. В свое время апостол Павел писал: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, **каждый в своем порядке** (выделено нами – П. В.): первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его»³¹. Трактуя же это изречение апостола, Тертуллиан указывал, что порядок этот определялся заслугами³². Но в таком случае, у кого перед Господом заслуг больше, как не у византийцев? Где, как не в Римской империи, установившей свою власть над всей средиземноморской Ойкуменой, явился Христос? Кто, как не «империя ромеев» могла по праву претендовать на звание христианской империи – государства христиан и для христиан? И византийцы всегда помнили об этом – рождественская стихира, приписываемая жившей в IX в. монахине Кассии, не давала им забыть об этом:

Августу единоначальствующу на земли,
многочначалие человекв преста;
И Тебе вочеловечшуся от Чистыя,
многобожие идолов упразднися,
Под едином царством мирским гради быша,
И во едино владычество Божества языцы вероваша.
Написашася людие повелением кесаревым,
Написахомся вернии именем Божества,
Тебе вочеловечшагося Бога нашего.
Велия Твоя милость, Господи, слава Тебе!

Понятие иерархии вошло в плоть и кровь византийского общества с самых ранних времен его существования. Так, Григорий Назианзин в одном из своих посланий восклицал, обращаясь к прихожанам: «Овцы, не пасите пастырей и не выступайте из своих пределов, для вас довольно, если вы на доброй пажити. Не судите судей, не предписывайте законов законодателям... Поэтому **да не замышляет стать головой, кто с трудом служит рукой или ногой, или другим еще менее важным членом тела, напротив, братья, каждый оставайся в том звании, в котором призван** (1 Кор. 7, 20), хотя бы и достоин был высшего, Довольствоваться настоящим — гораздо похвальнее, нежели домогаться звания, какого не получил. Кому можно без опасности следовать за другим, тот не желай начальствовать с опасностью для себя. **Да не нарушается закон подчинения, которым держится и земное и небесное, чтобы через многоначалие не дойти до безначалия** (выделено нами – П. В.)...»³³. Не менее важным в глазах византийцев была и другая мысль, высказанная Дионисием Ареопагитом: «Иерархия, по моему мнению, есть священный чин, знание и деятельность, по возможности, уподобляющаяся Божественной красоте, и при озарении, сообщаемом ей свыше, направляющаяся к возможному Богоподражанию...», и, продолжая свою мысль, указывал: «...Цель Иерархии есть возможное уподобление Богу и соединение с Ним (выделено нами – П. В.)...»³⁴.

Понятие иерархии, таким образом, являлось одной из важнейших составных частей византийской религиозно-политической доктрины – представления о «ταξίς» (мировом порядке) и «οὐκονομία» (устройстве мирового порядка наилучшим образом). Небесный порядок признавался образцом для порядка земного, а византийское государственное устройство – наиболее приближенным к небесному и, следовательно, близким к идеалу. В «Книге Эпарха», кратком юридическом кодексе империи X в., по этому поводу говорилось следующее: «Бог, создавший распорядок всему сущему на свете и сплотивший все благоустройством, начертавший перстом своим на скрижалях закон, провозгласил совершенно ясно, чтобы род человеческий, им благоустроенный, не пытался обижать безнаказанно друг друга, чтобы более сильный не наносил ущерба более слабому, но чтобы все расценивалось справедливой мерой».³⁵ Естественно, что именно богоизбранный народ, «новый Израиль» имел самый справедливый и правильный порядок и устройство, заповеданные ему самим Господом. Значимость Империи как образцового, идеального государства была тем большей, что, как отмечал А. Тойнби, «... универсальное государство устанавливается основоположниками и воспринимается поданными как панацея от бед смутного времени. Изначальное предназначение этого учреждения – установить и затем поддерживать всеобщее согласие»³⁶.

Таким образом, для византийцев Империя была не просто государством, но подлинной Вселенной, подобием Царства Небесного на земле, идеальной религиозно-политической структурой, призванной способствовать установлению истинного, справедливого мирового порядка и устройства как гаранта конечного спасения человечества. И потому для варвара не могло быть ничего лучше, как оказаться под властью Империи и принять православие, ибо тем самым он включался в круг избранных, в «общину верных», стать «своим».

Встать на путь цивилизации, войти в круг «своих» для варвара, с точки зрения византийской элиты означало сперва принять христианство из рук императора, тем самым признав духовное преемство и подчинение младшего старшему, а затем, если на то будет воля Господа, – вслед за духовным подчинением через православие и христианскую культуру должен был наступить черед политического подчинения. Признание духовной и в перспективе политической власти единственного легитимного земного правителя, что восседает на золотом троне в Константинополе давало варварам шанс на включение в установленный Богом идеальный мировой порядок. Тем самым варвар не только переставал быть таковым, теряя свои варварские черты, но и включался в семью христианских народов, которые во главе с ромеями, богоизбранным народом, двигаются к спасению.

Однако если варвары пытались посягнуть на этот порядок, на установленную Богом гармонию, присвоить себе несвойственный статус, изменить установленный Богом порядок, стать легитимными независимо от II Рима, встать в земной иерархии не то чтобы выше, но даже вровень с ромеями, – это вызывало крайне негативную реакцию византийцев. Что франки, что германцы, болгары или сербы, пытавшиеся позиционировать свое государство даже не как Империю, но просто в качестве некоего независимого от Константинополя политического и духовного образования, – все это воспринималось византийцами даже не как самозванство, а, что еще хуже, как богохульство и святотатство³⁷. И поскольку император, как наместник Бога на земле, был обязан поддерживать установленный Господом идеальный миропорядок, он должен был покарать нарушителей всеми доступными ему способами – в этом заключался его долг перед Империей и перед Вседержителем.

Эта задача, стоявшая перед императором, была твердо усвоена как предшественниками Константина на престоле Империи, так и апологетами императорской власти. Лев III Исавр в своей «Эклогге» предписывал своим подданным соблюдать данный Господом закон, «... который определил то, что следует делать, и то, чего следует избегать, а также и то, что надлежит избирать как содействующее спасению и чего следует остерегаться как влекущего наказание...». Наказание же за нарушение этого установленного Господом единого закона император возлагал на себя, поскольку, писал далее Лев III, сам Господь вручил ему пасти, подобно апостолу Петру, «послушное стадо»³⁸. Эта же идея хорошо прослеживается и в «Книге Эпарха». Здесь его составители также однозначно указывали на то, что существующий порядок был определен самим Господом и император, составляя законы, преследует тем самым цель сохранения этого идеального мироустройства³⁹. Наказать нарушителей идеального, установленного Богом мирового порядка, восстановить мир и порядок в пределах Империи было долгом любого императора. И в этом случае он выступал уже не просто как человек или правитель земного государства, а как орудие Бога, «... **Божий слуга, отмститель в наказании делающему злое** (выделено нами – П. В.)...»⁴⁰.

Таким образом, болгары, с точки зрения византийцев, представляли не просто как мятежники. Они выступали не против императора и Империи. Они поднимали оружие против Империи и Императора, этих земных подобий Царства Небесного и самого Господа, восставали против установленного Богом идеального мирового порядка и устройства, нарушителями божественной гармонии, жиддившейся на соразмерности и иерархии членов того духовно-политического организма, каким являлось, по мысли византийских книжников, Царство, основанное равноапостольным императором Константином. Восставая против императора, болгары тем самым отрицали самого Бога, отказывались повиноваться ему, впадая в грех гордыни, святотатствуя и богохульствуя. Отвергая Божественный закон, болгары тем самым как бы ставили себя вне закона, а война против них приобретала характер войны не просто справедливой, а войны священной, своего рода крестового похода, направленного на восстановление мировой гармонии и порядка. Естественно, что в этих условиях война приобретала особенно жестокий и непримиримый характер. Компромисса в таком конфликте быть не могло, и конечная цель, победа, фактически оправдывала использование любых средств, тем более что положительный результат позволял списать все – если мы одержали победу, значит, Господь на нашей стороне, и то, что мы совершили, совершенно по его воле и не может считаться преступлением.

¹ Кекавмен. Советы и рассказы. – СПб., 2003. – С. 169.

² ПВЛ. – СПб., 1999. – С. 67; Ипатьевская летопись // Русские летописи. – Т. 11. – Рязань, 2001. – С. 108; ПСРЛ. – Т. IV. – Ч. 1. – М., 2000. – С. 115. Ряд более поздних арабских авторов сообщает, что пленникам были отрублены правые руки (См.: Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII вв.). – СПб., 2000. – С. 253).

³ Дионисий Галикарнасский. Римские древности. XIV. VI. 5–6

⁴ Мф 5, 5, 6, 9, 24–25, 44–47; 6, 14–15; 7, 1–2, 12.

⁵ Флори Ж. Идеология меча. – СПб., 1999. – С. 44.

⁶ Тертуллиан. Об идолопоклонстве. 19.

⁷ Сульпиций Север. Житие святого Мартина епископа и исповедника. IV. 3.

⁸ См., например: Евсевий Кесарийский. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования. 6–7.

9 Писания святого Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, к Амуну монаху // Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец. – М., 2004. – С. 289.

¹⁰ Аврелий Августин. О Граде Божьем. I. XXI.

¹¹ Там же. XIX. VII; III. X.

¹² Преподобный Исидор Пелусиот. Письма. I. 40 // <http://www.pagez.ru/lsn/0369.php?id1=1&id2=100>. См. также послание Исидора воину Иоанну (Там же. I. 326 // <http://www.pagez.ru/lsn/0369.php?id1=301&id2=400>).

¹³ Преподобный Исидор Пелусиот. Письма. III. 102 // <http://www.pagez.ru/lsn/0369.php?id1=1410&id2=1509>.

¹⁴ Там же. II. 194 // <http://www.pagez.ru/lsn/0369.php?id1=811&id2=910>.

¹⁵ Книга Правил святых апостол, святых Соборов Вселенских и поместных и святых отец... – С. 30.

¹⁶ «Вчиненные единожды в клир, и монахам, определили мы не вступати ни в воинскую службу, ни в мирской чин: иначе дерзнувших на сие, и не возвращающихся с раскаянием к тому, что прежде избрали для Бога, предавати анафеме» (Книга Правил... – С. 56).

¹⁷ Там же. – С. 176, 177.

¹⁸ См., например: Евсевий Кесарийский. Слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования. 7; 9; Евсевий Кесарийский. О жизни блаженного василевса Константина. I. 8.

¹⁹ Кол. 3, 11.

²⁰ Каждан А. П. Византийская культура. – СПб., 2006. – С. 153–154, 162.

²¹ Именно об этом писал император Константин Багрянородный в X в., когда составлял свое наставление сыну (Константин Багрянородный. Об управлении империей. – М., 1991. – С. 27). Примечательно, что точно также оценивали положение своей Империи древние китайцы, именовавшие ее Поднебесным, Средним государством. Вообще, в мироощущении римлян, византийцев и китайцев было много общих черт. Здесь и представление о своем государстве как центре Вселенной и единственной цивилизованной стране, и ощущение собственной цивилизаторской, мироустроительной миссии, и презрение к варварам и пр. – См., например: Исаева М. В. Представления о мире и государстве в Китае в III – VI веках н. э. – М., 2000. – С. 10, 14, 18 и далее. В некоторых древнекитайских текстах описание мира также дается, как и в труде Константина Багрянородного, начиная с севера и затем по часовой стрелке (Там же. – С. 55).

²² Восприятие Империи и ее столицы, Константинополя, Города, как центра Ойкумены, хорошо видно из «Плача о падении Константинополя», который был создан византийским писателем и хронистом Дукой: «О город, город, **глава всех городов!** О город, город, **центр четырех стран света!** (выделено нами – П. В.) О город, город, гордость христиан и гроза варваров! О город, город, второй рай, выращенный на Западе и заключающий в себе всевозможные растения, сгибающиеся под тяжестью плодов духовных...» (Дука. Плач о падении Константинополя. XLI // Памятники византийской литературы IX–XIV веков. – М., 1969. – С. 421–422).

²³ «Для кого недоступна высота царского престола, тот может ли нести такие должности, – восклицал Киннам, – которые... отделяются и вытекают из царского могущества? Но им (германским королям – П.В.) и того недостаточно, что они посягают на не принадлежащую себе высоту царской власти и украшают императорским величием, которое означает власть неограниченную, – они даже дерзают царство Византийское отличать от Римского. **Не раз уже приходилось мне плакать, когда я представлял себе это. Каким образом, в самом деле, власть Рима сделалась предметом торга для варваров и низких рабов** (выделено нами – П. В.)?» (Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. 5, 7). Никифор Григора же писал: «Когда все царства в мире соединились под властью римлян и могущество Рима превознеслось, так сказать, до небес,... тогда по закону рабства стеклось в державный Рим отовсюду многое множество разного рода людей... стеклись в Рим правители парфян, персов и других народов, каждый из них получал сначала какое-нибудь название... Как будто какое наследство, они непрерывно переходят на начальников областей от тех, которые впервые получили их...» (Никифор Григора. Римская история. 7.5).

²⁴ Так, император Мануил Комнин в своем послании к жителям Рима писал: «Спрашиваю, – скажите ради Бога, – когда **отчеству** было бы приятнее увидеть вас: тогда ли, как покорив нам всю Италию и остров Сицилию, **вы, мужи сами по себе славные, были бы славно освобождены оттуда единоплеменниками** и, явившись в Византию благородными римскими героями, представили бы сладостное зрелище **людям с вами равночестными** (выделено нами – П. В.)...» (Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов.4, 15).

- ²⁵ Иванов С. А. Византийское миссионерство. Можно ли из варвара сделать христианина? – М., 2003. – С. 23.
- ²⁶ Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты. – Л., 1991. – С. 45.
- ²⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей... – С. 55, 57, 59, 61, 63.
- ²⁸ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. – М., 1998. – С. 291–292.
- ²⁹ Преподобный Феодор Студит. Послание 74 (133). К Михаилу, самодержавному императору // [http://www. pagez.ru/lsn/studit_p/0133.php](http://www.pagez.ru/lsn/studit_p/0133.php).
- ³⁰ Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. 76.
- ³¹ I Кор. 15. 22–23.
- ³² Тертуллиан. О воскресении плоти. 48.
- ³³ Григорий Назианзин. Слово 19, произнесенное Св. Григорием Богословом о словах своих Юлиану, производившему перепись народа и уравнение податей // Григорий Богослов. Собрание творений. – Т. 1. – Минск – М., 2000. – С. 356.
- ³⁴ Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии. III. 1, 2. См. также VII. 2.
- ³⁵ Византийская книга Эпарха. – М., 1962. – С. 45.
- ³⁶ Тойнби А. Постигание истории. – М., 1991. – С. 503.
- ³⁷ См., например: Аверинцев С. С. Другой Рим. – СПб., 2005. – С. 324–325.
- ³⁸ Эклога. Введение // Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. – М., 1965.
- ³⁹ Византийская Книга эпарха... – С. 45.
- ⁴⁰ Рим. 13, 4.

ДЕЯКІ АСПЕКТИ ІСНУВАННЯ ДРУЖИН РУСІВ ТА ВАРАНГІВ У ВІЗАНТІЇ X–XII СТ.

О. М. Луговий

За традиціями ще Римської імперії влада Візантії часто запрошувала до лав своїх захисників федератів, союзників, етників. Особливо актуальним це стало із занепадом фемного, рекрутованого війська. І саме тоді значним попитом почали користуватися вояки, які походили зі Східної та Північної Європи. Маємо на увазі росів (Ρῶς), як, вочевидь, називали тих і інших при перших зустрічах у X – початку XI століття, та варангів (Βάρανγοι), як почали називати переважно скандинавів з 1030-х рр., відокремлюючи їх від росів, проте ніколи повністю.

Їх згадують усі, хто відновлює події військової історії Візантії чи перипетії скандинавського проникнення у різні країни континенту. Роблять це, починаючи із дещо романтичних описів А. Рамбо¹ та Г. Шльомберже², та з першого повного наукового огляду діяльності цих найманців, зробленого В. Василевським³. Проте за мальовничими зображеннями їхніх перемог часто губляться більш повсякденні речі – питання власне формування військових підрозділів, забезпечення усім необхідним, питання мотивів, які підштовхнули авантюристів із різних країв шукати слави, а, можливо, загибелі у далекій південній країні.

Не викликає сумнівів вагомість ролі, яку відігравали варяги в руському війську XI ст., навіть якщо не торкатися набагато більш суперечливих питань діяльності чи навіть існування варягів тут в IX–X ст. При цьому маємо лиш один детальний опис процедури найма варязької дружини на Русі. Адже літописи знають тільки „ряд“ із Рюриком, тоді як саги згадують про багато наймів, проте поверхово. Умови договору вміщені у „Прядь Еймунда“ з „Книги про Олава Святого“ („Книга з Плаского острова“ (Flateyjarbók) – рукопис GkS 1005 1387–1394 рр.), що повністю присвячена перебуванню на Русі норвежця Еймунда Хрингссона у період боротьби князя Ярослава Володимировича зі своїм братом Святополком. За гіпотезою Фіннура Йонссона, історію Еймунда (принаймні її першу частину) переповів його супутник ісландський скальд Бйорн Гітделакаппі⁴, тож ці дані є достатньо вірогідними. До того ж скандинавський опис боротьби між синами Володимира цілком відповідає відомим руським реаліям, та ще й доповнює їх.

Найм супроводжувався деяким договором, який включав обов'язки норманів та платню за їх послуги. Обов'язки позначені традиційними в усіх текстах формулами: athyllask – служити, ganga á mála – піти на службу, gerask varnarmenn ríkis – стати захисником держави. Такий договір переукладався кожного року, що пов'язано із можливостями навігації на Балтиці виключно у період літа. Варягам надавалося помешкання (steinhöll), харчі, одяг та спорядження. Варяги приймали грошову платню, яка вимірювалася тут в унціях срібла ейррах (1/8 марки, 1/2 північної гривні, 27 г. срібла). Прості дружинни-

ки (líðsmenn) отримували по ейріру на рік, а стернові (skipstjórnarmenn) до цього ще пів-ейріри. Був можливий і компромісний варіант – платня хутром, традиційним грошовим еквівалентом на Сході Європи⁵.

Як же аналогічний процес відбувався у Візантії? Візантійські джерела повідомляють виключно про цільні військові формування, які брали участь у тій чи іншій війні чи заворушенні. Проте такі офіційні джерела вірогідно і не могли повідомляти про доплив поодиноких найманців до існуючих підрозділів.

Останній сценарій оброблений до стану літературно-епічного шаблону в скандинавських сагах. Сага присвячується переважно якомусь одному герою – це індивідуалізуючий твір. І як такий він підкреслює індивідуальний шлях героя. Навіть якщо герой очолює дружину, складається враження, нібито він діє сам-один. Тож і до варангського підрозділу герої саг вступали поодиночі. Таких прикладів багато. Вони були зібрані К. Рафном⁶, проаналізовані В. Василевським⁷ та заново опрацьовані О. Пріцаком⁸. Так, до числа верігів вже у Міклагарді-Константинополі зараховують Болле Боллесона, „першого нормана серед варангів“ (Laxdaela-Saga ásamt Bolla þætti Bollasonar. 73. kafli – Utanfærð þeirra bræðra⁹), Геста Торгаллсона та Торстейна Стірсона (Сага про Віга-Стіра), Торбйорна Аунгула (Гачка) та Торстейна Дромунда (Греттірова Сага, LXXXV-LXXXVI¹⁰).

Питання достовірності таких повідомлень залишається відкритим, проте більш ніж вірогідно, що варангські підрозділи постійно поповнювалися за рахунок перманентної імміграції до країни. Адже втрати у боях були великими, в той час як чисельність підрозділу в ідеалі мала залишатися стабільною.

Та повернімося до фактів. Часто офіційним засобом формування нових контингентів варангських дружин ставали дипломатичні зносини із їх батьківщинами. У нашій історії найвідоміший приклад цього – надання князем Володимиром допомоги візантійському імператору у вигляді 6000 варягів (які так і залишились на візантійській службі: Georgii Cedreni. II, 444: «Император ... ночью на приготовленные корабли посадил росов (ибо от них пришла помощь, за что сестру свою Анну за их князя Владимира отдал в жены)» (пер. автора)¹¹; Яхъя Антиохийский. 4, 23–24¹²), що відбулося в одному ряду із такими подіями як хрещення Русі та шлюб Володимира і царевни Анни. Достеменно відомо, що вказаний підрозділ все ще діяв у Малій Азії та на східному кордоні 1000 року: «Их было шесть тысяч человек пеших, вооруженных копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время как он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время рузы уверовали в Христа» (Степанос Таронский)¹³.

Це був прецедент. Ніколи раніше у ромейське військо не приймали таку значну кількість варварів так, щоб це мало успіх. Не дивлячись на успішні дії росів у складі візантійської армії у війні з Вардою Фокою, в Болгарії та Італії, візантійський уряд ще довго не відходив від старої політики обмеження чисельності іноземних підрозділів. Десь між смертю князя Володимира (1015) та імператора Василя II (1025) до Константинополя прибули одночасно 800 кандидатів на вступ до ромейської армії – велика дружина на чолі із родичем Володимира, якого Іоан Скілиця називає Хрізохір, або Золота рука. Враховуючи агресивну поведінку новоприбулих та їхню велику кількість, уряд відмовився прийняти їх до армії, і це спричинило типовий грабіжницький похід, який завершився повним розгромом невдалих варангів аж на Лемносі (Georgii Cedreni. II, 478–479)¹⁴.

Не варто звинувачувати ромеїв у консерватизмі та відсталості. Річ у тім, що в візантійській армії були все ще сильними розумні та логічні настанови, викладені у VIII книзі „Стратегікона Маврикія“ (VI–VII ст.): союзники мають бути нечисельні, їхні підрозділи варто тримати розпорошеними, відокремленими від ромейського війська, та не посвячувати їх у стратегічні питання¹⁵.

Безперечно, „Стратегікон“ – трактат, а не обов’язковий для виконання закон. Проте ігнорування цієї „техніки безпеки“ призводило в історії до трагічних наслідків. Так, наприкінці VII століття сформована Юстиніаном II 30-тисячна (!) слов’янська армія Небула на третій рік свого існування перейшла на бік арабів і допомогла їм одержати ряд важливих перемог над Юстиніаном.

Знаємо про ще один невдалий досвід. Коли василевс Микифор Фока відправив до росів-тавроскіфів Сфендослава патрікія Калокіра, йому було доручено не більше, як „розподілити між ними отримане золото, кількістю біля п’ятнадцяти кентенаріїв, та привести їх в Місію із тим, щоб вони захопили цю країну (для Візантії – О. Л.)“ (Лев Диякон. IV, 6)¹⁶. Дуже схоже на найм вояків на території іншої країни. Дії Калокіра цілком укладаються у норми 15-ї статті договору 944 р. стосовно звернення ромейських імператорів до великого князя задля отримання воїв. Нажаль ми не знаємо про яку кількість ішла мова (виходячи з наведених нижче розрахунків, Калокір міг найняти біля 10 тисяч росів, якщо б усі гроші пішли на найм), та певен, що це мало залежати від дипломатичного хисту. Але він перевиконав своє завдання. Завдяки Леву Диякону відомо, що попередній план василевса провалився, і найбільше у цьому завинив Калокір, який „зав’язав дружбу із катархонтом таврів, спокусив його дарунками та причарував улесливими розмовами“ (Лев Диякон. V, 1.)¹⁷. Навряд чи візантійський автор знав, що відбувалося під час переговорів, та можна припустити, що замість найняти бійців, Калокір намагався найняти разом і військо і його командувача, який аж ніяк не волів бути звичайним найманцем.

Відношення до союзників чи найманців змінилося протягом XI століття. Фемне стратіотське військо, яке забезпечувало само себе усім необхідним, заступає, і часто-густо йому на зміну приходять різноетнічна армія, яка тепер складає чи не найсильнішу частину збройних сил Імперії. Союзники тепер не просто найманці, яких запрошують для участі в окремих кампаніях. Вони затребувані як регулярне професійне військо, вояки якого стають членами візантійського суспільства на довгий час, якщо не на все життя.

На початку 1030-х рр. до візантійської армії прийнятий досить великий загін під головуванням Харальда Сигурдарсона (Haralds Saga Sigurðarsonar. 2)¹⁸. Достовірність повідомлень саг про нього можливо й не бездоганна, проте відомості, які передає візантійський полководець Кекавмен, такі, що їм можна довіряти, адже Кекавмен особисто знав „Аральтиса (?Αράλτης), сина василевса Варангії“. За його словами, Харальд привів із собою 500 відважних воїнів (Советы и рассказы Кекавмена. V, 81)¹⁹. Проте нам не відомо, чи були вони із ним аж від битви біля Стікластадіра (як вважає Г. Г. Літаврін²⁰), чи зібралися навколо нього під час перебування на Русі, що більш імовірно. Харальд залишався в Греції до 1043 р.

Після дій Калокіра маємо ще один та, здається, останній опис візантійського посольства задля найму у період, що нас цікавить. Сага про Сверріра, записана ще за життя свого головного героя, розповідає про хрисовули, що їх восени 1195 року розіслав конунг греків Кір’ялак скандинавським конунгам з проханням про військову допомогу. Зокрема Кнута Датському хрисовул приніс Петр Злий, Сверріру Норвезькому – Хрейдар з Віку. Кір’ялак пропо-

уважувати на одній тисячі воїнів (Сага о Сверрире, 127)²¹. Акція в Норвегії також виявилася безрезультатною; ополчення, зібране Хрейдаром, залишилося в Норвегії і приєдналося до руху пососників проти Сверрїра. Крім того ми не знаємо, хто криється під іменем Кір'ялакса – діючий імператор Олексій III Ангел, чи його племінник вигнанець Олексій, дипломатичні маневри якого завершилися IV Хрестовим походом. Учасники цього походу відзначають серед захисників Константинополю велику кількість данів та англійців чи не нарівні із греками (Робер де Клари. LXXIV, LXXX; Жоффрау де Виллардуэн. 171, 185)²². Вірогідно, що завдяки візантійцю Петру контингент данів дійсно істотно збільшився незадовго до кінця XII ст.

Щодо фінансового інтересу, то за повідомленням Ібн Хордадбеха (Книга путей и стран. 56а)²³ візантійський солдат отримував річну платню 12–18 золотих динарів (тобто номізм), це була тільки частина утримання солдата, оскільки він також отримував харчування, одяг та інше. Всі додаткові видачі різко збільшувалися під час війни. Та арабський географ вказує також на те, що ця платня виплачувалася раз на три, або навіть на шість років. На стратіотську платню в 18 номізм вказує також одна з новел імператора Костянтина Багрянородного²⁴. Платня офіцера, за Ліутпрандом, становила в середині X сторіччя один літр золота в рік. Принаймні в першій половині XI сторіччя ситуація залишалася незмінною²⁵.

Відомо, що один візантійський літр складав 72 номізми (на цей час кожна – 4,4 г золота 22–23 каратів²⁶). Різне знецінення монети відбувається тільки за часів Костянтина Мономаха, за правління якого золоті номізми з 21,5 каратів (90% золота) втрачають до 17,5 каратів (72% золота).

Що стосується безпосередньо сплати воїнам, що прибули з Русі, то маємо цифру, повідомлену імператором Костянтином Порфірогенетом в трактаті „Про церемонії“. Він оповідає про морську експедицію 911 року проти арабів на Криті. Екіпажі імперського флоту отримали 5 номізм на людину (всього 12 502 чоловіки разом з архонтами) за цю виправу. Окрім того в кампанії взяли участь 700 руських найманців, яким сплатили на всіх 1 кентенарій золота, тобто 100 літрів (De ceremoniis... II, 45)²⁷. Це складає приблизно 10 номізм кожному за одну, щоправда невдалу, експедицію. Точні підрахунки в даному випадку неможливі, оскільки сумнівно, щоб всі отримали рівну суму. Тим не менш різниця із платнею рядовим воїнам відчутна. Зазначимо, що 10 номізм це ціна раба молодше 10 років²⁸, чи 10 модіїв (біля 1 га) хорошої землі²⁹, чи 5 760 великих хлібин³⁰. Втім, в купівлі харчів у найманців зазвичай не було потреби.

949 р. Костянтин та Роман Порфірогенети зняли ще одну експедицію на Крит, підготовка до якої більш детально змальована в трактаті. В ній у складі імперського флоту приймали участь 584 роси на семи келандях-усіях (на додачу до них ще 42 якихось ладія для прислужування у лагері), 368 тулмаців (долматинців чи печенігів?) та 700 полонених (веслярів?). Усі разом вони отримали 116 літрів та 17 номізм (De ceremoniis... II, 45)³¹. Інформація про сплату менш конкретна, проте надана інша інформація, з якої можна зробити висновок, що Імперія брала на себе переозброєння та переоснащення цього підрозділу. На руських карабях та монерах полонених були замінені вітрила (по 30 ліктів кожне для русів), рійки, намети (διφτερίων) на 62 номізми, 485 весел (5 номізм), були перекладені палуби та проведені малярські (чи точніше конопатні) роботи (11 та 33 номізми). Фактично, ці судна були зібрані заново. Крім того, вказується на закупівлю вугілля (30 номізм), військової техніки (манганів на усі судна – 9 номізм та 6 міліарісіїв), 500 трибол (металевих

парів із шипами, які візантійці використовували при обороні табору проти арабської кінноти; на це пішло більше 260 номізм), а також, як не дивно, 4000 мечів (ξίφαριών; завелика цифра для російського загону. Маємо або плутанину, або зброю, розраховану на більший підрозділ чи весь імперський флот), 500 сокир та 200 пелекіїв (дволезих сокир?) за 50 номізм.

Чи вказує це на повне переозброєння росів на візантійській службі вже у Х столітті? Адже і дружинники Хризохіра повстали саме через те, що від них вимагали складення їхньої власної зброї. Та й в „Стратегіконі Маврикія“ (VIII, 1, 31) йде мова про надання союзникам зброї тільки за умови повної їх лояльності, немов у них немає своєї. Чи вказує це на візантійське походження славетних дволезих сокир? Адже відомо, що далеко не одні скандинави широко використовували сокиру. Були ще алани, вірмени, ряд інших народів Малої Азії, серед іншого вірмени Тавра якраз такі користувалися дволезими сокирами³². А от у скандинавів вони не відомі. Чи все ж таки це повідомлення є доказом певних фінансових махінацій протоспафарія Іоакима, архонта спорядження, який отримав на все 24 літри золота і відписав певну суму на озброєння озброєної до зубів дружини? Важко тепер відповісти. Зрозуміло одне, існувала практика повного забезпечення союзників-найманців усім необхідним на додаток до встановленої платні та кожному місячно-го сітіресія (харч та одяг)³³.

Ясно, що за одну кампанію, влаштовану Імперією, у Х ст. руські найманці отримували суму у двадцять разів більшу, ніж могли собі дозволити сплачувати варягам руські князі в XI ст. 44 г імперського золота проти 27 г руського срібла при співвідношенні золота до срібла у середньовічній Європі як 12 до 1³⁴. Немає вагомих причин вважати, що в XI ст. ситуація кардинально змінилася: згідно висновків французької дослідниці Е. Антоніадіс-Бібіку, у X–XI століттях платня візантійським чиновникам, руга, залишалася сталою, як і ціни³⁵. Тільки тепер, як свідчить ряд імперських хрісовулів, руські та варангські вояки ставали на постій в містах і селах імперських провінцій³⁶ (не кажучи про варангську гвардію, яка повсякчас перебувала при дворі).

Додамо можливість отримати трофеї від власних вдалих військових дій. Відомий випадок, коли імператор Василь II після перемоги Давіда Аріаніта та Костянтина Діогена над болгарами на рівнинах Пелагонії (1016 рік) усю здобич розділив на три частини, одну з котрих взяв собі, одну віддав ромейському війську, а ще одну – тоїς σπιτταχοῦσι λαρεσχηκῶς Ρῶς, російському підрозділові (Georgii Cedreni. II, 465)³⁷.

Крім того, успішна служба в імперському війську забезпечувала кар'єрний зріст, хоч як це не подобалося природним ромеям. Наведемо ностальгічні спогади Кекавмена про давні часи, коли такого не могло бути: «Ни Роман Аргиропул, ни другой кто из блаженных василевсов не возвышали франка или варяга в достоинство патрикия, не давали приказа возвести кого-нибудь из иноплеменников в ипаты или стратофилаки. В лучшем случае иногда кто-нибудь из них становился спафарием. Все они служили за хлеб и одежду» (Советы и рассказы Кекавмена. V, 81; переклад Г. Літаврїна). Останню ремарку можна віднести до риторичних вправ Кекавмена. Так Харальд після повернення зі січлійського походу отримав посаду манглавіта, тобто був включений до палацевої варти, а після придушення повстання Деляна в Болгарії отримав чин спафарокандидата (Советы и рассказы Кекавмена. V, 81) із річним окладом 36 номізм. Та маємо підстави вважати, що більшість його товаришів отримували місця в палацевій варті за гроші, як, наприклад, це робили хозари та фаргани, середньоазійські найманці. Вони платили за свою посаду у Третій

Егерії варти 7 літрів золота та можливо хабара канцелярії, щоб потім кожної року отримувати не надто велику платню у 12 номізм (De ceremoniis... II, 49). Але ж це було, як зазначають А. Андреадіс та П. Лемерль, довічне розміщення капіталу³⁸.

Якщо на Русі договір про найм робився, за нашими відомостями, на один рік, то у Візантії такий договір по бажанню сторін міг залишатися в силі до 29 років, про що вказано у 13-й статті Еклоги³⁹, діючого з VIII століття імперського законодавства. Щоправда, мова в ній йдеться про найм нерухомості, проте за відсутністю норм найму робітників та воїнів з юридичної точки зору мала вступати в силу найближча норма законодавства.

Певною мірою довготривалість служби у Візантії підтверджують скандинавські збірки законів XII ст. З точки зору норвезького GulaPingslög, мандрівка до Грікланду була настільки небезпечною, що майно такого мандрівника одразу переходило до спадкоємця (в усіх інших випадках впродовж трьох років майно зберігав управитель)⁴⁰. Більш звиклі до виїздів в Грецію шведи берегли майно мандрівника без строку до його повернення і ніхто не міг їм заволодіти до повної впевненості у неповерненні. Тоді в спадок вступав той, хто був спадкоємцем на момент від'їзду (в усіх інших випадках спадкоємець отримував майно вже через рік)⁴¹.

За таких обставин потік бажаючих потрапити на імперську службу маргіналів мав би бути безперервним. Це повинно було змушувати імператорів обмежувати притік кандидатів (приклади цього ми бачили). Зі свого боку руські князі також запобігали дезертирству зі своїх дружин. І така рівновага повинна була зберігатися аж з договору 912 року, відома стаття якого („своею волею да будут“) мабуть була викликана першими конфліктами з цього приводу, пов'язаними із першим же фактом участі руських найманців у військовій виправі ромеїв 911 р. Посольства Калокіра та Хрейдара дають приклад того, як здійснювався найм на міждержавному рівні; ініціатором цього виступала Візантія. До того ж ці дії були настільки звичними, що до джерел потрапили лиш невдалі спроби найняти сіверян.

Зрозуміло також, що вояки зі Скандинавії та слов'янських племен Східної Європи, які пройшли вишкіл у боях зі степняками та іншими сусідами, потрапивши до еліти, якій пощастило „дробити золото у Грікаланді“, вже не надто прагнули повернутися на батьківщину. При поверненні ж вони легко відновлювали свій соціальний стан, а то й підвищували його.

¹ Rambaud A. L'empire Grec au dixième siècle. Constantin Porphyrogénète. – P., 1870.

² Schlumberger G. Un empereur Byzantin au X siècle Nicéphore Phocas. – Paris, 1896.

³ Васильевскій В. Варяго-русская и варяго-английская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ // ЖМНП. – 1874. – № 11 – С. 105–144; 1875. – № 2 – С. 394–451; 1875. – № 3 – С. 76–152.

⁴ Прицак О. Походження Русь. – Т.2. – К., 2003. – С. 164.

⁵ Eymundur páttir. Skildagi Eymundar við Jarisleif konung // Flateyjarbók / Sigurður Nordal, Vilhjálmur Bjarnar, Finnogi Guðmundsson. – Akranes, 1944. – B. II: «Hér með skaltu greiða hverjum liðsmanni várum eyri veginn silfrs. en skipstjórmanni hverjum ofan á hálfan eyri... því at vér skulum taka í þetta fé björ ok safala ok þá hluti aðra, er hér eru auðfengir í yðru landi, ok skulu vér þat meta, en eigi liðsmenn várir».

⁶ Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens scandinaves. T. I-II / Ed. et trans. C. C. Rafn. – Copenhagen, 1850.

⁷ Васильевскій В. Вказ. тв. // ЖМНП. – 1874. – № 11. – С. 113–115.

- ⁸ Прицак О. Вказ. праця.
- ⁹ Laxdæla Saga – <http://www.snerpa.is/net/isl/laxdal.htm>.
- ¹⁰ Saga о Греттире / Пер. с др. – исл. О. А. Смирницкой. – М., 1976. – С. 136.
- ¹¹ Patrologiae Graecae I. – P. Migne. Tomus CXXXII. – 1864. – Col. 176 с.
- ¹² Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб, 1883.
- ¹³ Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозвианию, писателя XI столетия / Пер. Н. Эмина. – М., 1864. – С. 200.
- ¹⁴ Patrologiae Graecae I. – P. Migne. Tomus CXXXII. – Col. 212, b.
- ¹⁵ Кучма В. В. Военная организация Византийской империи. – СПб., 2001. – С. 97.
- ¹⁶ Лев Диакон. История / Пер. с гр. М. М. Копыленко. – М., 1988. – С. 36–37.
- ¹⁷ Лев Диакон. – С. 44.
- ¹⁸ Haralds Saga Sigurðarsonar. – <http://www.snerpa.is/net/snorri/har-sig.htm>.
- ¹⁹ Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в. / Пер. с гр. Г. Г. Литаврина. – М., 1972. – С. 283.
- ²⁰ Там же. – С. 591.
- ²¹ Saga о Сверрире / Пер. с др.-исл. М. И. Стеблин-Каменского. – М., 1988.
- ²² Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер. М. А. Заборова. – М., 1986; Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер. М. А. Заборова. – М., 1993.
- ²³ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб. Наиля Велихановой. – Баку, 1986. – С. 102.
- ²⁴ Jus graeco-romanum III. – Lipsiae, 1857. – Paris, 266; Литаврин Г. Г. О юридическом статусе древних русов в Византии в X столетии // Византийские очерки. – М., 1991. – С. 65.
- ²⁵ Poppe A. La dernière expédition russe contre Constantinople // Byzantinoslavica. – XXXII (2). – 1971. – P. 250–251.
- ²⁶ Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. – М., 1996. – С. 33.
- ²⁷ Patrologiae Graecae. I. – P. Migne, 1864. – С. 1211–1216.
- ²⁸ Antoniadis-Bibicou H. Problèmes d'histoire de Byzance au XI siècle: démographie, salaires et prix // Byzantinoslavica. – XXVIII (2). – 1967. – P. 258–259.
- ²⁹ Ги́у А. Византийская цивилизация / Пер. с фр. Д. Лоевского. – Екатеринбург, 2005. – С. 269.
- ³⁰ Сорочан С. Б. Понятие „прибыль“ и размеры торгово-ремесленных доходов в ранне-средневековой Византии // Античный мир. Византия. – X., 1997. – С. 303
- ³¹ Patrologiae Graecae. I. – P. Migne, 1864. – С. 1231–1234
- ³² Николле Д., МакБрайд А. Армии мусульманского Востока / Пер. с англ. – М., 2003. – С. 38–39, 46–47. Авторы посилаються в своїх твердженнях на єгипетські зображення вірменських найманців та фрески у печерних церквах Каппадокії: Токале Гілісе Гуреме та Бахаттін Кілісесі Перістрема.
- ³³ Советы и рассказы Кекавмена. – С. 587.
- ³⁴ Назаренко А. В. Указ. соч. – С. 58.
- ³⁵ Antoniadis-Bibicou H. Op. cit. – P. 255–261.
- ³⁶ Напр.: Акти №№ I (6581 p.), XIII (6596 p.) // Acta et diplomata monasteriorum et ecclesiarum orientis / Fr. Miklosich et Jos. Müller. Vol. VI. – Vindobonae, 1890. – P. 1–4, 44–49. Мова в них іде про звільнення від постою регулярних частин, що включали також варангів та росів, відповідно помістя Андроніка Дуки біля Мілету та монастиря на о. Патмос.
- ³⁷ Patrologiae Graecae I. – P. Migne. Tomus CXXXII. – 1864. – Col. 197–198, b-c.
- ³⁸ Див.: Ги́у А. Вказ. тв. – С. 112.
- ³⁹ Эклога / Пер. и комм. Е. Э. Липшиц. – М., 1965. – С. 62; коментар на С. 148–149.
- ⁴⁰ Gulabingslög 47 // Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens scandinaves. – T. II. – Copenhagen, 1850. – P. 456.
- ⁴¹ Vestgötalag XV, XVI // Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens scandinaves. – T. II. – Copenhagen, 1850. – P. 457.

ОБ ОДНОМ ИЗ ВАРИАНТОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПРАБОЛГАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПОДОНЦОВЬЯ (по материалам биритуального могильника Красная Горка)

В. С. Аксёнов

Могильник Красная Горка (Балаклеийский район Харьковской обл.) является одним из крупных, полностью изученных биритуальных некрополей памятников салтово-маяцкой культуры в бассейне Северского Донца¹. На могильнике с 1985 по 1992 экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством проф. В. К. Михеева было исследовано 310 погребений. Еще два погребения (№ 311, 312) были раскопаны совместной экспедицией Харьковского исторического музея и Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина под руководством автора в 1994 году. Таким образом, на могильнике было исследовано 189 кремационных и 123 ингумационных захоронения*. Погребальный обряд, зафиксированный на могильнике, в общих чертах соответствует погребальному обряду праболгарского населения салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца. Однако, из общего количества исследованных на могильнике захоронений выделяется ряд погребений, которые заслуживают отдельного внимания.

Это те случаи, когда одни погребения были впущены в заполнение могильных ям других захоронений без разрушения последних. При этом, чаще всего, основное погребение было ингумационным, а впущенное в заполнение его могильной ямы захоронение относилось к разряду трупосожжений (табл. 1, 2). В единичных случаях основное и впущенное в его заполнение погребения были однообрядовыми: или ингумационными, или кремационными. Однородность погребального инвентаря основных и впущенных в них захоронений однозначно свидетельствует о культурном единстве, оставившего их населения и принадлежности его к салтовской археологической культуре.

На это, как на отличительную черту погребального обряда могильника Красная Горка, обратил внимание еще В. К. Михеев. Он указал, что „повторное захоронение не вело к разрушению стенок могильных ям потому, что точно знали, где находится могила ранее погребенного, а это возможно лишь при наличии надмогильного знака“².

Вопросу применения обрядов трупоположения и трупосожжения по отношению к своим умершим населением, оставившим могильник Красная Горка, и посвящена данная работа. Находящиеся в одной могильной яме разнообрядовые погребения (основное и дополнительные) могли быть как одновременными, так и совершенными спустя некоторое, непродолжительное время.

* Выражаю свою благодарность проф. В. К. Михееву за возможность ознакомиться с материалами раскопок и разрешение на их публикацию.

Основные захоронения могильника Красная Горка

№ п/п Т/Т	Ἰ νῆ ἰ ἀί ἰ ἄ ἰ ἰ ἄ ὀ.		Ἐπι ἀὸυ ἡ ἰ ὀ			ἰ δεῖ ὀε- οἰ ἀεῖ	Ἀι ὀδεῖ ἰ ἄεθῆ ἰ ἄ εἰ ἰ ἠὸδὸεὸεῖ					Ἐἰ ἀἰ ὀαὸυ	Ἀἰ ὀνεἰ ἰ ἄ ἰ ἰ ἄ ὀ.			
	εἰ ἄοἰ ἄεῖ	εὸδἰ ἄεῖ	ἄεἰ ἄ	ο εὸεἰ ἄ	ἄεὸἄεἰ ἄ		ἰ ὀἰ ἠὸἄ ἡ ἄ	ἄἄἄἄἄἄἄ ἰ ἄἄεὸυ ὀεἄ	ἄὀἰ ἄ- ὀἄἰ ἄ	ἄὀἰ ἄ- ἡ ἄε	ἄὀἰ ἄ εἰ ἄἰ ἄἄ		ἰ ἰ ἄ ὀ.	εἰ ἄοἰ ἄεῖ	εὸδἰ ἄεῖ	
36	+		1,4	0,45-0,4	1,35	244°	+	+			+	+	37		+	
													38		+	
50	+		1,75	0,65-0,5	1,55	250°				+	+	+	39		+	
74	+		1,9	0,52-0,4	1,5	242°					+	+	+	58		+
75/ κ-4	+		2,3	1,1	1,7	241°				+	+	+	59		+	
													64	+		
													71		+	
93/ κ-6	+		3,75	0,85-0,75	1,65	227°				+	+	+	6/η		+	
109		+	1,65	0,55-0,5	1,25	267°	+				+	+	106		+	
													108		+	
113	+		1,85	0,43-0,38	1,2	250°				+	+	+	111		+	
150/ κ-13	+		2,5	1,3	1,5	246°				+	+	+	142	+		
177	+		2,2	0,6	1,5	250°					+	+	177A		+	
													162		+	
182	+		1,4	0,6	1,15	0°	+				+	+	176		+	
188	+		1,3	0,5-0,4	1,1	250°			+		+	+	183		+	
197	+		1,5	0,6-0,5	1,15	270°			+		+	+	197A		+	
204	+		1,3	0,5-0,3	1,5	243°				+			6/η		+	
209/ κ-9	+		3,35	0,4-0,75	1,5	194°				+	+	+	186			
243	+		1,8	0,6	1,35	248°			+		+	+	6/η		+	
													237		+	
247	+		2,2	0,65	1,5	248°			+		+	+	242		+	
289/ κ-28	+		2,5	1,3-1,0	1,4	242°				+	+	+	281		+	
κ-1	+		1,7	0,6	1,2	209°	+				+	+	26		+	

Впускные захоронения могильника Красная Горка

Í ñí íáí í e í í äð.	Áí òñèí í á í í äðááí é á			Ðàçí äðü			Qèí èðáí äèèè		Í ñòäèèè èí ñòðá	Èäèüðèí. èí ñòè		Èí ááí çàðü	Í ðèáí - òèðí äèá	Áí óððèí í äè èüí äý èí í ñòðèèèèý	
	í	èí äòí ä- òèý	èðáí ä- òèý	äèáí äðð	äèèí ä/ ø èðèí á	äèèèèí á	ýí í í á	òðí í áí á		ðáññáýí í	èí í í äèòí í			ýí á	äòí á
	36	37		+	0,15		0,3	+		+		+			
38			+	0,15		0,3	+		+		+				
50	39					0,25			+		+	+			
74	58		+			0,35		+			+	+			
75/ к-4	59		+	0,7		0,2	+		+			+			
	64	череп				0,85						+			
	71		+		0,45/0,3	0,4	+				+		B-3		
93/ к-6	б/н		+	0,15		1,65	+				+				
109	106		+			0,5		+			+	+			
	108		+			0,9		+			+	+			
113	111		+			0,85		+			+				
150/к-13	142	+			1,0/0,35	1,4							273°		+
177	177A		+			1,0 - 1,5	+		+	+					
	162		+		0,6/0,5	0,55	+		+		+	+	ЮВ - СЗ		
181	176		+			1,25		+	+		+	+			
188	183		+			0,4		+	+		+	+			
197	197A		+			0,6 - 1,0	+		+	+					
204	б/н		+			1,0 - 1,5	+		+	+					
209/ к-9	186	+			1,6/0,5	0,5							240°	+	
243	б/н		+			1,0/1,25			+	+					
	237		+			0,4		+			+				
247	242		+			0,6		+			+	+			
289/ к-28	281		+			0,55	+				+	+			
к-1	26		+	0,15		0,08	+				+				

Так, одновременными следует считать случаи разнообрядовых захоронений в погребениях № 93/к-6, 182(176)**, 197(197А), 204. В парном ингумационном захоронении № 93/к-3 была зафиксирована кучка пережженных человеческих костей диаметром 0,15 м внутри деревянного гроба-ящика. Ингумационное погребение было представлено двумя человеческими костяками (мужчины и ребенка), анатомический порядок которых, был преднамеренно нарушен (рис. 1). Остатки кремации располагались в ножном конце гроба, в 0,1 м от отброшенного сюда черепа ребенка. В юго-восточном конце могильной ямы располагался костяк коня, череп которого находился над западным углом гроба-ящика. Среди разбросанных человеческих костей были обнаружены: салтовский столовый кувшин, детали поясного набора, сбруйные пряжки, сбруйное кольцо, железный гвоздь, обломки удила, два наконечника стрелы. В юго-восточном углу гроба были остатки мясной жертвенной пищи в виде костей овцы. На одновременность помещения в гроб тел умерших людей и останков кремированного человека указывает место расположения последних – на днище гроба, почти под черепом коня, костяк которого не пострадал при повторном проникновении в могилу.

Подобная ситуация была отмечена в погребении № 182 (рис. 2: 1). В северном краю, на дне могильной ямы были обнаружены человеческие зубы и немногочисленный инвентарь: туалетный набор (ложечка, ножичек, пилочка), четыре бубенчика, две стеклянные бусины, два фрагмента бронзовой проволоки. В южном конце могильной ямы стояла урна – погребение № 176 – двуручный салтовский столовый горшок, полностью заполненный пережженными человеческими костями, не очищенными от остатков погребального костра. Урна была углублена на 5 см в дно могильной ямы погребения № 182. Погребальный инвентарь кремационного захоронения был значительно богаче: конгломерат спекшихся стеклянных бусин, 15 раковин каури, три золотые бляшки, фрагменты двух золотых сережек, украшенных зернью. Рядом с урной находились остатки деревянного ларца в виде железной витой ручки, оковки и защелки от замка³.

Одновременными являются, по нашему мнению, и погребения, в которых пережженные человеческие кости были обнаружены не только рядом с телами людей погребенных по обряду труположения, но и находились в заполнении самих могильных ям.

К таким случаям относится погребение № 204. Захоронение было произведено в могильной яме трапециевидной формы, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Стенки могильной ямы в нижней ее части были обшиты деревянными плахами высотой 0,2 м, образующими гроб-раму размером, соответствующим размеру могильной ямы. Сверху гроб-ящик был перекрыт крышкой из досок. В юго-западной части гроба были обнаружены зубы человека, тогда как остальные кости скелета отсутствовали. По центру гроба лежал немногочисленный погребальный инвентарь, представленный двумя бронзовыми бубенчиками, спиралевидными пронизьями, фрагментом железного черешкового ножа. С северо-восточной стороны на крышке гроба стоял кувшинчик крымского производства. Вокруг зубов человека, на крышке гроба-рамы и в заполнении самой могильной ямы были встречены отдельные мелкие кальцинированные человеческие кости. Данное захоронение исследователь могильника был склонен рассматривать не как труположение, а трупосожжение с разбросанными пережженными костями⁴. Нам же представляется, что в данном случае следует говорить о захоронениях двух людей, погребенных в одной могильной яме, но с использованием разных погребальных обрядов.

** Первая цифра указывает номер основного захоронения, вторая – номер впущенного в него погребения.

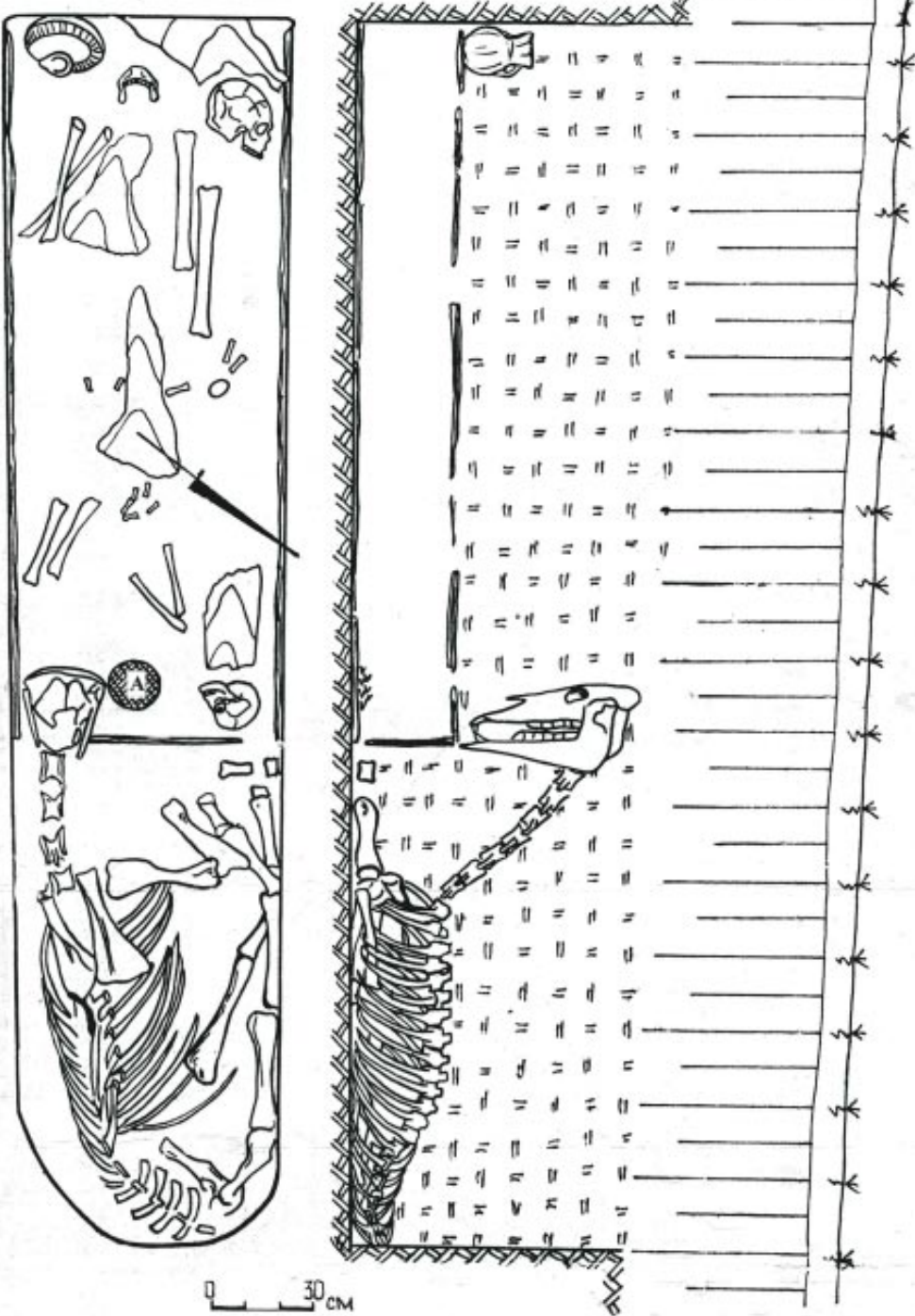
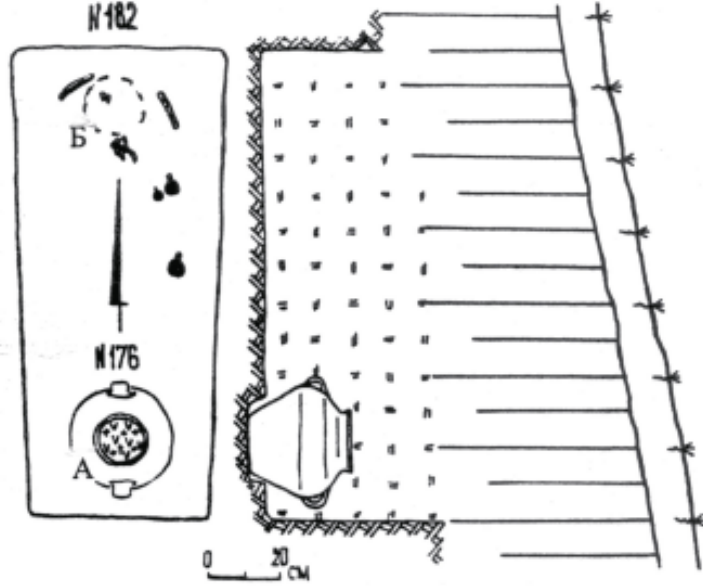
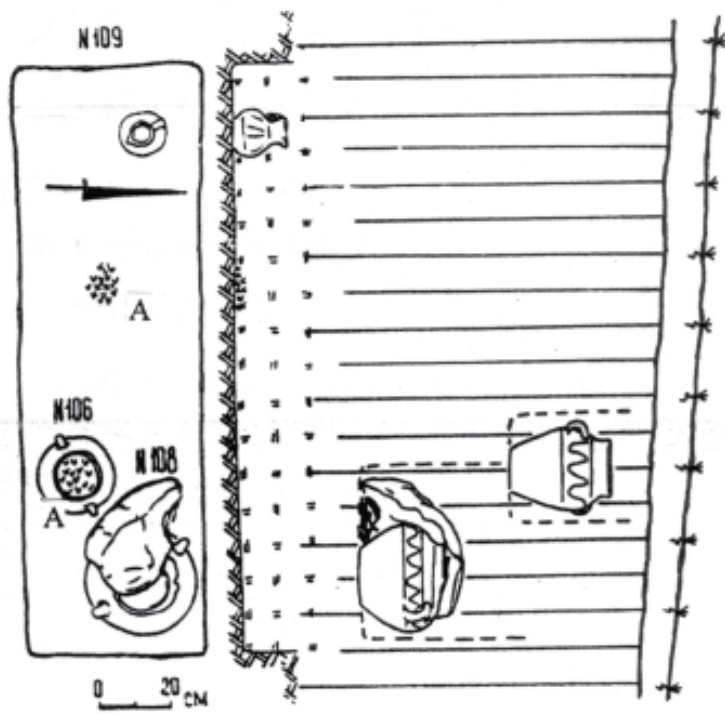

Рис. 1. Погребение № 93/к-6. А – кремированные человеческие останки

1

2

Рис. 2. Погребения могильника Красная Горка. 1 – погребение № 182; 2 – погребение № 109. А – пережженные человеческие останки, Б – костный тлен

В заполнении могильной ямы еще одного погребения № 197 были зафиксированы многочисленные кальцинированные человеческие кости и мелкие древесные угольки, что позволяет говорить о присутствии здесь трупосожжения с рассеянными косточками (*погребение № 197А*)⁵. В могильной яме основного погребения находились остатки деревянного гроба, внутри которого сохранился только костный тлен. В западной части гроба был сосредоточен немногочисленный погребальный инвентарь, представленный бронзовым кистнем, бронзовым перстнем со вставкой из стекла, фрагментом золотой сережки и бронзовым бубенчиком. Отсутствие следов повторного вскрытия могильной ямы позволяет предположить одновременность ингумационного и кремационного захоронений. Кремированные останки умершего человека, по-видимому, были помещены в могильную яму ингумационного захоронения в процессе ее засыпания грунтом.

Значительно чаще на могильнике Красная Горка представлены случаи, когда основное и дополнительное погребения все же разнесены во времени, т.е. совершены в одной могильной яме, но между ними прошло какое-то время. Кремационные захоронения в данном случае помещались не на дно ингумационных захоронений, а в заполнение могильных ям.

Переходное положение между такими захоронениями и погребениями, рассмотренными выше, занимают *погребения № 243(237), 177(177А, 162)*.

Так, в головном конце гроба-рамы с крышкой *погребения № 243* было расчищено скопление человеческих зубов, тогда как остальные кости скелета отсутствовали. В гробу были обнаружены лежавшие компактной кучкой железный черешковый нож, бронзовые бубенчики, спиралевидные пронизи, поясной разделитель на три ремешка, литая бронзовая пуговица. В заполнении могильной ямы были обнаружены разбросанные пережеженные человеческие кости⁶. В данном случае мы видим повторение обряда, зафиксированном в *погребении № 197(197А)*. Однако, в заполнении могильной ямы данного погребения было обнаружено еще одно дополнительное захоронение – № 237. Оно содержало двуручный столовый салтовский горшок, в котором находились пережеженные и очищенные от следов погребального костра человеческие кости. Урна была установленной в заполнении могильной ямы № 243 на глубине 0,4 м от уровня современной поверхности. Сверху урна была накрыта фрагментами другого салтовского двуручного столового горшка. Данное захоронение было безынвентарным.

В заполнении *погребения № 177*, помимо одновременного ему кремационного захоронения с рассеянными косточками (*захоронение № 177А*)⁷, было обнаружено дополнительное *погребение № 162*, совершенное спустя какое-то время. Остатки кремации не очищенных от следов погребального костра занимали ямку овальной формы размером 0,5 × 0,6 м и глубиной 0,55 м, ориентированную длинной осью по линии северо-запад – юго-восток. Поверх пережеженных костей располагались: развал железного котла с ручкой, пара стремян, удила, преднамеренно согнутая в древности сабля, две портупейные железные скобы, наконечник копья, три трехлопастных наконечника стрел, две железные колчанные скобы, колчанный крючок, железное кресало, два черешковых ножа, две железные пряжки, два железных гвоздика, железный стержень со шляпкой, железная пластина со штифтом, два фрагмента керамики⁸.

Случаи, когда основное и дополнительное захоронения разделены во времени не единичны (табл. 1, 2), что позволяет рассматривать это как достаточно специфический элемент погребального обряда.

Так, погребальная урна захоронения № 111, содержавшая плохо пережженные человеческие кости, была установлена на глубине 0,85 м в заполнении могильной ямы захоронения № 113. Урной служил двуручный столовый салтовский горшок. Погребальный инвентарь среди пережженных человеческих останков отсутствовал. Захоронения № 113 содержало останки женщины, помещенные в могильную яму прямоугольной формы. Умершая была уложена в вытянутом положении на спине с прямыми ногами, скрещенными в голеностопе, и руками, скрещенными на тазовых костях. Глубина могильной ямы 1,2 м. Справа от черепа погребенной женщины стоял глиняный лепной горшок, а у голеностопного сустава правой ноги – кружка с петельчатой ручкой. По обе стороны от черепа погребенной были обнаружены золотые серьги, украшенные зернью. В области грудной клетки находилась россыпь стеклянных и сердоликовых бус, бисер. На левой безымянной тазовой кости лежало бронзовое зеркало салтовского типа с центральной петелькой на обороте, а на правой безымянной тазовой кости – два литых бронзовых бубенчика, бронзовые спиралевидные пронизи, бронзовая туалетная коробочка во фрагментах, бронзовая подвеска и фрагмент стенки стеклянного сосуда. Возле черепа погребенной был найден костяной предмет в виде шила⁹.

Подобная ситуация была прослежена еще в семи захоронениях могильника. В засыпку могильных ям ингумационных погребений № 50, 74, 188, 247, 289/к-28 было впущено по одному захоронению по обряду трупосожжения – № 39, 58, 183, 242, 281 соответственно¹⁰. При этом дополнительные кремационные захоронения были как ямные (№ 39, 281), так и урновые (№ 58, 183, 242).

В заполнении погребения № 36 на глубине 0,3 м было обнаружено два дополнительных трупосожжения № 37, 38, помещенные в круглые в плане ямки диаметром 0,15 м¹¹. Оба захоронения содержали пережженные человеческие кости, неочищенные от следов погребального костра. Одно из них было безынвентарным (№ 38), во втором – № 37 – среди остатков кремации находились черешковый нож, железная пряжка, железная прямоугольная пластина.

Два ямных трупосожжения № 59, 71 и захоронение черепа № 64 были впущены в заполнение погребения человека с конем № 75/к-4.¹² При этом оба трупосожжения находились в заполнении могильной ямы над погребением коня № 4, тогда как захоронение череп (№ 64) располагалось в засыпке могильной ямы, над погребение человека. Человеческий череп, обращенный лицевыми костями вверх, был найден на глубине 0,85 м. Слева от черепа лежала бронзовая литая сережка, а несколько к северу от него были сложены кучкой кости овцы. Кремированные останки человека неочищенные от следов погребального костра (погребение № 59) были помещены в могильную яму диаметром 0,7 м и глубиной 0,2 м. Среди остатков кремации, лежали: топорик-чекан, черешковый нож, бронзовая штампованная пуговица, бронзовые оплавленные пронизи, стеклянные бусы, бронзовый провололочный браслет, бронзовый перстень с овальным щитком, железное калачевидное кресало, фрагмент ручки столового салтовского сосуда. Очищенные от следов погребального костра пережженные кости погребения № 71 были ссыпаны в прямоугольную ямку размером 0,45 × 0,3 – 0,35 м и глубиной 0,4 м, ориентированной длинной осью по линии восток – запад. Обожженные кости черепа были сосредоточены в западной части ямы. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Основное и дополнительные захоронения, в некоторых случаях, были однообразными.

Так, основное захоронение № 109 относилось к разряду ямных трупосожжений (рис. 2: 2). На дне прямоугольной могильной ямы, ориентированной длинной осью по линии восток – запад, лежала небольшая кучка пережженных человеческих костей. Среди них находились бронзовые бубенчики, стеклянные бусы, спиралевидные пронизи, подвеска-амулет из кости животного, бронзовая литая сережка. У западной стенки могильной ямы стояла салтовская кружечка. В засыпке погребения № 109, в восточном краю могильной ямы, обнаружены урновые захоронения № 106 и 108.¹³ В погребении № 106 (глубина 0,5 м) урной служил салтовский двуручный столовый горшок, на дне которого располагались компактной массой пережженные человеческие кости очищенных от следов погребального костра. Среди остатков кремации находился немногочисленный инвентарь: фрагмент подвески от сережки, бронзовый проводочный браслет. Урна погребения № 108 – салтовский двуручный столовый горшок, располагалась рядом с урной погребения № 106, но ниже его, на глубине 0,9 м. Сверху урна была накрыта перевернутой вверх дном глиняной миской на невысоком поддоне. Рядом с урной лежал железный преднамеренно смятый в древности котел, на котором кучкой были сложены пара стремян, удила, топорик-чекан, наконечник копья, железная сбруйная пряжка, два черешковых ножа, металлические оковки колчана, несколько трехлопастных наконечников стрел. Все эти вещи, вместе с урной, были накрыты круглым бронзовым дном от котла, также преднамеренно деформированным в древности.

В двух случаях основное и дополнительное погребения были совершены по обряду трупоположения. В заполнении погребения № 150/к-13 было обнаружено захоронение № 142, произведенное в двухчастном гробу-колоде длиной 0,9 м, шириной 0,23 м и высотой 0,22 м. В гробу были обнаружены только человеческие зубы и костный тлен. Инвентарь отсутствовал. Основное погребение принадлежало воину-всаднику, погребенному с боевым конем и полным набором вооружения¹⁴.

Безынвентарное трупоположение № 186 было обнаружено в заполнении погребения № 209/к-9, над костяком коня¹⁵. На глубине 0,5 м найден человеческий костяк длиной 1,6 м, лежавший вытянуто на спине головой на запад с сезонным отклонением (азимут 240°). Череп был несколько приподнят, левое плечо покоилось несколько выше правого, хотя и правое плечо было приподнято. Руки слегка согнуты в локтях так, что кисть правой руки покоилась на костях таза, а кисть левой руки – рядом с левой безымянной тазовой костью. Ноги скрещены в голених (правая поверх левой). При этом ноги были приподняты так, что их стопы находились на одном уровне с верхушкой черепа. Из чего следует, что покойник был уложен в могильную яму с дном, имеющим корытообразную форму.

В единичном случае дополнительное погребение было помещено в заполнение могильной ямы отдельного конского захоронения, являющегося, по-видимому, кенотафом. Так, над захоронением коня № 1 была обнаружена кремация № 26. Конь был помещен в небольшую подпрямоугольной формы могильную яму глубиной 1,2 м. Он был уложен на брюхо с подогнутыми под себя ногами. На ребрах коня был зафиксирован древесный тлен от седла. У шейных позвонков найдены два железных стремяни, слева от черепа – железные удила, а под ребрами – фрагменты железной пряжки¹⁶. В заполнении конского погребения, на глубине 5–8 см от современной поверхности, располагалась компактная кучка пережженных человеческих костей, очищенных от следов погребального костра. В 0,35 м к западу от них, на той же глубине, лежали несколько обломков амфоры, среди которых находилась необоженная кость животного. По-видимому, большая часть данного погребения была снесена в ходе проведения земляных работ.

Таким образом, на могильнике Красная Горка в целом ряде случаев мы столкнулись с использованием одной могильной ямы для одновременного или разновременного захоронения 2–4-х покойников. Это, по нашему мнению, однозначно указывает на желание людей, оставивших данные захоронения хоронить своих покойников не просто на одном участке могильника, а как можно ближе к ранее умершим – в одной могиле. Поэтому, по-видимому, мы имеем дело с погребениями очень близких родственников, членов одной семьи (мужа с женой, матери с детьми, несовершеннолетних детей), притом малой, так как совместные захоронения нескольких взрослых мужчин не обнаружены. Факт наличия в пределах родового могильника таких захоронений однозначно указывает, что мы имеем дело с обособившейся малой семьей, так как по этнографическим данным могильные души, как и живые люди, живут родами, семьями и не склонны принимать в свою среду чужеродцев¹⁷. В таком случае могильник Красная Горка следует рассматривать как принадлежащий крупному роду или клану, включающему несколько больших семейных коллективов.

Количество погребений, открытых на данном некрополе, позволяет предположить, что складывался он в течение жизни нескольких поколений оставившего его населения, а это в свою очередь свидетельствует о существовании в непосредственной близости от некрополя долговременного поселения – зимника. Умершие, с точки зрения своих живых родственников, продолжали существовать, но только в ином пространстве-времени. При этом могилы ассоциировались с домами, а кладбища рассматривались как своеобразное поселение умерших, „уравновешивающие“ поселения живых¹⁸. Если для начального освоения территории новым населением характерны единичные, зачастую, разбросанные на значительном расстоянии друг от друга захоронения, то появление стационарных могильников свидетельствует уже о прочном обживании территории этим населением. Именно этот период освоения бассейна Северского Донца проболгарами и отражает могильник Красная Горка.

Таким образом население, оставившее могильник Красная Горка, уже перешло ко второй стадии кочевания, для которой характерно закрепление за отдельными родами, родовыми и племенными группами постоянной территории кочевания, наличие устоявшихся маршрутов перекочевки и зимников¹⁹. Свидетельствами кочевого быта, данного населения, является достаточно большое количество конских захоронений, присутствие в погребениях элементов конского снаряжения, котлов, вилок для доставания мяса из котла, складных серпов, мясной жертвенной пищи в виде костей крупного и мелкого рогатого скота. Переход на новую стадию кочевания данного населения, обусловил, вероятно, отказ от курганного обряда захоронения своих умерших родственников. Однако тенденция погребать людей как можно ближе к их ранее умершим родственникам продолжает существовать. Для кочевых народов характерны разновременные захоронения самых близких родственников в одной могиле, под одной курганной насыпью или, когда погребения близких родственников были впущены в одну курганную насыпь, возведенную над ранее умершим родственником²⁰. На могильнике Красная Горка эта тенденция еще сохраняется, о чем свидетельствуют рассмотренные выше захоронения, что нельзя сказать о других болгарских могильниках верхнего Подонцовья.

На полуоседлый характер населения, оставившего рассматриваемые захоронения, указывает ориентировка умерших людей головой на запад с сезонными отклонениями. Использование методики определения сезонного периода совершения данных захоронений²¹ показало, что ингумационные захоронения, в заполнение могильных ям в которые были впущены другие захо-

ронения, были произведены в основном в период с октября по март месяц (поздняя осень-зима – ранняя весна), т.е. в период обычного функционирования зимника²². Именно в период поздняя осень – ранняя весна исследователями отмечается наибольшая смертность для людских коллективов эпохи раннего средневековья. С уходом основной массы населения с зимника в начале весны по маршруту кочевания количество смертей естественно уменьшалось. На зимнике (в период с ранней весны по позднюю осень) оставались только те, кто не имели возможности кочевать – кочевники, лишившиеся в результате каких-то причин скота, больные и немощные, зависимое население и рабы, оставленные для занятия земледелием. По-видимому, именно с этим контингентом следует связывать безынвентарное захоронение подростка № 142 (июнь), впущенное в заполнение могильной ямы захоронения мужчины-воина с конем № 150/к-13 (февраль).

Второе безынвентарное ингумационное погребение № 186, впущенное в заполнение могильной ямы захоронения человека с конем № 209/к-9, несмотря на то, что оно было совершено в декабре, а совершение основного погребения припадает на раннюю осень или позднюю весну, следует рассматривать как захоронение представителя зависимого населения, возможно, раба. На это указывает незначительная глубина дополнительного погребения, его безынвентарность, помещение человеческих останков над костяком коня, использование для захоронения небрежно, судя по положению костей погребенного, выкопанной могильной ямы.

В других рассмотренных случаях мы, вероятно, имеем дело с захоронениями родственников, хотя в силу каких-то причин тела одних умерших членов семьи просто помещались в могильную яму, других – кремировались на стороне, с последующим помещением праха рядом с телом погребенного родственника (внутри гроба, на крышку гроба, в заполнение могильной ямы). В целом же, как отмечается многими исследователями, логика существования в рамках родового общества у разных народов двух или нескольких погребальных традиций не всегда понятна²³. Предметы вооружения, конское снаряжение, личные украшения, среди которых представлены изделия из драгоценных металлов, присутствуют в одинаковой мере и в основных, и в впущенных в них захоронениях. По-видимому, это можно рассматривать как свидетельства того, что имущественное и социальное положение умерших людей в данных случаях никак не влияло на выбор того обряда, по которому они были похоронены. Половозрастные различия умерших людей находят свое подтверждение в номенклатуре и количестве положенного в захоронения инвентаря.

Для решения этого вопроса относительно рассматриваемых захоронений могильника Красная Горка, по-видимому, следует обратиться к мировоззрению на человеческую природу у народов, исповедующих шаманизм, к которым, несомненно, относилось и праболгарское население, оставившее данный некрополь. Новые исследования показали, что шаманисты верили в две главные жизненные силы, присутствующие в человеке: *душу-тень*, идущую после смерти человека в мир мертвых, и *душу-птицу* – носительницу наследования жизни, поднимающуюся после смерти человека вверх, на небо, на вершину мифического родового дерева душ²⁴. В силу этого часть погребальных ритуалов, которая была связана с захоронением в земле (*ингумацией*), имела две главные цели: во-первых, помочь *душе-тени* быстро и благополучно достичь своего местообитания, т.е. страны мертвых; во-вторых, исключить возможность возвращения этой души в мир живых. Как следствие всего этого – зарывание покойника в землю, ориентировка его в сторону мира мертвых,

провождение его запасом пищи на дорогу и ездовым животным, принятие мер, призванных закрыть ему дороги в мир живых. Именно это мы и можем наблюдать в ингумационных захоронениях могильника Красная Горка. Погребальная обрядность, посвященная *душе-птице*, в тех же условиях должна была способствовать беспрепятственному вознесению этой светлой души в верхний мир. По этнографическим данным для достижения этой цели практиковались захоронения на высоте, втыкание в могилу деревца, ветки с птичьим гнездышком, прикрепление к коньку погребального домика изображения птички, сооружение курганной насыпи и пр.²⁵ К сожалению, данные действия на археологическом материале в целом ряде случаев проследить невозможно. Однако, наиболее действенным способом транспортировки светлой души являлось *сожжение трупа*. При кремации осуществлялось достаточно быстрое разобщение темной и светлой субстанции (души-тени и души-птицы). В этом случае светлая душа транспортировалась вместе с дымом погребального костра на небо, а обугленные останки покойного, олицетворяющие темную сущность человека (темную душу), зарывались в землю²⁶. Отражением данных погребальных действий являются рассматриваемые погребения по обряду трупосожжения. Остается ответить на вопрос, почему население, оставившее данный могильник, одних покойников хоронило по обряду трупоположения, а тела других умерших родственников сжигали.

С нашей точки зрения это, возможно, связано с полукочевым образом жизни населения, оставившего данный некрополь. Так, тела людей, умерших по время зимовки, хоронились по обряду трупоположения на кладбище, расположенном рядом с зимником. В ходе этих действий достигалось необходимое разобщение светлой и темной души и их транспортировка к месту их последующего обитания. Темная душа (душа-тень) отправлялась под землю, вслед за телом. Светлая душа (душа-птица), вероятно, в этом случае занимала место на воткнутом в могилу деревце или ветке. Следы присутствия рядом с могильной ямой деревянного столба были отмечены в *погребении № 199* могильника Красная Горка. На достаточную вероятность таких действий указывает тот факт, что у тюркоязычных народов дорога, ведущая в верхний мир, зимой „не использовалась“. Шаманы были убеждены, что в это время нижнее, видимое небо замерзает, туда невозможно было попасть. Поэтому они не камлали в зимнее время небесным божествам²⁷. Тела же людей, умерших в процессе выпаса скота в период с ранней весны по позднюю осень, вдали от зимника, с нашей точки зрения, подвергались сожжению. В результате этого светлая душа сразу же отправлялась на небо, а темная душа, ассоциируемая с пережженными останками, доставлялась на родовое кладбище, где и совершалось их подзахоронение в могилы ранее умерших близких родственников. Практика, когда умерших в процессе кочевания людей везли за многие сотни километров на родовой могильник, была зафиксирована у многих кочевых народов, а у туркмен сохранилась до середины XX века²⁸.

Возможно, кремирование тел людей, умерших вдали от поселения, объясняется еще и тем фактом, что у тюркоязычных народов человек, находящийся в пути (в процессе выпаса скота, в походе и пр.) рассматривался как существо вне обычного статуса, ибо он находился вдали от родного дома, т.е. в „ином мире“. Выходя за границу поселения человек как бы оказывался „мертвым“ для оставшихся на зимнике родственников. Этим и объяснялся его особый статус, приближенный к положению предков²⁹. И уже вследствие этого вряд ли он мог быть погребен, в случае смерти вдали от родного поселения, в соответствии с традиционным погребальным ритуалом, т.е. по обряду трупоположения.

Кроме того, если путь живого человека изначально предполагал обязательное возвращение, то путь неживого человека – это путь только в одну сторону (т.е. уход), и возвращение его к живым родственникам было крайне нежелательным³⁰. Все похоронные ритуалы всячески подчеркивали, что у живых и у мертвых людей разные пути, которые ни в коем случае не должны совпадать (вынос мертвого тела из жилища не через вход, возвращение с кладбища другой дорогой и пр.)³¹. Исходя из этого, возвращение тела умершего человека со следами видимого разложения вряд ли было допустимо без боязни, что это приведет к новым смертям среди живых родственников.

Таким образом, рассмотренные нами погребения – основные и дополнительные – составляют комплексы, состоящие из захоронений близких родственников. Люди, умершие в период зимовки (поздняя осень – ранняя весна), а также не принявшие участия в весенне-летнем выпасе скота, погребались по обряду трупоположения. Их родственники, умершие вдали от родового кладбища, сжигались. Кремированные останки людей совершали запланированный путь – по маршруту кочевания к зимнику, на родовой некрополь, где они и подзахоронивались в могилы своих ранее умерших родственников. И в том, и в другом случае душа-тень (темная субстанция) следовала за покойником в могилу (в мир мертвых), где и находилась до полного истлевания тела, а душа-птица (светлая субстанция) отправлялась на небо, где дожидалась своего воплощения в новом человеке. В итоге обе субстанции (светлая и темная души) достигали своего нового пристанища, но разными путями, что было вполне допустимо³². Главным было дать возможность покойнику уйти в иной мир своей дорогой и предотвратить возможность возвратиться назад к живым родственникам. Этим и объясняется то разнообразие в способах погребения умерших людей, зафиксированные на могильнике Красная Горка.

¹ Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990 – С. 45–52; Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем у населения салтовской культуры (по материалам Красногорского могильника) // Материалы I тысячелетия н.э. по археологии и истории Украины и Венгрии. – Киев, 1996. – С. 116–129.

² Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника ... – С. 51.

³ Аксенов В. С. К вопросу о семантике некоторых женских наборов украшений салтовского времени из бассейна Северского Донца // Хазарский альманах. – Киев – Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 205, рис. 1: 13–25.

⁴ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 20.

⁵ Там же. – С. 17.

⁶ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 1991 году. – Харьков, 1992. – С. 13.

⁷ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 9.

⁸ Там же. – С. 2–3.

⁹ Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского государственного университета за 1988 год. – Харьков, 1989. – С. 2–3.

¹⁰ Михеев В. К. Отчет о раскопках Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры в 1986 году. – Харьков, 1987. – С. 4, 9–10, 21, 23; Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 10–13; Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского государственного университета в 1991 году. – Харьков, 1992. – С. 13, 16.

- ¹¹ Михеев В. К. Отчет о раскопках Красной Горки в селово-маяцкой культуре в 1986 году. – Харьков, 1987. – С. 19 – 20.
- ¹² Там же. – С. 21–23.
- ¹³ Михеев В. К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1987 год. – Харьков, 1988. – С. 14.
- ¹⁴ Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем ... – Рис. 3: 1, с. 128.
- ¹⁵ Михеев В. К. Отчет о работе Средневековой археологической экспедиции Харьковского госуниверситета за 1990 год. – Харьков, 1991. – С. 12; Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем ... – Рис. 2: 2, с. 128.
- ¹⁶ Аксенов В. С., Крыганов А. В., Михеев В. К. Обряд погребения с конем ... – Рис. 1: 8, с. 128.
- ¹⁷ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – М., 2003. – С. 95.
- ¹⁸ Там же. – Основы ... – С. 94; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. / Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. и др. – Новосибирск, 1988. – С. 73.
- ¹⁹ Хазанов А. М. Социальная история скифов. – М., 1975. – С. 11; Плетнева С. А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. – М., 1982. – С. 36–42.
- ²⁰ Хазанов А. М. Социальная история ... – С. 58–59.
- ²¹ Генинг В. В., Генинг В. Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев, 1985. – С. 136 – 152.
- ²² Лысенко Н. В. К вопросу об ориентировке погребений могильника Красная Горка (VIII–X вв.) // Сборник докладов 44-й студенческой научной конференции исторического факультета ХГУ. – Харьков, 1992. – С. 26–30.
- ²³ Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – С. 160.
- ²⁴ Там же. – С. 114.
- ²⁵ Там же. – С. 116.
- ²⁶ Там же. – С. 159.
- ²⁷ Традиционное мировоззрение ... – С. 80–81.
- ²⁸ Хазанов А. М. Социальная история ... – С. 60.
- ²⁹ Традиционное мировоззрение ... – С. 76, 77.
- ³⁰ Там же. – С. 72.
- ³¹ Косарев М. Ф. Основы ... – С. 98.
- ³² Грачева Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 59.

ГДЕ, КАК И ЧЕМУ УЧИЛСЯ ПРЕПОДОБНЫЙ ФЕОДОСИЙ ПЕЧЕРСКИЙ? К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ И КРУГЕ ЧТЕНИЯ В КИЕВСКОЙ РУСИ В XI ВЕКЕ

Н. А. Измайлова

В памятнике литературы Киевской Руси XI века „Житии Феодосия Печерского“¹ (далее – ЖФП) в части, посвященной детству Святого, читаем:

κ' σιμ' νε ι δατι σ4 να ου'ενι5 β>νστωхvυh' κνιγ'. 5δινομου /τ' ου'ιτελх
4κone ι

σtwopi. ι w'σkor\ ιζwy'e wσ4 γραματικι4. ι 4κο νε wσ\μх 'υδιτι σ4 ο
πρεμουδροστι ι

ραζουμ\δ\τι]α. ι ο σκореμх 5γo ου'ενι покорени5 νε 5γo ι powinowewи5 κ' to
ι σlow\σтх.5νε σ'τ-να w' ου'ενι σwoeμх. νε τ'κμο νε κ' ου'ιτελ ι σwoδμου v' ι
κ' wσ\μх

ου'α]ιμ' σ-. (28a13-27). ЖФП – единственное сохранившееся в раннем списке XII-XIII века оригинальное *монашеское* житие эпохи Киевской Руси, в которое включено описание детства Святого и его учения. В контексте противоречивых суждений об образовании в Киевской Руси в XI веке интерпретация фрагмента именно из ЖФП приобретает исключительную важность².

В анализе житийных произведений вообще и эпизода жития об образовании преподобного Феодосия, в частности, возможны подходы, которые еще в конце XIX века обсуждал российский историк В.О. Ключевский³. Ключевский считал задачей исследователя агиографии отделение исторического ядра содержания произведения от литературных приемов в изображении Святого. Идеи Ключевского были развиты в последующих исследованиях⁴. В данной статье привлечены существующие подходы, а также обсуждаются другие возможные подступы к интерпретации эпизода об учении Феодосия.

Если выделить в приведенном отрывке из ЖФП „исторические факты“, то автор ЖФП, Нестор, свидетельствует:

1. Феодосий сам решил учиться.

2. Он решил „дати ся на оучение“, β>νστωхvυh' κνιγ'.

3. Отрок учился у „одного из учителей“, что означает, что в провинциальном городе учитель был, по крайней мере, не один.

4. Вскоре он изучил wσ4 (! – Н.И.) γραματικι4.

5. Он отличался умом и прилежанием.

6. Учитель учил не одного Феодосия, но и других учеников одновременно, то есть, возможно, в школе.

Остается неясным: что подразумевается под словами β>νστωхvυ5 κνιγψ и wσ4 γραματικι4, на каком языке велось образование, соответственно кем, русином или греком был учитель?

Начнем с интерпретации двух понятий: $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$ и $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴. Выражение $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$ может быть объяснено по-разному. Для старославянского периода оно могло значить как „буквы, письмена“, так и „книги Св. Письма“. Для периода Древней Руси это понятие означает – особенно с определением $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma$ – корпус существовавшей тогда богослужебной литературы, включая книги Св. Письма⁵.

В литературе вопроса также наблюдаются различные определения понятия $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴. Показательными в этом отношении являются словарные статьи СЛДРЯ XI–XIV вв. и СЛРЯ XI–XVII вв. Так, в СЛДРЯ XI–XIV вв. даны два таких значения слова $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴: 1. *Искусство читать и писать, грамота* и 2. *Грамматика* (составная часть античного образования). Причем рассматриваемый фрагмент из ЖФП приведен для первого значения: $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ (7) -, (-4) 1. *Искусство писать и читать, грамота*⁶. В своем исследовании, посвященном специально ЖФП, Ф. Зифкес также отмечает, что $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ в ЖФП обозначает умение читать и писать: „ $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ wohl in der Bedeutung von „грамота“, also Lesen und Schreiben“⁷. В более поздних редакциях текста ЖФП по спискам второй Касьяновской редакции вместо двух понятий: $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$ $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ находим только одно – „писание“; в списках Арсениевской и первой Касьяновской редакции – „грамоту“⁸.

Однако, не исключено, что слово $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ в списке ЖФП по Усп.сб. называет науку „грамматика“. В СЛДРЯ XI–XVII вв. помещены две словарные статьи – *грамматика* и $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴: *Грамматика*, ж. Грамматика. Мнози же, не знающие ничтоже о внешнемъ оучении и правиле словесномъ, иже грамматика есть, такоже и о философии, сию безчествоваху и отъмнути тщяхуся. Мусик. Гр. Дил., 18. 1681 г. Грамматика учить знати глаголати и писати благо. Истом. Град. ц., 17 XVII в. // Книга, содержащая правила грамматики. Четыре грамматики печатные на греческом языке; *Грамматикия*, ж. и *грамотикия*, ж. То же, что грамматика⁹. И пример из ЖФП дан для второго значения слова. В „Материалах“ И.И. Срезневского фрагмент из ЖФП иллюстрирует значение $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ как наука, часть античного образования: $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ = $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ – $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa$ $\text{Κ}^{\prime} \tau \omicron \lambda \iota \gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ¹, $\iota \lambda \iota$ – $\kappa \upsilon \kappa^{\prime}$ $\epsilon \lambda \lambda \iota \nu \sigma \tau \omega \omega \alpha \tau \iota$. Гр. На□. XI в. $\iota \zeta \upsilon \omega^{\prime} \epsilon \omega \sigma^4$ $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴. Нест. Жит. 9еод. 2. – См. $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴. $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ = $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ – $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa$: $\Delta \omicron [\epsilon \acute{\epsilon} \delta \omicron \text{ Корсун} \dots \nu \alpha \upsilon \upsilon^{\prime} \iota \sigma - \tau \upsilon \text{ Видовхст} \iota \text{ бес}^{\prime} \delta \iota \iota \text{ кн}^{\prime} \epsilon \gamma \alpha \mu^{\prime} \text{ осм}^{\prime} \text{ `ас} \tau \epsilon \iota \text{ } \gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \alpha \text{ } \text{прелонх}$. Жит. Конст. Фил. XV в. $\text{I } \alpha \beta \iota \varsigma \text{ } \text{пр} \iota \mu \xi \text{ } \text{к} \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ¹ (sic). 51 $\text{πε } \sigma^{\prime} \omega \delta \alpha \tau \iota \text{ } \epsilon \lambda \iota \nu \xi \sigma \kappa \upsilon \iota$ 4 $\zeta \kappa^{\prime}$. Жит. Феод. Ст.¹⁰

Итак, представленная в научной литературе интерпретация понятия $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ в ЖФП противоречива. В данной статье рассматривается вопрос, является ли данное противоречие случайным, и какое из значений $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ приемлемо для объяснения этого понятия по списку ЖФП в Успенском сборнике.

Рассмотрим далее соотношение понятий $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$ и $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ в тексте ЖФП между собой. Если признать, что $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$ и $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ – только различные наименования одного и того же – („грамоты“, „букв“, „письма“), то речь идет о начале и конце одного процесса – изучения „божественных книг“, – корпуса существовавшей тогда богослужебной литературы, описанного синонимичными выражениями.

Другие возможные толкования: $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$ и $\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴ – это различные реалии. Предлагаем несколько промежуточных интерпретаций. 1. Предмет изучения – $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$, то есть книги Святого письма. На основе этих книг учился Феодосий элементарной грамоте ($\gamma \rho \alpha \mu \alpha \tau \iota \kappa \iota$ ⁴). 2. Предмет изучения – $\beta > \nu \sigma \tau \omega \chi \nu \upsilon \varsigma \kappa \nu \iota \gamma \upsilon$, книги Святого письма; способ изучения

„божественных книг“, привнесенный из Византии, – γραμματικῆ (наука грамматика, или то, что в Византии этого периода называлось γραμματικῆ)¹¹?

Следует обратить внимание на наличие определения „вся“ по отношению к γραμματικῆ в ЖФП. Наличие определения может свидетельствовать о стремлении автора показать, что Феодосий выучил все буквы (что выглядит довольно странно), либо желанием подчеркнуть многозначность грамматики. Во втором случае γραμματικῆ в тексте можно понимать как номинацию именно науки „грамматика/ в ее нескольких частях¹². Если это так, то Феодосий владел *всеми* частями грамматики, от чтения до критики произведений. Αβ>στϖϡϣϣϥ κνιϣϣ, в таком случае, служили объектом изучения.

Такая интерпретация может быть опровергнута из-за отсутствия достаточных свидетельств об образовании, и, в частности, что в Древней Руси использовались переведенные трактаты по грамматике¹³. До нашего времени дошел только неясный по содержанию перевод из трактата Георгия Хиробоска в „Изборнике Святослава 1073 года“. Кроме того, если быть настроенным скептически, то трудно поверить, чтобы со времени крещения Руси в 988 году и первого упоминания об учении в „Повести временных лет“¹⁴ до середины XI века уже устоялась образовательная система, частью которой является называемая в ЖФП γραμματικῆ. И даже учитывая свидетельство той же летописи о просветительской деятельности Ярослава (1037 г.)¹⁵ нельзя сделать никакого определенного вывода о грамотности и сути образования в тот период.

Но все же утверждение об отсутствии или ограниченности образования в Киевской Руси, основанное на том, что до нас не дошло достаточное количество исторических свидетельств, и механизмы распространения образованности и его формы нам не известны, представляется поддающимся определенной корректировке. Подходы, основанные на определении образованности и круга чтения автора (понятий для периода раннего средневековья трудно отделяемых друг от друга) путем внутритекстового анализа произведений, особенностей их композиции и языковых средств, позволили бы даже при отсутствии древнекиевских исторических свидетельств или их ограниченности выяснять причины появления той или иной реалии содержания и формы в древнерусском тексте. В развитии таких подходов для периода XI–XII веков бесценным оказывается византийский сравнительный материал. В ЖФП Нестор упоминает как известные ему Жития Антония Великого и Саввы Освященного Александрийского, Феодосия Иерусалимского и Саввы Освященного, написанные византийским писателем VI века Кириллом Скифопольским, наблюдаются влияния других произведений византийской житийной литературы. Эти влияния выяснены недостаточно¹⁶. Тот факт, что Нестору были известны произведения византийской литературы, позволяет привлекать свидетельства об образовании (его формах и содержании) в византийских исторических произведениях и корпусе житийной и богословской литературы.

Корректность приведенных выше интерпретаций содержания образования преподобного Феодосия понятий (β>στϖϡϣϣϥ κνιϣϣ и γραμματικῆ) определяется путем сопоставления эпизода об учении Св. Феодосия с фрагментами об образовании Святых в византийских житиях. На первом этапе сравниваются фрагменты об учении в ЖФП с соответствующими фрагментами пространных византийских житий, относительно которых доказано, что они существовали в *древнерусском переводе* к концу XI века (время написания ЖФП)¹⁷. Это жития Св. Саввы Освященного (ЖСО)¹⁸, Нифонта (ЖН)¹⁹, Феодора Студита (ЖФСт)²⁰, Иоанна Златоуста Георгия Александрийского (ЖИЗ)²¹, Василия Нового (ЖВН)²². На втором этапе достоверность исследо-

вания углубляется использованием свидетельств о детстве и образовании Святых и *других* византийских житий периода до XI века. Для сравнения привлечены также хронологически предшествующие ЖФП „Житие Константина-Кирилла Философа“ (далее – ЖК)²³ и „Чтение о житии и погублении ... Бориса и Глеба“, написанное Нестором ранее, чем ЖФП.

Сравнение византийских житий и ЖФП подчинено таким задачам: выявить, как переводились греческие слова, описывающие учебу Святых, в славянских житиях, то есть, как понимали и переводили древнеславянские переводчики эти термины, и определить, не является ли описание учебы Феодосия результатом преваширования „литературной формы“ в описании жизни Святого?

В „Житии Саввы Освященного“, на которое ссылается, как на известное ему, сам автор ЖФП, Нестор, и влияние которого на ЖФП отмечено многими учеными, обучение Святого описано так: *κά +ν λφγωι χρωι ≠ τε ψαλτριον +κμαθνει, κά τυ λοιπν του κοινοβιακου καννο κατιστασιν. Τη δΕ ερημητων α-του θεφων ε⁷ σ^ομβασιν +λθιτων²⁴*. Древнеславянский перевод: *и w' маλλ wr'мени псалтурп. и зъук[оу. и про,и монастурхскааго оустава. wσх,iv' i vpaw'²⁵*. В ЖСО кратко описывается обучение Святого уже в монастыре, и ничего не сказано о „божественных книгах“ или грамматике.

В ЖФСт обучение Феодора показано в следующих двух фрагментах, расположенных последовательно: *ιπε ι μλαδ\μ' τ\λ'μξ β>νξστωχναγο ηρχ]ени4 σ'ποδοβ\χ σ4. δοβρ\5 πε πξγωι w'ζδραστχ 6 ροδιτελ1 να'ξv'. ι *γραμματαμ' w' vih' πξρωο5 ναου'ени5* предава5тξ σ4. 5μουπε ι να β>λγoδ\χ ζ\λο βу<σ²⁶*. Слова византийского жития *γραμματιστ⁸ +φ τν προπαφδειαν +κμαθε\ν παραδδοται²⁷* переводятся дословно „учителю, чтобы предварительное обучение усвоить“. Значит, фрагмент об обучении Святого почему-то изменен переводчиком. Различие можно объяснить тем, что в греческом языке *γραμματιστ⁷*, 1 элементарный учитель, обучающий чтению и письму; 2 писец, секретарь²⁸. В древнеславянском языке не существовало нескольких названий учителей, как в греческом (ср., например, в описании обучения Св. Иоанна Златоуста другое название учителя: *διδσκαλo, ^* – учитель, наставник²⁹. И чтобы отразить содержание образования, которое давал *γραμματfστη*, то есть, обучение элементарной грамоте, этот фрагмент переведен „γραμματαμ' ...πξρωο5 ναου'ени5“.

Описание образования Феодора Студита продолжает следующий пассаж: *ι ου'ени1 ω'ν\[\xiνδμου прикаσα[ε σ4. ιπε ι τξ]ани5 ιμ\4. νειζδρε'ενχνο1 δχρζοσт1. ι αβι5 πρι5μξ крамотки1. 51 πε σ'w\δατι ελινξскуι 4зук'.ι творξχημ' w'νια4. 6 vih' ve ve βασνι. νο полхζξνα4 w'σπρι...μ'. про,α4 πρεζξρw' /σтаwι. та,ε πο тоμχ ι ριτορικι1 про[χd' ³⁰. *Грамматика*, поставленная в один перечислительный ряд с *риторикой*, здесь обозначает именно грамматику как науку. То есть, словом *крамотки1* (*γραμματικv* – В.п.) переводится греческое слово *γραμματικ³¹*.*

В ЖИЗ фрагмент об обучении Иоанна переведен с греческого на древнеславянский так: *κά +πιτ,δειo λοιπν γfγωνε πρ̄ την ερην κά βελτfστων γραμμτων μησιν. παραδδοται μFν τοι τινι διδασκλωι εf διδαχv; ι wχδαν' βυo να,ιστι5 iÜ δοβру5 κFнууу ουÜ,ιτι σε. πριδα[ε ve ι ου,ιτελ1 να ουÖ,ени5.³²*

Слово *γρμματα*, τo, ≠ обозначает все начерченное: 1. письменный знак, буква, изображение, образ, рисунок, надпись. 2. все написанное, письмо, книга, сочинение, запись, об. Во мн. ч.; в Н.З. *γρμματα* книги Ветхаго завета. 3. та *γρμματα* чтение и письмо, элементарные науки: *μαθνειν, δfδασκειν τ γρμματα*; вооб. науки, литература³³. В ЖИЗ в греческом тексте слово употреб-

пено в множественном числе и с определениями $\epsilon\rho\upsilon\nu\ \kappa\acute{\alpha}\ \beta\epsilon\lambda\tau\iota\sigma\tau\omega\nu$. Слово $\gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$ с определением $\epsilon\lambda\epsilon\theta$ ($\epsilon\lambda\epsilon\theta\ \gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$) имеет значение „Holy Scriptures“³⁴. Наличие определений, конкретизирующих понятие $\gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$, позволяет истолковать слово $\gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$ именно в смысле Св. Писания. Можно сделать вывод, что Св. Иоанн сначала изучал с учителем книги Св. Писания.

Далее в ЖИЗ показано, что Иоанн изучил науки грамматику, риторику и софистику: $\pi\lambda\eta\rho\acute{\sigma}\alpha\ \delta\epsilon\ \tau\upsilon\ \tau\eta\nu\ \gamma\rho\alpha\mu\mu\tau\omega\nu\ \pi\alpha\tau\delta\epsilon\upsilon\sigma\iota\nu\ \mu\alpha\theta\eta\tau\epsilon\sigma\iota\ \lambda\iota\beta\alpha\nu\phi\omega\iota\ \tau\ \Sigma\omicron\phi\iota\sigma\tau\iota\varsigma,\ \epsilon\upsilon\delta\acute{\rho}\ \epsilon\tau\ \kappa\rho\upsilon\nu\ \sigma\kappa\eta\mu\epsilon\nu\omega\ \tau\upsilon\ \tau\epsilon\ \gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\iota\kappa\upsilon\ \kappa\acute{\alpha}\ \sigma\omicron\phi\iota\sigma\tau\iota\kappa\upsilon\ \kappa\alpha\ \eta\tau\omicron\rho\iota\kappa\upsilon\ \pi\alpha\iota\delta\epsilon\iota\alpha\nu;$ $\kappa\omicron\theta\upsilon\nu\ \theta\alpha\omega\theta\ \pi\epsilon\ \kappa\rho\nu\iota\pi\theta\omicron\nu\alpha\ \sigma\lambda\omega\epsilon\sigma\alpha\ \pi\rho\iota\sigma\tau\omicron\upsilon\lambda\iota\ \kappa\alpha\ \lambda\acute{\epsilon}\omega\nu\omega\nu\iota\ \omicron\upsilon\tilde{\upsilon},\ \iota\tau\iota\ \sigma\epsilon\ \text{ff}\lambda\omicron\sigma\phi\iota.$ $\text{ss}\ \ / \beta\omicron / \delta\omicron\ \kappa\omicron\nu\theta\omicron\sigma\alpha\ / \tau\chi / \theta\ \beta\lambda\alpha[\epsilon\ \text{hy}\theta\tau\rho\chi\ \gamma\rho\alpha\theta\mu\alpha\tau\iota\kappa\upsilon\ \iota\ \sigma\omicron\phi\iota\sigma\tau\epsilon\iota\ \iota\tilde{\upsilon}\ \rho\iota\tau\omicron\rho\iota\kappa\epsilon\iota.$ ³⁵ И во втором фрагменте в греческом тексте находим $\tau\eta\nu\ \gamma\rho\alpha\mu\mu\tau\omega\nu$, уже без определения. $\tau\eta\nu\ \gamma\rho\alpha\mu\mu\tau\omega\nu$, однако, переведено выражением „книжные словеса“, которое соответствует второму значению слова в словаре Вейсмана: „все написанное, письмо, сочинение, запись“. А слово $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\iota\kappa$ называет науку грамматику, поскольку стоит в одном перечислительном ряду с названиями других наук.

В ЖВН Амфилохия Иконийского находим: $\beta\upsilon\omega\nu\ \delta\alpha\nu\ \beta\upsilon\sigma\tau\chi\ \rho\omicron\delta\iota\omega[\iota\mu\ \iota\ \kappa\nu\iota\gamma\alpha\mu\ \omicron\upsilon,\ \iota\tau\iota\ \sigma\acute{\alpha}$, что в греческом оригинале: $\epsilon\tau\ \gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$ ³⁶.

В ЖН в греческом тексте: $\pi\alpha\rho\alpha\delta\omicron\upsilon\sigma\alpha\ \alpha\text{-}\tau\eta\nu\ \tau\omicron\upsilon\ \kappa\rho\mu\alpha\theta\eta\nu\epsilon\iota\nu\ \tau\ \theta\epsilon\llbracket\alpha\ \gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha.$ ³⁷ В древнеславянском переводе: $\text{полекου]ισ}\acute{\alpha}\ \text{πρε}\delta\alpha\sigma\iota\ \epsilon\gamma\omicron\ \omicron\upsilon\ \iota\tau\iota\ \sigma\acute{\alpha}\ \beta\omicron\nu\epsilon\sigma\tau\omega\nu\epsilon\nu\mu\ \pi\iota\sigma\chi\mu\epsilon\nu\epsilon\mu\ \prime$.

Итак, в представленном сопоставительном материале наблюдаются такие закономерности: греческое $\gamma\rho\upsilon\mu\alpha\tau\alpha$ переводится последовательно как Св. письма или книги, книжные словеса, в то время как $\gamma\rho\alpha\mu\mu\alpha\tau\iota\kappa$ переводится как $\gamma\rho\alpha\mu\alpha\tau\iota\kappa\iota\acute{\alpha}$ (граматикия), и именно с окончанием, которое характерно для наименований и других наук, ср.: философия, риторика, софистия. Эти словообразовательные особенности важны для выводов о переводческой технике. Последовательное различие *письмена книга*) и $\gamma\rho\alpha\mu\alpha\tau\iota\kappa\iota\acute{\alpha}$ свидетельствует о том, что ко времени написания ЖФП эти термины не смешивались. В славянских текстах отчетливо отражено деление на предварительное обучение буквам, на основе Св. Письма, – с одной стороны, и изучение грамматики и риторики – с другой. Соответственно можно предположить, что выбор слова $\gamma\rho\alpha\mu\alpha\tau\iota\kappa\iota\acute{\alpha}$ у Нестора не случаен.

Что касается выражения $\beta\text{-}\nu\sigma\tau\omega\chi\nu\upsilon\delta\ \kappa\nu\iota\gamma\upsilon$, то фрагмент ЖФП, который предшествует описанию обучения Феодосия $\rho\alpha\sigma\tau\upsilon\ \omicron\upsilon\beta\omicron\ \tau\lambda\ \mu\chi\ \iota\ \delta\text{-}[ε\iota\ \omega\lambda\epsilon\kappa\omicron\mu\ \nu\alpha\ \lambda\iota\beta\ \omega\chi\ \beta\text{-}\nu\iota\ \iota\ \eta\omicron\nu\alpha[\epsilon\ \rho\omicron\ \omega\chi\ \sigma\acute{\alpha}\ \delta\text{-}\nu\iota\ \omega\ \epsilon\text{-}\rho\kappa\omega\chi\ \beta\text{-}\nu\iota\ \rho\omicron\sigma\lambda\omicron\upsilon[\alpha\ \beta\text{-}\nu\sigma\tau\omega\chi\nu\upsilon\eta\ \kappa\nu\iota\gamma\ \prime$. $\sigma\ \omega\sigma\ \mu\chi\ \omega\ \nu\iota\mu\alpha\nu\iota\delta\mu\chi$ ³⁸ включает характерную форму глагола *послушати* – „слушать, внимать“. Это подтверждает, что под $\beta\text{-}\nu\sigma\tau\omega\chi\nu\upsilon\ \kappa\nu\iota\gamma\upsilon$ подразумеваются не буквы, грамота, а именно книги Св. Письма.

Рассмотрим теперь отношение фрагмента об обучении Феодосия к агриографическим топосам. Описание обучения Святого действительно является одним из наиболее устойчивых топосов в агриографии. В рассмотренных житиях (ЖФСт, ЖИЗ, ЖН, ЖВН) представлены сведения о предварительном обучении Святого. В двух из житий о Святых сказано, как и о Феодосии Печерском, что:

1. Феодор Студит сначала учился „книжным словесам“, а потом $\rho\rho\iota\delta\mu\zeta\ \kappa\rho\alpha\tau\omicron\tau\iota\kappa\iota\ \iota$ (ЖФСт);

2. Иоанн Златоуст после предварительного обучения овладел „грамматикой“, „риторикой“ и „софистией“ (ЖИЗ).

Подобное последним двум житиям „дихотомное“ свидетельство об образовании Феодосия находим и в ЖФП. Однако ни с одним из последних двух житий фрагмент об обучении Феодосия не совпадает. Суть образования

Святым во всех приведенных византийских житиях варьируется, и, скорее всего, отражает реальные факты их жизни.

Образцом для Нестора несомненно служила византийская агиография. В ЖФП он называет как известные ему Житие Антония Великого, Житие Саввы Освященного, Житие Евфимия Великого. Предположим, что он знал и другие жития, о которых он прямо не упоминает. Поэтому логично искать пути решения вопроса, является ли наличие фрагмента об образовании Феодосия данью агиографическим канонам, обратившись к данным об учении и в других византийских житиях.

В исследовании Пола Лемерля “Byzantine Humanism” сопоставляются эпизоды из более, чем 20 византийских житий, описывающие образование Святых³⁹. О предварительном образовании в эпоху иконоклазма автор пишет: “Elementary education is called *προπαιδεία* (Stephen the Younger, Michael Synkellos, Theodore the Studite, David of Mytilene), *προπαιδεία τῆν μαθημάτων* (Nicholas the Studite), *ἑσάγωγικά κά στοιχεῖδεί τῆν μαθημάτων τῚχναί* (Theodore the Studite). The subject taught is *γρμματα* (“letters”) (as opposed to the *μαθματα* (“learning”) of the secondary education), *πεζ γρμματα* (Andrew the Crete), *ιερ γρμματα*. This last phrase is the most frequent. Indeed, one learned to read and write from the sacred texts, and in one case the Psalter is specifically mentioned (Theodora of Thessalonica), and in another case some hymns (the empress Theophano)”⁴⁰.

У Лемерля находим также очень важную для предположительного толкования термина *грамматикья* в ЖФП ссылку: “The history of the word *+γκ*κλιό* has yet to be written... In our texts it refers to what may be called the curriculum of the “secondary-school” studies (clearly secular). But the terminology was employed quite loosely. Cf. this phrase, in the thirteenth century it is true, in GEORGE AKROPOLITES (ed. Heisenberg, I, p. 46, lines 13-15; cf. II, p. V, note 6): *Ἐκκαδεκαετη ὄν κα υυν τ? +γκυκλφου ἑπηλλαγμfvό παιδε*σεώ, ν γραμματικν κατονομζουσι οι πολλοf* (“being sixteen years old and leaving *general education now, which many call grammar*”)⁴¹.

И хотя последний фрагмент относится уже к XIII веку, нельзя ли допустить, что и в XI веке на Руси *грамматикой* могли называть *общее образование, следовавшее за обучением элементарной грамоте*? Тогда предположение о том, что Феодосий действительно изучал *грамматику как науку*, окажется верным.

П. Лемерль также показывает, что образование в Византии в период, близкий к интересующему нас, чаще всего состояло: “three ways” can easily be recognized: *grammar, rhetoric, dialectic*”⁴². В ЖФП показаны этапы предварительного обучения и обучения „грамматике“. Это может быть своеобразным „за“ в пользу мнения, что изображены „действительные“ факты жизни преподобного. Ведь, бесспорно следуя канонам, автор ЖФП „должен был“ отразить несколько стадий образования, подобных византийским.

Необычайно интересные результаты дает сравнение фрагментов об образовании Феодосия и Кирилла Философа. Описание образования Константина-Кирилла в ЖК, в отличие от ЖФП, подробное. Оно состоит из нескольких законченных, довольно объемных повествовательных эпизодов. Приведем лишь фрагменты, называющие способ, предмет или объект образования: *εγδα νε w’δαστα ι w’ ου, ενξ5 κνιννοε, σπ4[ε πα, ε wσ’h’ ου, ενικ’ w’ κνιγah’ λαμ-τf1 ι ηυτροστf1 δοβρο1 weλxμι, 4κο ι διωιτισ- wσ’μ’... ...στρανεv’ νε βλ v’kyι του, ουμ’α γραμοτικf1, ι κ’ νεμου [εδ’, μολ-[ε ι, ι να νογου εγο παδαα, wδααc- εμου: δοβρ\ δl-Ø, ναου,ι μ- ηουδονxστωου γραΟμοτι, xσκου... ...εγδα νε πρfιδε κ’ Cap1γραδου, w’δα[α ι ου, ιτελεμ’ da σ- ου, ιτx, ι w’ .g<. μ’σ- ci ναwυκ’ w’σ1 γραμοτικf1, ι πο προ,αα σ- 4t’ ου, ενξα. ναου,ι νε σ-*

ΟμιΟρου, ι γεομητρι, ιου Λ'ωα ι ου FoOτl δι4λεκσιςε, ι ψσ\μ' φιλοσ/9σκυμ' ου,ενξεμ', κ' σιμ' νε ι ριτορικφι ι αρι9μικφι, ι αστρονομφι, ι μουσικφι, ι ψσ\μ' προ,ιμ' ελλινχσκυμ' ου,ενξεμ'. Τακνε - ναwy,ε w'σ-, 4κνε νι εδιν' /τ' νη' ναwy,ε. Σκοροστх βο σ- σ' πριλεванξем' σ'κλ1,ι, ι δρουγα δρουγου πρισπ\1]ι, ιμ νε σ- ου,ενξα ι ηουδονχστwa σ'wp'[-1тх. Βολλ νε ου,ενξα тihy obpαζ' να σεβ\ 4wλ-4, σ τ\μι βεσ\δowa[ε, σ' νιμνε β\α[ε πολεξ\νε,ουκλαν-ασ- /t' ουκλαν-1]ihσ- w' στροп'т...⁴³

Сравнение выделенных фрагментов показывает, что в ЖФП и ЖК совпадают многие ключевые выражения и слова.

ЖФП: δατι σ4 να ου,εν15 β>νστωxνyh' кνιγ'... w'σkor\ ιξwy,ε ψσ4 γραματικι4... ψσ\μх υδιτι σ4 ο πρεμουδροστι ι ραζουμ\ δ\τι]α. ι ο σκορεμх 5yo ου,ενι ποκορεν15 νε 5yo ι πωινωνεν15 κ'το ισπω\στх.

ЖК: w'δαστι ι w' ου,ενξ5 κνινнове ... w'δa[α ι ου,ιτελεμ' da σ- ου,ιтх... παμ-тfl ι hyтpocтfl... διwιтис- ψσ\μ'... ι w' g< μ\σ-сι ναwυκ' w'σ1 γραμοтикfl... Σκοροστх βο σ- σ' πριλεванjем' σ'κλ1,ι... тihy obpαζ'.

Эти слова и выражения не совпадают дословно (обучение грамматике стоит ЖК в ряду с другими науками: κ' σιμ' νε ι ριτορικφι ι αρι9μικφι, ι αστρονομφι, ι μουσικφι, ι ψσ\μ' προ,ιμ' ελλινχσκυμ' ου,ενξεμ'), так же, как они не совпадают дословно с фрагментами из византийских житий. Мы имеем здесь дело не с простым цитированием или заимствованием, а с творческим принципом.

Возвращаясь к дискуссии о методах изучения агиографии, о специфических способах выражения, присущих жанру, необходимо отметить следующее. В научной литературе уже высказаны положения о специфических формах выражения в древнерусской средневековой литературе. О такой специфической форме выражения, присущей средневековой литературе вообще и жанру агиографии, в частности, как „мозаичная техника“, говорит в своей книге „Святость и святые в русской духовной культуре“ В.Н. Топоров⁴⁴. Средневековый автор, подобно мозаичному мастеру, составляет свое произведение из частиц, уже отработанных в литературной практике. Не вдаваясь в обсуждение самой концепции, а только используя терминологию В.Н. Топорова применительно к нашему случаю, следует отметить, что судя по количеству совпадающих единиц „мозаики“ в одном фрагменте, ЖК с большой вероятностью следует считать еще одним источником Несторова ЖФП.

Обобщая результаты и отвечая на вопросы, вынесенные в заглавие статьи, разделим выводы из всего сказанного на две группы. Первая группа выводов касается вопроса о круге чтения и образовании самого автора ЖФП, Нестора. Круг чтения автора ЖФП далеко не ограничивается упоминаемыми им самим византийскими житиями. Согласно результатам нашего анализа, к этому кругу с большой вероятностью следует причислить также ЖК. Автор ЖФП обнаруживает также знание греческой терминологии. Еще одним подтверждением тому, что термин γραματικι4 употреблен в ЖФП в оппозиции термину „грамота“, служит отрывок из предшествующего произведения Нестора „Чтения о житии и погублении ... Бориса и Глеба“. Этим фрагментом иллюстрирует И.И.Срезневский значение „Грамота, учиться грамоте, грамотам“: Βορισ'...w□α[ε βο κνιуу ι `т-[ε. β-[ε βο ι γραμοτ\ ναου,εν'. Нест. Бор. Гл. 8.⁴⁵ Существует также очень большая вероятность того, что автор ЖФП знал греческий язык. Так, В.Ф. Дубровина показывает широкое использование в оригинальном тексте ЖФП синтаксических субстантивных конструкций и субстантивированных выражений с местоименной формой -ve, -4ve, -ive, созданных по образцу греческих синтаксических конструкций⁴⁶. Однако ав-

тор объясняет наличие „значительного количества“ таких конструкций влиянием переводных текстов. Ситуация выглядит, на наш взгляд, не столь однозначно. Наличие таких конструкций вполне возможно объясняется образованностью автора ЖФП, знанием греческого языка и того, как переводить соответствующие греческие конструкции. Здесь появляется широкое поле для дальнейших исследований синтаксического построения текста ЖФП, его зависимости или независимости от синтаксического строя византийских агиографических произведений.

Переходя ко второй группе выводов, касающихся того, где, как и чему учился первоходный Феодосий Печерский, следует отметить следующие моменты. Тема „учение Святого“ является архитопосом в житийной литературе. Большинство житий его содержит. Однако, даже и в византийских житиях описание учебы Святых варьируется соответственно реальным фактам жизни. Одним из принципов создания агиографического произведения, о которых пишет византийский автор XI века Михаил Пселл, современник автора ЖФП, является принцип „говори правду“⁴⁷. Другое дело, что эта правда в ЖФП передана кратко, облачена в традиционную форму. Итак, Феодосий учился читать божественные книги (богослужебные книги). Они были предметом обучения. Грамматика во *всех* ее частях была способом обучения или этапом обучения?

Возможно снова занять позицию скептика и привести аргументы против того, что в ЖФП описано действительное образование преподобного Феодосия. В отличие от византийской агиографии, насчитывающей довольно большое количество житий (что позволяет „статистически“ иметь более или менее достоверное представление о содержании образования в Византии), на основании данных одного ЖФП выводы об образовании эпохи Киевской Руси не имеют достаточной убедительности. Но с другой стороны, простое отрицание наличия образования для периода XI века противоречит многим фактам: и изложенным в данной работе и наличествующим в литературе вопроса⁴⁸.

В случае со Св. Феодосием, на наш взгляд, существует возможность доказать или опровергнуть положение о том, изучал ли Феодосий грамматику как искусство, состоящее главным образом в понимании прозаиков и поэтов, в легком изложении рассказов и в теории правильности речи и письма. Такая возможность – дошедшие до нашего времени произведения самого Феодосия Печерского. Это пять поучений к братии о монашеских добродетелях (терпении, любви, прощении, милосердии, смирении, посещении храма и молитве), два утешительных слова о душевной пользе, „молитва за все крестьяны“⁴⁹. Само существование произведений Феодосия позволяет усомниться в том, что за словами *w' скор\ iζwu, e wσ4 γραμματικ4* стоит только изучение элементарной грамоты. Для того, чтобы написать поучения, которые „по стилю и содержанию ... напоминают аналогичные поучения Феодора Студита, служивших Феодосию образцом и прямо упомянутых в тексте“⁵⁰, преподобному Феодосию необходимо было не только элементарное умение читать и писать, но и знание принципов современной ему „грамматики“.

¹ „Житие Феодосия Печерского“// „Успенский сборник XII–XIII веков“/ под ред. О. А. Князевской и др.). – М., 1971. – С. 71–135.

² Срвн. обзор научных работ об образовании в Киевской Руси: Podskalsky, G., *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237)*, München 1982, с. 73–76.

⁴ Boertnes, J., Visions of Glory. Studies in Early Russian Hagiography, Oslo 1988. Ср. особенно с. 17: «Scholars continued to examine the hagiographical texts to try to trace possible historical facts. Their aim was to isolate all extraneous matter, everything, that early Russian Hagiographers had to take from other sources. Thus, the *vitae* have been subjected to extensive textual criticism with a view to uncovering and identifying borrowings and quotations from Byzantine and Slavonic sources (e.g. Shakhmatov 1896, Bugoslavskij 1914, Čiřevskij 1950, and in particular Siefkes 1970, 149–271). Another objective was to clarify the relationship between extant variants of the same work, or between different versions of the same theme in works belonging to different genres (e.g., Müller 1954, Fennel and Stokes 1974). At the same time there have been scholars who tried to overcome Ključevskij's negative assessment of the historical value of the Lives; this could be done by placing them in their historical contexts and analysing their significance in the history of ideas (e.g. Kadlubovskij 1902, Fedotov 1931, Likhachev 1962), and by trying to find traces of the politico-historical development in the hagiographical texts (e.g. Adrianova-Peretc 1974b). However, it has proved to be the case that the Lives of Saints cannot be understood even as documents in the history of ideas or as contributions in the political power struggle without prior analyses of the specific modes of expression belonging to the genre».

⁵ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: Т. 1–3. – СПб., 1893–1903. – Стлб. 1391–1393.

⁶ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 томах. – М., 1989. – Т. 2. – С. 384.

⁷ Siefkes F., Zur Form des *Ĥitije* Feodosija. Vergleichende Studien zur byzantinischen und altrussischen Literatur, in: Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik 12 (1970), S. 131.

⁸ Tschüewskij, D. (Hg.), Das Paterikon des Kiever Höhlenklosters, München 1964, S. 23.

⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв.: Вып. 4 (г-дяфинь), М., 1977. – С. 118, 119.

¹⁰ Срезневский, т.1, с. 578, 584.

¹¹ Grammar (γραμματικ) for Dionysios Thrax grammar was “the practical knowledge of the language generally used by poets and prose writers” and was subdivided into topics such as orthography, prosody, morphology, mythology and figures of speech (but not syntax). It was thus a descriptive study of the language of Greek literature. Byz. teachers continued to use Dionysios's brief treatise and built round it a vast corpus of commentaries; in their hands, however, as the spoken language diverged more and more from the classicizing language of literature, grammar became prescriptive rather than descriptive, and laid down rules for correct spelling, inflection, meter, etc... The principal textbooks used until the 12th c. were Dionysios Thrax with his Byz. Commentaries“ (A.P. Kazhdan, Grammar, in: The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2., 1991 New York and Oxford, p. 865–866).

¹² Дионисий Фракийец. Грамматика // Античные теории языка и стиля. - М., 1936. - С. 106. Согласно трактату Дионисия Фракийца частей у грамматики шесть: „Чтение, умелое, соответственно просодии; объяснение согласно наличным поэтическим тропам; общепонятная передача трудных слов и рассказов; нахождение этимологии; отбор аналогий; оценка произведений, что является самым ценным в этом искусстве“.

¹³ Срвн., например, обсуждение и вывод в одной из последних работ, посвященных этому вопросу: „Clearly, there was no stage in the early Slavic literary tradition similar to Byzantium, for example, which was preoccupied with a systematic learning of grammar... Ivanova, T., Learning in the ninth-tenth century Slavia Orthodoxa, in: Annual of Medieval Studies AT CEU, 6 (2000), с. 43.

¹⁴ *ι να, α σταυρι по γράδομ? >κωι. ι πολυ ι... να κ>ρ]υχε приводи по ψ\μ' γράδομ' ι σελομ'. послав' να, α ποιατι ου ναρο, τοε .αδι. διτι ν δα4τι να'α να ου'ενх5 κνινное. μ>тре νε 'ад' сih' плакаhu по vih'. εε βο νε β-hou σ- outwerδili wpoι. vo аку по μ>ртweci плакаh' σ- . Повесть временных лет, в: Полное собрание русских летописей, 1 Лаврентьевская летопись. Ленинград 1926, с. 118, 141.*

¹⁵ *σοβρα пис\ муоу. ι πρακ4аδaε 6 Греκ' ваε Σλω\νхское писмо. ι σπισα[α κνιу μουу. ι σниска цитε που,αε σ- w\рхvι λιδхе νασλανα1тх σ- . Там же, с. 151 – 152.*

¹⁶ Podskalsky, с. 123.

¹⁷ Дурново Н. Н. Введение в историю русского литературного языка. – М., 1969.

¹⁸ Помяловский И. Житие Св. Саввы Освященного, составленное Кириллом Синопольским в древнерусском переводе. По рукописи Императорского общества любителей древней письменности // Издание Императорского общества любителей древней письменности. – ХCVI (96). – СПб., 1890.

¹⁹ Выголексинский сборник / под ред. В.Ф. Дубровиной, В.С. Гольшенко. – М., 1977. – С. 1–8.

²⁰ Там же, с. 69–133.

²¹ Hansack, E., Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandria in kirchenslavischer Übersetzung (= Monumenta linguae slavicae dialecti, 1975), s. 118–119, 138–139.

²² Соболевский А.И. Жития святых по древнерусским спискам // Памятники древней письменности и искусства. – Т. CXLIX. - СПб., 1903.

- 23 Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Ленинград. – 1930, С. 3–5.
- 24 Помяловский, с. 7.
- 25 Там же, с. 13.19–15.10.
- 26 Выголексинский сборник, с. 144 (3865–10).
- 27 Там же, с. 144.
- 28 Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт 5-го издания. – М., 1991, с. 278.
- 29 Hansack, с. 324.
- 30 Выголексинский сборник, с. 145 (39.5–15).
- 31 γραμματικ (with or without τῆς γῆ) 1. grammar, pl. Crā 431 e, Sph 253a, etc.; γ. +πιστ,μη Arist. Top. 142 b 31 // Liddell, H.G., Scott, R., Greek-English Lexicon. Oxford 1996, p. 359.
- 32 Hansack, S. 118–119.
- 33 Вейсман, с. 277.
- 34 Liddell-Scott, p. 59.
- 35 Hansack, S. 119.
- 36 Цит. по: Соболевский, с. 34.
- 37 Ристенко І. Матеріали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. – Одеса. – 1925. – С. 5. В других списках: Парижской нац. б-ки № 1195, XIV-XV вв.: παραδοῦσα α-ῖν εῖς διδασκαλεῖον, θεωσα κά βιζουσα του μαθηνει αυτῆ τ ερ γραματα, Парижской нац. б-ки №301 XIVв. κά γραματα μαθηνει Моск. Син. Б-ки № 40, 1126 г. του *κμ. τ ερ γρ.
- 38 Усп. сб., с.74 (27г26–31).
- 39 Lemerle, P., Byzantine Humanism, Canberra 1968, pp. 108–113, 169–170.
- 40 Там же, с. 110.
- 41 Там же, с. 112.
- 42 Там же, с. 113.
- 43 Лавров, П. А., Материалы..., с. 3 – 5.
- 44 Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – М., 1996.
- 45 Срезневский, т. 1, стлб. 578. См. также: Грамота-письмена, азбука (γρμμα – черта): βῆ valisaṅo vaē vṁ' γραμοτοῖ Ἑλλινῆσκοῖ. ἰ Ριμῶσκοῖ ἰ ζιδῶσκοῖ (γρμμασιν). Феоф. Толк. Ев. (Оп. II.1.135)... – Начертание, письмена, надпись... weσx ve μρασορῖ σπολνεv' γραμοτῖ Ἑλλινῆσκηῖ' (γραμματοv) Козм.Инд. Письмо, почерк: Проста грамота (простое письмо, неукрашенное). Никон Панд. Сл. 2.
- 46 Дубровина В. Ф. Следы греческих конструкций в сочинении древнерусского автора // История русского языка и лингвистическое источниковедение. – М., 1987. – С. 88–98.
- 47 Fisher, E. A., Michael Psellos on the rhetoric of hagiography and the Life of St Auxentius, in: Byzantine and Modern Greek Studies, 17 (1993). – p. 45.
- 48 Срвн. данные последних находок новгородских археологических экспедиций в статье: Зализняк, А. А., Янин, В. И. Новгородский кодекс первой четверти XI в. – древнейшая книга Руси // Вопросы языкознания. – 2001. – № 5. – С. 3–26, особ. с. 7.
- 49 Ерёмин, И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского. – ТОДРЛ (Труды отдела древнерусской литературы). – 1947. – Т. V. – С. 173–181.
- 50 Podskalsky, с. 92.

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ БОЛГАРСКИХ ЧАСТЕЙ В СОСТАВЕ МОЛДАВСКОЙ АРМИИ (1806 – 1812 гг.)

А. С. Потрашков

История русско-болгарских отношений начала XIX в. тесно связана с русско-турецкой войной 1806–1812 гг. Именно в этот период произошло становление и оформление болгарского национально-освободительного движения как силы, способной значительно влиять на политическую обстановку на Балканах. Выступления болгарского населения против турецкого владычества происходили и ранее, но, как правило, носили стихийный характер и не привели к каким-либо положительным результатам. Для успешного ведения освободительной борьбы болгарам была необходима всесторонняя внешняя поддержка, которую могло оказать только крупное государство, имеющее достаточные ресурсы для подобной помощи. Поэтому кажется вполне естественным, что такой страной оказалась Российская империя, которая была заинтересована в ослаблении влияния Порты на Балканах. Кроме того, сближению болгарских патриотических кругов с Россией способствовали языковая, этническая и религиозная общность двух народов, а также, что не менее важно, успешные действия русских войск против турецкой армии на протяжении второй половины XVIII в. Нужно отметить, что и царское правительство рассчитывало использовать движение южных славян в борьбе с Портой. Так, например, министр иностранных дел России А. А. Чарторижский, предусматривая возможность распада Османской империи, имел проект создания на территории Балканского полуострова отдельных государств, пользующихся известной долей независимости во внутренних делах, но состоящих под верховным покровительством России¹. Начавшаяся в 1806 г. война с Турцией позволила правительству Александра I сделать практические шаги по использованию национально-освободительного движения болгар в интересах борьбы с Турцией. Одним из таких шагов стало формирование летом 1806 года в составе Молдавской армии добровольческих национальных болгарских формирований, которые в 1810–1811 годах оформились в «Земское болгарское войско».

Специально вопрос о формировании и действиях национальных болгарских частей в составе русской армии в 1806–1812 гг. практически не рассматривался в отечественной и зарубежной историографии XIX – начала XX в., однако некоторые общие сведения можно почерпнуть из работ А. И. Михайловского-Данилевского² и А. Н. Петрова³, посвященных истории русско-турецкой войны 1806–1812 гг. В советский период эта тема получила некоторое развитие как в российской, так и в болгарской⁴ историографии, однако здесь историческая объективность нередко приносилась в жертву политическим интересам и культивируемой в советско-болгарских отношениях концепции –

«Россия – старший брат Болгарии»⁵. Из общего ряда публикаций особо следует отметить статью Н. И. Казакова⁶, где на основе архивных источников подробно рассматривается вопрос использования национальных болгарских формирований в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Нужно отметить также, что негативно, с точки зрения объективности, на освещение темы повлиял сложившийся в советской историографии взгляд на личность М. И. Кутузова, действия которого на посту командующего русскими войсками принимались как аксиоматические и всестороннему критическому анализу не подвергались. В обстановке политической конъюнктуры Кутузов в работах многих историков советского периода предстает по отношению к балканским народам как борец за их национальные интересы. Так, например, Н. П. Муньков пишет: «Решительная и бескорыстная помощь Кутузова славянским народам Балканского полуострова – сербам и болгарам – укрепление братского боевого содружества с Россией – составляют одну из замечательных страниц в его дипломатической деятельности»⁷. В целом, не отрицая заслуг полководца, отметим, что подобные утверждения попросту не соответствуют социальным и политическим реалиям начала XIX в., а оценка деятельности Кутузова дается сквозь призму господствовавших в советской историографии представлений. С учетом всего вышесказанного, представляется уместным по-новому рассмотреть проблему формирования болгарских иррегулярных частей в российской Молдавской армии в 1806–1812 гг., исходя из сложившейся тогда в России военно-политической и экономической ситуации.

Еще до начала военных действий против Порты, летом 1806 г., в русской армии начали создаваться волонтерские команды из сербов, болгар и румын, получившие название «арнаутских». Как справедливо отмечает болгарский историк С. Дойнов, «... две враждующие стороны вознамерились решить спор, прибегнув к чужой военной поддержке. Но если Турция могла рассчитывать единственно на Наполеона Бонапарта, на его пространные и неискренние обещания, то Россия в лице поработенных христианских народов имела преданного и искреннего союзника»⁸. Учитывая этот факт, командующий Молдавской армией генерал И. И. Михельсон обратился к министру иностранных дел А. А. Чарторижскому с предложением сформировать из болгар и сербов вооруженные отряды: «Опыты прошедших войн с турками служат примером сколь полезны, и в случае опять войны с турками, даже необходимы, вербования арнаутов и сколь не трудны при том, ежели образ мыслей народов тех и прежде расположение к России не переменилось»⁹. Кроме того, нужно отметить и тот факт, что добываясь у правительства разрешения на формирование арнаутских команд, Михельсон и другие генералы имели для этого более серьезный аргумент – малую численность Дунайской армии (около 38 000 чел.), которая самостоятельно должна была противостоять гораздо более многочисленной турецкой армии. Со временем и при достаточной материальной поддержке эти национальные отряды можно было превратить в мощный стратегический резерв. В этом свете становится понятна положительная реакция царского правительства: «Что касается привлечения болгар, арнаутов и пр. – писал Александр I генералу Михельсону, – то в этом я полностью согласен с Вашим мнением о пользе и необходимости принятия подобных мер, поэтому уполномочиваю Вас привести к исполнению этот план...»¹⁰.

Первоначально формирование арнаутских команд было возложено на поручика Б. Новорещенова, а позднее – на имеющего большой опыт в подобных мероприятиях полковника Кантакузина. Кантакузин предложил

штабу Молдавской армии для оснащения и комплектования национально-ополчения прибегнуть к принципам формирования подобных частей во времена Румянцева¹¹. Арнаутские конные и пешие команды должны были широко использоваться в авангардных и разведывательных частях русской армии, нести патрульную службу, охрану военных объектов, почт и эстафет и т.п. Учитывая характер деятельности ополченцев, а также необходимость их содержания за счет средств армии, численный состав подобных подразделений не должен был превышать 500–600 человек¹². В январе 1807 г. в окрестностях Бухареста был сформирован так называемый «Черносербский гусарский полк» куда наряду с сербами вступило и большое количество болгар. Своё название полк получил из-за черной униформы кавалеристов. В это же время в составе сформированного тогда 1-го Волонтерского конного полка была создана «Булгарская арнаутская команда» в составе 11 обер-офицеров, 20 урядников, 238 рядовых под командованием поручика Танасия Неделкова. Позднее была сформирована еще одна добровольческая команда (болгаровлашская) под командованием ротмистра Шейновича в составе 8 офицеров, 15 урядников, 325 конных и 55 пеших добровольцев¹³. Эти добровольческие отряды принимали активное участие в боевых действиях против турок. Так, например, прикрепленные к отряду генерала Мясоедова болгарские ополченцы участвовали в походе русских войск на Обилешти. На подходе к цели (по тактическим соображениям добровольческие отряды двигались в авангарде русской армии) ополченцы наткнулись на шестисотенный турецкий отряд, который в ходе короткого боя был рассеян, а его командир Бююкпаша был взят в плен. Болгарские ополченцы участвовали и в бою при Гюргево (30 мая 1807 г.), когда небольшой отряд генерала Милорадовича разгромил превосходящие силы противника. Действия „арнаутов“ под начальством ротмистра Никитича в этом бою заслужили со стороны командования самую высокую оценку¹⁴.

Генерал А. А. Прозоровский, сменивший умершего в 1807 г. Михельсона на посту командующего Молдавской армией, был вынужден распустить по домам часть ополченцев¹⁵. Некоторые советские историки были склонны видеть в этом «недальновидность» российского самодержавия, опасавшегося негативного влияния, которое могли оказать болгарские добровольцы на обыкновенного русского солдата, недовольного своим социальным положением. Однако реальная причина заключалась в другом.

В августе 1807 г. между Россией и Турцией было заключено Слободзейское перемирие сроком на 7 месяцев. Вступив в должность командующего Молдавской армией, Прозоровский имел все основания полагать, что перемирие продлится гораздо дольше установленного срока¹⁶. На это указывала и нормализация отношений с Францией – главной союзницы Порты. К моменту заключения перемирия силы Молдавской армии насчитывали уже более 80 000 человек. Армия испытывала острый недостаток продовольствия, оружия, боеприпасов и других предметов первой необходимости. Случаи истощения и голодной смерти были нередким явлением¹⁷. Естественно начала падать и дисциплина. Участились грабежи и насилия, в которых были замечены и ополченцы. Командиры добровольцев часто не могли или не хотели навести порядок среди своих подчиненных, а зачастую сами занимались грабежами и воровством. Прозоровский отмечал, что они «...получая содержания на 1000 человек, обеспечивали 600, а остальное присваивали»¹⁸. В этих условиях роспуск ратников представлялся единственным выходом из создавшегося положения.

С возобновлением военных действий штаб армии вновь обратился к идее использования болгарских ополченцев. Так, в 1809 г. А. Прозоровский, составляя план военных операций против Турции, предполагал при наступлении на Балканы вооружить часть живущих там болгар и поручить им вместе с частями русской армии охрану горных проходов¹⁹. Новый этап в формировании болгарских национальных частей начался с назначением на место командующего Дунайской армией деятельного и энергичного генерала П. И. Багратиона, который прекрасно понимал, что вести военные действия на болгарских землях нужно только при всесторонней поддержке местного населения²⁰. В это время (май-октябрь 1809 г.) проводятся постоянные консультации между штабом Молдавской армии и представителями болгарского национально-освободительного движения. Багратион устанавливает контакт с жившим тогда в Бухаресте лидером болгарского освободительного движения епископом Софронием Врачанским. Софроний обещал Багратиону свое полное содействие успехам русского оружия (это касается в первую очередь разведки в глубоком тылу турецкой армии), но предупредил, что на всеобщее восстание болгар он может рассчитывать только когда русские войска вступят в Болгарию²¹. Из этого можно сделать вполне определенный вывод, что руководители болгарского национально-освободительного движения не вполне доверяли русскому командованию и опасались, что Россия в любой момент может заключить с Константинополем мир, а восставшие болгары, без поддержки русских войск, попадут под жесточайшие репрессии со стороны турок.

В 1810 г., после взятия войсками генерала М. С. Воронцова Русе, Никополя, Ловеча, Севлиева, Плевны и Тутракана²², назрела необходимость сформировать из этнических болгар однородное болгарское ополчение. В это время начинается процесс формирования «Земского болгарского войска». Командиром войска был назначен Дмитрий Ватикиоти. Войско имело свою печать с надписью по окружности «Печать болгарского войска, 1810»²³.

В 1811 г. командующим Молдавской армией назначается М. И. Кутузов, который, как и Багратион, считал стратегически необходимым использовать болгарских ополченцев в войне с Турцией. Он много внимания уделял устройству болгар, которые в результате турецких репрессий и невзгод войны переходили на левый берег Дуная и селились на занятой русскими войсками территории Дунайских княжеств²⁴. К 1812 г. число переселившихся из различных частей Османской империи сербов и болгар достигало 87 037 человек (20 316 семейств, в том числе более 3 000 семейств болгар). Христианам, искавшим защиты и покровительства, русское правительство оказывало всяческое содействие в земельном и административном устройстве на новых местах жительства и в получении ими различных льгот. Кутузов в своем «Обращении к христианскому населению правобережья Дуная» от 26 апреля 1811 г. прямо указывал, что «... я, по силе данной мне от его императорского величества всемилостивейшего государя моего власти, дарую таковым (христианским беженцам) трехгодичную льготу для освобождения от всяких земских податей и повинностей, которая потом, может быть, продолжиться на несколько еще лет со времени водворения их на левой стороне Дуная в тех местах, кои они сами изберут... Я вместе с тем удостоверяю их также, что они не будут зависеть от Диванов здешних княжеств, но составляя собою особое общество колониальных поселенцев, будут состоять в непосредственном распоряжении определенных к ним российских офицеров, без всякого в том влияния земских исправников...»²⁵. По инициативе Кутузова был образован

комитет для ведения дел, связанных с переселением и управлением колониями переселенцев под председательством действительного статского советника А. Я. Коронелли.

В советской историографии деятельность Кутузова по переселению христианского населения на земли подвластные России рассматривалась как забота об угнетенных славянских братьях. Например, Н. И. Казаков пишет: «Горячий патриот России, Кутузов рассматривал свое отечество как могучий оплот славянства и считал своей священной обязанностью помогать поработанным славянским братьям...»²⁶. Не отрицая заслуг этого выдающегося полководца и дипломата, следует заметить, что он являлся прежде всего русским генералом и выполнял задачи, вытекавшие из внешнеполитических интересов России, а его «бескорыстная помощь угнетенным братским славянским народам» всегда диктовалась государственными соображениями. Переселение на территории Дунайских княжеств сербских и болгарских беженцев, с правом независимого от Диванов самоуправления и контролем только со стороны русского военного командования, давало возможность, во-первых, всегда иметь под рукой достаточные резервные силы для ведения войны с Турцией в виде земского ополчения, а, во-вторых, создание подобных полувоенных колоний предоставляло царскому правительству дополнительные рычаги давления на молдавские Диваны, лояльность которых к Петербургу вызывала сомнения. В инструкции, данной одному из военных приставов такой колонии в Зимнице, прямо указывается: «Тишина и спокойствие новой колонии болгар ... поручается в ваше покровительство в защиту от Дивана и начальников оног»²⁷. Кроме того, принимая под свою опеку сербов и болгар, поддерживая их стремление к независимости, Россия демонстрировала другим государствам, прежде всего Австрии, прямую заинтересованность в балканских делах и поддержку своей политики со стороны местного населения.

Осуществляя планы по переселению болгар, М. И. Кутузов одновременно задался целью сформировать из них ополчение или т.н. «Земское болгарское войско» по образцу милиции, сформированной в России в 1806–1807 гг. для отражения возможного нападения Наполеона. Кутузов, который в 1806–1808 гг. занимал должность киевского военного губернатора и лично курировал Киевскую милицию, имел достаточный опыт по формированию подобных частей²⁸. Кроме того, задача командующего облегчалась тем, что в отличие от незнакомых с военным делом малороссийских крестьян, в ряды болгарского ополчения шли люди, принимавшие участие в боевых действиях против турок и хорошо изучившие противника. В мае 1811 г. Кутузов направил военному министру М. Б. Барклаю-де-Толли свое отношение по поводу организации болгарского земского войска для совместных действий против турецких войск. Ссылаясь на малочисленность находящихся под его началом регулярных войск, Кутузов считает необходимым: «... для защиты левого берега Дуная около Турно вооружить таковых желающих болгар; а примеру их, надеюсь я, последуют и другие болгары по левому берегу Дуная, располагающиеся около Журжи и Калараша на жительстве, коих немалое число»²⁹. Формирование болгарских частей Кутузов поручил генерал-майору Турчанинову, который должен был «... таковых болгар, кои желают служить нам, всех переписать и разделить на сотни, под названием болгарской команды; учредить порядок сообразной жизни и обыкновениям их и позволить им между собою назначить чиновников с званиями по их желанию; а вооружить из турецкого оружия, хранящегося в ведомстве его же, генерал-майора Турчанинова, в том числе и боевые патроны выдать»³⁰.

Кутузов предлагал назначить ополченцам жалование, а нижним чинам выдавать сверх того порционные деньги на крупу, мясо и соль. По его подсчетам месячное содержание одной сотни на жалование и порции обошлось бы в 28 червонцев и 2 рубля 50 копеек серебром. Средства на содержание ополчения должны были отпускаться из экстраординарных сумм, провиант – доставляться из армейских магазинов. На зимнее время ополченцы распускались по домам для занятия домашними работами, с правом собирать их обратно по необходимости. Организационную структуру болгарского земского войска Кутузов предлагал определить позднее, когда будет известен численный состав ополченцев³¹.

Еще до начала официального формирования болгарского земского войска многие болгары-переселенцы принимали участие в военных действиях. Так, например, в мае 1811 г. 250 вооруженных болгар, с личного разрешения самого Кутузова, переправившись на правый берег Дуная с целью облегчения перехода болгарского населения на левый берег, вступили в бой с турецким отрядом и, захватив 6 пленных, при поддержке донских казаков, занимавших аванпосты по левому берегу в районе Туртукая, вернулись в свое расположение. Потери ополченцев составили всего 2 человека³². В июне 1811 г. 30 человек болгар, переселившихся из Силистрии, под командованием Д. Ватикюти высадились с целью проведения разведки на остров, расположенный между Калараша и Силистрией. Там они атаковали турецкий отряд, нескольких турок уничтожили, взяли двух пленных и без потерь отошли. Сведения, полученные от пленных, оказались настолько важны, что Кутузов лично выдал каждому ополченцу по два червонца, а в отношении командира отряда Ватикюти писал Барклаю-де-Толли: «... Ватикюти, оказавшему неоднократно во время обладания нами Силистрии подвиги храбрости и усердие к нам, справедливостию считал бы я, когда бы ваше высокопревосходительство испросили у всемилостивейшего государя чин поручика»³³.

Болгарские добровольцы геройски проявили себя в знаменитом Рушукском сражении (22 июня 1811 г.), где плечом к плечу с русскими они противостояли атакам прорвавшейся в тыл анатолийской конницы. Роль болгар в этом бою была настолько значительна, что об их «всеусердии» особо упомянул М. И. Кутузов в своем рапорте Александру I³⁴.

В июне 1811 г. Кутузов сообщил Барклаю-де-Толли о своем намерении сформировать из болгар конные отряды по типу действующих в Сербии. Для этой цели командующий предполагал привлечь отличившегося в боях с турками штаб-ротмистра Никича, который имел большой опыт по формированию подобных кавалерийских частей из сербов³⁵.

Как видно из отношения Барклаю-де-Толли от 31 июля 1811 г., Кутузов был вынужден во многом пересмотреть свои майские планы относительно содержания болгарского земского войска. Он столкнулся с достаточно прохладным отношением к этой идее со стороны военного министра, которое, в свою очередь, отражало отношение императора. Испытывая трудности в финансировании регулярной Молдавской армии, царское правительство не могло позволить себе содержать еще и значительные ополченские силы. В ответе Барклаю-де-Толли Кутузову предлагалось представить аргументированные соображения относительно стоимости болгарской команды, дабы выяснить «может ли ожидаемая от услуг их польза соответствовать издержкам, кои на них употребить должно будет»³⁶. Являясь ловким политиком и понимая, что сдержанное отношение правительства к его идее вызвано финансовыми затруднениями, Кутузов перекладывает большую часть затрат на содержание ополчения на плечи самих болгар. В августе 1811 г. по приказу командующе-

го из болгар, переселившихся из-за Дуная на левобережную территорию Малой Валахии, организуется местное земское войско в составе тысячи человек. Формирование болгарского ополчения было возложено на генерал-лейтенанта Эссена III-го. Вооружение и фураж предоставлялись Россией, а содержание войска возлагалось на местное население из 7 тысяч болгарских семейств, которые в связи с этим освобождались от уплаты десятины³⁷.

Однако указания Кутузова по созданию земского войска, ввиду обстоятельств военного времени и материальных затруднений, исполнялись достаточно медленно, и к концу ноября 1811 г. оно составляло только 246 человек. Естественно, что такое количество ратников не могло существенно подкрепить силы регулярной армии. Небольшие команды ополченцев привлекались в основном только для разведывательных «поисков» на правом берегу Дуная, где они успешно действовали вместе с казаками. В октябре 1811 г. небольшая команда болгарских ополченцев (138 ратников) героически проявила себя при штурме хорошо укрепленной турецкой крепости Силистрии. Наступая со стороны Туртукайских ворот, болгарам удалось опрокинуть значительный отряд элитных турецких пехотинцев – янычар. Кутузов в своем рапорте об исходе штурма Силистрии отметил: «Новосформированные болгарские команды имели участие в сем сражении, и показали сколь достойны они всемиловитивейшего даруемого им... покровительства»³⁸.

В 1812 г. близость войны с Наполеоном вынудила Александра I форсировать мирные переговоры с Турцией. В результате Бухарестских мирных переговоров Болгария оставалась под властью Порты. Ожидаемое лидерами национально-освободительного движения освобождение Болгарии с помощью русских войск не наступило. Понимая, что переселившиеся в Дунайские княжества болгары остаются один на один с обозленной Турцией, русское военное командование предложило им переселиться дальше в глубь Бессарабии. Естественно, что смысла в существовании национального болгарского ополчения в новороссийских степях больше не было, и оно было распущено.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что формирование болгарских «арнаутских команд» в 1806 г., а позднее и Земского болгарского войска в 1811–1812 гг. в составе Молдавской армии, хотя и не принесло большой практической пользы, всё же, в определенной мере, способствовало успешным действиям русских войск. Используя накопленный в 1806–1807 гг. на посту Киевского военного губернатора опыт по формированию Земской милиции в России, М. И. Кутузову удалось создать, хотя и малочисленные, но достаточно боеспособные национальные формирования, удачно использованные в целях разведки, а также для рейдов в тыл противника. Однако не поддержанная российскими властями по финансовым соображениям (не хватало средств даже для содержания регулярных частей), а также в связи с изменением политической обстановки и началом Бухарестских мирных переговоров с Турцией, идея создания национального болгарского ополчения была отложена в «долгий ящик». Вновь к ней вернулись лишь полвека спустя, во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

¹ Казаков Н. И. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией (1806 – 1812 г г.) // Вопросы истории. – 1955. – № 6. – С. 45.

² Михайловский-Данилевский А. И. Описание турецкой войны в царствование имп. Александра с 1806 до 1812 гг. – СПб., 1843.

- ³ Петров А. Н. Война России с Турцией 1806-1812 г г. – СПб., 1885.
- ⁴ Кинов Ив., Атанасов Щ., Христов Д., Чолпанов В. Въоръжената борба на българския народ срещу османското господство. – София, 1961.
- ⁵ Вопросы военной истории России. XVIII – первая половина XIX веков. / Под ред. В. И. Шункова. – М., 1969; М. И. Кутузов. Материалы юбилейной сессии военных академий Красной армии, посвященной 200-летию со дня рождения М. И. Кутузова / Под ред. В. К. Мордвинова. – М., 1947.
- ⁶ Казаков Н. И. Указ. соч.
- ⁷ Муньков Н. П. М. И. Кутузов и национально-освободительное движение на Балканах в начале XIX в. // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. – Казань, 1956. – Вып. 11. – Часть 1. – С. 108.
- ⁸ Дойнов С. Българското национално-освободително движение 1800–1812. – София, 1979. – С. 114.
- ⁹ Петров А. Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 391.
- ¹⁰ Дойнов С. Указ. соч. – С. 115.
- ¹¹ Там же. – С. 116.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. – С. 121.
- ¹⁴ Казаков Н. И. Указ. соч. – С. 45.
- ¹⁵ Дойнов С. Указ. соч. – С. 122.
- ¹⁶ Там же. – С. 124.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Конобеев В. Д. Русско-българские отношения в 1806–1812 гг. // Из истории русско-българских отношений. – М., 1958. – С. 111.
- ¹⁹ Петров А. Н. Указ. соч. – Т. 1. – С. 137–138.
- ²⁰ Казаков Н. И. Указ. соч. – С. 46.
- ²¹ Петров А. Н. Указ. соч. – Т. 2. – С. 434.
- ²² Дойнов С. Българите в Украйна и Молдова през Възраждането. 1751–1878. – София, 2005. – С. 75.
- ²³ Казаков Н. И. Указ. соч. – С. 46.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ М. И. Кутузов. Сборник документов. – М., 1952. – Т. 3. – С. 345
- ²⁶ Казаков Н. И. Указ. соч. – С. 46.
- ²⁷ Там же. – С. 47.
- ²⁸ Потрашков С. В. Милиция 1806-1807 гг. на Юге России // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. – М., 2002. – С. 47–54.
- ²⁹ М. И. Кутузов. Сборник документов. – Т. 3. – С. 366–367.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же. – С. 387–388.
- ³³ Там же. – С. 444–445.
- ³⁴ Казаков Н. И. Указ. соч. – С. 54.
- ³⁵ М. И. Кутузов. Сборник документов. – Т. 3. – С. 415–416.
- ³⁶ Там же. – С. 525, Примечание 1.
- ³⁷ Там же. – С. 525–526.
- ³⁸ Казаков Н. И. Указ. соч. – С. 54.

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ И ОБУСТРОЙСТВА БЕССАРАБСКИХ БОЛГАР В ПРИАЗОВЬЕ В 60-Х ГГ. XIX СТ. В ФОНДАХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В. В. Турков

Российский государственный исторический архив (РГИА) располагает богатой коллекцией документов, которые освещают переселение и обустройство бессарабских болгар в Приазовье в 60-е гг. XIX ст. Их источниковедческий анализ и является целью настоящей статьи.

В фонде 565 Министерства финансов имеются документы, которые освещают первые шаги правящих кругов Российской империи на балканском направлении после подписания унизительного для государства Парижского мирного трактата от 18 (30) марта 1856 г. Данный трактат фиксировал поражение России в Крымской войне. Вследствие отмены русского покровительства над Дунайскими княжествами и православными подданными султана было подорвано влияние царизма на Ближнем Востоке и Балканах, понизился международный авторитет Российской империи как великой державы, существенно нарушилось „европейское равновесие“. Самыми тяжелыми для России стали те статьи договора, которые касались нейтрализации Черного моря, то есть запрещавшие ей содержать там военный флот и иметь военно-морские арсеналы. Территориальные же потери оказались сравнительно незначительными: от России отошли к княжеству Молдавия дельта Дуная и прилегавшая к ней южная часть Бессарабии¹.

С целью укрепления границ в причерноморском регионе в 1858 г. „в военном министерстве возник вопрос об усилении и наделении землею Новороссийского казачьего войска и об изменении настоящего положения болгар, поселенных в Бессарабии“. Инициатором данного вопроса был бессарабский военный губернатор Фантон де Веррайон, предлагавший образовать из бессарабских болгар „Болгарский пограничный округ – с целью обратить их в последствии в Болгарское казачье войско, которое сроднить с Новороссийским ...“².

Однако против положительного решения данного вопроса высказались директор канцелярии военного министра В. И. Васильчиков, военный министр Н. О. Сухозанет и министр иностранных дел А. М. Горчаков, аргументируя свое мнение тем, что „обращение ... болгар в казаки совершенно противно политическим видам России на болгарский народ ...“³. Учитывая мнение столь высоких должностных лиц правительства Российской империи, Управляющий департамента внешней торговли Министерства финансов М. В. Пасиков, в чье ведение входили подразделения пограничной стражи и таможенной службы, в своем послании в департамент государственного казна-

действия Министерства финансов 22 февраля 1858 г. оставил предложение по организации болгарского казачьего войска „без дальнейших последствий ...“⁴.

Таким образом, отказавшись организовывать казачье войско из бессарабских болгар и тем самым наделять его пограничной, таможенной и полицейскими функциями, правительство России подтвердило свое стремление сохранить и упрочить за болгарам статус иностранных колонистов, что в перспективе способствовало привлечению на жительство в империю выходцев из славянских земель и поддержанию имиджа России как покровительницы угнетенных народов Балканского полуострова.

Документы фонда 733 Министерства народного просвещения дают возможность изучить положение жителей „отграниченного участка“ Бессарабии, перешедшего под юрисдикцию Молдавского княжества после Крымской войны и противоправные действия румынских властей в отношении бессарабских болгар. Так, например, данный фонд располагает копией секретного донесения российского императорского агента в Измаиле генерального консулу в Бухаресте барону Г. Г. Оффенбергу от 30 мая 1868 года. Императорский агент информирует о том, что румынские власти не хотят считаться с привилегиями болгарских колонистов, предпринимают шаги относительно румынизации образования в болгарских школах⁵. Далее российский агент увязывает переселение болгар с международным положением княжеств и политической ориентацией господаря Молдавии и Валахии А. Кузы. Он делает следующие выводы: „... в вопросе же переселения болгар ... для нас представлялось тем более преград, что чрез посредство Оттоманского правительства действовать на князя Кузу не было никакой возможности, так как турецкие фирманы не стали иметь в Придунайских Княжествах никакого значения, а влиять на самого Господаря, заинтригованного французскими интересами, оказалось не вполне удовлетворительным ...“⁶.

В фонде Министерства народного просвещения содержатся документы, которые освещают положение школ в новых болгарских поселениях в Приазовье. Следует отметить, что в этот период правительство не выделяло необходимых средств на финансирование образования для детей болгарских колонистов. Данные затраты ложились на плечи самих колонистских обществ. В лучшем случае помощь государства могла заключаться в дополнительном контроле образования в болгарских поселениях. Так, например, попечитель Одесского учебного округа А. А. Арцимович 21 ноября 1864 г. в послании министру народного просвещения А. В. Головину предлагал для улучшения работы колонистских школ назначить за счет колонистского ведомства особого чиновника, „знакомого с педагогическим делом и языком колонистов“. Такой чиновник был бы необходим „для наблюдения за училищами в Болгарских колониях, а также присутствия по Советам (попечительных – В. Т.) ...“⁷. Естественно, что такого рода предложения не способствовали развитию образования в болгарских колониях, так как другого вида помощи кроме дополнительного контроля не предполагалось.

Фонд 1261 Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии содержит материалы, позволяющие изучить вопрос об образовании межведомственной комиссии с целью обсуждения положения об училищах в селениях иностранных колонистов. Данная комиссия была образована в 1870 г. Её председателем был назначен член совета министра государственных имуществ В. А. Иславин. Также в комиссию вошли директор департамента общих дел Министерства государственных имуществ М. Н. Медем, вице-директор департамента духовных дел иностранных исповеданий Минис-

терства внутренних дел Н. Ф. Коскуль. Делопроизводителем комиссии назначили начальника отделения колоний департамента общих дел Министерства государственных имуществ А. А. Клауса. При этом М. Н. Медем, определяя перспективы работы комиссии, информировал 22 августа 1870 г. управляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии С. Н. Урусова о том, что „осуществление предложений комиссии представляется возможным на счет самих колонистов, без всяких со стороны казны пожертвований“⁸.

Следует отметить, что замысел проекта об училищах в селениях иностранных колонистов состоял в формировании многоступенчатой системы образования поселенцев. Эта система включала в себя создание сельских (одноклассных) и центральных (двухклассных) училищ. Целью обучения в данных учебных заведениях было получение общего начального образования и знания русского языка. Проект положения об училищах уточнял и специфику обучения для сельских одноклассных училищ: „... преподавание предметов производится на ... русском и болгарском языках, но обращается особое внимание на то, чтобы учащиеся ... умели по-русски читать без затруднений и писать без орфографических ошибок“⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что для центральных двухклассных училищ обучение болгарскому языку сводилось к изучению „главных правил грамматики сравнительно с правилами русской грамматики“¹⁰.

Анализ представленных выше документов свидетельствовал об усилении русификаторских тенденций в вопросе организации образования среди иностранных поселенцев юга России.

В фонде 1291 Министерства внутренних дел имеются документы, которые дают возможность изучить вопрос о пересмотре статуса учебных заведений в селениях иностранных колонистов в связи с передачей школ бывших колоний в ведение местных земств. Данные изменения были связаны с тем, что 4 июня 1871 г. начался перевод иностранных колонистов в категорию крестьян собственников, в связи с чем сельские школы немецких и болгарских колоний передавались из ведения Попечительного комитета в ведение местных училищных советов и дирекции народных училищ. По сведениям на 1877 г. 39 школ Цареводаревского, Романовского, Преславского и Бердянского уездов Таврической губернии содержались на средства земства. Это объяснялось тем, что поселяне данных уездов были обложены, наравне с остальным населением, сборами на народное образование. В создавшейся ситуации от бывших колонистских обществ давались для училищ только помещения, отопление и сторожа. Окончательно вопрос о передаче бывших колонистских школ был решен императорским указом от 2 мая 1881 г. Согласно данного указа, все центральные училища и сельские школы в бывших болгарских и немецких колониях в Бессарабской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях передавались в ведение Министерства народного просвещения „с фондами и сборами, на счет которых эти училища и школы будут содержаться ...“, и тем, чтобы при новом порядке управления сохранено было право подлежащего духовенства наблюдать за религиозным образованием юношества“¹¹.

Материалы по переселению и обустройству бессарабских болгар в Приазовье в 60-е гг. XIX в. содержатся в фондах 381 и 383 Министерства государственных имуществ. Документы данных фондов дают возможность осветить на вопросы, которые связаны с наделением бессарабских болгар землей, допуском болгарских депутатов к осмотру предлагаемых им правительством

земельных участков, определением минимального земельного надела для этой категории населения, выделением денежных пособий переселенцам.

Из данных фондов можно почерпнуть сведения о количестве семей бессарабских болгар, перешедших в пределы Российской империи, мероприятиях правительства по обустройству переселенцев на новых землях.

Так, в фонде 381 можно познакомиться с „Отчетом о состоянии новых славянских поселений в Таврической губернии“, который составлен в 1865 г. членом Совета министра государственных имуществ В. А. Иславиным, побывшим в Приазовье с инспекционной проверкой. В данном документе столичный чиновник отмечал, что, несмотря на постоянный четырехлетний неурожай, новые колонии обустроены хорошо, в особенности те, в которых проживали выходцы из прежних поселений в Бессарабии¹². В своем отчете В. А. Иславин информировал министерство, что неурожай последних лет подорвал у населения доверие к доброкачественности занятых земель. В этой связи некоторые колонисты обращались к нему с просьбами о разрешении переселиться на Кавказ, где, по слухам, было много свободной земли. Однако В. А. Иславин отказал обратившимся к нему колонистам, аргументируя свой отказ тем, что на водворение болгар в Приазовье „употреблено уже слишком много денег и труда“¹³. Выделяя болгар, переселившихся в Россию из Молдавского княжества, среди других переселенцев, В. А. Иславин констатировал следующее обстоятельство: „... бессарабские болгары ... отличаются перед другим трудолюбием, тихою домашнею жизнью, опрятностью в своих жилищах и мало причиняют беспокойства местному начальству“¹⁴.

Фонд 381 так же располагает перепиской, связанной с реализацией проекта о создании новой торгово-ремесленной колонии для поселенцев «бессарабско-болгарского водворения». Решение данного вопроса было связано с предложением болгар „отграниченного участка“, поселявшихся в Бердянском уезде. Переселенцы планировали открыть колонию под названием „Александровка“ на берегу Азовского моря с пристанью для судов, построить 400 домов. В колонии также предполагалось открыть бани, ярмарку, поместить главное управление и окружной приказ. На новом месте планировалось построить православный храм, учредить высшее училище. Для нужд нового поселения необходимо было „отрезать от колонистских земель участок в размере 2 400 дес.“¹⁵.

Следует отметить, что вопрос о создании колонии положительно не решался, несмотря на то, что к министру государственных имуществ А. А. Зеленову 14 марта 1869 г. обратился директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел П. Н. Стремоухов с просьбой поддержать планы колонистов¹⁶.

Для скорейшего решения данного вопроса болгарскими поселенцами были избраны депутаты, которые намеревались просить императора Александра II, прибывшего в это время в Одессу, оказать содействия в решении данного вопроса. О своих намерениях болгарские депутаты 23 сентября 1869 г. информировали А. А. Зеленова¹⁷.

Однако все старания болгар по данному вопросу оказались тщетны. 16 октября 1869 г. министр государственных имуществ в своём послании новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору П. Е. Коцебу решительно отклонил просьбу колонистов. Свое решение А. А. Зеленой обосновывал тем, что министерство ранее уже проводило опыты по обустройству подобных колоний, „которые оказались совершенно неудачными“¹⁸.

Таким образом, чиновничье-бюрократический аппарат Российской империи в лице министра государственных имуществ А. А. Зеленова не дал осу-

цествить планы болгарских колонистов на поводу образования на берегу Азовского моря новой торгово-ремесленной колонии Александровка.

Фонд 381 Министерства государственных имуществ располагает документами, которые касаются персональных дел бессарабских болгар, желавших быть причисленными к одной из колоний в Приазовье. В качестве примера можно привести дело „О поселении бывшего волонтера из колонистов, отошедшей к Молдавии колонии Вайсал, Ильи Дадоверина“. Сам Илья Дадоверин с 1856 г. служил в Новороссийском казачьем войске и после увольнения со службы с 1863 г. обращался с просьбой о причислении его к одной из колоний „бессарабско-болгарского водворения“ в Таврической губернии. Однако, пока вопрос о его поселении решался в соответствующих инстанциях, сам И. Дадоверин был уличен в том, что распространял в болгарских селениях слухи о разрешении правительством переселяться отдельным колонистам на Кавказ. По делу о распространении ложных слухов, дискредитирующих политику российского правительства, в отношении бывшего волонтера было начато следствие. Уже 22 сентября 1870 г. председательствующий в Попечительном комитете В. Эттингер информировал Министерство государственных имуществ о том, что Таганрогский окружной суд 22 августа 1870 г. приговорил бывшего волонтера за распространение слухов к штрафу на сумму 25 рублей¹⁹. В этой связи департамент общих дел Министерства государственных имуществ 17 октября 1870 г. вынес решение и, с учетом приговора суда, рекомендовал Попечительному комитету не причислять И. Дадоверина ни к одной из колоний²⁰.

Фонд 381 также располагает информацией о развитии образования в болгарских колониях Приазовья. 16 августа 1871 г. в Министерстве государственных имуществ была рассмотрена и подписана, с резолюцией „Высочайше разрешить“, докладная записка статс-секретаря князя Дм. Оболенского следующего содержания: „Общества болгар, поселившихся в Бердянском уезде, Таврической губернии, мирскими приговорами постановили: учредить на вечные времена в честь Министра Государственных Имуществ Генерал-Адъютанта Алексея Алексеевича Зеленого стипендию в одном из русских учебных заведений и для этой цели ежегодно жертвовать по 300 рублей по уравнительной раскладке между всеми участвующими в этом пожертвовании сельскими обществами болгар“²¹.

В 1871 г. управляющий Попечительным комитетом об иностранных поселениях южного края России В. Эттингер информировал Министерство государственных имуществ о том, что „... общества Болгар, поселенных в Бердянском уезде Таврической губернии в своих мирских приговорах, за исключением лишь общества колонии Преслав, избравшего Одесскую Гимназию, изъявили желание, чтобы воспитанник из Болгар на счет стипендии, учрежденной в честь Господина министра Государственных Имуществ, воспитывался в Николаевской Гимназии, с содержанием в Болгаро-Славянском пансионе Г. Минкова ...“²².

Интересной информацией об обустройстве болгар на землях Приазовья располагает и фонд 383 Министерства государственных имуществ. В нем содержатся документы, которые освещают финансирование переселения болгар из „отграниченного участка“ Бессарабии. По сведениям Министерства государственных имуществ от 24 февраля 1860 г. „... пособие болгарам, переселяющихся из-за новой граничной черты Бессарабии ... выдается по 35 рублей на семейство из оброчного капитала Бессарабско-Болгарского водворения“²³.

В свою очередь департамент податей и сборов Министерства финансов в своем послании от 30 ноября 1863 г. информировал министра государст-

венных имуществ в огом, что болгарам предоставляется право „пользоваться правилами курения и продажи вина и пива 1 января 1863 г.“²⁴.

В фонде 383 имеются документы, которые дают возможность установить количество денежных средств, выделяемых правительством на проведение данной переселенческой акции. Так, 30 августа 1861 г. новороссийский и бесарабский генерал-губернатор А. Г. Строганов получил извещение от министра государственных имуществ М. Н. Муравьева о предоставлении 300 тыс. рублей на нужды переселяющихся болгар²⁵.

25 августа департамент государственного казначейства Министерства финансов в лице управляющего Министерства финансов М. Х. Рейтнера информировало министра государственных имуществ о следующем: „... предложено Правлению Государственного Банка немедленно ассигновать по телеграфу из Одесской Канторы Банка, в ведение Действительного Статского Советника Гюне на переселение болгар и других славян в Россию 150 000 рублей на счет 1 375 000 рублей, назначенных на сей предмет по государственной Расписи сего года ...“²⁶.

Финансирование переселенческой акции болгар из Молдавского княжества и балканских владений Османской империи тяжелым бременем легло на расходную часть государственного бюджета России. В этой связи было принято решение о прекращении выделения денежных средств на данный вид деятельности. 8 мая 1862 г. в Первый департамент Министерства государственных имуществ поступила информация следующего содержания: „Господин Управляющий Министерством Финансов от 12 апреля, за № 2257, секретно сообщил Господину Министру Государственных имуществ, что по Высочайше утвержденному 7 апреля Журналу Комитета Финансов о доходах и расходах на 1863 год .. статью расхода на переселение болгар в Южную Россию вовсе исключить ...“²⁷.

Анализ данного документа позволяет сделать вывод о том, что с 1863 г. прекратилось массовое переселение болгар в пределы Российской империи. Данная акция имела шанс на успех только при непосредственной поддержке правительства и местных властей южных губерний России с соответствующим бюджетом.

Таким образом, можно констатировать тот факт, что документы из фонда 565 Министерства финансов, фонда 733 Министерства народного просвещения, фонда 1261 Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, фонда 1291 Министерства внутренних дел, фондов 381 и 383 Министерства государственных имуществ Российского государственного исторического архива (РГИА) дают возможность детально изучить историю переселения болгар из Молдавского княжества и особенности их обустройства в Приазовье в 60-е гг. XIX в.

¹ История внешней политики России. Первая половина XIX века (от войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.) – М., 1995. – С. 415.

² РГИА. – Ф. 565. – Оп. 1. – Д. 2359. – Л. 4.

³ Там же. – Д. 2359. – Л. 5.

⁴ Там же. – Д. 2359. – Л. 7.

⁵ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 193. – Д. 377. – Л. 6.

⁶ Там же. – Д. 377. – Л. 8.

⁷ РГИА. – Ф. 733. – Оп. 170. – Д. 152. – Л. 14.

- ⁸ РГИА. – Ф. 1261 – Оп. 2. – Д. 113. – Л. 1.
⁹ Там же. – Д. 113. – Л. 4.
¹⁰ Там же. – Д. 113. – Л. 7.
¹¹ РГИА. – Ф. 1291. – Оп. 66. – Д. 45. – Л. 188.
¹² РГИА. – Ф. 381. – Оп. 8. – Д. 3727. – Л. 182.
¹³ Там же. – Д. 3728. – Л. 184.
¹⁴ Там же. – Д. 3728. – Л. 188.
¹⁵ РГИА. – Ф. 381. – Оп. 10. – Д. 5485. – Л. 22.
¹⁶ Там же. – Д. 5485. – Л. 38.
¹⁷ Там же. – Д. 5485. – Л. 40.
¹⁸ Там же. – Д. 5485. – Л. 48.
¹⁹ РГИА. – Ф. 381. – Оп. 44. – Д. 20654. – Л. 25.
²⁰ Там же. – Д. 20654. – Л. 28.
²¹ РГИА. – Ф. 381. – Оп. 13. – Д. 7815. – Л. 2.
²² Там же. – Д. 7815. – Л. 8.
²³ РГИА. – Ф. 383. – Оп. 23. – Д. 35409. – Л. 10.
²⁴ Там же. – Д. 35681 (3). – Л. 348.
²⁵ Там же. – Д. 35703. – Л. 26.
²⁶ Там же. – Д. 35703. – Л. 71.
²⁷ Там же. – Д. 35703. – Л. 55.

РОССИЙСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В БОЛГАРИИ В 1856 – 1878 ГГ.

О. А. Гоков

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась апогеем Восточного кризиса 1870-х гг. Стремление балканских народов освободиться из-под турецкого владычества тесно переплелось с желанием каждой из великих держав изменить положение на Балканском полуострове в свою пользу и не допустить усиления противников. Не была исключением и Российская империя, стремившаяся победной войной и созданием на берегах Чёрного моря формально независимых (однако на деле – зависимых от неё) государств обеспечить контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, открывавшими выход в Средиземное море. Следствием этого явилась война 1877–1878 гг. – одна из наиболее успешных в военном отношении войн России в XIX в. Одним из главных составляющих элементов победы России в этой войне являлась военная разведка.

Цель данной статьи – исследовать разведывательную деятельность корпуса офицеров российского Генерального штаба (далее – ГШ) в период с 1856 г., т. е. с окончания Восточной или Крымской войны, до завершения летом 1878 г. работы Берлинского конгресса.

Необходимо отметить, что советская и российская историография данной темы одновременно и обширна, и невелика. Основной упор в большинстве работ по данному вопросу сделан на участие в разведке болгарского населения, к тому же подавляющее большинство исследователей не различает армейских офицеров и офицеров ГШ¹. Дело в том, что работ, посвящённых непосредственно офицерам ГШ, не так уж и много, и появились они преимущественно в последнее время. Зато по истории внешней политики России рассматриваемого периода и роли в ее осуществлении отдельных личностей работ предостаточно. При этом, правда, офицерам ГШ (за исключением Н. П. Игнатъева и П. Д. Паренсова) место в них отводится (если отводится) небольшое. Чаще всего авторы вообще не упоминают о принадлежности того или иного офицера к ГШ. Подробнее с историей ГШ и его функциями в Российской империи можно ознакомиться в нашей диссертационной работе². Здесь же необходимо отметить, что в рассматриваемый период ГШ как отдельный орган существовал только небольшой промежуток времени (1863–1865 гг.), после чего был слит с инспекторским отделением в Главный штаб. После этого под ГШ подразумевались корпус специально подготовленных офицеров и служба, которую они несли.

Среди научной литературы, затрагивающую данную тему, интерес представляет первый том „Очерков истории российской внешней разведки“³. Он носит научно-популярный характер. Здесь содержится не столько история разведки, сколько рассказ об отдельных личностях, этой разведкой занимавшихся. Выделим, в частности, очерк о деятельности накануне российско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Румынии и Турции офицера ГШ П. Д. Паренсова.

Двухтомник М. Алексеева является на данный момент самым полным исследованием по истории российской военной разведки⁴. Однако, несмотря на большое количество обработанного материала, автор основное внимание уделил разведке на европейском и дальневосточном направлениях. При этом история военной разведки на Балканах в XIX в. изложена фрагментарно, а выводы о работе разведки в начале XX в. зачастую переносятся на вторую половину XIX в., хотя это не совсем корректно, поскольку различия существовали.

Таким образом, данная тема не нашла должного отражения в исторической литературе. Однако она достаточно хорошо обеспечена источниками, что позволяет исследователю рассмотреть её всесторонне. Автор настоящей статьи использовал опубликованные официальные документы, письма и воспоминания офицеров ГШ – участников войны 1877–1878 гг., а также документы Российского государственного военно-исторического архива.

Прежде всего необходимо отметить, что офицерами ГШ являлись в рассматриваемый период времени офицеры, окончившие Николаевскую академию ГШ и причисленные к ГШ. После реформ середины 1860-х гг. ГШ был лишь одним из департаментов Главного штаба (центрального органа военного управления и планирования), в задачи которого входило заведование службой офицеров ГШ. Последних использовали в армии на штабных должностях, а также в качестве военных представителей России за границей.

На первых порах внешняя разведка в балканских владениях Османской империи осуществлялась спонтанно. Военное министерство и МИД имели свои, часто независимые друг от друга источники информации, иногда взаимодействуя, но чаще всего соперничая между собой. От Военного министерства разведку осуществляли преимущественно офицеры. Напомним, что по Парижскому договору 1856 г. Россия лишилась права иметь на Чёрном море военно-морские силы, военные арсеналы и крепости на его побережье. Нейтрализация Чёрного моря надолго подорвала позиции империи на Балканах и Ближнем Востоке, так как она потеряла право покровительствовать Дунайским государствам и Сербии⁵. Поэтому одновременно с дипломатическими усилиями по отмене нейтрализации Чёрного моря Россия развернула активную разведывательную деятельность на Балканах и в Турции на случай возможной войны. Особая роль здесь отводилась офицерам ГШ, которые должны были организовать систематический сбор сведений. Разведка осуществлялась в различных формах: научные путешествия (при содействии Русского географического общества), тайная засылка разведчиков. В болгарские земли проникали под видом дервишей, торговцев, монахов офицеры ГШ. Действуя легально или нелегально, при помощи болгарского населения они собирали необходимые сведения, в том числе и для создания военно-оперативной карты Турции⁶.

Наиболее яркой личностью, во многом определявшей внешнюю политику Российской империи в данном районе, являлся генерал-майор (с 1865 г. – генерал-лейтенант) ГШ Н. П. Игнатьев. В июле 1864 г. он был назначен посланником в Константинополь. По своим взглядам Н. П. Игнатьев представлял „партию действия“ в российском правительстве. На Балканах главную задачу дипломатии Н. П. Игнатьев видел в восстановлении позиций России в этом регионе, для чего нужно было отрешиться от узко понимавшегося принципа защиты православия и перейти к поддержке национально-освободительных стремлений балканских народов. Важной составной частью внешней политики России на Балканах он считал решение проблемы Проливов, установление контроля над ними. Н. П. Игнатьев полагал, что создание незави-

Симых славянских государств на месте европейских христианских провинций Османской империи на Балканах необходимо для оказания давления на Турцию⁷. Энергия и предприимчивость нового российского посланника способствовали тому, что он вскоре занял видное место в дипломатическом корпусе турецкой столицы, завоевав симпатии ряда министров и самого султана Абдул-Азиса. Ю. С. Карцов писал: „*На всех событиях того времени (1864–1876 гг. – годы пребывания Н. П. Игнатьева на посту посланника – О. Г.) отмечалась его личность яркая и могучая ... На всяком месте Н. П. Игнатьев явился бы выдающимся деятелем, – в Константинополе, где каждый человек на счету, он скоро приобрёл преобладающее значение. Его называли le vice-Sultan; да он и был им на самом деле: турецкие министры боялись его и были у него в руках*“⁸.

С помощью константинопольских христиан Н. П. Игнатьев создал широкую сеть агентуры, сообщавшей ему сведения о положении Османской империи и её провинций. Он также принял на себя руководство деятельностью российских офицеров, командированных для съёмки маршрутов и сбора сведений в различные части Османской империи. С этой целью Н. П. Игнатьев вошёл в прямые контакты с Кавказским военным начальством по делам, касавшимся изучения театра будущей войны⁹. В 1866–1867 гг. с Кавказа, при его участии были откомандированы некоторые офицеры ГШ во главе с капитаном А. С. Зелёным¹⁰. Одной из основных задач было составление карты Европейской Турции, к которому приступили в Кавказском военном округе в конце 1868 г.¹¹ Общая редакция по её составлению была возложена на генерал-майора Фоша, при содействии генерал-майора ГШ Н. Н. Обручева, полковника Шевелёва и подполковника Штубендорфа. Для создания карты были использованы материалы данных 1828–1832 гг., а также съёмки, которые проводили офицеры ГШ в 1860–1872 гг.¹²

В 1867 г., в контексте составления указанной карты, Россия предложила Турции совместный проект по измерению дуги меридиана от Измаила на юг до острова Кандия. Г. И. Бобриков в своих воспоминаниях писал: „*В 1867 году была командирована партия офицеров-геодезистов ГШ на Балканский полуостров для ознакомления с условиями местности в видах продолжения измерения дуги меридиана до острова Кандия. Основная учёная мысль принадлежала Струве – главному астроному Пулковской обсерватории; находчивое её применение – нашему послу в Константинополе генерал-адъютанту Н. П. Игнатьеву*“¹³. Основная цель работ заключалась в создании карты Европейской Турции, поскольку карта конца 1820-х гг. была неполной и устарела.

Турецкое правительство дало согласие на проведение работ. В августе 1867 г. российским Главным штабом была снаряжена экспедиция под общим руководством капитана ГШ Кортацци, в состав которой вошли капитан ГШ Н. Д. Артамонов и штабс-ротмистр Г. И. Бобриков. В Турции, с разрешения Н. П. Игнатьева, к ним присоединились состоявшие при посольстве поручик Д. А. Скалон и штабс-капитан Корпуса военных топографов Быков¹⁴. Поскольку градусные и другие измерения производились в местностях, известных российским военным лишь по расспросным сведениям, офицеры ГШ сделали несколько поездок внутрь страны с целью определения широт различных пунктов вблизи Балкан и для связи их по долготе с пунктами, определёнными на Дунае. Что касается Н. Д. Артамонова, то на него, помимо топографических и прочих работ, была возложена задача формирования разведывательной сети среди местного населения¹⁵. В результате общее количество определённых пунктов составило 70 названий. Эти сведения заложили основу для создания карты Европейской Турции.

Основные работы по её изданию были возложены на Н. Д. Артамонова. В 1869 г. он, будучи уже произведённым в подполковники ГШ, вторично посетил Турцию под видом казачьего офицера „для преподнесения каталогов астрономических пунктов Балканского полуострова, подробных к нему вычислений и печатного экземпляра трудов по произведённому уже градусному измерению до Измаила и сверх того для проверки географического положения некоторых пунктов“¹⁶. В Турции Н. Д. Артамонов совершил поездку от Константинополя через Казанлык, Златицу и Софию до Систова, определив географически 37 пунктов¹⁷. По возвращении из командировки он в 1870 г. был назначен редактором издания десятивёрстной карты Европейской Турции. В 1876 г., перед российско-турецкой войной, он закончил её издание. Эта карта являлась самой полной из имевшихся в распоряжении российского командования.

Помимо вышеуказанных способов получения российским Военным министерством информации о происходящем в Турции, о её вооружённых силах, путях сообщения и пр., был ещё один – должность военного агента в Константинополе. Она носила официальный характер, поэтому агент был близок ко двору, имел возможность беспрепятственно посещать военные манёвры, смотры, отдельные провинции империи, правда, лишь в том случае, если получал на это разрешение правительства. Военный агент пользовался дипломатической неприкосновенностью, что позволяло ему не опасаться за свою жизнь при выполнении заданий. Однако его разведывательная деятельность имела свои недостатки. Будучи официальным лицом, он постоянно находился под наблюдением турок, поэтому должен был действовать аккуратно, чтобы не навлечь на себя подозрений и не быть высланным из страны. В 1860–1870-е гг. должность военного агента в Константинополе занимали офицеры Кавказского военного округа полковники ГШ В. А. Франкини и А. С. Зеленой.

В 1875–1876 гг. на Балканах вспыхнул ряд восстаний против турецкого владычества. С обострением Восточного вопроса и с восстанием в Болгарии в апреле 1876 г. вероятность войны заметно возросла. После подавления турками этого восстания в российском правительстве верх взяли сторонники активной политики на Балканах. Осенью была объявлена мобилизация и началась подготовка к войне. В ноябре 1876 г. был сформирован полевой штаб Действующей армии. В помощь военному агенту в Константинополь в октябре был послан полковник ГШ В. Г. Золотарёв¹⁸.

Важнейшей задачей перед войной была разведка театра боевых действий и дислокации турецкой армии. Для её решения осенью 1876 г. в Румынию были командированы полковники ГШ: сначала – М. А. Кантакузин (для переговоров по конвенции о пропуске российских войск), а затем – Г. И. Бобриков и П. Д. Паренсов. Одновременно, в октябре, по просьбе президента Совета министров Румынии князя Братиану в Бухарест прибыл полковник ГШ В. Г. Золотарёв для оказания помощи румынской армии в подготовке к войне¹⁹. П. Д. Паренсов получил от начальника штаба Действующей армии А. А. Непокойчицкого задание собрать в Болгарии сведения о турках и об укреплениях Рушука²⁰. Прибыв в Румынию под вымышленным именем, П. Д. Паренсов при помощи российского консульства связался с болгарскими, проживавшими там. Через них полковнику удалось наладить довольно обширную разведывательную сеть за Дунаем и снабжать штаб необходимой информацией. Однако, несмотря на самоотверженность П. Д. Паренсова, его старания часто оставались напрасными из-за халатности помощника начальника штаба Действующей армии генерал-майора ГШ К. В. Левицкого, которому полковник направлял свои донесения.

Что касается Г. И. Бобрикова, то, как уже отмечалось, он прибыл в Бухарест в декабре в качестве военнополномоченного Главнокомандующим с целью обеспечения продвижения российской армии по территории княжества, а также для ведения переговоров с князем Карлом и Братиану о подписании конвенции, разрешающей российской армии проход через Румынию и вступлении последней в войну с Турцией²¹. Заодно он занимался и разведкой. Первые успехи российской армии в войне 1877–1878 гг. были во многом связаны с качественной деятельностью П. Д. Паренсова и Г. И. Бобрикова, прежде всего по организации агентурной разведки в Болгарии²².

Для организации разведки при штабе имелась должность штаб-офицера над вожатыми. По положению о Действующей армии последний *„заведывает собиранием сведений о силах, расположении, передвижениях и намерениях неприятеля, распоряжается доставлением армии надёжных проводников и лазутчиков, составляет общие своды из их показаний, проверяет показания пленных, собираемыми периодическими изданиями ... Он заботится об отыскании для армии проводников из местных жителей и распределяет их по частям войск согласно указаниям Начальника армии“*, которому непосредственно подчинён²³. На эту должность был назначен полковник ГШ Н. Д. Артамонов.

С началом войны общее руководство разведкой перешло к Н. Д. Артамонову. Занимая должность штаб-офицера над колонновожатыми штаба Действующей армии, он координировал деятельность разведки и осуществлял подбор переводчиков и проводников для частей армии. Следуя рекомендациям полковников ГШ П. Д. Паренсова и Г. И. Бобрикова, которые вместе с Н. Д. Артамоновым являлись главными организаторами разведки российской армии, 27 апреля 1877 г. начальник штаба Действующей армии А. А. Непокойчицкий своим приказом рекомендовал назначать проводников и переводчиков из болгар. Желавший получить место проводника или переводчика должен был иметь рекомендацию от П. Д. Паренсова, Г. И. Бобрикова или Н. Д. Артамонова²⁴. Последние пользовались при подборе содействием болгарских агентов, завербованных ещё до войны, чтобы избежать проникновения в российскую армию турецких лазутчиков. На местах организация разведки возлагалась на офицеров ГШ.

Деятельность разведки в целом можно оценить удовлетворительно. В силу недостатка выделяемых средств и отсутствия оперативной связи разведданные часто запаздывали или же использовались в штабе не по назначению. Перед войной полевым штабом велась активная деятельность по определению численности и дислокации турецкой армии, поскольку до тех пор сведения такого плана носили неполный характер. В отдел штаб-офицера над вожатыми поступала информация из посольства в Константинополе, от консулов, из Главного штаба, от П. Д. Паренсова и Г. И. Бобрикова, других лиц, командированных для ведения разведки в Румынию и Болгарию. Наиболее надёжными являлись консульские донесения, поскольку их штаб получал через 10–15 дней. В январе 1877 г. Н. Д. Артамонов выполнил отчётную таблицу о турецких войсках, на основании которой сделал вывод, что Турция выставила в эту войну регулярных войск больше, чем в предыдущие. Н. Д. Артамонов отметил, что если российское командование хочет быстро достичь Константинополя, то предполагавшихся четырёх корпусов будет недостаточно. Его замечания были учтены, и в апреле на театр боевых действий из России прибыли ещё три корпуса²⁵. На основании донесений консулов и военного агента в Константинополе полковника ГШ А. С. Зеленого в марте 1877 г. последним совместно с полковником ГШ А. А. Боголюбовым была составлена

подробная ведомость о расположении и численности турецких войск²⁶. Составленная на её основе таблица о турецких войсках была разослана в войска в апреле 1877 г.

Однако с началом военных действий достоверную информацию получать стало труднее, поскольку все российские консулы были высланы из Турции. Поэтому самым надёжным средством добывания информации о противнике стали болгары. Налаженная П. Д. Паренсовым и Г. И. Бобриковым разведывательная сеть помогла российской армии во время её наступления в Болгарию²⁷.

В ходе войны в составе штабов дивизий, корпусов, отдельных соединений офицеры ГШ занимали должности начальников штабов, их заместителей и офицеров для поручений. Именно на их плечи легло обеспечение войск разведанными. Нельзя сказать, что все генштабисты проявили себя в войне с лучшей стороны. В частности, недостатки в организации разведки отдельных отрядов (например, пренебрежение возможностями использовать болгар в качестве источника информации) во многом зависели от личных качеств того или иного офицера. В. И. Немирович-Данченко отмечал недостатки в той сфере, которая касалась непосредственно офицеров ГШ, – организации агентурной разведки. Сгущая краски, он всё же в целом верно представил ситуацию: *„Также мало организована у нас часть лазутчиков, тогда как турецкие шпионы рыщут по всей стране. Ещё в Кишинёве люди, понимавшие серьёзность положения и лучшие наших дипломатов знавшие силы Турции, предлагали организовать массу лазутчиков в самой Турции. Слепление наше было так велико, что предложению этому не дали хода. „Помилуйте, мы в три месяца кончим кампанию, зачем же тратиться на лазутчиков!“*. Благодаря этим дальновидным оптимистам, всё время кампании мы не имели никаких сведений о движениях турок, тогда как они получали самые точные о наших²⁸. В качестве примера В. И. Немирович-Данченко приводил действия генерала Борейши при Шипке, когда он *„увидел армию Сулеймана, но не понял её движения“*, а из-за его ошибки российские войска чуть не были наголову разбиты²⁹. Правда, в таком положении дел были виноваты не столько генштабисты, занимавшиеся организацией разведки, сколько высшее военное руководство.

В целом, в большинстве своём офицеры ГШ низшего звена справлялись со своими обязанностями. Однако часто данные разведки попросту игнорировались высшим командованием. Многие из офицеров ГШ высшего звена выдвинулись на свои посты благодаря связям, интригам, происхождению или былым заслугам. Отсюда – малые знания, нерешительность, слабое понимание тактики и стратегии ведения войны. Так, примером отношения к данным военной разведки может служить второй штурм Плевны, предпринятый Н. П. Криденером. Как отмечал современник, *„ошибка барона Криденера заключалась вовсе не в том, что он атаковал Плевну по приказанию Главной квартиры (чем оправдывали его неудачу английские корреспонденты – О. Г.), а в том, что он приступил к атаке, ограничиваясь сведениями о положении неприятеля, почерпнутыми из прошлого горького опыта Шильдер-Шульднера ... и не выяснил предварительно в точности все необходимые подробности положения армии Османа-паши“*³⁰. Н. П. Игнатъев, находившийся во время войны при армии, в письмах к жене ёмко охарактеризовал главный недостаток российской военной разведки. *„Вчера видел я всю свиту главнокомандующего, – писал он в письме от 3 августа, – и ругался с ними за оборот дела, обвиняя офицеров Генерального штаба, ничего не предусматривающих, играющих с турками в жмурки и водящих войска в бой без рекогносцировок местности! Обвинения всей армии нап-*

равлены на Левицкого. Оказывается, что хороший офицер Генерального штаба Паренсов предупредил, что массы турок собираются в Плевно и что 8 батальонов идут на Ловчу, где у нас одни казаки были. Паренсов получил выговор от Левицкого, обвинившего его в неосновательности сведений и в бесполезном беспокойстве, причиненном главнокомандующему. Замечательно, что письмо Левицкого отправлено как раз в тот день, когда турки напали на Ловчу, выгнали казаков и избили несчастных болгар, защищавшихся в школе и церкви ... Вместо того, чтобы послушаться Паренсова, бывшего на месте, и послать в Ловчу пехоту, приняв соответствующие меры касательно Плевно, поляк Левицкий „осадил“ усердного и дельного офицера“³¹.

Помимо всего прочего, офицеры ГШ возглавляли работы по составлению карты Болгарии и Балканского полуострова. Поскольку это также была своего рода разведка, только уже захваченной территории, автор остановится на ней детальнее. Приказом от 1 ноября 1876 г. при штабе Действующей армии был сформирован полевой Военно-топографический отдел в составе девятнадцати человек под начальством полковника ГШ Д. Д. Обломиевского и его помощника – капитана ГШ М. А. Савицкого³². В зимний период в нём велась исключительно канцелярская работа: подготовка карт и планов к войне, нанесение на карты сведений о путях, населённых пунктах, сведений о расположении, передвижении, численности турецких войск, полученных штаб-офицером над вожатыми, копирование и отсылка в войска планов турецких позиций и т. п. С началом военных действий для ведения топографических работ к штабу каждого корпуса было прикомандировано по два топографа. Специальные тригонометрические работы были поручены полковнику ГШ М. Н. Лебедеву. В июне 1877 г. была организована съёмка Болгарии с центром в городе Систове, которую возглавил полковник ГШ А. Эрнефельт³³. Однако в 1877 г. работы велись медленно, поскольку российские войска заняли лишь небольшую часть Болгарии, к тому же обильные дожди, снегопады и туманы в конце года мешали их проведению. В результате успехов армии зимой 1877–1878 гг. съёмки активизировались, а после окончания боевых действий работы велись уже тремя партиями. В ходе войны в октябре 1877 г. должность начальника Отдела вместо Д. Д. Обломиевского занял Н. Д. Артамонов, что свидетельствовало о значении, которое российское командование придавало картографированию Болгарии (напомним, что Н. Д. Артамонов возглавлял военную разведку армии)³⁴.

Необходимости срочного составления карты дорог на территории, занятой российскими войсками в августе 1877 г., привела не только к увеличению числа топографов в Военно-топографическом отделе. Для съёмки были привлечены офицеры ГШ и строевые. В конце октября съёмочные работы были завершены, а составленная пятивёрстная карта Болгарии разослана в войска³⁵. К ноябрю Отделом были подготовлены карты средней части Болгарии, Румынии, Балканского и Шипкинского перевалов, Плевны, Адрианополя³⁶. Работы велись до мая 1883 г., хотя основная их часть была закончена в конце 1879 г. В результате, Болгария была подробно изучена в военно-топографическом отношении, и был собран богатый материал для составления её карты.

Война закончилась военной победой России. В конце января 1878 г. между Россией и Турцией в городке Сан-Стефано были начаты мирные переговоры. Российскую сторону представляли Н. П. Игнатъев и А. И. Нелидов. 19 февраля (3 марта по новому стилю) был подписан прелиминарный договор, в целом основанный на проекте Н. П. Игнатъева, предполагавшем создание независимых Румынии, Сербии и Черногории, а также Большой Болгарии с

выходом к Чёрному и Эгейскому морям³⁷. Однако против резкого ослабления Османской империи в Европе и создания обширного славянского государства, в определённой степени зависимого от России, выступили Австро-Венгрия и Великобритания. Британское правительство заявило, что статьи Сан-Стефанского договора должны быть вынесены на обсуждение международного конгресса. Российский МИД не желал новой войны, которая могла вылиться в коалиционную против России, поэтому переговоры с Великобританией были возложены на посла в Лондоне графа П. А. Шувалова. Он не был, в отличие от Н. П. Игнатьева, сторонником радикальных мер и старался быть как можно уступчивее, чтобы избежать излишних осложнений.

Конгресс открылся 1 июня 1878 г. в Берлине. Поскольку деятельность и итоги Берлинского конгресса детально изучены в российской и болгарской литературе, автор не будет подробно останавливаться на его работе. Отметим лишь, что его итоги во многом означали стратегическое поражение России. С завершением войны Россия столкнулась с новыми условиями на Балканах, исследование которых лежит вне области данной статьи.

Подводя итог, констатируем, что офицеры ГШ сыграли значительную роль в организации военной разведки в Болгарии на протяжении 1856–1878 гг. Они являлись одновременно её вдохновителями и реализаторами. Так, заметное влияние на политику России оказал Н. П. Игнатьев, находившийся на должности посланника в Константинополе с 1864 по 1876 гг. Являясь сторонником усиления влияния России на Балканах, он всячески поддерживал национально-освободительные стремления балканских народов как дипломатически, так и материально, организуя поставку оружия, командировки российских офицеров для организации армий балканских стран. Он также способствовал допуску российских офицеров ГШ для изучения Турции под видом составления карт.

Однако, по большей части, офицеры ГШ действовали в отношении Турции в роли исполнителей – разведчиков, занимая посты официальных и неофициальных военных агентов, посещая страну тайно. Их главной целью был сбор сведений о вооружённых силах, о возможном театре боевых действий. На основе этих сведений российское командование составляло планы ведения войны. Нельзя сказать, что разведывательная деятельность офицеров ГШ была достаточно качественной. Но это объяснялось, прежде всего, закрытостью Турции для российских военных, поскольку Османская империя традиционно рассматривала Россию как потенциального противника. Однако даже неполные сведения позволили российскому командованию составить вполне осуществимые планы ведения войны, правда, на деле претерпевшие изменения по различным причинам, в том числе и по причине нерешительности верховного командования. Военная разведка велась генштабистами на уровне европейских стандартов того времени в данной области. Но её результаты часто зависели от субъективного фактора. В частности, качество разведки зависело от личных достоинств производивших её офицеров Генштаба (их подготовленности, степени ответственности, морально-личностных и пр.); от начальников, получавших от разведчиков нижнего звена информацию (насколько они находили необходимым её использовать, а это, в свою очередь, снова ставило вопрос о личностных характеристиках того или иного офицера); наконец, от степени использования информации разведки высшим командованием. Как показала война 1877–1878 гг., зачастую эта информация слабо использовалась именно в силу низкой компетентности или заинтересованности лиц из Главной квартиры.

Именно поэтому оценивать деятельность военной разведки в отношении Болгарии в рассматриваемый период можно двояко: находясь на высоком уровне, она всё-таки сохраняла много негативных черт, причём большинство из них носили субъективный характер.

¹ Болгаро-российские общественно-политические связи. 50–70-е гг. XIX в. – Кишинёв, 1986. – 266 с.; Горанов П., Спасов Л. Участие болгарских патриотов в русской разведке в период освободительной войны // Незабываемый подвиг. Некоторые аспекты русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. и освобождения Болгарии от османского ига. – Львов, 1980. – С. 41–55; Коев Г. Руското военно разузнаване в Старозагорско // Освободителната война 1877–1878 гг. и роль болгарского ополчения. – Самара, 1992. – С. 29–32; Косев К., Дойнов С. Освободителната война 1877–1878 и българската национална революция. – София, 1988. – 390 с.; Тодоров Г. Д. Ролята на българите в руското разузнаване през освободителната руско-турска война (1877–1878) // Известия на Института за история. – 1960. – Т. 9. – С. 3–565; Улунян А. А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг. – М., 1971. – 206 с.

² Гоков О. А. Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в.: Дисс. канд. ист. наук. – Харьков, 2004. – С. 45–79.

³ Очерки истории российской внешней разведки: В 6 т. / Гл. ред. Е. М. Примаков. – М., 1996. – Т. 1. – 240 с.

⁴ Алексеев М. Военная разведка России: От Рюрика до Николая II: В 2-х кн. – М., 1998. – Кн. 1. – 398 с.

⁵ Подробнее см.: Нарочницкая Л. И. Россия и отмена нейтрализации Чёрного моря: 1856–1871 гг. К истории Восточного вопроса. – М., 1989. – 224 с.

⁶ Коев Г. Руското военно разузнаване в Старозагорско // Освободителната война 1877 – 1878 гг. и роль болгарского ополчения. – Самара, 1992. – С. 29.

⁷ Хевролина В. М. Российский дипломат граф Н. П. Игнатъев // Новая и новейшая история. – 1992. – № 1. – С. 141–142.

⁸ Карцов Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. – 1908. – Кн. 1. – С. 90.

⁹ Нарочницкая Л. И. Указ. соч. – С. 91.

¹⁰ Известия Русского географического общества. – 1867. – Т. 3. – № 10. – С. 12.

¹¹ Записки Военно-топографического отдела Главного штаба. – 1870. – Ч. 31. – С. 11.

¹² Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов. 1822 – 1872. – СПб., 1872. – С. 584–585.

¹³ Бобриков Г. И. [Воспоминания о русско-турецкой войне 1877 – 1878 гг.] // Русская старина. – 1913. – Кн. 3. – С. 488.

¹⁴ Записки военно-топографического отдела Главного штаба. – 1871. – Ч. 32. – С. 5

¹⁵ Стародымов Н. А. Отважный разведчик Николай Артамонов задолго до войны сформировал разведывательную сеть в Турции // Военно-исторический журнал. – 2001. – № 10. – С. 48.

¹⁶ Там же. – С. 49.

¹⁷ Записки военно-топографического отдела Главного штаба. – 1871. – Ч. 32. – С. 6.

¹⁸ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 485. – Д. 766. – Л. 1.

¹⁹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы в трёх томах. – М., 1961. – Т. 1. – С. 443.

²⁰ Паренсов П. Д. Из прошлого (Воспоминания офицера Генерального штаба о войне 1877–1878 гг.) // Русская старина. – 1899. – Кн. 1. – С. 126.

²¹ Бобриков Г. И. Указ. соч. – 1912. – Кн. 5. – С. 290.

²² Горанов П., Спасов Л. Указ. соч. – С. 44.

²³ РГВИА. – Ф. 485. – Д. 1162. – Л. 1.

²⁴ Улунян А. А. Указ. соч. – С. 39.

²⁵ РГВИА. – Ф. 485. – Д. 1162. – Л. 10.

²⁶ Там же. – Л. 6 – 7.

²⁷ Подробнее см.: Косев К., Дойнов С. Освободителната война 1877–1878 и българската национална революция. – София, 1988. – 390 с.; Тодоров Г. Д. Ролята на българите в руското

- разузнаване през освободителната руско-турска война (1877–1878) // Известия на Института за история. – София, 1960. – Т. 9. – 3–56.
- ²⁸ Немирович-Данченко В. И. Год войны: Дневник русского корреспондента 1877–1878: В 2-х т. – СПб., 1878. – Т. 1. – С. 28.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Максимов Н. В. За Дунаем // Отечественные записки. – 1878. – № 7. – С. 128.
- ³¹ Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 171–172.
- ³² РГВИА. – Ф. 485. – Д. 53. – Л. 1.
- ³³ Эрнефельт А. Астрономические, геодезические и топографические работы на Балканском полуострове в 1877–1879 годах // Известия Русского географического общества. – 1880. – Т. 16. – Вып. 4. – С. 381.
- ³⁴ Стародымов Н. А. Указ. соч. – С. 49.
- ³⁵ Глушков В. В., Долгов Е. И. О топографических работах в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Геодезия и картография. – 1998. – № 4. – С. 58.
- ³⁶ РГВИА. – Ф. 485. – Д. 53. – Л. 15.
- ³⁷ Подробнее см.: Игнатъев Н. П. Сан-Стефано. Записки Н. П. Игнатъева. – Пг., 1916. – 359 с.

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БАЛКАНАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ БУРЖУАЗНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Р. П. Гришина

Политику России на Балканах после Берлинского конгресса 1878 г., как и более раннего времени, целесообразно рассматривать, на наш взгляд, и в аспекте развития модернизационных процессов в Западной Европе, России, а также и на балканских землях. Этим вопросам в российской историографии в последнее время стало уделяться специальное внимание.

С точки зрения общего направления развития общества под его модернизацией понимается, коротко говоря, переход от состояния архаичности и традиционности к буржуазной цивилизации, цивилизации более высокого уровня. Как таковой, процесс модернизации охватывает все стороны жизни общества, включая и внешнюю политику.

В Западной Европе эта переходная стадия к модернизации заняла более столетий – от Реформации до Вестфальского мира. В Балканских землях, где традиционно сохранялось преобладание сельского населения, где веками господствовал тип культуры, связанный с землей и ее использованием, а все экономическое мироздание держалось на аграрном цикле (природной цикличности), подступы к переходной эпохе образовались позже. Основой для этого послужило появление и здесь ростков капитализма. Однако в отсутствии такого мощного импульса, каким на Западе явилась Реформация, процессы общественного преобразования развивались на Балканах значительно медленнее.

Но само зарождение капитализма в Османской империи, а вслед за ним и идея Танзимата наложило свой отпечаток на характер борьбы, ведшейся за влияние на Балканском полуострове между Францией и Англией, с одной стороны, и Россией, с другой, и, может быть, учет этого обстоятельства помогает лучше понять рождение такого феномена как Сан-Стефанская Болгария.

Дело в том, что в своем стремлении добиться политического преобладания на Балканах западные государства и Россия опирались на разную тактику. Российская политика, преследовавшая цель разрушения султанской империи¹, имела в виду предоставление автономий христианскому населению по этнографическому принципу, и тем самым как бы прогнозировала на будущее строительство здесь «государств–наций»; а именно этот тип государства являлся тогда идеалом модернизовавшихся западноевропейских стран (и оставался им вплоть до первых десятилетий XX века). Такой выбор России выглядит несколько парадоксально, если учесть, что сама она сильно отставала в буржуазном развитии от западных стран, а они в данном случае были нацелены лишь на формальную поддержку Османских реформ и потому всячески противодействовали российской дипломатии в достижении ее целей.

Последнее обстоятельство особенно четко явствует из памятной записки русского посланника в Царьграде графа Н. П. Игнатьева императору. Он писал 8 января 1868 г.: «Вопрос о реформах в Турции всегда ставит нас в затруднительное положение, так как не будучи разрешен в центробежном направлении в соответствии с традициями различных национальностей, он вреден для преследуемой нами цели. Улучшения, требуемые европейцами, обычно диаметрально противоположны нашим представлениям и имеют стремление денационализировать христианское население, цивилизуя их и все больше и больше подчиняя Западу» (подчеркнуто мною – Р. Г.)². Озабоченность российских дипломатов вызывало еще и то, что в их представлении западное влияние уже достаточно укрепилось в Сербии и Румынии, и преодолеть его России будет трудно.

В «частном и строго доверительном» письме от сентября 1867 г. Н. П. Игнатьев обращал внимание министра иностранных дел А. М. Горчакова на следующее: «Сомнительно рассчитывать на поддержку Франции и Англии в этом специальном вопросе. А без согласования с тремя великими державами вопрос невозможно обсуждать в Царьграде. И таким образом осуществление наших желаний может произойти только в результате разорительной для турок и их союзников войны... Мой опыт учит меня, что иным способом просто невозможно заставить османское правительство одобрить наши идеи об автономиях»³. Иными словами, Н. П. Игнатьев не только не исключал возможность новой войны России с Турцией, но и полагал ее почти неизбежной. Считая, что «разграничение по народному признаку является может быть самым радикальным и абсолютным решением, которое можно придумать по Восточному вопросу», Н. П. Игнатьев в то же время отдавал себе отчет в великой трудности этого дела, поскольку, отмечал он, «географического разделения никогда не существовало в Османской империи»⁴.

Вероятно, все эти нюансы, в том числе личное, собственное отношение Н. П. Игнатьева к проблеме⁵, сыграли определенную роль в деле подписания после победного завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Сан-Стефанского мира. Провозглашение Сан-Стефанской Болгарии вызвало в Европе большой переполох своей дерзостью, явилось чем-то вроде дипломатического «марш-броска». Сан-Стефано оказались недовольны не только на Западе, но и на Балканах: болгары – его отменой, сербы самим этим прискорбным для них актом. В апреле 1901 г. сербский король Александр в беседе с писателем и публицистом А. В. Амфиатовым сетовал: «Когда граф Игнатьев создавал Сан-Стефанскую Болгарию, это было равносильно разделу Балканского полуострова между Австрией и Россией. Последняя отбирала под свое непосредственное влияние, под свою опеку восточную полосу от моря до моря под болгарским флагом, а наш сербский угол отходил под австрийское влияние. Прекрасная размежевка по карте, но при этом немного забыли посчитаться и с историей, и с психологией народов. Нас уступали австрийскому влиянию? Да зачем же? Мы прежде всего не хотим австрийского влияния. Мы не хотим быть с Австрией, не хотим быть со швабами. Мы хотим быть с Россией и славянами»⁶.

В работах современных российских историков нередко отмечается, что Берлинский конгресс 1878 г. был дипломатическим провалом России, что он прозвучал погребальным звоном для русской внешней политики⁷. Собственно говоря, в этом современники вторят некоторым исследователям XIX в., утверждавшим, что Россия в результате своей политики не только не добилась поставленных целей, но и осталась совершенно изолированной, без союзников и друзей⁸.

Неловкий дипломатический шаг отразился на всей дальнейшей внешнеполитической деятельности императорской России: после тяжелой войны 1877–1878 гг. она уже не находила в себе сил, чтобы активно и решительно влиять на судьбу балканских народов и на долгие десятилетия вынуждена была ограничиться политикой миролюбия, сохранения статус кво, не отдавая предпочтения кому-либо из балканских славян, политикой, которую последние не понимали и не принимали. Собственно говоря, внешнеполитического миролюбия требовали и внутренние обстоятельства, сложившиеся в России в царствование Александра III, да и в последующие годы. России действительно необходимо было внутренне «сосредоточиться», как говорил один из ее министров, в том числе и для того, чтобы несколько самортизировать удар, нанесенный, прежде всего, по дворянству и крестьянству реформами 1860-х гг., и вместе с тем – продвигаться дальше по пути модернизации.

Модернизационные процессы в любом государстве требуют сплочения общества, и войны, милитаристская политика только наносят ущерб в этом деле. Не случайно часть российской правящей верхушки, понимая опасность возникновения войны для успеха внутренней модернизации, настаивала на разрешении возникавших конфликтов мирным путем. К ним принадлежали, например, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин. К этому можно присовокупить и инициативу России по созыву едва ли не первой Международной конференции по разоружению в Гааге.

А в преддверии Балканских войн 1912–1913 гг. Россия, согласно аутентичным материалам из личного фонда Стефана Савчева Бобчева – полномочного министра Болгарии в Петербурге в начале XX века, делала все возможное, чтобы примирить соперников. Российская дипломатия в то время не одобряла планов военных действий против Турции, считала их поспешными и сомневалась в успехе балканских союзников. В связи с этим она неоднократно предупреждала болгарского посланника, что Россия не готова помогать его стране, и если война начнется – болгары будут предоставлены собственной судьбе. Министр иностранных дел С. Сазонов, которого отнюдь не относили к любителям компромиссов, открыто заявил С. Бобчеву: Россия будет биться только в случае, если ее границы подвергнутся нападению и если какое-либо государство захочет утвердиться в Дарданеллах. Дарданеллы, – продолжал он, – являются для нас жизненным вопросом, и мы считаем их своего рода нашей границей. Делайте, что хотите, но знайте, что мы не откажемся от наших интересов, чтобы спасти вас⁹.

Тем не менее Берлинский конгресс 1878 г. стал важнейшим рубежом в развитии государственности большинства балканских народов. Хотя часть населения Балкан, в том числе православного, вынужденно еще оставалась под властью Османов, возникшие здесь независимые или полунезависимые государства – Сербия, Черногория, Румыния, Болгарское княжество, получили возможность интенсивно развиваться и стали строиться, подчеркнем это, как государства-нации. Их модернизация происходила сложным путем: свое государственно-политическое оформление они получили по западноевропейскому образцу – принятые здесь либерально-демократические конституции предусматривали выборные парламенты, строительство партий и участие их в управлении, формирование новой судебной системы и т.п., но все эти новшества очень мало соответствовали как социально-экономической базе новообразованных государств, так и ментальности их населения, на 80% состоявшего из крестьян. Вряд ли продуктивно совершенно отрицать значение принятия либерально-демократических конституций и норм государственной

жизни для политического воспитания какого-либо балканского народа, вступившего в конце XIX в. на новый путь. Даже учитывая, что схожесть их политических институтов с политическими учреждениями Запада не могла не быть во многих отношениях лишь внешней. Внутреннее несоответствие привнесенных норм жизни уровню развития новообразованных государств сохранялось в течение долгого времени. И 20 лет спустя после принятия Тырновской конституции болгарский экономист Кр. Крыстев отмечал: «У нас действительно институты самых передовых государств XIX в., но наши собственные идеи государства относятся к XV и XVI векам»¹⁰.

Остановлюсь далее только на двух важных вопросах, связанных с *организацией* процесса модернизации в балканских странах. Первый вопрос касается роли и места государства в ней (а), второй – идеи нации и национализма (б).

а) Из-за отсутствия или ущербного характера социально-экономических и психологических предусловий модернизации в аграрных странах именно государство становится главенствующим в деле реформирования большинства сфер общественной жизни. В самой стратегии ускоренного становления буржуазных отношений, считает российский военный социолог А. И. Панов, уже заложены предпосылки повышения роли централизованного государства, что обуславливается слабостью инфраструктуры гражданского общества. Происходит усиление тех органов государственного аппарата, которые являются инструментом исполнительной власти¹¹. Особенность стратегии правящих кругов Балканских стран заключалась в том, что из-за недорешенности в каждой из них национального вопроса и непосредственно связанных с этим территориальных проблем центральная власть стремилась *использовать мобилизационные возможности общества не столько для внутреннего развития своих государств, сколько для решения внешнеполитических задач*, настраиваясь, особенно с начала XX века, на постоянную готовность к войне (чего, повторюсь, не могла позволить себе тогда Россия). Задачи внутреннего строительства отодвигались таким образом, на задний план. Это – очень важное обстоятельство, именно оно в большой степени определяло как темп, так и направление, да и сами возможности хода внутренних модернизационных процессов на Балканах.

б) Что касается проблемы формирования нации, то думается, вопрос о том, что происходит раньше: закрепление международного статуса нового государства, стимулирующего затем формирование нации, или борьба уже сложившейся нации за собственное национальное государство, – схоластичен по существу, ибо очевидно, что оба процесса взаимосвязаны, причем это относится как к западноевропейскому, так и к балканскому субрегионам.

Однако обратим внимание на появление в XIX в. крылатого выражения: «Италия создана, теперь нужно создать итальянцев». Схожий с ним внутренний смысл отражен в названии вышедшей в 1976 г. книги американского исследователя Еужена Вебера «Из крестьян во французов», посвященной периоду с 1870 по 1914 гг. В ней на обширном материале проанализирован путь крестьянской страны от замкнутости и провинциализма к единой и неделимой Франции.

Я останавливаюсь на этих деталях специально, потому что процесс преобразования крестьян в нацию на самом деле является едва ли не главным, определяющим фактором успешной модернизации, и он действительно оказывается самым трудным и не способным к быстрому протеканию. Отсюда такие трудности на Балканах, в том числе с ходом формирования нации, – слишком велика здесь крестьянская масса, как правило, не принимающая

модернизации, сопротивляющаяся ей, вплоть до создания оппозиционных крестьянских партий. Однако непреложным остается: основное, что только и может позволить государству с преобладающим крестьянским населением серьезно перестраиваться во всех областях жизни и развиваться с нарастанием, является существенное изменение архаичной социальной структуры.

Размышляя на тему о нации и государстве, современный английский исследователь М. Хейнс присоединяется к тем, кто предлагает переосмыслить само представление о нации. Известно, что ни один из вариантов определения нации (а их накопился целый Вавилон¹²), предложенных в разное время обществоведами разных школ, не утвердился, да и не мог утвердиться в качестве общепринятого понятия: оно, как и некоторые другие (например, фашизм), будучи широко применяемыми в политической практике, пришли оттуда в науку, где заняли видное место, но несут нагрузку главным образом по линии «актуальности».

Обосновывая свое предложение, Хейнс замечает, что «нация» не обладает объективной основой и является мифом, созданным заинтересованными политиками. Он указывает далее, что в установлении национальной идентичности очень велика роль политического фактора; например, спрашивает он, какова идентичность населения по обе стороны границы, или какова роль государства при определении, какой из диалектов становится национальным языком. Кроме того, «национальная культура», по его мнению, создается превращением культуры данной группы в культуру более широких слоев населения¹³.

Мы с утвердившимся в отечественной науке многоступенчатым построением «этнос–народность–нация», растягиваемым на несколько столетий и с переводом указанных понятий «по мере их развития» из одного качества в другое¹⁴, вряд ли готовы целиком поддержать этот подход. Но, несомненно, что приведенные зарубежными коллегами доводы имеют под собой некоторые основания, что, в частности, подтверждает балканская практика национального и государственного строительства в XIX в.

Здесь идея нации и националистическая идеология не только активно культивировались во вновь созданных государствах, но очень скоро становились государственными. Для этого действительно требовались усилия субъективного фактора, поскольку, по мнению известного специалиста в данной области Э. Геллнера, нации не даны нам от природы, как и национальные государства не были «заранее предопределенной кульминацией развития этнических и культурных групп»¹⁵.

В условиях Балкан с их этнической чересполосицей, с частой вынужденной миграцией населения из страны в страну особенно трудно определить, когда «начинается» собственно нация, и также затруднительно сказать, когда строительство ее более или менее состоялось. В таких условиях «национальный вопрос» обретает качество *perpetuum mobile*, вызывает постоянное беспокойство со стороны интеллектуальной общественности и властей, требует к себе большого внимания. Показательно, например, с каким вниманием премьер-министр Болгарии А. Ляпчев, согласно воспоминаниям его секретаря, относился к расселению в конце 1920-х гг. в его стране масс иммигрантов–беженцев, давая конкретные указания, какую группу в какое место поселить в зависимости от господствующего в этом месте диалекта и ментальных свойств населения¹⁶.

Завершая, в качестве предварительного, еще не доисследованного аспекта, выскажем мнение, что балканские государства, приняв западноевропейский «головной убор» в виде либерально-демократических государственно-политических учреждений, в остальном (внутреннем смысле) пытались модерни-

зировать общество преимущественно по российскому образцу, т.е. прежде всего с помощью и при решающей роли государства – на основе огосударствления и экономики, и различных самостоятельных структур, в том числе далеко не только хозяйственных. И в этом заключалась угроза самому процессу буржуазной модернизации, ибо известно, что ключевым ее вопросом является функционирование экономики (как базисной структуры) вне влияния государства, но в сфере рынка и гражданского общества; бюрократическое государство, на протяжении длительного времени располагающее руководящими экономическими и прочими функциями, само становится камнем преткновения на пути преобразования общества, его социальной структуры, включая задачу сокращения довлеющей в ней доли крестьянства. Ведь в конечном счете одним из главных столпов модернизационного процесса является *изменение социальной структуры, доставшейся вновь созданному государству от предшествующего традиционного общества*, что только и может позволить этому государству серьезно перестраиваться во всех областях жизни и развиваться «с нарастанием».

¹ Хевролина В. М. Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев. – М., 2004. – С. 247.

² Русия и българското национално-освободително движение. 1856–1876. Документи и материали. – Т. 3. – София, 2002. – С. 171.

³ Там же. – С. 98.

⁴ Там же.

⁵ Хевролина В. М. Указ. соч. – С. 251–279.

⁶ Амфитеатров А. В. В моих скитаниях. Балканские впечатления. – СПб, 1903. Цит. по находящемуся в производстве изданию: Русские о сербах и Сербии / Сост. А. Л. Шемякин.

⁷ См., например: Боханов А. Император Александр III // Император Александр III и императрица Мария Федоровна. Переписка. 1884–1894 годы / Авторы–составители А. Боханов и Ю. Кудрина. – М., 2001. – С. 30.

⁸ Погодин С.Ф. Лекции по русской истории. Учебник русской истории. –СПб, 1993. – С. 717.

⁹ Кишкилова П. Българо–руските отношения през погледа на дипломата С. С.Бобчев (октомври 1912 –септември 1913) // България и Русия през XX век. Българо-руски научни дискусии. – София, 2000. – С. 37.

¹⁰ Цит. по: Аврамов Р. Стопанският XX век на България. – София, 2001. – С. 34.

¹¹ Панов А. И.Офицерский корпус в военных режимах XX века. – М., 1999. – С. 43.

¹² См.: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 29 – 37.

¹³ Хейнс М. Историкът и идеята за нацията // Исторически преглед. – 1998. – № 5–6. – С. 222.

¹⁴ См., например: Литаврин Г. Г. Этнос–народность–нация // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб. 2002.

¹⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991. – С. 114–115.

¹⁶ Янчулев М. Септември 1918 – септември 1944 // Научен архив на Българската академия на науките. – Сб. IV. – А. е. 194. – Ч. 1. – С. 56–57.

ИЗБИРАТЕЛНОТО ЗАКОНОДАТЕЛСТВО В КНЯЖЕСТВО БЪЛГАРИЯ (1879–1886)

М. Палангурски

Изработването на избирателното законодателство е конституционна задача на освободената през 1878 г. държава. Възприетата конституционна монархия, като форма на управление в Княжеството, предвижда народно представителство, избрано пряко от страна на цялото население. Всеобщото избирателно право е регламентирано в Конституцията. Като гласуват текста на чл. 88 от Търновската конституция, който постановява, че се избира един народен представител на 10 000 граждани, първостроителите определят количествените характеристики на парламента, изискванията за възраст (както за избирателите, така и за избираемите), за наличието на граждански права (за двете категории) и за грамотност за последната. Последната алинея предвижда изработването на един особен избирателен закон. От своя страна, той трябва да разреши всички подробности относно функционирането на избирателната система. С този акт Учредителното народно събрание определя избирателното законодателство като органическо, т.е. пряко свързано с изискванията на Конституцията и произтичащо директно от нея. Сравнително малките конституционни постановки, занимаващи се с избирателното право, на пръв поглед правят задачата лесна, но се оказва, че това е най-острият в политически смисъл закон в историята на страната и няма парламент, който да не прави промени в неговата конструкция¹. Целта на настоящата работа е да покаже как се създават функциониращите правила в първите години след Освобождението.

На 16 април, в 12 часа по обяд, само два часа преди да подпишат окончателния текст на Търновската конституция, се прочита проектът на Временните правила за избор на депутатите в I ОНС. Съставени изцяло от Христо Стоянов, по постигната два дена по-рано предварителната договореност, те не се дискутират и трябва или да се приемат, или да се отхвърлят по вишегласие. Приели ги без коментар поне за историята, два часа по-късно народните представители в Учредителното събрание се събират на тържествено заседание в голямата зала на търновския конак, за да предадат с подписите си юридическа тежест на своето дело. На другия ден част от тях взимат участие в стартирането на дългия и труден процес по изграждането на националните институции, чието начало е изборът на княз Александър I. По този начин завършва една скрита драма и се премахва сериозна клопка, в която българската политическа система има възможност да попадне още преди да е започнала своето съществуване².

Включени в дебатите за втората камара, за гражданските права и свободи, първостроителите гласуват член по член руския проект, изграждат параметрите на предвидените институции, дебатират по съвест и съобразно своята подготовка принципите на конституционната система. Но забравят нещо важ-

но – създаване на гарантирана система по която да се изградят предвидените органи. Разбира се, това важи особено за двата суверена – държавния глава и народното представителство, като еманация на народния суверенитет. Докато за княза всичко е ясно – и начинът на избор, и клетвата, и престолонаследнинството, дори религията на престолонаследника е предвидена. От руския проект се променя единствено размерът на годишната цивилна листа, така че е съвсем логично руските представители да предвидят всичко. „Властта“, както някои либерали вече наричат руската администрация, има делегирано от европейската дипломация право да контролира изграждането на Княжество-то и затова следи точно процеса на изработването на Основния закон. Берлинският договор е ключът към проблема, тъй като според неговия чл. 7 князът се избира след изготвянето на Органическият устав и „щом князът стъпи на престола, новата държавна уредба влиза в сила и Княжество-то встъпва в пълно уреждане на своята автономия“³, т.е. Временното руско управление на страната се разпростира до деня на встъпване на държавния глава в длъжност. По сполучливото определение на д-р Константин Стоилов „до тогава ние се считаме като една турска провинция, окупирана от една победоносна войска“⁴. По тази логика, изборът на княза може да бъде направен по правила, създадени само от руската администрация. Това, че тя се съобразява с изработеното от първостроителите предложение на 26 март и приетото на 8 април 1879 г. правомощие на ВНС да избира държавния глава⁵, само спомага за плавния преход между руската администрация и конституционната структура. Проблемът за руската власт е кое лице ще стане държавен глава и тъй като тя няма намерение да намалява своя ореол на освободителка и създателка на новата българска държавност, е готова да приеме всякаква процедура, предложена от българските нотабили⁶.

Не така обаче стоят нещата по начина, по който ще се свика първото Обикновено събрание. На 28 март 1878 г. мнозинството гласува чл. 86 от Основния закон, с който се постановява, че парламентът ще се избира „направо от народа“, определя неговия мандат, изборителните права и правото на избираемост, но най-важната за нас в случая е точка 4, която императивно определя, че „за реда на изборите ще се изработи особен изборителен закон“.

Идеите на седемнадесетте вносителни на това предложение се представят и защитават от Христо Стоянов. Съсредоточили вниманието си върху налагането на либералните постановки, авторите на проекта за параметрите на Народно събрание нямат представа, какъв е проблемът и как ще се развие. Мотивирайки достойнствата на предложения текст, Хр. Стоянов заявява, че „особен изборителен закон аз предлагам да се изработи от първата камара, а тая последната да се избере според временните правила“⁷, и най-компетентният либерал, несъмненият юридически баща на българския парламентаризъм, явно не схваща, че предложението за пряк избор на народните представители влиза в пълно противоречие с двустепенния избор и определените ценове според руските правила, а това и юридически, и фактически прави подобна камара неконституционна и още по-малко овластена да реализира основен конституционен текст.

Позицията му се споделя от всички в останали в събранието депутати. Не е случайно, че те единодушно гласуват не само алинеята на Конституцията, но и предложението на Киряк Цанков: „Изборите за първата камара да станат според временните правила. Защото не ще имаме възможност да изработим изборителен закон, както алинеята гласи и това да се мине в протокола“⁸. Фактът, че К. Цанков е готов с предварително сформирано предложение, кое-

то да влезе в протокола като решение, показва, че има договореност между мнозинството. А и в този момент те действат по подготвена схема, за да оформят ясна и синхронизирана система, след като налагат сформиранието на парламента чрез преки избори⁹. С това първостроителите като че ли предreshават изцяло въпроса и оставят бомбата със закъснител да действа. Явно, на този етап, либералните лидери приемат, че след като се възприема процедурата, първото Велико събрание да се избира по тези правила, то както изборът на държавния глава, така и на първото Народно събрание ще бъде легитимно. Грешката не е колосална, но има потенциала да взриви за дълго налагането на желанието от мнозинството парламентарен режим.

На 13 април 1879 г. депутатите започват окончателното четене и приемане на изостаналите поради напрегнатата работа дневници и когато се утвърждава този от 28 март, председателят на габровския градски съвет Сава Илиев повдига въпроса за нуждата от избирателен закон, валиден още за Първото обикновено народно събрание. Интересното е, че двама от лидерите на либералната група – П. Каравелов и Хр. Стоянов, веднага вземат думата, като бъдещият министър-председател констатира, че единствената пречка е, че „не остана вече време“, а бъдещият министър на правосъдието изказва мнението, въпросът да се остави за заседанието на следващия ден. Явно Хр. Стоянов вече е достигнал до определени изводи и има нуждата от време, за да промени предложеното от самия него решение от 28 март за използване на руските временни правила¹⁰.

Софийският представител е наясно, че остават две заседания и явно не случайно отлага развръзката за предпоследния ден. На 14 април отново С. Илиев повдига въпроса като „висящ и отворен“. Либералите не са единни, тъй като Др. Цанков с отличния си чиновнически нюх веднага репликира, че въпросът е решен с гласуваното вече предложение на К. Цанков. Габровският представител обаче продължава да твърди, в разрез с текста, записан в дневника, че при гласуването депутатите разбирали събранието, свикано за избор на княз.

Др. Цанков и Константин Помянов докрай отстояват тезата, че въпросът е решен, дори предизвикват четене на XVII протокол, и настояват да се използват руските временни правила. Целта на С. Илиев е да повдигне дебат и трябва да се каже, че не само успява, но и довежда събранието до ново, окончателно решение. Пръв реагира П. Каравелов, който предлага: първото събрание, „свикано от княза, да изработи Избирателния закон и тогава да се разиде, за да свика Обикновено събрание на основание от изработения Избирателния закон“.

Тежката дума обаче имат Стоян Михайловски, Петко Р. Славейков и председателят на Провадийския окръжен съд Иван Кършовски, които подгръхват един след друг мнозинството с твърдението, че властта е оказвала натиск по изборите за I ВНС и твърдо призовават да се изработи нов закон, за да се „отстрани намесването на администрацията“. Но нито един от тях не използва юридически, а размахва политически аргументи, насочени към душата на мнозинството от депутатите.

Завърналите се в парламента консерватори усещат, че мнозинството подготвя пререшаване на въпроса. Димитър Греков, като отличен юрист, не прави опит да изкривява своята компетентност и заявява, че от Избирателния закон зависи дали конституцията „ще влезе в действие, или ще да остане мъртва буква“. Той с основание констатира, че изборите „не могат да станат по временните правила“ поради двустепенните избори, но тъй като няма време,

предлага да се приема Каравеловото предложение, като „единствено, което ще осигури правилното приспособление на Конституцията“. Консерваторите се стремят да използват недостатъчната компетентност на либералите и да връчат на княза ключ към първия парламент и най-важния закон в страната. В спора Д. Греков използва предстоящото свикване на I ВНС като достатъчна гаранция, че избраното по тези правила обикновено събрание също ще бъде достатъчно отговорно и че един прибързан закон няма да е ефективен и ще създаде условия за „произвол“ и ще „подкопае конституцията“. Марко Балабанов също стъпва на подобна база. И според него „Конституцията ще е без действие, ако няма Избирателен закон“, но липсата на време го кара също да застане зад Каравеловото предложение. Той е склонен, ако се наложи, да приеме за свършен факт използването на Временните руски правила и подхвърля към либералите: „Тъй е господа. За три години ще да имаме представители, избрани не по Конституцията, но по Временните правила“, за да им припомни, че решението е взето при отсъствието на протестиращите консервативни лидери.

Решителна намеса оказал Хр. Стоянов, който изскачал да се сформират настроенията и да се определят мненията. Според него Временните правила не са пригодни за целта, тъй като са изработени за избор на съдии, предвиждат двустепенни избори, поставят условия за качествата на избирателите и на избираемите и най-важното е, че „няма гаранции за честни избори, защото няма никакви наказания, указани против тези, които злоупотребяват“. Това е достатъчен мотив мнозинството да застане зад думите на оратора, още повече, че той учтиво си предлага услугите да „изработи нещо“ и да го представи на парламента.

Пръв губи почва в спора Др. Цанков, поддържан постоянно от К. Помяннов. За да наложи тезата си, той търси най-различни доводи, понякога напълно нелогични. Такова е твърдението му, че не може да има избирателен закон при липсата на административно деление на страната, което кара дори П. Каравелов да избухне и да заяви, че подобен „закон не се нуждае от административно деление“. Учуден е „как учените не ги разбират тия работи“ и изведнъж решава да се позове на основния закон, който е поставил принципите, а основа, което им противоречи, от само себе си трябва да отпадне. Демагогията и юриспруденцията са съвместими, но само при условие, че човек познава поне основните принципи на правото. За да бъдеш демагог обаче, се изисква вътрешна нагласа, дълъг политически опит и несъмнен афинитет, а Др. Цанков има всичко това в излишък. Дори нещо повече, при него демагогията е много по-силно изразена, тъй като се оформя под влияние на ориенталската мисъл и практика. Към правото има смътен интерес и най-вече, ако не тоталната липса на познание, то поне „оригинална некомпетентност“¹¹.

Тази нестабилна и объркана позиция дава възможност на Д. Греков да направи унищожителен разбор на Цанковата реч: „Ако се отхвърлят 4-5 члена от Временните правила, ако се отхвърли двустепенното избиране и условията на избиратели и избираеми, тогава нищо не остана от Временните правила“. Но това не е всичко, следва изключително точна присъда: „Цанков мисли, че Избирателният закон не трябва да стои в Конституцията, и се чуди как учените да не знаят това. Отговарям му, че у много конституции Избирателният закон е самата Конституция, а няма конституция, при която да не е прибавен. Това неучените, не могат да го знаят“. Стъпил твърдо на правна основа, той не може да допусне, че въпросът може да бъде пререшен и отново предлага да се свика „особено събрание“ и след изработване на закона то да се саморазпусне.

Предизвикалите разискването отдавна мълчаливо стоят отстранени и очакват развръзката, когато за последно се намесва Хр. Стоянов, който с думи, точни в юридически смисъл, но по стил и мислене стоящи по близко и разбираемо до мнозинството, описва единствения възможен изход от създалата се ситуация: „Нашето Учредително събрание е извънредно и законно, защото то е основано на Берлинския трактат. Събранието за избиране на княза е също извънредно и законно, защото е основано на Берлинския трактат. Вън от тези две извънредни събрания, нашите събрания ще бъдат все основани на Конституцията. Затова нека следваме законността, нека допълним делото си като изработим и Избирателен закон“¹².

П. Каравелов веднага оттегля предложението си и след разгрома на Цанковата идея, събранието се съгласява Хр. Стоянов да предложи текст. Два дни по-късно, преди да започне прочитането му, думата взима Тодор Икономов, гарант за честност пред всички крила и групи в парламента, за да припомни, че разисквания няма да се водят и проектът или се гласува, или се отхвърля. Втората опция означава, че монархът и назначеното от него правителство ще трябва да определят правилата за избор на първия парламент. В предходните дни подобен възглед се опитва да наложи представителят на Българското книжовно дружество в Браила В. Берон, който смята, че след като „сега имаме храм, а ключа му нямаме“, князът и назначеното от него правителство ще спазят конституционните разпоредби и ще свикат парламента по тези правила. Но депутатите с вишегласие гласуват „Временни правила за избирането на представителите за Първото обикновено народно събрание“, станали неразделна част от дневниците на Учредителното събрание.

Така страната се сдобива с първия си закон в своята нова история. И то не какъв да е акт, а онзи, който сформира народното представителство. Бързината, липсата на опит, разделението в парламента на две ясно противопоставящи се групи довеждат дотам, че законът е приет без дебат, в последния възможен момент. Правилата нямат нищо общо като структура, обеми и параметри с другите временни правила, известни до този момент – тези, по които се избира Учредителното събрание и I ВНС. В тях се включват елементи, като: избирателните списъци, правата и задълженията на административните власти за свикването на избирателите, сроковете, правото на избираемост и условията за избирателите, ръководството на избирателното събрание, изборните колегии, а една четвърт от членовете определят съдебното преследване на нарушителите на свободата на избирателния процес. Разбира се, няма вътрешна структура, не се сформират отделни глави, понякога последователността и логичността на членовете е недостатъчно ясна, дори чистотата на език е далеч от най-добрите образци, но това са проблеми, далеч по-лесно разрешими от възможността, парламентарният живот да започне със събрание, оспорвано относно своята конституционност.

Правилата са определени за временни, но, както се оказва от практиката, по тях се свикват първите два парламента. Но и без да носи това определение, документът има всичките характеристики и значение на такъв, а и още по време на гласуването на правилата Т. Икономов направо ги нарича „Избирателен закон“. Този интелигентен човек, честен политик и активен гражданин, както обикновено, има точен поглед върху събитията¹³.

Приетият през декември 1880 г. от II ОНС Закон за избиране на народните представители в Обикновеното и Великото народно събрание, макар и да е несъмнена крачка напред в законодателната рамка и в налагането на принципите на всеобщото избирателно право, по същество остава дълбоко свързан с изработените в последните дни на Учредителното събрание правила. Правни-

ят стил, политическото мислене, дори и граматиката на извършените промени носят почерка на министъра на правосъдието в кабинета на Др. Цанков Хр. Стоянов. Действително, той не е директният автор на законопроекта и гласуването в парламентарна зала става след неговата оставка и реконструкцията на правителството в късната есен на 1880 г., но трудно може да се отрече откъде идват, ако не реалните текстове, то поне идеите на първия изработен от ОНС закон за изборите.

Фактически идеята за изработването на закона е на Ст. Стамболов, което окончателно свързва името му с избирателното законодателство. На власт или в опозиция, дори след своята смърт, чак до 1897 г. той е главното действащо лице в тази сфера, а голяма част от общите постановки остават до края на изследвания период като неоспорими темели на изборния процес. На 12 ноември 1880 г., усетил, че редовната парламентарна сесия е към края си, и поради факта, че в Тронната реч на княза не се и споменава за нов избирателен закон, а изпълнителната власт е вкопчена в борбата за доминация над княза и има достатъчно други грижи, поради което не прави нищо за ускоряване смяната на Временните правила, той внася предложение в Народното събрание за съставяне на специална комисия за изработването на Закон за изборите за Обикновено и за Велико народно събрание. Предложението е прието и в нея влизат, освен авторът на предложението, д-р Васил Берон, Рангел Костов, Иван Донеv, иконом поп Тодор, Лазар Дуков, Георги Живков, свещ. Радев, д-р С. Антонов, Петър Станчев¹⁴. Не може да се отрече далновидността на бъдещия министър-председател. Дни по-късно се разгаря скандалът между Др. Цанков и княза по повод българското участие в заседанията на Дунавската комисия, завършила с втория либерален кабинет, оглавен от П. Каравелов. Малцина са действали с толкова силна интуиция и предвидливост, впрочем изцяло оправдала се от бъдещето развитие на събитията. В тази тежка ситуация на политическа криза „Комисията за разглеждането на временните правила за избор на народни представители във Второто ОНС“, оглавена от д-р В. Берон, успява да завърши своята работа изключително бързо и в три заседания (от 9 до 11 декември 1880 г.) депутатите го приемат на първите две четения, а на 15 декември окончателно утвърждават текста.

В структурата на закона за пръв път се появяват две ясно обособени части – първата е посветена на изборите за ОНС, вътрешно разделена на 4 глави. Всяка от тях обхваща основните насоки на избирателния процес: *избиратели, избирание, избираеми и наказания за престъпления по изборите*. Втората основна част, посветена на рекрутирането на ВНС, практически е добавка към заложените принципи и изисквания в първата, липсват обособени вътрешноструктурни части, а единствено се добавят конституционните изисквания и се разрешават някои проблеми, стоящи при евентуално свикване на Велико народно събрание. Както депутатите сами признават в чл. 46 „настоящият закон се приспособява и за избиране на народни представители за Велико народно събрание“.

Сравнено с Временните правила, II ОНС приема закон, който има 49 члена, т.е. с 10 члена повече¹⁵. Основната промяна се състои в изработването на по-ясна структура, в редактирането на отделни членове чрез тяхното сливане или разпокъсване, в юридическата и граматическата чистота и отпадането от текста на остарели и отживели времето си понятия – премахнатите вече губернтски структури¹⁶, позоваването на Временните правила, „княжеската заповед“ е заменена с „указ“, франковете с левове – общо 28 подобни промени. Те са свързани с изработените и приетите Законови постановки за сечене на български парични знаци, новата административна структура, както и наложената практика¹⁷.

Липсата на парламентарен дебат при изработването на Временните правила в УНС прави изработването на първия закон особено интересно, що се отнася до политическата му теория. Колкото и странно да е, дискусиа, която да отхвърля или да подкрепя основните политически идеи, залегнали в закона, няма. Спори се по конкретни неща, разширяват и ограничават се определени правомощия, но идеен сблъсък липсва. Явно победата на едното крило в Учредителното събрание и доминацията му в изборите за първите два парламента прави за другото крило дискусиата излишна. Всяка от двете тенденции в реалната българска политика се опитва да прокара и утвърди своите идеи чрез механизмите и структурите, на които залага и смята да използва. Либералите – на парламента, а консерваторите – на монархическия институт. Очертава се нерадостна тенденция. Първите два законови акта, регулиращи изборителното право, се гласуват или без каквото и да е обсъждане, или при практическата липса на такова. Едва ли може да се очаква, че следващата стъпка ще бъде встрани от вече трасирания път, както се и оказва.

Политическата криза, в която страната изпада след отстраняването на либералния кабинет, след т.нар. „държавен преврат“ и налагането на „Режим на пълномощията“ през пролетта и лятото на 1881 г. създават съвършено нова обстановка както в политически, така и в институционален смисъл. Сформирането на нови институции, концентрирането на властта основно в монархическия институт, външната намеса и контрол от страна на руската дипломация и на делегираните от нея дипломати, чиновници и военни, създават много трудна обстановка за формирането на реална и ефективна политика. Един от основните проблеми при опитите за реализиране на набелязаната политика е въпросът с изборителните права и закон. В края на юли 1882 г., т.е. една година след решенията на II ВНС, правителството на ген. Леонид Соболев най-после успява да изработи окончателен вариант на проект за нов Изборителен закон. Всички сочат за идеен вдъхновител и до голяма степен за автор бившият министър на вътрешните работи, а в този момент министър на финансите Григор Начович¹⁸.

Законът трябва да разреши основния политически и юридически казус, стоящ пред обществото и управляващите – по какъв начин да стане свикването на Народното събрание. Страната вече повече от година и половина е без действащ законодателен орган и като се има предвид, че процедурата може да продължи не малко време, се очертава, както накрая и се получава, двугодишно пълно прекъсване на парламентарната практика. Не трябва да се забравя, че, ако се изключи еднодневното събиране на Свищовското Велико народно събрание, от закриването на 18 декември 1880 г. на втората сесия на II ОНС до 10 декември 1882 г., когато се свиква III ВНС, парламентът не функционира, въпреки княжеското обещание, че ще се допитва постоянно до народното представителство. Проблем създава и княжеската постъпка, да не разпусне II ОНС, а само да отложи сесията му, опасявайки се от негативни последици в тежките моменти при налагане на пълномощията. Управляващите постепенно застават зад идеята, че след като II ВНС е дало на княза необходимите правомощия, то той „заема мястото на Търновската конституция, да урежда през седемте години политическото функциониране на държавата“¹⁹.

При подобна позиция няма нищо по-естествено, макар и с различни нюанси, либералната опозиция да се обедини около идеята, че с изработването на нов Изборителен закон се „прибъгва до втори преврат“²⁰. Както се вижда, спорът има чисто юридическа основа, но се превръща в политически, и произтича от доста неясните перспективи, цели и задачи, които си поставя князът

през пролетта на 1881 г., а и по-нататък в различните етапи на пълномощенското управление. Не са за подценяване и реалните намерения на участниците в управлението и на опозицията. Всеки от политическите центрове – консерватори, умерени и радикални либерали, руските генерали и чиновници, се стреми да запази или създаде условия за спечелването на изборите и да си осигури временна доминация.

Така или иначе, на 14 август 1882 г. Държавният съвет утвърждава проектозакона и на 25 август той е утвърден от Александър I и е публикуван²¹. За пръв и последен път закон, посветен на избирателната материя, се представя на държавния глава, придружен от толкова подробен и всеобхватен доклад. Той е подписан от временно управляващия в този момент Министерството на вътрешните дела Димитър Д. Агура. Бесарабският българин, възпитаникът на Университета в Ящ, бъдещият професор и четирикратен ректор на Университета, използва всичките си професионални познания по нова история от Френската революция до своето време²². Явно, след като няма възможност да се проведе парламентарен дебат, докладът трябва да го замени и да обоснове пред обществото и пред държавния глава онова, което стои като принципи в текста на закона.

Анализът, направен от Д. Агура е великолепно илюстрация на съществуващото положение. За него системата от „представителни учреждения“ в страната е „широко развита“ и избори се провеждат за общински учреждения, окръжни съвети, парламент, за Държавния съвет, съдебните заседатели и за касиерите на земеделските каси. Но състоянието на избирателните закони, три години след изработването на Основния закон, е трагично и е явно доказателство, че модернизирването на политическата система изостава безнадежно. Окръжните съвети и последните две категории се избират по правилата, останали от времето на императорския комисар, а общинските – по указ, създаден от първото правителство и подписан от Александър I на 14 август 1879 г., а законът от 17 декември 1880 г. за избор на народни представители е използван само при изборите за II ВНС, но с добавките, които са извършени от изпълнителната власт, за да се осигури успешният старт на „режима на пълномощията“. Цялата тази ситуация според него „побърква избирателя и като не му позволява да добие опитността, която е толкова необходима за правилното изпълнение на неговите политически права и обязанности“.

Бъдещият професор по история показва своите аналитични умения, когато мотивира двустепенната система за избори. В съответствие с настроенията в страната след 27 април 1881 г. той не случайно започва с факта, че тя е въведена от руската администрация, но с основание добавя, че по нея вече се избира и Държавният съвет, окръжните съвети и съдебните заседатели. Опирането на съществуващата практика е действително солиден довод. Логично, но недемократично звучи оправданието на системата за избора на „гласни“. За него, по този начин „масата на народа прави измежду себе си един отбор на по-добрите свои съграждане, на ония сиреч, които се ползват с неговото уважение и доверие“. Той не изпитва никакво съмнение, че това са „най-честните, най развитите лица в общината“, натоварени да изберат народните представители, и това е най-удачното за страната, където „народът от късо време е повикан на самостоятелен политически живот и дето масата още не е добила оная опитност в обществените дела, която е толкова необходима за доброто управление на страната“.

Два са основните мотиви за подобна констатация и трябва да се отбележи, че и двата отговарят на съществуващото в страната положение. Народът няма

достатъчно подготовка и желание да участва в изборите, тъй като още не осъзнал важността на вота. Доказателствата той намира във факта, че действително много рядко в първата неделя се събират изискваните от закона брой избиратели, а при повторението на изборите се достига до фрапантните случаи, когато от 2000–3000 избиратели гласуват в повечето случаи от 200 до 400. Показвайки информацията от протоколите за избори в отделни околии, се вижда, че има над 25 случая, когато са гласували от 52 до 290 лица и то не за един, а за два или повече мандата, съобразно големината на околията.

Вторият мотив според него се крие в наложената система, тъй като „избирателят няма никаква воля да тича в центра на избирателната околия, за да гласоподава за лица, които не са му познати, който той нито е виждал, нито е чувал и по тая причина изборът му не може да бъде удовлетворителен, защото е несъзнателен“, за разлика от момента, когато поверява своя вот „на един повереник“. Но Д. Агура явно смесва два проблема. Несвършенството на териториалното разположение на единствения изборен пункт е действителен факт, но няма и намек тази практика да бъде преодоляна чрез простичкото приближаване на урните до избирателите. Но след като се предлага делегиране на избирателното право, не става ясно по какъв начин ще се преодолее констатираната липса на политическо възпитание. Самият автор прави точната сметка, че при 400 000 души избиратели за цялата страна ще трябва се изберат не повече от 8 000 „гласни“, средно по 666 на окръг. Явно това е теоретичният минимален обем на просветените и политически ангажираните лица, на които ще разчита „режимът на пълномощията“. Но според статистиката, за I ОНС са гласували 70 327, а за второто – 92 986, или съответно 32 и 32,3 %²³. Това е 10–12 пъти повече от очертаващите се „най-развити лица“ и предложението де факто цели ограничаване на политически активните избиратели.

Всичко това прави изводите на Д. Агура, че двустепенната система „не лишава никого от избирателното право“ и че тя е най „сгодното средство, за да гарантира на всеки гражданин възможността да упражни избирателното си право“, изцяло безпочвени. Крайната, но много добре скрита идея е пасивното мнозинството от неангажирани политически лица да бъде използвано масово. Чрез привидно улеснение във времеви и териториален аспект, те трябва да излъчат „гласни“, които могат да спрат онези вече доказано активни лица, явно не харесващи по-консервативния модел на управление. Това косвено го признава и Д. Агура, който, като защитава налагането на имуществен и професионален ценз, дебело подчертава, че е нужно „щото един човек действително да е установен в страната или чрез своите интереси, или чрез интересите на фамилията си, или в отсъствие на такива, да представи поне за гаранция личната си независимост, за да има правото да бъде избирател, защото иначе, без тия ограничения, страната може да попадне в ръцете на хора, които нямат интерес да владее в нея сигурност, тишина, ред и законност, но напротив, имат интерес да владее в нея безредието, несигурността и разстройството“. Цензът и двустепенната система са най-големият политически въпрос в закона и, както се вижда, при неговата защита много ясно се очертават дългосрочните цели и надежди, които му се възлагат от авторите на пълномощенския режим.

Другият теоретичен проблем, който трябва да разреши авторът на доклада до княза, е несъответствието между броя на избирателите и предвидената система за избор на народни представители, съобразно броя на околии в даден окръг. Според него, депутатът представлява целия народ, една действително класическа и присъстваща в Търновската конституция постановка, и затова не трябва да се „дава капитална важност на количеството на населението,

което го избира“. За да бъде справедливо разпределението на мандатите спрямо населението и броя на избирателите, трябва специално териториално деление с привременни избирателни центрове, което е съпроводено „с големи мъчнотии и нередовности“, и по тази причина опора стават съществуващите окръзи и околии. Приведеното доказателство, за разлика от всички други до този момент, е изцяло измислено и нямащо нищо общо с българската действителност, но би се харесало на княза, правителството, руската дипломация и поддръжниците на режима. Изхождайки от окръга, където са избрани, народните представители ще представляват „народното земство, както това съществува в славянските народи“ – пълна дивотия както в теоретичен, така и в политически и практически смисъл и затова той бърза, поне за историята да прибави още един, малко по-сериозен довод. Това е заявлението му, че „окръзите са разделени почти навсякъде на околии съразмерно с тяхното население, сиреч, по-населените окръзи са подразделени на по-голямо число околии“ и съответно избират повече депутати. Той обаче не се позовава на точни сведения, които толкова умело друг път прилага при необходимост и които се съхраняват в управляваното в този момент от него министерство.

Всички тези политически промени целят да се създаде най-после парламент, който според автора на доклада е характерен за всяка млада държава. Мечтата е той да бъде по-скоро „камара за организаторска деятелност, отколкото събрания за политически борби и частни интереси“ и затова предоставя на княза правото да избира председателя и двамата му заместници²⁴.

Несъмнено, независимо в каква посока се разглежда, приетият от Държавния съвет Избирателен закон е явление в българският политически живот. В исторически смисъл, той е възплъщение на идеите на консервативното политическо течение. Корените му се крият във възрожденските идеи и поведение, които изкрystalлизират в дебата по време на Учредителното събрание, в желанието за бързи конституционни промени на княза и на консерваторите и най-вече в еманацията от настроения, политическа идеология и реална политика, залегнали в налагането и утвърждаването на пълномощенския режим²⁵.

Като чисто юридическа конструкция законът е несъмнена крачка напред. Не може да не се подчертае, че за пръв път в единна система са обхванати всички видове избори – за общински и окръжни съвети, Обикновено и Велико народно събрание. Принципите, методите и начините за осъществяване на избирателния процес са единни, взаимно заменяеми, хармонично преливащи се, липсват вътрешни противоречия при реализиране на различните казуси и спокойно могат да бъдат оценени като избирателна конституция за сформиране на всички изборни учреждения в страната. Юридически бисер, само с един сериозен недостатък – противоречи на основните постановки, духа и практиката на Търновската конституция и на либералните тежнения на по-активната част от населението. Затова първият кодификационен закон, засягащ избирателното право, не успява да се задържи дълго време в правното пространство и чак през 1897 г. идеята за общ закон излиза отново на преден план и се реализира успешно в политическия живот на страната.

Ако декларираният от княза отказ от своите пълномощия, получени от II ВНС, е един еднократен акт, то излизането на българската политическа система от режима не е еднократна стъпка, а дълготраен и динамичен процес. Започнал с натрупването на обществено недоволство, преминал през политическото споразумение между умерени либерали и консерватори, трудната битка с руските генерали и чиновническа доминация в страната, бавното уз-

ряване на княза и изведнъж придобитата ключова роля на III ОНС и накрая, за да достигне до налагането на компромисната идея за промяна на Конституцията в бъдеще време. Всичко това са стъпки от един болезнен, бавен и много труден процес. Едно от последните неща, което извършва най-малкото по състав Народно събрание в новата българска история, е гласуването на нов Избирателен закон, който премахва основното творение, крепителя и, разбира се, създателя на пълномощенската политическа система.

Направеното окончателно на 12 декември 1883 г. е един от първите прецеденти в българския парламентаризъм и изобщо изключение в сферата на избирателното право. До този момент няма случай на възстановяване на стар закон в неговия пълен обем. Достига се дотам, че стриктно се следи за запазване дори броя на членовете на закона. Най-точно извършеното се посочва в новопоявилата се V глава на Закона със заглавието „Отменение“. Глава с един-единствен член – 51, който синтезира напълно и ясно смисъла на целия процес: „Избирателният закон от 25 август 1882 г. се заменя със закона, издаден на 17 декември 1880 г., с направените поправки на 12 декември 1883 година“²⁶. Връщането назад и опирането в либералното творение не е случайно и ако се вгледаме в политическите и обществени борби против „режима на пълномощията“, ясно ще се види, че законът от 1880 г. постоянно е използван като знаме за защита на конституционния режим и като гаранция за правата на гражданите²⁷.

Извършените от III ОНС поправки са оценяват единствено и „само“ като „изменения в стария избирателен закон“²⁸. Споменатият външен педантизъм и следването на оригинала при редактирането естествено водят към подобен възглед, още повече, че духът на закона е запазен напълно. По-задълбоченият анализ обаче показва, че поправки са направени в 13 от 51 члена, а това са 25,5% от общия брой на текстовете. Разбира се, те са от всякакъв вид, има чисто редакционни и уточняващи, но и нови, които макар и да не променят духа на избирателната система, включват сериозни промени в избирателния списък, избирателната околия, дневник на събранието, правилата за избираемост и др. Промените са наложени от практиката, от приемането на някои идеи, произлезли и наложени от „режима на пълномощията“ и стремежа за възстановяване на конституционния режим. Дотолкова външната прилика заблуждава, че дори сериозни изследователи на проблема се придържат към идеята, че това не е нов закон, тъй като се различавал от стария само по 51-ви член²⁹.

С приетите от III ОНС законови промени на правилата от II ОНС България посрещна Съединението. На допълнителните избори, проведени през 1886 г., са избрани народни представители и от Източна Румелия, приети тържествено като членове на IV ОНС, за да се покаже единството на народния суверен в обединена България. Страната сформира своя законодателен орган следващия четвърт век – вече като единен организъм, с единно законодателство и на принципа на мажоритарната система.

Избухналата криза след преврата на 9 август 1886 г. поставя въпроса за нормализирането на политическата ситуация. Конституцията е ясна – на ред е свикване на Велико народно събрание, което трябва да поеме в свои ръце съдбата на държавата, да разреши династическата криза и да тласне княжеството към по-спокойни бъднини. Нажежената вътрешнополитическа обстановка след военния преврат и особено проблемите, възникнали от директната руска намеса в българската вътрешна политика, и главно от несъгласието на Санкт Петербург при съществуващото управление в София да се свиква висшият ор-

ган на народовластието, поставят ред въпроси и пред българския управляващ екип, и в частност пред изборното законодателство³⁰.

На заседанието си от 5 септември 1886 г. свиканото на последната си пета извънредна сесия IV ОНС бързо решава и приема предложената от правосъдния министър д-р Васил Радославов промяна в Избирателния закон. Спешността е очевидна и закономерна – на 8 септември регентите Стефан Стамболов, Петко Каравелов и подполковник Сава Муткуров подписват закона, а на 12 септември той вече е публикуван в Държавен вестник. Промените се отнасят само до два члена, но са обвързани с необходимостта от бързо провеждане на изборите за III Велико народно събрание³¹. Променени са сроковете за свикване на парламента и окончателно се прамахва възможността да се гласува в две поредни седмици.

За 6 години избирателното право се регулира с едни Временни правила, 3 закона и 2 поправки. Стига се дотам, че създадените по спешност правила от учредителите сформират първите два парламента, либералният закон от 1880 г. юридически се използва единствено за създаването на „режима на пълномощията“ чрез свикването на II ВНС, консервативният закон от 1882 г. дава облика само на III ОНС, което в края на своята дейност възстановява чрез поправки закона от 1880 г., за да успее страната да се справя с възникналата след Съединението на Княжеството и Източна Румелия вътрешнополитическа криза. Борбата между либералната и консервативната идея завършва в полза на първата, което дава облика на цялостното развитие на избирателното законодателство в следващите години.

¹ Създаването и устройството на България е достатъчно добре известно в литературата // История на България. – Т. VII. – С., 1991.

² Дневници на Първото учредително събрание в Търново по изработването на българската конституция. – С., 1890. – С. 238–239.

³ Гюзелев В. Българската държава в актове и документи. – С., 1981. – С. 209.

⁴ Дневници на Първото учредително събрание в Търново по изработването на българската конституция. – С. 151.

⁵ Пак там. – С. 152 – 153, 219.

⁶ Гешева Й. Държавната институция Велико народно събрание 1879–1911. – С., 2001. – С. 19–27.

⁷ Дневници на Първото учредително събрание в Търново по изработването на българската конституция. – С. 187.

⁸ Пак там. – С. 189.

⁹ Дневници на учредителното събрание 1879 г. – С., 2004. – С. 291.

¹⁰ Дневници на Първото учредително събрание в Търново по изработването на българската конституция. – С. 228.

¹¹ Дневници на учредителното събрание 1879 г. – С. 360.

¹² Дневници на Първото учредително събрание в Търново по изработването на българската конституция. – С. 231 – 237.

¹³ Пак там. – С. 238.

¹⁴ Стенографски Дневници (СД), II ОНС, II р. с. – Кн. II. – С. 27.

¹⁵ Държавен вестник (ДВ). – 1880 – 23 декември.

¹⁶ Те са премахнати с решение на II ОНС – ДВ. – 1880 – 28 май.

¹⁷ Стоянов И. Либералната партия в Княжество България (1879–1886 г.). – С., 1989. – С. 39–8.

¹⁸ Тодоров Г. Временно отменяне и възстановяване на Търновската конституция. – С., 1991. – С. 80.

¹⁹ Пак там. – С. 76.

- ²⁰ Пак там. – С. 74.
- ²¹ Държавен вестник. – 1882. – 8 септември.
- ²² Калчев К. Исторически календар на бесарабските българи. – В. Търново, 2001. – С. 45.
- ²³ Сарафов М. Нашите легислативни избори // Периодическо списание на българското книжовно дружество. – Т. IV. – Кн. 16. – С., 1885. – С. 34.
- ²⁴ Държавен вестник. – 1882. – 8 септември.
- ²⁵ Тодоров Г. Временно отменяне и възстановяване на Търновската конституция. – С., 1991. – С. 79–81.
- ²⁶ Държавен вестник. – 1883. – 20 декември.
- ²⁷ Стоянов И. Либералната партия в Княжество България (1879–1886 г.). – С. 109.
- ²⁸ Тодоров Г. Временно отменяне и възстановяване на Търновската конституция. – С. 249.
- ²⁹ Аврамов Л. Избирателно право и законодателство за избиране на парламент в България 1879–2001. – Варна, 2002.
- ³⁰ Попов Р. България на кръстопът. Регентството, 1886–1887. – С., 1991.
- ³¹ Държавен вестник. – 1886. – 12 септември.

ДИФЕРЕНЦІАЦІЯ ЛІБЕРАЛЬНИХ І КОНСЕРВАТИВНИХ ПАРТІЙ БОЛГАРІЇ НА МЕЖІ ХІХ – ХХ СТОЛІТЬ: СПРОБА КЛАСТЕРНОГО АНАЛІЗУ

Д. В. Миколенко

1894 року в Болгарії відбулася зміна уряду. Багатопартійна система, що розпочала формуватися за часів правління «стамболовістів» (1887-1894 рр.), але в умовах жорсткого авторитарного режиму не функціонувала, поступово стала реальністю¹. Переслідування опозиції припинилися, і русофільські партії «цанковістів», «каравелістів» та південноболгарських «з'єднаних» знову брали участь у політичному житті країни. Отже, наприкінці ХІХ сторіччя болгарська партійна система стала схожою на тогочасну французьку, німецьку або італійську². 1899 року в країні нараховувалося п'ять партій – Народна, Народно-ліберальна, Прогресивно-ліберальна, Демократична і Ліберальна, які, згідно з класичною європейською схемою (консерватори праворуч, ліберали у центрі, соціалісти ліворуч), перебували на правому фланзі й у центрі політичного спектру. В їхніх програмах можна знайти елементи і лібералізму, і консерватизму, проте кожна із них мала своє обличчя, яке визначалося більшою чи меншою схильністю до цих двох ідеологій.

Історія консервативних і ліберальних політичних партій в Болгарії різнопланово висвітлена в історіографії. Однак не завжди інтерес до вивчення цієї теми був однаково значним. У радянській історіографії перші спеціальні роботи, у яких диференціювалися праві та центристські партії Болгарії, з'явилися лише на початку 80-х років минулого століття. Стаття Т. Маковецької³ цікава з точки зору аналізу соціально-класової структури найбільш впливових політичних сил країни. Проте висновок автора про однаковий соціальний склад усіх п'ятих «буржуазних» партій досить суперечливий. На відміну від Т. Маковецької, російська дослідниця Л. Лямцева показала принципову різницю у соціально-класовій структурі всіх правих і центристських політичних сил⁴. Вона називає Народну та Народно-Ліберальну партію політичними силами заможної буржуазії, пов'язаної з крупним промисловим, банківським і торгівельним капіталом, а Ліберальну, Демократичну та Прогресивно-ліберальну – партіями дрібнобуржуазного характеру. Крім того, Л. Лямцева звернула увагу на ще одну особливість цих партій – їх розділення на дві групи за своєю зовнішньополітичною орієнтацією («русофільів» і «русофобів»).

Значно ширше відображення окреслена тема знайшла у болгарській історіографії. Дослідники Народної Республіки Болгарії – Я. Йоцов⁵, Ст. Гринчаров⁶, Ж. Попов⁷, Р. Попов⁸ – акцентують увагу на вивченні соціально-класової структури партій, специфіки їх внутрішньої та зовнішньої політики. Саме ці два фактори лягли в основу диференціації політичних сил країни. Після падіння режиму Т. Живкова інтерес до зазначеної проблеми значно зріс.

З'явилися спеціальні праці, присвячені аналізу діяльності окремих партій⁹, а також такі, що своєю метою ставили вивчення особливостей партійної системи Болгарії на межі ХІХ–ХХ століть¹⁰. Ці роботи дають можливість порівнювати праві та центристські політичні сили між собою, виділяти їх спільні та відмінні риси.

Отже, історія Народної, Прогресивно-ліберальної, Народно-ліберальної, Демократичної, Ліберальної партій досить широко висвітлена у радянській і болгарській історіографії. Традиції, закладені у часи існування СРСР, продовжують сучасні російські історики. Але ще багато питань, пов'язаних із цією темою, залишаються недослідженими або не знайшли однозначного трактування в історіографії. Серед них диференціація ліберальних і консервативних партій Болгарії на межі ХІХ–ХХ століть.

Використовуючи кластерний аналіз, який є одним з підрозділів математичної статистики, ми встановили належність кожної партії до однієї з трьох груп: правих – найбільш консервативних політичних сил, правоцентристів, для ідеології яких приблизно у рівній мірі характерні ліберальні і консервативні риси, та центристів – лібералів. Розглядаючи політичні програми п'ятих партій, ми виділили найбільш важливі їх пункти, такі як: ставлення до конституційного режиму, адміністративного устрою, чиновницького апарату, виборчої системи, національна політика, правосуддя, економіка, фінансова, просвітницька та соціальна політика, політика щодо армії.

У залежності від відповідності того чи іншого пункту програми кожної партії до лібералізму чи консерватизму, надамо йому числове значення (чим ліберальніший він, тим більше буде це число). *Ставлення до конституційного режиму*: Народна і Народно-ліберальна партії, які підтримували існуючий в країні конституційний режим, але при цьому заявляли про необхідність «зміцнення престолу»¹¹, – по 1; Прогресивно-ліберальна – 2, адже в її програмах відобразилося прагнення до чіткого слідування статтям основного закону¹²; Ліберальна та Демократична, які виступали за розширення конституції «у ліберальному дусі», – по 3¹³.

Щодо *адміністративного устрою країни*, то Народна і Народно-ліберальна партії не піднімали питання про необхідність його реформування, тому числове значення цього пункту їх програм – 1; «прогресивних» лібералів – 2, адже вони виступали за «незалежність обшин і округів» та залишали за Софїєю «право фінансового контролю» над ними¹⁴; числове значення демократів і лібералів – «радославовістів» – 3, (ці партії прагнули децентралізації управління країною без усіляких уточнень)¹⁵.

У пунктах програм Народної і Прогресивно-ліберальної партії, які стосувалися *чиновницького апарату*, відображені прагнення до поміркованих реформ. Призначення на службу неадміністративних чиновників, на думку «народників», «стамболовістів» і «цанковістів», повинне відбуватися після іспитів, а їх звільнення могло статися лише у рамках закону. Числове значення цього пункту програм – 1¹⁶. Демократи і ліберали «радославовісти» прагнули скорочення бюрократичного апарату, а також вимагали вправдження набору чиновників через ценз. Їх числове значення – 3¹⁷.

Народна, Народно-ліберальна, Прогресивно-ліберальна і Ліберальна партії не пропонували корінних реформ *виборчої системи* Болгарії, тому числове значення цих пунктів їх програмних документів – 1. Лише демократи прагнули внесення серйозних змін до виборчого закону – розширення виборчого права, впровадження справедливої пропорційної виборчої системи. Їх числове значення – 3¹⁸.

Протягом періоду з 1894 по 1911 рік жодна з п'ятьох політичних сил не пропонувала радикального шляху до розв'язання болгарського національного питання і не закликала до війни з Туреччиною. Всі вони були схильними до ліберальних методів вирішення македонської проблеми – міжнародних переговорів і реформ у цій області. Таким чином, числове значення цього пункту програм п'ятьох партій – 2.¹⁹

Всі правоцентристські політичні сили виступали за незалежність правосуддя від виконачої влади, незмінність судей, тому цьому пункту їх програм відповідає число 2.²⁰

Найбільш послідовними прибічниками різного роду обмежень в економіці, судячи з програм партій, були «народняки», «радославовісти» і демократи. Протекціонізм та державне регулювання – характерні для них риси, тому числове значення їх економічної політики – 2.²¹ Натомість, програмні документи «стамболовістів» і «цанковів» не передбачали суттєвих обмежень в економічній політиці.²² 3 – числове значення цього пункту програм Народно-ліберальної і Прогресивно-ліберальної партій.

Щодо фінансової політики, то їх оцінка носить досить суперечливий характер. Значне соціальне навантаження бюджету, яке пропонували демократи і ліберали-«радославовісти», а також їх ратування за прогресивний податок дають підстави говорити про вплив на них соціалістичної доктрини. Саме тому для числової характеристики цього пункту програми використовуємо 4.²³ «Цанковісти», «стамболовісти» і «народняки» у питанні про фінансову політику були прибічниками ліберальної ідеології.²⁴ 3 – числове значення цього пункту їх програм.

Просвітницькій політиці Ліберальної і Демократичної партій, які виступали за безкоштовну освіту, відповідає цифра 4.²⁵ Натомість у інших політичних сил цей пункт програми характеризується 3, адже у програмах «цанковів», «народняків» і «стамболовістів» відбилося лише їхнє прагнення до модернізації освіти, розширення мережі учбових закладів.²⁶

Соціальна політика, пропонована «радославовістами» і демократами, була безперечно масштабнішою у порівнянні з іншими трьома політичними силами. Тому числове значення цього пункту їх програм – 3.²⁷ Відповідно 2 – це цифра, яка характеризує соціальну програму «цанковів», «народняків» і «стамболовістів».²⁸

Політику щодо армії демократів слід характеризувати як найбільш ліберальну у порівнянні з іншими партіями. Вона виступала проти милітаризму і за скорочення терміну військової служби. Числове значення цього пункту їх програм – 3.²⁹ Ліберальна партія прагнула полегшити військову службу і реорганізувати армію.³⁰ 2 – цифра, яка характеризує цей пункт програми «радославовів». Інші три партії виступали за посилення боєздатності військових сил через збільшення їх кількості.³¹ Числове значення їх політики щодо армії – 1.

Таким чином, всі програми п'ятьох політичних сил зашифровані сукупністю чисел. У математиці їх розглядають як вектори у просторі параметрів – пунктів програм. За допомогою кластерного аналізу визначимо належність програм-векторів до одного з трьох кластерів – груп партій. Результатом цих обчислень стала належність Народної і Народно-ліберальної партій до групи найбільш правих політичних сил, Прогресивно-ліберальної до типових правоцентристів, а Ліберальної та Демократичної – до центристів.

Кластерний аналіз успішно використовується в історичних дослідженнях, особливо в археології. Він є більш об'єктивним, аніж історичні методи

дослідження. Але слід вказати й на його головні недоліки. Надання числового значення пунктам програми кожної партії є суб'єктивним. Крім того, у застосованому нами кластерному аналізі не враховується реальна політика політичних сил під час перебування їх при владі.

На початку червня 1894 року відомі політичні та громадські діячі утворили партійну коаліцію, до складу якої увійшли колишні консерватори, «цанковісти», «з'єдністи», «казенні», «радославовісти» і «каравелісти»³². Це угруповання отримало назву «Народна партія» і об'єднало навколо себе прибічників уряду колишнього члена Консервативної партії К. Стоїлова, які у першу чергу прагнули повернутися до влади Ст. Стамболова³³. Партійні осередки – клуби, почали створюватися по всій Болгарії. Восени 1894 року коаліція розпалася, адже ідеологічні переконання «цанковістів», «казенних», «каравелістів» і «радославовістів» суперечили політиці, яку проводив уряд К. Стоїлова³⁴. Так «цанковістів» не задовольняли повільні темпи відновлення дипломатичних відносин з Росією, а «каравелістів» – загравання уряду з князем Фердинандом³⁵. Натомість у листопаді 1894 року після виборів у VIII Звичайні народні збори колишні консерватори разом з південноболгарськими «з'єдністами» об'єдналися навколо прем'єр-міністра К. Стоїлова³⁶. Вони підтримали його програму і визнали своїм лідером³⁷. 5 листопада 1894 року 72 депутата VIII Звичайних народних зборів проголосили себе членами Народної партії. Саме ця дата вважається днем заснування нової політичної сили Болгарії, вожаками якої стали К. Стоїлов, Т. Теодоров, І. Вазов, а також колишні східнорумелійські консерватори І. Гешов, С. Бобчев та М. Маджаров. Протягом першого року існування партії були створені її представництва (клуби) у провінції. Особливою активністю серед них вирізнялися русенський, пловдивський, варненський, бургаський і слівенський клуби. 22 вересня 1894 року побачив світ перший номер партійного вісника «Мір».

Ідеології Народної партії були притаманні як консервативні, так і ліберальні риси. З одного боку, «народняки», як і колись консерватори, підтримували інститут монархії та, як показала подальша їх політика, сприяли його зміцненню. З іншого, вони проголосили себе прибічниками ліберального гасла «свободи і законності» та відстоювали необхідність збереження конституційного ладу у Болгарії³⁸. У програмі «народняків» 1894 року знайшла відображення цікава думка члена центральної ради партії С. Бобчева про те, що часи змінилися, і «консерватори стали справжніми лібералами, а ліберали відчайдушними прибічниками тиранії»³⁹. Економічна програма «народняків» була спрямована на підтримку вітчизняної торгівлі, промисловості та землеробства через політику протекціонізму, реформування податкової системи та впровадження кредитування. У зовнішній політиці партія була прибічником відновлення тісної співпраці з Росією⁴⁰, але, поряд із цим, противником втручання Петербурга у внутрішні справи Болгарії⁴¹. Таким чином, болгарські консерватори середини 90-х років XIX ст. мали небагато спільних рис із своїми попередниками часів режиму повноважень 1881–1884 років⁴².

Аналізуючи соціальний склад «народняків», слід зазначити, що з самого початку свого існування це була партія найбільш заможних верств населення⁴³. Серед її представників нараховувалося чимало відомих банкірів, ратньє, великих землевласників, торговців і лихварів⁴⁴. Ці люди були найбільш зацікавлені у збереженні стабільності і порядку у державі та суспільстві. Більшість

* У даному випадку автори програми мали на увазі лібералів-«стамболовістів».

до складу Вищої ради Народної партії уособлювала болгарська інтелігенція – національна еліта країни, яка була ідеологом цієї політичної сили. Таким чином, Народна партія Болгарії була типовою для свого часу ліберально-консервативною політичною силою, але, у порівнянні з іншими чотирма партіями, консерватизм був притаманний їй більше, тому у політичному спектрі країни вона перебувала на правому фланзі.

Іншою правою політичною силою Болгарії була Народно-ліберальна партія. Наприкінці XIX сторіччя ця політична сила була однією з найвпливовіших у країні. За часів правління уряду Ст. Стамболова вона перетворилася на чисельну і заможну організацію з розвинутою системою місцевих представництв і своєю газетою – «Свобода» (з 1889 р. – «Нов век»)⁴⁵. Особливою популярністю ця партія користувалася у Софії, Велико Тирново, Русе, Пловдиві, Слівені та Пазарджику⁴⁶. Після переходу Народно-ліберальної партії в опозицію 1894 року керівництво нею взяв на себе Ст. Стамболов, а після його вбивства 3 липня 1895 року її очолив Д. Петков⁴⁷. Протягом періоду з лютого 1896 р. по лютий 1897 р., а також з жовтня 1899 р. по квітень 1901 р. партійним лідером був колишній консерватор Д. Греков. До складу політичної сили «стамболовістів» входили представники різних верств болгарського суспільства: інтелігенція, селяни, ремісники, студенти, але центральне та місцеве керівництво забезпечували, як правило, крупні власники, пов'язані з промисловістю та торгівлею.

У програмах «стамболовістів» йшлося про необхідність захисту приватної власності, забезпечення незалежності правосуддя, впровадження комісії по розгляду скарг на державних службовців, розвитку освіти. Крім того, партія виступала за підтримку розвитку національної економіки (фінансової системи, землеробства, промисловості) і за зміцнення армії, як інструмента «досягнення історичних завдань Болгарії». «Стамболовісти» були лояльними до існуючого у країні державного ладу, підтримували князя Фердинанда і сприяли 1893 року посиленню його влади, впровадивши зміни у Конституції⁴⁸. Таким чином, програма Народно-ліберальної партії носила ліберальний характер з деякими консервативними рисами.

На відміну від «народняків», «стамболовісти» наголошували на шкідливості проведення узгодженої з Петербургом зовнішньої політики⁴⁹. На думку членів Народно-ліберальної партії інтереси Росії на Балканах йшли всупереч інтересам Болгарії, а втручання Петербурга у внутрішні справи Софії розцінювалося як недопустиме⁵⁰. «Стамболовісти» належали до прибічників проведення самостійної зовнішньої політики⁵¹. При цьому вони декларували необхідність розвитку добрих відносин з сусідніми державами⁵².

Після приходу до влади уряду К. Стоїлова у травні 1894 року розпочався період легалізації партії «цанковістів». Одна їх частина на чолі з Ст. Данєвим, Д. Молловим і М. Балабановим підтримувала тісний зв'язок з «народняками», натомість лідер партії Др. Цанков виступав за самостійну діяльність. Наприкінці 1894 року група Ст. Данєва дистинціювалася від партії влади. «Цанковістів» не задовольняв повільний процес відновлення болгаро-російських відносин⁵³. Партія знову об'єдналася навколо фігури Др. Цанкова. 1897 року, коли останній завершив свою політичну кар'єру; новим лідером партії став Ст. Данєв. Зміна керівництва ознаменувалася початком зміцнення цієї політичної сили⁵⁴. У січні 1898 року побачив світ перший номер нової газети правих лібералів під назвою «Болгарія». На початку 1899 року «цанковісти» об'єдналися з групою «народняків» (члени Народної партії) на чолі з К. Величковим, а у грудні 1899 року вони оприлюднили

Програму і змінили назву своєї партії. З того часу вона офіційно називалася Прогресивно-ліберальною. З приходом нового лідера серед керівництва «прогресивних» лібералів з'явилися молоді обличчя. Це сприяло пожвавленню партійної діяльності зростанню популярності серед народу. «Цанковісти» користувалися значним впливом у Новій Загорі, Плевені, Бялій Слатіні та Луковіті.

Членами Прогресивно-ліберальної партії були представники різних соціальних верств, але керівне ядро цієї політичної сили наприкінці XIX ст. складала інтелігенція, а також заможні сільські власники і торговці⁵⁵. У програмах партії, прийнятих у 1898 і 1899 роках, знайшла відображення необхідність ліберальних реформ у Болгарії⁵⁶. «Прогресивні» ліберали пропонували реформувати виборчу систему, запровадити контроль виборного процесу незалежною судовою владою. «Цанковісти» звертали увагу на необхідність реформи адміністративної та податкової систем, економії бюджету, скорочення армії. Але, поряд із цим, вони звертали увагу на необхідність збереження засад існуючого в країні конституційного ладу. Отже програмні документи «прогресистів» яскраво демонструють їх помірковано ліберальний характер, а також деякі консервативні риси. Все це дає підстави віднести Прогресивно-ліберальну партію до правоцентристських політичних сил.

Типовою для «цанковістів» рисою була їх послідовна зовнішньополітична орієнтація на Російську імперію. Вони розраховували на підтримку Петербурга при вирішенні національного питання, головним пунктом якого була доля Македонії, а також деяких господарських і політичних проблем. Надалі Прогресивно-ліберальна партія неодноразово демонструвала свою русофільську налаштованість⁵⁷. У деяких випадках ідеалізація «прогресистами» російської політики на Балканах і їх бажання підтримувати її та йти з нею на компроміси суперечили національним інтересам Болгарії, руйнували престиж країни⁵⁸.

Після відставки уряду Ст. Стамболова ліберали-«каравелісти» відновили свою діяльність⁵⁹. 1894 року ними започатковане видавництво партійної газети «Знаме» (з 1898 р. «каравелісти» друкували «Пряпорец»), а у вересні 1895 року вони затвердили нову назву своєї політичної сили – «Демократична партія Болгарії» і розпочали заходи по створенню місцевих представництв⁶⁰. Лідером та ідейним натхненником демократів залишався П. Каравелов. Серед діячів партії виділялися А. Малінов, М. Такев, Т. Кітанчев, А. Константінов, К. Арсенієв, Н. Цанов, І. Георгов і Т. Влайков. Перебуваючи в опозиції (1894–1901 рр.), «каравелісти» привернули на свій бік представників різноманітних соціальних прошарків інтелігенції, а також великого числа дрібних і середніх власників, які мали відношення до кустарного виробництва, сільського господарства і торгівлі⁶¹.

Програма Демократичної партії включала у себе наступні основні вимоги: парламентське управління при загальному виборному праві, децентралізоване управління країною, припинення свавілля чиновників, скорочення армії і озброєння, автономія Македонії. Крім того, демократи виступали за соціально-економічні перетворення: впровадження кооперації, страхування, кредитування; за удосконалення системи освіти: збільшення числа шкіл, професійних училищ тощо⁶². У порівнянні з «народняками», «цанковістами» і «стамболовістами», «каравелісти» пропонували більш ліберальну програму, яка передбачала розширення демократичних свобод і реформу державного управління. Це дає підстави віднести Демократичну партію до центристських політичних сил Болгарії кінця XIX століття.

Зовнішньополітичну орієнтацію «каравелістів» слід відрізнити від «цанковістської» або «народняцької»⁶³. Їхнім принципом була незалежна внутрішня політика і дружба з Росією, а метою – «велика і могутня Болгарія»⁶⁴. «Розрив з Росією, – писав П. Каравелов, – призведе до смерті. Лише [її] підтримка зможе забезпечити нам гідне місце на Балканах»⁶⁵.

Навколо наступної центристської партії – Ліберальної, яку очолював відомий політичний і державний діяч Болгарії, юрист за освітою В. Радославов, об'єдналися всі незадоволені політикою уряду Ст. Стамболова⁶⁶. Протягом першого року перебування при владі кабінету міністрів на чолі з К. Стойловим ліберали співпрацювали з ним – входили до урядової коаліції. Але вже 1895 року «радославовісти», розчаровані політикою «народняків», перейшли в опозицію. Серед «радославовістів» було чимало представників різних верств болгарського селянства й інтелігенції, а також багато чиновників, торговців, кустарів та лихварів⁶⁷. Таким чином, соціальний склад Ліберальної і Демократичної партії мав спільні риси.

У програмі Ліберальної партії 1894 року наголошувалось на необхідності удосконалення Тирновської конституції у «демократичному дусі». Партія виступала проти іноземних концесій, зловживань на виборах, за реорганізацію армії, широке впровадження кооперації в економіці. Загалом «радославовісти» лояльно ставились до існуючого у Болгарії політичного режиму, підтримували Фердинанда, але у їхній програмі були пункти, які стосувалися можливості проведення широких реформ податкової, митної та виборчої систем. Пропоновані ними перетворення мали більш демократичний характер, ніж, наприклад, у програмі «стамболовістів». У деяких пунктах програми «радославовістів» відчувається навіть вплив соціалістичної доктрини. Наприклад, члени Ліберальної партії вимагали впровадження безкоштовної освіти і медичинської допомоги⁶⁸.

У зовнішній політиці «радославовісти» були прибічниками розвитку дружніх відносин з «усіма без виключення іноземними державами, особливо з сусідніми». Таким чином, у порівнянні з іншими ліберально-консервативними партіями Болгарії, прибічники В. Радославова у цьому питанні були більш гнучкими. У програмних документах Ліберальної партії 1894 і 1897 років на першому місці стояли національні інтереси Болгарії, а не пріоритети у зовнішньополітичній орієнтації⁶⁹.

Отже, політичний спектр в Болгарії наприкінці XIX сторіччя вирізнявся строкатістю⁷⁰. Об'єднання правоцентристських партій в одну або дві, як це було на зорі болгарської державності, виглядало, на думку А. Малінова, неможливим, тому що «за своїм складом, за своїми економічними інтересами, за своїм темпераментом, традиціями і політичними ідеями вони не являли собою гомогенної маси»⁷¹. Аналіз їх соціальної структури, програм і реальної політики партії підтверджують слова лідера демократів.

¹ Йоцов Я. Към характера на «народняшкото» управление. // Исторически преглед. – 1951–1952. – № 2. – С. 125.

² Манолова М. Парламентаризмът в България 1879–1894. – София, 1989. – С. 88.

³ Маковецкая Т. Буржуазный парламентаризм в Болгарии: становление и развитие (от освобождения страны от османского ига до ее вступления в первую мировую войну). // История и культура Болгарии. – М., 1981.

⁴ Лямцева Л. Болгарские буржуазные партии в конце XIX – начале XX в. // Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран. – Сыктывкар, 1994.

⁵ Йоцов Я. Класи и партии у нас до 1923 година // Исторически преглед. – 1947–1948. – Кн. 2; Йоцов Я. Буржуазная демократия в Болгарии 1879–1923 гг. // Etudes historiques. – Т. 5. – София, 1970.

⁶ Грънчаров Ст. Вътрешни аспекти на българските политически режими (януари 1901 – май 1903 г.). // Исторически преглед. – 1977. – № 3.

⁷ Попов Ж. Проблеми на вътрешната политика на второто народнолиберално правителство (1903–1908). // Вътрешната политика на България през капитализма 1878–1944. – София, 1980; Попов Ж. Народнолибералната (стамболовистка) партия в България, 1903–1920. – София, 1986.

⁸ Попов Р. Монархическият институт, буржоазните партии и проблема за конституционното управление в България в началото на XX в. // Първи международен конгрес по българистика. София, 1981. – София, 1982. – Т. 1.

⁹ Ангелова Р. Народната партия в вътрешнополитическото развитие на България (6. 05. 1903 – 16. 01. 1908). // Исторически преглед. – 2003. – № 1–2; Георгиев Б. Образуване и началната дейност на Либералната (радославистка) партия в България (1886–1894). // Исторически преглед. – 1992. – № 1–2; Георгиев Б. Организационно изграждане на Радославистката партия (1894–1899). // Исторически преглед. – 1993. – № 1; Георгиев Б. Социалната характеристика на либералната (Радославистка) партия през XIX и началото на XX век. // История. – 2001. – № 4; Груев М. Организационно развитие и структура на Демократическата партия в първото десетилетие на 20 век. // История. – 2000. – № 5–6; Палангурски М. Социална опора на Либералната (радославистка) партия (краят на XIX – началото на XX в.). // Исторически преглед. – 1991. – № 11; Палангурски М. Либералната (радославистка) партия в системата на българската парламентарна демокрация (ноември 1900 – юни 1904). – Велико Търново, 1995.

¹⁰ Николова В. Политическите партии в България (1885–1918): Общи черти и специфика. // Проблеми на новата и най-новата политическа история на България. – София, 1991; Николова В. Между консерватизма и либерализма. Народната партия. 1894–1920 г. – Велико Търново, 2004; Палангурски М. Държавно-политическата система на България (1879–1919). – Велико Търново, 1995; Саздов Д. Многопартийната политическа система и монархическият институт в България (1879–1918). – София, 1993; Nikolova V. The problem of power in the theory and practice of the bourgeois parties in Bulgaria from the end of 19th century to the year 1912. // Etudes historiques. – Т. 14. – София, 1990.

¹¹ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България 1879 – 1918 / Съставители В. Николова и Д. Саздов. – София, 1992. – С. 97; 401.

¹² Там же. – С. 374.

¹³ Там же. – С. 127.

¹⁴ Там же. – С. 375.

¹⁵ Там же. – С. 129.

¹⁶ Там же. – С. 417.

¹⁷ Там же. – С. 128.

¹⁸ Там же. – С. 207.

¹⁹ Там же. – С. 210.

²⁰ Там же. – С. 129.

²¹ Там же. – С. 414.

²² Там же. – С. 129.

²³ Там же. – С. 127.

²⁴ Там же. – С. 375.

²⁵ Там же. – С. 211.

²⁶ Там же. – С. 375.

²⁷ Там же. – С. 211.

²⁸ Там же. – С. 375.

²⁹ Там же. – С. 212.

³⁰ Там же. – С. 137.

³¹ Там же. – С. 412.

³² Георгиев Б. Участие на либералите радослависти в правителството на Константин Стоилов (май–декември 1894 г.). // България, Балканите и Европа. – Велико Търново, 1992. – С. 211.

³³ Мартыненко А. Руско-български връзки по време на разрива на дипломатическите отношения (1886–1896). // Исторически преглед. – 1970. – № 3. – С. 59.

³⁴ Николова В. Съединената легална опозиция в България (1893–1894 г.). // Исторически преглед. – 1981. – № 6. – С. 71.

³⁵ Йовков И. Кобургът. – София, 1983. – С. 321; Саздов Д. Буржуазная оппозиция и восстановление отношений между Болгарией и Россией в 1896 г. // Bulgarian historical review. – 1983. № . – С. 41.

- ³⁶ Танкова В. Народната партия и политическите борби в Пловдив в средата на 90-те години на XIX в. // Исторически преглед. – 1988. – № 2. – С. 23.
- ³⁷ Танкова В. Образоване на Народната партия в Пловдив (1894). // Музеи от Южна България. – 1985. – Т. 2. – С. 164.
- ³⁸ Николова В. Народната партия в партийно-политическата система на България в края на XIX в. // България 1300. Институции и държавна традиция. – Т. 3. – София, 1983. – С. 37.
- ³⁹ Програми, програмни документи и уставни и устава на буржоазните партии в България 1879–1918 / Съставители В. Николова и Д. Саздов. – София, 1992. – С. 402.
- ⁴⁰ Попов Р. България и Русия (1894–1899). – София, 1985. – С. 144.
- ⁴¹ Попов Р. Австро-Унгария и България след падането на Стамболовия режим (1894–1896). // Изследвания по българска история. – 1978. – № 3. – С. 120; Попов Р. Балканската политика на България (1894–1898). – София, 1984. – С. 55.
- ⁴² Йоцов Я. Класи и партии у нас до 1923 година. // Исторически преглед. – 1947–1948. – Кн. 2. – С. 181.
- ⁴³ Николова В. Народната партия и буржоазната демокрация. Кабинетът на К. Стойлов 1894–1899. – София, 1986. – С. 64.
- ⁴⁴ Николова В. Строителни проекти и дейност на народната партия (1894–1899 г.). // Исторически преглед. – 1986. – № 5. – С. 40.
- ⁴⁵ Новакова К. Печатът и личният режим на Фердинанд. – София, 1975. – С. 66.
- ⁴⁶ Танкова В. Формиране на Народно-либералната (стамболовистка) партия в Пловдив (1887–1894). // Музеи от Южна България. – 1989. – Т. 15. – С. 303.
- ⁴⁷ Матеев Е. Държавникът Стефан Стамболов. – София, 1992. – С. 121.
- ⁴⁸ Гешева Й. Изменение на Конституцията през 1893 година. // Исторически преглед. – 1992. – № 7. – С. 32; Цветков П. Кобургите в България и Белгия. // История. – 1996. – № 1. – С. 10.
- ⁴⁹ Мичев Д. Стефан Стамболов и македонският въпрос. // Македонски преглед. – 1995. – № 4. – С. 60.
- ⁵⁰ Митев Тр. Стефан Стамболов и българският национален въпрос от Освобождението до 1894 г. // Военноисторически сборник. – 1983. – № 1. – С. 38.
- ⁵¹ Мишев Р. Австро-Унгария и България (1878–1894). Политически отношения. – София, 1988. – С. 125; Панев А. Англия срещу Русия на Балканите (1879–1894). – София, 1972. – С. 100.
- ⁵² Митев Тр. Някои недооценени аспекти на българо-руските политически отношения през периода на Стамболовото управление. // Стефан Стамболов – революционер и книжовник. – Велико Търново, 1988. – С. 54.
- ⁵³ Попов Р. За митническият конфликт между България и Австро-Унгария през 1894–1895 г. // Исторически преглед. – 1975. – № 4. – С. 57.
- ⁵⁴ Стателова Е. Д-р Стоян Данев – оптимист и пораженец в българската политика. // Български държавници 1878–1918. – Кн. 1. – София, 1994. – С. 170.
- ⁵⁵ Танкова В. Проблеми на организационното устройство и развитие на Народнолибералната партия (1886–1894). // Векове. – 1988. – № 5. – С. 23.
- ⁵⁶ Николова В. Преодоляване на кризата в Либералната партия на Драган Цанков (средата на 90-те години на XIX в.). // Исторически преглед. – 1985. – № 2. – С. 15.
- ⁵⁷ Дюлгерова Н. Българският национален въпрос в политиката на Русия и Австро-Унгария, 1894–1903. – София, 1994. – С. 88.
- ⁵⁸ Семерджиев П. Руската империя и Съветският Съюз в съдбата на България. – Ерусалим, 2001. – Т. 1. – С. 279.
- ⁵⁹ Саздов Д. Формиране и начална дейност на демократическата партия: май 1894 – февруари 1896. // Трудове на Великотърновски университет «Кирил и Методий». Исторически факултет. – 1979–1980. – Т. 17. – Кн. 3. – С. 68.
- ⁶⁰ Георгиев Б. Организационната система на демократическата партия в България. // Сборник в чест на академик Христо Христов. – София, 1988. – С. 152.
- ⁶¹ Саздов Д. Демократическата партия и селското движение в България от края на XIX век // Селският въпрос и селските движения в България и Германия: 1830–1945. – Велико Търново, 1983. – С. 6.
- ⁶² Воробъев Л. Любен Каравелов. – Москва, 1980. – С. 245.
- ⁶³ Воробъев Л. Любен Каравелов. Мировоззрение и творчество. – Москва, 1962. – С. 101; Саздов Д. Либералната (каравелистка) партия и помирението между България и Русия от 1896 година. // Научни изследвания на преподаватели от Великотърновски университет «Кирил и Методий». Втора национална конференция на младите историци. – Велико Търново, 1979. – С. 161.
- ⁶⁴ Орманджиев Ив. България от Сан-Стефано до Ньой (1878–1919): устреми за обединение. – София, 1938. – С. 13; Саздов Д. Демократическата партия и националното обединение на български народ 1894–1900 г. // Военно-исторически сборник. – София, 1983. – Т. 52. – Кн. 2. – С. 141.

- ⁶⁵ Цит. по: Саздов Д. Демократическата партия в България 1887–1908. – София, 2001. – С. 16.
- ⁶⁶ Георгиев Б. Организационно изграждане на Радославистката партия (1894–1899). // Исторически преглед. – 1993. – № 1. – С. 132.
- ⁶⁷ Георгиев Б. Социалната характеристика на либералната (радославистка) партия през XIX и началото на XX век. // История. – 2001. – № 4. – С. 49.
- ⁶⁸ Програми, програмни документи и устави на буржоазните партии в България 1879–1918 / Съставители В. Николова и Д. Саздов. – София, 1992. – С. 119.
- ⁶⁹ Саздов Д. Националният проблема в програмите и програмните документи на българските политически партии. // България, Балканите и Европа. – Велико Търново, 1992. – С. 250.
- ⁷⁰ Лямцева Л. Болгарские буржуазные партии в конце XIX – начале XX в. // Социально-политические проблемы в истории зарубежных стран. – Сыктывкар, 1994. – С. 56.
- ⁷¹ Малинов Ал. Под знака на острастени и опасни политически борби. – София, 1991. – С. 174.

ФЕНОМЕН «ПРИМИРЕНЧЕСТВА» КАК ЧАСТЬ ЦЕНТРИСТСКОЙ МОДЕЛИ В СОЦИАЛ- ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ БОЛГАРИИ

М. В. Лобанова

Прежде чем обращаться к вопросу о «примиренчестве» в его региональной, уже собственно болгарской социалистической интерпретации, необходимо вернуться к уточнению его смыслового содержания в качестве объективного термина, хорошо известного в Западной Европе в первое десятилетие XX столетия. Сразу же хотелось бы подчеркнуть, что происхождение понятия «примиренчество» имеет долгую политическую предысторию. Можно сказать, что оно напрямую связано с идеологическим противостоянием, характерным для социалистических дискуссий конца XIX – начала XX века, ярко проявивших себя уже в ходе Парижского конгресса Второго Интернационала в 1900 году. (В результате на пятом конгрессе II Интернационала в Париже была принята знаменитая «каучуковая» резолюция К. Каутского, правда, с небольшим перевесом против более радикального проекта резолюции Ж. Геда).

В последующие годы разрыв между реформистским и ортодоксальным крылом европейской социал-демократии только усиливался. Ощущая за внешней формой тактического спора идеологические разногласия, социалистические партии начинали распадаться на фракции и блоки, причем их обособление достаточно быстро получало заверченный организационный характер. Ярким примером подобной фракционной борьбы в масштабах крупных восточноевропейских партий стало – дробление Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП) на «тесную» и «общедельческую» фракции (июль 1903, X конгресс БРСДП в Русе); и обособление большевистского и меньшевистского крыльев в Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), произошедшее, по странному стечению обстоятельств, также в июле – августе 1903 г. (II съезд РСДРП, Брюссель – Лондон).

Именно в таких условиях, то есть в момент внутривнутрипартийного «очищения» и связанного с ним вынужденного дробления «левых» сил, постепенно начинали проступать черты нового, автономного, но во многом аморфного направления социалистической тактики, которому суждено было в будущем фигурировать под эмблемой социалистического центризма.

В болгарской печати о зарождении указанного направления социалистической тактики одним из первых заявил представитель Балканской социалистической секции Второго Интернационала, делегат Амстердамского конгресса от Болгарии, Румынии и Сербии – К. Раковский. Его подробные отчеты о шестом конгрессе Второго Интернационала, опубликованные в „Работнически вестник“ от 28 августа 1904 г., стали как бы фоном, иллюстрирующим те принципиальные задачи, которые постепенно формулировало для себя новое социал-демократическое крыло.

Центральным вопросом конгресса вновь оказалась проблема четкого и ясного определения идейных и тактических основ международного рабочего движения. Впрочем, на фоне решительных деклараций о радикальной природе социалистической тактики постепенно становилось ясно, что логика политического процесса требует ее более конструктивного использования. Эту внутреннюю необходимость социалистических партий и групп – взаимно приспособляться к различным политическим условиям – выразил голландский социалист П. Трульстра, когда выдвинул проект резолюции о «единстве социалистов каждой страны». Проект получил одобрение таких видных теоретиков социализма как А. Бебель, Э. Ферри, К. Каутский, В. Адлер и Э. Вандервельде¹. Таким образом, можно сказать, что в ходе Амстердамского конгресса (1904) достаточно четко прозвучало главное кредо центризма в социал-демократическом движении Европы – отрицание реформизма при возможности, а иногда даже желательности сосуществования с ним в соответствующих политических условиях.

О центризме, сначала как сторонний наблюдатель, затем как единомышленник, писал и К. Раковский. Однако нельзя не обратить внимания на тот факт, фигурирующий в упомянутом отчете К. Раковского (1904), равно как и в его последующих статьях, что определение центризма он дает через декларацию задач «примиренчества». При этом в его трактовке эти близкие, но отнюдь не дублирующие друг друга понятия, часто выступают как единое целое.

Сегодня, оценивая стратегию центризма уже с современных исторических позиций, хочется подчеркнуть, что ставить знак равенства между феноменом центризма и тактикой «примиренчества» вряд ли представляется возможным. По всей видимости, в данном случае речь идет о явлении более локальном и достаточно четко очерченном. Можно сказать, что за феноменом «примиренчества» в используемом автором контексте скрывается специфическая стратегия, связанная с целенаправленной деятельностью Международного социалистического бюро (МСБ) Второго Интернационала, по реализации тезиса П. Трульстры об объединении социалистических сил каждой конкретной страны.

С течением времени мнение о том, что подобная, развиваемая руководством Интернационала, тактика может быть использована не только при преодолении разногласий в западноевропейской социалистической среде, но и в условиях пресечения открытых конфликтов в рабочем движении Болгарии и России, становилось все более устойчивым. Таким образом, в интерпретации К. Раковского декларируемое им и многими другими социалистами «примиренчество» можно рассматривать скорее как непосредственную задачу центризма, реализуемую объединительными кампаниями МСБ (в данном случае в Болгарии и России). В первом приближении хронологию указанных кампаний можно определить как 1908/09 – 1912 гг. – для Болгарии (где объединительный процесс был остановлен начавшимися Балканскими войнами) и 1908/09 – 1914 гг. для России (в этом случае активность Бюро была ограничена Брюссельским совещанием 1914 г. и началом Первой мировой войны). Интересно совпадение начальных дат объединительных кампаний в Болгарии и России.

Для России эта цифра обусловлена объединительной деятельностью Л. Д. Троцкого, издававшего в Вене с 1908 г. газету „Правда“, о чем часто и с негодованием писал В. И. Ленин, называя Троцкого «...подлейшим карьеристом и фракционером...». Для Болгарии это совпадение было обусловлено дея-

тельность прогрессистов. Процесс их обособления начался на рубеже 1907/1908 гг., а завершился в конце февраля 1909 г. Всего же общее количество покинувших партию прогрессистов составило 97 человек². Впрочем, „Рабочнически вестник“ утверждал, что цифра 97 «фиктивна», поскольку многие из подписавших заявление о выходе из партии ее членами и так давно не являлись³. Насколько адекватна реакция редакционной статьи „Рабочнически вестник“ в данном случае судить сложно, поскольку, покинув БРСДП (т.с.), прогрессисты тут же вступили в БРСДП (о)⁴, обусловив тем самым возникновение довольно обширной партийной «левицы», что не могло не вызвать очевидного раздражения «тесных». Последние рассматривали создание БРСДП(о) как способ «...образования общества широких карьеристов и торгашей социализмом для спекуляции рабочим делом»⁵.

Реакция МСБ Второго Интернационала на объединительные процессы в рабочем движении Болгарии, напротив, была однозначно положительной. Более того, после сообщения Я. Сакизова о создании БРСДП (о), поступившего в Брюссель весной 1909 г., Секретариат (в частности К. Гуйсманс – тогда секретарь Международного социалистического бюро Второго Интернационала) начал показательно выяснять у руководства БРСДП (т.с.), кто реально виноват в раздробленности левых сил Болгарии, пытаясь, соблюдая внешние приличия, извне подтолкнуть фракцию «тесных» к мысли о необходимости объединения. Вот одно из самых кратких писем к «тесным», в котором К. Гуйсманс обращается к С. Аврамову с просьбой уточнить: «...которая из двух фракций не хочет объединения» и написать об этом в секретариат МСБ⁶. Примечателен ответ С. Аврамова, который явно указывает на политические симпатии руководства ортодоксальной ветви болгарского социализма: «В Болгарии мы жертвы шайки лжецов и злоупотребителей, которые совершают свой обман с помощью печати Социалистического Интернационала...»⁷

Постепенно руководству БРСДП (т.с.) стало ясно, что партия столкнулась с планомерной объединительной деятельностью К. Раковского, причем деятельностью поддержанной и даже санкционированной Международным Социалистическим Бюро Второго Интернационала. В результате по нему был открыт огонь такой ожесточенной критики, которая не могла рикошетом не задеть и само Бюро. Среди наиболее ярких противников примиренческой кампании в Болгарии необходимо назвать Х. Кабакчиева и Д. Благоева. В течение 1909 – первой половины 1910 г. по настрою и тону статей Д. Благоева становилось все более понятно, что пора предостережений для К. Раковского миновала. Теперь «тесные» начинали сражаться с ним обычными для них способами ведения полемики, то есть при помощи той «площадной ругани», о которой он сам писал еще пять месяцев тому назад⁸. Впрочем, тот же резкий, а часто просто грубый стиль ведения полемики исследователи многократно отмечали у большевиков, у В. И. Ленина в частности. Так, еще Ю. Мартов в «Записках социал-демократа» напишет о ленинском стиле как о «тяжеловесном», наполненном «подлинной революционной страстью и плебейской грубостью»⁹. Примечательно, что рассуждая о «примиренчестве», И. В. Сталин проявлял ту же страстность, но в еще менее интеллигентной форме. Вот цитата из его обращения к ЦК большевистской партии из Сольвычегодской ссылки: «В плане блока видна рука Ленина, – он мужик умный и знает, где раки зимуют. Но это еще не значит, что всякий блок хорош. Троцкий блок (он бы сказал «синтез») – это тухлая беспринципность, маниловская амальгама разнородных принципов, беспомощная тоска беспринципного человека по «хорошему» принципу»¹⁰.

Впрочем, если объединительная деятельность Л. Д. Троцкого и имела временный успех, следствием чего стал созыв январского «объединительного» пленума ЦК РСДРП в Париже (1910) и создание Заграничной технической комиссии (в июне 1911), а её «Информационный» бюллетень» некоторое время был арендой русского «примиренчества», то о миссии К. Раковского в Болгарии этого сказать никак нельзя. Прибыв в страну с мандатом МСБ после очередного обращения Я. Сакизова в Брюссель, он так ни разу и не смог им воспользоваться. Официально его приезд был санкционирован решением, принятым на очередном заседании ЦК БРСДП (о) от 12 января 1910 г. Следствием такого решения стало специальное письмо (от 7 февраля 1910 г.), отправленное в штаб-квартиру МСБ в Брюсселе. Содержание документа сводилось к тому, что ЦК «объединенной» убеждал Социалистическое Бюро в необходимости объединения социалистических партий страны и предлагал «...отправить К. Раковского (в Болгарию — М. Л.) с объединительной миссией от имени МСБ»¹¹. Таким образом, не приняв «примиренческих» кампаний Бюро, «тесные» проигнорировали не просто временную тактическую акцию, но центральные общестратегические принципы руководства Второго Интернационала. Фактически имело место завуалированное противостояние принципов ортодоксальной фракции болгарского рабочего движения и центристской политики Интернационала, что и подтвердило дальнейшее обособление «левых» в ходе восьмого конгресса Второго интернационала II в Копенгагене (28 августа – 3 сентября 1910 г.)

Суть кампаний, поднятых «тесняками» против К. Раковского, как в печати, так и на уровне местных организаций, довольно быстро стала известна в Брюсселе. Понимая, что действия ЦК БРСДП (т.с.) могут затормозить гипотетический объединительный процесс в болгарском социалистическом движении, МСБ решает усилить позиции К. Раковского легальной поддержкой такого «примиренца» как Л. Д. Троцкий. Последний прибывает в Софию летом 1910 г. для участия в XVII конгрессе БРСДП (т.с.) в качестве представителя от дружественной социал-демократической партии.

Впрочем, непримиримость идеологов БРСДП (т.с.) своей запрограммированностью и ограниченностью превзошла даже соответствующую тактическую платформу ленинской фракции РСДРП. Ни К. Раковский, при прямом содействии МСБ, ни тем более критикуемый большевиками Л. Д. Троцкий на ортодоксальный ЦК «тесняков» повлиять не смогли. В результате разочарованный Л. Д. Троцкий покинул Болгарию раньше всех других иностранных делегатов, участвовавших в конгрессе БРСДП (т.с.). Однако на этом его объединительная деятельность не завершилась. До конца реализуя свои представительские функции (а после визита в Софию получив еще и дополнительный импульс для антипатии), он решил продолжить «примиренческую» кампанию в Болгарии большой статьей в «Социал-демократе» — центральном органе РСДРП. В результате «Социал-демократ» опубликовал его работу под названием «О Балканах и на Балканах (вместо отчета)». Впрочем, стремление «примиренца»-Троцкого сформировать у социалистической общественности определенную точку зрения еще до конгресса в Копенгагене потерпело неожиданное фиаско. До сих пор не известно, кто виноват в том, что статья не вышла вовремя, но случай или возможно большевистские члены редакции задержали ее, и она появилась в печати только 12 сентября 1910 г., то есть уже после закрытия конгресса¹². Тем не менее, даже не реализовав своей задачи полностью, статья Л. Д. Троцкого просто не могла не вызвать вполне предсказуемой реакции в кругу ортодоксальной болгарской социал-демократии. Ответом на нее стала статья Д. Благоева, опубликованная в «Рабочнически вестник» и в более сокращенном виде в «Социал-демократе»¹³.

Совместная акция Л. Д. Троцкого и К. Раковского в июле 1910 г. стала последней попыткой Бюро подтолкнуть «тесных» к объединению накануне очередного конгресса Второго Интернационала. После провала и этой «примиренческой» кампании у К. Раковского оставалось еще чуть больше года пребывания в Софии – время, которое он использовал для подготовки и издания ежедневника «Напред». Последний на короткое время стал центром консолидации «левицы» БРСДП(о) и соответственно той публичной ареной, на которой формулировались тактические принципы центристской оппозиции в социалистическом движении Болгарии 1911 – начала 1912 г. Л. Д. Троцкий также временно обрел цель своей примиренческой деятельности, активно участвуя в создании платформы «августовского блока» – самого крупного «объединительного» достижения в центристской стратегии РСДРП.

В то же время, подводя итоги рассмотренных выше объединительных кампаний, хочется еще раз вернуться к тезису Х. Кабакчиева, прозвучавшему в рамках полемики 1909 г. Уже тогда он утверждал, что объединительная деятельность «примиренцев» не может оцениваться иначе, чем как бесплодная и недальновидная. Собственно при ближайшем рассмотрении миротворческие атаки активных «примиренцев», нацеленные на разрушение бескомпромиссного имиджа ортодоксальных партий, начинали сильно напоминать взаимоотношения главных героев бессмертной комедии А. С. Грибоедова. При этом «тесные», впрочем, как и большевики, подобно Софье Павловне Фамусовой, с самого начала утверждали, что «не любят», а вторые, повторяя заблуждение Александра Андреевича Чацкого, так до самого конца пьесы и не смогли в это поверить.

Сама идея объединения социалистических сил накануне Первой мировой войны безусловно была актуальна. В случае своего осуществления она вполне могла привести социал-демократию к реальному усилению парламентской оппозиции, как это и произошло позднее во многих западноевропейских странах. Однако, несмотря на достаточную успешность социал-демократической концепции в Западной Европе, ее восточноевропейские интерпретации оказались явлением куда как более сложным и противоречивым. Повторяя в общих чертах специфику западного социализма, восточноевропейские социал-демократические партии, в сущности, развивались на принципиально ином цивилизационном фундаменте, иногда совершенно неожиданно демонстрируя глубинные расхождения в трактовке тех или иных политических и социальных процессов.

Так, изучая публицистическое наследие идеологов русского ортодоксального марксизма, нельзя не отметить, что они так же, как и руководство БРСДП (т.с.), далеко не всегда мыслили в соответствии с теми критериями, которые были определены для них западными коллегами. В каком-то смысле вопрос о единстве был для них вопросом веры, или, иначе говоря, принципом, фиксировавшим незыблемость и «чистоту» основной идеи. В таких условиях объединять «правовверного» с «неверным» мог только очень далекий от политических, а в известном смысле даже нравственных реалий своей страны человек. Не случайно постоянным рефреном полемики как с Л. Д. Троцким, так и с К. Раковским было утверждение о незнании ими «местных условий», их многолетней эмиграции и желании советовать руководству партии из Парижа и т. д.

Совершенно очевидно, что на рубеже XIX – начала XX столетий большинство социал-демократов (сам термин уже предполагал платформу пролетарского интернационализма) не отдавало себе отчета в столь размытом идейном, а скорее даже культурологическом противоречии. По этой причине

крайне сложно сравнивать такие фигуры как, к примеру, В. И. Ленин, с его трезвым и рациональным умом, и А. А. Богданов, всерьез высказывавшийся о религиозно-философском фундаменте марксизма. И все же совершенно очевидно, что политическую культуру ортодоксальных в чем-то «евразийских» фракций социал-демократического движения необходимо отличать от социально-политической культуры Запада. В таком контексте «примиренцы», которые стремились создать европейский вариант единой социалистической партии, в условиях, как писал Н. А. Бердяев, «христианского Востока», брались за мало благодарную работу. В результате они раздражали «левых», разочаровывали «правых» и, в конце концов, выбирали какую-то одну сторону, в данном случае более радикальную, которая потом мстила им за колебания до самой смерти.

Однако если обратиться в стороне вопрос цивилизационный и обратиться исключительно к анализу конкретных исторических условий, то и в этом случае эпитет Х. Кабакчиева – «фантазеры» – не окажется столь подчеркнуто радикален. Если вдуматься, «примиренцы» действительно очень во многом были фантазерами. Кого и с кем они так стремились объединять, прекрасно отдавая себе при этом отчет в том, что социалистические движения России и Болгарии (и без того достаточно фракционно-обособленные) в предвоенные годы еще больше измельчились и теперь являлись ареной политической борьбы, интриг и непримиримых идеологических разногласий.

В Российской социал-демократической партии (РСДРП) в связи с политическими преследованиями изначально существовало как бы два организационных центра – это Бюро с внутрироссийскими партийными органами и зарубежный эквивалент ЦК, при этом самостоятельно функционировали большевистские и меньшевистские редакции и центральный «Социал-демократ». Каждая из фракций в свою очередь также делилась на течения, среди которых четко можно выделить у более правой фракции: «ликвидаторов» (А. Н. Потресов), партийных-меньшевиков (Г. В. Плеханов) и «голосовцев» (Ю. Мартов, Ф. Дан); у «левых»: ленинская группа, «отзовисты», «ультиматисты», группа Богданова (с 1909 г. группа «Вперед»). Если добавить к этому Бунд и нефракционного Троцкого с его венской «Правдой», возникает картина, безусловно, достойная всяческого единения.

Сходную ситуацию можно наблюдать и в Болгарии. Там, при общем разделе социал-демократического движения на две партии – БРСДП (т.с.) и сначала БРСДП (ш.с.) (потом БРСДП (о)) сохраняется не меньшая внутрифракционная раздробленность. На фоне того, что БРСДП (т.с.) постоянно теряла колеблющиеся группы социалистов, часть из которых стремилась обособиться в центристский союз «Пролетарий», партия «широких» также расчленялась на течения: «камбанариев», центр и «земледельцев», при этом «анархо-либералы» распадались на «харлоковистов» и «бакаловистов», а более поздние прогрессисты, в свою очередь, разделились на сторонников возвращения в БРСДП (т.с.), нейтралов (тех кто хотел самостоятельности и от БРСДП (т.с.) и от БРСДП (о)) и тех, кто выступал за сохранение единства хотя бы в одной «объединенной».

Таким образом, подводя черту под анализом той стратегии, которая накануне Первой мировой войны обрела форму «примиренчества», необходимо четко сказать: она разделила судьбу всего центристского течения во Втором Интернационале. При этом задачи инициаторов объединительных кампаний в российском и болгарском рабочих движениях осложнялись цивилизационным аспектом характерной политической культуры, далекой от евро-

пейских индивидуалистическо-демократических традиций. Оторванные от традиционной культуры, поскольку как пишет Н. А. Бердяев, в XIX в. «...влияния Запада на образованную русскую интеллигенцию породили народолюбие и освободительные стремления», наши «примиренцы» оказались на гребне той мучительной и опасной волны, которую философы обычно называют внутренней, цивилизационной борьбой между «Востоком и Западом». Процесс, который, по мнению Н. А. Бердяева, получил особое развитие в феномене «русской революции».

¹ Раковски К. Амстердамският конгрес: (Писмо из Амстердам). // Работнически вестник. – 1904. – 28 август.

² Йотов Й. Центризъмът в българското социалистическо движение. 1905 – 1920. – София: Изд-во на БКП, 1969. – С. 170.

³ Кой се отцепват? // Работнически вестник. – 1909. – 24 февруари.

⁴ БРСДП (о) възникла на база БРСДП (ш.с.) в резултате слиянния этой «общедельской» фракции рабочего движения Болгарии с союзом „Пролетарий“ или СРП (Социалистическая рабочая партия) в декабре 1908 г.

⁵ Сотиров Б. Обединение на социалистическите сили или търговия със социализма. // Работнически вестник. – 1909. – 2 януари.

⁶ Камил Хюйсманс до Стефан Аврамов. Документите от архива на Камил Хюйсманс. // Българските социалдемократи и Международното социалистическо бюро. Кореспонденция 1900–1914. – София: Образование и наука, 1996. – С. 66.

⁷ Стефан Аврамов до Камил Хюйсманс. Документите от архива на Камил Хюйсманс. // Българските социалдемократи и Международното социалистическо бюро. Кореспонденция 1900–1914. – София, 1996. – С. 68–69.

⁸ Раковски К. Обединението на българските социалистически фракции: Открито писмо // Обединението и Прогресистското течение. – София, 1909. – С. 6.

⁹ Логинов В. Владимир Ленин. Выбор пути. – Москва, 2005. – С. 178.

¹⁰ Сталин И. В. Письмо в ЦК партии из Сольвычегодской ссылки. // Сочинения. – Т. 2. – Москва, 1946. – С. 209.

¹¹ Дамянова Ж. Българската социалдемократия и Вторият интернационал. Анотирана библиография на документи в чуждестранни архиви и библиотеки (1908–1912). // Известия на института по история на БКП. – София, 1988. – Т. 59. – С. 254.

¹² Троцкий Н. На Балканах и о Балканах (вместо отчета). // Социал-демократ. – 1910. – 12 септември.

¹³ Благоев Д. Статията на др. Троцкий. // Съчинения. – Т. 14. – София, 1961. – 140–142.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ В БОЛГАРИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

А. П. Чижев

Подъем революционного движения в России в 70-х гг. XIX в. и последовавшие за ним полицейские репрессии вызвали первую волну массовой политической эмиграции. Основные эмигрантские колонии были сосредоточены в Западной Европе, где находились виднейшие деятели российского освободительного движения, издавались главные органы печати и значительная революционная литература, налаживалось сотрудничество с представителями европейского социалистического движения. К середине 1880-х гг. одним из центров российской политической эмиграции становится Балканский полуостров и, в частности, Болгария. Революционеры, обосновавшиеся в Болгарии, имели ряд преимуществ. Они находились ближе к родине, среди населения близкого к ним по языку и обычаям, что во многом облегчало процесс адаптации эмигрантов в стране. Весьма существенное значение имел и материальный фактор. В развитых странах Западной Европы жизнь российских политических эмигрантов невероятно осложнялась постоянной заботой о средствах к существованию. В Болгарии, только что вступившей на путь капиталистического развития и остро нуждавшейся в квалифицированных кадрах, эти вопросы решались проще. Эмигранты, даже находившиеся под негласным надзором болгарских властей, получали места на государственной службе.

На положении и деятельности российской эмиграции в Болгарии положительным образом отразилась и натянутость в государственных отношениях между Россией и Болгарией. Уже в 1880 г. российский департамент полиции с определенной тревогой отмечал, что после освобождения Болгария стала «превращаться в очаг нигилистов-анархистов (так незатейливо характеризовали всех противников самодержавия полицейские чиновники – А. Ч.), в прибежище врагов отечества»¹. Действительно, в первой половине 1880-х гг. на территории Болгарского княжества появились первые довольно многочисленные группы эмигрантов. По сведениям департамента полиции, эмигрантские колонии образуются в Габрово (ок. 60 чел.) в Шумене – до 50, в Русуке (Русе) – 76 и т.д.²

8 (20) ноября 1886 г. произошел разрыв дипломатических отношений между двумя странами, сохранявшийся вплоть до 1(13) февраля 1896 г., т.е. на протяжении более девяти лет. Известно, что в период разрыва русский царизм и его дипломатия выступали против князя Фердинанда Саксен-Кобург-Готского. В связи с этим предпринимались попытки устранить Фердинанда и вооруженным путем, и методами дипломатического нажима. Не удивительно, что реакция князя по отношению к России была адекватной. В 1890 г. заведующий заграничной агентурой Департамента полиции на Балканах ротмистр В. Будзилович докладывал руководителю департамента полиции П. Н. Дур-

ново: «Со времени окончательного разрыва России с Болгарией и выезда оттуда наших дипломатических агентов наплыв русских выходцев в Болгарию заметно увеличился, движение наших революционеров в Болгарию начинает принимать характер систематического переселения»³.

23 января 1891 г. П. Н. Дурново направляет начальнику Азиатского департамента Министерства иностранных дел России И. Е. Зиновьеву письмо, в котором перечислялись фамилии наиболее опасных с точки зрения полиции русских эмигрантов и содержалось ходатайство оказать на болгарское правительство дипломатический нажим с целью их высылки. Вслед за этим царское правительство потребовало от болгарских властей изгнания 14 человек⁴. Из этого числа было выслано всего трое, т.к. правительство Ст. Стамболова ни за кем из упомянутых эмигрантов не признало участия в революционной работе. Одновременно отмечалось обвинение в том, что Болгария стала очагом анархизма на Балканах. Это обвинение необходимо было опровергнуть в целях укрепления международного положения правительства и улучшения его отношений с другими державами. В болгарской ноте отмечалось приглашение в Болгарию многих иностранных специалистов и обосновывалось присутствие русских эмигрантов в стране именно в этом качестве, причем прямо говорилось о предпочтении, отдававшемся русским по причине племенного и языкового родства⁵.

Новый подъем революционного движения в России, показавший его глубокую внутреннюю обусловленность, несколько отвлек внимание царизма от охоты за эмигрантами, которым приписывались чуть ли не все революционные акции в стране. Это обстоятельство и неуступчивость болгарской стороны привели к определенной стабилизации положения эмиграции, хотя ситуация оставалась весьма тревожной.

Неэффективность борьбы с эмиграцией по дипломатическим каналам привела к тому, что вся основная работа в этом направлении возлагалась на Министерство внутренних дел России, в котором к началу 1880-х гг. произошли серьезные изменения. К этому времени завершились перестройка и усовершенствование всей системы политического сыска в России. Работа созданного в 1826 г. «Третьего отделения» в условиях революционной ситуации 70-х – нач. 80-х гг. оказалась недостаточно действенной, и в августе 1880 г. оно было ликвидировано. Его функции передавались организованному Департаменту полиции МВД, что привело к централизации и усилению жандармско-полицейских органов в системе одного ведомства. Надзор за политическими партиями и организациями, борьба с ними, руководство всей внутренней и заграничной агентурой стало осуществлять 3-е секретное делопроизводство, важнейшее в системе Департамента. С 1 января 1898 г. наиболее сложные дела 3-го делопроизводства были переданы в Особый отдел, просуществовавший вплоть до февраля 1917 г. Эти события, несомненно, осложнили положение всей российской политической эмиграции.

Дипломатические отношения между Россией и Болгарией были восстановлены 1(13) февраля 1896 г. В этот день открылось русское дипломатическое агентство и генеральное консульство в Софии. Несколько позднее, в начале марта, русские консульства были восстановлены в Варне, Бургасе, Русуке и Пловдиве. С конца мая 1896 г. возобновилось пароходное сообщение между Одессой и болгарскими портами Варной и Бургасом, где были учреждены агентства Русского общества пароходства и торговли. В Софии, Варне и Бургасе открылись представительства Российского телеграфного агентства. Восстановление дипломатических отношений явилось положительным событием, стабилизировавшим политические и экономические связи обеих стран.

Вместе с тем эти перемены создавали более благоприятные возможности для российской полиции, которая приступила к развертыванию агентурной сети в Болгарии. Главными задачами агентуры являлись наблюдение за деятельностью эмиграции, перлюстрация переписки, внедрение осведомителей в эмигрантскую среду, вербовка эмигрантов, перехват нелегальной литературы и своевременное информирование Департамента полиции о перемещениях эмигрантов, особенно о предполагаемых выездах в Россию.

Осуществление этой программы началось сразу же после нормализации межгосударственных отношений. В каждом из пяти российских консульств под дипломатическим прикрытием находился штатный сотрудник Департамента полиции. Помимо них в Болгарии уже в 1896 г. действовал постоянный состав заграничной агентуры Департамента в количестве 15 человек (Озеров, Перлин, Владигеров, Богданова, Заверуха, Шварц, Булавин, Костенко, Розенблум, Григорьев, Кондратович, Миль, Гартунг, Афонин, Зак)⁶. Данные фамилии указаны на основании расписок в получении жалованья и премиальных, обнаруженных в фондах Департамента полиции и, вероятно всего, являются псевдонимами.

Летом 1896 г. в Софии российский Департамент полиции открывает фиктивную «Русскую комиссионную контору А. Вайсман и К^о», которая, якобы, представляла в Болгарии товары русских фирм. Глава «предприятия» А. Вайсман с 1882 г. являлся штатным сотрудником полиции, а в 1896 г. был назначен представителем заведующего балканской агентурой в Софии и, фактически возглавил российский политический розыск в Болгарии⁷. О значении этой фигуры говорит и то обстоятельство, что на имя Вайсмана поступали ассигнования департамента полиции на содержание агентуры в Болгарии, которые в 1896 г. составили 90 тыс. франков⁸.

Имеется целый ряд фактов, отражающих оживившуюся деятельность агентов царской полиции в Болгарии в этот период. В частности, имели место случаи вербовки ряда эмигрантов на службу департамента⁹. Агентурным путем в 1897 г. удалось задержать транспорт нелегальной литературы, предназначенной для отправки в Россию¹⁰. Большое внимание уделялось перлюстрации писем эмигрантов, вызывавших особый интерес у русской полиции. Вел перлюстрацию переписки П. А. Шварц, работавший помощником адвоката в Софии. Только на эти операции Департамент расходовал 630 франков в месяц¹¹.

Значительный интерес и заметную озабоченность у Департамента полиции вызывали связи российской и болгарской социал-демократии. Опасаясь этого сотрудничества, агенты Департамента организовали настоящую слежку не только за эмигрантами, но и за болгарами. Тесные связи с социал-демократической эмиграцией поддерживал видный деятель БРСДП Г. Бакалов, принимавший активное участие в пересылке нелегальной литературы в Россию. Впоследствии, вспоминая эти годы, он писал: «Я был на виду у властей, а также у русского консула, который устроил довольно нахальную слежку за мной своих шпииков»¹². Об этом же писал Д. Благоев, с негодованием отмечавший, что «...ныне Болгария походит на русскую провинцию, Болгария полна русскими шпионами, которые распоряжаются в полиции как у себя дома, шпионят за всеми и всем и перехватывают письма, особенно из России»¹³. В этих эмоциональных строках имеется доля преувеличения, однако Д. Благоев был недалек от истины.

Деятельность агентов Департамента полиции действительно не ограничивалась лишь осуществлением надзора за эмиграцией. В агентурных донесениях, поступающих из Болгарии, содержались обзоры положения в стране, характеристика настроений в правящих кругах, ситуации в политических партиях и т.д.

«Русская комиссиянная контора А. Вайсман и К^о» просуществовала до сентября 1903 г., когда последовало сенсационное разоблачение резидента. Имея официальное задание следить за российскими революционерами-эмигрантами, Вайсман далеко превысил свои полномочия и, более того, действовал «по совместительству» в интересах других государств. Он выполнял роль тайного осведомителя австрийского, сербского, турецкого и румынского правительств, получая жалование и отдельные вознаграждения в российском Департаменте полиции и значительные суммы от названных правительств. Помимо этого Вайсман, занимаясь перлюстрацией писем и на основе донесений от своей агентуры, регулярно информировал местную полицию о ситуации в болгарском революционном движении. В ответ на это болгарские власти во многих случаях закрывали глаза на деятельность резидента российской полиции.

В сентябре 1903 г., после изобличения, имевшего широкий общественный резонанс, Вайсман был срочно отозван в Россию¹⁴. Незадолго до этих событий в статье «Русская тайная полиция в Болгарии», опубликованной в газете «Работнически вестник», сообщалось: «У нас долгие годы существует тайная русская полиция, возглавляемая неким Вайсманом, задача которой состоит в слежке за всеми, кто выступает против завоевательных стремлений русского правительства. Что такая полиция существует у нас – это не тайна. А ныне, когда у власти пребывает чисто русофильское правительство, русский шпионаж особенно расцвел»¹⁵.

В конце сентября 1903 г. руководство политическим сыском в Болгарии перешло к заведующему заграничной агентурой Департамента полиции на Балканах ротмистру В. Будзиловичу, а несколько позже – полковнику А. Тржецяку, находившемуся в Бухаресте.

Централизация руководства агентурой в Болгарии сочеталась с увеличением ассигнований на нужды политического сыска. Это было связано, в первую очередь, с обострением политической ситуации в России, с приближением революции 1905 г.

Учитывая важность развивающихся событий, Департамент полиции не жалел средств для своей агентуры, особенно заграничной. В 1904 г. агентам Департамента, наблюдавшим за софийской эмигрантской колонией ежемесячно, помимо жалованья, выплачивалось 500 франков, агентам наблюдения в Варне, Бургасе, Русуке и Пловдиве по 400 франков¹⁶. В целом, на содержание агентуры в Болгарии, Департамент полиции в 1900–1910 гг. расходовал 110–120 тыс. франков в год, значительно больше, чем в 90-х годах XIX в.¹⁷

Эти мероприятия отразились на деятельности российской секретной службы в Болгарии, имевшей в начале 1900-х годов определенные успехи. Документы Особого отдела Департамента полиции отмечают факты успешного внедрения агентов в эмигрантские колонии в Варне, Бургасе, Старой Загоре и Русуке в целях освещения положения внутри эмиграции¹⁸. Одновременно усилилось наблюдение за передвижением эмигрантов и особенно их выездом за пределы Болгарии, прежде всего в Россию. Например, в первой половине 1904 г. при пересечении румыно-российской границы и в одесском порту было задержано 27 человек, возвращающихся из Болгарии¹⁹.

Однако вскоре ситуация качественно изменилась. Департамент полиции не мог, конечно, зафиксировать все случаи выезда эмигрантов из Болгарии. Даже когда агенты полиции и узнавали о выезде того или иного эмигранта, то это еще не означало, что он был задержан на границе. Например, в од-

ном из донесений агентуры в Департамент полиции в августе 1905 г. сообщалось о выезде из Болгарии через Бухарест в Россию П. Богданова, В. Трифонова и А. Попутского, членов софийской группы РСДРП. Сведений об их задержании на границе не имеется, и вскоре названные лица появились в России. П. Богданов вел партийную работу в Москве и Воронеже, В. Трифонов активно участвовал в вооруженном восстании 1905 г. в Ростове-на-Дону, затем работал в Екатеринбурге и Петербурге. А. Попутский участвовал в Декабрьском вооруженном восстании 1905 г. в Москве²⁰. Можно предположить, что названные эмигранты миновали жандармские заслоны при помощи весьма эффективного способа пересечения границы – путем использования паспортов болгарских подданных. Это подтверждается и инструктивным письмом ЦК БРСДП (т.с.) местным партийным организациям от 12 апреля 1905 г. В письме говорилось: «Усиление преследований в России вызывает большой наплыв эмигрантов, многие из которых являются активными деятелями движения. БРСДП (т.с.) имеет просьбу от российской социал-демократии о снабжении БРСДП (т.с.) активными эмигрантами с целью их возвращения в Россию под чужим именем»²¹. Главным же направлением деятельности Департамента полиции и его заграничной агентуры накануне и в годы Первой русской революции являлся срыв производства и поставок оружия для боевых дружин эсеров и большевиков из Болгарии в Россию.

В начале 1904 г. эсеры-эмигранты установили тесное сотрудничество с Внутренней македонско-одринской революционной организацией, имевшей оружейные склады и мастерские на территории Болгарии. В связи с этим действия эсеров в Болгарии, отмечал Департамент полиции, «приняли угрожающий характер из-за начала производства взрывных снарядов и взрывчатой жидкости для снаряжения их»²². Речь шла о производстве ручных бомб «македонок», отличавшихся большой разрушительной силой, широким радиусом действия и сравнительно несложной технологией изготовления. В свое время это оружие успешно применялось участниками национально-освободительной борьбы в Македонии против турецких поработителей. Через некоторое время агенты Департамента «Владигеров» и «Хмурый» в своих донесениях назвали точное место изготовления взрывчатых веществ и снарядов – села Княжево и Филипповцы близ Софии²³.

В качестве основного пункта перевозок с оружием использовался главный портовый город Болгарии – Варна, из которого первые партии вооружения стали отправляться уже в 1904 г. Ситуация была настолько серьезной, что в июне 1905 г. в Болгарию был командирован Е. Азеф, один из лидеров партии эсеров, руководитель ее «боевой организации», являвшийся с 1892 г. секретным сотрудником Департамента полиции²⁴. В донесении Азефа подтверждались имеющиеся данные о сотрудничестве болгарских социалистов и македонских революционеров с эсерами в деле изготовления и транспортировки оружия в Россию. Там же отмечалось, что крупная партия оружия и литературы была отправлена на пароходе Добровольного флота «Нахимов», следующего по маршруту Варна–Одесса–Батум²⁵. В следующем донесении указывались еще два маршрута подобных перевозок и извещалось о приезде в Болгарию отряда эсеров-техников для изучения «особых способов изготовления взрывчатых веществ чрезвычайной силы, известных под названием «македонских снарядов»²⁶. В результате этой поездки Азефа все три партии оружия были захвачены полицией в российских портах, а сам провокатор был отмечен благодарностью директора Департамента А. А. Лопухина и вознаграждением в сумме 300 рублей²⁷.

Ряд успешных операций полиции удалось осуществить и в 1906 г. Благодаря агентурным сведениям, в январе этого года в николаевском морском порту было задержано 72 пуда ружейного пороха и 4 пуда револьверных патронов, а в одесском порту на пароходе рейса Варна–Одесса полиция обнаружила и изъяла 700 револьверов²⁸. Самым крупным успехом Департамента был срыв переправки оружия (2 тыс. винтовок и 650 тыс. патронов) на яхте «Зора» в начале декабря 1906 г. Операция готовилась в обстановке строжайшей конспирации, однако все меры предосторожности оказались напрасными – полиция узнала практически все, даже дату выхода яхты из Варны (еще летом этого года провокатор Житомирский известил Департамент о готовящейся акции). Яхта «Зора» не достигла конечной цели из-за шторма, однако, даже если бы этого не произошло, предприятие было обречено на провал – кавказское побережье было плотно блокировано миноносцами Черноморского флота²⁹.

Несмотря на очевидные успехи полиции, полностью сорвать транспортировку оружия в Россию все же не удалось. В ноябре 1905 г. в Софию был командирован представитель Боевой технической группы при ЦК РСДРП А. Скосаревский, получивший чертежи и образцы бомб, которые были доставлены в Россию. После внесения в конструкцию бомб некоторых усовершенствований они начали изготавливаться в подпольных мастерских РСДРП(б) на территории России³⁰.

В декабре 1905 г. Болгарию посетил один из организаторов Боевой технической группы Н. Буренин. В Софии он встретился с инженером Н. Тюфекчиевым, активным деятелем македонского национально-освободительного движения, который оказал содействие в закупке гремучей ртути и бикфордова шнура (главных компонентов бомбы) для нужд Боевой технической группы³¹.

В результате этих поездок производство бомб-«македонок», названных «ручной артиллерией» российского пролетариата, стало широко распространяться по всей России. Это оружие рабочих боевых дружин стало самым популярным в годы Первой русской революции.

Борьба российской полиции с революционной деятельностью эмиграции продолжалась более четверти века. На эти цели выделялись значительные средства, привлекались опытные сотрудники заграничной агентуры, в среду эмиграции внедрялись осведомители и т.д. И все же, несмотря на частичные успехи, парализовать ее не удалось.

После окончания революции 1905–1907 гг. активность царской полиции на Болгарии стала спадать – обострение политической ситуации на Балканах и приближающаяся мировая война переключили внимание российского правительства на решение более сложных и первостепенных проблем.

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. 102. – ДП –3. – Оп. 87. – Д. 380. – Л. 10.

² Там же. – Оп. 88. – Д. 383. – Л. 12.

³ Там же. – Оп. 88. – Д. 595. – Л. 11.

⁴ Гросул В. Я. Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг. – М., 1988. – С. 202.

⁵ Там же. – С. 204.

⁶ ГАРФ. – Ф. 102. – ДП-3. – Оп. 94. – Д. 47. – Л. 13.

- ⁷ Агафонов В. К. Заграничная охранка. – М., 1918. – С. 62.
- ⁸ ГАРФ. – Ф. 102. – ДП-3. – Оп. 94. – Д. 47. – Л. 14.
- ⁹ Там же. – Л. 18.
- ¹⁰ Там же. – Оп. 95. – Д. 2. – Л. 8.
- ¹¹ Там же. – Л. 10.
- ¹² Бакалов Г. Старая «Искра» среди болгар // Пролетарская революция. – 1929. – № 8(91). – С. 76.
- ¹³ Благоев Д. Съчинения. – София, 1959. – Т. 8. – С. 539–540.
- ¹⁴ Агафонов В. К. Заграничная охранка /Составлено по секретным документам заграничной агентуры и Департамента полиции/. – М., 1918. – С. 324.
- ¹⁵ Работнически вестник. – 1903. – 2 септември.
- ¹⁶ ГАРФ. – Ф. 102. – ДП-00. – Оп. 250. – Д. 14. – Л. 8.
- ¹⁷ Там же. – Л. 10.
- ¹⁸ Там же. – Оп. 252. – Д. 3. – Л. 15.
- ¹⁹ Там же. – Оп. 153. – Д. 78. – Л. 32.
- ²⁰ Там же. – Оп. 243. – Д. 287. – Л. 27.
- ²¹ Централен държавен архив на РБ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 492. – Л. 1.
- ²² ГАРФ. – Ф. 102. – ДП-3. – Оп. 95. – Д. 595. – Л. 3.
- ²³ Там же. – Оп. 243. – Д. 9. – Л. 26.
- ²⁴ Там же. – Ф. 102. – ДП-00. – Оп. 237. – Д. 85. – Л. 23.
- ²⁵ Переписка Азефа с Ратаевым в 1903 – 1905 гг. // Былое. – 1917. – № 1. – С. 97.
- ²⁶ Там же. – С. 98.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ГАРФ. – Ф. 102. – ДП-00. – Оп. 230. – Д. 169. – Л. 5.
- ²⁹ Там же. – Оп. 237. – Д. 85. – Лл. 23 – 26.
- ³⁰ Техника большевистского подполья. Сб. статей и воспоминаний. – М.-Л., 1932. – С. 14–15.
- ³¹ Буренин Н. Е. Памятные годы: Воспоминания. – Л., 1961. – С. 84.

МАКЕДОНСКИЙ ВОПРОС В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ 1904–1908 ГОДОВ

В. А. Бурбыга

Вот уже более ста лет македонская проблема, своими корнями уходящая в далекое прошлое, вызывает острые дискуссии и противоречивые точки зрения, разногласия на научном и межгосударственном уровне.

В связи с этим представляется актуальным обратиться к истории македонского вопроса и рассмотреть его сквозь призму мнений и оценок российского общества, нашедших отражение на страницах многочисленных газет, журналов и книг периода реформенной акции в Македонии 1904–1908 гг.

Следует отметить, что отношение российской печати к македонской проблеме в годы осуществления Мюрцштегской программы не нашло должного освещения ни в советской, ни в современной российской и украинской историографии. В определенной мере этой теме касались в своих работах болгарский ученый Ст. Германов¹, македонский историк Ц. Станоевски², а также их украинская коллега³. (В. А. Бурбыга)

Напомним, что все нарастающее в конце XIX – начале XX века национально-освободительное движение в Македонии, летом 1903 года вылилось в Илинденское восстание, жестоко подавленное Турцией. Греция и Сербия, считая виновной в разжигании восстания Болгарию, усилили свое внимание к этой провинции Османской империи. Опасаясь обострения положения на Балканах, великие державы различными мерами пытались нормализовать ситуацию в регионе и не допустить нарушения status-quo. Результатом этого явилось подписание наиболее заинтересованными в Балканских делах Россией и Австро-Венгрией в октябре 1903 г. в Мюрцштеге соглашения о реформах в Македонии. С принятием Мюрцштегской программы начался новый этап в развитии македонского вопроса. Его отличительной чертой являлся непосредственный контроль представителями России и Австро-Венгрии финансовых, административных, судебных и других реформ, которые должны были проводиться Турцией в этой провинции⁴.

Утвержденные султаном гражданские агенты приступили к выполнению своих обязанностей 9 января 1904 г. С российской стороны был назначен бывший генеральный консул в Бейруте Н. Н. Демерик, участник проведения реформ на острове Крит, хорошо знавший внутреннюю и внешнюю политику Турции. Его помощником стал А. М. Петряев – секретарь генерального консульства в Константинополе, бывший консул в Призрене. С австрийской стороны вступил в должность начальник справочного бюро Министерства иностранных дел Г. Мюллер фон Рохгой с помощниками – А. Раппопортом, консулом в Призрене, и Н. Дашковичем, атташе при константинопольском генеральном консульстве⁵. После некоторых проволочек был назначен и начальник иностранной жандармерии – итальянский генерал Джорджиус и его российский, австрийский, английский, французский, германский и итальянский помощники⁶.

Реформенная акция стала предметом широкого обсуждения в различных кругах российского общества. В условиях революционной ситуации и надвигавшейся русско-японской войны как дворянско-монархические, так и буржуазные, либеральные круги были едины во мнении о необходимости сохранения status-quo и мира на Балканах в целом и в Македонии, в частности, что и обеспечивала, по их мнению, Мюрцштегская программа. Так, Н. Н. Демерик писал: „В правиле status-quo имеется та хорошая и весьма ценная сторона, что им устанавливается единообразное отношение властей ко всем борющимся сторонам, и что строгое применение его не дает разрастаться насильственным пропагандам“⁷. Вторя официальным властям, „Санкт-Петербургские ведомости“ отмечали, что реформы в македонских вилайетах „бесспорно окажут благотворное влияние на весь Балканский полуостров, создадут условия для более продолжительного мира и надолго отнимут влияние у всевозможных авантюристов, стремящихся поднять восстание и сеять смуты среди населения“. Если Мюрцштегская программа „будет приложена с нужною энергией и полнотою, – продолжала газета, – то македонский вопрос надолго потеряет свой острый характер“⁸. В том же духе освещали балканские события и либеральные „Русские ведомости“, которых тревожило промедление Портой введения программы. Газета предупреждала, что при сохранении в Македонии существующего положения, Болгария и Сербия „могут решиться на войну с Турцией“, итогом которой станет автономия Македонии, что, как считало издание, „будет для нее гораздо хуже“⁹.

Однако турецкое правительство, как и ранее, не собиралось проводить какие-либо реальные изменения в македонских вилайетах. Одной из главных причин, которая позволяла Порте оттягивать проведение преобразований, было отсутствие единства по вопросам реформ среди великих держав. Так, почти одновременно с Мюрцштегской программой, английское правительство предложило свой проект, предполагавший коллективный контроль над этой областью, но он не получил поддержки других держав.

В 1905 г., воспользовавшись затруднениями России, связанными с русско-японской войной, Англия снова поставила вопрос о совместном контроле великих держав над проведением реформ и о расширении их границ на Адрианопольский вилайет. К этим усилиям присоединилась и Франция, подготовив проект совместного давления на Порту в случае, если она не будет осуществлять рекомендации держав. Проекты встретили сильное сопротивление Германии; Россия же и Австро-Венгрия воздержались вообще от каких-либо комментариев¹⁰. Заметим, что в лагере союзников также наблюдались плохо скрываемые разногласия. Венская дипломатия, пользуясь неблагоприятной ситуацией в России, взяла в свои руки инициативу в реорганизации жандармерии, где главную роль играл австрийский военный агент¹¹.

Двойная игра Вены стала предметом обсуждения на страницах „Санкт-Петербургских ведомостей“. Барон Таубе предостерегал: „Австро-Венгрия ведет свою корыстную политику, цель которой оккупация как минимум Косовского вилайета“¹². Свою точку зрения журналист обосновывал тем, что соперница России тратила много денег на реорганизацию жандармерии в этой части Македонии, а значит „намеревается более или менее прочно там устроиться“¹³. К аналогичному выводу пришел и доктор Л. Соколовский, приславший свои статьи о положении в Европейской Турции в „Санкт-Петербургские ведомости“ из Вены. По его мнению, Россия вела пассивную политику по осуществлению реформенной акции, а „Македония уже теперь принадлежит австрийцам“¹⁴. С публикациями предыдущих авторов перекликались и

материалы корреспондента газеты в Софии, который отмечал: „Австро-Венгрия, используя свое положение, завоевывает преобладание на Балканах и в Македонии в частности“¹⁵.

Сама обстановка, в которой началось осуществление реформ, была также далека от благоприятной. В результате жестокого подавления турками Илинденского восстания, сотни домов были разрушены и сожжены, крестьянские хозяйства разорены, а тысячи беженцев наводнили Болгарию. Так, в селе Белица Разлогского санджака до восстания насчитывалось 400 болгарских домов и 100 турецких, из которых уцелело 14 первых и 58 вторых¹⁶. Противодействовала осуществлению преобразований и исполнительная власть в провинции, которая оставалась в руках главного инспектора Хильми-паши. Своим специальным распоряжением он запретил болгарам, живущим в патриархистских селах, открывать свои церкви и школы, чтобы помешать их переходу к экзархии¹⁷. Турецкая администрация, создавая всякие препятствия гражданским агентам и военной миссии, направляла все свои силы на „умиротворение“ области, ужесточая репрессии по отношению к болгарам. По информации российского публициста А. Сиротинина, совершившего в 1906 г. поездку по Македонии с юга от Солуни на север до сербской границы, за 11 месяцев 1905 г. в Македонии и Адрианопольском вилайете было убито 1 100 болгар¹⁸.

С другой стороны, и сама программа реформ страдала недостаточной ясностью и определенностью, что позволяло турецким властям трактовать ее в свою пользу. Например, §3 гласил, что после того, как в провинции наступит спокойствие, османское правительство должно провести изменения в ее административном делении с учетом проживания отдельных народностей¹⁹. Данный пункт Соглашения послужил для правящих кругов Греции и Сербии толчком к усилению их активности, целью которой было ослабление в Македонии болгарского элемента. Особого размаха достигли насильственные методы ведения пропаганды этими странами. Поддерживаемые финансовыми средствами из Афин и Белграда, четы с помощью угроз препятствовали переходу болгарских сел к экзархии, заставляли население изменять в их пользу национальную принадлежность, истребляли болгарскую интеллигенцию и священников. Так, торговый агент в Скопье Т. Недков в одном из своих рапортов болгарскому дипломатическому агенту в Турции сообщал: „Убийства и насилия, чинимые турецкими и сербскими четами над невинными болгарами, день ото дня становятся все более и более частыми. Власти явно закрывают глаза, когда это касается сербской четы, и даже намерения не имеют обуздать турецкие“²⁰.

Вооруженные столкновения стали объектом внимания газет и журналов всех направлений российской общественной мысли. Их страницы пестрели тревожными сообщениями из этой области Балкан²¹. Мрачными красками описывал ситуацию в Македонии корреспондент „Нового времени“ Макс, осуждая борьбу между православным населением края, которая „на руку мусульманам и католикам“²². Корреспондент „Санкт-Петербургских ведомостей“ в Солуне сообщал, что греки, являясь инициаторами беспорядков, хотя и спровоцировать турецкие погромы болгар²³.

Несмотря на тревожную обстановку в Македонии и безрезультатность преобразований, лишь некоторые издания, стоявшие на проправительственных позициях, изменили свое отношение к реформенной акции. Начали исчезать иллюзии, возникшие с провозглашением реформ, у „Русских ведомостей“. Если еще в начале апреля 1904 г. газета писала о благоприятном течении дел на Балканах²⁴, то уже в конце мая она отмечала, что реальных результатов реформ пока нет никаких²⁵. Среди причин неосуществления преоб-

зований назывались отсутствием денег на их проведение, препятствия, причиняемые Хильми-пашой и другими²⁶. Осознавая всю тяжесть положения в Македонии и понимая нежелательность нарушения status-quo в этом регионе, единственным решением македонского вопроса газета считала предоставление этой области „автономии под созеренитетом Порты“. „Тогда у болгар, греков и сербов будет одна родина, и им не из-за чего будет ссориться. Тогда у Порты будет отнята фактическая власть и им некого будет бояться“, – писали „Русские ведомости“²⁷. Следует напомнить, что к автономии Македонии, по мнению большинства дипломатов, политиков и публицистов великих держав и балканских стран, должно было привести полное осуществление Мюрцштегской программы. Однако тогда в таком исходе не были заинтересованы ни великие державы, так рьяно охранявшие status-quo, ни Сербия и Греция, опасавшиеся присоединения автономной Македонии к Болгарии. И только София добивалась этого, надеясь на решение проблемы в свою пользу. Поэтому Порта медлила с проведением реформ, а державы не принимали никаких мер для полного осуществления программы.

Между тем 10 ноября 1904 г. „Правительственный вестник“ опубликовал „Отчет российского посольства в Константинополе о результатах преобразований в Солунском, Косовском и Монастырском вилайетах“, в котором отмечались успехи реформ по реорганизации жандармерии, обновлению состава городской полиции и др. Среди доказательств постепенной нормализации обстановки приводился факт возвращения на родину 85% беженцев²⁸. Такой оптимистический отчет вызвал возмущение даже у постоянного защитника правительства газеты „Новое время“, которая назвала его „совокупностью звонких мест на тему „все обстоит благополучно“²⁹. Однако, несмотря на это, газета в специальной передовице, раскрывавшей ее позицию по македонскому вопросу, подчеркивала, что первым шагом к его решению являлось осуществление Мюрцштегской программы, которое привело бы к достижению целей македонского населения – автономии этой провинции³⁰. Что касалось обострения национальной вражды в македонских вилайетах, то „Новое время“ выражало надежды на „благоразумие Турции“, которая, наконец, начнет „серьезно помогать державам в успокоении края“³¹.

„Русские ведомости“, отметив, что в „Отчете...“ „указывались единичные факты достижения успеха реформ“, сделали вывод: „Европейская дипломатия должна усвоить себе совершенно другой тон с Портой и заставить ее выполнить требования держав“, иначе, продолжали они, „не скоро Македония получит автономию, а ее население успокоится“³². Необходимость принятия решительных мер по урегулированию ситуации в македонских вилайетах газета доказывала множеством фактов, содержащихся в сообщениях с мест. Так, в одном из них писалось об „ухудшающемся положении болгарского элемента в Македонии“³³; в другом – о „брожении“ по всей ее территории, что по мнению „Русских ведомостей“, свидетельствовало о „скором распаде Османской империи“³⁴.

Как следовало из материалов российской прессы, и без того вялые попытки Петербурга и Вены по осуществлению реформ каждый раз приводили к новым проволочкам со стороны турецких властей. Наиболее упорно Порта сопротивлялась финансовой реформе, проект которой был разработан в начале 1905 г. послами России и Австро-Венгрии в Константинополе И. А. Зиновьевым и Г. Каличе и предоставлял право двум державам контролировать финансовую систему Македонии. Опасаясь лидерства Вены в реформенных делах, Петербург, уступая давлению Англии, поддерживаемой Италией, согласился на установление международного контроля. Австро-Венгрия, предт-

рвющая активность Лондона на Балканах, вынуждена была также пойти на это. По проекту, разработанному державами, финансовую комиссию должны были составить гражданские агенты России и Австро-Венгрии, а также генерал-инспектор Хильми-паша, инспекторы из Англии, Франции, Италии и Германии. Порта, поддерживаемая последней, не принимала международный проект. Лишь после нажима держав, завершившегося морской демонстрацией силы, Турция 14 декабря 1905 г. дала согласие на ее учреждение, но при условии повышения ввозных пошлин. Фактически же комиссия к работе не приступила, так как вопрос пошлин был решен только в апреле 1907 г.³⁵

С активизацией держав по осуществлению финансовой реформы сторонники сохранения status-quo связывали свои надежды на урегулирование ситуации в Македонии. Так, „Новое время“ было уверено, что „совместные действия европейских государств окажут влияние на Порту“, а упорядочение финансов станет „шагом к успокоению страны“³⁶. Желая Турции „политической мудрости“, автор передовицы предупреждал, что если она не начнет активно проводить преобразования, то „соединенные силы европейского концерта положат конец турецкому владычеству в Европе“³⁷. Барон Таубе, одобряя политику великих держав, предлагал ввести меры, улучшавшие контроль за проведением реформ. По его мнению, гражданских и финансовых агентов „необходимо полностью отделить от дипломатического представительства в Константинополе“, тогда они „смогут предъявлять жесткие требования генерал-инспектору“³⁸.

В начале 1906 г. Болгария предприняла очередные шаги по подготовке почвы для решения македонского вопроса в свою пользу. С этой целью царь Фердинанд совершил поездку по западноевропейским столицам. Для привлечения России на свою сторону в Петербург в апреле 1906 г. прибыл начальник штаба болгарской армии генерал Р. Димитриев. Однако русское самодержавие в обстановке революции 1905–1907 гг. как никогда боялось нарушения status-quo на Балканах, поэтому миссия Димитриева закончилась безрезультатно, что привело к натянутости в русско-болгарских отношениях³⁹.

Присоединение Крита к Греции летом 1906 г. активизировало усилия Княжества по решению македонской проблемы. 15 июля софийский кабинет направил всем своим дипломатическим представителям в балканских государствах предписание, в котором рекомендовал довести до сведения правительства информацию о тяжелом положении населения Македонии, о безрезультатности реформ и высказывал надежду, что великие державы предпримут соответствующие действия по отношению к этой провинции Османской империи. В письме отмечалось, что в противном случае Болгария снимет с себя всякую ответственность за положение дел в Македонии. Учитывая возможную острую реакцию держав, министр иностранных дел Р. Петров аналогичное письмо в Вену закончил более осторожно: „Княжеское правительство и болгарское население Македонии горячо желают видеть действие законов, против которых противодействует центральная власть, в полном их объеме“⁴⁰.

В это же время на почве болгаро-греческого соперничества в Македонии, которое выразилось в ожесточенных столкновениях чет, обострились отношения между Афинами и Софией. Во многих городах Княжества вспыхнуло антигреческое движение. Турция, заняв в конфликте сторону греков, обратилась к державам с предложением о коллективном протесте Болгарии. Действия России из-за ее внутренних проблем и на этот раз свелись лишь к рекомендациям сторонам принять меры для поддержания порядка и улучшения отношений⁴¹.

Очередная эскалация событий на Балканах, однако, не изменила позицию сторонников сохранения status-quo в Македонии, добавив лишь их статьям более резкий антиболгарский характер. Так, „Новое время“, возложив всю ответственность за беспорядки в этой провинции Османской империи на „неудачи европейской миссии“⁴², опасалось, что деятельность греческих чет может послужить предлогом Болгарии для решения македонского вопроса в свою пользу. В связи с этим газета призывала российскую дипломатию „сделать энергичные представления афинскому кабинету“ по этому поводу⁴³. „Державы, добивающиеся поддержания мира и спокойствия на Ближнем Востоке, не могут более терпеть этого греческого издевательства и, если этой смуте не положит конец само греческое правительство, то должны положить державы“ – заявляла она⁴⁴.

Печатный орган русского Синода „Церковные ведомости“ причины греко-болгарских столкновений видели в „особенной силе национального чувства этих народов“, которое развилось у них „из-за долгого турецкого ига“. Газета успокаивала всех, кто опасался нарушения status-quo на Балканах: „По мере того, как память о бывших турецких притеснениях будет уменьшаться, вместе с тем будут исчезать и причины частых столкновений между этими народностями“, а православие объединит народы Балканского полуострова и решит все проблемы региона⁴⁵.

Между тем, в конце 1907 г. русско-австрийское сотрудничество на Балканах доживало свои последние дни. Летом 1907 г. Петербург обратился к Вене с предложением подписать новое соглашение, в котором были бы уточнены позиции по отношению к балканским проблемам, но оно было отклонено. В конце этого же года Австрия не поддержала и ранее разработанный Россией проект судебной реформы в Македонии⁴⁶.

Наиболее остро отреагировало на эти события „Новое время“, начавшее на своих страницах антиавстрийскую кампанию. Газета заявляла: „Россия должна помочь славянам, но ее сдерживает соглашение с Австрией“, которое не отвечает „государственным потребностям текущего времени“⁴⁷. Автор передовиц призывал царское правительство „начать самостоятельную работу по установлению порядка на Балканах“⁴⁸, опасаясь, что „Россия утратит среди христиан свою историческую роль“⁴⁹. Отмечалось в газетных материалах и все ухудшающееся положение в македонских вилайетах⁵⁰. Поэтому „Новое время“ призывало Россию немедленно перейти к активным действиям по осуществлению преобразований, которые урегулировали бы ситуацию в этой области и ликвидировали угрозу status-quo⁵¹.

Духом пессимизма по отношению к реформенной акции были проникнуты публикации целого ряда авторов, помещенных на страницах периодики различных направлений. Так, либеральный „Вестник Европы“ напоминал читателям: „Европа уже десять лет пытается провести реформы в Македонии, а положение все не меняется“. „Государства заинтересованы только в своих делах на Балканах“, – сожалел журнал⁵².

С открытой критикой Мюрцштегской программы выступил на страницах „Санкт-Петербургских ведомостей“ М. В. Юркевич, который отмечал: „Ни одна из реформ не достигла своей цели..; а положение македонских болгар еще и ухудшилось“⁵³. Аналогичной по тону была и статья А. Сиротинина в „Славянских известиях“, который охарактеризовал программу как „поверхностную и условную“, призывая Россию „начать во внешней политике новый славянский день..; ибо только она может улучшить жизнь славян на Балканах“. „Сила славянства – это сила России“, – подчеркивал известный публицист на страницах славянофильского издания⁵⁴.

29 января 1908 г. министр иностранных дел Австрии А. Эренталь в провозглашенной перед парламентскими делегациями речи заявил о необходимости получения у Порты концессии на строительство железной дороги от границ Боснии через Новопазарский санджак до станции Митровица. Осуществление этого проекта означало бы установление безраздельного контроля двуединой монархии в Македонии, поэтому его обнародование явилось окончательным шагом Вены к разрыву Мюрцштегского соглашения. В противовес своей сопернице Россия при поддержке Италии начала лоббирование выдвинутого Сербией еще в 1900 г. Дунайско-Адриатического железнодорожного проекта. С этого момента Константинополь стал ареной борьбы двух держав за обладание концессиями⁵⁵.

Положительно отреагировала на факт разрыва Австро-Венгрии с Мюрцштегом – центральный орган кадетской партии, редактируемая П. Милюковым, газета „Речь“. Она считала, что Россия, не сдерживаемая более рамками договора с Веней, „обновит свою политику“ на Балканах⁵⁶.

„Новое время“, продолжая следовать уже установившимся на его страницах антиавстрийским курсом, рекомендовало российскому правительству использовать создавшееся положение „для блага Балкан“⁵⁷. Однако, как и ранее, предложения газеты относительно решения македонского вопроса не шли дальше совершенствования реформ: „Порте необходимо, наконец, провести подлинные реформы“⁵⁸.

В начале 1908 г. произошло очередное обострение обстановки в Македонии: участились выступления чет, ухудшились болгаро-турецкие отношения; в Константинополе и Софии проводились военные приготовления. Сложившаяся ситуация активизировала деятельность Англии, которая в марте 1908 г. обратилась к европейским державам с новым предложением о реформах в Македонии. Главными его пунктами были установление в этой области автономии при сохранении номинальных прав султана, уменьшение численности турецких войск, увеличение количества местной жандармерии, установление контроля над финансовыми и судебными органами. В середине марта был предъявлен и русский проект, по которому расширялись полномочия генерал-инспектора и финансовой комиссии. Оба предложения сходились в необходимости замены русско-австрийского контроля над проведением реформ международным⁵⁹. Дальнейшим совместным шагом России и Англии по урегулированию ситуации в Македонии явилась встреча в июле 1908 г. двух монархов в Ревеле. На ней была достигнута договоренность о совместном давлении на Порту, а также подтверждалось желание сторон о международном контроле над реформами⁶⁰.

Революционный подъем в Македонии, угроза войны со стороны Болгарии, Ревельская встреча подтолкнули Турцию к подписанию военной конвенции с Австро-Венгрией (в последний момент к ней присоединилась Германия), которая гарантировала неприкосновенность ее европейских владений. В июне 1908 г. в обмен на эти гарантии был подписан и протокол об исключительных концессиях Вены в Косовском и Солуньском вилайетах⁶¹.

Большой интерес к англо-русскому сотрудничеству по македонскому вопросу проявило „Новое время“. Теперь с ним газета связывала свои надежды на урегулирование ситуации и предупреждала: „Слишком долгое топтание на месте, в конце концов, всегда кончается катастрофами“⁶². Предложение о коллективном контроле за проведением реформ в Македонии удачным считала и „Речь“, так как, по ее мнению, „он находит выход из положения и способен удовлетворить все стороны“⁶³.

Несколько ино о взгляда об английском и русском проектах придерживался публицист С. Котляревский. Одобряя в принципе решение македонского вопроса путем проведения реформ, он считал, что преобразования не изменят существующее положение в Македонии без введения „известных элементов автономного устройства, что сломает упорство султана, а гарантии территориальной неприкосновенности предотвратит вторжение болгар“⁶⁴.

Следует отметить, что хотя некоторые авторы или издания и поддерживали правительственную политику сохранения status-quo в Македонии, но все же имели свою точку зрения на этническую принадлежность населения этой области и конкретные проекты решения сложной македонской проблемы, осуществить которые, по их мнению, можно было бы в более благоприятной для России как внутренней, так и международной обстановке. Так, в одном из апрельских номеров за 1908 г. впервые за исследуемый период высказалась об этом последовательная сторонница сохранения status-quo газета „Новое время“: „Эгоизм и непредусмотрительность держав расчленили славянские земли на отдельные обломки – болгарские были разделены на три доли – Болгарию, Восточную Румелию и Македонию... Рано или поздно, Сербия воссоединится со своими западными землями и поймет ошибочность своей тактики в Македонии“⁶⁵. Однако газета не отступила от принципов поддержки официальных властей. Примерно через месяц она писала, что в деле решения македонского вопроса необходимо брать пример с Крита, где „произошло под контролем держав преобразования административного и финансового строя, что не умалило верховные права султана, но привело к успокоению местного населения“⁶⁶. „Русско-английское соглашение призвано не только установить мир в Македонии, но и укрепить Турецкую империю“, – заявляла еще через месяц газета⁶⁷.

Тем временем, положение в Македонии продолжало обостряться: невиданного размаха приобрело четническое движение, ожесточилась борьба между отдельными народностями, увеличивалась хозяйственная разруха⁶⁸. К середине 1908 г. стало ясно, что реформенная акция в Македонии потерпела провал. Хотя институт гражданских агентов был ликвидирован лишь 31 августа 1909 г., фактически уже осенью 1908 г. деятельность европейских представителей по контролю и осуществлению преобразований в Македонии исчерпала себя⁶⁹. Российский гражданский агент Н. Н. Демерик писал: „Присутствие органов европейского контроля не оказывало никакого умиротворяющего влияния на кровные распри в Македонии“⁷⁰. Таким образом, вместо успокоения Македонии Мюрцштегская программа внесла в нее новый хаос и напряжение, которое негативно отразилось прежде всего на положении ее населения.

Наряду со сторонниками сохранения status-quo в Македонии, в российской печати периода реформенной акции четко прослеживается точка зрения приверженцев решения македонского вопроса в пользу Болгарии. Так, в 1907 г. вышла в свет книга профессора Киевского университета Т. Д. Флоринского „Славянское племя. Статистико-этнографический обзор современного славянства“⁷¹, в которой было уделено внимание и македонским славянам. Используя карты Сакса, Киперта и Кынчева, в главе, посвященной болгарам, ученый в территории их массового проживания включил, кроме Болгарского Княжества, Адрианопольский, Солуньский и Битольский вилайеты Македонии, отметив, что все это „коренная, исконная болгарская территория“⁷². Признавая, однако, что „на западе болгарская народность незаметно сливается с сербской“, автор „самой близкой к истине“ считал границу между ними, про-

ходящуюся по реке Тимок и верхнему течению болгарской Моравы⁷³. Население земель юго-западной части Македонии, отходивших к Болгарии по Сан-Стефанскому договору, Флоринский вслед за Шафариком, Ами Буэ, Лежаном, Кипертом, Саксом и другими зарубежными исследователями считал болгарским. В то же время он признавал, что славяне северных районов – Скопского, Кратовского и Тетовского санджаков, так называемой Старой Сербии, „ближе по говору и другим этнографическим признакам к сербам“⁷⁴. Категорически отвергал маститый славист все основания для признания македонцев „особой этнографической ветвью славянства“. Используя лингвистические данные для определения территории Македонии, на которой проживают болгары или сербы, киевский филолог повторил выводы, уже сделанные им ранее: „Большинство македонских славянских говоров представляют главные характерные черты болгарского языка и только в Северной Македонии в славянских говорах резко выступают особенности сербского языка, при удержании некоторых характерных болгарских черт“⁷⁵. Свои утверждения Флоринский аргументировал статистическими данными, согласно которым всего болгарского населения насчитывалось 5 440 000, из них в Македонии проживало 1 132 000, в Княжестве – 3 182 300; в то время как „сербохорватов“ всего 8 107 131, в том числе в Старой Сербии и Македонии – 150 000, в Сербии – 2 250 000⁷⁶. Точка зрения автора нашла свое отражение и на прилагаемой карте, где Северная Македония изображена населенной сербами, а остальная часть – болгарами. Таким образом, Флоринский продолжал отстаивать точку зрения относительно болгарского характера большинства населения македонских вилайетов.

В 1904 г. совершил поездку по Македонии русский путешественник Н. Лендер (Путник), очерки которого были опубликованы в „Русском вестнике“, а в 1905 г. вышли отдельной книгой⁷⁷. Художественно описывая свои впечатления о живописном уголке Балкан, Лендер не обошел стороной вопрос этнической принадлежности его населения. Собранные автором материалы о национальном составе Сяра, Драма, Демир-Хисара, Дойрана и других населенных пунктов этой области свидетельствовали, что „главная масса македонского населения – болгары (2/3 жителей)“⁷⁸.

В отличие от предыдущего автора, чьи выводы о национальном характере населения Македонии исходили лишь из путевых впечатлений, В. Теплов – русский дипломат и общественный деятель, проработавший 11 лет в посольстве России в Константинополе, свою точку зрения о преобладании в македонских вилайетах болгарской национальности над другими обосновывал статистическими данными германской газеты „Post“, „которая вряд ли может быть заподозрена в пристрастии к славянам“. По подсчетам газеты на Балканском полуострове числилось: 4 650 000 болгар, из которых 2 350 000 проживали в Княжестве, 50 000 в Добрудже, 250 000 в Сербии, 2 000 000 в Европейской Турции. Сербов во всем этом регионе насчитывалось 4 330 000, из них в Сербии – 1 370 000, в австро-венгерских землях – 2 430 000, в Черногории – 150 000 и в Турции – 170 000. Из 2 800 000 греков в Греции находились 1 910 000, в Болгарии – 60 000 и в Турции – 830 000, собственно в Македонии их проживало не более 350 000. Несмотря на существенное преобладание болгарского элемента в приведенной статистике, Теплов не предлагал решить вопрос присоединением Македонии к Княжеству. По мнению автора, проблему ликвидирует „созидательная работа Европы, которая должна привести к насаждению в Македонии автономии с христианским генерал-губернатором во главе“⁷⁹.

Для ведущего рубрику „Иностранная политика“ либерально-народнического журнала „Русская мысль“ публициста С. А. Котляревского в урегулировании македонского вопроса главным мотивом было „умиротворение Македонии“⁸⁰. Считая в Европейской Турции „национальные болгарские элементы решительно превышающими сербские и греческие“, Котляревский также был уверен, что преобразования достигнут положительных результатов только при введении в Македонии „элементов автономии“⁸¹.

Отрицательное отношение к Мюрштетгской программе выработалось в результате двух поездок по Македонии (в 1904 и 1905 гг.) у публициста Н. И. Кулябко-Корецкого, ставшего свидетелем беззаконий, которые происходили в этой области. Его возмущал тот факт, что царское правительство, поддерживая реформы, способствовало сохранению турецкого режима в македонских вилайетах. Напомнив читателям о Сан-Стефано, автор сожалел, что сейчас русская дипломатия разрушает „надежды Македонии... на ее соединение с Болгарией“⁸².

К такому же выводу пришел и генеральный консул России в Солуни А. Гирс, отметив, что истинная цель реформ – „упорядочение турецкой администрации и укрепление турецкой власти над областью с христианским населением“. Критикуя официальную политику за то, что правительство „поступилось выгодами своего исключительного положения на Балканском полуострове“, дипломат призывал „занять ясное... положение относительно домогательств болгар, как наиболее сильной народности в этом регионе“⁸³.

Все более ухудшавшимся считал положение „македонских болгар“ М. В. Юркевич, по мнению которого „реформы не достигнут своей цели и могут привести к катастрофальному движению не только в Македонии, но и на всем Балканском полуострове“⁸⁴. Согласно журналисту, лишь „возвращение к идее Сан-Стефанского договора, в широком смысле... улучшит положение в Македонии“⁸⁵.

Сквозь призму отношений европейских государств с Турцией рассматривал пути решения македонского вопроса Г. Л. Комаровский, статью которого поместила на своих страницах „Русская мысль“. Публицист обвинил во всех „бедах македонцев“ Европу, которая „притворяется верящей в свои призрачные и бумажные реформы“⁸⁶. Размышляя о путях решения проблемы, автор считал, что раздел Македонии невозможен, поскольку отсутствуют точные статистические данные о ее жителях, а „национальное сознание у местного населения стало пробуждаться только в последнее время“⁸⁷. Несмотря на то, что присоединение этой области к Болгарии, по мнению Комаровского, соответствовало бы интересам большинства ее населения, „по происхождению и симпатиям своим болгарского“, он все же считал этот проект неприемлемым из-за претензий греков и сербов⁸⁸. „Признание Македонии независимым государством, которое со временем вошло бы в состав конфедерации балканских народов – это цель и многих македонцев, и наиболее, наверное, справедливое решение, так как не делит страну между враждующими претендентами и лучше обеспечит мир на Балканском полуострове“, – к такому выводу пришел учитывавший все нюансы проблемы автор статьи⁸⁹.

„Русские ведомости“ в одной из передовиц начала 1908 г. единственным выходом из македонского кризиса считали автономию Македонии. Первым шагом на пути к ней являлось выполнение Берлинского трактата, по которому Турция обязана „ввести в своих христианских областях формы конституционного самоуправления“, – делала вывод газета. Автор статьи, подчеркивая, что Македонию условно можно разделить на „три национальных района – юго-западный – греческий, самый малый из всех; северо-западный – серб-

ский, второй по величине, и центральный, самый большой из всех, с решительным преобладанием болгарского элемента“, предлагал самому македонскому населению решить, „составят ли эти районы самостоятельные автономные единицы или при местном самоуправлении объединятся между собой одним общим законодательным органом“. Но для газеты было несомненно, что „генерал-губернатор для Македонии должен опираться на местное законодательное собрание, должен быть европейцем... и, наконец, политическим деятелем, уже зарекомендовавшим себя в управлении одним из европейских государств“. В заключение „Русские ведомости“ отмечали: „Только такие действия достигнут успеха в Македонии“⁹⁰.

Активную деятельность в рассматриваемый период развернул Н. Н. Дурново⁹¹, опубликовав на страницах „Санкт-Петербургских ведомостей“ свыше 15 статей, посвященных Македонии. Газета, порой не соглашаясь со „страстностью тона“ автора, тем не менее заверяла читателей, что „престарелому публицисту-патриоту нельзя отказать в глубоком знании вопроса“⁹². Сущностью позиций Дурново являлась их антиболгарская направленность. Клеймя болгар „маловоспитанным гунно-татарским народом“, публицист все же признал их наличие в Македонии, „даровав“ им ее 1/6 часть – 6 северных каз Сербского санджака⁹³. Считая „целокупную Македонию“ промежуточным шагом к захвату ее Болгарией, он, таким образом, категорически отрицал идею автономии этой провинции и настаивал на ее разделе, основанном на „опросе населения на предмет их национальной принадлежности“⁹⁴. Главными же национальностями в Македонии, по мнению автора, были греки, сербы и „славяно-македонцы“, которые занимали половину ее территории и говорили на языке „более близком к сербскому, нежели к болгарскому“⁹⁵. Следует отметить, что Дурново являлся, пожалуй, единственным из российских публицистов, отстаивавшим права Греции на часть Македонии. Так, побережье Эгейского моря и юг края, а именно казы Кассандра, Катерина, Веррия, Лангада, Драма и другие он называл чисто греческими, население которых жило здесь еще до прихода славян⁹⁶. Красной нитью через его статьи проходила идея о виновности России „во всех бедах и смутах на Балканском полуострове“. Проводимую официальным Петербургом в это время политику status-quo он таковою не считал, а характеризовал ее как „благосклонную по отношению к болгарам“, предостерегая в возникновении на этой почве „новых врагов и религиозных неприятностей“⁹⁷.

С идеей раздела Македонии соглашался и безымянный корреспондент „Санкт-Петербургских ведомостей“ в Белграде, но, в отличие от Дурново, главными народностями, населявшими данную территорию, он считал сербов и болгар. Автор приветствовал в будущем разграничение сферы лишь культурного влияния в Македонии между Сербией и Болгарией на основании этнографических данных, связывая с этим прекращение „их взаимоистребления“ и „искреннее сближение двух братских народов“⁹⁸.

Как первый шаг на пути политического соглашения неизвестный автор статьи, помещенной на страницах „Нового времени“, рассматривал заключение в апреле 1904 г. болгаро-сербского телеграфного и таможенного союза. По его мнению, это привело бы и к договоренности в деле разделения сферы влияния в Македонии, которое „не заставит себя долго ждать“; с ним публицист связывал решение македонского вопроса⁹⁹.

Корреспондент „Нового времени“ в Белграде В. М. Лавров, публиковавшийся под псевдонимом „Проезжий“¹⁰⁰, также приветствовал восстановление болгаро-сербских экономических связей, считая их этапом к дальней-

нему славянскому объединению. Решение македонской проблемы, по его мнению, зависело от хода реформ: в случае неудачи „Болгария и Сербия потребуют автономного правления, разделив Македонию и Старую Сербию на две самостоятельные автономные провинции, в одной из которых преобладающее влияние будет иметь Болгария, в другой – Сербия“¹⁰¹.

Сотрудник „Нового времени“ И. Табурно, возражая предыдущим авторам, считал, что провести в Македонии границу, разделявшую ее на сербскую и болгарскую части невозможно, в силу того, что „два племени одной религии и одного языка так перемешались между собой, что Македония утратила понятие о национальном различии своего славянского элемента“¹⁰². Такая точка зрения была близка главной идее книги известного сербского профессора географии и этнографии Йована Цвиича (1865–1926), согласно которой славянское население Македонии – „неоформившаяся аморфная масса“¹⁰³. Однако, в отличие от И. Табурно, не отдававшего приоритет никакому из двух славянских народов, белградский ученый подчеркивал, что македонцы в этническом плане стоят ближе к сербам. Цвиич обращал внимание читателей на неполноту и неточность опубликованных фольклорных материалов. По его мнению, их язык часто „подправлялся“ собирателями в угоду национальным и политическим пристрастиям. Собственно македонские говоры, считал автор, представляли собой переход от болгарского языка к сербскому и наоборот. „Объяснил“ этнограф и почему большинство населения Македонии называло себя „бугаре“. Согласно его утверждению, „этот термин не этнический, а означает простого деревенского человека“¹⁰⁴. Перевес в пользу сербской национальности македонцев Цвиич доказывал тем, что сербское господство оставило в этой области больший след и больше материальных доказательств, чем болгарское, а также фактом, что жители македонских вилайетов „охотнее“ называли себя сербами из-за „чуждости имени финно-уральского¹⁰⁵ народа, покорившего их“¹⁰⁶.

Книга белградского профессора привлекла внимание некоего А. И., опубликовавшего на страницах „Санкт-Петербургских ведомостей“ на нее отзыв. В рецензии автор отмечал „большую ценность работы для решения македонского вопроса“, совершенно необъективно утверждая, что Цвиич, „не отдавая предпочтения ни сербам, ни болгарам, сообщает только факты, высказывает мысли...“¹⁰⁷.

Таким образом, подводя итоги, можно сделать вывод, что новая расстановка акцентов внешней и внутренней политики России, главное внимание которой теперь было приковано к революционным событиям и Дальнему Востоку, относительно затишье в самой Македонии и в споре между претендентами за нее способствовало тому, что в российской печати рассматриваемого периода преобладала точка зрения сторонников сохранения status-quo на Балканах. Для них (барон Таубе, „Новое время“) на первый план выдвигались внешнеполитические интересы России, которой в ситуации русско-японской войны и революции 1905–1907 гг. необходимо было сохранение мира в этом регионе.

Среди авторов, которые все же решались высказать радикальную точку зрения относительно решения македонского вопроса, преобладающей была позиция о решении проблемы в пользу Болгарии, но в лагере ее сторонников не было единства. Одни из них (В. Теплов, С. Котляревский) одобряли реформы и считали необходимым лишь введение более решительных мер по их осуществлению, которые могли бы привести к автономии этой провинции. Другие (М. Юркевич, Н. Кулябко-Корецкий), отмечая безрезультатность преобразований, призывали к осуществлению планов, намеченных в Сан-Стефано.

Незначительное число публицистов поддерживало Н. Дурново – при-
верженца раздела Македонии между Грецией, Сербией и Болгарией.

Отсутствуют работы, свидетельствовавшие о пестроте населения македонских вилайетов, а также доказывавшие их исключительно сербский или греческий характер.

Никак не проявили себя в прессе последователи точки зрения о существовании отдельной македонской народности и создании самостоятельного македонского государства.

Анализ печати показывает, что, российские ученые, журналисты, общественные деятели, путешественники – современники периода реформенной акции в Македонии 1904–1908 гг., несмотря на изменения внешнеполитического курса своей страны, интересовались судьбой этой провинции Турецкой империи. В своих публикациях, пытаясь разобраться в сущности македонской проблемы, предлагая проекты в изучение истории, языка, этнического состава Македонии начала XX века.

¹ Германов Ст. Руската общественост и революционното движение в Македония и Одринско 1893–1908. – С., 1992. – 250 с.

² Станоевски Цв. Како ја видоа Македонија. Руски публикации за Македонија. 1829–1913. Скопје, 1978. – 231 с.

³ Бурбыга В. А. Российская печать о реформах в македонских вилайетах Османской империи (1904–1909). // Болгария, Дагестан, Турция. – Вып. II. – Махачкала, 1996. – С. 12–18.

⁴ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. – М., 1952. – С. 329–330.

⁵ Новое время. – 1904. – 6 января.

⁶ Македония. История и политическа съдба. – Т. 1. – София, 1994. – С. 270.

⁷ АВПРИ. – Ф. 319. – Гражданское агентство в Македонии. – Оп. 631. – Д. 64. – Л. 218.

⁸ Санкт-Петербургские ведомости. – 1904. – 15 августа.

⁹ Русские ведомости. – 1904. – 21 января; 30 января.

¹⁰ Попов Р. Балканите в системата на военно-политическите блокове и съюзи на империалистическите сили 1878–1908. // Сборник в чест на професор Христо Гандев. – С., 1985. – С. 338.

¹¹ Попов Р. Австро-Унгария и реформите в Европейска Турция 1903–1908. – С., 1973. – С. 76–77.

¹² Санкт-Петербургские ведомости. – 1905. – 23 марта.

¹³ Там же. – 20 апреля.

¹⁴ Там же. – 27 мая.

¹⁵ Там же. – 7 июня, 12 июня.

¹⁶ Македония: Сб. документов и материалов. – С., 1980. – С. 565.

¹⁷ Документи из турските държавни архиви (1863–1909). // Документи за българската история. Т. IV. – С., 1942. – С. 239–240.

¹⁸ Сиротинин А. Н. Македония и Россия. По поводу книги Драганова „La Macédoine et les reformes. – Paris // Славянски известия. – 1907. – № 3. – С. 213.

¹⁹ Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. – С. 331–332.

²⁰ Гръцката и сръбската пропаганди в Македония (краят на XIX – началото на XX век): Нови документи. – С., 1995. – С. 358.

²¹ См.: Новое время. – 1904 – 30 апреля; 10 июня; 24 июня; Русские ведомости. – 19 мая; 7 июля; Санкт-Петербургские ведомости. – 30 января; 16 марта; 23 апреля; 5 июля; Вестник Европы. – № 7; и др.

²² Новое время. – 1904. – 6 апреля.

²³ Санкт-Петербургские ведомости. – 1904. – 2 апреля.

²⁴ Русские ведомости. – 1904. – 2 апреля.

²⁵ Там же. – 19 мая.

²⁶ Там же. – 18 августа.

²⁷ Там же. – 8 октября.

²⁸ Правительственный вестник. – 1904. – 10 ноября.

- ²⁹ Новое время. – 1904. – 12 ноября.
- ³⁰ Там же. – 1 декабря.
- ³¹ Там же. – 1905. – 3 апреля.
- ³² Русские ведомости. – 1904. – 12 ноября.
- ³³ Там же. – 1905. – 23 марта.
- ³⁴ Там же. – 1 мая.
- ³⁵ Новое время. – 1905. – 6 июля; 18 февраля; Русский вестник. – 1906. – № 1, 2.
- ³⁶ Новое время. – 1905. – 30 сентября.
- ³⁷ Там же. – 13 ноября.
- ³⁸ Санкт-Петербургские ведомости. – 1905. – 14 октября.
- ³⁹ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне и в период революции 1905 – 1907. – Киев, 1974. – С. 94 – 99.
- ⁴⁰ Гръцката и сръбската пропаганда в Македония (краят на XIX – началото на XX век); Нови документи. – С. 102 – 105.
- ⁴¹ Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения накануне... – С. 103.
- ⁴² Новое время. – 1906. – 19 марта.
- ⁴³ Там же. – 15 мая.
- ⁴⁴ Там же. – 20 августа.
- ⁴⁵ Церковные ведомости. – 1906. – № 36.
- ⁴⁶ Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XX в. – М., 1978. – С. 301.
- ⁴⁷ Новое время. – 1906. – 27 июля.
- ⁴⁸ Там же. – 2 августа.
- ⁴⁹ Там же. – 20 октября.
- ⁵⁰ Там же. – 1907. – 21 мая.
- ⁵¹ Там же. – 25 августа.
- ⁵² Вестник Европы. – № 9. – С. 404.
- ⁵³ Санкт-Петербургские ведомости. – 1907. – 28 января.
- ⁵⁴ Славянские известия. – 1907. – № 3. – С. 210–16.
- ⁵⁵ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции (1905–1912). – М., 1960. – С. 211.
- ⁵⁶ Речь. – 1908. – 8 марта.
- ⁵⁷ Новое время. – 1908. – 22 февраля.
- ⁵⁸ Там же. – 27 февраля.
- ⁵⁹ Там же. – 14 марта.
- ⁶⁰ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав... – С. 220.
- ⁶¹ Восточный вопрос во внешней политике России: Конец XVIII – начало XX в. – С. 321.
- ⁶² Новое время. – 1908. – 16 марта.
- ⁶³ Речь. – 1908. – 14 марта.
- ⁶⁴ Русские ведомости. – 1908. – 27 марта.
- ⁶⁵ Новое время. – 1908. – 13 апреля.
- ⁶⁶ Там же. – 6 мая.
- ⁶⁷ Там же. – 4 июля.
- ⁶⁸ Македония. История и политическа съдба. – Т. 1. – С. 270–271.
- ⁶⁹ АВПРИ. – Ф. 319. – Гражданское агентство в Македонии. – Оп. 631. – Д. 78. – Л. 1.
- ⁷⁰ Там же. – Л. 28.
- ⁷¹ Флоринский Т. Д. Славянское племя: Статистико-этнографический обзор современного славянства. – Киев, 1907. – 190 с.
- ⁷² Там же. – С. 58.
- ⁷³ Там же. – С. 63.
- ⁷⁴ Там же. – С. 75.
- ⁷⁵ Там же. – С. 66.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Русский вестник. – 1904. – № 8. – С. 759–800; Лендер Н. И. Константинополь, Афон, Македония и уголки России: Очерки и картины. – СПб., 1905. – 344 с.
- ⁷⁸ Лендер Н. И. Константинополь, Афон, Македония... С. 122.
- ⁷⁹ Русский вестник. – 1906. – № 10. – С. 782–808.
- ⁸⁰ Русская мысль. – 1907. – № 12. – С. 232.
- ⁸¹ Там же. – № 4. – С. 197.
- ⁸² Вестник Европы. – 1907. – № 7. – С. 136–184.
- ⁸³ АВПРИ. – Ф. 319. – Гражданское агентство в Македонии. – Оп. 631. – Д. 8. – Л. 130–33.
- ⁸⁴ Санкт-Петербургские ведомости. – 1907. – 28 января.

- ⁸⁵ Там же. – 31 марта.
- ⁸⁶ Русская мысль. – 149. – 1906. – № 8. – С. 156.
- ⁸⁷ Там же. – С. 160.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Там же. – С. 161.
- ⁹⁰ Русские ведомости. – 1908. – 1 марта.
- ⁹¹ Не путать с известным русским историком и филологом, также писавшем о Балканах, Н. Н. Дурново (1876–1937). Несмотря на обилие в российской прессе статей публициста Дурново, затрагивавших, в основном, церковные проблемы южных славян и народов Российской империи, сведений биографического характера о нем найти не удалось. Известно лишь, что он три раза посетил Сербию, с 1869 года переписывался с митрополитом сербским Михайлом, был лично знаком с известными общественными деятелями Сербии И. Ристичем, М. Милоевичем, Н. Пашичем и другими. – См.: Воспоминания Н. Н. Дурново К истории сербской войны 1876 года // Исторический вестник. – 1899. – Т. 75. – № 1. – С. 530–537.
- ⁹² Санкт-Петербургские ведомости. – 1907. – 28 августа.
- ⁹³ Там же. – 1906. – 16 ноября.
- ⁹⁴ Там же. – 1907. – 28 сентября.
- ⁹⁵ Там же. – 8 апреля.
- ⁹⁶ Там же. – 28 июня.
- ⁹⁷ Там же. – 1 августа.
- ⁹⁸ Санкт-Петербургские ведомости. – 1905. – 5 апреля.
- ⁹⁹ Новое время. – 1904. – 20 апреля.
- ¹⁰⁰ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. – Т. 4. – М., 1956. – С. 267.
- ¹⁰¹ Новое время. – 1904. – 10 мая.
- ¹⁰² Там же. – 1908. – 21 января.
- ¹⁰³ Цвијч Ј. Неколика праматрања о етнографији македонских словена. – Београд, 1906. – С. 6.
- ¹⁰⁴ Там же. – С. 3.
- ¹⁰⁵ Протоболгары – народ тюркского, а не финно-уральского (угорского) происхождения. Такие элементарные ошибки снижают еще более доверие к точке зрения сербского профессора.
- ¹⁰⁶ Там же. – С. 10.
- ¹⁰⁷ Санкт-Петербургские ведомости. – 1906. – 23 сентября.

БЪЛГАРСКАТА ИСТОРИЧЕСКА НАУКА – СЪСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВИ СПОРЕД АНКЕТНО ПРОУЧВАНАНЕ „ИСТОРИЦИ ЗА ИСТОРИЯТА“

А. Запрянова

Както за всяка област на човешката дейност, така и за историческата наука трябва да се знае какъв е социалният „ден“ – като традиция, приемственост и промяна, а какъв трябва да бъде утрешният, за да осъществява изконната си функция на „*Historia est magistra vitae*“? Интроспективен отговор даде самата историческата гилдия в България и българисти от чужбина чрез анкетното проучване „Историци за историята“¹. То се проведе от екип от Института по история при БАН, който ръководих, в чийто състав бяха ст.н.с. д-р Благовест Нягулов, ст.н.с. д-р Илияна Марчева – извършили анализа, и проучвателите Нина Попова, Дивна Гоцева и Румяна Прахова – събрали емпиричните данни.

„Визитна картичка“ на анкетата: отговориха всички поколения, чиито знаният е историческото познание – от докторанти до колеги в пенсионна възраст; от професори – доктори на историческата наука, до колеги без степен и звание; по месторабота – в БАН, ВУЗ, музеите, архивите, училищата и др.; географската „карта“ обхваща 27 градове и 3 села; анкетираният покриват всички области на историческата наука: според хронологичен обхват – от праистория до съвременна история, според регионално-тематичен характер – история на България/българите, на Балканите/Югоизточна Европа и обща история, според предметно-тематична определеност – политическа, икономическа, културна, военна история, историческа демография, историческа антропология, философия и методология на историята, отделни помощни исторически науки и пр., макар и с различни проценти на представителност. Чуждестранните респонденти са: по трима от Молдова, Русия, по двама от Румъния, САЩ, Украйна и по един от Германия, Македония, Полша и Франция. От всички: 8 души работят в научни академии, 5-ма – в университети, и 3-ма – извън научни и образователни институции. С едно изключение, всички други притежават научната степен доктор или доктор на историческите науки, и съответно – научните звания професор (ст.н.с. I ст.) и доцент (ст.н.с. II ст.), а един е академик.

Много от въпросите дадоха възможност да се разкрие отношението на историците към историята като наука, професия и социална употреба, за „измерването“, което направиха на познавателните и социалните функции на българската историческа наука като настояще, основано на своето минало, и като перспектива за бъдещи промени, за оценката на историческата периодика, на водещите историци и техните монографии, на личностите, играли роля в обществения живот на България и извън нея, за разбирането на респондентите за *светлите и тъмните страници в българската история*.

От особен интерес за българистите в Украйна е получената визия за научната стратегия на българознанието. Тя се оформи чрез отговорите на въпросите за проблемите от българската история, които са най-слабо проучени и тези, които трябва да се осмислят по нов начин.

Отговорите на въпроса, *Кои са най-слабо проучените аспекти от българската история?*, конкретизират проблематика, която е приблизително равностойно разпределена между отделните възрастови и професионални групи на анкетираните. Отговорите на респондентите от чужбина са обобщени отделно, накрая на всеки раздел.

Раздел I. Най-слабо проучени аспекти от българската история по периоди:

* Съвременна (най-нова) история на България – 22,3%: *политика, икономика и култура; унищожаването на демокрацията; насилието и съпротивата; концлагерите преди и след 1944 г.; колективизацията; въздействието на СССР; периода 1944–1956 г.; управлението на БКП през 1971–1989 г.; т.нар. „възродителен процес“; България и Студената война; дейността на българската емиграция след 1944 г.; политически аспекти на съвременната история.*

* История на българите под османско владичество XV–XVII в. – 13,9%: *колаборационизма на българската аристокрация със завоевателя; мирните форми на ислямизация; стопанската история и материалната култура; църковната история; руско-турските войни и свързаните с тях преселвания на българи.*

* Средновековна история на България – 8,1%: *българския етногенезис; (пра)българската писменост VII–IX в.; българската история през VIII в.; християнизацията при княз Борис I; управлението на цар Петър I; българските земи под византийска власт; Втората българска държава или само периодът от края на XIII и целия XIV в.; ликвидирането на Търновската патриаршия; историята на Добруджа през VII–XIV в.; средновековната култура; историческата география през Средновековието.*

* Нова история на България – 7,1%: *моделите на политическата култура след 1878 г.; фило-фобските комплекси на българската интелигенция; националният въпрос с оглед на македоно-одринското революционно движение, историята на ВМРО, дейността на Върховния македонски комитет, борбата на добруджанци срещу повторната румънска окупация 1918–1919 г., управлението на българските власти в „новите земи“ през 1941–1944 г.; еснафството през втората половина на XIX в.; процесите на модернизация; периодът между двете световни войни или периодите 1923–1944, 1926–1940, 1934–1944 г.; политиката на Коминтерна на Балканите.*

* История на (пра)българите и славяните до образуване на българската държава на Балканския полуостров и история на (пра)българската диаспора – 5,5%: *произходът на българите; разселването на българите по света и българската диаспора в Евразия; историята на Волжка България.*

* Стара история – 1,9%: *произходът на траките, тракийската култура в Югозападна България.*

* Праистория – 1,9%: *преходът от неолита към бронзовата епоха.*

* История на Българското възраждане – 1,6%: *Ранното възраждане; развечаването на великите сили (Sic!); ролята на Българската екзархия във вилаетите; смъртта на Христо Ботев; процесите на възраждането в Северна Добруджа.*

При историците, работещи в чужбина, подреждането изглежда така: *българите под османско владичество XV–XVIII в., включително социалната и културната история; съвременната история на България или периодът на социализма като цяло, включително „реалният социализъм“, както и т.нар. възродителен процес; новата история на България с оглед на историята на ВМРО, аспекти от историята на периода между двете световни войни, темата за България и Холокоста.*

Раздел II. Най-слабо проучени предметно-тематични аспекти от българската история:

* Културна история, антропология и етнология – 8,4%: *културна история от 1878 г. до наши дни; историческа и културна антропология; история на всекидневния живот; традиционна народна култура.*

* Социална и стопанска история – 7,4%.

* История на етническите и религиозните общности, етническа политика и национален въпрос – 7,4%: *история на етносите в България; междуетнически и междурелигиозни отношения; ролята и мястото на Православната църква в обществено-политическия живот от Освобождението до съвременността; историята на протестантите в България; религия и атеизъм; проблемите за гагаузите и за помохамеданчените българи; защитата на малцинствените права; историята на българите, останали извън днешните граници на България; народностна (етническа) и национална идентичност; етнически компоненти на нацията; взаимодействия с балканските народности и нации; паралели между национално-образуващите процеси на Балканите и в Европа, народопсихологични аспекти на тези процеси и връзката им с националните доктрини.*

* Социална психология и етнопсихология – 3,9%: *манталитет и духовност на българите в България и от диаспората; субективният фактор в историята; корените на предателството.*

* Политическа история – 2,9%: *развитие на политическата мисъл; история на политическите партии; история на институциите; история на гражданското общество; военна история; България и Европа през вековете; чуждите влияния и отражението им на българска почва; външната политика и дипломацията за защита на националните интереси от Освобождението до днес.*

* Историческа демография – 2,9%: *демографските процеси през ХХ век.*

* Философия на българската история, исторически синтез – 2,6%: *преходите в българската история; преходът от Античност към Средновековие; паралели между преходите след 1878, 1944 и 1989 г.; българската история като част от европейската и световната история.*

* Други аспекти – 2,2%: *история на науката, изобретателството и техниката; краезнание; историческа география на българската нация, история на екологията.*

В отговорите на историците от чужбина присъстват темите за историята на малцинствата в България, етнопсихологията, приноса на България в световната история. Според един от анкетираните най-слабо проучените аспекти са всички, които са били подложени на конюнктурни и/или политизирани преценки.

Отговорите на въпроса, *Кои проблеми от българската история трябва да бъдат интерпретирани по нов начин?*, конкретизираха готовността на историците за цялостно или за частично преосмисляне на историята, както следва:

Раздел I. Конкретни проблеми от българската история, подлежащи на нова интерпретация, по периоди:

* Нова история на България – 29,9%: *управлението на Стефан Стамболов; българо-руските отношения от края на ХІХ и началото на ХХ в.; управлението на БЗНС; превратите на 9 юни 1923, 19 май 1934 и 9 септември 1944 г.; фашизмът в България; т.нар. антифашистка борба или нелегалната дейност на лявото движение; Септемврийското въстание; поляризацията и идеологизацията на македонския въпрос и на въпроса за Северна Добруджа; въпросът за Западните покрайнини.*

* Съвременна (най-нова) история на България – 26,2%: *периодът на социализма като цяло и конкретно репресиите, стопанските и социалните проблеми, ролята на СССР, колективизацията, дейността на опозиционните партии, политическата история след 1989 г.*

* История на българите под османско владичество – 7,4%.

* Средновековна история на България – 4,5%: *ролята на (пра)българите и славяните при създаването на българската държава; история на отвъддунавска България; християнизацията; културата; проблемът за класовата борба и производствените отношения при феодализма.*

* История на Българското възраждане – 2,4%: *все още романтичното обозначаване на периода XVIII–XIX в. като „Възраждане“; формирането на българската нация; църковният въпрос в контекста на българо-руските отношения; предосвободенската политическа история; взаимоотношенията между различните течения и крила в българското национално движение до и след 1878 г.*

Според препоръките на анкетираните историци от чужбина, от нова интерпретация се нуждаят проблемите, свързани с: *политическата и културната история XIX–XX в.; социалистическия период; участието на България в Първата и във Втората световна война; двустранните отношения с Гърция и Сърбия; историята на ВМРО.*

Раздел II. Общи проблеми от българската история, подлежащи на нова интерпретация:

* Политически и други вътрешни проблеми и фактори – 9,8%: *авторитарните режими в България от края на XIX в. до днес; монархическата институция; ролята на партиите в обществения живот; терорът; предателството; ролята на социалната политика в създаването и практическото приложение на политическите програми; социалната същност на комунизма; личностите в българската история; ролята на интелигенцията в развитието на България; регионалните проучвания.*

* Етнос, нация, държава – 9,4%: *българите под чуждо господство; българския национализъм и нихилизъм; националната доктрина; държавната идентичност; симбиозата между ислям и източно православие на битово ниво; българската диаспора;*

* Геополитически проблеми – 5,3%: *влиянието на геополитическите реалности върху българската историческа съдба; ролята на СССР в българската история; политиката на „малката“ държава в „голямата“ история с оглед на стратегии, приоритети, ценности – не като фактология, която общо взето е известна, а като модел на поведение.*

* Стопански проблеми – 2,4%: *земеделieto в стопанската история и други проблеми.*

Други отговори с общо методологическо значение на респонденти в страната насочват новата интерпретация към: *всички проблеми с политически нюанси в интерпретацията – 1,6%; проблемите, които трябва да бъдат интерпретирани с интердисциплинарен подход – 0,8%; взаимоотношението висше „образование – преподаване на историята“ – 0,4%.*

Според вижданията на историците, работещи в чужбина, общи проблеми от българската история, които следва да се интерпретират по нов начин, са: *националният въпрос; проблематиката, свързана с отношенията държава и общество, държава и нация; мултиетничността; политическите партии и идеологии; демографските проблеми.*

Мисля, че в направената „фотография“ българоведите в Украйна ще измерят точната проекция на своята изследователска стратегия. За нейната управленческа обективност е добре да се извърши предварително допитване, подобно на нашето – „Историци за историята“, което ще очертае традицията, приемствеността и необходимата промяна.

Вярно е, че сме зависими от финансирането на науката, но пък от нас зависи дали ще следваме тенденциите на модерната, доказалата своите високи познавателни стойности световна историография. Тук са широките „неразорани полета“ на социалната и културната история, социалната антропология и генеалогията, историческата демография, етнопсихологията, философията на историята, усъвършенстването на интердисциплинарната методология на производството и на експониращите механизми на исторически знания не само на национален, но и на световен „екран“, и прочие, т.е. тенденциите, които отварят българистиката към общоевропейските и общочовешките приноси на българите. Не на последно място е оптимизацията на организацията по отношение на координацията между българските и украинските историци, създаване на двустранни и многостранни научни колективи по съвместни проекти за разработване на общи исторически трудове и обнародване на исторически документи.

Връщам се отново към резултатите от нашата анкета, които показаха и уменията на историка да мисли прогнозно – за себе си и за самата научна дисциплина, на която се е посветил. Последните два въпроса в анкетното проучване предоставят неформално изразена стратегия за бъдещето на историческата наука в България и на историческата българистика в чужбина. Отговорите на въпроса „Ако имате възможности, какво бихте променили в развитието на историческата наука в България“ показват, че съотношението между основните акценти в мненията на респондентите за промени е балансирано между проблематиката, свързана със субективния фактор и писането на историята, от една страна, и финансовите и организационните фактори за развитието на науката – от друга, без да се пренебрегват и социалните функции на историята. Отговорите на въпроса „Ако имате възможности, какво бихте променили в развитието на историческата българистика в чужбина?“ търсят механизмите на оптимизация на институционалната организация, актуализирането на методологията и тематичния обхват на българистичните изследвания чрез: издавания и популяризация – 27%; научни комуникации – 22,3%; държавна културна политика – 21,5%; методологично и философско-историческо усъвършенстване – 20,8%; обучение на българисти – 6,1%; БАН – 2,3% – като тук акцентите са за възстановяването на Центъра за българистика и за създаване на звено към Института по история, което да следи развитието на историческата българистика.

Направените предложения чрез анкетата за промени в развитието на историческата наука в България и на историческата българистика в чужбина дават много основания да се организират специални дискусии и дебати по темата – в България, в Украйна и съвместно, за да се преосмислят и дефинират основните тенденции пред институциите и кадрите, ангажирани с българистиката. Научно-управленчески е проблемът да се намери относително най-точното място на историографията в съотношението между приемствеността и промяната – като състояние и като перспективи, особено в първото десетилетие на XXI в., когато политическите граници между държавите се „разчупват“, а климатът в науката става все по-интердисциплинарен, а методологията на научното познание все по-усъвършенствана.

¹ Вж: Запрянова А., Нягулов Бл., Марчева И. Историографията между приемственост и промяна. А. За текущата история на историческата наука в България. Б. Анкетно проучване „Историци за историята“. // Исторически преглед. – 2005. – Кн. 1–2. – С. 3–97.

РАДИООЛИМПИАДА ПО ИСТОРИЯ НА БЪЛГАРИЯ

Е. Дроснева

1. Тази олимпиада беше учредена през есента на 1993 г. по идея на тогавашния редактор в Програма „Христо Ботев“ на Българското национално радио (БНР) Цанка Мишева, магистър по физика. При действието на тогавашния Закон за висше образование, разрешението за провеждането ѝ зависеше от Министерството на образованието. Заместник-министърът за висше образование Борис Гълъбов – професор по химия в Софийския университет „Св. Климент Охридски“ – приветства начинанието и застана зад него. Идеята получи подкрепата на ректора на Университета Иван Лалов – професор по физика. Тогавашният декан на Историческия факултет доц. Георги Бакалов, специалист по история на Византия, днес професор и заместник-ректор по науката, ми предложи да поема провеждането на Олимпиадата. Приех! Това означаваше да се погрижа за разработването на статута, тематиката, състезанието, да вода предаванията и прочее. Времето за излъчване на предаванията и продължителността им бяха определени от програмните схеми в Националното радио. Тематиката зависеше от училищния курс по история в последния гимназиален клас – да участват имаха право само ученици от този клас – и от Програмата за кандидат-студентския изпит по история на България в Софийския университет. Според замисъла и съгласуваното от Радиото с Министерството, Университета и Факултета, победителят получаваше право на положен кандидат-студентски изпит по история на България, валиден за всички специалности в Софийския университет, които изискват такъв изпит. На победителя се признаваше оценка отличен 6,00, стига успехът му в Олимпиадата да беше отличен. За останалото трябваше да се погрижа да предложи идеи, а в тях вложих всичко, което бях натрупала като изследовател, преподавател и въобще като човек. Изпреварвайки следващия разказ, позволявам си да споделя самооценката си – тази олимпиада е едно от най-стойностните неща, което правя в живота си.

2. Първата олимпиада за дълго остана единствена по причини, които не е тук мястото да бъдат коментирани. Заслужава си да се отбележи, че в българското училище и до днес историята е един от малкото предмети, по които няма национални олимпиади. Отделям разказа за нея, тъй като се провеждаше в различна от днешната нормативна уредба на средното и висшето образование в България; предаванията продължаваха около 25 минути и бяха задължително на запис. Резултатите от всеки кръг се представяха на живо в младежкото двучасово предаване „Гага“ (което за съжаление днес не съществува). Автор и водещ на олимпийската му версия беше Анета Янакиева, магистър по история, журналист в Програмата и човек, отворен за идеите и сътрудничеството ми.

Още – защото в следващите 7 години олимпиада нямаше. И защото, впечатлена от подготовката на участниците, Комисията по провеждане на Заключителния кръг, председателствана от акад. Илчо Димитров (1931–

2002), задължи декана да изиска от Академичния съвет правото за положен кандидат-студентски изпит да ползват всички състезатели, постигнали отличен успех в състезанието. Така четирима олимпийци станаха наши студенти – един по история (днес работи в Агенцията за българите в чужбина към Министерския съвет на Република България) и трима по право (след като положиха успешно изпита и по български език и литература, изискван за тази специалност).

А и по още една много важна причина: в Първата олимпиада бяха разработени основните правила за провеждането ѝ. Отначало само като идея, те се оказваха работещи в преобладаващата си част и се запазват и до днес.

3. Възстановяването на радиоолимпиадата беше осъществено пак с усилията на Ц. Мишева в първата година на новото хилядолетие, в нова нормативна и финансова ситуация. През 1995 г. беше приет нов Закон за висше образование, който в частност даде право на висшите училища сами да решават формата на кандидат-студентския изпит; Олимпиадата вече разчита само на спонсори, търсенето на които винаги е проблем, още повече при непремислена законова рамка, и тъй като не става дума за зрелищно приключение от типа на спортни състезания или концерти на временни или подълготрайни звезди. Само благородството на духа на хора, които са успели да си го изградят и да не го погубят в тежкия преход на България от една система в друга, гарантира досегашната финансова подкрепа за Олимпиадата.

Новата ситуация от 2001 г. насам има и редица други съществени белези. Нов е училищният курс по история – като хронологически обхват, хорариум, програми, цели и пътища за постигането им, учебници, класове, в които се изучава история на България и прочие. Съществени промени настъпиха в Програмата за кандидат-студентския изпит в Софийския университет, макар формата му да продължава да бъде традиционната – писмен, анонимен. Темите се формулират в деня на изпита от Комисия на факултета, но обществото има повече възможности да види и чуе как става това. Изтеглянето на изпитната тема от кандидат-студент, който сам реши да направи тази стъпка, се показва по Българската национална телевизия, темата се коментира по Националното радио от специалист, член на Комисията. Денят на изпита от начало до края е в центъра на вниманието не само на националните медии, а звучат и мнения на специалисти, родители, кандидат-студенти, които са приключили с изпита.

Предаванията, за разлика от Първата олимпиада, вече са на живо, което пък позволява по-активна връзка с радиослушателите. На запис те вървят само по изключение – в дните на националния празник и на официалните празници, ако съвпадат със седмичния ден на предаването; поради заетост на член на екипа, най-вече на автора и водещ; в Шестата олимпиада (засега последна) – по финансови и технически причини и срещите с победителите от всеки кръг. Удълженото време – от 25 на 40, а в Шестата олимпиада – на 45 минути – даде възможност за създаването на нови рубрики и за по-пълноценното обсъждане на поставяните проблеми. Така и предаването стана по-пригодно за слушане и възприемане. През годините предаванията се излъчваха в четвъртък или в петък, а при последната олимпиада, по желание на състезателите – в събота, която е неработен и неучебен ден, въпреки това все още да не сме постигнали най-желаното от олимпийците и учителите им часово време. И още – в състезателната част могат да участват всички ученици от средния курс (9–12/13 клас), не само от завършващия клас.

4. Предаванията са първата линия от Статута на олимпиадата. От учредяването ѝ до днес са излъчени около 200 различни предавания, без да се броят повторенията по време на Първата олимпиада. Броят им във всяка олимпиада варира от 30 до 34 и зависи от продължителността ѝ и програмните схеми в БНР, макар по принцип да започваме в началото на ноември и да завършваме в края на юни. Предаванията и днес са съобразени на първо място с училищния курс по история и с Програмата за кандидат-студентския изпит в Софийския университет. Макар че са ориентирани към младежка публика в ученическа възраст, екипът се стареа да не губи почитателите на историческите предавания и на Програма „Христо Ботев“ като цяло. От възстановяването насам предаването включва и много музика. Всичко не може да бъде разказано, но мисля, че най-добра представа за това, какво се случва в ефира, би се получила, като представя предаването по рубрики.

Историко-олимпийска радиоигра – в рамките на 20 минути слушателите отговарят на 2 въпроса или на един от тях. Отговорите си съобщават на телефоните на предаването, приема ги редакторът Диана Маринова². Въпросите изискват конкретни отговори и включват имена, дати, пространства, събития от цялостния живот на обществото в миналото и настоящето. Понякога отчитат съвпадението на предаването с важна дата, включително юбилеи на личности и образи от българското и общочовешкото минало и на наши съвременници, много или по-малко познати: поети, актьори в различните жанрове, писатели, композитори, художници, учени от различни науки; книги, научни изяви и прочие, така че не е задължително да са свързани с темата на съответното предаване, макар това да е най-честата практика. Пак понякога се разиграват варианти на един и същ въпрос, с надеждата, че кандидат-студентите ще схванат едно от внушенията: нужно е „фактът“ да се знае, а въпросът към него може да се зададе по различни начини. Преведено на езика на изпита: не забуряйте теми, учете фактите и трупайте умения да ги анализирате и да откривате връзките между тях. Наградите за успелите в играта слушатели са книги, осигурени от водещия и редактора. По своя желание дарител е и един от участниците в играта. Рубриката не се включва, когато по изключение предаването е на запис. Верните отговори се съобщават в края на предаването, заедно с имената на победителите. През годините се оформи кръг от постоянни участници в тази игра (особено от Шумен и от Созопол, Бургаска област), но всяка година се появяват и нови от различни селища в България. Играта има още два варианта, но тъй като са свързани с изпращане на писма до предаването, трудно биха могли да се нарекат успешни.

• *Историци за миналото и за историята* – основна и най-стара рубрика, единствена от всички започнала още в Първата олимпиада. Темата ѝ определя темата на цялото предаване. Звучи около 20–30 минути от общо 40–45-те и така съвпада като количество време с училищната практика за структуриране на учебния час. Да се обсъдят всички аспекти на избраната тема, разбира се, не е възможно. Акцентите са върху по-важните от тях, спорните или пък върху затрудняващите (най-вече учениците) в разбирането на епохата. Хронологическият им обхват по принцип е от създаването на българската държава на Дунав (681 г.) до Втората световна война, тъй като това е обсегът на Програмата за кандидат-студентския изпит в Софийския университет. Доста по-пълният хронологически обхват – от първите свидетелства за появата на човека в днешните български земи до наши дни – се подсигурия най-вече чрез останалите рубрики. Отделено е време и за теоретични въпроси, най-много за изясняване на някои по-трудно усвоими термини, изхабени от употреба и с неразбираемо съдържание.

Събеседници са около 50 български учени, на първо място от Софийския университет – Исторически факултет (катедри „История на България“, „История на Византия и балканските народи“, „Нова и съвременна история“); Философски факултет (катедра „Културология“); Българска академия на науките – Институт за история, Институт по балканистика, Национален археологически институт и музей; Великотърновски университет „Св. св. Кирил и Методий“ – Исторически факултет. Научната им квалификация варира от асистент без защитена дисертация до академик. Единственото условие е събеседникът или събеседниците да са сред най-добрите ни специалисти, които и да умеят да преведат науката на езика на учениците и останалите ни професионално неподготвени слушатели.

• *Гласът на времето* – документална илюстрация по основната тема на предаването. Подготвените от автора текстове изпълняват д-р Ангел Николов (един от събеседниците ни, преподавател в Историческия факултет) и актьорите Иринея Константинов и Васил Михайлов. За следосвобожденското минало най-често разчитаме на записи от Златния фонд на БНР (най-старият му запис е от 1897 г.) и от фонда на БНР. Понякога тук влизат и анкетите, направени от репортерката ни Росица Георгиева, бакалавър по журналистика от Нов български университет и студентка в магистърска програма по нова и съвременна история на България в Софийския университет, журналист от Програмата. Анкетите са с наши съвременници по темата на предаването – ученици и възрастни. Текстовете на изворите в рубриката въвеждат в духа на епохата и служат като база за упражнението по анализ на историческия извор, което е част от повечето предавания.

Авторът и неговата книга – представя български и чуждестранни автори от различни поколения, включително от XIX в. Интервютата с нашите съвременници най-често са правени специално за предаването, главно от редактора, понякога от автора и водещ. В тази рубрика представяме още международни проекти по линия на Съвета на Европа, научни изяви в страната и чужбина, резултати от археологически разкопки и пр. Кръгът на събеседниците се разширява в зависимост от представяната книга. На институционално ниво тук се включват колеги от други факултети на Софийския университет и от институти на БАН, от университети и академии в чужбина. Сред чуждестранните колеги преобладават българистите: проф. д.и.н. Людмила Горина (заслужил професор на Московския държавен университет „М. В. Ломоносов“ и почетен доктор на Софийския университет „Св. Климент Охридски“), проф. д.и.н. Дмитрий Поливянный (Ивановски държавен университет, Русия), проф. д.ф.н. Игор Калиганов (Държавна академия за славянска култура, Москва). Гостуваха ни още университетски проф. д-р Алоис Екер³ (Виенски университет, Австрия) и проф. д.ф.н. Красимир Станчев (Трети Римски университет, Италия), колеги от исторически музеи в страната и от различни отдели на Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“.

• *На микрофона е учител* – интервюта с учители от различни поколения, всички магистри по история, от столицата и от страната, по проблемите на училищното образование по история. При възможност – интервюта с учителите на участниците в устните етапи и непременно с учителите на участници в Заключителния кръг. Сред учителите са и колеги, които изпращат олимпийци още от Първата олимпиада насам; учители, подготвили най-успешните ни олимпийци; учители, носители на награди на Министерството на образованието и науката („Константин Величков“ – новоучредена, и заради ко-

ято нарушихме принципа си да не допускаме действияща политика в територията на предаването, дори ако са блестящи професионалисти в историческата наука; „Неофит Рилски“) като Анелия Андонова (Дупница, Кюстендилска област), Катя Белкинова (Пловдив), Соня Христова (Карнобат, Бургаска област); учители, приятели на Олимпиадата, като Антоанета Таракчиева (София) – хоноруван асистент по историография в Софийския университет; Юлия Тимова (Монтана); Петя Кюркчиева, Годор Зарков и Здравко Иванов (всички от София); Радка Цанева (Попово, Търговищка област), Маруся Янева (Търговище) – преди години експерт по история в Търговищка област и др.

• *Българи – Хердерови лауреати* – учредена в Петата олимпиада. България се гордее със своите над 40 лауреати на тази толкова стойностна награда. Те са хора от различни сфери на духовността. Досега са представени около 1/4 от лауреатите, понякога заедно със стипендиантите, които самите те са посочили. Сред тях са първият лауреат, покойният етнограф Христо Вакарелски и последният засега, проф. д.и.н. Казимир Попконстантинов; писатели, музиканти, балетисти, историци. Само едно от внушенията е, че съвременното разбиране за науката история означава изследване на всеки вид човешка дейност в отминалите времена и връзката им с настоящето и бъдещето. Следващо, никак немаловажно е разбирането, че „правенето“ на събитията и на живота изобщо е дело на личности. Рубриката издава и разбирането ни, че е добре, важно и професионално издържано да бъдат почетени хората и от тези сфери на човешките дейности, които обикновено са извън микрофона, обектива и камерата, защото не са достатъчно зрелищни. Не на последно място, още по-малко като последно внушение – страната ни, запътена към Европейския съюз, има и имената на съвременници, чрез които може да се представи, но които просто трябва да се знаят. При осъществяването на рубриката се разчита на записи от Златния фонд, от Фонда на БНР и на интервюта, правени специално за Олимпиадата, които после се предлагат за съхранение в Златния фонд. Последното е само част от грижата ни за опазване и попълване на звуковата памет на България. Разбираемо е, че чрез тази рубрика се разширява институционалното участие, особено когато интервютата са правени от редактора специално за нея.

• *Живовлек* – най-младата и много разнообразна от всяка гледна точка рубрика, родена в Шестата олимпиада. Участниците в нея са с достатъчно широк диапазон на възрастта – от гимназисти до пенсионери (18–19-годишни – 60–70-годишни). Различни са и досегашните им реализации. Гости бяха създателите на Клуб на историка в Образцовата математическа гимназия „Академик Кирил Попов“ в Пловдив, учреден на 8 май 2006 г. по идея на наши многогодишни и успешни олимпийци и с подкрепата на двамата им учители – Катя Белкинова и Борис Михайлов, на директора Ивайло Старибратов и на експерта по история за Пловдивска област Асен Василев. На рубриката гостуваха археолози, бакалаври от Софийския университет – студенти в магистърските програми; преподаватели от Катедрата по археология в Софийския университет, специалисти от Националния археологически институт с музей и от Етнографския институт и музей при БАН, докторанти от историческите факултети в Софийския и във Великотърновския университет. Разговаряхме – във връзка със 130-годишнината на Априлското въстание – и с хора от „невъстаналите“ селища (Пещера, Пазарджишка област) и от въстаналите, но по-малко познати (Радилово, Пазарджишка област). В тази рубрика бяха представени с разказ и с документален запис от автора и водещ тържествата в Хар-

ков (Украйна) по случай откриването на Центъра по българистика и балканистични изследвания към Харковския национален университет „Василий Каразин“, а от директора му доц. Сергей Страшнюк – и самият Център с неговите намерения и реализации. Често звучеше и оперативна информация за научни изяви на историците у нас и в чужбина.

• *Музикален благослов* – заключителна рубрика на всяко предаване, започнала от Втората олимпиада като „Музикален поздрав“. Включва българска забавна музика или чуждестранна, в изпълнение на български творци. Предлаганият репертоар е от зараждането на този жанр в българското песенно творчество до наши дни. Рубриката е и с функциите на междучасие, защото след предаването на Олимпиадата следва друго с образователен характер, а и защото в съвременното средно училище в България всеки учебен час продължава 40 минути. Слушателският интерес към нея е най-вярно доказателство за ползата от създаването ѝ.

Стана дума, че от възстановяването насам предаванията са богато илюстрирани с музика. Много хубавият сигнал за начало от Първата олимпиада беше заменен с нов, на който идеята е, че историята не трябва да ни плаши, а да ни насърчава към осмисляне на нещата и изобщо към размисъл. Клипът беше великолепно разработен от Пламен Петров, музикален редактор в Програма „Христо Ботев“. Чудесното музикално оформление на всяко предаване е дело на един също такъв висок професионалист – музикалният редактор в Програмата Зорка Мирчева.

Всъщност, от възстановяването на Олимпиадата насам, това е и постоянният ни екип: автор и водещ доц. д-р Елка Дроснева, редактор Диана Маринова, музикален редактор Зорка Мирчева.

В последните две години се добавиха още теми на предаванията. Освен редовният ни стремеж за обновление, ограничен в известен смисъл от правилата, първата причина е въвеждането на предварителен кандидат-студентски изпит и за Софийския университет. Месец по-късно резултатите се коментират в цяло предаване, в което участват членове на Комисията, на ръководството на факултета, кандидат-студенти, учители и прочие. Неразбирането на една от темите от Първия кръг – „България – културен и просветен център на славянството през Средновековието“ – неразбиране, което продължава години наред, ни предизвика в Шестата олимпиада да направим специално предаване и по тази тема, излъчено в празничната Новогодишна вечер.

Но прегледът на предаването не би бил пълен, ако не се добавят още имена, професии и прочее факти. В много от предаванията участват нашите олимпийци – най-вече състезателите, но и участниците в откриващата предаването рубрика „Историко-олимпийска радиоигра“, както и участници от предишни олимпиади, включително в Първата, а още и близки на олимпийците ни, които ги придружават в Устния етап на всеки кръг и в Заключителния.

Следва да се добавят хората от ръководството на Историческия факултет – деканите (доц. д-р Георги Бакалов, доц. д-р Петър Делев, проф. д. и. н. Иван Илчев) и заместник-деканът доц. д-р Миляна Каймакамова (от възстановяването на Олимпиадата насам). На тях, и особено на доц. М. Каймакамова, дължим редовните указания към олимпийци и кандидат-студенти, свързани с Програмата за кандидат-студентския изпит, с методиката на подготовката им и с разясняване на изискванията на Комисията по провеждането на изпита. Предаването разчита и на подкрепата на доц. д-р Пламен Митев като заместник-декан (от 2004 г. насам) и като един от членовете на Комисията по провеждане на кандидат-студентския изпит. Повечето от тези колеги са и наши съ-

беседници по основни теми и така водещият се чувства задължен всеки път да обявява в какво качество застава пред микрофона конкретният колега. Надеждата е, че до слушателите ни стига внушението: една е административната изява и оценка, друга е научната. И понеже въпросът за оценката на лица и събития е сред най-болезнените не само за кандидат-студентите, това е само един от пътищата да посочим разликите между науката и останалите човешки дейности.

Спецификата на радиожурналистиката е такава, че в сложния процес по подготовка и излъчване на едно предаване се включват още много хора и много занаяти. Затова специално трябва да се добавят няколко десетки специалисти по звукозаписа и в студиата, когато сме на живо (пак звукорежисьори и тонрежисьори), с много от които сме заедно още от Първата олимпиада. В този списък влизат още колегите от някогашната редакция „Знание“, а сега – Линия „Образование“ в Направление „Образователни и публицистични предавания“, Музикална редакция, Златен фонд, Фонотека, Фонд на БНР, ръководството на Програма „Христо Ботев“ и още мнозина. Олимпиадата беше и продължава да е на специалното внимание на отговорните редактори Ада Чалъкова, Цанка Мишева, Цвета Шопова, пък и поради спецификата си, и на цялото ръководство на Програмата.

5. Олимпийското състезание, пак според Статута, включва 3 предварителни и 1 заключителен кръг.

Когато формулирах предложението за начина на състезанието, трябваше да се съобрази с твърде много неща. На първо място с психическите нагласи на възрастни и деца към възможността да станат герои на най-привлекателната на пръв поглед част: избягване на твърде остарялата, нервна и досадна кандидат-студентска кампания, особено на приемния изпит. Основният дефект, свързан с изпита по история (засяга не само този училищен предмет) е, че през целия училищен курс обучението се води устно, а приемният изпит е писмен. Иначе казано, получените знания и изградените умения на учениците изпитът проверява във форма, която не е достатъчно отрепетирана в училище, а това създава допълнително напрежение у кандидат-студентите. Опитите ни да преодолеем разминаването имат скромни резултати дори с днешна дата, да не говорим за положението преди около 2 десетилетия. Разговорите пък срещу частните уроци, които периодично, но достатъчно преднамерено се захващат в общественото пространство, на практика са преливане от пусто в празно, защото не предлагат задълбочен анализ на причините, които са довели до необходимостта от тези уроци.

Сред психическите нагласи на „възрастните“ си заслужава да се отбележат подозренията „Тя сега ще вкарат някой свой!“, „Ти ли ще спечелиш от цяла България?!“. Казва си думата и опитът от прежни времена, все още недоизживени – явно или скрито задължаване на учениците да участват в поредната олимпиада, та училището да се похвали с масовост, а при евентуална победа учителят и директорът да бъдат изтъкнати в съответните доклади на местно, регионално и национално ниво. Възрастните, най-общо казано, бяха уморени от привилегии, спускани върху определени категории и лица. И от „вкарване през задната врата на когото трябва“. Затова скептицизмът им беше разбираем, без споменатите нагласи да изчерпват всички, за които си давах сметка. Като пиша „възрастни“, нямам предвид само учители, родители и близки на завършващите в онази година ученици. Имам предвид и историческата колегия, разкъсваща се между възможността за изява и реалния факт, че става дума за „Втора програма“, сиреч за „Христо Ботев“ (с нейното зараждане,

при това!) на БНР (при вече проходящи и затова толкова интригуващи частни радиа); взаимно доверие и недоверие между двете основни институции, решили да се сберат в името на добруването на българските деца. Не липсваха съмнения и сред журналистическата колегия. Всичко това бе в контекста на набиращо скорост „особено“ отношение на държавните институции и на отделни персони към първенеца на висшето образование в България, първенец по възраст и по качество. Все пак, впечатляващо беше, че Националното радио търси тъкмо професионалистите – Историческия факултет – за да реализира идеята си.

Колкото до децата – те, както сме правили и ние като деца, имитират в началните си възрасти поведението и мисловността на възрастните, с тази разлика, че имат все още по-голяма убеденост в правотата и в справедливостта. И много са сигурни в собствените си възможности да успеят. И като че ли побързо от възрастните могат да проумеят, че състезанието е само една игра, която ги готви за успех в завършването на средното им образование и особено на кандидат-студентските изпити. И че, вероятно, им дава повече знания при подготовката по толкова важна за личностното им изграждане дисциплина, каквато е историята. И – че ще я има играта.

В много отношения тази част от негативните, а и от добрите нагласи се запазва и днес, но все повече са децата и възрастните до тях, които гледат на изявиите си в Олимпиадата не толкова като на шанс да си спестят тягостния кандидат-студентски изпит, колкото като на възможност да проверят знанията си не само по история, да се срещнат с преподаватели от Софийския университет и с хора от Българското национално радио, да намерят нови приятели. Изобщо – да изживеят тръпката от непознатото, едновременно примамливо, загадъчно, полезно и приятно. Такива са споделените им мнения в анкетите от устните етапи и в Дневника на Олимпиадата. Тъкмо тези участници скоро се убедиха, че тук работят професионалисти, за които няма значение дали децата са от столицата, от областен център, от малък град или от село; от елитно или обикновено училище; нямат значение роднинства, приятелства, финансови възможности. Че единственото, което има значение, е какво знаят и какво могат децата; какво са написали и могат ли да го защитят.

Едно от най-важните неща в Радиоолимпиадата, оценено по достойнство от ученици и учители, е, че участието на учениците е на абсолютно доброволен принцип. Няма задължителен пряк ангажимент и на учителите, освен ако децата не се обърнат към тях за съвет, а тогава учителската реакция е въпрос на добра воля: не се заплаща и не е задължително да си подкрепиш ученика в желанието му. В тази олимпиада участието на учителите и на училищните ръководства е наистина въпрос на добра воля и на личностни нагласи.

Има я, впрочем, и днес сред възрастните нагласата: „Щом не е от Министерство, не ме интересува“; „Щом е от Министерството, трябва да отчете преди всичко бройки!“; „Да напиша вместо детето си темата, пък да видим какво ще стане“ ...

Нагласите, на които в началото са подвластни и много от децата, съществено се променят в процеса на играта.

Така и до днес, според Статута, се провеждат 3 предварителни кръга в два етапа – писмен и устен. Всеки кръг е посветен на един от периодите на българското минало, застъпени в Програмата за кандидат-студентските изпити: Средновековие, XV–XIX в., Следосвобожденско минало (до Балканските войни и Първата световна война или до Втората световна война, в зависимост от промените в Програмата за кандидат-студентския изпит).

За всеки кръг се определят по 3–4 теми от съответната Комисия от специалисти по периода, назначавана със заповед на декана. Състезателите участват само по желание и трябва да спазят няколко условия: да изберат една от темите и да се съобразят точно с формулировката ѝ, да я разработят в ръкопис, да я изпратят само на адреса на предаването и само в определения срок (зачита се пощенското клеймо). В противен случай, при нарушаване дори само на едно от условията, работата се анулира – по-добре разочарованията да са при нас, в Олимпиадата, отколкото на кандидат-студентския изпит. Заради социално-икономическата действителност в България допуснахме само един компромис – с желанието ни да помагаме на децата да се учат да избират. Когато някой участник ни изпраща разработки на две или на всички обявени теми от един и същи кръг, Комисията ги проверява, а участието в състезанието е с най-високо оценената от тях.

След изтичането на срока за изпращане на разработките на адреса на предаването в БНР, Комисията проверява писмените работи по правилата за проверка в кандидат-студентския конкурс: двама проверители, независимо един от друг, и арбитър, в случай, че оценките на първите двама се разминават с повече от 0,50. Авторите на първите около 7 работи – броят зависи от бала във всеки кръг и се мени от 5–6 до 11–12 – получават покана за участие в Устния етап. Този етап е събеседване с Комисията – така проверяваме и авторството, а, както споделят състезателите, при това общуване те научават много за историята, за себе си, за подготовката си за изпита и виждат, че в Университета работят не „страшилища“, които само гледат как да ги „скъсат“ на кандидат-студентския изпит, а нормални, добронамерени хора, които искат да разберат всеки от тях.

Състезателите, които не могат да се класират за Устния етап, могат да научат оценката си и обосновката ѝ на редакционния телефон на предаването.

Няма точна граница и в оценките за допускане до Устен етап, оттам и до Заключителния кръг. Всичко зависи от показания успех в съответния кръг и в конкретната олимпиада. Доста честа е практиката в Първия кръг виза да получат състезатели с общ успех дори много добър 5,00, а състезатели с оценки 5,88 във Втория кръг да не могат да участват в Устния етап поради многото пълни шестци.

Олимпийците с най-високи резултати от Писмения и от Устния етап – трима или повече, в зависимост от бала – получават виза за участие в Заключителния кръг. Ако играят в Първия кръг, не са задължени да участват и в следващите Втори и Трети. Макар че, онези от тях, които разберат най-добре смисъла от участието си във всеки кръг, предпочитат да играят и в останалите. Така понякога имаме единични случаи на един и същ победител в поне два кръга. Ако са пропуснали да участват в Първия кръг, състезателите могат да играят направо в следващия, дори направо в Третия – важно е да спазят останалите условия.

В Заключителния кръг нещата се променят. В по-разширен състав е на първо място Комисията, защото включва специалисти от всички периоди. Втора особеност е, че задачата в този кръг е в рамките на два часа да се направи писмен анализ на писмен исторически извор. Спазват се още няколко правила от кандидат-студентския изпит: състезанието е анонимно, от няколко теми се тегли само една, а останалите се отварят, за да се види, че са предложени различни теми. Единствената разлика с кандидат-студентския изпит е, че състезателите могат да си изберат периода, в който да се състезават, независимо от кръга, чрез който са се класирали.

Нужно е да се добави един от многото парадокси в средното образование по история: Държавните образователни изисквания по история включват изграждане на умения за анализ на исторически извор, но заложеният хорариум

за часовете по история в Закона за степента на образование, задължителния общообразователен минимум и учебния план (1999; с последвали изменения и допълнения) в съчетание с учебниците и предвидените и непредвидени празници не оставят време за изпълнение на изискването. Което не пречи във всички проекти за матури уменията, да се анализира исторически извор, да е задължителен елемент и да заема значителна част от задачите при матурирания изпит. Не може и да не бъде, след като това е азбуката на историческата наука. Пък и като умение за анализ е изобщо важно в човешкия живот.

Както и да е, олимпийците ни се справят – с цената на самообучението си и с подкрепата на учителите си извън часовете по история и без заплащане. С подкрепата и на предаванията от Олимпиадата, както стана дума по-горе.

За победител в Олимпиадата се смята участникът, който е събрал най-висок среден успех от Предварителния и Заключителния кръг. Успехът от Предварителния кръг е средноаритметичен на показания в Писмения и Устния етап.

След всичко това, при условие, че е зрелостник и успехът му в Олимпиадата не е по-нисък от отличен 5,50, победителят има право да запише специалност „История“ в Софийския университет, без да полага повече изпити.

Така погледнат, статутът абсолютно изключва възможността да „се вкара свой човек“, но пък и прав беше навремето акад. Илчо Димитров, къде на шега, къде наистина, да каже на Ц. Мишева и на мен да спрем да приказваме, че победителят влиза без кандидат-студентски изпит, защото това, дете сме го измислили, и студент във втори курс трудно би го издържал.

Слабата страна на статута определено е настояването на Факултетния съвет, отбелязано в Правилника за приемане на студенти в Софийския университет през всички тези години, победителят да отговаря и на трите условия – зрелостник, победител, успех от състезанието минимум 5,50 – които му позволяват да запише само специалност „История“. Обстоятелство, което ражда доста възражения, но с коментара на което в тези страници ще спра дотук.

Все пак, спирането с коментара не означава непременно да не се посочат резултатите. В Първата олимпиада по искане на Комисията изпитът беше признат за положен от 4 души, участници в Заключителния кръг. Сред останалите, с днешна дата, има поне един доктор по история и един главен асистент по право, преподавател в Софийския университет. Втората олимпиада излъчи двама победители с равен бал, но единият не беше в завършващ клас и не можа да се ползва от по-нататъшната част на статута. Първият записа „История“ – специалността, която искаше, и на която Статутът му даваше право. Победителят в Третата олимпиада не достигна бал 5,50 – не му стигнаха 6 стотни. Четвъртата олимпиада излъчи трима участници с бал над 5,50. Заелият първо място имаше желание да следва Международни отношения, яви се на изпит по история и на изпит по западен език и сега е студент в избраната специалност. Вторият е също студент в Софийския университет, но в специалност „Културология“. Класиралата се на трето място е студентка по „История“, специалността, която искаше да следва, но влезе не чрез Олимпиадата, а чрез обичайния кандидат-студентски изпит. В Петата олимпиада победителката, освен че не достигна успех 5,50, не беше в завършващ гимназиален клас. Най-сетне, в Шестата олимпиада, приключила тази година, победителката покори всички изисквания, а и за радост на всички нас – искаше да следва специалност „История“. Вече е наша студентка. Заелият второ място е също с отличен успех, зрелостник, но няма право да се възползва от статута и сега е студент в специалност „Славянска филология“.

Победителите ни са от различни места – Дупница (Кюстендилска област), Златоград (Смолянска област), Пазарджик, Плевен, Пловдив, Попово (Търговищка област), София; от езикови гимназии (за древни езици и култури, руски, испански, английски, френски), математически, природоматематически и обикновени гимназии и средни общообразователни училища. Географията на участниците в Заключителния кръг на всяка олимпиада всъщност е доста по-широка. Идват от села като Глумче (Бургаска област) и Търнава (Врачанска област); от малки градове като Бяла слатина (Врачанска област), Тервел (Добричка област), Карнобат (Бургаска област); от областни центрове като Враца, Монтана, Русе, Шумен...

Би било твърде непочтено разказът за състезанието да приключи само с разказ за финала. Не по-малко интересно е какво става преди него, кой и как участва и – като се влагат толкова усилия от всякакво естество – какъв е резултатът. Разговорът би бил твърде дълъг, затова ще се ограничи със съобщаване на отделни факти и наблюдения.

Броят на участниците във всеки кръг и във всяка Олимпиада е повече от различен; различно е и съотношението брой участници/брой теми поради споменатите по-горе причини. Двама крайни случая на брой участници са 8 души (Пета олимпиада, Трети кръг) и 308 души (Четвърта олимпиада, Втори кръг). Различни фактори влияят върху броя, но най-важен е начинът на разгласяване. Най-големият брой участници беше постигнат, когато писмата-покани бяха разпратени чрез Министерството на образованието и науката и Регионалните инспекторати на образованието. Но тогава много от тези 308 души участваха по задължение, формално, или иначе казано – беше нарушен един от водещите принципи на Радиоолимпиадата и отново изпъкнаха някои от дефектите на националните училищни олимпиади по другите предмети. Важно е да се подчертае, че обикновено състезатели, които започват да играят в 9-и или най-късно в 10-и клас, продължават играта и през следващите години. Така се случи и с част от участниците в споменатия Четвърти кръг на Петата олимпиада и в следващите години те се наредиха сред призьорите ни.

Погледнато по области, в различните години участниците представят между 17 и всичките 28 области в страната. Предимство като брой имат градовете, особено когато не са областни центрове. Но има и състезатели от селата, включително от малки селца, които рядко се появяват на географските карти и още по-рядко в медиите, освен ако не са жертва на природни и социални бедствия или не са родили някое поредна „сензация“. Най-активни са средните общообразователни училища (СОУ), които са и най-многобройни в страната. Прави впечатлени, че особено успешно участие отбелязват учениците от езиковите, математическите и природоматематическите гимназии, т.е. от училища със специален прием, в които работят силни колективи, в които има качествени учители по история, и в случаите, когато семействата не са си „изпуснали“ децата в суматохата на прехода – оценката за „изпускането“ е на самите деца. От училищата традиционно активни и силни състезатели изпращат СОУ „Св. св. Кирил и Методий“ (Карнобат, Бургаска област), Гимназия „Христо Ботев“ (Дупница, Кюстендилска област), Гимназия „Христо Ботев“ (Попово, Търговищка област), Образцова математическа гимназия „Акад. Кирил Попов“ (Пловдив), Природоматематическа гимназия „Св. Климент Охридски“ (Монтана) и др. Споменатите, а и други училища в повечето случаи се радват на подкрепата на директорите, Регионалните инспекторати по образование, общините и специално на някои от кметовете, които гледат на успеха на децата като на гордост за селището си. Има кметове, които, освен че намират средства да командироваат децата и учителите до София, са из-

бвали и още да им връчват специални награди в Деня на общоградския празник, пред многолюдната общественост и в присъствието на Президента на Република България или на министър-председателя. Зад изявените ни олимпийци застават в някои случаи и местните медии – вестници и електронни.

По възраст активността на участниците ни варира през годините – понякога най-активни са зрелостниците, друг път единадесетокласниците, т.е. учениците в предпоследния клас на средното училище. Но винаги по-активни са момичетата, макар представянето им в Устните етапи и в Заключителния кръг да е с променлив успех. Въпреки това, в последните две олимпиади побеждаваха точно момичетата.

Преинтересни наблюдения могат да се направят върху показваните резултати в писмените етапи на предварителните кръгове. Те свидетелстват както за предпочитанията към периодите, така и за степента на усвоеност на проблематиката. От години най-многобройни и с най-висок успех са изявите във Втория кръг, посветен на българското минало през XV–XIX в., включително Българското възрождане. Причините едва ли могат да се търсят само в ритъма на училищната учебна година, с който Олимпиадата, естествено, се съобразява. Едва тази година отбеляза много ярко участие – не толкова като количество, колкото като качество – в Третия кръг, посветен на Следосвобожденското българско минало. За разлика от картината преди 20-тина години, и дори преди 12–13, Средновековието създава определени затруднения. Но пълният анализ на тези факти е все още предстоящ.

6. Сътрудничествата, на които разчита екипът, са многобройни и друго не би могло да се очаква при тази мащабна дейност и при множеството проблеми, които съпътстват всяка една от проведените дотук 6 олимпиади. Някои от тях вече бяха споменати, но има още, които заслужават специално внимание и признателност.

От Първата олимпиада и досега най-плътното ни сътрудничество е с частния вестник „Гимназист“, със собственик и издател Стефка Сукманджиева. Семейството на вестника включва още вестниче за най-малките – „Рикчо“, в-к „Кандидат-гимназист“ за учениците от 5 до 7–8 клас и сп. „Еволюцията“, ориентирано към по-възрастната публика. В „Гимназист“ излизат всички съобщения на радиоолимпиадата; там беше изработена и бланката със символите на Олимпиадата⁴.

От Четвъртата олимпиада подобно сътрудничество ни свързва с изданието на Министерството на образованието и науката вестник „Аз Буки“ – вестник, който е ориентиран към учителите и училищните и образователни власти, и който също се разпространява из цялата страна.

През годините интерес към Олимпиадата проявяваха различни централни и местни издания. По време на Третата олимпиада частният централен вестник „Капитал“ отдели почти цяла страница в приложението си „Кариера“, а броени редове публикува също централният частен вестник „24 часа“. В Четвъртата олимпиада ръка ни подаде централният частен вестник „Нощен труд“, в Петата – местните „Ловеч прес“ (Ловеч) и „Вяра“ (Дупница – с цяла страница). Изявите на олимпийците от Дупница, Луковит, Пловдив и наградите за учителите им, създаването на Клуб на историка в Пловдив насърчиха местните вестници да отделят пространство за Радиоолимпиадата по история на България и в Шестата олимпиада (5 ноември 2005 – 4 юни 2006). Сред тях са вестниците „Вяра“, „Марица“, „Пловдивски труд“, „Луковитски новини“; почти цяла страница отдели централният частен вестник „Дума“ във Форумата си по проблемите на училищното образование по български език и литература и по ис-

тория. Част от изданията имат и електронни варианти, така че информацията в тях стига до необозримо широк кръг читатели. В Шестата олимпиада резултатите от Заключителния кръг по традиция влязоха в Централния бюлетин, излъчван и по двете програми на БНР в най-слушаното време. И – за първи път – в Интернет страницата на Националното радио (www.bnr.bg).

Въпрос на добра воля е подкрепата на Министерството на образованието и науката, в лицето на експертите по история Румяна Стоева (в Първата олимпиада) и Христина Маркова (от възстановяването на Олимпиадата насам). Подкрепата е както в организационно отношение – връзки с регионалните експерти по история (някои от тях са особено отзивчиви) – така и чрез осигуряване на награди за състезателите ни.

Това, което се случва в Радиоолимпиадата, редовно е отчитано от автора и водещ на институционално ниво в Историческия факултет и в Програма „Христо Ботев“. Поотделно почти всяка олимпиада е представяна на различни научни срещи, организирани от Факултета – като ежегодните семинари за историческото съзнание, или пък на национални научни конференции, проведени по идея на други институции (като Историческия музей в Сливен, например, в сътрудничество с Нов български университет), както и на международни форуми: в споменатите проекти по линия на Съвета на Европа и на Европейския съюз, в които авторът и водещ участва, на Четвъртите дриновски четения в Харковския национален университет „В. Н. Каразин“ (2006), при работни съвещания и консултации с колеги историци и журналисти от страната и чужбина и др.

Изключително важно е сътрудничеството на екипа в лицето на редактора и на автора и водещ с дарителите. Финансовите проблеми все още се вихрят с пълна сила, но през годините успяхме да осигурим макар и минимални финансови средства за провеждането на състезанието. Благодарение на приятели издатели осигурихме и многобройните награди – преди всичко книги – за участниците в „Историко-олимпийска радиоигра“, за състезателите в устните етапи на предварителните кръгове и в Заключителния кръг и за учителите им. Двете институции съорганизатори не отказват подкрепа, когато имат възможност. До нас е и една от най-младите университетски структури – Музеят на Софийския университет, открит през 1998 г. Списъкът е твърде дълъг, а и някои от дарителите настояват за анонимност, така че не съм убедена, че е редно да бъдат съобщавани тъкмо в тези страници.

Истината е, че почти във всички споменати случаи (и в останалите неспоменати) тези сътрудничества са по-скоро резултат на познанства и приятелства, отколкото на институционална обезпеченост. Но защо пък трябва винаги да се разчита само и единствено на институциите?!

7. Документацията на Радиоолимпиадата е повече от богата. В личните архиви на автора и водещ и на редактора се пазят всички сценарии на всички предавания от шестте олимпиади. Изцяло запазени във фонда на БНР са записи на постоянни ленти от Първата и Втората олимпиада и на много от предаванията в следващите. Копия има и в личния ми архив, благодарение на подкрепата на отговорните редактори и на ръководството на Програмата.

От Първата олимпиада и досега участниците в устните етапи и в Заключителния кръг, придружаващите ги, членовете на комисиите и журналисти от БНР и приятелските ни вестници записват мненията си в Дневника на Радиоолимпиадата, който през последната година оформи третия си том. Тъкмо в Дневника преди години за първи път се появи в писмен вид оценката на Комисията, на учителите и на състезателите, че Радиоолимпиадата се е превърнала в наистина национална. Състезателите попълват и анкети, а всички писме-

ни работи във всички олимпиади и съпътстващата всяка олимпиада документация са изцяло запазени. Част от нея са писмата на слушатели, състезатели, колеги и приятели. От последните олимпиади насам се оформя и сбирка от снимки – професионални и любителски. Така е натрупан един изключително богат архив, за който най-малкото, което може да се каже, е, че е силно доказателство за порочността на твърденията, че всичко в българското средно образование е вървяло в годините на прехода от зле към по-зле. И че сме били живеели в бездуховност. Пълният анализ на документацията, разбира се, не влиза в намеренията на този текст.

8. Резултатите са многопосочни и е разбираемо, че тук ще споделя съвсем малка част от тях, измеряема най-вече с числа. Олимпиадата не търси масовост – търси възможности да подаде ръка на децата, които имат специален интерес към историята: като наука, като училищен предмет, като бъдещо житейско поприще или като начин за постъпване в мечтаната специалност във висшето образование. За слушателите на Програма „Христо Ботев“ тя очевидно е интересна, щом периодично в различни години социологическите проучвания по поръчка на Програмата регистрират този подчертан интерес и щом – не по-малко важно – постоянните слушатели ни търсят да видят какво става с Олимпиадата, в случай, че сме нарушили обичайния срок за началото на следващото ѝ издание или за да ни поздравят с някой празник. Хора в различна възраст и с различни професии, сред тях и студенти (особено след изчерпани служебни взаимоотношения), обичат да ни насърчат със съвети и оценки. Както започна да ми се случва, сред студентите вече се появяват и някогашни олимпийци, недостигнали до Устен етап – затова и непознати за мен, но записали жадуваната специалност „История“ и желаещи да споделят спомена за някогашното си олимпийско минало. Не липсват и заклинания от разни посоки да не смеем да изчезнем от ефира, каквото и да ни струва това. Всяко лято телефоните ни почервяват от обаждания на някогашни олимпийци, за да разберат какво е бъдещето на Олимпиадата и да ни зарадват с житейските си реализации, а кандидат-студентите ни – и с успехите си. Така е и в навечерието на всеки Предварителен кръг, защото олимпийците си знаят: ритъмът на Олимпиадата е почти постоянен! Когато могат, някогашните идват да си видят приятелите – все още ученици, да насърчат новодошлите, да си спомнят своята Олимпиада.

Без да посочвам по години какво се случва със зрелостниците, участници в Заключителния кръг на всяка Олимпиада, намирам за достатъчно да споделя, че всички състезатели в този кръг в последните две олимпиади днес са студенти. При това, в престижни висши училища – на първо място в Софийския университет, следват Великотърновският, Югозападният „Неофит Рилски“ в Благоевград, Пловдивският „Паисий Хилендарски“, Университетът за национално и световно стопанство, Стопанската академия „Димитър Ценов“ в Свищов, Икономическият университет във Варна, Нов български университет в София, Бургаският свободен университет и други. Но веднага трябва да се отбележи, че предпочитанията са на първо място към специалност „Право“, следвана от икономическите специалности и малцина записват „История“, дори ако са били приети. Факт, който е тема за друг разговор и който ни отвежда в дълбините на анализа за съвременния български преход.

9. Вместо заключение ми се иска да отбележа два основни проблема: неяснотата след завършване на една олимпиада, дали ще има следваща, и многото неудобства, свързани с тази неяснота. И – финансовата необезпеченост. Те се добавят към маркираните дотук, а сложността за съгласуване на технологическите процеси на Софийския университет, Българското национално радио и средното

образование в България са само штрих към пейзажа, в който присъстват и разнопосочните разговори „за“ и „против“ тази необичайна форма на общуване между науката, различните степени на образование и професионално неподготвения слушател.

Няма да пропусна и една особеност на Олимпиадата, белязала първата ѝ поява, жива и здрава и днес. Всяка от олимпиадите е посветена на една от многобройните стойностни личности в националното минало на България. То е скромнен опит да имаме не толкова „небесен покровител“, колкото да напомним, че историята е наука, която изследва цялото минало такова, каквото реално се е състояло, а самото минало не е нищо повече, освен цялостният живот с всичките му човешки дейности и изяви, но състоял се в миналото. Център на разказа признавано или не – винаги е бил Човекът. Личността е тази, която в обществена среда (каквото и да значи в случая „общество“) е основният двигател. В българския случай – и не само в него – особено популярните личности, сътворили своето време, което за нас е минало, най-често са хора с общочовешки, не само национални, балкански, югоизточно европейски, или пък европейски измерения. Те са граждани на планетата, не единствено в своето време. Често са имена, с които българският гражданин израства от дете и които са успели да му помръзнат, но запита ли се в един прекрасен ден какво знае за тях, отговорът натрапчиво често е само името, евентуално времето, в което са живели, евентуално нещо от многото неща, които са правили. Странната празнота ни се е искало винаги да попълним с неща по-неизвестни (редом с известните), по-интересни и да разкажем за тях първо като за хора, след това като за личности с професионалната им реализация и общочовешките им измерения.

В прежни години наши небесни покровители бяха личности като Паисий Хилендарски, Любен Каравелов, Йордан Йовков.

Шестата радиоолимпиада по история на България беше посветена на Марин Дринов. С което сигурно казвам всичко, понеже тъкмо в Дриновския сборник няма особен смисъл да се коментира кой е този човек и какви са заслугите му към общочовешкото добруване. И все пак – чрез въпросите от „Историко-олимпийска радиоигра“ можа да се види колко много знаят слушателите ни за Дринов и колко много още искат да узнаят, натрупвайки умения да събират и осмислят нова информация. Много бяха щастливи състезателите в Заключителния кръг към другите награди и документи да получат копие (осигурено от доц. С. Страшнюк) на чертеж на част от звездното небе с точното посочване на мястото на новоименуваната звезда Марин Дринов. С много вълнение победителката в Шестата олимпиада разказа по време на предаването за този дар.

В живота винаги има място за неочаквани и неподозирани неща. Случват ни се във всяка олимпиада. Като например, не бяхме и помислили, че освен между децата, между учителите им, приятелства ще възникнат и между придружаващите ги родители и роднини – откъдето и да са дошли в София с децата си. Шестата олимпиада ще остане знаменита с още една невероятност, спомената по-горе: деца от математическа гимназия да измислят да създадат Клуб на историка и да съумеят да осъществят замисъла си. Да не забравя – нашите успешни олимпийци работят много активно за личностното си изграждане и за изработването на гражданската си позиция. Само част от извънолимпийските им изяви са спечелените награди в местни и национални литературни конкурси, сътрудничество с вестници, участие в младежки парламенти, създаване на движения като „Не на насиетието, да на любовта!“; имаме и номинирани за национални дипломи за завършване на средно образование. Най-важното е, че се радваме на приятелството им и дълго след приключването на тяхната олимпиада.

Като автор и водещ на Радиоолимпиадата не мога да не споделя и невероятната професионална подкрепа на колегите от Националното радио. В случая не става дума за наградата ми „Златен будилник“ (2003), а за търпеливата им и деликатна работа по навлизането ми в сложния им занаят. И за усета им за границите: дотук сме ние, историята е твоя; дотук си ти, нататък е наша територия.

Има ли Олимпиадата бъдеще? Ако няма, толкова по-зле за онези от днешните възрастни, които не са склонни да ѝ признаят право на живот в името на науката, на образованието, на децата на България. Все пак, нека завърша така, както от Първата олимпиада и досега завършвам всяко предаване и всяко олимпийско писмо:

Бъдете благословени!

¹ Дроснева Е. Неизлъчените мои интервюта с професор Тодор Иванов Живков. // МИФ 10 (2005). Съкровището. Научна конференция. Сливен, 2003 г. – София, 2005. – С. 12–21.

² Диана Маринова е магистър по история, журналист и редактор в Програма „Христо Ботев“ на БНР. Свързва ни състудентство, добро приятелство и сътрудничество. Част от общата ни работа, която един ден си наумихме да вършим, е да правим интервюта – всяка поотделно, или заедно; Диана да ги дешифрира, а аз да ги оформям за печат. Сред тях са: Интервю за цикъла „Еднодружни братя“, на Програма „Христо Ботев“, Българско национално радио. // В търсене на истината. Юбилейно издание по случай 70-годишнината от рождението на професор Николай Генчев. – София, 2002. – С. 302–308; Петдесет и три години с магнетичната сила на Крумка (Разговор с проф. Мария Велева). // История. – 2004 – Кн. 4–5. – С. 4–18; Три интервюта с Крумка Шарова. // Исторически преглед, 2004. – Кн. 5–6. – С. 51–71; Професор Степан Иванович Сиделников в моите спомени (Интервю с проф. д-р Мария Велева, Софийски университет „Св. Климент Охридски“, София, България). // – под печат в Дриновски сборник. – Т. 2. – Харков. Виж и бележка 1.

³ А. Екер е ръководител на трите проекта към Съвета на Европа и по Програма „Сократ“ на Европейския съюз „Подготовка на учители по история в страни членки на Съвета на Европа“. Резултатите от първите два са вече публикувани. Срвн.: Initial training for history teachers: structures and standards in 13 member states of the Council of Europe. Strasbourg, Council of Europe, 2003; The structures and standards of initial training for history teachers in South-east Europe. Strasbourg, Council of Europe, 2003. Окончателният доклад по Третия проект в момента е представен в Комисията в Брюксел и обнародването му предстои. В Третия проект, обединил усилията на около 30 страни, работихме и над създаването на Интернет страница, която тепърва ще става достъпна.

⁴ В оригиналния вид, с който си служим, Бланката е във формат различен от показвания тук:

„Орфей“

СОФИЙСКИ УНИВЕРСИТЕТ „СВ. КЛИМЕНТ ОХРИДСКИ“
ИСТОРИЧЕСКИ ФАКУЛТЕТ
БЪЛГАРСКО НАЦИОНАЛНО РАДИО
ПРОГРАМА „ХРИСТО БОТЕВ“

ОЛИМПИАДА ПО ИСТОРИЯ НА БЪЛГАРИЯ

УЧРЕДЕНА 1993 Г.

АВТОР И ВОДЕЩ ДОЦ. Д-Р ЕЛКА ДРОСНЕВА
РЕДАКТОРИ ЦАНКА МИШЕВА, ДИАНА МАРИНОВА
МУЗИКАЛЕН РЕДАКТОР ЗОРКА МИРЧЕВА

БЪДЕТЕ БЛАГОСЛОВЕНИ!

„Орфей“ – емблемата на Олимпиадата – е дело на художника Рангел Стоилов.
Фотограф Стефка Сукманджиева. Бланката е изработена в редакцията
на в. „Гимназист“.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИ АСПЕКТИ ВЪВ ВЪЗГЛЕДИТЕ НА МАРИН ДРИНОВ

А. Дерменджиев

Въпросът за очертаване приносите на родолюбеца Марин Дринов към младата българска държава предполага многоаспектни отговори. Те са свързани както с прякото му участие в подготовката и вземането на конкретни решения при очертаване обхвата на новото държавно образувание и при фиксиране на политическия му център, така и с отзвук (последствията) – политически, стопански и социален, който е пряк резултат от взетите решения.

Историята, регистратор на събития, отношения и политически процедури, е емпириката на социално-географския анализ. Именно в географската картина е закодиран резултатът от историческите „случвания“. Това ни дава основание да представим на читателя геополитическите (и политикогеографските) последствия от исторически проявили се процеси непосредствено след Освобождението.

В годините на най-пряко отношение към ареалното изражение на българските възжеления Марин Дринов, като съветник по балканските въпроси на Русия, чертае проекти за граници на новата българска държава. Моментът е изключително важен. Санстефанската проекция на българските надежди е орисана да бъде „политически редуцирана“ с оглед интересите на Великите сили. Индикация за предстоящата редукция е срещата на руския посланик в Лондон Шувалов с немския канцлер Бисмарк. Предразполагайки го към Русия, посланикът споделя новия проект за споразумение с Великобритания. В основни линии то се свежда до следното: политическата граница на България ще се отдалечи от Егейско море; България ще бъде разделена на две области: северната ще бъде политически автономно княжество, а южната ще има широка административна автономия, начело с генерал-губернатор християнин; в нито една от двете области няма да има земи, в които да не преобладава българското население; Русия не възразява Австро-Унгария да окупира Босна и Херцеговина. Бисмарк приема изцяло проекта. Тези положения се одобряват и с подписаното на 15 юни 1887 г. в Лондон споразумение между Шувалов и Солсбъри¹.

Дипломатията предполага паралелни политически прояви за формулиране на териториални претенции. В случая те са свързани с проекта за очертаване на границите на новата българска държава, лансирани от княз Черкасски, началник на гражданското управление на освободените от османското владичество български земи и аргументирано подкрепени от съветниците по балканските въпроси, начело с Марин Дринов. В проекта на Черкасски са очертани онези земи, в които освободена България трябва да се разпростре и които да осигурят оптимално развитие на младата държава. Те включват територии от Битоля до Тулча и от Ниш до Дедеагач. От геостратегическа гледна точ-

ка излизат на Егейско море би превърнал България в своеобразен хинтерланд с хомогенен етнически състав. Това мултиплицира политическите преимущества на държавата и я превръща в зона с голям потенциал на балканско въздействие. Макар че е бил подкрепен (логистично) от руския император Александър II, историческите обстоятелства налагат териториалното редуциране на проекта, свързано с „отказ“ от Добруджа в полза на Румъния и отземите около Ниш, Куршумлия и Лесковац в полза на Сърбия.

Докладът на княз Черкасски, зад който прозират националните възжелания на българските експерти, най-ярко представени от Марин Дринов, е публикуван изцяло в книгата на генерал Овасяный „Руското управление в България 1878–1879“, 1906, т. I. Тя е красноречиво доказателство за геополитическите възгледи на Марин Дринов – един от идеолозите на териториалния проект. А той е пряко картографско изражение на политико-административните мечти на българските родолюбци преди Руско-турската освободителна война. В него територията на България се приближава до проекта за границите на българските земи, които са залегнали в политическата програма на БРЦК – Гюргево, 1876 г.

Анализът на политическите граници е възможен от различни аспекти. От географска гледна точка най-широко границата се използва като подход в пространствологията, чрез нея се налага да се осмисля дискретността и континуалността. При нормални политически условия и относително стабилен стопански живот държавните граници налагат появата и на вътрешни административно-териториални граници.

Тези общи постановки изглежда са били известни на Марин Дринов. И ако участието му в проекта на княз Черкасски след Освободителната война завършва с неуспех, то далеч по-успешно е участието му при ситуирането на новата българска столица и очертаването на териториално-административната рамка на държавата. По негова инициатива (изтъквайки политико-географски, геополитически, етнически, икономически и геостратегически аргументи) Великото народно събрание от 1879 г. взема решение за преместване столицата на младата българска държава в София. Този акт, издържан в духа на теорията за геостратегическите диагонали на континенталния хартланд, оказва поразително въздействие върху обществените процеси у нас. Освен че влияе върху локализирането на геополитическия център на Балканите и България, той води след себе си до преформатирането на стопанските взаимоотношения, до концентрирането и географското видоизменение на икономическия, социалния и демографския потенциал, до геометричната поява и реализацията на националната ни инфраструктура.

Любопитен елемент във връзка с избора на София за столица е една инициатива на В. Н. Каразин от 30-те години на XVIII в. градът да бъде институционализиран като бъдеща българска столица.

В предложението на Марин Дринов няма нищо изненадващо, тъй като то е логически продукт на тезата му за очертаване границите на България в нейните етнически рамки. Тяхното хипертрофиране преимуществено в западна посока обаче редуцира влиянието на София върху балканския ареал. Появата на паралелни присъседски инфраструктури, резултат от бариерната функция на новообразуваните политически граници, е най-якото доказателство за това.

Географията като обществена картина на пространството легитимира историческите и политическите процеси. Появилният се нов държавен център предполага наличие на оформящо се около него наситено демографско

и стопанско ядро. А географската периферия би могла да изпълнява две функции – на постоянно стремяща се да поддържа все по-активни отношения с центъра (ядрото), с което все повече се приближава към него и обезсилва (пространствено и съдържателно) географския хинтерланд (функция от васално-поддържащ тип), или на периферия-форпост – с което, без да прекъсва най-съществените отношения с центъра (ядрото), възпроизвежда нови и нови функции до ситуация, в която обръща посоката и интензитета на политическите и другите взаимоотношения по оста център-периферия, размива периферните граници и ако не изझे функции на ядрото, то получава такъв потенциал, с който е в състояние да хомогенизира географското пространство и да ерозира центростремителните връзки (функция от автономен тип)².

В контекста на идеята на Марин Дринов и произтеклите от нейната реализация процеси към първия тип бихме могли да отнесем огромни ареали от Северозападна, Югозападна и Северна централна България, а към втория – останалите територии в политическите граници на държавата (Княжество България и Източна Румелия).

Геополитическото утвърждаване на София е свързано и с местоустановяването ѝ по географското направление „северозапад-югоизток“, създадо и организирано живота на нашия античен свят. Въобще в хорологичен (времеви) аспект социалните контакти на Стария континент са географски предиспонирани. Паралелното простиране на геоморфоложките макроформи и географският строеж на Балканите и съседните им земи превръща Италия, Илирия, Тракия, Елада, Мала Азия, Сирия и Египет в една културна и стопанска общност³.

Постепенно София, въввлечена във водовъртежа на социалните, стопанските и културните взаимоотношения, и натоварена с политически функции, се превръща в потребител и разпределител, създаващ сложна и йерархично построена териториално-селищна мрежа. С утвърждаването на младата българска държава тя става все по-адекватна на социално-икономическите дадености, стремежи се да съблюдава четири основни принципа на териториално заселяване – на перспективност, динамичност, йерархичност и съпоставимост на стопанските с административните граници.

Търновската конституция от 1879 г. установява първата административно-териториална структура на Княжество България, разделяща го на окръжия, околии и общини. Трестепенното деление отразява възгледите на Марин Дринов за стопанска и политическа съподчиненост, чрез регламентирани управленски функции на столичния град.

В новосформираното политическо пространство центърът (София) придобива регулативни функции. Между него и типологично сходните му пунктове (21 окръжни селища в Княжеството) протичат връзки и взаимоотношения, имащи своето геометрично изражение⁴.

Връзката от радиален тип притежава императивни свойства, тя легитимира силата на въздействието на центъра. Връзката от диагонален тип провокира политико-административния волунтаризъм. Макар и по-рядко проявяващ се в годините след Освобождението, вторият тип връзки стимулира появата на процеси, подвластни на конюнктурни обстоятелства. В този случай дерегулацията и големите автономни права водят до консумация на автономията по много произволен начин, превръщат се в условия за проява на многоаспектен сепаратизъм и са предпоставка за задълбочаване на проблемите в управлението на българската държава.

Вероятно и това впоследствие е причина за появата на различна, от гледна точка на руските интереси, политика и на политици от ранга на Стефан Стамболов, които тръгват по пътя на утвърждаване на държавните устои, предначертан от родолюбци като Марин Дринов – фигурата с противоположни политически възгледи.

Но нали в това се крие тръпката от поуките на историята?

¹ Христов Т. Политическа география на България. – София, 2001. – 386 с.

² Дерменджиев А. Географски анализи. – В. Търново, 2004. – С. 120.

³ Генчев Хр. Софийски епос. // Геополитика, геостратегия. – София, 2005. – № 6. – С. 5–11.

⁴ Дойков В., Дерменджиев А. Река Дунав и териториално-административното устройство на България. // Научни трудове на РУ „Ангел Кънчев“. – Т. 39. – Сер. 9. – 2002. – С. 10–16.

ПРОФЕССОР С. И. СИДЕЛЬНИКОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ПЕДАГОГ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Е. П. Пугач

С. И. Сидельников – человек сложной судьбы, огромного трудолюбия, силы воли, принципиальности, великолепный организатор. Благодаря этим качествам он стал выдающимся педагогом и ученым.

Судьба Степана Ивановича – это судьба простого советского человека, прошедшего жизненный путь от крестьянина до университетского профессора, добившегося всего благодаря трудолюбию и природному таланту.

Он родился 27 марта 1916 г. в селе Мордово, Рязанской губернии, в семье крестьянина. Отец умер, когда ему было 5 лет; в 13 лет он начал свой трудовой путь. С 1932 по 1934 г. Степан Сидельников учился на Рабочем факультете при Всесоюзном учебном комбинате промкооперации в г. Ленинграде, а затем с 1934 по 1939 г. на Историческом факультете Ленинградского университета. Будучи еще студентом выпускного курса, он начал работать преподавателем истории на рабфаке при Ленинградском пединституте.

После окончания с отличием университета С. И. Сидельников с 1939 по 1942 г. работал старшим преподавателем и исполнял обязанности заведующего кафедрой новой истории Сталинградского педагогического института.

В июне 1942 г. он был призван на службу в рядах Красной Армии. В 1943–1944 гг. гвардии лейтенант С. И. Сидельников командовал на фронте стрелковым взводом, был награжден орденом Отечественной войны второй степени и медалями. 17 сентября 1944 года был тяжело ранен, находился на излечении в госпиталях Львова и Харькова, где ему ампутировали треть правой голени и половину левой стопы.

25 мая 1945 г., выписавшись из госпиталя, С. И. Сидельников поступил на работу в Харьковский педагогический институт им. Г. С. Сковороды. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, он читал лекции студентам Историко-филологического факультета, подготовил и в мае 1947 года защитил на ученом совете Харьковского университета кандидатскую диссертацию на тему «Воссоединение княжества Болгарии и Восточной Румелии. 1878–886 гг.». До 1956 г. он работал доцентом, заведующим кафедрой всеобщей истории, в 1951–1952 гг. – деканом Историко-филологического факультета Харьковского пединститута и одновременно, по совместительству, читал лекции студентам Исторического факультета Университета.

С 1 сентября 1956 г. в связи с объединением исторического отделения Пединститута и истфака Университета доцент С. И. Сидельников перешел на постоянную работу на кафедру новой и новейшей истории. Именно в Харьковском университете в полной мере проявилось его педагогическое мастерство, научный и организаторский талант.

В мае 1963 года С. И. Сидельников защитил в Ученом совете отделения общественных наук АН УССР докторскую диссертацию на тему «Создание и

деятельность первого Болгарского революционного Центрального Комитета (1868–1873 гг.)». В октябре 1963 г. профессор С. И. Сидельников был избран деканом Исторического факультета, проработав на этом посту 13 лет. С июня 1964 г. и до конца своих дней Степан Иванович возглавлял Кафедру новой и новейшей истории Харьковского университета.

Все эти годы он был ведущим лектором не только на кафедре, но и на факультете. Его лекции отличались четкой структурой, фактологической насыщенностью, изложением авторской точки зрения на дискуссионные вопросы, оригинальной формулировкой выводов. В университете он читал лекции по истории южных и западных славян и по новейшей истории стран Европы и Америки, а также спецкурсы о деятельности Л. Каравелова, о движении Сопротивления в Европе, об истории культуры Западной Европы в первой половине XX века. Студенты высоко ценили лекции профессора Сидельникова, тем более, что по этим курсам в 50–60-е годы не было учебной литературы.

Он был соавтором четырёх изданий учебников для студентов университетов по «Истории южных и западных славян». В учебнике, изданном Киевским университетом в 1966 году, С. И. Сидельниковым написаны главы по истории Болгарии с VIII века до 1878 г., Сербии, Черногории, Боснии и Герцоговины, Хорватии, Словении, Далмации, Дубровника, Македонии с VIII в. до 1918 г.¹

В учебнике Московского университета 1969 г.² им были написаны параграфы по истории Македонии с конца VIII до начала XX в. Некоторые самостоятельные суждения профессора Сидельникова о «формировании македонской нации», о движении «македонистов», боровшихся на признание македонцев самостоятельным народом, о деятельности К. Мисиркова по созданию македонского литературного языка вызвали несогласие части болгарских ученых и болгарского руководства. На высшем государственном и партийном уровне из Софии в Москву поступил протест против такого осуждения истории Македонии. Учебник был направлен на «черную» рецензию с соответствующими указаниями рецензентам. В результате на 16 страницах рецензии разделам по Македонии было отведено 5 страниц, претензии болгарской стороны были признаны обоснованными. 7 мая 1970 г. в вузы страны был направлен приказ Министерства высшего и среднего специального образования СССР с предписанием снять с учебника гриф Министерства и не рекомендовать его использовать в учебном процессе.

Во втором издании учебника по истории южных и западных славян Московского университета (1974)³ и Киевского университета (1987)⁴, где были использованы материалы С. И. Сидельникова, разделы по истории Македонии были изложены более «обтекаемо».

Особо следует отметить работу Степана Ивановича с дипломниками и аспирантами. Он очень тщательно подходил к утверждению тем дипломных работ, заботясь об их актуальности, об использовании студентами первоисточников, придирчиво относился к стилю изложения материала. Несмотря на такую требовательность, студенты считали за честь писать дипломную работу под его руководством (более 60 человек). Лучшие дипломники затем становились аспирантами.

Подготовку аспирантов С. И. Сидельников начал еще в 50-е годы. Первым его воспитанником, защитившим кандидатскую диссертацию по истории Болгарии (1953 г.) был П. Т. Рущенко. Всего же под его руководством было защищено 13 кандидатских диссертаций: В. В. Сухаревым, Н. П. Подлесным, Н. И. Туривненко, Е. П. Пугачем, В. В. Зайцевым, Л. А. Пашковским, С. Л. Каировым, В. Н. Казаком, А. И. Черноскутовым, А. А. Чувпило, В. Н. Кабачеком, В. Ф. Пахомовым. Разноплановой была тематика этих диссертаций: по истории Болгарии – 5, по истории Югославии – 3, по истории Чехословакии – 2, а также по истории Англии, Индии, Чили – по 1.

Профессор С. И. Сидельников 11 раз выступал официальным оппонентом, подготовил 10 отзывов ведущей организации на диссертации, направил около 20 отзывов на авторефераты⁵.

Многие известные ученые-слависты считали Степана Ивановича своим учителем, хотя формально он и не был руководителем их научных работ.

Работая деканом исторического факультета, проф. Сидельников большое внимание уделял повышению научного уровня преподавательского состава. За 13-летний период было защищено 11 докторских диссертаций доцентами факультета: А. Г. Слюсарским, В. И. Астаховым, Б. А. Шрамко, С. М. Короливским, К. К. Шияном, И. Л. Шерманом, П. И. Гарчевым, В. Н. Довгополом, А. Е. Кучером, В. И. Кадеевым, Б. К. Мигалем⁶. На факультете под его председательством был создан специализированный совет по защите докторских и кандидатских диссертаций, что безусловно способствовало подготовке и аттестации научно-педагогических кадров не только для университета, но и для региона.

Отдавая должное профессору С. И. Сидельникову как педагогу воспитателю, мы обязаны отметить огромный его вклад в развитие научных исследований по истории Болгарии и балканистике. Поскольку в «Дриновском сборнике» публикуются специальные доклады о содержании научных исследований Степана Ивановича, то ограничимся лишь количественными характеристиками. Свою первую научную статью С. И. Сидельников опубликовал еще будучи студентом Ленинградского университета⁷. В послевоенный период им было опубликовано 3 монографии⁸, несколько статей и рецензий в болгарских научных журналах⁹, 22 – в московских журналах и сборниках статей, 11 – в киевских, 8 публикаций в «Ученых записках» Харьковского университета и пединститута, 4 доклада и сообщения на Всесоюзных конференциях историков-славистов. Кроме того, было напечатано несколько материалов в «Украинской советской энциклопедии» и множество статей в областных газетах¹⁰.

Своей научной работой и подготовкой целой когорты молодых исследователей по истории Болгарии он способствовал возрождению знаменитой в прошлом научной школы болгаристики в нашем университете и г. Харькове.

Профессор Сидельников принимал активное участие в работе научных и общественных организаций. Он был членом научно-методического Совета Минвуза СССР по истории, членом научного Совета АН СССР по комплексной проблеме «Славяноведение и балканистика», членом комиссии по изучению истории зарубежных славян Объединенной исторической секции научно-технического Совета Минвуза СССР, председателем исторической секции научно-технического Совета Минвуза УССР, редактором «Вестника ХГУ. Историческая серия», межведомственного научного сборника «Питання нової та новітньої історії», членом Оргкомитетов совещаний и конференций историков-славистов с I (1962) по VII (1975). Неоднократно выступал с докладами на академических научных сессиях в Институте славяноведения АН СССР¹¹.

Сферой научных интересов С. И. Сидельникова была история Болгарии и поэтому он дважды в 1960 и 1973 годах совершил научные командировки в эту страну и в дальнейшем поддерживал переписку со многими известными болгарскими историками, музеями и общественными деятелями: академиками БАН Димитром Косевым, Жаком Натаном, Михаилом Димитровым, профессорами Александром Буровым, Михаилом Бычваровым, Веселином Хаджиниколовым, Николой Кондаревым и другими.

Степан Иванович получал из Болгарии большое количество книг, журналов и газет. Ныне в Центр болгаристики и балканских исследований Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина передана его библио-

тека болгарских книг и журналов, насчитывающаяся около одной тысячи наименований. В Музей истории Харьковского университета поступило значительное количество рукописных материалов профессора Сидельникова, которые могут быть использованы будущими историками, изучающими научное наследство продолжателя школы болгаристики Харьковского университета в XX ст.

Все достигнутое профессором С. И. Сидельниковым было обусловлено и обеспечено его необыкновенными личными качествами: железной волей и трудолюбием, самодисциплиной, принципиальностью и настойчивостью, умением организовать людей, требовательностью и доброжелательностью к ним.

Человек без обеих ног ездил в научные командировки и конференции в другие города страны и даже за рубеж (в Болгарию и Чехословакию), неоднократно выступал оппонентом при защите диссертаций, докладчиком на различных научных форумах. Чтобы поддерживать возможность ходить, он ежедневно в любую погоду два часа гулял по парку. Каждый день он по несколько часов работал за письменным столом. К нему за советом и помощью приходили студенты, аспиранты, коллеги по работе. Степан Иванович был прекрасным семьянином. Он со своей женой Верой Тихоновной вырастили и воспитали сына Александра и дочь Наталью, которые заняли достойное место в жизни. Было бы несправедливо не сказать хотя бы несколько теплых слов о милой, скромной женщине Вере Тихоновне Сидельниковой, которая всю жизнь посвятила мужу, была его ангелом-хранителем и помощником.

В дни 90-летнего юбилея со дня рождения ученики и коллеги с огромным теплом и глубоким уважением вспоминают Степана Ивановича Сидельникова, его крупный вклад в развитие болгаристики, который поставил его в один ряд с выдающимися отечественными историками-славистами.

¹ История південних і західних слов'ян. – Київ, 1966.

² История южных и западных славян. – Москва, 1969.

³ История южных и западных славян. – Москва, 1974.

⁴ История південних і західних слов'ян. – Київ, 1987.

⁵ Рукописный отдел Музея истории Харьковского университета. – Фонд проф. Сидельникова С. И.

⁶ Там же.

⁷ Авантюра русского царизма в Болгарии (1878–1896). // Ученые записки Ленинградского университета. – 1939. – № 36. – С. 145–180.

⁸ Болгарський революціонер Георгій Раковський. – Харків, 1959; Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. – Харьков, 1962; Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872). – Харьков, 1970.

⁹ Участието на Любен Каравелов в руския периодичен печат. // Исторически преглед. – 1962, № 5. – С. 66–84; Ценен извор за изучаване идеологията на Любен Каравелов: Рец. на: Публицистиката на Любен Каравелов до излизането на вестник „Свобода“ (1860–1869): Статии, дописки и писма. Издирил и подготвил за печат академик Михаил Димитров. – София, 1958. // Исторически преглед. – 1959. – № 6. – С. 89–96; Книга, повдигаща принципи върпроси на национално-освободителното движение на българския народ от края XIX в. на начало на 70-е години на XIX в.: Рец. на: Косев, Д. Към историята на революционното движение в България през 1867–1871. – София, 1952. // Исторически преглед. – 1960. – № 6. – С. 100–106.

¹⁰ Составлено на основе собственоручно написанного профессором С. И. Сидельниковым списка научных публикаций, который сохраняется в его рукописном отделе Музея истории Харьковского университета.

¹¹ Там же.

СЛОВО ПРО СТЕПАНА ІВАНОВИЧА СІДЕЛЬНИКОВА – ВИДАТНОГО ВЧЕНОГО-БОЛГАРИСТА, МУЖНЮ І ПРЕКРАСНУ ЛЮДИНУ*

П. С. Сохань

Ми зібралися тут, у Харківському університеті, щоб вшанувати світлу пам'ять видатного болгарського вченого Маріна Дрінова, який був не лише одним з фундаторів болгарської історичної науки, а й зробив великий внесок у розвиток славистичної науки на Україні. Зокрема, тут, у Харківському університеті, він понад тридцять років викладав і науково досліджував славистичні дисципліни і багато зробив для розвитку міжслов'янських зв'язків і особливо для зміцнення дружніх, братніх взаємин між болгарським, російським і українськими народами.

Відаючи заслужену шану Маріну Дрінову – справді великому болгарину і одному із засновників науки слов'янознавства в цілому, безперечно, буде справедливим у цьому ж плані згадати і про ряд інших вчених – продовжувачів великої і благородної справи Маріна Дрінова. Мені, зокрема, хотілося б на цьому поважному форумі згадати про плідну наукову діяльність на ниві болгаристики і слов'янознавства Степана Івановича Сідельникова, якому незабаром виповнюється 90 років з дня його народження. В житті і діяльності Степана Івановича є багато подібного з життям і діяльністю Маріна Дрінова. Росіянин, селянський син з села Мордово Рязанської губернії, де він народився 27 березня 1916 року, Степан Іванович ще до війни успішно закінчив історичний факультет Ленінградського університету і працював викладачем у Сталінградському педагогічному інституті. З лютого 1942 р. перебував у радянській Армії, брав участь у боях на Центральному і Першому Українському фронтах, за що був нагороджений орденом Вітчизняної війни II ступеня й іншими нагородами. Але після тяжкого поранення і тривалого лікування, (він фактично втратив обидві ноги і подальше життя ходив на протезах), повернувся до викладацької діяльності уже на Україні – спочатку у Харківському педагогічному інституті (з 1945 по 1956 рр.), а потім у Харківському університеті.

Ще у Ленінградському університеті Степан Іванович захопився історією Болгарії. У 1947 р. він успішно захистив кандидатську дисертацію по темі «Воз'єднання князівства Болгарії і Східної Румелії (1878-1886 рр.)», а в подальшому зосередився і став одним із найавторитетніших радянських істориків-болгаристів з проблем національно-визвольного руху болгарського народу середини XIX ст. Над цією проблемою він з захопленням працював на Україні, яка стала для нього також другою Батьківщиною, спочатку у Харківському педінституті, а потім Харківському університеті до кінця свого життя. Це був надзвичайно плідний період його наукової і педагогічної діяль-

* Доповідь, виголошена у Харкові на IV Дріновски читаннях 28 лютого 2006 р.

ності. У 1963 р. він захистив докторську дисертацію на тему «Створення і діяльність першого Болгарського революційного центрального комітету (1868–1873 рр.)», а згодом йому було присвоєно наукове звання професора. З 1963 по 1976 рік він був деканом історичного факультету, а з 1964 р. і до кінця свого життя С. І. Сідельников також керував кафедрою нової і новітньої історії ХДУ. В ці роки він здійснював велику наукову роботу, проявивши себе одним із найавторитетніших українських істориків-славістів з проблем міжслов'янських відносин взагалі і особливо плідним дослідником болгарського національного Відродження, а також проблем історіографії минулого Болгарії та історії слов'янознавства і міжслов'янських зв'язків в цілому. Слід підкреслити, що для С. І. Сідельникова, як дослідника, було притаманним широке використання різнопланових джерел та переконливість аргументів і висновків, зроблених на підставі їх всебічного аналізу. До того ж він мав хист вдало поєднувати у науковій праці джерелознавчу фундаментальність з яскравістю і простотою викладу, завдяки чому його наукові праці читаються як художні твори.

Провідною темою у науковій діяльності С. І. Сідельникова була національно-визвольна боротьба болгарського народу середини і другої половини XIX століття. З цієї проблематики він написав та видав три монографії², кожна з яких була ґрунтовним висвітленням певних важливих проблем. Вони отримали високу оцінку професійних науковців як Болгарії (акад. Д. Косева, К. Василева, Н. Трайкова та інших), так і російських та українських вчених. З цих же проблем ним було опубліковано більше 50-ти наукових статей, джерелознавчих та історіографічних оглядів, в яких на багатій документальній базі розкривались вузлові проблеми болгарського національно-визвольного руху. Зокрема, значну увагу Степан Іванович приділив розкриттю таких кардинальних проблем як характер Османського панування в Болгарії, класова сутність болгарського чорбайджійства та ін., що були основними чинниками виникнення національно-визвольного руху в країні. Одним з перших серед радянських дослідників С. І. Сідельников зайнявся з'ясуванням причин, сутності, характеру та чисельного і соціального складу т. зв. гайдуцького руху³, а також селянських повстань 1841–1850 рр.⁴ і особливо розкриттям революційної діяльності провідних діячів БРЦК в Болгарії.

С. І. Сідельниковим була здійснена перша спроба дати загальну оцінку соціально-економічного розвитку і розстановки класових сил у Болгарії середини 70-х років XIX ст.⁵, а також проведена велика пошукова робота джерелознавчого характеру по виявленню документальних даних і розкриттю таких питань, як чисельний і соціальний склад так званих «приватних революційних комітетів», що діяли в Болгарії у 1870–1873 рр. Одним з їх центрів, як доводив С. І. Сідельников, став на той час внутрішній центр, що виник і діяв у 1870–1871 рр. у м. Ловеч, керівником якого був видатний болгарський революціонер Васил Левський. Саме він розробив програму і устав БРЦК, безпосередньо керував створенням у Болгарії мережі революційних комітетів і згуртував навколо себе групу помічників, що допомагали йому у керівництві «приватними комітетами», які діяли по всій країні. Про велику організаційну й патріотичну діяльність Василя Левського, як одного з провідних керівників національно-визвольної боротьби болгарського народу, Сепан Іванович написав значну кількість наукових праць⁶, самі назви яких говорять про їх новаторський характер. З великим натхненням працював він над розкриттям всіх аспектів виникнення і діяльності першого БРЦК в Болгарії та його провідних діячів⁷.

Я працював на той час із Степаном Івановичем у Харківському педінституті і пам'ятав з яким захопленням Степан Іванович досліджував ці проблеми. Особливо він шанував серед когорти провідних діячів БРЦК (В. Левського, Хр. Ботєва та Л. Каравелова) – Василя Левського. І самого Степана Івановича студенти і аспіранти у своєму середовищі з пошаною називали «наш Левський».

Характерною рисою С. І. Сідельникова, як дослідника, було його наполегливе прагнення докопатися до справжніх причин і наслідків тих подій і явищ, які він досліджував, а також намагання розкрити їх якомога ширше і глибше з урахуванням їх значимості і для розвитку подальших аналогічних історичних процесів у майбутньому. Про це свідчать і його монографічні дослідження і вся наукова спадщина. Зокрема, в першому монографічному дослідженні, присвяченому діяльності Г. Раковського, він преконаливо довів, що велике історичне значення Раковського полягало в тому, що він дійсно був родоначальником революційної національно-визвольної ідеології болгарського народу і «вперше висунув ідею повного політичного звільнення Болгарії силами самого болгарського народу»⁸. Добре усвідомлюючи, що національно-визвольна боротьба болгарського народу була не тільки актуальною, життєво необхідною потребою для нього, а й може бути повчальним досвідом та уроком і для інших народів, С. І. Сідельников присвятив наступне монографічне дослідження спеціальному розкриттю «Боротьби течій у першому Болгарському революційному центральному комітеті (БРЦК)». Це, безперечно, було не випадковим, певним усвідомленням ним того, що саме ці уроки можуть бути повчальними і для інших народів у їх боротьбі за незалежність. Пригадується, в зв'язку з цим, як під час однієї з наших бесід з ним з питань болгарської історії, на моє зауваження «чи треба так вже розкривати «суперечки» між нашими милими болгарками?», Степан Іванович, з властивим йому гумором, відповів: «Да, болгарки, як і українці, дійсно добрий народ, але ж у них, як і в українців де зібралось в четі (група революційних бійців за визволення – автор) з 5 чоловік – 3 з них хочуть бути гетьманами», і це, мовляв, їм багато в чому заважає. Може ці уроки будуть повчальні і для інших народів, зокрема і українців, з посмішкою відповів він. І дійсно, у цьому відношенні наукова спадщина С. І. Сідельникова, як і наукова спадщина його великого попередника Маріна Дрінова, має важливе значення для сучасності. То ж якби Степан Іванович дожив до нашої Помаранчевої революції, то, безперечно, з властивим йому гумором, констатува би, що серед керівництва і учасників Помаранчевої революції, на жаль, відбувається така ж, вірніше, подібна боротьба різних течій і особистостей, яка була властива болгарському визвольному рухові середини XIX ст. І це було б не лише справедливим, а й доречним. Адже уроки історії завжди повчальні!

Іншою характерною і важливою рисою С. І. Сідельникова, як дослідника і чудової Людини, була також його надзвичайна закоханість і братерські почуття до болгарського народу та його історії, які він чистосердечно шанував. У Степана Івановича Сідельникова було багато друзів і колег не лише серед вчених, українців і росіян, а й, насамперед, серед болгарських вчених. Він був у дружніх стосунках з болгарськими вченими-академіками Димитром Косевим, Димитром Ангеловим, Христо Христовим, Ніколою Тодоровим, Веселином Хаджиніколовим, а також з відомими вченими – Іваном Унджієвим, Веселином Трайковим, Крумкою Шаровою, Міто Ісусовим, Ілчо Димитровим, Марією Велевою, Тодором Страшіміровим та багатьма іншими, з якими у них здійснювались взаємний обмін літературою, науковими працями,

взаємні рецензування наукових праць та інші форми співпраці. У цьому плані С. І. Сідельников видав ряд праць обзорного історіографічного характеру, як про видання болгарських авторів, зокрема, рецензії на колективну працю Д. Косева, Хр. Христова і Д. Ангелова «Кратка история на България», София, 1962. (УІЖ. – 1964, – № 3. – С. 145–146), а також на праці окремих авторів: Иван Унджиев. Васил Левски. Биография, София, 1967. (ССл. – 1968, – № 3 – С. 87–89), Крумка Шарова. Любен Каравелов и българското освободително движение 1860–1867. – София, 1970 (ВИ. – 1972. – № 3. – С. 201–204) та ін.

Ряд ґрунтовних історіографічних оглядів зробив С. І. Сідельников і про дослідження історії Болгарії на Україні і в Росії. В їх числі «Исследования върху историята на България от учените на Съветска Украйна» (В кн. „В чест на Д. Косев“. – София, 1974. – С. 213–222, соавтор Г. Й. Чернявский); „Советская и болгарская историография русско-болгарских революционных связей 60-70-х гг. XIX в.“ (В кн. „Проблеми на българската историография след Втората световна война“. – София, 1973. – С. 371–381; „Советская и болгарская историография Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии“. // ВИ. – 1976. – № 4. – С. 49–71), а також про значну кількість індивідуальних досліджень по болгаристиці на Україні і в Росії. У своїх історіографічних дослідженнях, особливо в останні роки свого життя, С. І. Сідельников приділяв значну увагу й висвітленню історіографії з проблем розкриття внеску окремих болгаристів у дослідженнях історії слов'янознавства та нової і новітньої історії в цілому. Так, в одній з своїх історіографічних праць, він висвітлив творчий внесок відомого болгариста професора В. А. Жебокрицького в наукову розробку різних проблем нової і новітньої історії, підкресливши особливе значення його праць у висвітленні історії періода Балканських війн⁹. В іншій праці С. І. Сідельников у співавторстві з Г. Й. Чернявським висвітлив внесок українських вчених у дослідження історії Болгарії взагалі¹⁰.

Як видатний учений-болгарист, талановитий педагог і історик-славист широкого діапазону С. І. Сідельников брав активну участь і зробив великий внесок у розвиток історико-славистичних знань на Україні. Він брав безпосередню участь у розробці навчальних програм та підручників для вищої школи, зокрема у підготовці та виданні підручника для університетів «Історія південних та західних слов'ян» (вид. Київського університету 1966 р.), де він написав розділи з історії Болгарії, а також бібліографічного словника «Історики слависти СССР» (М., 1981), який вийшов у світ уже після смерті Степана Івановичі, та ряду інших навчальних посібників і довідників.

Взагалі Степан Іванович Сідельников, як талановитий вчений і педагог, зробив багато корисних справ для розвитку болгаристики та історичних і славистичних досліджень на Україні і, зокрема, у Харкові. Незважаючи на свій стан здоров'я, він брав активну участь у чисельних історичних та славистичних з'їздах, конференціях та інших форумах, на яких завжди виступав з цікавими доповідями, новаторськими пропозиціями і обґрунтованими аргументами. Протягом ряду років він був членом редакційних колегій таких періодичних видань, як «Проблеми слов'янознавства», «Питання нової та новітньої історії», та ін.

Особлива заслуга С. І. Сідельникова у підготовці наукових кадрів. Під його керівництвом була підготовлена когорта аспірантів і докторантів не лише з проблем болгаристики, а з й історії південних і західних слов'ян та нової і новітньої історії взагалі, немало з яких стали видатними вченими з своїх галузей наукових знань. Великий внесок зробив Степан Іванович у справу підготовки наукових кадрів, також виступаючи як офіційний опонент, завжди принциповий, але доброзичливий критик і порадник. Дисертанти вважали за честь, коли їх опонентом був Степан Іванович.

В цілому ж слід сказати, що Степан Іванович дійсно був унікальною особистістю і як видатний вчений і талановитий педагог, і як мужня і, водночас, надзвичайно порядна, доброзичлива, принципова і прекрасна Людина з великою букви. Незважаючи на свій стан здоров'я, він завжди був великим життєлюбом-оптимістом, який як магнітом притягував до себе увагу всіх, хто його знав, і з ким він спілкувався. То ж віддаючи заслужену шану його великому попереднику болгарину Маріну Степановичу Дрінову, ми, разом з тим, віддаємо належну шану і Степану Івановичу Сідельникову – видатному вченому, талановитому педагогу і прекрасній Людині.

¹ Див. Сідельников С. І. Болгарський революціонер Георгій Раковський. – Харків, 1959. – 175 с.; його ж. Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете. – Харьков, 1962. – 118 с.; його ж. Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872 г г.). – Харьков, 1970. – 176 с.

² Сідельников С. І. Національно-визвольний рух болгарського народу в 50-х – першій половині 60-х рр. XIX ст. // Наукові записки Харківського педінституту. – 1951. – Т. XII. – С. 84–110.

³ Сідельников С. І. Селянські повстання 1841–1850 рр. у Болгарії. // Наукові записки Харківського педінституту. – 1954. – Т. XV. – С. 84–110.

⁴ Сідельников С. І. Соціально-економічне становище і розстановка класових сил у національно-визвольному русі Болгарії середини 70-х років XIX ст. // Питання нової та новітньої історії. – Вип. 20. – Київ, 1975. – С. 48–61.

⁵ Сідельников С. І. Початок революційної Василя Левського // Труды істор. факультету Харківського університету. – 1959. – № 7. – С. 107–121; його ж. Роль двох поїздок Василя Левського в Болгарію (грудень 1868 – серпень 1869 рр.) у створенні Першого БРЦК // Питання нової та новітньої історії. – Вип. 1. – К., 1965. – С. 97–109; його ж. Висвітлення історії утворення Першого БРЦК у болгарській та радянській історичній літературі. // Історичні зв'язки слов'янських народів. – К., 1963. – С. 273 – 292; його ж. Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х – начале 70-х г г. XIX в. в исторической литературе НРБ // Советское славяноведение. – 1966. – № 2. – С. 76–82; його ж. Взгляды Василя Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии 60-х – начала 70-х годов XIX в. // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. – 1960. – № 1 та ін.

⁶ Сідельников С. І. Ценен извор за изучаване идеологията на Любен Каравелов // Исторически преглед. – 1959. – № 6. – С. 89–96; його ж. Документи о борьбе болгарского народа за независимость. // Новая и новейшая история. – 1962. – № 5. – С. 150–152; його ж. Из истории болгарского национально-освободительного движения. // Новая и новейшая история. – 1965. – № 1. – С. 157–158; його ж. Книга, повдигала принципини вопросы на национально-освободительного движение на българския народ. // Исторически преглед. – 1960. – № 6. – С. 100–106.

⁷ Див.: Сідельников С. І. Болгарський революціонер Георгій Раковський. – Харків, 1959. – С. 156.

⁸ Сідельников С. І. Дослідження В. А. Жебокрицьким нової і новітньої історії Болгарії // Питання нової та новітньої історії. – Вип. 22. – Харків, 1976. – С. 112–118.

⁹ Сідельников С. І., Чернявски Г. Й. Изследвания върху историята на България от учениците на Съветска Украйна // В чест на академик Димитър Косев. – София, 1974. – С. 213–222.

С. И. СИДЕЛЬНИКОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БОЛГАРСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Н. Червенков

Самый беглый взгляд на научное творчество Ивана Степановича Сидельникова показывает, что его интересовали в основном две болгарские исторические проблемы: воссоединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии и болгарское Возрождение. Первой он занимался в начале научного пути в течение не более пяти лет. После защиты кандидатской диссертации на эту тему¹ он сразу перешел ко второй проблематике и занимался ею почти тридцать лет, до самой своей кончины в 1977 году. Не разбрасывался он и конкретной тематикой. В основном она сводится к национально-освободительному движению болгарского народа с середины XIX до освобождения Болгарии в результате русско-турецкой войны 1877–1878 годов.

Следуя тогдашним методическим требованиям, эту тематику он начал освещать с изучения некоторых аспектов социально-экономического характера и классовой борьбы в болгарском обществе последнего периода болгарского Возрождения. Им посвящено несколько его статей. Особого внимания заслуживает работа о характере чорбаджийства в болгарском обществе². Ею С. И. Сидельников поднял актуальную тему, к которой впоследствии обращались многие исследователи, подготовившие даже монографические исследования. Важно также мнение харьковского исследователя о характере крестьянских восстаний в Болгарии в середине XIX века. Статья его на эту тему в основном базируется на обнародованных источниках и не дает новых сведений о самом восстании³. Однако заслуживает внимания глубокий анализ социальных противоречий накануне восстания. Он впервые допустил, что наряду с социальными аспектами, восставшие выдвигали и национальные требования.

После вышеуказанных работ исследователь сосредотачивается на идеологии лидера болгарского революционного движения Георгия Раковского, которому посвящает первую свою книгу, связанную с болгарским Возрождением⁴. В ней он, с одной стороны, достаточно объективно раскрыл процесс формирования болгарского деятеля как революционера в контексте развития национально-освободительного движения в Болгарии, а с другой, на базе многочисленных источников конкретизировал многие аспекты деятельности Раковского. Например, он показал, что крайняя цель созданного им «Тайного общества» является подготовка народа к восстанию. Известный болгарский исследователь деятельности Г. Раковского Веселин Трайков так оценивает книгу С. Сидельникова: «Важна с точными оценками дела и взглядов Раковского».

Георгию Раковскому харьковский ученый посвящает и ряд статей. Особенно необходимо выделить работу «К вопросу об оценке идеологии Г. С. Раковского»⁵. Как заметил упоминавшийся болгарский историк В. Трайков, Сидельников один из первых исследователей поднял вопрос об отношении Раковского к болгарской национальной революции. Особенно это хорошо вид-

на анализе революционной деятельности революционера в 1841–1855 годах. В статье автор категоричен, утверждая, что Раковский никогда не выступал с антифеодальной программой крестьянства, что приписывали ему некоторые исследователи. Этим он объясняет, что многие самые важные социальные проблемы тогдашней болгарской жизни не нашли ясное решение во взглядах Раковского. В частности, по его мнению, в них отсутствуют разработка взаимоотношений болгарского крестьянства с турецкими феодалами, антифеодальная программа крестьянства, характер взаимоотношений между внутренними и внешними силами при подготовке восстания, форма государственного устройства в освобождении Болгарии.

Идеология Раковского, по мнению Сидельникова, выражала стремление не только широких народных масс крестьянства, ремесленников и городской бедноты, но и революционно настроенных элементов буржуазии, склонной к радикальному решению задач, стоящих перед болгарским народом. Она содержала в себе зародыш революционно-демократических идей, которые впоследствии развили Васил Левский и Христо Ботев.

Одновременно С. И. Сидельников проясняет взгляды В. Левского на вооруженное восстание в Болгарии 60-х – начала 70-х годов XIX в.⁶ Его интересует и другая крупная фигура болгарского Возрождения – Любен Каравелов. Своей статьей о нем⁷ он стоит у истоков изучения в советской историографии проблемы участия этого болгарского возрожденца в российской периодике. С этой работой ученый вошел в дискуссию, которая продолжается до наших дней, об авторстве Каравелова во многих российских изданиях. При этом открыл десятки новых материалов, подготовленных этим болгарским автором.

Все эти вышеназванные работы стали основой монографии С. И. Сидельникова – «Борьба течений в первом Болгарском революционном центральном комитете»⁸, вышедшей в Харькове в 1962 г. Этой книгой автор активно включился в дискуссию о дате создания БРЦК и его идеологических приоритетах, которая велась в болгарской историографии. Особенно важны его наблюдения и обобщения о конкретной деятельности организации. Автор дает важную статистику руководителей частных революционных комитетов и их состава. Сидельников анализирует 62 имени, которые распределились следующим образом по профессиональной принадлежности: 16 учителей, 17 торговцев, 10 ремесленников, 2 земледельца, 2 служащих, 3 священника и 6 неизвестных.

В следующем году он защищает докторскую диссертацию на тему «Создание и деятельность первого Болгарского революционного комитета (1868–1873 гг.)»⁹. Это крупное по объему и содержанию исследование о болгарской политической организации. Оно состоит из двух больших рукописных частей. Я рад, что в свое время, собирая материал для своей монографии «политические организации болгарского национально-освободительного движения», имел возможность работать с ней в диссертационном зале Российской государственной библиотеки. В какой-то мере его работа является ответом на вышедшую три года раньше монографию известного болгарского историка академика Димитра Косева – «Към историята на революционното движение в България през 1867–1871». В обеих раскрываются основные аспекты деятельности БРЦК. И главная заслуга Сидельникова здесь – это богатая и разносторонняя источниковая база. Никто из исследователей не использовал так широко материалы болгарской периодической печати в изучении этого периода болгарского Возрождения. Практически охвачены все тогдашние болгарские газеты, одновременно широко приводятся материалы из российской периодики.

Свои исследования по проблемам БРЦК, прежде всего докторской диссертацию, харьковский профессор обобщил в монографии «Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872)»¹⁰. При этом он расширил тематику, источниковую базу и учел новую литературу болгарских и других коллег, касающуюся прежде всего дискуссионных аспектов.

Начатая работа по изучению революционных комитетов была затем расширена и углублена. При этом Сидельников стал новатором в использовании новых методов исследований. Им были проведены сложные и многоемкие социологические исследования по определению численного и социального состава болгарских революционных организаций в период деятельности первого БРЦК, возглавлявшегося В. Левским и прекратившим свою деятельность в мае 1873 г.¹¹

Потом в просторной статье он изложил результаты своих исследований для последующего периода – с мая 1873 по апрель 1876 включительно¹². Обобщение всех имеющихся в распоряжении историка данных для всех революционных организаций, развивавших свою деятельность как в Болгарии, так и в эмиграции, сопоставление данных о численном и социальном составе революционных комитетов и групп с мая 1873 г. по апрель 1876 г. дало возможность более полно представить те изменения, которые происходили в составе БРЦК, лучше понять характер движущихся сил Апрельского восстания 1876 г. и причины его поражения. Одновременно с этим С. И. Сидельников сделал попытку определить время и место возникновения революционных комитетов и групп, установить их общее число и распределение по отдельным районам Болгарии и странам, где существовали революционные организации болгарской эмиграции. Это и другие работы исследования облегчают понимание общего хода вооруженных выступлений 1876 г. и причин существенных различий в силе и массовости этих выступлений в различных районах страны.

Большая часть сохранившихся источников, особенно многочисленные воспоминания, пенсионные дела участников национально-освободительного движения и др. часто содержат противоположные показания при рассказе об одних и тех же событиях. Учитывая специфический характер источников и наличие противоречивых точек зрения, существующих в литературе, Сидельниковым была создана специальная картотека населенных пунктов Болгарии и тех городов Румынии, России, Сербии, Чехии и Словакии, в которых велась революционная работа болгарских эмигрантов. В картотеке, посвященной тому или иному населенному пункту, фиксировались все без исключения упоминания об участии его жителей в революционном движении, встречавшиеся в источниках и литературе. Тщательный анализ всех этих показаний по каждому населенному пункту и дал основание исследователю для решения вопроса о наличии в нем революционного комитета или группы, их социальном и численном составе и т.д.

Труды С. Сидельникова и сейчас высоко оцениваются специалистами. Все его книги получили положительные отзывы советских и болгарских коллег. Он особенно ценил и прислушивался к выводам и замечаниям последних. Одновременно он не пропускал случая, чтобы не отозваться на работы, посвященные проблемам болгарского Возрождения. Прежде всего надо упомянуть его рецензии на биографии Г. Раковского (София, 1974)¹³, В. Левского (София, 1968)¹⁴ и Л. Каравелова (София, 1970)¹⁵, написанные соответственно Веселином Трайковым, Иваном Унджиевым и Кр. Шаровой, на монографии акад. Д. Косева «Към историята на революционното движение в България през 1867–1871»¹⁶, сборника исследований и документов «Георги Стойков Раковски. Възгледи, дейност и живот» (София, 1964)¹⁷. Он также отзывался на выход трехтом-

ного советско-болгарского сборника «Освобождение Болгарии от турецкого ига» (Москва, 1961–1962)¹⁸, коллективной работы «Краткая история Болгарии» (София, 1962)¹⁹, монографии Хр. Христова «Болгарские общины в период Возрождения» (София, 1973)²⁰, книги М. Велевой «Т. Страшимиров. Исторический очерк» (София, 1972)²¹ и др.

Не утратили ценность несколько его работ, посвященных историографическим проблемам болгарского Возрождения. Среди них «Национально-освободительное движение болгарского народа в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в исторической литературе НРБ»²², «Советская и болгарская историография русско-болгарских революционных связей 60–70-х гг. XIX в.»²³, «Советская и болгарская историография Апрельского восстания 1876 г.»²⁴.

Не будет преувеличением сказать, что С. И. Сидельников сыграл решающую роль в возрождении традиции харьковской школы болгаристики в послевоенные годы, которую нынче продолжает новое поколение историков.

¹ Сидельников С. И. Воссоединение Княжества Болгарии и Восточной Румелии (1879–1886): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Харьков, 1946.

² Сидельников С. И. До питання про класовий характер чорбайджійства в Болгарії в період турецького панування. // Учені записки Харківського університету. – Т. 69: Труды історичного факультету. – Т. 4. – С. 189–203.

³ Сидельников С. І. Селянські повстання в 1841 і 1850 рр. в Болгарії. // Наукові записки Харківського педагогічного інституту: Серія історії. – 1954. – Т. 15. – С. 87–110.

⁴ Сидельников С. І. Болгарський революціонер Георгій Раковський. – Харків, 1959. – 174 с.

⁵ Сидельников С. И. К вопросу об оценке идеологии Г. С. Раковского. // Краткие сообщения Института славяноведения. – 1961. – Вып. 32. – С. 46–50.

⁶ Сидельников С. И. Взгляды Васила Левского на всенародное вооруженное восстание в Болгарии в 60-х – начале 70-х гг. XIX в. // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. – 1960. – № 1. – С. 118–127.

⁷ Сидельников С. И. Участието на Любен Каравелов в руския периодичен печат. // Исторически преглед. – 1962. – № 5. – С. 66–84.

⁸ Сидельников С. И. Борьба течений в первом Болгарском Революционном центральном комитете. – Харьков, 1962. – 116 с.

⁹ Сидельников С. И. Создание и деятельность первого Болгарского революционного комитета (1868–1873 гг.): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. – Харьков, 1963.

¹⁰ Сидельников С. И. Болгарский революционный центральный комитет (1869–1872 гг.). – Харьков, 1970. – 176 с.

¹¹ Сидельников С. И. О численном и социальном составе болгарских революционных организаций в 1869 – 1873 гг. // Историко-социологические исследования: (На материалах славянских стран). – М., 1970. – С. 254–282.

¹² Сидельников С. И. К вопросу о революционных комитетах и группах в период деятельности Болгарского революционного центрального комитета (1869–1876 гг.). // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига, 1878–1978. – М., 1978. – С. 124–142.

¹³ Советское славяноведение. – 1976. – № 3. – С. 94–96.

¹⁴ Советское славяноведение. – 1968. – № 3. – С. 87–89.

¹⁵ Вопросы истории. – 1972. – № 3. – С. 201–204.

¹⁶ Исторически преглед. – 1960. – № 6. – С. 100–106.

¹⁷ Новые книги за рубежом по общественным наукам. – 1964. – № 10. – С. 71–72.

¹⁸ Новая и новейшая история. – 1969. – № 3. – С. 158–162.

¹⁹ Український історичний журнал. – 1964. – № 3. – С. 145–146.

²⁰ Новые книги за рубежом по общественным наукам. – 1974. – № 1. – С. 56–62.

²¹ Українське слов'янознавство. – 1974. – № 9. – С. 85–86.

²² Советское славяноведение. – 1966. – № 2. – С. 76–82.

²³ Проблеми на Българската историография след Втората световна война: Материали от науч. конференция. – София, 1973. – С. 371–381.

²⁴ Вопросы истории. – 1976. – № 4. – С. 49–71.

В. А. ЖЕБОКРИЦЬКИЙ – ПРОФЕСОР КИЇВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА

В. І. Яровий

До найпомітніших постатей української історичної славістики повоєнної доби належить В. А. Жебокрицький, 100-річний ювілей якого виповнюється навесні 2006 р. Його доля, коло наукових зацікавлень й вагомий внесок у розвиток вітчизняної болгаристики дозволяє поставити київського вченого в один ряд з С. І. Сідельниковим, з яким його пов'язувала особиста дружба.

Жебокрицький Віктор Андрійович народився в селянській родині 2 травня 1906 р. в с. Чапаєвка Таращанського району Київської області. Після закінчення семирічної школи (1919) працював в сільському господарстві, а згодом став слухачем вечірнього «робітничого факультету» Київського інституту освіти, по завершенню якого (1931) був прийнятий його студентом. Після відновлення Київського державного університету (1933) В. А. Жебокрицький – аспірант кафедри нової та новітньої історії. У 1940 р. успішно захистив кандидатську дисертацію на тему „Політика Німеччини на Балканах в 1912 р.“. На початку 1941 р. В. А. Жебокрицькому було присвоєно звання доцента та призначено на посаду заступника декана історичного факультету КДУ.

У червні 1941 р. В. А. Жебокрицький добровільно вступив до лав Червоної Армії та був призначений викладачем у військових навчальних закладах. У 1944 р. – слухач курсів Військової академії ім. М. В. Фрунзе, по закінченню яких отримав кваліфікацію викладача військової історії. Після демобілізації у грудні 1945 р. з армійської служби (у званні капітана) став викладачем Київського державного університету. У 1950 р. В. А. Жебокрицький – завідувач кафедри нової історії, а з 1952 р. – завідувач кафедри історії міжнародних відносин та зовнішньої політики СРСР. Водночас він є викладачем Республіканської вищої партійної школи та старшим співробітником відділу історії країн „народної демократії“ Інституту історії АН УРСР. 1962 р. В. А. Жебокрицький захистив докторську дисертацію та був затверджений завідувачем кафедри нової історії та міжнародних відносин Київського державного університету ім. Тараса Шевченка¹.

В. А. Жебокрицький здійснював значну науково-дослідну роботу і став відомим як один з провідних істориків-славістів нової та новітньої історії країн Південно-Східної Європи. Вченим було підготовлено та надруковано десятки фундаментальних наукових праць. Ще наприкінці 30-х р. молодий дослідник став вивчати вузлові проблеми з нової та новітньої історії Болгарії. Але найбільшу увагу вчений приділив вивченню участі Болгарії в Балканських війнах 1912–1913 рр. Підсумком цієї роботи стала докторська дисертація – „Болгарія на передодні та під час Балканських війн 1912–1913 рр.“. На початку 60-х рр. з друку вийшли монографії „Болгарія напередодні Балканських війн 1912–1913 рр.“, „Болгарія під час Балканських війн 1912–1913 рр.“³, а також ціла низка наукових статей, які були надруковані у різних часописах і збірниках як в Україні, так і за її межами⁴.

Тема Балканських війн 1912–1913 рр. та історія Болгарії на початку ХХ ст. привертала до себе увагу багатьох істориків. Важливий внесок у здійсненні досліджень цього періоду був зроблений завдяки співробітництву між болгарськими та українськими істориками, зусиллями яких були публікації, в першу чергу болгарських вчених Т. Влахова, Й. Мітева, К. Шарової та ін⁵. Заслуга проф. В. А. Жебокрицького в цій діяльності полягала в тому, що він один з перших у вітчизняній історіографії дослідив соціально-економічний і внутрішньополітичний розвиток Болгарії напередодні і за часів Балканських війн.

На підставі ретельного аналізу значного обсягу архівних матеріалів та критичного вивчення існуючої літератури В. А. Жебокрицький переконливо показав стан соціально-економічного розвитку Болгарії на початку ХХ ст., детально розглянув питання про відносини різних класів і суспільних прошарків, політичних партій та рухів напередодні Балканських війн. Вчений довів, що „аграрна буржуазія, яка відіграла провідну роль у політичному житті країни, розраховувала, що звільнення від османів Македонії й Фракії надасть їм можливість захопити нові землі“. Водночас використання прагнень селян до придбання землі, буржуазні політичні сили Болгарії намагалися переконати цю домінуючу частину суспільства, що воєнна перемога над Османською імперією сприятиме досягненню цієї мети. Вчений наголошував також зацікавленість промислово-фінансових кіл у розв'язанні війни⁶.

Спираючись на аналіз різноманітних статистичних матеріалів та інших джерел, В. А. Жебокрицький показав особливості економічного розвитку Болгарії, яка стала на шлях капіталістичного розвитку й перебувала у значній залежності від іноземного капіталу. В цих умовах вчений справедливо відзначав „посилення економічної експлуатації тиску на народні маси, які зазнавали жорстокої експлуатації як від національного так і від іноземного капіталу“. В. А. Жебокрицький відзначав різке загострення соціальних протиріч в країні, вказуючи на зростання організованості робітників. В цих умовах вчений зазначав, що «правляча династія та національна буржуазія розраховували за допомогою переможної війни проти османів ослабити існуючі суперечності і класове протистояння в країні»⁷.

У своїх дослідженнях В. А. Жебокрицький висвітлював роль Болгарії в утворенні Балканського союзу, переконливо ілюстрував складнощі та переплетення національних інтересів різних балканських держав та їх боротьбу в процесі створення цього військово-політичного об'єднання. Неспроможні вести самостійну зовнішню політику, буржуазно-монархічні режими існуючих балканських країн перебували під міцною опікою та впливом провідних європейських країн (Німеччини, Великої Британії, Росії, Австро-Угорщини). Аналіз дипломатичних документів дозволив вченому уточнити строки початку переговорів про створення сербсько-болгарського союзу та інші питання формування цього Союзу. Цей альянс, з точки зору В. А. Жебокрицького „фактично був «союзом монархій», і якщо само по собі згуртування балканських країн об'єктивно носило прогресивне значення, оскільки сприяло визволенню народів регіону з-під османського ярма, однак сутність Балканського союзу приховувала в собі суперечності, які проявилися під час переговорного процесу та мали певні трагічні наслідки як взагалі, так і для Болгарії безпосередньо“. А причини цього вчений вбачав в егоїзмі політики, яку здійснювали правлячі династії та буржуазні кола в балканських країнах⁸.

В. А. Жебокрицький намагався дослідити і ставлення провідних болгарських політичних партій щодо наслідків можливого військового зіткнення з Портою. Так, розкриваючи політичну позицію Болгарської землеробної на-

дної спілки (БЗНС), він підкреслював, що ліве крило «землеробів», яке очолював А. Стамболійський зайняло самостійну позицію, яка суперечила рішенням провідних лідерів партії. В своїх працях вчений також вивчав політику провідних європейських держав у зв'язку з кризою на Балканах, а також стан болгаро-румунських відносин напередодні війни.

Але найбільшу увагу у своїй творчості В. А. Жебокрицький приділяв дослідженню позицій Болгарії напередодні та під час Балканських війн. Докладно розглянувши внутрішньо- та зовнішньополітичні фактори, які привели до війни на Балканах, вчений підкреслював, що внаслідок недостатньої організованості та малочисельності робітничих та демократичних громадських рухів в країнах, об'єднаних у Балканському союзі, це об'єднання стало не союзом демократичних республік, а перетворилось в альянс монархічних режимів, який врешті-решт готував та здійснював військові операції. Однак незважаючи на це, він доводив, що „війна проти ослабленої Оттоманської Порту була прогресивним явищем, оскільки вона завдала руйнівних ударів середньовіччю, феодально-кріпацькій системі, спонукала до розвитку капіталізму, а також національно-визвольного руху на Балканах“⁹.

В дослідженнях В. А. Жебокрицького міститься глибокий аналіз соціально-економічного та політичного розвитку Болгарії на початку ХХ ст. Так, він рішуче виступив проти спроб деяких істориків (А. Тошева, А. Чирикова, С. Фейя та ін.) виправдовувати збанкрутілий напрям політики режиму Фердинанда, яка неухильно вела Болгарію до „національної катастрофи“. В. А. Жебокрицький довів, що вже на початку ХХ ст. болгарський цар «сповзав» на австро-німецьку позицію, що фактично сприяло руйнуванню Балканського союзу. „Недалекоглядний авантюристичний, обмежений у розумінні сутності національної політики ... egoїст, який об'єднував у собі як честолюбні прагнення, так і католицький езуїзм Фердинанд Саксен-Кобургський, при підтримці болгарської буржуазії був кратурою австро-німецького інтересів на правлячому болгарському троні і характеризувався великодержавним шовінізмом, метою якого було створення „Великої Болгарії“, до чого прагнула політика австро-німецького блоку“¹⁰.

Досліджуючи історію міжсоюзної війни (1913), В. А. Жебокрицький показав, що антинародна, авантюристична політика «пронімецького режиму» царя Фердинанда дала можливість Німеччині та Австро-Угорщині використати поділ македонських земель та протистояння між колишніми союзниками по Балканському союзу у своїх військових цілях¹¹.

Значну увагу В. А. Жебокрицький приділяв вивченню історії Болгарії після закінчення Балканських війн, і, в першу чергу, їх катастрофічним наслідкам. Так, він звернув увагу, що під час війни скоротилося промислове та сільськогосподарське виробництво, шалено зростав рівень податків тощо. Вчений всебічно дослідив внутрішньополітичне становище і процес швидкого назрівання політичної кризи та різкого загострення соціальних протиріч болгарського суспільства. В країні посилювався вплив лівих соціал-демократів („тісняків“), які рішуче вимагали суворо покарати винуватців «національної катастрофи». Вчений прийшов до висновку, що „поразка Болгарії у Другій балканській війні потягла за собою подальше прикріплення країни до колісниці австро-німецького блоку, що втягнуло її до участі в Першій світовій війні“ на боці Центральних держав та завершилося для країни другою „національною катастрофою“¹².

Таким чином, В. А. Жебокрицький один з перших серед українських науковців започаткував вивчення історії Болгарії початку ХХ ст., зокрема, періоду Балканських війн та зробив значний внесок у розвиток вітчизняного

сторичного слов'язознавства, став творцем київської школи болгаристів в Україні (І. М. Кулініч, А. К. Мартиненко, О. Ю. Боев та ін). Вчений також досліджував й інші проблеми нової і новітньої історії Болгарії, які знайшли своє віддзеркалення у понад 100 наукових публікаціях, присвячених російсько-турецькій війні 1877–1878 рр., історії Болгарії другої половини ХХ ст. та ін. Коротким підсумком цих досліджень є підручники з історії західних та південних слов'ян, статті в „Українській радянській Енциклопедії“¹³.

Вивчав вчений також й історіографію зарубіжних слов'ян взагалі, і особливо болгарської. Так, серед його розвідок є також і присвячені українському політичному діячу та письменнику І. Франку, аналізу розвитку балканістики в Україні, історії зарубіжних слов'янських народів та ін.

Закінчив своє життя професор В. А. Жебокрицький 29 березня 1975 р. та похований у Києві.

¹ Філь О. М. Жебокрицький Віктор Андрійович. // Історичний факультет Київського національного університету імені Тараса Шевченка (1834–2004 рр.). – К., 2004. – С. 201.

² Жебокрицький В. А. Політика Німеччини на Балканах у 1912 р.: Дис. на здобуття вченого ступеню канд. іст. наук (рукопис). – К., 1940. – 238 с.; той самий. Болгарія напередодні та під час Балканських війн 1912–1913 рр.: Дис. на здобуття вченого ступеню докт. іст. наук. (рукопис). – К., 1962. – 885 с.

³ Жебокрицький В. А. Болгарія напередодні Балканських війн 1912–1913 рр. – К., 1960. – 250 с.; той самий Болгарія під час Балканських війн 1912–1913 рр. – К., 1961. – 300 с.

⁴ Жебокрицький В. А. Дипломатія імперіалістичної Німеччини у зв'язку з Балканськими війнами 1912–1913 рр. // Наук. записки КДУ. – 1949: Історичний збірник. – Вип. 1. – С. 161–180; той самий. З історії виникнення Балканської війни 1912 р. // Наукові записки Інституту історії України АН УРСР. – К., 1952. – С. 85–105; той самий. З історії виникнення Балканської війни 1912 р. (Утворення Балканського союзу). // Наукові записки Інституту історії України АН УРСР. – К., 1953. – Т. 5. – С. 82–95; той самий. Економічне становище Болгарії напередодні Балканських війн 1912–1913 рр. – Вісник КДУ: Серія історії та філософії. – 1958. – С. 127–140; той самий. Внутрішнє становище Болгарії після Балканських воєн. – Український історичний журнал. – 1959. – № 1. – С. 48–60; той самий. Спроби Ватікану нав'язати Болгарії церковну унію у 1913 р. // Советское словяноведение. Матеріали IV конференції славістів. – Минск, 1969. – С. 401–410 та ін.

⁵ Влахов Т. Отношения между България и централните сили по време на войните 1912–1913 г. – София, 1957. – 249 с.; Митев Й. Героизъм на българската армия през Балканската война. – София, 1953. – 243 с.; Шарова К. Буржоазна историография и участие на България във войните 1912–1913 г. – Исторически преглед. – 196. – № 2. – С. 15–32.

⁶ Жебокрицький В. А. Болгарія напередодні Балканських війн 1912–1913 рр. – К., 1960. – С. 36, 37, 49, 67.

⁷ Там само. – С. 111.

⁸ Там само. – С. 183.

⁹ Жебокрицький В. А. Болгарія під час Балканських війн 1912–1913 рр. – К., 1961. – С. 36, 37.

¹⁰ Там само. – С. 78.

¹¹ Сідельніков С. І. Дослідження Жебокрицького В. А. в новій і новітній історії Болгарії. // Питання нової та новітньої історії. – К., 1976. – Вип. 22. – С. 115.

¹² Жебокрицький В. А. Болгарія під час Балканських війн 1912–1913 рр. – К., 1961. – С. 295–296.

¹³ Жебокрицький В. А. Історична роль російського народу у визволенні Болгарії від османського панування. – К., 1953. – 24 с.; Болгарія // Українська радянська енциклопедія. – К., 1962. – Т. 2. – С. 17–19; Історія південних і західних слов'ян: Підручник. За ред. проф. В. А. Жебокрицького. – К., 1966. – 424 с.

ИМЕННЫЕ ДНИ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ БОЛГАР БЕССАРАБИИ: РИТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ЭВОЛЮЦИЯ

Е. В. Петрова

Любое изучаемое явление культуры переходит в более четко очерченную категорию после основательного, качественного и всестороннего его изучения. Именные дни в календарной и семейной обрядности в академической науке еще не перешагнули эту черту и поэтому составляют одну из актуальнейших проблем с точки зрения научного разрешения. Это явление культуры является не достаточно изученным и систематизированным, в частности, отсутствуют работы, специально посвященные этим праздникам и их месту среди остального обрядового комплекса.

Данная проблема не рассматривалась в научной литературе, хотя многие авторы затрагивали эту тему в контексте собственных разработок. Наиболее систематизированное исследование принадлежит группе авторов (С. А. Токарев, Ю. В. Иванова, Н. М. Листова, И. Н. Гроздова и др.) «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX – нач. XX в.». Авторы прослеживают формирование обрядов с древнейших времен до первых десятилетий XX в., выявляют конкретные черты для каждого народа и общие для всего населения Европейского материка или региональных групп.

Частично этот аспект был воплощен в работах И. М. Шангиной, А. В. Курочкина, Л. Н. Виноградовой и других исследователей.

Не останавливаясь подробно и последовательно на всех работах, где были затронуты обрядодействия именных дней, можно заключить, что внимание ученых, как правило, сосредоточено на описании культа православных святых в религиозном сознании людей, влиянии его на традиционную обрядовую практику, приметы, поверья и запреты, связанные с этими днями. Объектом исследования в основном являлась религиозная сторона праздника, а внецерковная оставалась за пределами внимания ученых.

В предлагаемом исследовании дается попытка, сняв религиозные наслоения, показать народную сторону обрядности именных дней. Следует подчеркнуть, что обряды эти в большинстве своем носят церковный характер, а народный элемент в них был внесен значительно позднее, но зачастую не изменил их сущности.

Именные дни в церковном календаре – это праздники, установленные христианской церковью в память святым, прославившимся своими чудотворениями при жизни и после смерти¹. Обычай почитания святых пришел на Русь вместе с христианством. В греческой церкви слово «святой» означало «избранный», «праведный», «живущий по правилам»², а в этимологии славянских языков имело значение «крепкий», «незапятнанный», «праведный»³.

Культе святых лежит и в основе народного календаря. В народном сознании многие христианские святые заменили языческих богов, восприняв их

функции и заняв их место в пантеоне. В соответствии с языческой схемой с каждым святым закреплялись определенные сферы природы и человеческой деятельности. К примеру, почитание Ильи как святого, держащего «ключи от неба» и ведающего самыми могучими и грозными силами природы – грозами, дождями, градами, как известно, имеет корни в поклонении славянских язычников Перуну. С введением христианства св. Николай на восточнославянской почве явился преемником языческого бога Волоса и, соответственно, воспринял его функции. Традиционные представления о св. Власии генетически восходят к образу языческого скотьего бога Велеса⁴. Соединению образов языческого божества и христианского святого в народном сознании способствовала, вероятно, звуковая близость их имен.

Таким образом, процесс взаимовлияния языческой и христианской культур обусловил трансформацию образов христианских святых. Народный календарь внешне подчинен церковному, то есть циклическому празднованию праздников, а также дней памяти святых и церковных событий. Однако параллельно с христианским годовым циклом продолжала существовать языческая календарная обрядность, связанная порой уже с именами христианских святых.

Имена святых, часто в трансформированном виде послужили названиями праздников, а сами святые воспринимались как покровители сфер жизни, профессий, как защитники и помощники в определенных ситуациях. Обычно «специализация» святого каким-то образом основывалась на его житии. Часто святые наряду с апостолами и пророками считались посредниками между Богом и людьми, с ними связывались надежды на помощь в земных делах и заботах – покровительство в бедствиях, избавление от болезней, покровительство городам и областям, ремеслам и личное покровительство именных святых.

Именные дни составляют одну из характерных особенностей календарного цикла балканских народов, проживающих на территории современной Украины. К наиболее крупным и изученным относятся болгары – этническая группа, проживающая в Южной Бессарабии – историко-этнографическом регионе Украины, на территории которого издавна сосуществовал целый ряд этнических обществ.

Обращение к болгарскому материалу обосновано тем фактом, что именно в культуре данного народа наиболее полно представлены региональные варианты именной обрядности.

Обычай празднования именных дней в болгарской культуре связан с системой имянаречения. Традиционно имя новорожденному давала крестная либо по православным святцам (если день рождения ребенка совпадает с днем почитания святого), либо по имени предков по отцовской линии⁵. Таким образом, произвол в имени был крайне ограничен традицией, в целом игравшей важнейшую регламентирующую роль в жизни человека от рождения до смерти.

Установившийся порядок имянаречения сохраняется до сегодняшнего дня, хотя ныне уже довольно много исключений из данных правил. Зачастую ребенка называют современным именем, не характерным для традиционного болгарского именника, но подбирая имя так, чтобы его первая буква совпала с именем предка или святого, тем самым как бы отдавая дань старой традиции и одновременно не отставая от моды.

Самым распространенным мужским именем, значительно опережавшим остальные, было Иван (13 % от общего числа мужчин), за ним следуют имена Георгий, Петр, Тодор, Димитрий, Николай, Михаил, Василий, Илья и др. Самым распространенным женским именем было Мария (15,6 % от всех носителей)⁶.

Как видно из номенклатуры болгарского именина, все его варианты относятся к христианским календарным именам и часто совпадают с именами христианских святых. Эти святые воспринимаются в народе как персонифицированные покровители людей, названных в их честь и в календаре отмечаются особыми обрядовыми действиями.

Этнографический анализ именинного цикла праздников у болгар раскрывает три основных момента, связанных между собой определенной закономерностью. Во-первых, это элементы, связанные с посещением церкви именинниками и их родственниками; во-вторых, окказиональный этикет как центральный момент всех именинных дней; в-третьих, приготовление именинного курбана – принесение в жертву животного ко дню одноименного святого. Следовательно, эти праздники проходили по устоявшейся схеме, в которой присутствует архаичное инвариантное ядро: молитва, жертвоприношение и общая трапеза. В целом смысл и значение обрядовых действий именинных дней направлены в будущее – для здоровья и благополучия именинника и его семьи.

Говоря о религиозной стороне праздничной обрядности, а именно о посещении церкви, следует отметить, что в храм шли в первую очередь именинники, а также члены их семей. В церковь принято принести что-то из продуктов (хлеб, печенье, калач, вино), а также вещи личного и домашнего обихода – платок, полотенце, ковровую дорожку, деньги⁷. Все это освещалось батюшкой, затем продукты раздавали прихожанам, а принесенные вещи вешали на икону святого, что расценивалось как символическая форма жертвоприношения за здоровье именинника.

Возле иконы святого обязательно зажигалась свеча и читалась молитва с просьбой о личной судьбе, здоровье, благополучии.

В рамках домашнего пространства празднование именина начинается с момента его наступления. Каждый гость стремился прийти к имениннику первым, поскольку первый гость – знакомый или друг, но не родственник – пользовался привилегией умыться виновника торжества и получить за это подарок⁸.

Информаторы вспоминают, что раньше собиралась молодежь целой махалы (квартала села) и в полночь обходили всех именинников на близлежащих улицах. От дома к дому они ходили с песнями под гармонь, а подойдя к дому именинника вызывали его возгласами: «Вставай, Василий!» (называют соответствующее имя)⁹.

Первый гость приносил с собой в кувшине воду для умывания и поливал на руки имениннику, которой он символически умывал лицо. В некоторых случаях молодые и здоровые именинники позволяли облить себя водой, раздевшись до пояса, несмотря на погоду. Первый гость старался также подергать именинника за уши («за здраве»). Если тот был худой, то его тянули за уши в стороны, чтобы он поправлялся, а если низкий, то тянут вверх, чтобы рос высоким¹⁰.

Обрядовое умывание именинника присуще многим именинным дням – *Петровден*, *Димитровден*, *Никулден* и другим. Однако наиболее последовательно этот обряд соблюдается на *Иванувден*, несмотря на не очень благоприятные погодные условия на данный праздник. Особая приверженность именно этому обряду скорее всего связана с тем, что во многих районах Болгарии на Иванов день обливали всех молодых женатых мужчин прямо на улице их холостые сверстники¹¹. Если учесть, что и на следующий праздник, *Бабинден*, также соблюдается обряд поливания на руки повивальной бабке, то становится очевидным, что для всего трехдневного периода праздников (19–21 января) вода приобретает особый сакральный смысл, связанный с её очистительной функцией.

После ритуального умывания гости заходили в дом и вручали подарок имениннику. Как правило, это были элементы одежды – тапочки, рубашка, полотенце, носки, носовые платки. На *Иванууден* обязательно приносили переплетенный калач с курицей без отверстия. Выразительный способ вручения подарков удалось зафиксировать у жителей с. Кубей – подарок имениннику вручали не в руки, а клали ему на плечо¹².

Хозяин угощал посетителей блюдом из жертвенного животного, «черпал» вином и водкой. При этом гостями произносились различные пожелания в адрес именинника: «*Добр Петр, чтоб был жив и здоров*», «*Хай живут петровцы, за ними и другие*», «*Дай Бог здраве ти Иван да пумога Бог да и здравна дълги гудини*»¹³. В благодарность за поздравления гостей одаривали подарками – в обязательном порядке нужно было перевязать плечо гостя полотенцем или платком; кроме этого часто дарили носки, платки, носовые платочки.

Именной праздник обязательно сопровождался жертвоприношением на имя святого и приготовлением курбана. Человек, носивший имя этого святого, заблаговременно оповещал родню о том, что он будет делать курбан «*за своё здоровье и здоровье своей семьи*». Жертвенное животное, чаще всего барашек, назначалось хозяином дома заранее и изначально подвергалось более тщательному уходу и питанию.

Как правило, блюдо из жертвенного животного должен был готовить сам именинник. Так, Николаи готовят курбан на *летен Никулай* (так как зимний Николай приходится на Рождественский пост), Ивановы – на *Ивановден*, Дмитрии – на *Димитровден*, Федоры – на *Тодоровден* и т. д.

Наиболее детализированный и, по всей вероятности, архаичный обряд жертвоприношения совершается на день вмч. Георгия (*Гергьовден, свети Гьорги*). На *Гергьовден* обязательно жертвоприношение ягненка мужского пола. Подготовка к жертвоприношению и само заклинание сопровождалось обрядовыми действиями. Барашка, предназначенного на заклинание, обычно украшали цветами, чаще всего тюльпанами, а в некоторых случаях – красными ленточками. На рогах ягненка устанавливали зажженные свечи, принесенные из храма. Затем глава семьи окуривал жертву ладаном и закалывал. Обмакнув палец в свежую кровь зарезанного ягненка, вычерчивали кресты на лбах детей, либо наносили четыре пятна: на лбу, щеках и подбородке. При этом высказывалось пожелание: «*Свети Георгий дай му здрави, а забери червену*»¹⁴.

Оставшуюся кровь сливали в миску с водой. Среди болгар Бессарабии бытуют несколько вариантов предписаний относительно того, куда необходимо выливать содержимое миски: 1) в речку или ручей, поскольку проточная вода, которая уносит кровь жертвы, символизирует очищение от грехов, совершенных людьми до этого дня; 2) на нехоженое место, так как наступать на кровь считается грехом; 3) у корня дерева¹⁵.

Последнее предписание следует признать восходящим к наиболее архаичным представлениям, поскольку в нем заключена идея весеннего пробуждения и оплодотворения природы посредством жертвы. Необходимо отметить, что ягненок должен быть без пороков, здоровым, иначе жертва, по поверьям крестьян, будет негодна Богу.

Приготовление ягненка целиком являлось предписанием на *Гергьовден* и относилось к обрядовой кухне, между тем как в настоящее время более популярно аналогичное блюдо: запеченная баранина, но не целиком, а порезанная крупными кусками. В связи с распространением газовых духовых шкафов, более редким использованием печей и трансформацией обрядности на

Гергьовден в настоящее время обычно готовят ягнятину, порезанную кусками, запекание туши целиком постепенно отходит в прошлое. К печеной ягнятине добавляют рис, лук, зелень, специи¹⁶.

Традиционно в день св. Георгия в каждой семье непременно должен быть заколот ягненок. Одним из наиболее колоритных обычаев этого дня является коллективный «курбанный стол». Информаторы вспоминают, что раньше обрядовый курбан готовили целой махалой (5–6 дворов)¹⁷. В целях экономии печку топили в одном дворе, куда все соседи сносили уже разделанные туши жертвенного мяса и там же шли приготовления к обрядовой трапезе. После обеда выносили уже зажаренных барашков на улицу, где в каждом квартале было приготовлено усталанное коврами место.

Ныне обычай в быту не распространен. К концу XX в. круг участников обряда сузился до близкой родни в рамках домашнего пространства. Однако пережиток родовых отношений, ставший этической нормой, приобрел иную форму: в этот день долгом каждого является угостить своим курбаном других, в особенности стариков, больных, бедных односельчан-именинников, не имевших возможности принять участие в празднике.

Специфический характер праздника дает право считать, что в его основе лежит древняя практика коллективного съедания первого убитого на охоте животного, которая впоследствии перешла на домашнее, а еще позднее она видоизменилась в преподнесение жертвы божеству-покровителю.

Таким образом, традиция празднования именных дней представляет собой одно из уникальных явлений в календарной и семейной обрядности болгар Бессарабии. Возникнув на основе балканской традиции, этот обряд, несмотря на некоторые исторические трансформации, до настоящего времени сохранил стойкость структуры.

В настоящее время некоторые элементы этого обряда постепенно исчезают, определенным образом модифицируются. В большинстве семей религиозное значение этого ритуала почти забыто, но сам он осмысливается как традиционный семейный праздник, сопровождающийся общепринятыми традиционными обычаями.

¹ Религии народов современной России. Словарь. – Москва, 1999. – С. 469.

² Латышев В. В. Очерки греческих древностей. Богослужбная и сценическая древности. – СПб., 1889. – Ч. 2. – С. 163.

³ Этимологический словарь русского языка в 4-х частях. – Москва, 2004.

⁴ Русская мифология. Энциклопедия. – Москва, 2005. – 784 с.

⁵ Марков Л. В. Сельская община у болгар в XIX веке. // Труды института этнографии. – Москва, 1960. – Т. 62. – С. 185.

⁶ Очерки истории и этнографии села Кирнички в Бессарабии. – Одесса, 1998. – С. 243.

⁷ Записано со слов Митевой Ф. Я., 1932 г. р., с. Виноградное.

⁸ Записано со слов Михайловой А. М., 1931 г. р., с. Кубей.

⁹ Записано со слов Попаса П. А., 1927 г. р., с. Кубей.

¹⁰ Записано со слов Стояновой М. П., 1934 г. р., с. Виноградное.

¹¹ Колева Т. А. Болгары. // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Зимние праздники. – Москва, 1973. – С. 279.

¹² Записано со слов Куманова И. П., 1919 г. р., с. Кубей.

¹³ Державин И. С. Болгарские колонии в России. – София, 1914. – 256 с.

¹⁴ Записано со слов Сакалы П. К., 1923 г. р., с. Кубей.

¹⁵ Архив лаборатории кафедры археологии и этнологии ОНУ им. И. И. Мечникова.

¹⁶ Дыханов В. Я. Гергьовден в календарной обрядности болгар Украины. // Культурата на българите в Украйна. – Одесса, 1997. – С. 33–38.

¹⁷ Записано со слов Арабаджи В. В., 1922 г. р., с. Кубей.

ТАВРИКА И НИЖНЕДУНАЙСКИЕ ЗЕМЛИ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОЕ ВРЕМЯ: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ*

Н. Н. Болгов

В ранневизантийское время (IV–VI вв.) происходил процесс оформления региональной специфики отдельных комплексов провинций Восточной Римской империи¹. Среди наиболее важных регионов можно выделить Северопонтийский (Таврика) и Нижнедунайский (Фракия и Мёзия).

При всем различии в историческом пути этих регионов для них можно выделить ряд общих черт. Опыт сопоставления по ряду основных позиций, как нам представляется, помог бы более рельефно представить положение этих территорий в системе византийского «круга земель».

Письменные источники всегда конкретно говорят о северопонтийских Херсонесе и Боспоре. Понятие же «Балканы» не используется ни в географическом, ни в историческом смысле. Однако, в текстах ранневизантийских историков и хронистов есть региональные сюжеты, содержащие административные и географические реалии, имеющие отношение к балканским территориям². Наиболее важна, конечно, кн. IV, гл. IV-VII «О постройках» Прокопия Кесарийского.

Как известно, к началу византийской истории северобалканские земли несколько столетий уже находились в составе Римской империи. Таврика же была включена в Византию лишь в 530-е гг. (Боспор; Херсонес фактически был инкорпорирован ранее, в конце V в.).

Каждый из двух регионов неоднороден по географическому положению. Таврика (с Таманью) состоит из трех микрзон: 1) районы античных по своему происхождению городов (Херсонес, Боспор); 2) нагорный юго-западный район; 3) степи. Фракия с севера отграничена Дунаем, который лишь отчасти мог восприниматься как естественная граница, так как в принципе был преодолим для вторжений извне. Второй естественный рубеж – Балканский хребет. Как севернее, так и южнее Балкан есть весьма крупные долины, которые ограничены горными цепями. На юге естественным рубежом региона являются Родопские горы. Таврика по географическим микрзомам (и, соответственно, по культурным различиям) гораздо контрастнее Фракии.

История народов, населявших оба региона, протекала в природном оформлении гор, морей, равнин, но Фракия была крупнее и разнообразнее, а также имела много дорог, по которым осуществлялись связи внутри региона и со столицей. Таврика же использовала преимущественно морские коммуникации как для внутрирегиональных, так и для внешних связей.

* Работа подготовлена при поддержке Внутривузовского гранта БелГУ 2006 г. ВКГ № 126-06.

Таврика в ранневизантийский период стала гораздо ближе к Константинополю, чем в античные времена – к основным центрам ойкумены. Более регулярная навигация и прогресс в морском деле приблизили Северный Понт к сердцу цивилизации. Фракия в геополитическом плане была очень близка к столице, но магистральных путей между ней и центром было немного, и регион во многом был самодостаточен.

Нижний Дунай являлся транзитной зоной между Балканами и южнорусскими степями, и в общем такую же роль выполняло Северное Причерноморье. Кроме того, Нижний Дунай открывал варварским народам севера доступ к дорогам, следующим к крупным городам на побережьях морей. Возможности сухопутного проникновения в Таврику были меньше – с севера (через Перекоп или в целом Сиваш) и с востока – через Керченский пролив. Это не были непреодолимые преграды.

Если Таврика, по удачному выражению М. И. Ростовцева, была «разведчиком в море варваров» и сохранила эту главную геополитическую функцию в рассматриваемое время, добавив роль источника христианских миссий на север, то Балканы с точки зрения обороны от внешнего врага были глубоким эшелонем на путях к столице.

В административном отношении в VI в. Таврика образовала единицу, аналогичную провинции, которая не имела при этом единой компактной территории. Статус Северных Балкан на протяжении ранневизантийского времени менялся. В конце IV в. северо-запад территории входил в диоцез Дакия, префектура Иллирия; юго-запад – в диоцез Македония, префектура Иллирия; восток – в диоцез Фракия, префектура Восток. К концу VI в. сложилась более стройная система провинциального деления: Скифия – северо-восток; Нижняя Мёзия – восточная часть территории между Дунаем и Балканским хребтом; Дакия – западная часть той же территории; Фракия – центр; Гемимонт – юго-восток; Родопа – юг; часть Македонии – юго-запад.

Низменности Северных Балкан были источником сельскохозяйственного изобилия для империи, так как область между Дунаем и Балканским хребтом особенно благоприятна для земледелия и садоводства. Фракийская равнина с рекой Гебр (Марица) была северной границей распространения оливок. Экономическая самостоятельность византийских центров Таврики была в рассматриваемое время почти невозможной. Они могли стабильно существовать в рамках византийского мира и на его уровне материальной культуры лишь при устойчивых контактах с соседними регионами по морю. И, как известно, присутствие импорта в ранневизантийских слоях Херсонеса и Боспора достаточно масштабно – оно не прерывалось даже в самые сложные десятилетия Великого переселения народов.

Отношения с «внутренними», дружественными варварами были в обоих регионах различными. Если на Балканах вестготы-федераты появляются в 375–378 гг., а затем (после адрианопольской катастрофы) с 382 г., но вскоре компактные зоны их поселения исчезают, а варвары проникают в столицу на службу, то в Юго-Западной Таврике сложилась устойчивая и прочная область «энспондой», близкая к федератскому статусу и существовала в течение всего ранневизантийского периода.

Гораздо сложнее и важнее были отношения с внешними варварами. Вопреки распространенным стереотипам, внешние вторжения для Таврики были реже и менее разрушительными, чем для Северных Балкан. В Крыму аланская инфильтрация происходила относительно мирно в течение первых веков н. э. Вторжение Готского союза в III в. принесло ряд сложностей для Боспора,

но не разрушило его. Во 2-й пол. IV в. в Таврика попадает под влияние державы Германариха. В конце IV, или, более вероятно, на рубеже IV–V вв., в степи Таврики проникают гунны. Во 2-й пол. V в. в Таврику возвращается из Европы союз утигуров. В конце VI в. на Боспор нападают тюркюты. Ни одно из этих вторжений не было катастрофическим, и, как показывают археологические материалы, большая их часть даже не затрагивала боспорские города и Херсонес.

Дунайскую границу враги тревожили постоянно. В 386 г. император Феодосий защитил Фракию от некоего неприятеля, не обозначено точно в источниках. В 20–40-е гг. V в. Фракия фигурирует как единственная конкретная провинция Балкан, разоренная гуннами. Особенно опустошительным было нашествие Аттилы и Бледы в 442 г. Далее негативные для этой области события нарастают (по сведениям письменных источников, прежде всего Марцеллина Комита) вплоть до воцарения Юстиниана. А при великом императоре начинается новый цикл вторжений, открытый славянами и булгарами. В 530 г. магистр Мундон еще разбивает вторгшихся болгар, но далее набеги регулярно повторяются и принимают вскоре катастрофические масштабы: 545, 548, 550, 559 гг. и др. В конце VI в. в нападения на Балканы включаются авары. При Фоке в начале VII в. граница окончательно оказалась прорванной, и в 626 г. Константинополь был осажден аварами. Славяно-аварские набеги и славянская колонизация региона продолжают также весь VII век, пока в 681 г. болгары хана Аспаруха не занимают окончательно территории между Дунаем и Балканским хребтом.

Чтобы противостоять вторжениям, империя должна была создать надежные линии обороны. Понятно, что в силу указанных выше событий и их последствий, оборона Таврики была гораздо слабее, чем оборона Балканских провинций.

Укрепления Юго-Западной Таврики были рассчитаны на организацию защиты дальних рубежей империи, причем это были границы конкретного изолированного анклава. Стратегия возведения передовых укреплений (фрур), отдельных башен на пути к крупным городам, преимущественно на господствующих высотах, была широко известна и активно использовалась византийцами³. На Балканах ситуация была иной.

По мнению ряда специалистов, в Таврике была создана единая регулярная оборонительная система лimesного типа, совпадавшая с естественной границей между приморской и степной частями полуострова. Однако, все эти пункты (укрытия, укрепленные сторожевые посты), не составляли единого оборонительного комплекса или фортификационной системы. В их расположении, как справедливо указывает С. Б. Сорочан, не были предусмотрены ни несколько линий эшелонированной обороны, ни «шахматный принцип», свойственный Балканскому лimesу, который обладал еще и гораздо большей плотностью⁴. На Балканах же существовала целая многоуровневая система обороны, включавшая более 600 крепостей и башен, систему параллельных оборонительных поясов. Первый пояс шел вдоль южного берега Дуная и включал Никополь, Новы, Ятрус⁵, Доростол и др. Второй шел по Балканскому хребту и опирался на Гем, Маркианополь. Третий пояс исходил из Сердики. Во 2-й пол. VI в. в Малой Скифии было 30 кастра и укреплений, в Нижней Мёзии – 66, в Гемимонте – 54, во Фракии – 36⁶.

В Северопонтийском регионе в ранневизантийское время роль более или менее крупного города выполнял, пожалуй, один Херсонес. Ряд городков Боспора – прежде всего Пантикапей, Фанагория – соответствовали в общих чертах малому городу, городку империи. Малые же боспорские городки (Китей, Киммерик) по имперским масштабам вряд ли оправдывали такое название.

Во Фракии и Мёзии существовали десятки различных городов и городков, крупнейшие из которых были также крупными религиозными центрами – резиденциями епископов – Маркианополь, Филиппополь, Новы на Дунае⁷, Никополис на Месте⁸, Цоида в Гемимонте⁹ и др. В Таврике аналогичную роль выполнял только Херсонес.

Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики обнаруживают общие принципы византийского строительного дела. Кладки стен очень близки кладке стен ранневизантийского Подунавья (два панциря квадров с соблюдением горизонтальности рядов в системе чередования точек и ложек с забутовкой между ними на известковом растворе с песком, уложенные местами на вырубленные в скале «постели») ¹⁰. Строительное дело в византийских провинциях Северных Балкан являет чисто византийские образцы.

Некоторые города во Фракии в самом конце VI в. еще сохраняли дарованное им ранее императорское право иметь свой собственный гарнизон во главе со «знатными стратиотами города», т. е. определять его численность и состав. Херсониты, как сегодня считается большинством специалистов, тоже могли выставлять полурегулярное или иррегулярное воинское формирование – ополчение взрослых мужчин (1/6 городского гражданского населения) ¹¹. Дискуссия о городском ополчении херсонеситов имеет обширную литературу (В. М. Зубарь, С. М. Сорочан, К. Цукерман и др.).

Христианизация местного населения на Нижнем Дунае происходит в массовом масштабе уже во 2-й пол. IV в. В каждой из провинций Северных Балкан возникает в среднем от 5 до 10 епископий (в провинции Родопа – 7). Открыто много базилик ¹², начиная с рубежа IV–V вв. с многочисленными остатками мраморной декорации, мозаик и пр. В Таврике период решающей христианизации происходит во 2-й пол. VI в., и, несмотря на появление со временем нескольких епископий, лишь Херсонес в определенной степени приобрел вид епископского города.

Историческая судьба обоих регионов оказалась различной. Пережив, несмотря на серьезные внешние потрясения, свое становление как регион Византийской империи в IV–VI вв., Фракия и Мёзия с VII в. были прочно захвачены варварами и почти целиком утрачены для империи. Дальнейшая их судьба протекала в рамках истории болгарского этноса. Таврика же, выжив в море Великого переселения народов, с конца VII в. оказывается в состоянии condominiuma между империей и хазарами, небольшого анклава византийской культуры за морем. Сделанные наблюдения и сопоставления позволяют лучше представить процесс становления и эволюции Византии на микрорегиональном уровне, а также стимулируют поиски корректных аналогий в истории и культурных феноменах обоих регионов.

¹ См. об этом, например: Оболенский Д. Византийское Содружество наций. – Москва, 1998. – С. 17–51.

² Козлов А. С. Балканы в V – сер. VI вв. в изображении Комита Марцеллина. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 55.

³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры. – Харьков, 2005. – С. 211.

⁴ Там же. – С. 210.

⁵ Иванов Т. К. Римская и ранневизантийская крепость Ятрус на Дунае. // Советская археология. – 1969. – № 4. – С. 184–199.

⁶ Овчаров Д. Византийски и български крепости V–X век. – София, 1982. – С. 163; Иванов С. А. Оборона балканских провинций Византией в I пол. VI в. и проникновение варваров на Балканы. // Византийский временник. – 1984. – Т. 45. – С. 49–50; Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени. – Автореф. дисс. д-ра ист. наук. – Москва, 1999. – С. 34–35.

⁷ *Novae. Studios and Materials.* – Poznan, 1995.

⁸ Ваклинова М. Епископия Никополис на Месте. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 66–67.

⁹ Щерева И. Ранневизантийский епископский центр Цоида. // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. – Екатеринбург, 2004. – С. 68–69.

¹⁰ Сорочан С. Б. Указ. соч. – С. 204.

¹¹ Там же. – С. 228.

¹² Чанева-Дечевска Н. Ранно-християнската архитектура в България IV–VI в. – София, 1999.

К ПРОБЛЕМЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРАБОЛГАРСКИХ МОГИЛЬНИКОВ VII–X ВВ. СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ ВОЛГО-ДУНАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

А. В. Крыганов

В степной полосе и в ближайших территориях Волго-Дунайского междуречья расположено большое количество различных по размерам и датировке ямных некрополей. Их оставили кочевники второй половины VII — начала XI вв. Значительная часть этих могильников официально считается болгарскими (праболгарскими)¹. Наиболее обширные регионы, где расположены данные некрополи, находятся в Нижнем Подунавье², в Подонье и Приазовье³, а также в Среднем Поволжье⁴. Маленькие или средних размеров могильники имеются в Северо-Западном Предкавказье⁵, на Юго-Востоке Крыма⁶, в Степном Поднепровье⁷.

Но только на территории Нижнего Подунавья (в основном в Северо-Восточной Болгарии) практически все известные ингумационные некрополи вместе с одновременными и соседними (часто двойными) южнославянскими кремационными археологически раскопаны почти полностью, хорошо освещены в печати, научно глубоко исследованы⁸. Во всех других регионах Волго-Дунайского междуречья могильники праболгар, которые имеют относительно большие размеры (Крымский, ранняя группа Казазовского, ямная часть Старокорсунского) лишь частично раскопаны и исследованы слабо. То же самое можно сказать и о таких огромных некрополях, как Нетайловский, Танкеевский, Больше-Тарханский⁹.

Как уже отмечено, указанные ямные могильники по общепринятому мнению принадлежат праболгарам. Но некоторые ученые относят наиболее крупные из них к другим кочевническим этносам Юго-Восточной Европы, хотя специального и глубокого их исследования они не проводили. Насчитывающий более пяти тысяч ямных захоронений огромный Танкеевский некрополь Среднего Поволжья имеет некоторое сходство с венгерскими погребениями в Паннонии. По этой причине некоторые исследователи относят его к смешанному или древневенгерскому (угорскому) этносу¹⁰. После первоначальных археологических раскопок 1959–1961 гг. не была определена этническая принадлежность самого большого Нетайловского ямного могильника верховьев Северского Донца из-за сильного отличия от тогда ближайшего Зливкинского ямного некрополя. А в дальнейшем без специальных исследований и проведения обычной дискуссии по этой важной научной проблеме не обойтись, т.к. уже появилась целая гамма разнообразных точек зрения. В различных публикациях многими учеными упоминалось или специально указывалось о том, что оставившее этот могильник население огромного Нетайловского археологического памятника принадлежало либо неизвестно кому¹¹, либо в целом каким-то тюркоязычным кочевникам¹², либо в общем пра-

болгарам¹³, либо ираноязычным аланам¹⁴, либо утригурам¹⁵. Относительно многих небольших ямных некрополей салтовской культуры Подонья – Приазовья нередко отмечалось малое или большое отличие какого-либо рассматриваемого могильника от других ближайших или всех праболгарских¹⁶. При исследовании разнообразных ямных некрополей VII–X вв. (или салтовской культуры) в Крыму обычно в публикациях сообщается об их особенностях, исходя из которых только некоторые из них могут считаться праболгарскими¹⁷. В Нижнем Подунавье у болгарского села Нови Пазар археологически уже раскопан большой грунтовый могильник, который (прежде всего по ориентации погребенных) сильно отличается от ближних, поэтому нет уверенности о его праболгарской этнической принадлежности¹⁸.

И по отношению к некоторым из всех праболгарских ямных некрополей второй половины VII–X вв. Волго-Дунайского междуречья в разных научных публикациях имеется мнение либо об их необычности или отличии по отношению к другим ближайшим, либо об иной этнической принадлежности оставившего их населения¹⁹. И это по-разному может коснуться как археологической науки предсалтовской и салтовской, поволжской, предкавказской, нижнедунайской (раннеболгарской) культур, так и научной истории раннесредневековых кочевников юга Восточной Европы, Хазарии, Волжской и Дунайской Болгарии и т.д. Эта проблема возникла уже давно, но почему-то никогда никем комплексно не рассматривалась. Поэтому возникла необходимость в ближайшее время серьезно поработать в этой области.

Точность и верность определения этнической принадлежности отдельного захоронения или всего некрополя опирается на глубокую и специально разработанную методику решения этой задачи. В отечественной археологической науке это отчасти осуществлено по отношению к древности в целом²⁰, а по праболгарским древностям юга Восточной Европы, Подонья – Приазовья или Предкавказья сделано совсем мало²¹. Данную методику необходимо привязать к периодам и сделать как общую для всей рассматриваемой территории, так и конкретную, по всем упомянутым регионам. При этом следует учитывать, что раннесредневековые болгары состояли из нескольких тюркоязычных племён²², что наверняка коснулось и определенного отличия в их захоронениях. Находясь в любом месте Волго-Дунайского междуречья, праболгары всегда были ближайшими соседями разноэтничных как кочевнических, так и оседлых племён или народов, с которыми обычно глубоко сливались²³. Поэтому постоянная и хорошо разработанная методика определения этнической принадлежности захоронений таких праболгарских оседлей необходима.

Для уверенного определения этнической принадлежности достаточно больших (от немалых до огромных) некрополей следует опираться не столько на определенное количество уже вскрытых захоронений, сколько на исследования таких погребений как с центра, так и с нескольких сторон и окраин исследуемого могильника.

Для реального и прежде всего чисто научного выделения среди различных ямных некрополей VII–X вв. праболгарских могильников, расположенных в степной полосе Волго-Дунайского междуречья и возле неё необходимо создать значительную исследовательскую группу, куда бы входили ученые, которые специально занимались отдельными или всеми отмеченными регионами. Готовые к публикации результаты должны быть основаны на уже определенной точке зрения всей отмеченной группы или её отдела. Наиболее сложные вопросы следует широко обсуждать, учитывая противоположные мнения и точки зрения всех ученых, участвующих в обсуждениях.

В конечном счете лишь таким способом можно научно трактовать рассматриваемую праболгарскую проблему, которая имеет важное и широкое значение для средневековой археологии и истории юга Восточной и Центральной Европы.

¹ Плетнева С. А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). – МИА. – 1967. № 142. – С. 98, 186–188; Генинг В. Ф. Некоторые вопросы периодизации этнической истории древних болгар. // Ранние болгары в Восточной Европе. – Казань, 1989. – С. 11–13; Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (IV – начало XIII вв.). – Киев, 1997. – С. 27.

² Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна, 1987. – Обр. 29; Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1989.

³ Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовье // Плиска – Преслав. – Т. 2. – София, 1981; Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981. – Рис. 38; 39.

⁴ Халиков А. Х. Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге. // Плиска – Преслав. – Т. 2. – София, 1981; Степи Евразии... – Рис. 38; 39; Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. – Самара, 1998.

⁵ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – МИА. – 1962. – № 106. – С. 88; Ковалевская В. Б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе. // Плиска – Преслав. – Т. 2. – София, 1981; Степи Евразии... – Рис. 38; 39; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. – Москва, 2003. – С. 162–163.

⁶ Баранов И. А. Население Крымской Хазарии (по материалам грунтовых могильников VII–X вв. // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990; Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). – К., 1990. – С. 117, 121; Земерова Т. Ю. Историография вопроса происхождения болгар. // Материалы Международной конференции молодых ученых. – Харьков, 1994. – С. 32; Крым, Северо-Восточное Причерноморье... – С. 57.

⁷ Швецов М. Л. Погребения салтово-маяцкой культуры в Поднепровье. // Древности Среднего Поднепровья. – Киев, 1981. – Рис. 1; Земерова Т. Ю. Этническая интерпретация ямных могильников салтово-маяцкой культуры (постановка проблемы). // Материалы Международной конференции молодых ученых. – Харьков, 1994. – С. 127.

⁸ Ваклинов С. Т. Формиране на старобългарската култура VI–X век. – София, 1977; Димитров Д. Прабългарите...; Плетнева С. А. Димитър Димитров. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. Варна, 1987. // СА. – 1989. – № 3. – С. 275–276; Проблеми на прабългарската история и култура. – София, 1989.

⁹ Плетнева С. А. Димитър Димитров... – С. 273–274, 275.

¹⁰ Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. // ПАДИУ. – 1972; Халикова Е. А. К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе. // Плиска – Преслав. – Т. 2. – София, 1981. – С. 76, 78, 79; Халиков А. Х. Изучение археологической культуры ранних болгар на Волге // Плиска – Преслав. – Т. 2. – София, 1981. – С. 40–42; Казаков Е. П. Об этнокультурных компонентах народов Юго-Восточной Европы в Волжской Болгарии (по археологическим материалам). // ТА. – 1997. – № 2; Казаков Е. П. К вопросу о хазарском и угорском компонентах в культуре ранней Волжской Болгарии. // Проблемы древней и средневековой археологии Волго-Камья. – Казань, 1999.

¹¹ Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. – Киев, 1967. – С. 152, 163.

¹² Березовец Д. Т. Салтівська культура. // Археологія Української РСР. – Т. 3. – К., 1975. – С. 435.

¹³ Иченская О. В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника. // Древности Среднего Поднепровья. – К., 1981. – С. 96; Плетнева С. А. Древние болгары... – С. 11; Пархоменко О. В. Поховальний інвентар Нетайлівського могильника VIII – X ст. // Археологія. – 1983. – Вип. 43. – С. 75; Крыганов А. В., Чернигова Н. А. Новое исследование Нетайловского могильника салтовской культуры. // ВХУ. – 1993. – № 374. – Вып. 27. – С. 35, 34.

¹⁴ Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). – М., 1987. – С. 149–150.

- ¹⁵ Аксенов В. С. К вопросу об этнической принадлежности захоронений с конем Нейтальковского могильника. // ВХДУ. – 1997. – № 396. – Вып. 29. – С. 36.
- ¹⁶ Земерова Т. Ю. Этническая интерпретация...
- ¹⁷ Баранов И. А. Население... – С. 102; Айбабин А. И. Этническая история раннеантичного Крыма. – Симферополь, 1999. – Гл. IV; Крым, Северо-Восточное Причерноморье... – С. 57, 62.
- ¹⁸ Станчев С. Р. Новый памятник ранней болгарской культуры (к вопросу о праболгарах). // СА. – 1957. – Т. XXVII. – С. 130, 131; Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. – М., 1964. – С. 127.
- ¹⁹ Земерова Т. Ю. Этническая интерпретация... – С. 129.
- ²⁰ Генинг В. Ф. Этнический процесс в первобытности. – Свердловск, 1970; Павленко Ю. В. К вопросу об условиях формирования этноса и этнических свойств. // Методологические и методические вопросы археологии. – К., 1982; Алексеев В. П. Этногенез. – Москва, 1986; Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). К., 1990. – С. 150–183.
- ²¹ См.: Плетнева С. А. Древние болгары... – С. 9–10; Ковалевская В. Б. Археологические следы... – С. 44, 49, 51; Генинг В. Ф. Некоторые вопросы... – С. 7, 8; Литаврин Г. Г. Формирование этнического самосознания болгарской народности (VII – первая четверть X в.). // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982; Земерова Т. Ю. Этническая интерпретация... – С. 127, 128; Афанасьев Г. Е., Лопан О. В. Об одном исследовательском парадоксе в поисках этномаркирующих признаков протоболгар. // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. – М., 1996; Томилов Н. А. Этничность, этнические общности и процессы (в связи с работами Владимира Федоровича Генинга). // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Материалы научной конференции. – Ижевск, 2000.
- ²² Артамонов М. И. История хазар. – Ленинград, 1962. – С. 79–81; Димитров Д. Прабългарите... – С. 31–44; Плетнева С. А. Димитър Димитров... – С. 273.
- ²³ Халикова Е. А. К вопросу... – С. 78, 79; Плетнева С. А. Древние болгары... С. 11; Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. – М., 1983. – С. 87; Димитров Д. Прабългарите... – С. 67; Каминский В. Н. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани. // СА. – 1987. – № 4. – С. 202; Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – Москва, 1990; Бубенок О. Б. Ясы и бродники... – С. 44.

ИЗ ДОКУМЕНТАЛНОТО НАСЛЕДСТВО НА ПРОФ. МАРИН ДРИНОВ

Д. Билярска-Стефанова

Историческата наука разполага с две издания на съчиненията на проф. Марин Дринов – едното, тритомно, под редакцията на проф. Васил Златарски¹, и второто, двутомно, под редакцията на проф. Иван Дуйчев², които отдавна са библиографска рядкост. Българската академия на науките и Харковският университет издадоха и сборници в чест и в памет на големия български и руски учен³.

Личният архив на проф. Марин Дринов, съхраняван в Българския исторически архив към Народната библиотека „Св. св. Кирил и Методий“ пази ценна документация за живота и научното творчество на учения. В него има информация и за първите стъпки на възстановената българска държава, в устройството и управлението на която участва и той⁴. Марин Дриновата библиотека се съхранява също в Народната библиотека⁵. Документи за живота и дейността му се пазят и в Научния архив към Българската академия на науките, Централния държавен архив, Софийския градски окръжен държавен архив и на други места.

Досега многократно са публикувани отделни документи от архива на проф. М. Дринов, както и от други лични архиви. Сред тях бих искала да посоча публикациите на кореспонденцията на проф. Марин Дринов с проф. Константин Иречек, Кузман Шапкарев, Райко Жинзифов, Петко Р. Славейков, Григор Д. Начович, Васил Д. Стоянов, Васил Друмев (митрополит Климент), Тодор Пеев и др⁶. Въпреки направеното определено може да се каже, че цялостното му документално наследство все още не е напълно познато и пред историци и архивисти стои отговорната задача за публикуването му.

При работата ми по подготовката на документалната изложба на Научния архив към Българската академия на науките по повод 100-годишнината от смъртта на големия учен и държавник попаднах на неизвестни и неизползвани в историческата наука писма от, до и за проф. Марин Дринов, съхранявани в Централния държавен архив (ЦДА).

В настоящата публикация предлагам една малка част от издирените документи. Те обхващат много продължителен период от живота му – като професор по история в Харковския университет и като началник на Отдела на народното просвещение във Временното руско управление в България. Включената кореспонденция е свързана с желанието му да се срещне с българската депутация, изпратена в Русия през 1879 г. при император Александър II с учредената през 1887 г. Хилфердингова премия; антибългарската политика на ново-назначения руски генерален консул в Солун И. С. Ястребов по време на кризата в българо-руските отношения при управлението на Стефан Стамболов; с молбата за помощ от българския възрожденец Захари Круша през 1879 г.; със заслугите му за избирането на София за столица на България и др.

Документите се публикуват цялостно без каквито и да било съкращения, като са запазени, там където е било възможно, езиковите и правописните им

особености. В случаите, в които са установени съкратените в текста думи, липсващите части са добавени в квадратни скоби. Подчертаните в оригинала текстове са предадени с получер шрифт.

Документите се съхраняват във Фонда на Монархическия институт (ф. 3 к), на Българската екзархия (ф. 246 к), на Христо Стоянов (ф. 950 к), на Мара Белчева (ф. 124 к), на Димитър Хаджикоцев (ф. 682 к) и на Захари Круша (119 к).

№ 1. Писмо от проф. М. Дринов до Христо Стоянов за дейността му като съветник по държавни работи при Свищовското губернаторство и с покана да приеме длъжността съветник по наказателните дела в новата столица на България София.

с. Богот, 12 декември 1877 г.

Любезни Стоянов!¹
Благовествую тебе радость велию!

Отваря се Софийския санджак, – Орханйиската и Златишка кази са вече в ръцете ни; има надежда, че скоро щат се отърват и другите. За софийски губернатор се назначава агентът на Словенский комитет Алабин², человек, който, до колкото могах да го разбера, подава добри надежди. За вицегубернатор тука щат мене, само за два – три месеца, доде се тури редът. Ти знаеш, как гледам аз на София, та недей се чуди, че поемам на себе тая длъжност. Най-голямата ми грижа ще да е, да се приберат в София колкото е възможно повече и по-скоро добри деятели. Захващам от тебе и с настоящото си ида да те питам, пристаяш ли да станеш за сега „Съветник по казенным делам“ в бъдащата, ако е рекъл Господ, българска столица? Ако пристаяш, отговори незабавно, по телеграфа, та да ти пратим официална калеска. След една неделя ние с Алабина търгаме за Орхание, та е желателно до тогава да ми стигне отговорът ти. Преводваче трябва пет – шест души, – потърси из Свищов и, ако намериш, яви ми незабавно.

Твой М. Дринов

Тука се очаква Мелетий³, който, може би, ще търгне с нас наедно за в Орхание и по-нататък. Зная, че вие сте скарани с него, но в тая кавга не сте виновати – нито той, нито ти, – турците направиха да се смразите. Заедно с турците нека изчезне и вашата омраза. Мелетий ще замине през Свищов, – постарай се да се видиш с него, та да се разговорите добре за софийските работи.

ЦДА, ф 111 к, оп. 1, а. е. 1324, л. 1–2. Оригинал. Ръкопис.

№ 2. Писмо от Захари Круша до проф. М. Дринов с молба да му бъде отпусната пенсия и за финансова помощ на дъщеря му Олга.

София, 27 февруари 1879 г.

До Негово Преводходителство управляющия Отдела на Народното просвещение и духовни дела господина М. С. Дринова.

Прошение старого учителя, Захарий Икономова Круша.⁴

Я долуподписаний приемам смелост да Ваше превъзходителство замоля покорнейше за благодеяние и помощ и на милата ми дъщерка Олга, която вече свършва курса си на науката, що се е занимавала в седмогодишно време в

Москва при Алексеевский манастир и Маринский институт и иска да си дойде след будущите годишни экзамени, но се нуждае от пари, като [...] да се уведомят подробно от приключеното нейно до мене писмо, в което ме задължава да ѝ намеря около полтора ста р[убли] за потребните ѝ ствари: защото Бл[аготворителният] комитет снабдевал само с нужните пътни разноски, а не и за дрехи и книги. Аз же не имеея средство от никъде да ѝ спомогна в тия обстоятелства, а желая да дойде да я видя до гдето съм още жив, провождаю к високому управлению Вашего Превозходительства и моля покорнейше да би благоволили да земете във внимание това мое прошение, чтото да се изпълни желанието ми немедленно. За което ща бъда завсегда

Вашего Превозходительства признательнейший и благодарственный.

* * *

Дъщеря ми Ольга, която сега влиза 19-годишна возраст на разноски на Благотворителния славянски комитет е постъпила в 1879 год. да ся учи в Маринский институт при Алексеевския манастир в Москва. Тя свършва вече курса на учението и подир тазгодишните изпити желае да си дойде тука да послужи на отечеството си като учителка или друго що ѝ иде от ръка. За да си набави нужните неща молими ся да ѝ изпратя сто и петдесят рубли, в противен случай тя щяла да се принуди да остане пак там. Приключвам тук последното нейно писмо, от което ще видите в що състои молбата ѝ.

Известно е на Ваше Превозходительство не съм в състояние да ѝ помогна, а пък горещо желая да я видя додето съм още жив. Като си предполагавам, че връщанието на дъщеря ми не ще да бъде безполезно за народа ни взимам смелост да се обърна към Ваше Превозх[одительство] и най-покорно да Ви помоля да благоволите и ми направите това благодеяние, като разпоредите дето надлежи да ми ся отпусне казаното количество, за да мога по във време да улесня завръщането на дъщеря ми.

* * *

До Отдела на Народното просвещение и духовни дела.
Прошение стараго учителя Захария Икономовича Круша.

Предварително бях подал сл[...] на Негово сиятелство за пензия да ми се определи, и наскоро видях да се е определило не само мене, но и на всички учители, които са учителствували више от 20 год. низ България. Потом подадох второ прошение до Негово Превозходительство за помощ на дъщеря ми Ольга, която свършва веќе курса си на учението в Маринский институт, та да си набави потребните вещи и си дойде, но не се сподобих до днешний ден да получа нищо пара от някъде, а аз се нуждая по-премногу от безпаричие, а най-паче понастоящем, защото нямам нито пари, нито кредит, за да си купя най-нужните и най-потребните неща, като дрехи, обуца, ястия и пития и проч. за празника Воскресение Хр[истово].

Того ради най-покорно моля Отдела на народното просвещение и духовни дела да благоволи да промисли за мене ускоднаго седемдесетилетнаго старца и ме снабди поне с потребното за празниците количество, за което ще му бъда най-признателен и най-благодарен завсегда слуга.

ЦДА, ф. 119 к, оп. 1, а.е. 1, л. 1-2. Чернова. Ръкопис.

№ 3. Писмо от З. Круша до проф. М. Дринов с благодарност за отпуснатите пенсия на него и помощ на дъщеря му Олга.

[София, 1879 г.]

До Негово Преводходителство управляющий Отдела на Народното просвещение и духовните дела г. М. С. Дринова.

От освобождението на нашето отечество, от агарянското пtiвековно робство чрез високославното и силно руско правителство, за мен настанаха весели и честити дни – честити казвам, едно защото се сподобих и аз 70-ти летний старец да видя спомянатото освобождение, а друго и за дълговременните си учителски трудове, чрез които малко-много съм и аз донейде помогнал на народното ни образование, да получа награда и помощ, както и от Благотворителният югославянский комитет, в изтекшата 1878 г. от Алабина. Тъй също и сега чрез съдействието на Ваше Превъзходителство за вспомоществование-то на дъщеря ми Олга от 150 кн[ижни] р[убли] и определената ми от Ваше Превозходителство пензия от 900 фр[анка], за което Ви най-много благодаря. При такива благодеяния, които ся изливат на мен, особено сега, в дните на старостта ми, не мога от длъжност ми налага да не изразя към Ваше Превозходителство чувства от благодарност и признателност, както що и в крайно задоволство.

Имея чест да бъда към Ваше Превозходителство най-благодарний и най-признателний

З. Круша

ЦДА, ф. 119 к, оп. 1, а. е. 1, л. 3. Чернова. Ръкопис.

№ 4. Писмо от проф. М. Дринов до Димитър Хаджикоцев за желанието му да се срещне с българската депутация по време на пребиваването ѝ в Русия за среща с император Александър II.

Б. м., 13 юли 1879 г.

На 19-ти юлия смятам да стигна в Одеса, от гдето незабавно ще търгна за Харков. Там ще се помая един ден, после ще търгна за село Сеньково, което се намира в Орловската губерния, близо до станциите Понири и Александровка. От Понири отстои на 25 версти, а от Александровка на 15. С депутатите бих желал да се срещна на една от тие станции или в Москва. Те много ще ме зарадват, ако ми телеграфират, кога ще търгнат от Киев за Петербург, та да зная кога да ги чакам на една от речените станции. Ако би пък по някоя причина тая среща не ни се удаде, то в такъв случай, аз моля депутатите да ми телеграфират из Петербург кога мислят да се върнат от там в Москва.

Телеграмите трябва да бъдат адресовани така: Московско – Курская железная дорога. Станция Александровка. Професору Дринову.

[На гърба на писмото има следния текст: „23 сего куриерским поездом выежаем через Москву в Петербург. Коцов.“⁵]

ЦДА, ф. 682 к, оп. 1, а. е. 342, л. 1–2. Оригинал. Ръкопис.

№ 5. Писмо № 3094 от Министерството на външните работи и изповеданията до проф. М. Дринов за преместване на печатница от Русе във Велико Търново за печатане протоколите на Народното събрание.

София, 13 септември 1880 г.

Господину М. Дринову,
професору Харковскога университета

По Ваша покана г. Н. Жейнов е принесъл част от печатницата си от Русе в Търново, за да печата протоколите на Учредителното народно събрание, без да е направил, обаче, некакви писмени условия за това. По заявлението на г. Жейнова, той устно сключил условия, по които печатал делата на Събрание-то, с Вас, като управляющий тогава Отдела на просвещението, и с тогавашний Търновский губернатор, г. Щербинскога, по заповедта на когото той и принесъл своята печатница в Търново.

Понеже условията, за които заявява г. Жейнов, са неизвестни, при всичко, че той в прошенията си от 13 август миналата 1879 г. до председателя на Министерский съвет излага едни условия, то имам чест да Ви помоля, почитаемий господине, да бъдете така добри, да ми явите за тия условия, ако такова е имало между Вас и г. Жейнова, за да могат сметките на тоя последний с Н[ародното] събрание да се приключат.

Приемете, почитаемий господине, уверение в свършеното ми към Вас почитание.

За министра

Главен секретар: *Алек. Людсканов*⁶
Началник на отделението: *С. Михайловски*⁷

[На първата страница на писмото има следната бележка: „Получ. 25 септ.“]

ЦДА, ф. 124 к, оп. 1, а.е. 132, л. 2. Ръкопис. Оригинал.

№ 6. Писмо от Ат. Шопов до екзарх Йосиф I с предложение проф. М. Дринов да кандидатства за Хилфердинговата премия за написване на труд за езика и историята на българското население в Македония.

[1887 г.], б. м.

Записка

До Негово Блаженство Българския Екзарх господина Йосифа I⁸ по Гилфердинговата премия⁹, обявена от С[анкт]петербургското Славянско благотворително общество.

Ваше Блаженство,

Аз имах вече случая да Ви говоря за Македонската премия, която С[анкт]петербургското Славянско благотворително общество е учредило в името на покойния А. Т. Гилфердинга. Тая премия ще има следующата тема: „Да се представи географически и етнографически очерк на съвременна Македония, при което да се обърне особено внимание върху характеристиките на наречията на тамошното славянско население; да се изложи, на основание верни източници, историческата съдба на Македония от VI и VII векове до XV век; да се приложи указател на рочищата и кратко описание на съхранените

в сегашна Македония византийски и славянски паметници за указаното време“. Съчиненията на тая тема трябва да бъдат готови на 11 май 1890 година. Славянското благотворително общество запазва правото си за издаване съчиненията си, които ще получават премията си.

Няма нужда, Ваше Блаженство, да привлечам вниманието Ви върху голямата важност, която има тая премия за делото, на което главно са посветени грижите на Екзархията; излишно е да Ви напомнявам каква важност ще има тя и въобще за разрешението на Македонския въпрос. Македония е много малко известна от научна точка зрение. Тя е спорна по причина на това именно – защото е малко известна; наречията на македонското население минуват у някои за по-близки, даже съставляващи част от сърбския език; много страници от историята на македонското население се смесват с историята на сърбския народ, по единствената причина, че е неизвестен както езикът, тъй и историята на македонца в строга подробност и в документална научност. Премията на Славянското общество ще даде светлина за тая страна в историческо, филологическо, археологическо, етнографическо и географическо отношение.

Жалостните неспоразумения, породени от две – три години между руското и българско правителства¹⁰ дадоха възможност и спечелиха почва на сърбите да въздигнат в руския печат Македонския въпрос и с нови домогвания да представляват македонците за сърби, да казват, че македонското наречие е поднаречие на сърбския език. По тоя въпрос приближава да се образува цяла школа между учения славянски и повечето руски свят, най-вече при раздраженията и злобата, причинени от неотодавнешните и съвременни политически събития. Като вземами пред вид това, ний имами право да се опасяваме, че сърбите ще направят всевъзможни жертви да се възползват от тоя случай и да съставят съчинение, което да спечели казаната премия, най-вече като се има пред вид, че това съчинение ще бъде напечатано от самото С[анкт]петербургско Славянско общество, което, със своя авторитет, с известната научна специалност на мнозина от своите членове, ще даде с това известно предрешение на Македонския въпрос в полето на науката, що се касае до езика и историческото минало на македонците. Няма съчинение, че щото издаде Славянското общество по историята, филологията и етнографията на Македония, то ще се счита за право и безпристрастно от ония, които обикновено решават народните въпроси в кабинетите си, и ще се цитира и взима във внимание при всякой случай. Сърбите знаят всичко това и затуй вземат сериозни мерки за да може да се спечели премията на Славянското общество от тях. Частни известия ни явяват, че сърби и сърбофили в Петербург влезли в споразумение с някои учени и влиятелни лица в Белград и съставили програма за систематическо работение при събиране нужните материали за съставление зададената от Славянското общество тема.

Във всякой случай, Гилфердинговата премия на Славянското общество е обстоятелство, на което Българската екзархия трябва да обърне най-сериозно внимание. Трябва да се вземат мерки щото съчинението за тая премия да стои не на шарлатанска и пропагандска, а на чисто научна почва, да представлява същността на работата. По-ясно: това съчинение трябва да се напише в полза на българите, премията трябва да се спечели от българите.

Това не може да се достигне от частно лице. Едно сериозно, пълно от всяка страна, изследвано във всяка точка съчинение за Македония, изисква сериозен труд, специални познания, пътувание по същата страна, а всичко това предполага значителни разноси. В Екзархията стая дума да се повери събирането потребните материали на македонските учители, но това не обещава

никакъв успех, защото от една страна, учителите се лишават от нужната за това подготовка, а от друга, те са достатъчно заети с друго. Темата на казаната премия заслужава много по-сериозна и опитна работа, много по-голямо внимание. Мойто скромно мнение е, че това дело трябва да се организира по следния начин, с предварителното съгласие и одобрение на българското правителство, разбира се:

1. Да се покани г-н М. Дринов или, в случай че не приеме той, други някой учен и известен историко-филолог, бил той българин, русин или от друга някоя народност, който да вземе на себе си главенството за събиране нужните материали и за съставление и нареждане съчинението;

2. Да се дадат на тоя известен учен двоица помощници тоже специалисти историко-филолози;

3. Да станат условия с тия три лица как, какво, до кога ще работят и какво ще изработят; да се състави, с тяхното съдействие програма за работение и приготвление казаното съчинение;

4. Да се дава ежемесечно и на троицата едно прилично възнаграждение додето да се приготвят нужните материали и състави казаното съчинение. Възнаграждението, или част от него, може да им се даде и в края на делото, след като представят онова, което са изработили;

5. Да се привлече сериозното внимание на българското правителство върху тоя въпрос и да му се иска живото съдействие. То трябва да асигнува достатъчна сума за това предприятие.

Ще ми позволите да прибавя, Ваше Блаженство, че всичко това трябва да стане безотлагателно. Свят дълг е на Екзархията да направи всичко щото може по тоя важен въпрос. С това тя поне ще излезе от отговорност.

Препоръчвам се на светителските Ваши молитви и остаям на Ваше Блаженство, най-покорен слуга

под[пис] *А. Шонов*¹¹

ЦДА, ф. 246 к, оп. 1, а. е. 21, л. 14–16. Препис. Ръкопис.

№ 7. Писмо от Екзарх Йосиф I до проф. М. Дринов за антибългарската и антиекзархийската политика на новия руски генерален консул в Солун И. Ястребов.

[Цариград], 4 май 1887 г.

Конфиденциално.
Господину М. Дринову,
Професору Харковскога университета

Многоуважаемий г-н Дринов,

Като знаем колко много се интересувате и как от близо следите всичко, що се касае до българския елемент в прямите владения на Н[егово] И[мператорско] В[еличество] султана, а особено в Македония; като знаем колко много Ви занимават работите, за които стои Българската екзархия в Цариград, ний си позволяваме да Ви изложим важен един въпрос и да поискаме просветеното Ваше мнение и деятелно съдействие.

От самото назначение г-на Ястребова за руски генерален консул в Солун¹², ний сме получавали от тамошните екзархийски чиновници известия, че

господству даму открито вношува в македонското население недоверие към Екзархијата и нејните чиновници и охлаждение вообичаејќи го Българската црква и училища, и че приведеној случај на всеуслушание говори, че македонците са сръбско произхождение, но че Екзархијата е съумяла да ги побългари. Напоследък ний получихме от Н[егово] В[исоко] Преподобие архимандрита Козма Пречистански¹³, председател на Солунската българска община, дълго изложение вообичаејќи го за делата и постъпките на г-н Ястребова в неговата сръбска пропаганда в Македонија. Ний многу се натъжаваме от това поведение на солунският руски генерален консул и отидохме при г-на Нелидова, тукашният руски посланик, на когото, след като подробно изложихме работата и вредата от по-нататъшното остояние на г-на Ястребова в Солун, го просихме да пише в Петербург за по-скорошното му заминавање¹⁴.

Г-н Ястребов, например, лично и през свои хора проповядва на простите македонци, че Българската црква в Солун, не е осветена и че, следователно, те не трябва да отиват да се молят в неа. Покойният Якобсон, бившият руски генерален консул в Солун, както и всичките преди него руски консули, често заедно със своите чиновници, са отивали в Българската црква. Г-н Ястребов никога не е отишъл в Б[ългарската] црква, а по негов пример са престанали да отиват и другите негови чиновници. Това прави многу лошо впечатление на гражданите и на приходящите христијани.

Известно Ви е, че в Солун има католишко училище, основано нарочно за възпитание даром младите македончета в католическата религија. Преди две години от това училище побегнаха шест българчета. Тогавашниот руски консул г-н Якобсон писал в Петербург, от дете, след като получил отговор, свикал Българската община и официјално ѝ съобщил, че Н[егово] Им[ператорско] величество рускиот цар благоволил да заповяда да се назначат навсегашест стипендии в Солунската гимназија и от тия стипендии да се възпитат најнапред шестте българчета, избегнали от католическото училище. Веднага след дохождението на г-на Ястребова в Солун тия стипендии се прекратиха. Българскиот богат трговец Х[аджи]мишев, почетен драгоманин в Солунското руско генерално консулство, имаше две свои стипендии в Солунската българска гимназија. По желанието на г-на Ястребова, г-н Х[аджи]мишев тоже прекрати тия стипендии. Трябва да Ви кажем, освен това, че г-н Ястребов, в своите среќи и разговоранија, постојано нарича македонците: „Здешные славяне, так называемые болгаре“.

Онова, което е още по-непростително за г-на Ястребова, то е, че тој без стеснение проповядва, че Екзархијата, Българската црква, не стои на здрави основи, на законна почва, че нејното съществување е антиканоническо, че Русија е била против решението на црковниот български въпрос, против издавањето на Императорскиот ферман, че руското правителство и сега е против съществувањето на Българската екзархија.

Всичките тия думи, говорени од един руски консул на простите македонци, можете да си вообразите, уважаемий г-не, какво впечатление правят и какъв резултат могат да имат.

За да биде последователен на својата теорија и своите проповеди, г-н Ястребов смета за незаконни и антиканонически всичките ръкоположения, извършени од български архиереи. А недейте изпушта од предвид, че екзархийски архиереи ръкополагат в годината околу 70–80 свештеници за българите в правите владения на Н[егово] И[мператорско] В[еличество] султана.

Г-н Ястребов, в своите вредни агитации, слаза още по-дале. Тој, освен дете пред простите хора проповядва, че съществувањето [на] Българска екзархија е

нарушение на църковните канони, но и без стеснение всъде гръби, че Българската църква се лишава от Св[ето] миро, най-вече след като отказал и Руския Св[ети] Синод да ѝ праща, че Македония е страна сръбска, а Екзархията, чрез своите учители и училища, желае да я побългари, че действията и исканията на гръците владици в Македония са съвършено законни, уместни и справедливи и че македонците нямат право да ги не признават и пр., и пр.

Не Ви е безизвестно, г-н Дринов, че в Македония се води силна католическа пропаганда. Едно от по-големите села, признали унията единствено да се отърват от гръцкото духовенство, беше и с. Богданци, което миналата година се отказа от унията и влезе под духовното ведомство на Екзархията като ни поиска да им ръкоположим двоица свещеници. Свещениците се ръкоположиха и изпратиха, но Солунската власт, по интригите на гръцкия владика и католическата пропаганда, ги спря в Солун и досега не им е позволила да отидат в селото си Богданци, за дето са ръкоположени. Председателят на Солунската община Н[егово] В[исоко] Преподобие архимандрит Козма отишъл при г-на Ястребова да го помоли да подействува пред местната власт, да се позволи на богданските свещеници да отидат в енориите си; но г-н Ястребов казал на архимандрита Козма: „Нека тия свещеници признаят гръцкия владика, за да им издействувам да отидат в Богданци“. Като имаме пред вид, че Богданци са приели унията само, за да ги не принуждават да признават гръцкия владика, ний ще кажем, че тоя отговор е непростителен за г-ня Ястребова, защото той тика богданските християни да прегърнат изново католичеството.

Г-н Ястребов, освен дето призовава при себе си дебрянците, работници в Солун, и им доказва, че са сърби, а не българи, но се и сърди, кара се на ония македонци, които, като ги попита какви са, му отговарят, че са българи. На един солунски българин, г-н Ястребов в консулството извикал: „Ти си сърбин и дължен си да бъдеш такъв“. Същото се случило и със свещеника Григория, от Галичник, когото г-н Ястребов уверявал, че е сърбин. За да не навлече на себе си негодованието му, свещеник Григория казал: „И аз сам незнана българин ли съм или сърбин“.

Ний искрено и дълбоко съжалеем за тия постъпки, въобще за политиката, която води г-н Ястребов в Солун. Ний съжалеем не защото се боим, че тая политика на руския генерален консул в Солун ще посърби или погръчи македонците, но защото по такъв начин руското влияние, доброто руско име ще изчезне и из Македония. Днес на Ястребов в Солун българите гледат с голямо недоверие, избягват да го приближават, защото се боят, че той е дошъл в Солун да отнема народността им. Македонците стоят католици и протестанти, за да запазят народността си, уверявам Ви, че те в малко време, в лицето на Ястребова, ще намразят и Русия, защото простото население не може да различава частното мнение на Ястребова от общата политика на Русия, а мисли, че генералният консул изпълнява предписанията на своето правителство. Македонските българи се нуждаят от покровителството, поддръжката и съветите на един консул в Солун; ако г. Ястребов продължава с настоящата своя политика да отстранява българите от Руското консулство, те ще потропат други врата, те ще отидат при английския или австрийския консули, които не пропусчат случая с бързина да се възползват от недобрите обсъдените г. Ястребови постъпки.

Позволете ни да повторим, многуоважамия г-н Дринов, че г. Ястребов като че държи тая политика нарочно, за да изкорени руското влияние и из Македония. И това, при настоящите условия, уверяваме Ви, не ще закъсне.

Като съзнаваме загубата на руското влияние в Македония с тая Ястребова политика, а от друга страна, за да избегнем отговорността за недалечните резултати от подобни постъпки, ний ходихме при г-на Нелидова, тукашния руски посол¹⁵, на когото, след като подробно изложихми работата и вредата от по-нататъшното остаяние на г. Ястребова в Солун, просихме го да направи нужното за назначавание на друго лице за генерален консул в Солун. Г-н Нелидов ни отговори, че ще бъде мъчно вдиганieto на г. Ястребова от Солун, но че той ще му пише и заповяда да измени политиката си.

Да измени г-н Ястребов убеждението и поведението си, ний не вярваме, защото той е ангажиран, даже заинтересован в поддържане своите идеи; той е фанатик в своите убеждения. За да се съхрани руското влияние в Македония, трябва г. Ястребов по-скоро да се вдигне от Солун. За да избегнем отговорността, ний желаем да кажем всичко това на мнозина в Москва и Петербург, но положението, което занимаваме пред Високата порта, предпазливостта, която трябва да държим при известните условия, не ни позволяват да им пишем прямо. Ний през Вас, г-н Дринов, искаме да направим това. Дайте ни просветеното си мнение, окажете ни, много Ви молим, своето съдействие. Как може да се вдигне Ястребов от Солун? Това ни кажете в името на руското влияние, в името на славянските интереси.

ЦДА, ф. 246 к, оп. 1, а. е. 21, л. 65-69. Чернова. Ръкопис.

№ 8. Писмо от проф. М. Дринов до Българския екзарх Йосиф I за антибългарската и антиекзархийска политика на руския генерален консул в Солун И. Ястребов и предстоящото излизане на Дринов труд.

Харков, юни 1887 г.

Ваше Блаженство,
Високопочитаемий Пастиреначалниче!

С голямо внимание прочетох писмото, което сте благоизволили да ми пратите по случай новите изкушения, които заплашват отеческата вяра и заветни предания на многострадалното население в Македония. Като си смишлявам историята на тамошната униатска и други пропаганди, аз напълно споделям страхуванията на Ваше Блаженство за плачевните сетнини от деятелността на г-на Ястребова, ако тая безпътна деятелност не се прекрати из време. Със стремленията на г. Ястребова аз съм добре познат по етнографическия сборник и една статия, която он обнародва през миналата година¹⁶. Людето, които са заинтересовани в тия стремления, побързаха да захванат с речените трудове на г. Ястребова една нова агитация между руский свят против българщината в Македония и против Св[етата] екзархия, агитация толко по-опасна, че се започна при сегашните неразбории и неистовства в Княжеството. Пред вид на тая агитация аз се потрудох, та написах един трудец, по-голямата част от който е вече обнародвана в журнала на Петербургското слав[янско] общество, тия дни очаквам да се яви и края¹⁷. Реченото общество е обрело да напечата трудеца ми и като особна книжка, която аз незабавно ще да разпрата до някои тадявашни познайници, на които същевременно ще съобщя и Вашите оскърбни известия. Няколко екземпляра мисля да изпрата и в Солун, за да се уверят тамошните еднородци, че обществото, което гостеприемно напечата трудеца ми, никак не споделя мненията на г-на Ястребова, и да не се отчайват. Ще ми се да вярвам, че и г. Яс-

требов, като се опознае с труда ми, лесно ще да се увери, какви недостойни лъжеучения и измислици той се е взел да прокарва с консулския си авторитет, и може би и да се образуми. Това е, Високопочитаемий Пастирначалниче, което аз, при своето положение и на сегашните окаяни за българският народ времена, бях и съм в състояние да направя по работата, която така справедливо Ви нажалява и обезпокоява. Мене се чини, че за оправянието на тая работа най-много би могъл да спомогне, г-н Нелидов, който много добре може да оцени сетнините от деятелността на г. Ястребова.

Ползвам се от тоя случай, за да се препоръча на Вашите свети молитви и да Ви изкажа дълбокото си почитание, с което остаям

Ваш всепокорен слуга

М. Дринов

ЦДА, ф. 246 к, оп. 1, а. е. 21, л. 70-71. Оригинал. Ръкопис.

№ 9. Писмо от проф. Марин Дринов до Ат. Шопов за политиката на руския генерален консул в Солун И. Ястребов и излизането на Дриновия труд за празника Слава.

Харков, 14 юни 1887 г.

Любезний господине Шопов!

Върх писмата Ви от 14 май трябваше добре да премисля, та потова не можах да Ви отговоря с първата поща. За втората поща (миналата неделя) бях приготвил отговорът си, но слугата ми окъснял със занасянето им. – Простете ме и извинете ме пред Негово Блаженство.

Работата, за която ми пишете има дълбоки и широки корене, и додето не се премахнат безумията и неистовствата в Княжеството, мъчно ще може да се оправи съвсем и тая работа. – От пътуванието ми, за което позагатвате, на сегашно време нищо не може да излезе. Незабавното вдигане на Ястребова и мене се види сега невъзможно. Но за обуздаване на неговия фанатизъм трябва да се работи. Тука, разбира се, най-много може да спомогне г. Нелидов, от своя страна аз, доколкото позволяват силите ми и обстоятелствата, се трудя и ще се трудя. Четохте ли в априлската книга „Известий Слав[янского] общ[ество]“ продължението на статията ми (За празника Слава и пр.)? Тия дни очаквам да получа и майската книга, в която се наддам да се яви и окончанието. Тук такожде има много куриозни работи. Надам се в скоро време да получа труда си и като особна книга, която ще разпратя, комуто трябва. Ще ми се да вярвам, че и сам г. Ястребов скоро ще разбере, какво глупаво и смешно мекере той е станал, та ще да се стресне. Но ако не се образуми, то, разбира се, в такъв случай много ще бъде добре да се опишат неговите лудории и в „Моск[овские] ведомости“. „Виде – щем!“ – Вярвам да сте прочели във вестниците, че Слав[янското] общество е назначило Гилфердинговска премия (1000 р[убли]) за най-добро съчинение по етнографията, диалектологията и историята на Македония. Много ще бъде добре, ако побързате да ми изпратите напечатаните вече листове от сборника, – може би те ще ме подсетят да Ви изпратя още нещо. В статията си за Скопската архиепископия Ястребов между другите си глупости доказва, че Василий Болгароктос¹⁸ бил унищожил Търновската патриаршия (sic) и че той не е припознавал никаква българска архиепископия в Охрида и т. н. (Това е хасъл

по татарски! Знаете ли Вие, че Ястребов е казански татарин?). Не би било зле да се извади наяве и тая негова глупост, особно когато сърбете го препоръчват като най-компетентен съдия по етнографията и историята на Македония.

В надежда на скор отговор искрено ви поздравлявам
Ваш

М. Дринов

До половината на юлия аз ще живея в Славянск, но Вие ми адресувайте в Харков.

ЦДА, ф. 246 к, оп. 1, а. е. 21, л. 72-73. Оригинал. Ръкопис.

№ 10. Писмо от проф. Иван Шишманов до Страшимир Добрович, началник на Тайната канцелария на княз Фердинанд, за заслугите на проф. М. Дринов за избирането на София за столица на България.

София, 1 април 1906 г.

Любезний Добрович¹⁹,

Пращам ти исканата скица за телеграма.

Идеята на Господаря, да се изпрати специална депутация от Негово име и името на народа, е отлична. Само едно не се знае, кога ще стане погребението. Телеграфирах до ректора на Университета да ми съобщи.

Господарят навярно знае, че Дринов има между друго и тая заслуга, че по негово настояване се избра за столица на България София, като средище на целия Балк[ански] полуостров.

Ето защо мисля, че и Кметството трябва по някакъв начин да засвидетелствува своето съболезнование.

Във всеки случай; ако за бивши министри държавата прави всичко, за да даде на погребението им характер на народен траур – Дринов заслужава най-много тая чест и като частна личност и като човек на науката и като глобок патриот.

Твой предан

*Ив. Шишманов*²⁰

ЦДА, ф. 3 к, оп. 8, а. е. 829, л. 17-18. Оригинал. Ръкопис.

¹ Дринов М. Съчинения. – Т. I–III. / Под редакцията на В. Златарски. – София, 1909–1911.

² Дринов М. Избрани съчинения. – Т. I–II. / Под редакцията на Ив. Дуйчев. – С., 1971.

³ Сборниче за юбилея на професора Марин С. Дринов (1869–1899). – София, 1900; Сборник статей по славяноведению, посвященный профессору Дринову М. С. его учениками и почитателями. – Харьков, 1908; Изследвания в чест на Марин С. Дринов. – София, 1960.

⁴ Вж. Петкова Б., Тилева В., Нонева Здр. Архивът на Марин Дринов. // Сб. Изследвания в чест на Марин С. Дринов. – София, 1960. – С. 181–203.

⁵ Вж. Каталог на библиотеката на Марин С. Дринов (с кратък биографичен очерк от проф. В. Н. Златарски). – С., 1914.

6 Сис Вл. Кореспонденцията на д-р К. Иречек с Марин Дринов. // Годишник на Народна библиотека. – София, 1923–1924. – С. 121–281; Шишманов Йв. Д. Кузман Шапкарев и Марин Дринов. // Македонски преглед. – Кн. 3. – 1925. – С. 51–80; Динеков П. Писма на Кузман Шапкарев до проф. Марин Дринов. // Македонски преглед. – Кн. 2. – 1934. – С. 25–56; Динеков П. Писма на Кузман Шапкарев до проф. Марин Дринов. // Македонски преглед. – Кн. 3–4. 1935. – С. 158–169; Динеков П. Из историята на българската книга. Данов Хр. Г. и Марин Дринов една интересна преписка. // Родна книга, брой единствен. – София, 1937. – С. 7–8; Славейков П. Р. Литературен архив. – Т. I. – София, 1959; Виноградов С. А. Нови документи за научната дейност на Дринов М. С. // Известия на държавните архиви. – Кн. 5. – София, 1961. – С. 161–173; Никитин С. А., Переписка М. С. Дринова с рускими ученьми. // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. – С. 205–216; Хавранкова Р. Писма на Марин Дринов до Адолф Патера. // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. – С. 217–221; Тодоров Н. Ош един документ във връзка със заминаването на Марин Дринов и Нешо Бончев за Русия през 1853 г. // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. – С. 223–224; Из архива на Васил Друмев (Климент Търновски). Ръкописи, материали и документи. – София, 1973; Жинзифов Р. За обща майка, за България... Стихотворения, статии, писма. – София, 1989; Диалог от букви. Кореспонденция между М. Дринов, Гр. Начович, В. Д. Стоянов, В. Друмев и Т. Пеев (1868–1875) / Съст. К. Божанова, София, 2002; Диалог от букви. Кореспонденция между В. Д. Стоянов, М. Дринов, Гр. Начович, В. Друмев и Т. Пеев (1878–1910) / Съст. К. Божанова, София, 2005 и др.

7 Христо Тодоров Стоянов, служил в Канцеларията на княз Дондуков-Корсаков, губернатор на Велико Търново, министър на правосъдието, на външните работи и изповеданията, професор по гражданско право, председател на Върховния касационен съд (1887).

8 Пьотр Василевич Алабин, главен представител на Петербургския и Московския славянски комитет в България, губернатор на Софийския санджак (1878).

9 Мелетий, софийски митрополит.

10 Захари Круша, възрожденец, учител в София, депутат по църковните дела в Цариград (1860).

11 Димитър Николов Хаджикоцев, виден търговец и общественик.

12 Александър Людсканов, политически и държавен деец, един от основателите и лидерите на Прогресивнолибералната партия, министър, министър на вътрешните работи в правителството на д-р Стоян Данев (1901–1903, 1911–1913), деец на Прогресивнолибералната партия.

13 Стоян Михайловски, поет-сатирик. Учител, съдия, преподавател във Висшето училище, публицист, редактор, народен представител, председател на Върховния македонско-одрински комитет. Многократно разработва в статии и стихове Фердинанд.

14 Екзарх Йосиф I, български екзарх (1877–1915), полага големи грижи за възстановяването и укрепването на просветното и църковното дело в Македония и Одринско.

15 Александър Феодоров Хилфердинг, руски учен славист, автор на трудове върху славянските литератури и история, сред които „Пътуване в Херцеговина, Босна и Стара Сърбия, „Писма за историята на сърбите и българите“, „История на балтийските славяни“, „Унгария и славяните“ и др.

16 Става дума за кризата в българо-руските отношения, започнала със Съединението на Княжество България и Източна Румелия и продължила с детронирването на княз Александър Батенберг, русофилските бунтове в Княжеството и задълбочила се по време на управлението на Стефан Стамболов.

17 Атанас Шопов, от Панагюрище, книжовник и дипломат, секретар на Българската екзархия, търговски агент в Солун (1897–1908), а от 1908 до 1913 г. генерален консул в Солун, автор на книги за положението на българите в Македония, член на БАН.

18 И. С. Ястребов, руски генерален консул в Солун, славист, езиковед и етнограф.

19 Козма, игумен на Пречистанския манастир, архимандрит, председател на Солунската българска община.

20 Почерненият текст е задраскан в оригинала.

21 Александър Йв. Нелидов, руски посланик в Цариград.

22 Става дума за сборника на Ястребов „Обычаи и песни турецких сербов“, СПб, 1886 (Призрен, Ипек, Морава и Дебър), в който въз основа на етнографически и езикови данни, обявява славянското население в Македония за сърби (второ издание през 1889). Анализирайки празника Слава при македонските славяни (Скопие, Велес, Дебър, Охрид и др.) Ястребов отбелязва, че това е доказателство, че те принадлежат към чисто сръбската народност.

23 Става дума за изследването на М. Дринов „Несколько слов о языке народных песнях и обычаях дебьрских славян“, публикувано в Известия на СПб Сл. Бл. Общество през 1887 г., № 1, 4, 7/8. В него Дринов твърди, че празника Слава се среща не само у сърбите, но и у

българите, гърците, румъните и православните албанци, а и при русите. Дринов разкритикува и приписването от Ястребов на сърбите на други обичаи на македонските българи, като Патерица, Коледни обичаи, Богоявление и др.

²⁴ Василий II Българоубиец (Вулгароктон), византийски император (957–1025).

²⁵ Страшимир Добрович, дългогодишен частен секретар и началник на Тайната канцелария на княз Фердинанд и на цар Борис III.

²⁶ Иван Д. Шишманов, професор и академик, литературен историк, фолклорист, обществен и политически деец. Един от основателите на Висшето училище в София (1888). Действителен член на Българското книжовно дружество и БАН (1902). Основател и редактор на „Сборник на народни умотворения“ (1889–1902). Министър на народната просвета (1903–1907). Пълномощен министър в Украйна (1918–1919). Автор на над 400 научни труда.

ПРОФЕСОР СТЕПАН ИВАНОВИЧ СИДЕЛНИКОВ В МОИТЕ СПОМЕНИ

(Интервю на доц. д-р Елка Дроснева с проф. д-р Мария Велева,
Софийски университет „Св. Климент Охридски“, София, България)

През февруари 2006 г. бях удостоена с честта да представям Софийския университет „Св. Климент Охридски“ на тържествата в Харков, посветени на официалното откриване на Центъра по българистика и балканистични изследвания в Харковския национален университет „Василий Каразин“ и да участвам в Четвъртите дриновски четения, посветени на 100-годишнината от смъртта на проф. Марин Дринов и 90-годишнината от рождението на проф. Степан Сиделников.

За проф. Сиделников най-много бях слушала от проф. Мария Велева, на която дълги години бях асистент¹. Предложих на колегите в Катедрата по нова и най-нова история да включат в сборника, който бяха замислили в памет на проф. Сиделников, спомените на проф. Велева. Сигурна бях, че тя ще се съгласи, защото има какво да разкаже и защото винаги го е правила с много хубаво чувство към учения и човека, когото е придружавала като млада асистентка по време на пребиваването му в България в края на 50-те години на XX в. Творческите им и човешки контакти продължават чак до смъртта на проф. Сиделников.

Заедно избрахме – по причини, които е излишно да споделям тук – формата на историографското интервю. Разговора проведох на 1 юли 2006 г. в дома на Мария Велева. Записът е дешифриран от Диана Маринова, магистър по история и редактор в Българското национално радио, Програма „Христо Ботев“, с която отдавна си сътрудничим не само в тази област. Каквато е практиката ни, огледахме още веднъж текста с проф. Велева, преди да го предложим за печат. Преценихме, че ако предадем разговора си в учтивата форма на „Ви“, ще бъдем некоректни към любезните читатели, защото от десетилетия трите говорим на „ти“ помежду си.

Моите въпроси са предадени с курсив, а отговорите на проф. Велева – с обичайния шрифт. Обяснителните бележки добавих, защото повечето от имената на споменатите хора се помнят и днес, но времето отминава, напечатаното остава и е по-добре още сега де се предложат някои уточнения.

Мария, как се запознахте с проф. Сиделников?

Запознаването въобще е важен момент в живота на двама души. Стана при едни обстоятелства, които ме накараха ясно да запомня това запознаване. Макар че не си спомням точно годината, но трябва да е било някъде през 1957–1958 г., юни месец. По това време на годината е краят на семестъра в Университета. Свършва семестърът, не знам имала ли съм изпит или не, но бях тогава съвсем млада асистентка и с хъс да си работя по дисертацията. Едва чаках да свърши семестърът, за да хукна по библиотеки и архиви да си работя

нештата, защото вече имах чувството, че ужасно закъснявам с моята дисертация. Много тежко преживявах този момент, че закъснявам. И сега, разгеле, свърши семестърът, аз хуквам...

И изведнъж ми съобщават, че трябва да придружавам някакъв съветски професор в неговата обиколка из България, защото трябва някой да го придружава. И аз като съветска възпитаничка, със знание на руски език, така или иначе руски човек, разбира се, съм подходяща за негов придружител. При това младши кадър, няма да пуснат някой професор да го придружава. Аз изпитвах някакво чувство на яд, на неудоволствие, затова че трябваше да приема. Опитах се, но не можах да се измъкна. И след уговорка по телефона се разбрахме, че срещата ще стане направо на площад „Ленин“, сега „Света Неделя“, т.е. точно пред хотел Балкан, сегашния Шератон. Там ще ме чака една кола, мога да ти кажа точно, кола „Симка“ – френска лека кола, с шофьор и с този човек.

На всички гости на Софийския университет ли отпусаха кола да ходят по България?

Не. Професорът беше гост не на Университета, а на Комитета за приятелство и културни връзки с чужбина. И колата беше на Комитета, оттам бяха дали и парите на шофьора. Шофьорчето държеше нашите командировъчни и плащаше каквото се полагаше за госта, за мен, като придружител, и за себе си. Аз го наричам така – шофьорчето, защото беше млад човек, бивш печатарски работник, който се беше преквалифицирал, заради здравословни причини. Сега, при тази агентурна еуфория у нас, биха казали, че е човек на службите – нищо чудно, придружаваше чужденец. А гостът – после разбрах – беше инвалид от войната. И понеже му е трудно да се качва по влакове и автобуси и да слиза, дали са му кола, която да го придружава.

Как се разпознахме, не помня ясно – вероятно съм била точно на определеното място, заедно с багажа си. Приближавам аз колата – тогава нямаше много коли – и насреща ми идват шофьорът и един мъж, едър, тежък, висок, плътен, но не дебел. Просто едър мъж, който трудно се движеше. И сега, като правя сметка, бил е четиридесет и няколко годишен, а на мен ми се видя тогава доста възрастен.

Ранна стурин, ние ще тръгваме вече из България. Шофьорът ни разпределя в колата, ние двамата седим отзад, гостът от дясната страна, аз зад самия шофьор. Шофьорът дребничък и аз дребна – за уравнивяване на колата. Както тогава разбрах, за една кола е важно да е уравнивесен багажът. Аз бях много недоволна от това, защото като седях зад шофьора, той ми пречеше на гледката. А като пътуваш, искаш да гледаш. Настанихме се, аз мълча, човекът – мълчи, разменихме, разбира се, няколко банални думи. Изглежда много ми е личало настроението.

Но постепенно човек се примирява с действителността...

Къде ходихте по България?

Сиделников имаше някакви задължения да изнася лекции в Котел и в Русе, после ходихме на морския бряг във Варна, минахме през Шипка и се върнахме в София. Бяхме още в Копривщица, може би в Карлово и Калофер. Но самото пътуване беше дълго, отне около 10 дена, 2 седмици по-точно, а то е доста време. После го разведяхме с мъжа ми и по София, качихме се на Витоша...²

Щом е имало и „после“, значи по някое време и някъде ледовете помежду ви са се размразили?

Навъръщане съвсем ги нямаше. Почнаха да се размразяват, като взехме да ходим по музеи, да си говорим. Но най-много – за начало – в Котел. Мисля, че това беше първата по-дълга спирка по пътя ни. В Котел аз отивах за първи път.

И минахме по тази улица, която беше запазена от пожарите на Котел – стръмна, калдъръмена; старинни къщи запазени, една обстановка... Хубаво времето, слънчево. Пред къщите, пред портите – просто така си седят жени; по первазите на прозорците и направо на земята под тях наредени цветя. И аз, разбира се, си откъснах цвете да си го донеса в София, да ми се хване. Той започна да ми се смее. „Като моята жена, – казва. – Тя, където ходи, все цветя събира.“

Възрожденският Котел, колкото и малко от него да е останало след големия пожар от 1894 г., слънцето, цветята, добрите жени по улиците, казващи, са започнали да стопяват ледовете. А песните кога дойдоха?

По-късно. Но искам да ти кажа най-напред за първия си шок. Степан Иванович не обичаше да говори за войната, но така или иначе постепенно научих някои неща – по време на пътуването и после в София. Вече общувайки с него, аз разбирам, че този човек е инвалид от войната, че цялата я е прекарал на фронта и че едва след завръщането си от войната е довършил аспирантурата си. Той е бил преди това още аспирант, и то по българска история, и то по темата за Съединението на двете Българи. А тогава, когато дойде в България, се занимаваше с история на Българското възраждане. Разбирам, че този човек не е просто инвалид, а с отрязани два крака, знаеш ли това?

Не си ми казвала. Знам само, че е инвалид от войната.

Двата крака, единият под коляното отрязан, другият над него, и ходеше с протези и с един бастун, не с патерици. Първият ми шок дойде точно от това! Когато разбрах всичко това! Защото, все едно Сиделников беше живият Мересиев пред мен. Героят на един роман, прославен – като прототипа на главния герой – не само в целия Съветски съюз и в България. Не знам в колко страни е бил преведен романът³. Но това беше живият Мересиев пред мен, но наистина никога не разказваше за войната. Освен този факт, който аз странично разбрах – че той е инвалид с двата крака.

Другото, което разбрах, е, че има височинна невроза. След като се върнахме от пътешествието го водих на Витоша с колата, качихме се на Копитото, като на много важно място, за да му покажа панорамата на София. Само че той не поиска да се приближи по-близко до края и ми каза: „Аз не мога да гледам отвисоко“. И тогава разбрах, че той е бил в някакви разузнавателни отряди, които са ги пускали с парашути в тила на противника. Това беше от тук-оттам разбрано, не да е разказано направо. В тези кой знае колко парашутни скока и прочее е получил тази височинна невроза или аерофобия. Тогава го разбрах и това беше следващият шок.

Но Степан Иванович наистина не обичаше да говори за войната. Мисля, че в Копривщица, като че ли в началото на пътешествието, като правех много снимки, исках и на него да му направя снимка. Но той не разреши да го снимаме. Можеш да си представиш колко се е стеснявал, колко навътре човек е бил. Ходихме много по копривщенските музеи, но аз все още не знаех какъв е точно проблемът с краката му. И не разбирах защо не иска да го снимам.

Въпреки отрязаните отчасти крака, въпреки неврозата или фобията, постепенно се оказа, че Степан Сиделников иначе беше много спокоен човек, толерантен, разположен, дори стеснителен.

Казвала си ми, че едно от най-силните ти впечатления от пътуването и от Сиделников е посещението ви на връх Шипка?

Да, така е. И сега ти го казвам пак. Най-силно впечатление ми направи, когато пътувахме за Шипка. Тръгнахме от Казанлък, беше привечер вече, на залез слънце. Не знам пътувала ли си по този път. Шосето асфалтирано, права отсечка, слънцето ниско, червено, целият асфалт беше като червена река...

И ние срещу това слънце пътуваме по тази отсечка, а след това започваме да се изкачваме към Шипка. Завои, завои... Професор Сиделников тогава каза: „Какви разкошни шофьори имате вие в България! Ако това са руски шофьори, ще се изтрепят всичките по ред, защото толкова завои, толкова трудни пътища“. Казах му: „Ако и вие имате тези пътища, и вашите шофьори ще се научат по тях да пътуват.“

Добре, ама пътуваме ние нагоре към Шипка, общо взето говорим на руски... Шофьорът колко говореше, колко ни разбираше – и той си знаеше руски. Но, качвайки се към Шипка, аз започвам да говоря на български към шофьора: „Знаеш ли – казвам му – аз не съм ходила на Шипка.“ Българка на толкова години, 30 и кусур вече, аз не съм била на Шипка! А шофьорът ми отвръща: „Не е вярно! Ти си била тук на Шипка по време на боевете – някоя от българките, които са носили вода на ранените войници.“ И мен ужасно ми хареса този образ – че аз съм била там, на Шипка; българка, която носи вода, и че съм вечна и преродена в този вид. Обаче Сиделников се обиди, че ние говорим на български. Разбрах, че той някак си не разбира български, когато го слуша. Той не говореше български, но четеше. И се опитах да му обясня, че нищо тайно не сме си говорили, че за мен е срамно, че не съм била досега на Шипка. Че всъщност затова говорех на български, защото ми е било неудобно да си призная пред него.

Качихме се горе почти на тъмно и наехме стаи там в един хотел след прохода, вечеряхме, останахме там. И на другата сутрин, по светло вече, се изкачихме до самия паметник – с колата, разбира се, понеже там вече го имаше шосето. И разгледахме основния паметник, другите паметници по местата на сраженията, всичко наоколо. И тогава Сиделников каза: „Велико е делото на нашите прадеди, които са се сражавали тук, но вие българите сте също толкова и още по-велики сега, че сте направили този паметник.“

На мен ми направи силно впечатление, че той така високо оцени този паметник. Като си помислиш, той наистина е грандиозен паметник – и сама по себе си местността, и събитието което отразява, и целият вид на паметника.

И след това Сиделников добави: „Вие у вас много паметници имате... Значи тачите своята история. А ние в Русия – не.“

Тази фраза, тази констатация ми залегна в главата, и след това много пъти съм правила сравнения от двете страни. Не само българи – руснаци, но и българи – сърби, сърби – българи, българи – французи, французи – българи... Тоест, вече, а и отдавна съм стигнала до заключението, че от другата страна винаги изглежда, че другият, не ти, е направил повече. Даже като брой паметници. Русия има наистина много паметници – разбира се, аз не съм ги броила, не всички познавам, но на един човек роден там, особено на един историк, му се струва, че са малко. Затова съм запомнила този израз на Сиделников.

Истината е, че пак от Сиделников за пръв път чух и още един израз – колкото и да е срамно, чак на тия тогавашни мои години – изречението на Кузма Прутков „Нельзя объять необъятное“. Всъщност, често го казваше вечер, след уморителния ден на обиколки по поредното българско място. А ние наистина много обикаляхме. И Степан Иванович беше много силно впечатлен, че и в най-малкото градче и селце, в което спираме, си има отделни сгради за пощата, банката, училището.

А на Варненското море как бяхте?

За разлика от Котел и Русе, тук проф. Сиделников вече нямаше задължението да изнася лекции. Във Варна беше нещо като почивка, бяха ни настанили в курорта „Дружба“, сега „Свети Константин“. Но и във Варна, както по другите места, обикаляхме по града, по музеите, библиотеките, гледахме мо-

рего, природата изобщо... Сиделников умееше да наблюдава природата, да я ѝ се радва. Например, на връщане, пътуваме ние по Подбалканското шосе, отдясно – Стара планина; отляво – Средна гора. Минем – не минем някой и друг километър, и виждаме водопад по Стара планина. Водопад след водопад – буен, мощен, пенлив, бял; чуваме едва ли не пролетните му води. И тогава Степан Иванович казва: „Боже, колко вода!“

Права си, като казваш, че е умел е да се радва на природата, да я съпреживява. Но още не си ми казала за песните?

Тъкмо към тях вървя. Още малко потърпи. По обратния път към София, след морето, може би близо до Карлово, шофьорът предложи: „Хайде да отидем в Пловдив!“. Той беше много въодушевен да покажем на Сиделников и Пловдив и нещо специално в него – може би Стария град, Альоша, а и нали Пловдив е столицата на Съединението. Пък и сигурно е имало още пари от командировачните, та можехме да си позволим това отклонение. Но тогава Степан Иванович отказа, защото е уморен и защото – „Нелзя обхъять необхъятное“. Сигурно е имал нужда от съответния отдых – сега го разбирам доста по-добре.

Навъръщане изобщо беше друго, особено след Варна. Преходите са общо взето дълги, особено с колата – едно селище, друго...

Особено в онези години и по онези пътища...

Така е. Макар че, „Симката“ ми беше много любима кола, много хубаво вървеше...

Но по едно време, не знам как, започнахме да пеем. Сиделников имаше много хубав мъжки глас, баритонов; пееше хубаво, и разбира се, пееше много песни. Аз, по български обичай, се надпреварвах с него. Ние винаги се състезавахме българските със съветските младежи, че знаем повече руски песни от тях – революционни и песни от войната. И едно пееше падна, не можеш да си представиш – а оная, а тая песен, по най-класическия начин. И по едно време шофьорът се обърна към нас и каза: „Де да беше така от самото начало! Колко е хубаво сега!“. Наистина голямо разпяване му ударихме навръщане.

Какви песни пеехте?

Всичките песни, които се пееха тогава – маршове, романси, народни – всякакви. Да кажем: „Дан приказ ему на запад“, „Вставай, страна огромная“, „Выхожу один я на дорогу“, „Катюша“, „Соловьи“, „Эх, дороги“, „Широка страна моя родная“, „По долинам и по взгорьям“, „Три танкиста“, „Белая армия, черный барон“, „Вот, когда прогоним фрица“, „Березы“, „Волга, Волга“, „Вечерний звон“... А от украинските песни – най-много „Днепро, Днепро“. Много още песни. Всичките не можеш да ги преброиш. Нали помниш, че мъжът ми много ги обичаше, обожаваше ги, и ние си ги пеехме.

Разбира се, че помня. И „Матрос Желязняк“ помня как си пеехте и двамата, с тия хубави гласове. И шопските, и хумористичните, и останалите народни... А Сиделников кои песни обичаше да пее?

Нали ти казвам – руските, украинските, за революцията, за Гражданската война, за Великата отечествена, за Днепър... Но не помня да съм научила специално от него някоя песен. Иначе – всички песни пеехме. И не само пеехме, но и много се смеехме – на вицове, на разни истории... Степан Иванович имаше много хубаво чувство за хумор.

След толкова смях и песни навръщане, как продължихте на Софийска земя?

Върнахме се в София след това дълго пътешествие, от което не знам кой имаше повече полза – той или аз – защото видях толкова места! Приятно пътуване, с кола... Което беше невъзможно да се осъществи иначе, ако не трябваше да придружавам проф. Сиделников.

Върнахме се в София, вероятно съм го водила в Университета, бях му уредила срещи с някои от професорите, той обмени книги, адреси, водих го на Витоша, сигурно на ресторант съм го водила с мъжа ми. Той си тръгна от България, естествено, след около 20 дена общо гостуване. И започна нашата кореспонденция.

И как изглеждаше вашата кореспонденция? Споменахте си ми, но не помня да съм виждала писмата. Когато бях в Харков тази година, колегите там ми казаха, че твои писма има в Личния архив на С. И. Сиделников.

Той ми пишеше писма и ми съобщаваше новини – научни, за книги, за давах ми въпроси, да му потърся някаква информация, но не много, не е искал човекът много информация. Аз му пращах книги, но май че той ми пращаше повече, разбира се, своите си книги. Всичките със страхотни надписи, и сега ми се струва, че нямам нито една, можеш ли да си представиш... Защото, а този да прочете, а онзи – и книгата изчезне, край... Как не връщат хората. Имах всичките му книги. Не съм му писала аз рецензии, защото не се считах специалист. Въобще, ние пишем трудно рецензии. Пишехме си писма. Не знам да кажа ли за дълбокоуважаемата...

Да!

Писмата си той пишеше с много хубав, четлив почерк. Въобще, руските, съветските хора пишат и от гледна точка на правопис, на калиграфия, т.е. краснопис много четливо. Пишеше с лилаво мастило и обръщението му винаги беше „Глубокоуважаемая Мария Николаевна!“ Ей, пет години живях в тоя Съветски Съюз и не се научих, че има и „отчество“, не ми стана близко на душата, на езика... А то е толкова удобна форма на отношения – даже между близки хора, да не говорим за по-възрастни към по-млади и обратното. Наистина това е страхотно хубава формула, най-хубавата учтива формула, която е измислена в света, нали? Едновременно е почтителна, ти казваш името и „отчество“-то, и същевременно е близка, не казваш, „Другарю, господине, сър, мис“ и т.н. Но аз не можах да свикна, изглежда съм много консервативна.

И така, „Глубокоуважаемая Мария Николаевна!“ Аз не помня как му пишех. Вероятно – Степан Иванович; ние българите не използваме „Дълбокоуважаеми“. И си мислех тогава, че това е негова формула, и ми се струваше, че е много старинна тази форма, това обръщение „Многоуважаема“. А след това съм я срещала и у други, така че наистина при тях е разпространено. Именно формула, аз го възприемах като старинно, като историческо обръщение от него в началото, защото не съм си писала с други колеги по този начин... Той, човекът е бил на четиридесет и няколко години, аз вече го мислех за старец – такъв огромен, тежък мъж...

А... Много си кореспондирахме. От книжките си, които ми изпращаше, все някъде е останал и този биобиблиографски справочник за съветските слависти, за който аз знам, че по негова инициатива е направен в Харков, по случай конференцията на всички слависти от целия Съветски Съюз, проведена в Харков. Професор Сиделников е бил в главния организационен комитет, и те тогава бяха замислили, и по този случай бяха издали този справочник. Той ми го изпрати, това беше една много тъничка книжчица, неголям формат, но с по-твърда подвързия, не мека, не баш най-твърда, но твърдичка. Макар че хартията беше лоша, но текстът беше хубав. И вътре – един много дълъг надпис: „Глубокоуважаемой Мариин Николаевне...“. Този справочник ми вършеше много работа дълго време, след това направиха второ издание. Но той по повод тази конференция ми писа как са се старали, как са го направили. Тоест, Сиделников наистина се занимаваше с организационна дейност.

Разказвала си ми, че общуването ви е продължило и извън писмата и изпращането на книги един към друг и по-нататък, докато проф. Степан Сиделников е бил жив. Аз, за съжаление, не го познавах – въпрос на възраст.

Така е – разменяхме си книги, виждахме се няколко пъти, в Москва и в София. В Харков така и не можах да отида.

През 1970 г. бях в командировка в Москва за 3 месеца, заедно с Елена Киорова⁴. Степан Сиделников, Виктор Карасьов⁵ и Василий Конобеев⁶ са ветерани от войната, знаеха се като ветерани. Пък и Сиделников и Конобеев са българисти, Карасьов по-късно беше ръководител на Катедрата по история на южните и западните славяни в Московския университет. Ветераните от войната са имали много привилегии в следвоенния период, включително при пътувания – билети, специални билетни каси, цени... Та, в оная година, пак юни–юли месец, Сиделников се обадил на Карасьов, че ще мине за няколко часа през Москва, на път от Харков за някъде, не помня къде. Карасьов ми каза, че Сиделников пристига еди-кога си с харковския влак – една нощ пътува и сутринта е на еди-коя си гара; че те с Конобеев ще го посрещнат и, ако искам, да отида и аз, за да се видим. Защото, той след няколко часа ще отпътува от Москва с друг влак. И аз, разбира се, отивам на гарата.

Ние тримата, с Карасьов и Конобеев, вървим по перона, знаем в кой вагон е, той слиза, те му взимат багажа – много се грижеха за него, като за боен другар, инвалид, и то какъв. Отидохме заедно до помещението на гарата, туриха го на някакви столове и Карасьов отиде на касата за инвалиди или ветерани от войната да му урежда билета за следващото пътуване. Не знам какви подробности се изпълняват, но Карасьов вършеше цялата тази работа. Ние със Сиделников – седим и мълчим. Ами, както изобщо става – пишеш си с някого, сега както ние си говорим по телефон, говорим, говорим, а като се видим, не знаем какво да си кажем. И, седим с него и не знаем какво да си кажем. Не че съвсем не сме си говорили, но по едно време аз си тръгнах и оставих тримата бойни другари да се видят насаме.

После се видяхме в София през 1972 г. Още с няколко колеги от тогавашния Съветски съюз Сиделников пристигна по покана на Българското историческо дружество за нашата Международна историографска конференция⁷. Тя имаше за цел да направи, така да се каже, преценка на българската историческа литература след Втората световна война. Писах до последния момент, а докладът ми за състоянието на историографията беше в началото – почти веднага след откриването и след колективния доклад за историческата наука. Отскоро водем курса, от 1968 г., но вече бях направила някаква преценка, обща, не знам колко е била справедлива, нямам спомен...

О, тя е много точна и жалкото е, че значителна част от програмата в статията не е изпълнена. И не се свеня да кажа, че неизпълнението идва оттам, че българските историци, очевидно, нямат още самосъзнанието за значимостта на занаята си...

Не, нямат! Абсолютно! И това е много лошо! Та, прочетох този доклад, и, разбира се, отидох при тях, съветските историци, Сиделников ме поздрави. Колко дена стояха тогава, не помня, но се срещаме, разговаряхме. Но нашата дружба или връзка със Степан Иванович беше писмена главно.

И през тази същата година, 1972, излезе моята книжка за Димитър Страшимиров, която е предизвикала лека буря в чаша вода сред съветските историци. Изпратих я, разбира се, на професор Сиделников и той ми беше много благодарен. Вярно, че не говореше български език, не се опитваше, сигурно не е учил на млади години. Но иначе четеше добре. И той е написал

една много описателна, кратка, но много положителна рецензия върху тази ми книга – за едно украинско историческо списание, което излиза в Лвов⁸. Помниш ли това?

Помня, че имаше няколко украински исторически периодични издания в Лвов, но рецензията не я знам.

Тя е две страници голям формат, като на списание „Вопросы истории“, но е много, много текст. Всъщност, доскоро пазах книжката – не знам дали е изчезнала, не знам дали ще я намеря, ако я търся. За тази моя книжка за Димитър Страшимиров получих цели 4 рецензии, което не беше характерно за ония времена. Но това, че един съветски историк, и то в чуждо списание е писал за мен, трябва да ти кажа, че голям шок произведе в много среди. Защо толкова бяха впечатлени, не знам. Но така или иначе, той ме прослави, Сиделников. Сигурно е изпратил рецензията за моята книжка в украинското списание в Лвов, защото там работеше друг българист, ако го помниш, Чорни⁹.

Чорни го помня, знаем се.

Помниш го, той написа „История на Априлското въстание“ и други неща. Той е много сериозен. А в Лвов работеше и Бейлис, помниш ли го Бейлис?

Не се познавах лично, като автор само го знам.

Той написа една книжка, една от първите върху българската историческа наука – за Димитър Благоев и началото на марксистката историография в България¹⁰.

Та, Сиделников имаше връзки с тия лвовски историци, а и той си е от Украйна. Аз не знам той украинец ли се води, руснак ли се води. Според мен лицето му беше украинско, едно широко лице, с широко поставени очи, малко горната част на лицето се различаваше от долната. Долната имаше малко суров вид, сурови черти, докато горната беше някак безметежна, едни далеко поставени очи, даже не помня цвят, такива неща, но типични такива добряшки, благосклонни очи. Затова си мисля, че той е бил украинец.

Та, нашата кореспонденция със Сиделников наистина продължи и след пътешествието му в България от края на 50-те години на вече миналия век. От тази кореспонденция общо взето пазя някои от писмата, но другите – не, просто са се загубили. А си спомням, че понякога много спорихме – включително за състоянието на българската историческа наука. Спорехме от научни позиции, не от политически или идеологически.

Когато Сиделников е починал, некролога в списание „Векове“ ти си го писал¹¹. От разните справочници, които имам у дома – с изключение на собствено библиографските като „Советская славистика“, двата тома от 1981 г. – в твоя текст проф. Сиделников е най-подробно представен – като биографични данни, библиография, основни изследвания за българското минало, връзки с българските историци, като човек... Има и оценки, които, доколкото виждам по някои съветски, руски и украински общи обзори, се споделят и от други автори. Макар че текстът ти е само една страница, и не е подписан от теб. Че си автор, се вижда от Библиографията на списанието за първите му 10 години. Е, аз разбира се, знам и от самата теб.

Евлоги¹² направо ме притисна да го напиша. Мисля, че около 1975 г. се разбра, че Сиделников е болен, някой ми каза. Не след много години се получи и съобщението за смъртта му. Като разбрахме, че е починал, Евлоги просто ме принуди да напиша некролог. Не исках да го правя, защото, какво да ти кажа... От една страна, некролог се пише душевно близко някак си. От друга страна – става дума за учен, некрологът е официален, в едно списание научно... Не можеш да си позволиш такива неща, едно такова противоречие се получава. Но, както съм го написала, не е най-лошият, можеше да бъде по-лош.

Да, той така, както е кратък, казва много и за човека, и за изследователя, вижда се почеркът на историографа в този некролог.

Но, наистина професор Степан Сиделников беше дълбоко влязъл в българската историческа наука, в българската история, а и беше много заинтересован, освен чисто научно, умозрително, рационално, много емоционално беше вътре.

Той водеше едни такива спорове – революционери-демократи или не са нашите възрожденци като Раковски, Каравелов, Левски, Ботев; какво е революционер-демократ изобщо. Мисля, че и по тия въпроси много книжно, много снобски и дори догматично се говореше за тия неща – и в Съветския Съюз, и у нас. Нашите историци някои неща много повърхностно ги възприемаха. А и защото освен историците се мешаха някои философи, психолози. Професор Сиделников не споделяше тези догматични позиции. Най-вече затова бяха споровете му с българските учени.

¹ Проф. Мария Николова Велева е родена през 1926 г. Завършила е Историческия факултет на Ленинградския държавен университет (дн. Санктпетербургски) през 1951 г. В следващите 40 години е преподавател по нова българска история и по историография в Историческия факултет на Софийския университет „Св. Климент Охридски“. Дисертацията си защитава през 1963 г. Автор е на монографии за Георги Бенковски, Свилен Русев, Димитър Страшимиров, Александър Бурмов, на множество статии и студии, публикувани в България, бившия СССР и САЩ. Най-новата ѝ книга е: *Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. С.*, 2004. Повече за проф. Велева: *История и историография. Сборник в чест на професор Мария Велева (под печат).*

² Съпругът на М. Велева – Кирил Станимиров (1925–1986) – е завършил руска филология в Софийския университет и работеше като журналист. Дълги години, до смъртта си, беше главен редактор на вестник „Ехо“, орган на Българския туристически съюз.

³ Става дума за Полевой, Б. *Повесть о настоящем человеке. М.*, 1946.

⁴ Доцент Елена Кирова (1919–2006) е завършила славянска филология в Софийския университет (1942) и дълги години е преподавател в университета и ръководител на Катедрата по библиотекознание и научна информация. Има публикации по история на библиотечното дело и личните библиотеки на български възрожденци, издадени в България и Полша. Срв. за нея *Чолов П. Български историци. Биографично-библиографски справочник. – С.*, 1999. – С. 143. (1 изд. – 1981; предстоящо е III изд.).

⁵ Проф. д.и.н. Виктор Георгиевич Карасъев (1922–1991). Историк, славист, от 1973 г. ръководител на Катедрата по история на южните и западните славяни в Московския държавен университет „М.В.Ломоносов“. Вж. за него: *Историки-слависти Московского университета 1939–1979 гг. – М.*, 1979. – С. 23; *Историки-слависты СССР. Биобиблиографический словарь-справочник. – М.*, 1981. – С.85; <http://www.hist.msu.ru/departments/slavs/karasev>.

⁶ С.н.с д.и.н. Василий Дмитриевич Конобеев (1916–1979), историк, българист, изследовател на българското националнореволюционно движение; работел е в Института по славяноведение и балканистика към АН на СССР в Москва; води спецкурсове в Московския университет. Срвн.: *Историки-слависты Московского университета ...*, – С. 100; *Историки-слависты СССР...*, – С. 90.

⁷ Материалите от конференцията са публикувани в: *Проблеми на българската историография след Втората световна война. – С.*, 1973.

⁸ Велева М. *Димитър Страшимиров. Историографски очерк. – С.*, 1972. По библиографски данни рецензията по история на южните и западните славяни в Лвовския държавен университет е в: *Українське слов'янознавство. – 1974. – Вип. 9. – С. 85–86.*

⁹ Доц. к.и.н. Владимир Павлович Чорний (р. 1931), историк-българист, специалист по история на българското националнореволюционно движение. Дълги години ръководител на Катедрата по история на южните и западните славяни в Лвовския държавен университет „Иван Франко“, отговорен редактор на списанието, а от началото на 90-те години – директор на Института по славистику в Лвовския университет. Срвн.: *Историки-слависты СССР...*, – С. 173; <http://www.franko.lviv.ua>. Книгата му за Априлското въстание в България е рецензирана от Йоно Митев в сп. *Векове. – 1977. – Кн. 5. – С. 75–77.*

¹⁰ Проф. д.и.н. Александър Самойлович Бейлис (р. 1918), специалист по нова българска история. Срвн.: Историки-слависти СССР..., – С. 46–47; <http://www.franko.lviv.ua>. Споменатата му книга – Становление марксистской историографии в Болгарии (с конца XIX в. до социалистической революции 1944). Проблемы болгарского возрождения. – Львов, 1970 – (рецензирана от М. Велева в: Векове. – 1972. – Кн. 5. – С. 103–105).

¹¹ Векове. – 1978. – Кн. 3. – С. 94. Кратък некролог за проф. С. И. Сиделников публикува и сп. Исторически преглед. – 1978. – Кн. 5. – С. 170–171. Според библиографски данни, автор е Лилия Радкова, дългогодишен секретар на Института за история към Българската академия на науките. във Векове. – 1978. – Кн. 3. – С. 94.

¹² Проф. д-р Евлоги Тодоров Бужашки (1925–2004). Специалист по нова българска история, дългогодишен ръководител на Катедрата по история на България в Софийския университет. Главен секретар, по-късно и заместник-председател на Българското историческо дружество (БИД). Главен редактор на сп. „Векове“, орган на БИД, през целия период на излизането му (1972–1990).

**ВЕСОМЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В БОЛГАРИИ**

Рецензия на кн.: Велева М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. – София: ИК Гутенберг, 2004. – 162 с.*

Л. В. Горина

Эта книга принадлежит перу историка, профессора Софийского университета, Марии Велевой. Труд являет собой сборник авторских статей, вышедших в разное время и посвященных различным граням педагогической и научной деятельности видного российского ученого Петра Михайловича Бицилли /1879–1953/. В одной книге объединились, таким образом, статьи одного автора, причем автора, занимающегося проблемой еще с начала 70-х годов прошлого века. Подобный жанр создает целый ряд преимуществ, и прежде всего, дает возможность проследить эволюцию исследовательской мысли и облегчает изучение поставленных проблем.

Основная тема книги – судьбы российской эмиграции в Болгарии, интерес к которой „буквально „вспыхнул“, как отмечает М. Велева „в конце 70-х – 80-ые годы“ (с.12) прошлого века. Точным и удачным следует признать название книги – „Болгарская судьба профессора П. М. Бицилли“.

Труд открывает вступительная статья ученицы М. Велевой, историка и специалиста в области болгарской историографии Лизбет Любеновой, в которой она раскрывает свое видение целей и задач книги, отмечает, что «„Светът на Бицилли“ се оказва сложен и многопосочен. В него има място не само за останалите руски емигрантски учени, сред които са имена като В. Мякотин, Е. Грим, Н. Кондаков, Н. Глубоковский, И. Бунин, но и за не по-малко достолепни българи от ранга на В.Златарски“» (с.7) По мнению Л. Любеновой «„Какво е „светът на Бицилли“ за проф. М. Велева – това ще разбере всеки след прочитането на книгата. Дали към научните внушения ще прибави безсънните нощи на размисъл, годините, преминали в наистина прашните архиви и библиотеки, емоциите, които невинаги са позитивни – това е въпрос на лична чувствителност. Доколко „светът на Бицилли“ ще стане „наш свят“ – това вече е извън претенцията на автора и издателите, защото е лесно да отнемеш нещо от човека, но е изключено да му го дадеш насила ...“» (с. 9).

Первая авторская статья сборника освещает достаточно обширную тему судеб русской университетской эмиграции в Болгарии 20–40-х гг. XX в. На основе богатых, тщательно изученных материалов, в том числе архивных (его фонда Софийского университета, двухтомный „Альманах Софийского

* Книга была подарена автором Библиотеке Центра болгаристики и балканских исследований им. Марина Дринова в День открытия Центра 28 февраля 2006 г.

университета“, материалы болгарской и русской периодической печати, воспоминания самих эмигрантов), воссоздается картина жителя-бытия русской профессуры в Болгарии. Читатель узнает, сколь непросто складывались судьбы русских профессоров-эмигрантов. Здесь и контрастные проблемы: иностранные профессора назначались на должность лишь в случае отсутствия местных кадров и не могли быть избраны на руководящие административные посты.

Статью украшают конкретные данные о русских профессорах-эмигрантах, пополнивших университетскую корпорацию. Считаю весьма показательными следующие отмеченные автором факты – 12 из 36 прибывших из России профессоров были выходцами из Юга бывшей империи (города Одесса, Харьков, Киев), 10 – из Перттрограда, 3 – из Москвы.

Важной считаю проблему, к которой обращается М. Велева в указанной статье, а именно: к проблеме духовного и культурнообразовательного значения факта присутствия русской эмигрантской профессуры в болгарском университете. „А това е проблемът за отношението на самите руски преподаватели емигранти към България – като страна, народ, култура, обществен живот“ (с. 22).

Важно также подчеркнутое автором обстоятельство, что „Особено съвместно се отнасят руските професори към написването на учебници – всички на български език в собствен или чужд превод“ (с. 25). Статью завершают два приложения. В первом находим данные о русских преподавателях Софийского университета, с указанием факультетов, званий, даты приезда в Болгарию, возраста, стажа работы. „Библиография на учебниците и учебните помагала, издадени от руските преподаватели в Софийския университет за периода 1920–1953 г.“ – это Приложение № 2.

В следующей статье сборника характеризуется архивное наследие П. Бицилли. Особенно интересна информация, которую сообщает М. Велева об архивных материалах, которые „в по-голямо количество се намират във фонда на Софийския университет“ (с. 42). Отдельные документы, связанные с деятельностью П. Бицилли, сохраняются в ряде личных фондов – В. Н. Златарского, Св. Георгиева, Ив. Дуйчева, Хр. Гандева. С полным правом автор высказывает надежду на то, что „Може би с времето в личните архивни фондове на различни български дейци ще се открият и други материали, принадлежащи на перото на П. Бицилли или отнасящи се до него“ (с. 42).

Читатель узнает, что личный архив ученого был подарен его семьей Пушкинскому дому в Петербурге в 1960 г., рукописи его трудов находятся у его дочери, живущей в Швейцарии, а „отделни документи като ксерокопия на „Автобиография“-та на П. Бицилли, „Заявление до Съветската мисия в София“, малко снимки и рисунки на Бицилли се пазят у внучката му Елисавета П. Иванова – Аничкова в София“ (с. 41).

В „Приложении“, завершающем статью, буквально ощущается живое дыхание времени П. Бицилли. В группу впечатляющих документов входят „Письмо на П. М. Бицилли до Н. П. Кондаков“ (1920), „Письмо-заявление на П. Бицилли до декана на Историко-филологический факультет В. Златарски“ (1920), еще два письма В. Златарскому (1923, 1924), 2 варианта „Автобиография на проф. П. М. Бицилли“, „Заявление на П. М. Бицилли до Върховния съвет на СССР“ (б. д.), „Молба от П. М. Бицилли до съветския посланик в София“ (1947), „Автобиография Марии Тимофеевны Бицилли“. В свое время некоторые из них были впервые введены в научное обращение Марией Велевой.

Следуя исследовательской логике, М. Велева после статьи об архивном наследии русского ученого представляет читателю раздел о работе П. Бицилли

ли в Софийском университете (1924–1948). Опираясь на солидную базу архивных данных, М. Велева рисует широкую панораму преподавательской деятельности П. Бицилли, начиная с его первой лекции 10 марта 1924 г. на тему „Проблемите на съвременната история“, в которой русский профессор в сущности заявляет о своих теоретических и конкретно-исторических позициях. Материалы источников – Альманах университета, Протоколы Академического совета, списки лекций и семинаров, анкеты М. Велевой с выдающимися болгарскими историками – студентами ученого и др. дают возможность быть сопричастными к масштабной педагогической деятельности проф. П. Бицилли. М. Велева справедливо замечает, что для проф. П. Бицилли „едновременно има значение както научният проблем, който в момента го занимава и вълнува, така и стремежът да даде на студентите си систематична представа за историческите процеси. Повече или по-малко осъщественият стремеж да представи пълно и систематизирано историческото битие от Възраждането до своето съвремие в различните му политически, социални и идейно-културни аспекти неизменно е съчетан с различни по темата си курсове по теория на историята“ (с. 75).

Автор книги считает, что „най-характерна и отличителна черта на лекционните курсове на П. Бицилли е наличието на теоретични въпроси на историческото познание, на обобщаващи обзори със социологична насоченост“ (с. 76).

Оценивая научное наследие П. Бицилли, М. Велева сообщает обобщенные данные о публикациях профессора. Так, „за периода 1924–1954 г. (последната студия посмъртно) П. Бицилли публикува 13 студии и 3 книги с учебни цели“ (с. 82).

Впервые представлена учебно-публикаторская деятельность профессора как автора целого ряда университетских учебников, которые „обхващат огромен по размерите си период – от началото на християнската епоха до Втората световна война и за територията на цяла Европа, Русия, Америка и в по-малка степен останалия свят“ (с. 85).

М. Велева специально подчеркивает значение учебника „Основни насоки в историческото развитие на Европа от началото на християнската ера до наше време“, который, согласно автору, является „наистина прецизна панорама на историческия живот в Европа и разширения по цял свят европеизъм“ (с. 87). А его учебник „История на Русия. От началото на XIX в. до втората революция 1917 г. Вътрешна политика и обществени движения“, утверждает автор – книга „богата на идеи и концепции“ (с. 88).

„Учитель и ученик“ – эта тема, думаю, всегда актуальна, и именно она присутствует в следующей части рецензируемой книги и носит название „П. М. Бицилли и Христо Гандев“. М. Велева, обращаясь к этой теме, ставит и рассматривает сложные вопросы идейно-теоретической связи между Бицилли и Гандевым. Автор подчеркивает, что „трябва да се надникне по-дълбоко в какво, по какви линии върви влиянието, по кои въпроси, кога и как, а и защо става трансформацията в характеристиката на теоретичните идеи у единия и у другия“ (с. 93).

В связи с рассматриваемой проблемой „учитель – ученик“ автор анализирует и другой важный вопрос, а именно: „какви са теоретичните уроци на Бицилли“ (с. 95), и заключает, что первый урок – „обич и уважение към професията на историка“, а „друга идея на Бицилли е идеята за univertsum в човешкия живот и история“ (с. 97). Вполне доказанным звучит вывод, что „Връзката Бицилли – Гандев е много интересна и показателна в историята на нашата наука. Вижда се, че един висококултурен философски идеалист съумява да оттласне от себе си, да създаде своя творчески антипод – философски

материалист, също така културен, всеобхватен, всестранен и задълбочен изследовател на българския исторически живот“ (с.102)

В статия „П. М. Бицилли и историческата наука“ М. Велева анализира книгата на руското учено „Очерки теории исторической науки“, вперво публикуванна в Прага в 1925 г. на руското език. По мнението на М. Велевой, тази книга „заема особено място в творчеството на своя автор и е едно от най-интересните явления в развитието на европейската историческа мисъл между двете световни войни“ (с.103). М. Велева знакоми читателя с разсъжденията на П. Бицилли относително историческата наука, а именно «„Безразличното регистрирано на събитията не е история. Историята не може да съществува без чувствен избор на материала и неговото свързване с помощта на творческата дейност на разума. Но как това би било възможно без „предварителна теория?“» (с. 109).

Важна авторската констатация, че „когато Бицилли издава своите „Очерки...“, не са се появили нито книгите на Колингууд, нито на Блок, нито самите „Анали“. Бицилли е един от първите от интересуващия ни кръг теоретици. Само Б. Кроче го предшества“ (с. 110).

М. Велева выделяет важнейшие вопросы, которые решает историк в своей книге – это значительные по масштабу теоретические и методологические проблемы, а именно: „проблемите за смисъла на историята, за пределите на човешкия универсум, за отношението между история и изкуство, за обективното и субективното в методологичните подходи, за съотношението между конкретното изследване и възможностите и необходимостта от исторически синтез и т. н.“ (с. 112).

М. Велева знакоми читателя с извънредно интересни разсъжденията на П. Бицилли относително историческата интуиция. Съгласно ученому, „Историческата наука винаги е била в най-високите си постижения основана на интуицията. Задачата на методологията на историята е не да преодолее интуицията, а да прокара черта, да очертае границата между опиращата се на точни данни интуиция и беспочвените фантазии“ (с. 126).

Книгата на Велевой завършва раздел – „Приложения“, в който вошли следващите части: „Професор Венедикт А. Мякотин в България“, „П. Бицилли – основоположник на културологичната мисъл в България“ и „Библиография: трудове на П. М. Бицилли (1990–2003); Трудове за П. М. Бицилли“.

Трудът на М. Велевой явява се несомненен вклад в изучаването на важната проблемна руската научно-педагогическа емиграция в България. Тематичен ключ от книгата може да се счита следващата констатация: „Връщането“ към Бицилли, към неговото творчество, не е само жест на уважение и почит към големия учен... Това творчество е толкова актуално и съвременно, че влиза в естествен диалог с нашата действителност – и научна, и обществена – служи за опора, за приближаване и противопоставяне в търсенето на решение на всички човешки проблеми“ (с. 35).

Книгата на М. Велевой за професора на Софийския университет, руският учен П. Бицилли с голяма полза за себе си могат да прочетат не само професионалните историци, но и читатели на различни специалности.

СУДЬБОНОСНОЕ ВРЕМЯ БОЛГАРИИ

Рец. на кн.: Калинова Е. Победители и България (1939–1945). – София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2004. – 448 с.

С. В. Потрашков

В последние годы значительно возрос интерес болгарских авторов к событиям Второй мировой войны. Их внимание особенно привлекает период 1944–1945 гг., когда Болгария попала в сферу советского влияния, где пребывала почти полвека. Как это произошло? В какой мере внешнеполитические факторы предопределили направление внутренних политических процессов? Чем объяснить позицию западных союзников СССР? На эти и другие вопросы уже пытались дать ответ в своих работах С. Рачев, С. Пинтев, М. Минчев, Э. Эмануилов. Примерно этот же круг вопросов ставит и решает Е. Калинова в рецензируемой монографии. Сама автор определяет свою задачу как первую попытку объединить два тематических круга – внутривосточное развитие страны и ее отношения с державами Антигитлеровской коалиции – с целью открыть и проанализировать особенности взаимодействия внутренних и внешних факторов.

Первая глава книги посвящена отношениям Болгарии с тремя ведущими державами Антигитлеровской коалиции в период с сентября 1939 по сентябрь 1944 г. Освещая болгаро-английские и болгаро-американские отношения, Е. Калинова в значительной мере опирается на исследования признанных специалистов в этой области: И. Димитрова, В. Тошковой, С. Пинтева, С. Рачева. Она отмечает в целом неблагоприятную для Болгарии позицию Великобритании относительно ее территориальных претензий к соседям, враждебность к правящему режиму, готовность согласиться с доминирующей ролью СССР в обмен на признание им британского приоритета в Греции.

Поведение США долгое время определялось отсутствием экономических, военных и политических интересов в регионе. Правда, в 1943 г. американцы установили контакты с болгарскими властями и некоторое время вели с ними переговоры о выходе из войны. Но со второй половины августа 1944 г. США отказываются от намерений играть сколько-нибудь серьезную роль в Болгарии. Причины этого крылись в обнаружившемся стремлении СССР доминировать в регионе, что находилось в явном противоречии с намерениями США. Болгария, пишет Е. Калинова, не принадлежала к приоритетам американской внешней политики, и США не были готовы ради нее подвергать испытанию отношения с СССР. Все же Госдепартамент и Форин Офис не собирались безоговорочно уступить Болгарию СССР и планировали в послевоенное время играть там определенную роль.

Интерес СССР к Болгарии был продиктован стремлением гарантировать безопасность своих черноморских границ и обеспечить доступ в бассейн Сре-

диземного моря. Москва оценивала попытки других держав доминировать на Балканах как прямую угрозу своим интересам и была весьма чувствительной к внешнеполитической ориентации стран региона, в том числе Болгарии. С самого начала войны СССР, в отличие от Англии и США, уделял Болгарии заметное место в своей политике. Однако попытки привлечь Софию к участию в советских внешнеполитических проектах в 1939–1940 гг. наталкивались на подозрительность правящих кругов страны, считавших, что советское присутствие на Балканах усилит позиции коммунистов и влияние коммунистической партии и может привести к серьезным политическим потрясениям.

После нападения Германии на СССР Болгария утратила самостоятельное место в советской политике, и отношение к ней стало лишь частью общих военно-политических планов Москвы, утверждает Е. Калинова. В конце 1943 г. казалось, что СССР готов предоставить инициативу в Болгарии своим союзникам и согласовать с ними свои действия. Однако весной 1944 г. советская дипломатическая активность усилилась, что было связано с приближением Красной армии к Балканам. Поведение СССР в это время не было проявлением согласованной политики союзников. И. Сталин в отношении Болгарии руководствовался прежде всего интересами безопасности СССР. Советские войска вступили в Болгарию лишь на третий день после объявления войны. Это было связано с необходимостью выждать пока Отечественный фронт захватит власть, чтобы не вызвать упреков со стороны западных союзников в прямом вмешательстве. «Сталин, – пишет Е. Калинова, – был очень внимателен и не предпринимал ничего, что могло раздражать Англию и США и создать угрозу единству коалиции».

Во второй главе рассматриваются события, происходившие с 9 сентября 1944 г. до окончания войны с Германией в мае 1945 г. Автор уделяет внимание главным образом внутренним процессам, протекавшим в это время в Болгарии.

Е. Калинова показывает, что компартии не удалось привлечь к участию в Отечественном фронте (ОФ) известных оппозиционных политиков. Участие в ОФ таких людей как Н. Петков, К. Георгиев и др. было не в последнюю очередь продиктовано их личными амбициями, расчетом на получение руководящих постов в будущем. Но оно позволило легализовать ОФ как организацию национального масштаба, способную объединить разнородные политические силы. Категорическое нежелание легальной оппозиции сотрудничать с БРП на основе программы ОФ предопределило характер последнего как закрытую комбинацию левых антифашистских сил. В то же время первое правительство ОФ, где БРП имела всего четыре министерских портфеля из 16, не было ни коммунистическим, ни руководимым коммунистами, считает Е. Калинова. Она подчеркивает первостепенное значение роли внешнего фактора в лице Антигитлеровской коалиции как при возникновении ОФ, так для его прихода к власти и дальнейшего управления. Процессы, переживавшиеся коалицией, отражались на процессах внутри ОФ.

Начало деятельности правительства ОФ Е. Калинова характеризует как медовый месяц. Причем болгарские коммунисты, руководствуясь указаниями Г. Димитрова, рассматривали совместную работу с некоммунистическими партиями не как временную политическую комбинацию, а как долгосрочный союз для борьбы против общего врага и строительства нового общества.

В соответствии с теми же указаниями Г. Димитрова, БРП сразу после 9 сентября 1944 г. не демонстрировала стремления к первенству в ОФ или во властных структурах. Этого не позволяла ей Москва.

В первые 1–2 месяца совместного управления в партиях ОФ преобладало желание найти общий путь вывода страны из трудного положения, в котором она оказалась. Партии утвердили свою монополию на управление страной и не допускали восстановления других демократических партий. Закрытый характер системы создавал предпосылки для столкновения. В основе противостояния, наметившегося с середины октября 1944 г., лежало стремление коммунистов возглавить коалицию и поставить остальные партии под свой контроль. В то время как Г. Димитров из Москвы требовал идти на уступки союзникам по коалиции, у руководства БРП в стране росла неприязнь к попыткам других партий действовать вне её контроля.

Начало работы СКК в Болгарии расширило возможности внешнего фактора вмешиваться в политическую жизнь страны. Сами болгарские политики, для разрешения проблем, возникших внутри ОФ, обращаются к советской стороне с просьбами о вмешательстве ради сохранения единства коалиции.

США и Великобритания до весны 1945 г. не обнаруживали намерений нарушать достигнутые ранее договоренности с СССР. Все изменилось в мае 1945 г. С этого времени внешний фактор начинает играть главную роль в процессе оформления лица политических сил и отношений между ними. Активизируются и западные представители в СКК. Политический представитель США М. Барнс становится самым активным фактором западного воздействия на Болгарию. Опираясь на мемуарные свидетельства современников, Е. Калинова убедительно показывает, что Барнс оказывал сильное влияние на взгляды и намерения Н. Петкова. Все обострявшееся противостояние политических сил, заключает Е. Калинова, неизбежно приобретало внешнеполитическое измерение.

Третья глава монографии носит красноречивое название «Первая проба сил – Болгария между СССР и США». Речь идет о драматических событиях лета–осени 1945 г.: расколе в БЗНС и БРСДП и переходе ряда их руководящих деятелей в оппозицию к БРП и правительству ОФ, усилении давления на Болгарию со стороны западных держав, в первую очередь США, кампании по выборам в Народное собрание и обстоятельствах их переноса с августа на ноябрь 1945 г.

Столкнувшись с оппозицией внутри правительства со стороны недавних союзников, поддерживаемых западными политическими представителями в СКК, компартия в оценке ситуации пришла к пониманию того, что наступил момент решительного штурма всех важных позиций в управлении страной, чтобы не оказаться в изоляции перед лицом внутренних и внешних противников. Под таким углом зрения рассматривались выборы в Народное собрание, назначенные на август 1945 г.

Советская политика Болгарии в это время была полностью подчинена стратегической линии, нацеленной на сохранение сотрудничества с западными демократиями. Поэтому Москва призывала БРП к умеренности, а И. Сталин прямо рекомендовал болгарским коммунистам «ясно заявить в стране и за рубежом, что они не стремятся советизировать Болгарию». «В результате этого прямого вмешательства Москвы позиции БРП оказались поколеблены, ее руководство переживало сильное потрясение, и оппозиционные настроения части земледельцев и социал-демократов получили импульс. Их амбиции открыто противостоять Коммунистической партии нарастали, разжигаемые возросшей активностью западных представителей в стране» – делает вывод автор монографии.

Новая тактика американской дипломатии заключалась в том, чтобы оставаться «за кулисами», подталкивать к активным действиям оппозицию, обещая ей поддержку, содержание которой сводилось к угрозам не признавать действующее правительство и не заключать с ним мирный договор. Подобные действия не выходили за рамки принятых в Потсдаме решений. Требование отсрочки выборов исходило от западных представителей в Болгарии и шло значительно дальше тех шагов, на которые готовы были решиться Вашингтон и Лондон в то время, поэтому не получило поддержки на высшем уровне.

Что касается заявления министра иностранных дел Болгарии П. Стайнова, который фактически поставил проведение выборов в зависимость от позиции СКК, т. е. СССР, игравшего в комиссии значительную роль, то Е. Калинова склонна видеть в этом поступке попытку спасти ситуацию в надежде на то, что западные представители не посмеют противопоставлять свою позицию советской.

Москва решила использовать возможность для доказательства демократического характера режима ОФ, а также собственной доброй воли в отношении союзников и рекомендовала правительству К. Георгиева отложить выборы. Чтобы принятое решение не было истолковано как проявление слабости, оно было представлено как инициатива болгарского правительства.

Всё это время глубокое противоречие между действиями западных представителей в Софии и официальной позицией США и Англии оставалось скрытым от глаз как болгарского правительства, так и руководства СКК. В итоге отсрочка выборов стала личной победой М. Барнса и одновременно наивысшей точкой успехов англо-американской дипломатии в послевоенной Болгарии. СССР не намерен был идти на другие уступки, а США – требовать их. Е. Калинова приводит слова И. Сталина на встрече с руководством БРП 29 августа 1944 г.: «Отложили выборы – поставьте на этом точку. Отсрочка выборов не существенное требование и поэтому мы согласились на него. [...] Мы не согласимся больше ни на какие существенные уступки, а без нас ничего нельзя сделать». Указания в таком же духе И. Сталин дал заместителю председателя СКК С. Бирюзову. Новой датой выборов было названо 18 ноября. Подготовка к ним проходила в соответствии с планом, намеченным в Москве.

БРП сумела преодолеть колебания и разочарование среди своих союзников последовавшие за отсрочкой выборов. Вопреки надеждам оппозиции, ОФ не распался. Напротив, в него вошла часть Радикальной партии. Оппозиция не сумела договориться об объединении. Занятые организационными проблемами и поиском идейного лица, оппозиционные формации оставались, в основном, малочисленными, их лидеры продолжали сводить старые партийные счеты даже перед лицом общего соперника – БРП. Как и в августе, главные надежды они возлагали на вмешательство США и Англии.

Однако США стремились выйти из тупика в переговорах по поводу Болгарии, особенно после провала Лондонской сессии СМВД. Решение проблем, связанных с окончанием войны на Дальнем Востоке – регионе где США стремились играть первенствующую роль, – диктовало необходимость соглашения с СССР по болгарскому вопросу. Оно должно было быть приемлемым для Москвы, чтобы обеспечить её благожелательность к американским претензиям за пределами этого важного для СССР региона. В свете данных обстоятельств, утверждает Е. Калинова, следует рассматривать отношения американского руководства к болгарским выборам. Ситуация развивалась в соответствии с видением СССР и под его контролем.

Непримиримость политических оппонентов в Болгарии вытекала из расчетов на поддержку извне. Но если для компартии поддержка со стороны СССР была реальной и открытой, то оппозиция могла рассчитывать, самое большее, на моральную поддержку западных представителей в Софии и продолжать надеяться, что её политическое мужество вызовет более активное вмешательство Англии и США. На этот раз личная активность М. Барнса не имела эффекта. На выборах убедительную победу одержал ОФ, получив 88 % голосов избирателей. Эта победа открыла путь к окончательному разгрому оппозиции.

Дальнейшая критика Болгарии со стороны США, требования реорганизации правительства, как показывает Е. Калинова, носили формальный характер и были направлены скорее на успокоение американского общественного мнения, и по вопросу о правительстве США стремились работать вместе с СССР, а не против него.

Подводя итоги своего исследования, Е. Калинова констатирует, что интерес западных держав к Болгарии в годы войны был временным, связанным с конкретными политическими целями далеко не первостепенной важности. Поэтому они были готовы идти на уступки в Болгарии, когда это сулило выгоды в важных для них регионах. Максимальная цель, которую преследовали западные державы – превратить Болгарию в буферное государство, но и здесь они не проявляли настойчивости и упорства.

Действия СССР имели куда более серьезную мотивацию. Они были связаны с важным местом Болгарии в советской стратегии безопасности и стремлением получить выход в Средиземное море. С вступлением Красной армии на Балканы летом 1944 г. Москва гарантировала защиту своих стратегических интересов в регионе. И еще полтора года понадобилось, чтобы поставить Болгарию под полный контроль – сначала в скрытой форме, ради сохранения союзнического единства, а с осени 1945 г. – все более открыто, в противостоянии растущим американским амбициям. Что касается Болгарии, то ей, по мнению автора, оставалась незавидная участь побежденной, чью судьбу решают другие.

Завершая обзор обширного, хорошо документированного исследования Е. Калиновой, позволим себе некоторые замечания. Книга носит название «Победители и Болгария», но все-таки в тексте Болгария стоит на первом месте. Автор детально, порой, на наш взгляд, излишне подробно излагает перипетии внутривосточной жизни Болгарии, оценки ситуации в стране представителями разных политических сил. Что же касается «победителей», то они часто оказываются не действующими лицами, а лишь фоном внутривосточной политической борьбы. Е. Калиновой не всегда удается показать процесс выработки ими своего политического курса в отношении Болгарии, мотивацию тех или иных политических решений, особенно это заметно во второй главе монографии. Устранить эту проблему могло бы использование микрофотокопий многочисленных документов Госдепартамента США и Форин Офиса, хранящихся в Центральном государственном архиве Болгарии и архиве Института истории БАН и относящихся к рассматриваемому периоду.

Е. Калинова деликатно обходит непростой вопрос о политическом насилии в Болгарии в 1944–1945 гг. Эта тема была одной из главных в претензиях оппозиции к БРП, неоднократно звучала она и в заявлениях представителей западных держав на разных уровнях. Именно в таком контексте встречается она и на страницах книги. Автор однако не поясняет было ли это насилие сти-

хийной реакцией на репрессии царских властей в 1941–1944 гг., отдельными «перегибами» силовых структур, или сознательно спланированным курсом руководства БРП. Число бессудных жертв режима ОФ она определяет простой разницей между официальными цифрами задержанных и осужденных, не ставя под сомнение достоверность самих этих официальных данных.

Высказанные замечания отнюдь не умаляют достоинств рецензируемой монографии, которая является, на наш взгляд, наиболее масштабным и глубоким исследованием судьбоносного периода истории Болгарии 1939–1945 гг. в современной болгарской историографии.

**ПРОФЕСОР Д-Р МАРИЯ НИКОЛОВА ВЕЛЕВА
НА 80 ГОДИНИ**

Е. Дроснева

В края на 20-те години на ХХ в. едно момиченце тича по големия двор на горнобанска къща. Мъничко е да разбере, че дядо му и вуйчо му са убити в Септемврийското въстание, а баба му е умряла от мъка по тях. Че „жълтата гостенка“ е прибрала още един железничар – баща му. С мама и най-близките роднини целият свят се е притаил в света на момиченцето. То го усвоява, крие се в дърветата, мечтае за приключение по вода, суша, въздух. И си ги създава. Говори си със слънцето, пее с птиците, а в човешките разговорки скоро заема мястото на неуморим разказвач на приказки.

Така изглежда началото в житейския път на проф. Мария Велева. С годините – гимназистка, ремсистка, свързка на Свилен Русев, политзатворничка, възпитаничка на Ленинградския държавен университет.

Отпосле 40 години отдава на Софийския университет. Лекциите и упражненията по „История на България (XVIII–XX в.)“ за различни специалности бележат почти половината от тези години.

Безспорният принос на учения и преподавателя проф. Велева е в утвърждаването на историографията (историята на историческото познание) в България. Най-населена с конкретни човешки личности, но и най-млада от историческите науки, с рехави традиции в световен мащаб, тя е с успешни, ала спорядични изяви и у нас. До 1968 г., когато Мария Велева поема курса в Софийския университет. Днес историографията е динамично развиваща се наука, а като университетска дисциплина е задължителна за всички студенти историци в българските висши училища.

Звездният миг на историографията в България наистина е мигът, в който с нея се заема Мария Велева. Миша, както я знаят приятелите (едни повече от 70 години, други от 2–3), е човек, който е запазил детското си любопитство към света. Мария умее във всекиго да види цяла вселенна, а във всеки предшественик и съвременник историк – Човека. Ненатрапчиво, но категорично да отстоява историческата истина. Да внушава, че въпрос за достойнство е да приемеш миналото такова, каквото се е състояло; че никога няма да го проумееш, ако не разбереш, че е творено от живи хора. Хора, които, освен да правят войни, въстания, революции, са мислили и съпреживявали. И са умеели да се радват ни живота – на врабчето, тревата, морския полъх, узрялата ябълка, на небето над нас, на театрална и спортна игра, на музиката, на човешката ласка... Такива са неизмислените герои на отминалото и на днешното време. Дали учени, дали революционери, дали простосмъртни, но Човеци на духа. На свободния, ще рече – на дръзкия дух.

Сама с извисен човешки дух, през 1983 г. Мария Велева върна в науката ни Петър Мутафчиев, в когото днес мнозина обичат да се кълнат. Доста по-

рано завърна и проф. Петър Бицилли - поредната икона след 1989 г. Поиска ли пък човек да срещне в едно спомен и професионализъм в разказа за ремсовите 1941–1944 години и от сърце да се посмее с някога живите ремсисти и с надживелите ги, най-добре е да прочете книжката ѝ за Свилен Русев от началото на 50-те години.

Преди повече от 30 години една млада жена, днес ръководител на катедрата, в която Мария извървя пътя от асистент до професор, ми каза: „Мария Велева ли? О! Тя е аристократката на науката ни!“ Права беше.

За всичко, което Миша – проф. Мария Велева, ни разкри по начин най-съкровен, поисках думата. За да благодаря на живота, че го живеем заедно!

И да кажа само още едно: Бъди благословена, Мария!

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ, ПРЕПОДАВАНИЯ, ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

Г. Н. Карнаушенко, Л. В. Педченко

Древняя славянская христианская культура и органически связанный с ней старославянский (позже – церковнославянский) язык незаметно, но в то же время мощно питают и поддерживают русский и украинский литературные языки. Как справедливо отмечает О. А. Седакова, «с упразднением или полным забвением этого высокого смыслообразующего пласта русскому языку грозит сползание в гораздо более плоскую сферу бытового, местного наречия или интернационализированного жаргона»¹.

Опасность примитивизации современного русского языка действительно существует. Ее усиливает тот факт, что церковнославянский язык (в частности, звучащий во время богослужения в церкви) «становится почти непроницаемым для современного русского человека»². Ненамного лучше обстоит ситуация и в современной украинской культурно-языковой практике. Известны причины такого положения дел. Это разрыв духовной традиции, упразднение религиозного просвещения и образования, падение общего гуманитарного уровня, в частности, незнакомство с древними языками, снижение языковой компетенции в родном языке и т.п. Выдающийся филолог-славист Н. И. Толстой отмечал: «Для многих церковнославянский из «полуживого» или, точнее, относящегося к «жизни иной» превратился в мертвый, а то и в чуждый язык. Теперь многим его надо не воспринимать, а изучать, и не только с лингвистической стороны, но и со стороны историко-литературной, культурологической и, что самое главное – религиозной, богословской»³.

Чрезвычайно важной и благородной целью Н. И. Толстой считал подготовку представителей молодого поколения «к осознанию и восприятию современного нам церковнославянского языка как языка, слагавшегося более тысячи лет и выражающего сегодня, как и прежде, начала высокой духовности, нравственной чистоты и твердости веры»⁴.

В Харьковском университете существуют давние и плодотворные традиции изучения славянской письменности и культуры вообще и старославянского (староболгарского) и церковнославянского языков в частности. Высокие достижения в этой области принадлежат таким корифеям отечественной науки, как И. И. Срезневский, Н. А. Лавровский, А. А. Потемня, Н. К. Грунский, С. М. Кульбакин, Л. А. Булаховский, В. П. Беседина-Невзорова, Е. Ф. Широкоград. Преподаватели кафедры славянской филологии, позже – кафедр русского языка и украинского языка всегда стремились обращаться к максимально полным изданиям древних текстов, учили студентов распознавать не только формы текста: аорист, двойственное число, дательный самостоятельный, но и **смысл** текста, фразы, словосочетания, отдельного сло-

ва во фразе. Немаловажным аспектом всегда признавалось обращение к современному состоянию языков, к проблемам функционирования церковнославянизмов в текстах и дискурсах различных типов.

В последние десятилетия преподаватели старославянского языка и исторических грамматик русского и украинского языков (проф. Е. Ф. Широград, проф. А. А. Свашенко, проф. Л. В. Веневцева, проф. И. В. Муромцев, доц. Н. В. Бойко, доц. В. А. Маринчак, доц. Г. Н. Карнаушенко, доц. Л. В. Педченко, ст. преп. О. Н. Геращенко, ст. преп. Р. А. Трифонов) разрабатывают новые подходы к изучению и, соответственно, преподаванию сложных вопросов начала славянской письменности, основы старославянского языка, истоков славянских языков, дискурсивных практик использования старославянского и церковнославянского языков и их элементов. При этом учитываются как новейшие достижения в исследовании названных вопросов, так и современные филологические и общегуманитарные парадигмы.

Результаты исследований в области древнеславянской и связанной с ней современной культурно-языковой проблематики становятся достоянием не только студенческой аудитории. Харьковские ученые стремятся популяризировать научные знания. Так, в передаче «Церковнославянский язык богослужения: за и против» (программа «Символ веры») телеканала «Simon» (21.11.2004) выступила доц. Г. Н. Карнаушенко. Значительным событием в культурной жизни Харькова стал цикл телепередач, подготовленных доц. В. А. Маринчаком, в которых уделено внимание лингвокультурологическому анализу семантики христианских текстов. Аспирант кафедры русского языка В. С. Слиз работает над темой «Библейские выражения в современном дискурсивном пространстве: концептообразующий и речевой аспекты» (научный руководитель – доц. Н. В. Бойко).

Однако нельзя не отметить и тревожные тенденции. К сожалению, в результате изменения учебного плана в последние несколько лет упразднено преподавание старославянского языка на Историческом факультете и существенно сокращено преподавание этого предмета на отделении русского языка и литературы Филологического факультета ХНУ им. В. Н. Каразина.

С целью привлечения внимания к древней славянской христианской письменной культуре и связанному с ней языку на филологическом факультете в феврале – мае 2006 г. был объявлен конкурс студенческих работ «Творчество Кирилла и Мефодия в контексте славянской культуры». Для обсуждения были предложены следующие проблемы:

1. История жизни и деятельности славянских просветителей Кирилла (Константина Философа) и Мефодия.
2. Славянские азбуки – глаголица и кириллица: их происхождение и дальнейшая судьба.
3. Старославянский язык и его роль в становлении и развитии славянских литературных языков.
4. Функционирование церковнославянских элементов в современных дискурсах различного типа.
5. Роль кирилло-мефодиевского наследия в развитии славянской культуры и духовности.

Подготовка к конкурсу вызвала живой интерес к старославянской проблематике у студентов отделения русского языка и литературы, что представляется особенно ценным, так как в 2005–2006 учебном году дисциплина «старославянский язык» была исключена из учебного плана бакалавров данного отделения.

29 мая 2006 г. в рамках празднования Дня славянской письменности и культуры кафедрой русского языка Филологического факультета была проведена конференция «Творчество Святых Равноапостольных Кирилла и Мефодия в контексте славянской культуры», где были подведены итоги конкурса. Участники конференции представили свои доклады, продемонстрировав искреннюю заинтересованность. Все доклады живо обсуждались доброжелательной студенческой аудиторией. Члены жюри конкурса (доц. Н. В. Бойко, доц. Г. Н. Карнаушенко, доц. Л. В. Педченко, асп. В. С. Слиж) комментировали и дополняли выступления студентов. Авторы лучших работ были отмечены дипломами и денежными премиями. Благотворительную помощь в организации конференции оказала редакция журнала «Слово с нами» (гл. ред. – О. Ю. Зиминский, отв. ред. – В.С. Слиж), за что кафедра русского языка выражает глубокую благодарность.

Лучшими были признаны работы Медяник Екатерины („Церковнославянские элементы в современных СМИ“, диплом I степени); Положий Татьяны („Бытование церковнославянизмов в современных дискурсах различного типа“, диплом II степени); Белокон Елены („Конфессиональная лексика. *Анафема*“, диплом II степени); Сорокиной Марии („Предпосылки создания старославянской письменности“, диплом III степени); Криворотова Владимира („Азбуки старославянского языка. Их дальнейшая судьба и авторы“, диплом III степени).

По общему мнению участников и организаторов конференции, подобные мероприятия следует сделать традиционными и привлечь к изучению кирилло-мефодиевского наследия не только студентов-филологов, но также будущих журналистов, историков, философов.

¹ Седакова О. А. Введение. // Материалы к практическому учебнику церковнославянского языка. – Славяноведение. – 1992. – № 3. – С. 82–83.

² Там же. – С. 78.

³ Толстой Н. И. К выходу в свет новых уроков по церковнославянскому языку. // Материалы к практическому учебнику... – С. 74.

⁴ Там же.

СПИСОК АВТОРІВ

- Аксьонов Віктор Степанович – кандидат історичних наук, завідувач відділу археології Харківського історичного музею
- Білярска-Стефанова Д. – соувробітник наукового аріву БАН (Болгарія)
- Бурбига Валентина Анатоліївна – кандидат історичних наук, доцент кафедри психології і педагогіки Харківського університету повітряних сил
- Віднянський Степан Васильович – доктор історичних наук, професор, завідувач відділу всесвітньої історії і міжнародних відносин Інституту історії України НАН України
- Ганчев Олександр Іванович – кандидат історичних наук, старший викладач кафедри українознавства Одеської академії зв'язку
- Гарабедян Агоп – Директор інституту Балканістини Българський академії наус
- Гоков Олег Олександрович – кандидат історичних наук, доцент кафедри всесвітньої історії Харківського національного педагогічного університету ім. Г. С. Сковороди
- Горбань Ірина Павлівна – кандидат філологічних наук, старший науковий співробітник Музею етнографії та художнього промислу Інституту народознавства Національної академії наук України
- Горіна Людмила Василівна – доктор історичних наук, професор кафедри історії південних та західних слов'ян Московського державного університету ім. М. В. Ломоносова (Росія)
- Гришина Рітта Петрівна – доктор історичних наук, професор, провідний науковий співробітник Інституту слов'янознавства Російської академії наук (Росія)
- Дерменджиєв Атанас – кандидат географічних наук, доцент, проректор з науково-дослідної та видавничької роботи Великотирновського університету ім. Святих Кирила і Мефодія (Болгарія)
- Дроснева Елка – доктор історії, доцент історичного факультету Софійського університету ім. Св. Климента Охридського (Болгарія)
- Запрянова Антоанета – доктор історії, старший науковий співробітник Інституту історії БАН, головний редактор журналу „Родознание / Genealogie“ (Болгарія)
- Ізмайлова Наталія Олександрівна – кандидат філологічних наук, докторант Інституту гуманітарних досліджень Флорентійського університету (Італія)
- Карнаушенко Галина Ніловна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Криганов Андрій Васильович – кандидат історичних наук, м. Харків
- Куделко Сергій Михайлович – кандидат історичних наук, професор, заступник декана з наукової роботи історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Ліман Сергій Іванович – кандидат історичних наук, докторант кафедри історії України і музеології факультету культурології Харківської державної академії культури

- Лобанова (Тортіка) Марія Валеріївна – кандидат історичних наук, докторант кафедри історії України і музеології факультету культурології Харківської державної академії культури
- Луговий Олег Михайлович – аспірант кафедри історії стародавнього світу та середніх віків історичного факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова
- Миколенко Дмитро Валерійович – аспірант кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Міхаліцин Павло Євгенович – викладач Харківської духовної семінарії, пошукач кафедри історії стародавнього світу та середніх віків історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Могаричев Юрій Миронович – доктор історичних наук, професор Кримського економічного інституту КНЕУ
- Павленко Вікторія Вікторівна – доктор історичних наук, професор Київського національного університету МВС
- Палангурскі Мілко – кандидат історичних наук, доцент, проректор з управління якості та акредитації Великотирновського університету ім. Святих Кирила і Методія (Болгарія)
- Педченко Людмила Вадимівна – кандидат філологічних наук, доцент, завідувач кафедри російської мови філологічного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Петрова Олена Валентинівна – аспірант кафедри археології та етнографії історичного факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова
- Пенской Віталій Вікторович – доктор історичних наук, професор кафедри християнської історії та антропології історичного факультету Белгородського державного університету (Росія)
- Посохов Сергій Іванович – кандидат історичних наук, професор, завідувач кафедри історіографії, джерелознавства та археології, декан історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Потрашков Андрій Сергійович – пошукач кафедри історії Росії історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Потрашков Сергій Васильович – доктор історичних наук, доцент кафедри історії України та музеології Харківської державної академії культури
- Прігарін Олександр Анатолійович – кандидат історичних наук, доцент кафедри археології та етнографії історичного факультету Одеського національного університету ім. І. І. Мечнікова
- Пугач Євген Петрович – кандидат історичних наук, професор кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна
- Саленков Володимир Юрійович – голова Харківської філії Асоціації болгар України
- Самойленко Наталія Іванівна – кандидат історичних наук, доцент кафедри історії і права Полтавського національного технічного університету ім. Юрія Кондратюка
- Сорочан Сергій Борисович – доктор історичних наук, професор кафедри історії стародавнього світу та середніх віків історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

Сохань Павло Степанович – доктор історичних наук, професор, член-кореспондент НАН України, директор Інституту української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського

Станчев Михайло Георгійович – доктор історичних наук, професор, Голова наукової ради Центру болгаристики та балканських досліджень ім. М. Дрінова Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

Стоянова Ельза Петрівна – доктор філологічних наук, доцент кафедри слов'янської філології Інституту славістики та міжнародних відносин Київського славістичного університету

Турков Володимир Вікторович – кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри історії України Сумського державного педагогічного університету ім. А. С. Макаренка

Харалампієв Іван – доктор філологічних наук, професор, ректор Великотирновського університету ім. Святих Кирила і Мефодія (Болгарія)

Червенков Ніколай – доктор історичних наук, професор, ректор Тараклійського державного університету (Молдова)

Чижов Олександр Петрович – кандидат історичних наук, доцент, завідувач кафедри нової та новітньої історії історичного факультету Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна

Шапошніков Олександр Костянтинович – кандидат філологічних наук, науковий співробітник Відділу етимології та ономастики Інституту російської мови ім. В. В. Виноградова Російської академії наук (Росія)

Яровий Володимир Іванович – доктор історичних наук, професор, завідувач кафедри історії слов'ян Київського національного університету ім. Тараса Шевченка

СПИСОК СКОРОЧЕНЬ

- ВВ – Византийский временник
ВХДУ – Вісник Харківського Державного університету
ВХУ – Вестник Харьковского университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
ОР ЦНБ ХНУ – Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина
ПАДИУ – Проблемы по археологии и древней истории угров
ПСБКД – Периодическо списание на Българското книжовно дружество
РПТСХУ – Речи, произнесённые в торжественном собрании Харьковского университета
СА – Советская археология
ТА – Татарская археология
УИ – Университетские известия
DOP – Dumbarton Oaks Papers

<i>Акад. И. Юхновски.</i> Приветственно слово на IV Дриновских четениях 28. 02. 2006 г.	5
<i>Харалампиев И.</i> (Велико Търново). Вступительное слово на IV Дриновских четениях 28 февраля 2006 г.	7

СТАТТИ

<i>Станчев М. Г.</i> (Харьков – София). Некоторые вопросы развития истории болгаристики как науки.	9
<i>Гарабедян А.</i> (София). Институт по балканистика при БАН и балканистиката като наука.	18
<i>Посохов С. И., Куделко С. М.</i> (Харьков). Харьков в 70-е гг. XIX – начале XX вв. (Социокультурный контекст творчества Марина Дринова).	22
<i>Горбань І. П.</i> (Львів). Народнопоетична творчість болгар у науковій діяльності харківських учених XIX – початку XX століття.	26
<i>Самойленко Н. И.</i> (Полтава). Творческое наследие С. И. Сидельникова и современная историческая наука.	34
<i>Карнаушенко Г. Н.</i> (Харьков). Лексика старославянского языка в работах В. П. Бесединой-Невзоровой.	39
<i>Віднянський С. В., Павленко В. В.</i> (Київ). Павло Сохань і розвиток української історичної болгаристики (до 80-річчя з дня народження вченого).	47
<i>Ганчев А. И., Пригарин А. А.</i> (Одесса). Одесское научное общество болгаристов: 1995–2005 гг.	54
<i>Лиман С. И., Сорочан С. Б.</i> (Харьков). Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1917 гг.).	63
<i>Михалицын П. Е.</i> (Харьков). Культурно-исторические предпосылки возникновения трагедии Χριστός πάσχων («Страждущий Христос»): Драматургическая инновация Григория Назианзина.	82
<i>Могаричев Ю. М.</i> (Симферополь), <i>Шапошников А. К.</i> (Москва). Житие Иоанна Готского (К вопросу о времени создания и этапах формирования источника).	89
<i>Пенской В. В.</i> (Белгород). О характере болгаро-византийских войн.	114
<i>Луговой О. М.</i> (Одесса). Деякі аспекти існування дружин русів та варангів у Візантії X–XII ст.	124
<i>Аксёнов В. С.</i> (Харьков). Об одном из вариантов погребального обряда праболгарского населения салтовской культуры верхнего подонцовья (по материалам биритуального могильника Красная Горка).	131
<i>Измайлова Н. А.</i> (Флоренция). Где, как и чему учился преподобный Феодосий Печерский? К вопросу об образовании и круге чтения в Киевской Руси в XI веке.	145
<i>Потрашков А. С.</i> (Харьков). К вопросу о формировании национальных болгарских частей в составе молдавской армии в 1806–1812 гг.	155
<i>Турков В. В.</i> (Сумы). Материалы по истории переселения и обустройства бесарабских болгар в Приазовье в 60-х гг. XIX ст. в фондах Российского государственного исторического архива.	163
<i>Гоков О. А.</i> (Харьков). Российская военная разведка в Болгарии в 1856–1878 гг.	170
<i>Гришина Р. П.</i> (Москва). Политика России на Балканах во второй половине XIX – начале XX века в свете проблем буржуазной модернизации.	180
<i>Палангурски М.</i> (Велико Търново). Избирателното законодателство в Княжество България (1879–1886 гг.).	186
<i>Миколенко Д. В.</i> (Харків). Диференціація ліберальних і консервативних партій Болгарії на межі XIX–XX століть: спроба кластерного аналізу.	199
<i>Лобанова (Тортика) М. В.</i> (Харьков). Феномен «примиренчества» как часть центристской модели в социал-демократическом движении Болгарии.	209

<i>Чижов А. П.</i> (Харьков). Деятельность Российской Федерации в Болгарии (конец XIX – начало XX в.).....	216
<i>Бурбыга В. А.</i> (Харьков). Македонский вопрос в зеркале российской печати 1904–1908 годов.....	223
<i>Запryanова А.</i> (София). Българската историческа наука – състояние и перспективи според анкетно проучване «Историци за историята».....	238
<i>Дроснева Е.</i> (София). Радиоолимпиада по история на България.....	243

ПОВІДОМЛЕННЯ

<i>Дерменджиев А.</i> (Велико Търново). Геополитически аспекти във възгледите на Марин Дринов.....	259
<i>Пугач Е. П.</i> (Харьков). Професор С. И. Сидельников – выдающийся педагог и организатор науки.....	263
<i>Сохань П. С.</i> (Київ). Слово про степана Ивановича Сидельнікова – видатного вченого-болгариста, мужню і прекрасну людину.....	267
<i>Червенков Н.</i> (Кишинев). С. И. Сидельников – исследователь Болгарского Возрождения.....	272
<i>Яровий В.</i> (Київ). В. А. Жебокрицький – професор Київського університету імені Тараса Шевченка.....	276
<i>Петрова Е. В.</i> (Одесса). Именные дни в семейной обрядности болгар Бессарабии: ритуальная структура и эволюция.....	280
<i>Болгов Н. Н.</i> (Белгород). Таврика и Нижнедунайские земли в ранневизантийское время: опыт сопоставления.....	285
<i>Крыжанов А. В.</i> (Харьков). К проблеме выявления праболгарских могильников VII–X вв. степной полосы Волго-Дунайского междуречья.....	290

ДЖЕРЕЛА

<i>Биярска-Стефанова Д.</i> (София). Из документалното наследство на проф. Марин Дринов.....	294
Професор Степан Иванович Сидельников в моите спомени (Интервю на доц. д-р Елка Дроснева с проф. д-р Мария Велева, Софийски университет „Св. Климент Охридски“, София, България).....	308

РЕЦЕНЗІЇ ТА ОГЛЯДИ

<i>Горина Л. В.</i> (Москва). Весомый вклад визичение российской научно-педагогической амиграции в Болгаерии. Рецензия на кн.: Велева М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. С.: Гутенберг, 2004. – 162 с.....	318
<i>Потрашков С. В.</i> (Харьков). Судьбоносное время Болгарии [рецензия на кн.: Калинова Е. Победители и България (1939–1945). – С.: Унив. изд. „Св. Климент Охридски“, 2004. – 448 с.].....	322

НАУКОВЕ ЖИТТЯ

<i>Дроснева Е.</i> (София). Професор д-р Мария Николова Велева на 80 години.....	328
<i>Карнаушенко Г. Н., Педченко Л. В.</i> (Харьков). Старославянский язык в Харьковском университете: традиции и перспективы изучения, преподавания, по-пуляризации.....	330
Список авторів	333
Список скорочень	336

<i>Акад. И. Юхновски</i> . Приветствено слово на IV Дриновских четениях 28. 02. 2006 г.	5
<i>Харалампиев И.</i> (Велико Търново). Вступительное слово на IV Дриновских четениях 28 февраля 2006 г.....	7

СТАТИИ

<i>Станчев М. Г.</i> (Харьков – София). Некоторые вопросы развития истории болгаристики как науки.....	9
<i>Гарабедян А.</i> (София). Институт по балканистика при БАН и балканистиката като наука.....	18
<i>Посохов С. И., Куделко С. М.</i> (Харьков). Харьков в 70-е гг. XIX – начале XX вв. (Социокультурный контекст творчества Марина Дринова).....	22
<i>Горбань I. П.</i> (Львiв). Народнопоетична творчiсть болгар у науковiй дяльностi харкiвських учених XIX – початку XX столiття.....	26
<i>Самойленко Н. И.</i> (Полтава). Творческое наследие С. И. Сидельникова и современная историческая наука.....	34
<i>Карнаушенко Г. Н.</i> (Харьков). Лексика старославянского языка в работах В. П. Бесединой-Невзоровой.....	39
<i>Вiднiянський С. В., Павленко В. В.</i> (Киiв). Павло Сохань i розвиток української iсторичної болгаристики (до 80-рiччя з дня народження вченого).....	47
<i>Ганчев А. И., Пригарин А. А.</i> (Одесса). Одесское научное общество болгаристов: 1995–2005 гг.....	54
<i>Лиман С. И., Сорочан С. Б.</i> (Харьков). Византийская империя в трудах историков Харьковского университета (1804–1917 гг.).....	63
<i>Михалицын П. Е.</i> (Харьков). Культурно-исторические предпосылки возникновения трагедии <i>Χριστός πάσχων</i> («Страждущий Христос»): Драматургическая инновация Григория Назианзина.....	82
<i>Мозаричев Ю. М.</i> (Симферополь), <i>Шапошников А. К.</i> (Москва). Житие Иоанна Готского (К вопросу о времени создания и этапах формирования источника).....	89
<i>Пенской В. В.</i> (Белгород). О характере болгаро-византийских войн.....	114
<i>Луговой О. М.</i> (Одесса). Деякі аспекти iснування дружин русiв та варангiв у Вiзантiї X–XII ст.....	124
<i>Аксёнов В. С.</i> (Харьков). Об одном из вариантов погребального обряда праболгарского населения салтовской культуры верхнего подонцовья (по материалам биритуального могильника Красная Горка).....	131
<i>Измайлова Н. А.</i> (Флоренция). Где, как и чему учился преподобный Феодосий Печерский? К вопросу об образовании и круге чтения в Киевской Руси в XI веке.....	145
<i>Потрашков А. С.</i> (Харьков). К вопросу о формировании национальных болгарских частей в составе молдавской армии в 1806–1812 гг.....	155
<i>Турков В. В.</i> (Сумы). Материалы по истории переселения и обустройства бесарабских болгар в Приазовье в 60-х гг. XIX ст. в фондах Российского государственного исторического архива.....	163
<i>Гоков О. А.</i> (Харьков). Российская военная разведка в Болгарии в 1856–1878 гг.	170
<i>Гришина Р. П.</i> (Москва). Политика России на Балканах во второй половине XIX – начале XX века в свете проблем буржуазной модернизации.....	180
<i>Палангурски М.</i> (Велико Търново). Избирателното законодателство в Княжество България (1879–1886 гг.).....	186
<i>Миколенко Д. В.</i> (Харкiв). Диференцiацiя лiберальних i консервативних партiй Болгарiї на межi XIX–XX столiть: спроба кластерного аналізу.....	199
<i>Лобанова (Тортика) М. В.</i> (Харьков). Феномен «примиренчества» как часть центристской модели в социал-демократическом движении Болгарии.....	209

<i>Ижов А. П.</i> (Харьков). Деятельность Российского департамента полиции в Болгарии (конец XIX – начало XX в.).....	216
<i>Бурбыга В. А.</i> (Харьков). Македонский вопрос в зеркале российской печати 1904–1908 годов.....	223
<i>Запрянюва А.</i> (София). Българската историческа наука – състояние и перспективи според анкетно проучване «Историци за историята».....	238
<i>Дроснева Е.</i> (София). Радиоолимпиада по история на България.....	243

СЪОБЩЕНИЯ

<i>Дерменджиев А.</i> (Велико Търново). Геополитически аспекти във възгледите на Марин Дринов.....	259
<i>Пугач Е. П.</i> (Харьков). Професор С. И. Сидельников – выдающийся педагог и организатор науки.....	263
<i>Сохань П. С.</i> (Київ). Слово про степана Ивановича Сидельнікова – видатного вченого-болгариста, мужню і прекрасну людину.....	267
<i>Червенков Н.</i> (Кишинев). С. И. Сидельников – исследователь Болгарского Возрождения.....	272
<i>Яровий В.</i> (Київ). В. А. Жебокрицький – професор Київського університету імені Тараса Шевченка.....	276
<i>Петрова Е. В.</i> (Одесса). Именные дни в семейной обрядности болгар Бессарабии: ритуальная структура и эволюция.....	280
<i>Болгов Н. Н.</i> (Белгород). Таврика и Нижнедунайские земли в ранневизантийское время: опыт сопоставления.....	285
<i>Крыжанов А. В.</i> (Харьков). К проблеме выявления праболгарских могильников VII–X вв. степной полосы Волго-Дунайского междуречья.....	290

ИЗТОЧНИЦИ

<i>Биярска-Стефанова Д.</i> (София). Из документалното наследство на проф. Марин Дринов.....	294
Професор Степан Иванович Сидельников в моите спомени (Интервю на доц. д-р Елка Дроснева с проф. д-р Мария Велева, Софийски университет „Св. Климент Охридски“, София, България).....	308

РЕЦЕНЗИИ

<i>Горина Л. В.</i> (Москва). Весомый вклад визитичение российской научно-педагогической амиграции в Болгаерии. Рецензия на кн.: Велева М. Българската съдба на проф. П. М. Бицилли. С.: Гутенберг, 2004. – 162 с.....	318
<i>Потрашков С. В.</i> (Харьков). Судьбоносное время Болгарии [рецензия на кн.: Калинова Е. Победителите и България (1939–1945). – С.: Унив. изд. „Св. Климент Охридски“, 2004. – 448 с.].....	322

НАУЧЕН ЖИВОТ

<i>Дроснева Е.</i> (София). Професор д-р Мария Николова Велева на 80 години.....	328
<i>Карнаушенко Г. Н., Педченко Л. В.</i> (Харьков). Старославянский язык в Харьковском университете: традиции и перспективы изучения, преподавания, по-пуляризации.....	330
Список авторів	333
Список скорочень	336

ДРИНОВСЬКИЙ ЗБІРНИК
ТОМ II

Українська
Перше видання

Редактори *Ліляна Лучева, Анелія Йосифова*
Художник *Константин Жеков*
Технічний редактор *Єлисавета Ілчева*
Коректори *Анелія Йосифова, Борислав Кременські*
Підготовка до друку *Мира Гидикова*

Формат 70×100/16
Друковані аркуші 21,38

www.baspress.com

ISBN 978-954-322-224-7